МИНИСТЕРСТВО ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития

Материалы XXVII Международной научной конференции (Минск, 22–23 октября 2026 г.)

В трех томах

Том 2

Секция 1. Институциональное регулирование и внешнеэкономическая политика

Секция 2. Человеческий потенциал и сфера услуг

Секция 3. Повышение конкурентоспособности реального сектора экономики

Минск
НИЭИ МИНИСТЕРСТВА ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
2026

УДК 338.2:[338.1+316.42](043.2)
П78

Редакционная коллегия:
Берченко Н.Г., кандидат экономических наук, доцент
Боровик Л.С., кандидат экономических наук, доцент
Курлыпо А.М., кандидат экономических наук
Василега В.Г., кандидат экономических наук, доцент
Жук И.Н., кандидат экономических наук, доцент
Томкович М.П., кандидат экономических наук, доцент
Голубова О.С., кандидат экономических наук, доцент
Драгун Н.П., кандидат экономических наук, доцент
Преснякова Е.В., кандидат экономических наук, доцент
Пинигин В.В., кандидат экономических наук, доцент
Малюгин В.И., доктор экономических наук, кандидат физико-математических наук, профессор
Радченко Н.В., кандидат сельскохозяйственных наук, доцент

П78 **Проблемы** прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: материалы XXVII Междунар. науч. конф. (Минск, 22–23 окт. 2026 г.). В 3 т. Т. 2 / редкол.: Н.Г. Берченко [и др.]. – Минск: НИЭИ Мин-ва экономики Респ. Беларусь, 2026. – 390 с.

ISBN 978-985-90615-8-5 (т. 2)

Представленные в настоящем томе тезисы охватывают ключевые направления совершенствования социально-экономической политики, включая внешнеэкономическое сотрудничество, бюджетную, финансовую и антиинфляционную политику, цифровизацию и устойчивое развитие. Акцент сделан на интеграции Беларуси с партнерами по ЕАЭС, ШОС и другими странами. Особое внимание уделено инструментам регулирования и поддержки предпринимательства, качеству государственного управления и цифровой трансформации. Исследуется влияние отраслевых трендов на экономический суверенитет и структурную политику, включая инвестиции, рынок труда и финансовую стабильность.

Рассматриваются проблемы старения населения и направления адаптации экономики к изменяющейся возрастной структуре, анализируются требования к качеству трудового потенциала, предлагаются механизмы регулирования трудовой миграции. Освещаются тенденции развития туристической индустрии, трансформации страховых услуг, проблемы продвижения креативных индустрий и социального предпринимательства.

Представлены материалы, отражающие основные меры по повышению конкурентоспособности реального сектора экономики, стимулированию интеграционной активности в различных сферах, включая кооперацию между предприятиями Беларуси и России в обрабатывающей промышленности, а также перспективные направления международного научно-технологического сотрудничества, роботизации и внедрения технологий искусственного интеллекта в индустриальное развитие.

УДК 338.2:[338.1+316.42](043.2)

ISBN 978-985-90615-8-5 (т. 2)
ISBN 978-985-90615-6-1

© НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, 2026

СЕКЦИЯ 1

Институциональное регулирование и внешнеэкономическая политика

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЭФФЕКТОВ ДЛЯ БЕЛАРУСИ ОТ УЧАСТИЯ В ЕАЭС В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Абрамчук Н.А.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Геополитические условия на современном этапе характеризуются кардинальными изменениями в мировой экономике на фоне противостояния центров мирового развития, санкционным давлением по отношению к странам, которые противоречат интересам Запада и США, ведением торговых войн, нарушением схем поставок и проявлением протекционизма. В целях обеспечения национальной экономической безопасности Беларусь вынуждена адаптироваться к новым реалиям, создавать новые партнерства, новые производственные, кооперационные и транспортно-логистические цепочки, что приводит к определенным сложностям, дополнительным затратам и потерям при осуществлении внешнеторговой деятельности.

Однако современная геополитическая и внешнеэкономическая ситуация создает не только серьезные торговые барьеры и препятствия, но и предоставляет определенные практические возможности для дальнейшего развития торговли стран. В свою очередь, существенно возрастает значимость методического обеспечения в целях получения оценки дополнительных выгод развития торговли Беларуси в рамках ЕАЭС.

В данном исследовании предлагается методология, включающая в себя оценку восьми интеграционных эффектов. В рамках предложенных методических подходов сформирована система из 17-ти индикаторов, каждый из которых включает соответствующие экономические показатели.

Оценка эффекта масштаба базируется на сравнении уровней значимости взаимной торговли в досанкционный период и в период действия санкционных ограничений. В качестве индикаторов определены: изменение значимости взаимной торговли товарами Беларуси с остальными государствами-членами ЕАЭС; вклад экспорта в отдельную страну ЕАЭС в общий прирост экспорта Беларуси в ЕАЭС; опережение темпа роста экспорта Беларуси в ЕАЭС над темпом роста экспорта Беларуси в целом; опережение темпа роста экспорта Беларуси в отдельную страну ЕАЭС над темпом роста экспорта Беларуси в ЕАЭС.

Оценка эффекта перераспределения торговых потоков в условиях санкционных ограничений и барьеров отражает уровень переориентации внешнеторговых потоков Беларуси со стран-санкционеров и к ним присоединившимся на евразийский рынок. Индикаторы: доля перераспределения товарных потоков белорусского экспорта с рынков стран-санкционеров и к ним присоединившимся на рынок государств-членов ЕАЭС; превышение прироста импорта государств-членов ЕАЭС из Беларуси над стоимостным объемом досанкционного белорусского экспорта в страны-санкционеры и к ним присоединившиеся.

Оценка эффекта кооперационного экспортного потенциала основана на определении наличия возможностей промежуточного (кооперационного) экспортного роста страны на рынок ЕАЭС. Индикаторы: уровень кооперационного экспортного потенциала Беларуси в рамках ЕАЭС; изменение кооперационного экспортного потенциала Беларуси на внутреннем рынке ЕАЭС.

Оценка эффекта импортозамещения учитывает преимущество участия Беларуси в ЕАЭС с позиции наличия возможностей для импортозамещения. Индикаторы: уровень импортозамещения Беларуси за счет внутреннего рынка ЕАЭС; размер государственного финансового кредита, предоставляемого Беларуси со стороны государств-членов ЕАЭС на импортозамещающие проекты.

Оценка отраслевого эффекта указывает на отраслевые выгоды. Индикатором выступает изменение уровня внутриотраслевой торговли Беларуси со странами ЕАЭС.

Оценка эффекта регионального углубления определяет степень укрепления региональных белорусско-российских торговых связей. Индикаторы: изменение уровня интенсивности торговли товарами Беларуси с регионами России; вклад российского региона в общий прирост белорусского экспорта на российский рынок.

Оценка эффекта тарифных льгот и преференций учитывает режим свободной торговли и преференциальный тарифный режим, которые заложены в Соглашениях о зоне свободной торговли ЕАЭС с развивающимися странами. Индикаторы: снижение средней ставки ввозной таможенной пошлины для Беларуси после подписания Соглашений о зоне свободной торговли ЕАЭС+; экономия на таможенных пошлинах для белорусских экспортеров в рамках Соглашений о зоне свободной торговли ЕАЭС+; экономия на таможенных пошлинах для белорусских импортеров в рамках Соглашений о зоне свободной торговли ЕАЭС+.

Оценка дополнительного финансового эффекта основана на расширении использования национальной валюты государств-членов ЕАЭС для осуществления расчетов во взаимной торговле. Индикатор: увеличение доли расчетов в белорусских рублях во взаимной торговле государств-членов ЕАЭС.

Применение методических подходов к оценке интеграционных внешнеторговых положительных эффектов для Беларуси от участия в ЕАЭС позволит определить для страны дополнительные выгоды, полученные в результате взаимной торговли с остальными государствами-членами Евразийского экономического союза в период глобальной трансформации внешнеэкономических связей и изменений мировой торговой архитектуры.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УГЛУБЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

Аксючиц А.В.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Кыргызская Республика располагает значительными запасами полезных ископаемых, характеризуется быстрым ростом в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности. Богатые природные ресурсы страны открывают возможности для расширения гидроэнергетики, развития сельского хозяйства и роста туристической индустрии. Все это при эффективном использовании способно стать основой для устойчивого и инклюзивного экономического роста. Вместе с тем реализация этого потенциала сдерживается рядом структурных ограничений, включая низкий уровень интеграции производственной базы, зависимость от экспорта сырья и нехватку перерабатывающих мощностей в стратегических секторах.

Согласно государственным программам развития Кыргызской Республики, агропромышленный комплекс отнесен к числу приоритетных секторов экономики, в котором задействовано около 40% трудоспособного населения страны [1]. Однако отрасль характеризуется низкой капитализацией и фрагментарностью (преобладание мелких семейных хозяйств).

Возможности для сотрудничества в агросекторе существуют по следующим направлениям: внедрение новых технологий переработки, поддержка мелких производителей экологически чистой продукции, инвестиции в нишевые рынки с высоким качеством сырья, развитие производства садоводческой продукции, сухофруктов, улучшенных семян и удобрений, а также поставки малогабаритной сельхозтехники, оборудования для пищевой промышленности и скотобойни, систем хранения и упаковки.

Текстильная отрасль Кыргызстана демонстрирует значительный рост: за последние 8 лет объем производства увеличился в 6 раз [2]. Ключевыми факторами выступили относительно низкая стоимость рабочей силы, преференциальные таможенные соглашения с Россией и Китаем, а также географическая близость к крупным потребительским рынкам.

Перспективные направления сотрудничества включают: расширение швейного производства трикотажной одежды на базе действующего предприятия, занимающегося выпуском специальной одежды, техническое переоснащение (автоматизация раскроя, внедрение вышивального, шелкографического и сублимационного оборудования) и создание складской инфраструктуры для сырья.

Правительство определило развитие энергетического сектора в качестве национального приоритета, рассматривая его экспортный потенциал в качестве ключевого фактора развития. Республика располагает значительными гидроэнергетическими ресурсами (оценочный потенциал – 140–170 ТВт·ч), однако используется только около 30% [3]. Гидроэнергетика является доминирующим источником электроэнергии в стране.

В рамках ближайших планов по наращиванию мощностей предусмотрено строительство новых энергоблоков, что создает спрос на гидромеханическое и электротехническое оборудование, а также на инжиниринговые и строительные услуги. Солнечная, геотермальная энергетика и биоэнергетика находятся на начальном этапе развития, но уже формируют нишу для новых технологий и экспертных решений.

В сфере *электромобилей* Кыргызстана открываются ниши как для поставок транспорта, так и для создания зарядной инфраструктуры. Пока электромобили сконцентрированы преимущественно в Бишкеке, где число зарядных станций крайне ограничено. Правительство рассматривает введение налоговых льгот на импорт электромобилей и заинтересовано во включении электротранспорта в городской автопарк – в Бишкеке уже запущены электробусы китайского производства.

В *горнодобывающей промышленности* иностранные фирмы привлекаются к проведению технико-экономических обоснований и геологоразведке. Востребовано экскаваторное, погрузочное и транспортное оборудование. Помимо золота, при дополнительных инвестициях перспективна разработка месторождений полезных ископаемых, таких как серебро, олово, медь, вольфрам, цинк, алюминий, железо, свинец, марганец, молибден, хром, кобальт и никель.

Индустрия туризма Кыргызской Республики представляет собой приоритетный интерес и большую перспективу. Возможности для сотрудничества в данном секторе существуют по следующим направлениям: инвестиции в ключевые государственные туристические и транспортные объекты (санаторно-курортные комплексы и оздоровительные центры, региональные аэропорты); развитие премиальных туристических объектов; разработка специализированных туристических продуктов; развитие услуг, ориентированных на конкретные темы (традиции, культура, здоровье и т.д.).

В Кыргызстане существует высокий спрос на услуги в сфере *информационно-коммуникационных технологий* в государственном и в частном секторах. Рыночные перспективы рассматриваются в контексте обеспечения государственных учреждений программными продуктами и облачными хранилищами, продажи ИТ-оборудования, строительства широкополосной и беспроводной интернет-инфраструктуры, решений в области кибербезопасности и других услуг, связанных с цифровизацией.

Таким образом, при значительном ресурсном потенциале Кыргызстана его экономика сталкивается с дисбалансом между сырьевой базой и уровнем переработки. Возможными направлениями для сотрудничества выступают технологическая модернизация агропереработки, гидроэнергетики, текстильного производства и цифровой инфраструктуры, что позволит повысить добавленную стоимость и укрепить экспортные позиции страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. IFC investment to boost poultry production, create jobs in the Kyrgyz Republic // IFC (International Finance Corporation). – URL: https://www.ifc.org/en/pressroom/2025/ifc-investment-to-boost-poultry-production-create-jobs-in-the-kyrgyz-republic (date of access: 17.06.2026).

2. Инвестиционная карта Кыргызской Республики // Официальный инвестиционный портал Кыргызской Республики. – URL: https://invest.gov.kg/en/map (дата обращения: 15.05.2026).

3. Hydropower // Инвестиционный портал Республики Кыргызстан. – URL: https://invest.na.kg/kyrgyz-respublikasy-zh%d3%a9n%d2%afnd%d3%a9/negizgi-tarmaktar/gidroenergetika (дата обращения: 09.07.2026).

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЯДЕРНОЙ И РАДИАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПРОСТРАНСТВЕ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Ашарчук Я.В.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Обеспечение экологической безопасности связано с обеспечением радиационной и ядерной безопасности. На пространстве Содружества Независимых Государств принята Рамочная программа сотрудничества государств – участников СНГ в области использования атомной энергии в мирных целях на период до 2030 года [1] и План мероприятий по реализации второго этапа (2026–2030 годы) указанной Рамочной программы. Рамочная программа заостряет внимание на установлении определенных нормативов допустимых выбросов и сбросов радиоактивных веществ в окружающую среду. Также акцент сделан на развитии сферы обращения с радиоактивными отходами, рекультивации объектов ядерного наследия, экологических аспектах электроэнергетики [1], последнее нацелено и на достижение ЦУР 7 «Чистая и недорогостоящая энергия».

Проблема существования объектов ядерного наследия характерна для Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана, при этом на ее решение направляются все силы, в том числе посредством проведения различных программ, например, Межгосударственной целевой программы «Рекультивация территорий государств-членов ЕврАзЭС, подвергшихся воздействию уранодобывающих производств», которая решением Совета глав правительств СНГ дальше реализовывается на пространстве СНГ [2]. Примечательно, что подписали это решение только упомянутые страны. Делаем вывод, что факторы, влияющие на уровень радиационной безопасности, на пространстве СНГ разнятся, однако это не должно препятствовать государствам в осуществлении действий по обеспечению коллективной экологической безопасности. Кроме того, 8 июня 2023 г. было подписано Соглашение о взаимодействии государств – участников СНГ при обмене данными мониторинга радиационной обстановки, которое призвано в том числе обеспечить совместную работу государств при возникновении угроз. В Республике Беларусь проведение радиационного мониторинга и использование его данных регулируются постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 мая 2004 г. № 576 [3].

Помимо упомянутых договоров, на уровне СНГ принято Соглашение об основных принципах сотрудничества в области мирного использования атомной энергии [4]. Такие государства, как Узбекистан и Армения, делают упор на использовании атомной энергии в мирных целях. Республика Беларусь придерживается аналогичного подхода, что отражено в ч. 3 ст. 46 Конституции Республики Беларусь, введенной Решением республиканского референдума 27 февраля 2022 г., согласно которой Республика Беларусь развивает атомную энергетику в мирных целях, обеспечивает безопасность при производстве и использовании атомной энергии [5]. Согласно Закону Республики Беларусь от 10 октября 2022 г. № 208-З «О регулировании безопасности при использовании атомной энергии», постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 15 августа 2023 г. № 535 «Об основных направлениях проведения единой государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности» для Беларуси ядерная и радиационная безопасность является высшим приоритетом при осуществлении деятельности в области использования атомной энергии. При этом модельное законодательство государств – участников СНГ в области обеспечения ядерной безопасности требует совершенствования. Указанное Соглашение [4] определяет лишь общие положения в сфере обеспечения ядерной безопасности, а национальное законодательство в ряде случаев имеет особенности, которые затрудняют гармонизацию законодательства государств – участников СНГ с целью объединения усилий по охране окружающей среды. В связи с этим представляется целесообразным принятие модельного закона «О регулировании безопасности при использовании атомной энергии».

Таким образом, обеспечение ядерной и радиационной безопасности является приоритетным направлением защиты жизни и здоровья человека, охраны окружающей среды и предполагает коллективные усилия всех государств, производящих и использующих атомную энергию. Развитие модельного законодательства и углубление сотрудничества в рамках СНГ в указанной области являются важными составляющими национальной и коллективной безопасности, связанными с состоянием защищенности населения и окружающей среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Решение о Рамочной программе сотрудничества государств – участников СНГ в области использования атомной энергии в мирных целях на период до 2030 года и Плане мероприятий по реализации ее первого этапа (2021–2025 годы) : решение Совета глав правительств Содружества Независимых Государств от 6 нояб. 2020 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.08.2026).

2. Решение о реализации программы рекультивации территорий государств, подвергшихся воздействию уранодобывающих производств : решение Совета глав правительств Содружества Независимых Государств от 21 нояб. 2014 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 02.08.2026).

3. О проведении радиационного мониторинга и использовании его данных : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 17 мая 2004 г. № 576 : в ред. от 27 февр. 2024 г. № 130 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 22.08.2026).

4. Соглашение об основных принципах сотрудничества в области мирного использования атомной энергии : заключено в г. Минске 26 июня 1992 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 01.08.2026).

5. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Мн. : Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь, 2025. – 77 с.

ВЛИЯНИЕ СТРУКТУРНЫХ ДИСБАЛАНСОВ НА РЫНКЕ ТРУДА НА ДИНАМИКУ ВАЛОВОГО НАКОПЛЕНИЯ ОСНОВНОГО КАПИТАЛА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Байдалов П.А.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

В последние десятилетия в Беларуси наблюдается тенденция снижения численности населения, что в свою очередь ведет к сокращению количества трудовых ресурсов.

Вместе с тем растущая величина спроса на рабочую силу L_D (рис. 1) при сокращении величины предложения L_S ведет к непропорциональным по отношению к реальной производительности APL_{real} ростам зарплат wreal (рис. 2): при системной нехватке рабочей силы предприятия вынуждены повышать оплату труда, чтобы предупредить утечку кадров.

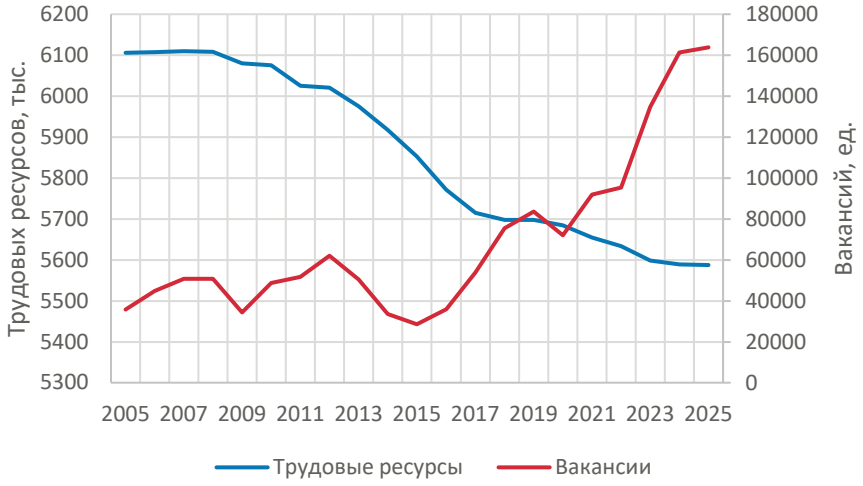

Рис. 1. Число вакансий, заявленных в органы по труду, занятости и социальной защите, на конец года и численность трудовых ресурсов по Беларуси

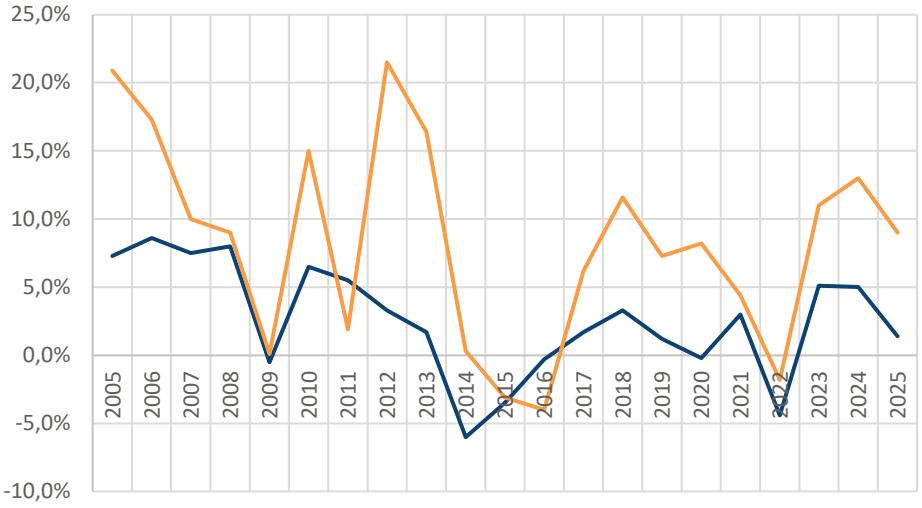

Рис. 2. Цепные темпы прироста реальных зарплат (рыжим) и реального среднего продукта труда (синим) в Беларуси, %

Примечание. Оранжевый цвет – темпы прироста реальных зарплат; синий – темпы прироста реального среднего продукта.

Источник: расчеты автора на основе данных [1–3].

Рост реальных удельных издержек на труд $ULC_{real} = w_{real} / APL_{real}$ может вызвать замедление темпов роста реального ВВП или даже его снижение через инфляцию издержек: предприятия вынуждены либо закладывать все бóльшую зарплату в отпускные цены, что ведет к потере конкурентоспособности продукции по цене–качеству, либо при сохранении уровня цен – снижению прибыли и, как следствие, падению объемов собственных средств организаций, направляемых на инвестирование.

Согласно расчетам, с 2012 г. наклон касательной к графику значений белорусского подушевого потенциального ВВП, полученных HP-фильтром (λ по правилу Равна–Улига, $n = 3{,}75$), становится более пологим, что указывает на замедление темпов его роста.

Вместе с тем с 2010 г. в Беларуси фиксируется обостряющееся снижение уровней безработицы ниже естественного уровня (принятого равным 5,84% и полученного из уравнения для кривой Филлипса с применением фильтра Калмана, полагая NAIRU на временно́м промежутке константой). Динамика валового накопления основного капитала (ВНОК) по Беларуси последние годы нестабильна (рис. 3).

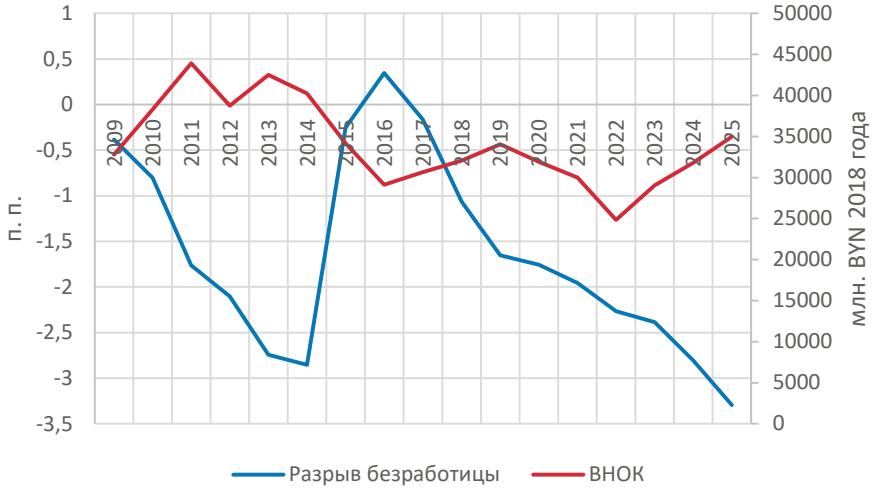

Рис. 3. Разрыв между фактическим (методологией МОТ) и естественным уровнем безработицы[1] и ВНОК (постоянные цены 2018 г., млн BYN)

[1] Скачок к 2015 г. связан с вынужденными сокращениями избыточной занятости на фоне кризиса 2014 г.

Формально то, что большие разрывы уровней безработицы ugap вызывают меньшее ВНОК, подкрепляется тестом Грейнджера на данных 2005–2025 гг. Так как тест исходит из стационарности рядов, проводилось предварительное тестирование ugap и ВНОК (в пост. ценах) – тестом DF-GLS (ERS) в силу малого размера выборки. Ряд ln(ВНОК) не оказался стационарным даже в первых разностях, поэтому вместо него был взят натуральный логарифм чистого основного капитала (ЧОК), являющийся стационарным. Разрыв уровней безработицы с вероятностью более 99% является причиной ЧОК по Грейнджеру, и безработица ниже естественной ведет к снижению роста последнего.

Таким образом, структурные дисбалансы рынка труда Беларуси – долгосрочные макроэкономические диспропорции между качественными и количественными параметрами спроса и предложения рабочей силы, принимающие хронические формы, – прослеживаются в:

1) демографическом сжатии и оттоке трудовых ресурсов – с 6,11 млн в 2005 г. до 5,59 млн в 2025 г.

2) падении отношения величины ВНОК к ВВП, в т.ч. по причине «ножниц» между ростом реальной зарплаты и реальной производительности труда – с 38,8% в 2010 г. до 25,1% в 2025 г.

Важно отметить, что по своей природе эти структурные дисбалансы не устранимы рыночными механизмами и требуют институциональной и экономической подстройки.

ЛИТЕРАТУРА

1. International Monetary Fund. World Economic Outlook Database, April 2025: report. – URL: https://www.imf.org/en/publications/weo/weo-database/2025/april/weo-report?c=913,964,922&s=NGDPRPPPPC,PPPEX,LP&sy=2004&ey=2025&ssm=0&scsm=1&ssd=1&scc=1&ssc=1&sic=0&sort=country&ds=.&br=0 (date of access: 17.08.2026).

2. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Численность занятого населения в среднем за период. – URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10102000017 (дата обращения: 17.08.2026).

3. National Statistical Committee of the Republic of Belarus. Nominal and real average monthly wages. – URL: https://belstat.gov.by/en/ofitsialnaya-statistika/ssrd-mvf_2/natsionalnaya-stranitsa-svodnyh-dannyh/wages-earnings/ (date of access: 17.08.2026).

СОПРЯЖЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ГОСПРОГРАММ БЕЛАРУСИ 2026–2030 ГОДОВ С ИНДИКАТОРАМИ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Белоусов А.В.,

кандидат экономических наук, доцент,
НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Государственные программы Республики Беларусь на 2026–2030 годы выступают завершающим пакетом инструментов социально-экономической политики страны, приближающим достижение Целей устойчивого развития (ЦУР) в рамках Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. В этом ключе представляется целесообразным проанализировать, насколько госпрограммы как инструменты планирования сопряжены с индикаторами и задачами ЦУР и как их сопряжение изменилось за 3 программных периода с 2016 г.

Основные эффекты от сопряжения показателей госпрограмм с индикаторами ЦУР состоят в следующем: 1) институционализация международных обязательств для демонстрации серьезности намерений через отражение ЦУР в действенных планах, связанных с государственным бюджетом; 2) получение дополнительной аналитической перспективы для оценки эффективности государственных расходов; 3) предоставление дополнительной информативной рамки для коммуникации с населением и презентации результатов госпрограмм; 4) повышение международной

дипломатической отдачи, например, при представлении добровольных национальных обзоров по достижению ЦУР; 5) формирование институционального повода для межведомственной координации в решении комплексных задач; 6) создание основы для долговременной оценки социально-экономической политики.

Анализ соответствия показателей госпрограмм индикаторам ЦУР проводился в разрезе 22 программ (без учета программы инновационного развития и программ ограниченного распространения) по следующим критериям: 1) схожесть формулировок наименований; 2) соответствие по метаданным (порядка расчета, единиц измерения и т.п.); совпадение значений за последние годы и их динамики; 3) схожесть общего содержательного смысла, соответствие показателей обоснованию из метаданных сопоставимых международных индикаторов ЦУР. По результатам анализа соответствие могло быть признано полным или частичным.

Результаты анализа рис. 1 свидетельствуют, что 7 госпрограмм не имеют соответствий среди индикаторов ЦУР; программа «Экология» вносит наибольший вклад в сопряжение всей системы показателей госпрограмм с ЦУР как в относительном выражении (почти 50% ее показателей сопряжены), так и в абсолютном (максимальное число соответствий среди всех программ, в том числе полных соответствий).

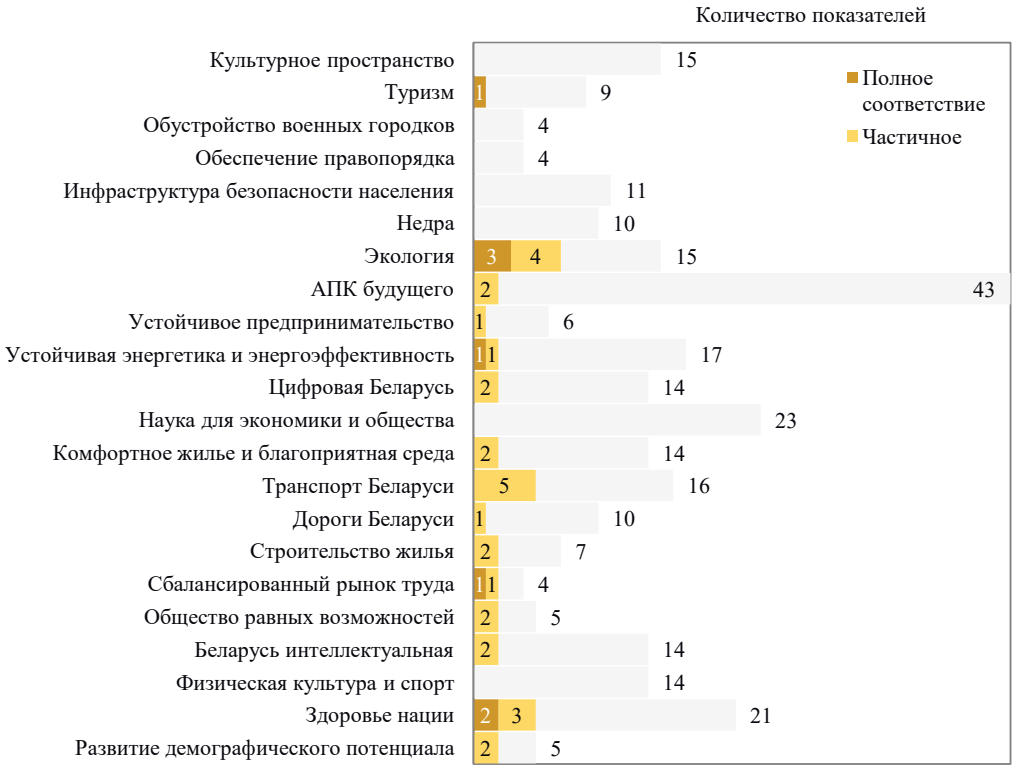

Рис. 1. Госпрограммы заметно различаются по степени соответствия показателей ЦУР

Сравнение с предыдущими программными периодами (рис. 2) показывает, что в 2026–2030 гг. число соответствующих ЦУР показателей снизилось по сравнению с 2021–2025 гг., но выше, чем было в 2016–2020 гг. В процентном выражении в период 2026–2030 гг. таких показателей стало больше, однако во многом это произошло за счет значительного сокращения общего количества показателей в госпрограммах.

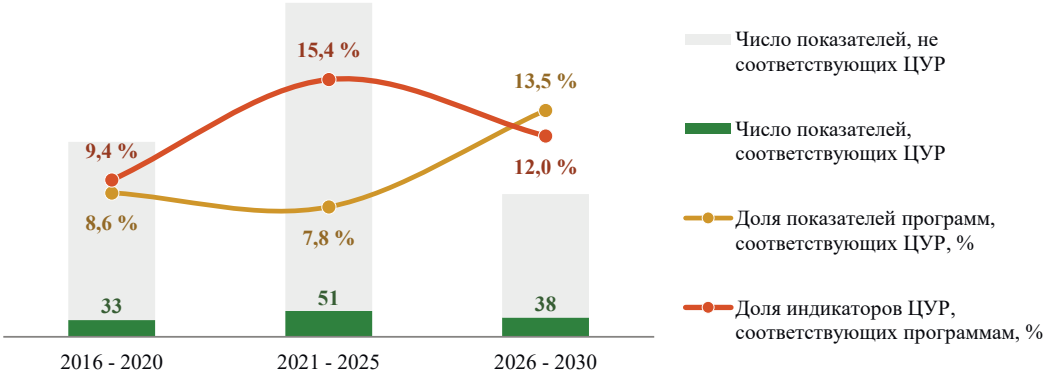

Рис. 2. Доля показателей, соответствующих ЦУР, растет при сокращении их абсолютного числа

В целом в госпрограммах 2026–2030 гг. заметно ослабление внимания к сопряжению с ЦУР, что проявляется в отсутствии приложений о сопоставимости показателей. Соответствующее требование было опущено в новой редакции «Инструкции о требованиях к структуре государственной программы и содержанию отчетов о результатах реализации государственной программы», тем не менее подобные приложения могут быть включены в новые программы (пример – «Дороги Беларуси»).

Само по себе включение в программы связанных с ЦУР показателей и подчеркивание данной сопряженности несет мало практической пользы. Необходимы дальнейший комплексный анализ связи реализации госпрограмм с достижением ЦУР, а также последующая межведомственная и международная коммуникация по решению обнаруженных проблемных точек.

РАЗВИТИЕ ЕДИНОГО РЫНКА УСЛУГ В ЕАЭС В УСЛОВИЯХ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО ДАВЛЕНИЯ

Бирюкова О.В.,

кандидат экономических наук, доцент,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация

После 2022 г. внешнеэкономическая среда, в которой формировался единый рынок услуг Евразийского экономического союза (ЕАЭС), качественно изменилась. Несмотря на точечные послабления в односторонних ограничительных мерах, введенных в обход Совета Безопасности ООН, страны Запада продолжают совершенствовать механизмы экстерриториального экономического давления на третьи страны за работу с российскими и белорусскими контрагентами. Цель работы – оценить, как внешнее давление отразилось на глубине интеграции рынка услуг ЕАЭС, и определить меры, способные ускорить практическую реализацию уже накопленного интеграционного потенциала блока.

Трансформация рынка услуг под внешним давлением

Санкционное давление ускорило переориентацию торговли услугами на региональных партнеров быстрее, чем это удавалось многолетним интеграционным программам. Для оценки глубины интеграции была рассчитана доля внутрирегиональной торговли услугами четырех сопоставимых объединений – ЕС, CUSMA, АСЕАН и ЕАЭС (рис.). Наиболее высокий уровень исторически показывает ЕС. Североамериканская зона свободной торговли (CUSMA) демонстрирует уверенный рост на фоне пересмотра соглашения и расширения сервисных цепочек; АСЕАН показывает наи-

большее снижение, так как страны выстраивают преимущественно внерегиональные связи. ЕАЭС занимает иную траекторию: показатель внутрирегиональной торговли услугами устойчиво растет даже на фоне внешних шоков. В то же время уровень внутрирегиональной торговли пока отстает от других объединений, что говорит о нереализованном интеграционном потенциале блока.

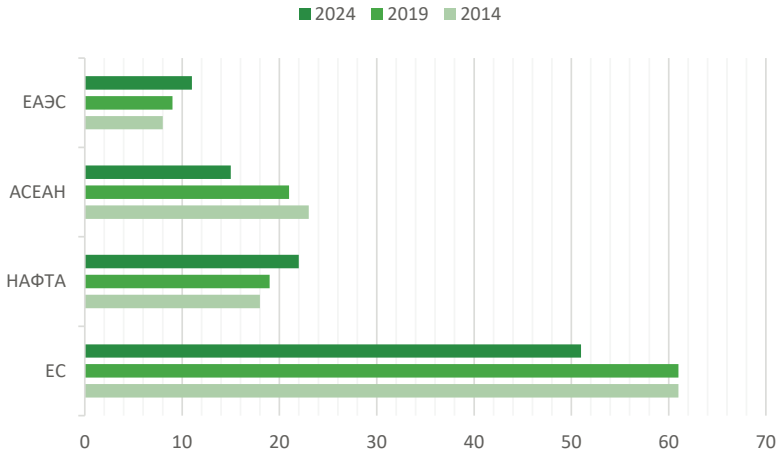

Рис. Доля внутрирегиональной торговли услугами в интеграционных объединениях, %

Источник: рассчитано по данным ВТО.

Россия формирует наибольшую долю регионального рынка услуг (46%), однако ориентирует на партнеров по блоку лишь 10% своего экспорта. Показательно, что более глубокую фактическую интеграцию демонстрируют экономики с меньшей долей рынка: у Беларуси (25% рынка) на партнеров по ЕАЭС приходится 22% экспорта услуг, у Кыргызстана – 24% при доле рынка всего 9%, у Армении – 11%[1]. Таким образом, лидерство в блоке распадается на два измерения – масштаб (Россия) и глубину вовлеченности (Беларусь, Кыргызстан). Именно вторая модель, уже опробованная менее крупными экономиками Союза, точнее показывает, какой уровень взаимной открытости достижим для остальных участников объединения по мере углубления интеграции.

Ключевые барьеры

Ограничения, сдерживающие раскрытие этого потенциала, носят преимущественно технический, а не институциональный характер. Регуляторно единый перечень услуг расширен с 43 до 142 секторов[2], однако отдельные изъятия и различия национальных стандартов пока сохраняются – например, шесть секторов остаются вне единого режима для Казахстана, а взаимное признание в туризме действует лишь для трех государств [1]. Инфраструктурно цифровые платформы и независимые финансовые каналы развиты неравномерно. Даже при формальном снятии барьеров бизнес пока сталкивается с фрагментированной платежной и цифровой средой [2]. Важно, что архитектура для устранения этих разрывов уже заложена: Декларация «Евразийский экономический путь» предусматривает поэтапное сокращение изъятий на едином рынке услуг до 2045 г.[3], и вопрос состоит главным образом в темпах практической реализации.

[1] Statistics on Trade in Commercial Services // World Trade Organization. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/tradeserv_stat_e.htm (date of access: 06.09.2026).

[2] Главы стран ЕАЭС обсудили функционирование единого рынка услуг // Евразийская экономическая комиссия: – 26.12.2024. – URL: https://eec.eaeunion.org/news/glavy-stran-eaes-obsudili-funktsionirovanie-edinogo-rynka-uslug/ (дата обращения: 06.09.2026).

[3] Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь»: принята 25.12.2023 г. в г. Санкт-Петербург // Высший Евразийский экономический совет URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/d33/wwasxv6pk0fuiu0pbcjiwexw7joekdpz/Deklaratsiya-kop.pdf (дата обращения: 06.09.2026).

* * *

Внешнее давление выступило катализатором внутриблоковой интеграции, ускорив переориентацию торговли услугами и сделав более заметным нереализованный потенциал рынка ЕАЭС. Наличие двух моделей лидерства – по масштабу (Россия) и по глубине вовлеченности (Беларусь, Кыргызстан) – показывает, что углубление единого рынка услуг возможно не только за счет крупнейших экономик Союза, но и за счет распространения уже сложившейся модели глубокой интеграции на остальных участников. Переход от точечного снятия барьеров к целенаправленному строительству общей цифровой и финансовой инфраструктуры способен превратить этот потенциал в устойчивый рост взаимной торговли услугами в ЕАЭС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кушниренко, Е. А. ЕАЭС: Единый рынок услуг: что сделано за 10 лет / Е. А. Кушниренко // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2025. – № 3. – С. 210–226. – DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-66-3-12. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eaes-edinyy-rynok-uslug-chto-sdelano-za-10-let (дата обращения: 06.09.2026).

2. Оценка интеграционных процессов ЕАЭС в сфере торговли: 2024: Международный доклад НИУ ВШЭ / М. К. Глазатова (рук. авт. кол.), Д. Г. Абуова, С. С. Аветисян, Д. Н. Ахвердян и [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. – 350 с. – URL: https://tradepol.hse.ru/mirror/pubs/share/922769050.pdf (дата обращения: 06.09.2026).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–78–10204, URL:https://rscf.ru/project/24-78-10204/.

О ВЛИЯНИИ РЯДА ФАКТОРОВ НА ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ОНЛАЙН-ТОРГОВЛЮ

Бондаренко В.М.,

кандидат юридических наук, доцент,
Минский филиал учреждения образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации», г. Минск

Современная онлайн-торговля занимает значительную долю в экономике современных развитых государств. Население (потребители) ощутили удобство и выгодность приобретения различных товаров через маркетплейсы, предлагающие разнообразие товарных позиций, относительную дешевизну по сравнению с обычными стационарными торговыми точками, а также удобство их приобретения.

Для Республики Беларусь, экономика которой глубоко интегрирована с российской, вопросы устойчивости торговых каналов и цифровой инфраструктуры приобретают важное значение. При этом структура экспорта Беларуси в Россию все более смещается в сторону электронной коммерции. Белорусские компании и индивидуальные предприниматели также размещают свою продукцию на складах и платформах на территории России. Таким образом, часть белорусского бизнеса встроена в российскую логистическую цепочку маркетплейсов, которая в условиях российско-украинского вооруженного конфликта подверглась прямому физическому уничтожению.

В настоящее время военные операции привели к уничтожению ряда складов Wildberries, блокировке значительных объемов товаров, принадлежащих белорусским поставщикам. С учетом того, что Wildberries хранит товары в рамках модели FBO (Fulfillment by Operator), все риски гибели продукции до момента продажи несет продавец. Точный объем потерь белорусских участников пока не известен, однако из-за пожаров на логистических складах Wildberries в России (в Электро-

стали, Котовске, Самарской и Владимирской областях и др.) пострадало более 22 тыс. белорусских субъектов хозяйствования, а общий ущерб селлеров оценивается в миллиарды белорусских рублей. Ключевым институциональным ударом по малому и среднему бизнесу стало изменение компанией Wildberries пользовательского соглашения от 7 июля 2026 г., в соответствии с которым атаки беспилотных летательных аппаратов на склады хранения товаров были квалифицированы как форс-мажор. Это лишило продавцов права на страховые выплаты. Белорусские предприниматели, не имея прямых договоров с российским юридическим лицом Wildberries (их контрагентом выступает ИМВБРБ – белорусская «дочка»), оказались в правовом вакууме. Попытки обращения белорусских предпринимателей в белорусские государственные органы не привели к созданию компенсационных механизмов. В ответ на существующие и предполагаемые риски некоторые белорусские продавцы начали переходить с модели FBO на модель FBS (Fulfillment by Seller), при которой они самостоятельно доставляют товар до покупателя, минуя централизованные склады. Однако эта модель требует от продавца более высоких комиссий платформе (до +5–7% от стоимости заказа), что снижает маржинальность и конкурентность белорусских товаров. Соответственно, увеличатся дополнительные издержки для белорусского селлера.

Перебои с доставкой, уничтожение популярных товарных позиций привели к падению активности покупателей на платформе. Ряд аналитиков прогнозирует переток части потребителей обратно в офлайн-розницу или в локальные белорусские интернет-магазины, что может снизить общий объем белорусского экспорта. Беларусь оказалась «заложником» сложившейся ситуации, что требует параллельного выстраивания собственной резервной инфраструктуры. Основными игроками на белорусском рынке помимо российских маркетплейсов (Wildberries и Ozon), как отмечают экономисты, являются «белорусские маркетплейсы или платформы, такие как Deal.by (входит в группу компаний deal.by), Shop.by (каталог товаров с возможностью сравнения цен и переходом в магазины) … ориентированы на белорусского потребителя, предлагают товары белорусских и зарубежных производителей; … белорусская площадка Emall; маркетплейс Postmarket.by от РУП «Белпочта», ориентированная на поддержку отечественных производителей, используя свою логистическую инфраструктуру» [1, с. 39, 41].

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы и предложения.

1. На торгово-экономические отношения между странами и внутри них существенное влияние оказывают вооруженные конфликты, потому необходимо учитывать этот фактор при планировании, выстраивании логистики, учете возможных политических, экономических и социальных рисков.

2. Хранение огромного количества товаров в одном месте увеличивает риск его порчи или гибели единовременно, целесообразно проводить его рассредоточение, стимулировать белорусских экспортеров к выходу на альтернативные платформы (российские, китайские; (европейские и американские при соблюдении санкционных ограничений)), поддерживать развитие белорусских маркетплейсов и сохранение малых торговых точек.

3. Отказ в возмещении реальных убытков предпринимателям со стороны страховых компаний и руководства маркетплейсов приведет к: а) падению предпринимательской активности; б) росту безработицы в секторе малого и среднего бизнеса; в) сокращению налоговых поступлений в бюджет; г) снижению доверия к деятельности страховых компаний и властям страны.

Таким образом, торгово-экономические отношения и on-line торговля в Беларуси будет зависеть от принимаемых решений органами государственной власти, деятельности бизнес-сообществ, своевременного совершенствования законодательства и практики его применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Направления развития различных форм розничной торговли: научный доклад / Н.Н. Морозова [и др.]; науч. ред. Н.Н. Морозова; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Мн.: Право и экономика, 2026. – 79 с.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ: ЕДИНЫЕ ТРЕНДЫ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЕКТОРЫ

Босько О.В.,

кандидат филологических наук,
Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Сегодня мировая торговля стремительно меняется под влиянием цифровых технологий. Именно внешнеэкономические связи являются главной площадкой для внедрения ИТ-решений, поскольку международный бизнес требует высокой скорости и четких стандартов. Поэтому во всех станах мира, несмотря на политические разногласия, различия в уровне внедрения в практику цифровых технологий, степени зрелости ИТ-инфраструктуры и качестве нормативно-правовой базы, можно выделить общие тенденции, единые глобальные тренды, которые отражают глобальные векторы развития цифровизации внешнеэкономических связей.

1. *Переход к электронному документообороту (ЭДО), в том числе в трансграничных операциях*.

Во всех странах, независимо от уровня цифровизации и наличия институциональных барьеров, наблюдается движение от бумаги к цифре. Замещение традиционных коммерческих и транспортных документов (инвойсы, коносаменты, сертификаты происхождения) электронными аналогами позволяет снизить издержки и ускорить прохождение грузов через границы. Этот процесс идет неравномерно: страны-лидеры цифровой трансформации могут демонстрировать полную интеграцию с банковским и логистическим секторами, страны, где цифровизация торговли находится на начальных этапах, – только подачу декларации онлайн, но все равно это уже «цифра», а не «бумага».

2. *Рост значения цифровых платформ и сквозных технологий в ВЭД*.

Экспортно-импортные операции все чаще организуются не через прямые контакты, а через цифровых посредников (электронные торговые площадки, государственные «единые окна»). Новая инфраструктура мировой экономики не только ускоряет товарооборот, но и устанавливает новые стандарты прозрачности и безопасности сделок. Современная инфраструктура B2B и B2G взаимодействия опирается на технологии Big Data (для анализа рисков) и блокчейн (для верификации цепочек поставок).

Анализировать массивы данных о трансграничных потоках стремятся все страны: таможенные службы используют Big Data для выявления нарушений и прогнозирования поставок, экспортеры используют аналитику поисковых запросов и соцсетей для выбора целевых рынков и т.д. Основное отличие заключается в качестве данных (в странах с ограничениями данные менее полные) и инструментах анализа.

Из разряда экспериментальных решений в стадию практического применения переходят технологии распределенного реестра (том числе блокчейн). Они становятся инструментом для решения базовой проблемы ВЭС – трансграничного дефицита доверия. Даже в странах с ограничениями их используют как способ гарантировать подлинность документов или преодолеть межбанковские барьеры (например, в практике российских компаний после отключения от системы SWIFT).

3. *Цифровизация трансграничных платежей и финансовых расчетов*.

Традиционные бумажные аккредитивы и банковские переводы, требующие длительной ручной обработки, утрачивают свою актуальность. Расширяется практика использования электронных аккредитивов, криптовалют, систем быстрых платежей для трансграничных переводов (например, SEPA Instant Credit Transfer в ЕС), технологий API для подключения к банкам.

4. *Сближение национальных цифровых стандартов*.

Процесс сближения национальных норм с международными диктуется технологической необходимостью: если данные «не читаются» принимающей стороной, товар юридически не существует. Именно поэтому в странах с жесткими институциональными ограничениями и стрем-

лением к технологическому суверенитету (например, Китай) наблюдается феномен двуслойной цифровизации: внутренний контур может развиваться по уникальным национальным стандартам, а внешний контур вынужден строго следовать международным протоколам.

5. *Рост требований к кибербезопасности и защите данных в ВЭД.*

С ростом цифровизации растут и риски утечек, промышленного шпионажа, атак на логистические цепочки. Все это обуславливает тенденцию к расширению сертификации цифровых систем ВЭД (в том числе по стандарту безопасности ISO 27001, который фактически стал обязательным для любой цифровой системы, претендующей на участие в международной торговле). Современный рынок требует обеспечения киберустойчивости, позволяющей бизнесу мгновенно восстанавливаться после инцидентов, и перехода к Zero Trust («Нулевое доверие») – концепции безопасности, которая требует непрерывной верификации каждого пользователя, устройства и транзакции, независимо от того, находятся они внутри корпоративной сети или за ее пределами.

Таким образом, в настоящее время цифровизация внешнеэкономической деятельности во всем мире воспринимается как способ ускорения торговых циклов. Этой цели подчинены сокращение времени на таможню с дней до часов, онлайн-заключение контрактов за минуты, автоматическая проверка контрагентов через базы данных и т.д. Даже в странах с начальным уровнем цифровой зрелости внедрение цифровых технологий в ВЭС начинают с задач, где выигрыш во времени максимален (например, электронная очередь на границе). Ускорение становится глобальным приоритетом, так как в современной экономике скорость движения товаров и капитала напрямую определяет конкурентоспособность государства.

Все страны движутся в сторону сквозной цифровизации жизненного цикла внешнеэкономической сделки. Разница между странами заключается не в наборе тенденций, а в глубине, скорости и связанности этих процессов с глобальной цифровой экосистемой.

— ◆ —

ОПЫТ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В СТРАНАХ МИРА

Булавицкая М.Г.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Одной из форм совершенствования системы государственного управления является так называемое электронное правительство (e-Govertment), в той или иной мере получившее распространение во всех государствах мира.

Развитие электронного правительства позволяет решить ряд задач. Это доступность и простота получения государственных услуг для населения и других субъектов. Включение той или иной услуги в число электронных – не механический процесс, а сочетание технической стороны вопроса с упорядочением, упрощением и совершенствованием процедуры ее предоставления. Получение услуги осуществляется без личного контакта заявителя с государственным органом, что ведет к сокращению потерь рабочего времени, а также к снижению коррупционных рисков [1].

Целями электронного правительства являются:

- создание новых форм взаимодействия государственных органов;
- оптимизация предоставления государственных услуг населению и бизнесу;
- поддержка и расширение возможностей самообслуживания граждан;
- ост технологической осведомленности и квалификации граждан;
- повышение степени участия граждан в процессах руководства и управления страной;
- снижение воздействия фактора географического местоположения.

Нет единого шаблона, который отвечал бы всем условиям и решениям задачи формирования электронного правительства. Каждая страна обладает уникальным сочетанием приоритетов, обстоятельств и наличием ресурсов, которые используются при реализации данной задачи.

Во многих странах мира, таких как США, Канада, Корея, Сингапур, европейские страны, разработаны и реализуются стратегии информационного развития как общества в целом, так и отдельных сфер деятельности.

Канада приняла подход к внедрению электронного правительства, основанный на принципах конфиденциальности. Страна внедрила требования по обеспечению безопасности на ранних этапах разработки системы, а также контроль доступа к данным и четкие инструкции по обработке персональных данных.

В таких странах, как Эстония и Швеция, электронные услуги внедрены на высоком уровне. Эстония известна своей электронной системой идентификации, которая позволяет гражданам осуществлять такие операции, как голосование и получение справок, не выходя из дома [2].

Электронное правительство Сингапура является ярким примером успешной интеграции современных технологий в государственное управление. Целью электронного правительства является обеспечение прозрачности, доступности и эффективности предоставляемых государственных услуг. Платформа Smart Nation стала основой для создания умного и взаимосвязанного города, где технологии служат на благо каждого гражданина. Система электронного правительства активно использует большие данные и искусственный интеллект для анализа потребностей населения, что способствует более точному и адекватному реагированию на запросы [2].

Развитие электронного правительства в России прошло путь от первых попыток внедрения IT-решений в госуправление до полноценной цифровой трансформации. Ключевая цель теперь – сделать взаимодействие государства, граждан и бизнеса удобным, прозрачным и эффективным.

Основными компонентами электронного правительства России являются: единый портал госуслуг (главный сайт для заказов справок, подачи заявлений, записи к врачам или в ведомства); ЕСИА (единая система входа, которая подтверждает личность пользователя для доступа ко всем цифровым сервисам); досудебное обжалование; единая система нормативно-справочной информации; межведомственное электронное взаимодействие (система, позволяющая ведомствам быстро передавать документы друг другу без участия граждан); госгис и облачные платформы (защищенные государственные базы данных и инфраструктура); ситуационный центр[1].

Электронное правительство способствует оптимизации ресурсов, сокращению бюрократических процедур и повышению эффективности работы государственных структур. Система позволяет собирать и анализировать большие объемы данных. Также электронное правительство способствует укреплению демократических процессов. Оно обеспечивает возможность участия граждан в управлении через открытые данные, электронные голосования и платформы для общественного обсуждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толочко, О. Н. Электронное правительство как новая концепция государственного управления: международный опыт и перспективы для Республики Беларусь / О. Н. Толочко, О. Г. Станкевич // Проблемы управления. – 2018. – № 4 (70). – С. 89–93.

2. Шуваева, Е. А. Развитие электронного правительства в разных странах мира / Е. А. Шуваева, Б. В. Заливанский // Вестник наук. – 2024. – № 10 (79), Т. 3. – С. 674–682.

[1] Что такое электронное правительство и кто выполняет работы по его эксплуатации // Госуслуги. – URL: https://www.gosuslugi.ru/help/faq/legal_issues/2683 (дата обращения: 07.08.2026).

РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНФЛЯЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Василега В.Г.,

кандидат экономических наук, доцент,
НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Для регулирования инфляционных процессов разрабатываются, как правило, меры упреждающего характера, которые позволили бы избежать возможных инфляционных шоков. Большинство таких мер известны, но их использование зависит от специфических особенностей развития конкретной экономики. Прежде всего необходим анализ антиинфляционных мер, применяемых в различных странах для выявления общих и специфических инструментов монетарной и немонетарной политики, а также оценка возможностей их применения в Республике Беларусь для ограничения инфляционных процессов.

Во многих странах в периоды ценовой турбулентности (2007–2008; 2022–2023 гг.) для регулирования инфляции в той или иной степени использовались монетарные инструменты. Особенно это касается тех государств, где в силу сложившейся экономической модели эти меры являются практически единственным противодействием росту цен. Вместе с тем на современном этапе, с одной стороны, инфляция в различных государствах во многом вызвана общемировым удорожанием энергоносителей и продовольствия, а с другой – экономика многих стран подвержена влиянию снижения темпов экономического роста и возможного мирового кризиса, вызванного ведением боевых действий на жизненно важных для экономик пространствах. В этих условиях использование монетарных инструментов контроля над инфляцией имеет определенные ограничения.

Повышение процентных ставок в определенной степени способствует замедлению роста цен внутри страны, однако это отрицательно сказывается на параметрах экономической активности. Процентная политика не может полностью сдержать инфляцию, спровоцированную внешними факторами, но замедление темпов роста экономики при этом влечет замедление роста или снижение реальных доходов населения.

По нашему мнению, с учетом международного опыта, использование механизма процентных ставок в качестве инструментов противодействия инфляции в настоящее время не является эффективным. Кредитование все в большей степени является фактором, обеспечивающим потребительский спрос и развитие производства в Беларуси, и существенное ухудшение условий получения кредитов может негативно сказаться на параметрах роста экономики. Вместе с тем при дальнейшем росте инфляции, вероятно, должно происходить повышение текущей ставки рефинансирования с целью поддержания процентных ставок на положительном уровне.

В ситуации, когда в различных странах в совокупном росте цен очень значителен вклад импортируемой инфляции, стабильность и дальнейшее укрепление национальной валюты может стать противодействием влиянию роста мировых цен. Однако укрепление национальной валюты снижает конкурентоспособность отечественной продукции за рубежом, что влечет за собой замедление темпов роста. Для Республики Беларусь переоцененный белорусский рубль по отношению к основным мировым валютам неприемлем в том числе из-за проблемы отрицательного сальдо торгового баланса.

Во многих странах в качестве антиинфляционных инструментов использовались механизмы бюджетного и налогового регулирования. В целом меры по повышению эффективности государственных расходов, снижению их давления на ценовую ситуацию являются вполне оправданным и эффективным инструментом ограничения инфляции со стороны спроса. Несмотря на то, что бюджет в Республике Беларусь в последние годы исполняется с профицитом, определенные решения в области бюджетной политики могут оказать стабилизирующее воздействие на ценовую

ситуацию в настоящее время. Необходимо, на наш взгляд, оценить эффективность государственных расходов, рассмотреть на предмет эффективности отдельные бюджетные программы с целью возможного снижения расходной части бюджета.

В Беларуси, по сравнению с другими странами, например, Восточной Европы, достаточно высокая налоговая нагрузка (порядка 24%). Различные виды налогов по-разному оказывают влияние на инфляцию. Рост НДС и акцизов напрямую сказывается на росте цен, увеличение прямых налогов опосредованно, через издержки и с некоторым временным лагом, приводит к интенсификации инфляционных процессов. Поэтому нахождение и применение оптимального уровня налоговой нагрузки при заданной модели социально-экономического развития может положительно отразиться на ценах. Снижение налоговой нагрузки, в отличие от других рычагов, является также и стимулом производства и инвестиционной деятельности. Для населения снижение налогов является пусть единовременным, но серьезным компенсатором в условиях увеличения расходов в результате роста цен.

Целесообразным представляется использование отдельных инструментов внешнеторгового регулирования для ограничения роста цен на отдельные виды товаров. В Беларуси в настоящее время практикуется регулярное снижение импортных пошлин на те продукты питания, которые не произрастают в стране, что способствует насыщению рынка данными продуктами. В частности, на цитрусовые (апельсины, лимоны, мандарины, грейпфруты) ввозная пошлина составляет 0–4%; экзотические фрукты (бананы, ананасы, манго, папайпайя, авокадо, маракуйя) ставка пошлины чаще всего 0%.

Таким образом, инструменты регулирования инфляционных процессов необходимо ориентировать на выполнение целевого параметра инфляции, противодействие внешним угрозам импорта инфляции через энергетические и продовольственные товары, создание условий для роста эффективности реального сектора экономики, реализацию важнейших государственных приоритетов. Макроэкономическая политика должна быть умеренно жесткой и достаточно гибкой, позволяющей не только поддерживать развитие реального сектора экономики и решение социальных проблем, но и не допустить раскручивания инфляционной спирали с ее кумулятивным эффектом.

ФИНАНСОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРЕОДОЛЕНИЕ РАЗРЫВОВ ЛИКВИДНОСТИ И АДАПТАЦИЯ КИТАЙСКОГО ОПЫТА

Венгер А.О.,

Минский государственный финансово-экономический колледж, г. Минск

Трансграничная электронная торговля выступает одним из наиболее динамичных сегментов современной мировой экономики. Согласно официальной статистике Китайской Народной Республики, доля данного сегмента в общем объеме внешнеторгового оборота страны увеличилась с 1% в 2015 г. до 5,7–6% в 2025 г.

В условиях сложной мультивалютной среды, прохождения таможенных процедур и платежных циклов экспортеры сталкиваются с проблемой дебиторской задолженности в период между отгрузкой продукции и фактическим поступлением выручки. Установлено, что задержки выплат со стороны крупных платформ достигают двух-трех недель, а логистические сроки доставки – от трех до пяти недель. Возникающий временной лаг между выводом капитала и его возвратом приводит к так называемому «кассовому разрыву». Для субъектов малого и среднего предпринимательства данная проблема проявляется в недостаточности стоимости используемых недви-

жимости и оборудования как обеспечения для получения кредитных ресурсов, в то время как их основные активы – потоки данных и товарные транзакции – не всегда эффективно верифицируются стандартными банковскими платежными алгоритмами. Классические финансовые институты, ориентированные на долгосрочные условия, комплексную проверку заемщиков и залоговое кредитование, оказываются не способны оперативно удовлетворять потребность предприятий в коротких, небольших, частых и срочных займах, что требует принципиально иных подходов.

Практика КНР демонстрирует комплексный подход к решению проблем «кассового разрыва», объединяющий платформенные решения, государственные институты и технологические инновации.

В сфере кредитования на основе больших данных показателен опыт цифрового банка «MYbank» группы компаний «Ant Group», к 2024 г. его услугами воспользовались более 53 млн субъектов малого и среднего предпринимательства. Банк развивает систему «310»: 3 минуты на подачу заявки через мобильное приложение, 1 секунда на одобрение, 0 – отсутствие человеческого участия. К 2025 г., система искусственного интеллекта (ИИ) анализа рисков достигла 90 % соответствия экспертным решениям.

Экосистемная модель «Goose» для финансирования цепочек поставок на базе аналитики ИИ оценивает кредитоспособность без материального залога. В 2024 г. только в автопроме система обслужила более 1 млн субъектов малого и среднего предпринимательства, 64 % из которых впервые получили кредит без залога, что увеличило их поставки на 17 %. К экосистеме интегрировано свыше 500 брендов, включая Huawei и Mengniu, что обеспечило доступ к кредитованию для 80 % их дистрибьюторов и розничных точек. Модель «Goose» работает через сквозной мониторинг товарных и информационных потоков в B2B-сегменте, формируя динамический рейтинг контрагентов и снижая издержки кредиторов.

Государственная китайская корпорация экспортного кредитования и страхования «Sinosure» разработала продукты для трансграничной электронной торговли, включая страхование политических рисков и продаж через зарубежные бондовые склады, что позволяет поставщикам предоставлять отсрочку платежа на 90–120 дней. В 2024 г. запущен пилотный проект по страхованию трансграничных бартерных сделок. Банки Китая предлагают «Трансграничный электронный кредит» – онлайн-кредитование под данные таможенного «единого окна» в пилотных зонах, внедрено финансирование под будущий возврат НДС с выдачей первого транша за один рабочий день без залога.

Технологический вектор связан с распределенными реестрами и токенизацией. Ритейл-гигант «JD» разработала модель финансовой платформы, которая переводит дебиторскую задолженность, складские расписки и логистические ордера в блокчейн-инфраструктуру. После подтверждения доставки поставщик получает цифровой актив, который может служить обеспечением в децентрализованных протоколах или для расчетов с контрагентами. Это сокращает цикл финансирования до 72 часов.

Для Республики Беларусь, реализующей стратегию цифровизации внешней торговли, адаптация рассмотренных подходов требует их предметной синхронизации с наднациональной повесткой Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Ниже приведены ключевые направления такой синхронизации.

Первое направление – формирование национальной цифровой платформы данных на основе межведомственной интеграции таможенных, налоговых и банковских систем с перспективой сопряжения с интегрированной информационной системой ЕАЭС. Это позволит гармонизировать скоринг экспортеров на основе трансграничных данных «единого окна» без классического залога.

Второе – развитие специализированных инструментов государственного страхования внешнеэкономических рисков в сегменте электронной торговли с участием отечественных страховщиков и их последующая интеграция в наднациональные механизмы поддержки кооперационных проектов ЕАЭС.

Третье – пилотирование трансграничных расчетов с использованием токенизированных финансовых инструментов и распределенных реестров в рамках интеграционных объединений ЕАЭС и Союзного государства, что напрямую коррелирует с актуальными инициативами ЕЭК по развитию цифровой транспортной инфраструктуры и трансграничной торговли, позволяя минимизировать валютные риски, сократить транзакционные издержки и ускорить проведение платежей.

Практика КНР убедительно доказывает, что преодоление кассовых разрывов в трансграничной электронной торговле лежит не в плоскости точечных финансовых уступок, а в системной перестройке всей архитектуры внешнеторгового финансирования. Республика Беларусь может использовать интеграционный потенциал ЕАЭС, чтобы не только воспроизвести лучшие практики, но и предложить собственное решение, превратив цифровую фрагментацию в конкурентное преимущество.

—— ◆ ——

ВЛИЯНИЕ АУДИТА НА РАЗВИТИЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ КАК ИСТОРИЧЕСКОГО РОССИЙСКОГО РЕГИОНА

Верига А.В.,

доктор экономических наук, профессор,
Донецкий институт управления – филиал ФГБОУ ВО «РАНХиГС»,
г. Донецк, Российская Федерация

Вхождение ДНР в состав России потребовало перестройки экономических институтов, и одним из существенных является аудит как инструмент, обеспечивающий достоверность финансовой информации, доверие инвесторов и устойчивость управления. В переходный период качество учетных данных становится решающим фактором регионального развития, а аудит – катализатором институциональной зрелости.

До 2014 года Донбасс был лидером Украины по числу аудиторских фирм, и здесь активно работали офисы «Большой четверки». Военный конфликт разрушил эту инфраструктуру: международные компании ушли, а местные фирмы сократили деятельность до бухгалтерского сопровождения. Попытка создать Аудиторскую палату в 2015 году успехом не увенчались. После присоединения к РФ восстановление аудита началось за счет российских, а не местных фирм.

На сегодня ДНР не имеет регионального законодательства об аудите. Министерство финансов ДНР формально является регулятором, но им не принято ни одного профильного акта. Такая ситуация создает правовую неопределенность. Усугубляют ее переход с украинских на российские стандарты учета, потребовавший массовой переподготовки, а также дефицит кадров, вызванный миграцией и низкими зарплатами, хотя спрос на квалифицированных бухгалтеров растет по мере активного восстановления экономики.

В 2014–2022 годах вынужденная изоляция ДНР привела к расхождению учетных систем. После вхождения в РФ предприятиям пришлось осваивать новые правила, менять ПО и регламенты, что породило множество ошибок в отчетности. Аудит мог бы снизить риски, но он фактически отсутствует. В республике практически нет официальной статистики в открытом доступе, а предприятия избегают публичности. Налоговый учет жестко контролируется, а финансовый – нет, что смещает акценты. Малый бизнес, преобладающий в структуре экономики региона, ведет упрощенный учет и не видит потребности в аудите, в целом спрос на проверки минимален, а общая культура аудита требует формирования и популяризации инициативного и внутреннего аудита. Необходимо менять восприятие бизнесом аудита – это не обуза, а ресурс для роста.

Инициативный аудит адресован внутренним потребностям бизнеса – он дает консультации по налогам, оптимизации учета, цифровизации. Для малых предприятий аудитор может стать многофункциональным экспертом, заменяющим целый штат, а постоянное сопровождение биз-

неса помогает оперативно реагировать на изменения законодательства, в т.ч. налогового, и избегать санкций. Обязательный же аудит обслуживает в первую очередь интересы государства, обеспечивая прозрачность отчетности крупных предприятий. В ДНР таких компаний все еще мало, но по мере возвращения инвесторов его роль объективно будет расти. На начало 2026 года в ДНР зарегистрировано более 20 тыс. юрлиц и 56 тыс. субъектов МСП. По мере восстановления инфраструктуры их число растет, и каждый субъект потенциально нуждается в аудиторских услугах. Поэтапное возвращение в регион крупного бизнеса создает спрос на обязательный аудит, а цифровизация – на новые компетенции. В регионе они в дефиците, что открывает нишу для образовательных проектов.

В регионе сохранилась многоуровневая система подготовки бухгалтеров, но для аудиторов требуется углубленное обучение по российским стандартам аттестации. Получение сертификата аудитора процедура дорогостоящая (свыше 500 тыс. рублей с учетом подготовки). Для новых регионов действуют льготы до 2026 года, но воспользовались ими единицы. На конец 2025 года в реестрах СРО ААС [1] значилось лишь пять аттестованных аудиторов в ДНР, т.е. процесс легитимации профессии в регионе только начинается. Поэтому необходимо создать региональное профессиональное объединение для координации обучения, обмена опытом и диалога с властями, что ускорит интеграцию в общероссийское аудиторское пространство.

Репутация профессии аудитора зависит от контроля качества. В России действуют стандарты этики и проверки, и вторые нужно адаптировать к местным условиям – с учетом низкой платежеспособности клиентов и кадрового голода. Организационно-информационные модели помогают структурировать работу аудитора: от планирования до заключения. Универсальная модель, применимая как к отчетности в целом, так и к отдельным ресурсам, позволяет выбрать оптимальные методы, сократить время проверки и упорядочить документооборот [2, с. 118]. В ДНР, где учетная политика находится в стадии реформирования, такой подход особенно полезен.

Развитие аудита – необходимое условие становления рыночной экономики ДНР. Без независимой проверки невозможны привлечение инвестиций, прозрачность, эффективное управление. Опора на базу и опыт российского аудита и образовательные ресурсы позволяют создать работоспособную систему за короткий срок. В приоритете принятие регионального закона об аудите, создание представительства Аудиторской палаты РФ, льготные программы переподготовки, внедрение контроля качества, популяризация инициативного аудита среди МСП. Учет и аудит – фундамент доверия в экономике. Для ДНР, проходящей интеграцию, этот фундамент нужно заложить уже сейчас. Будущее аудита зависит от консолидации власти, профессионального сообщества и образования, а также от признания ценности профессии как гаранта правды в финансовых отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Реестры действительных и исключенных членов и аттестатов СРО ААС // Саморегулируемая организация аудиторов Ассоциация «Содружество» : официальный сайт.

2. Верига, А. В. Учет и аудит как элементы институционального обеспечения развития региональной экономики / А. В. Верига // Научный журнал «Менеджер». – 2025. – № 7(113). – С. 111–120.

О НАЛИЧИИ ВЗАИМОСВЯЗИ МЕЖДУ ОБЪЕМАМИ ОФИЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ В ЦЕЛЯХ РАЗВИТИЯ И ПРИМЕНЕНИЕМ ОДНОСТОРОННИХ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР

Власкин А.В.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Влияние конфликтов и напряженностей в различных регионах планеты на глобальную экономику и взаимосвязанность экономик различных стран и регионов в результате широкого применения односторонних принудительных мер (ОПМ) привело к практическому демонтажу существовавшей ранее системы официальной помощи в целях развития (ОПР). ОПР в определении Комитета содействия развитию (КСР) Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) – потоки финансовых средств, предоставляемых из официальных источников, содержащие грант-элемент и направленные на обеспечение экономического развития и благосостояния стран-получателей.

Вопросы моделирования объемов средств, выделяемых странами-донорами на ОПР, приводят к необходимости рассмотрения данной системы как элемента мировой экономики, зависимого не только от ее общего состояния и развития, но и от взаимодействия с другими элементами глобальной экономической системы и общего баланса экономических интересов всех заинтересованных сторон.

Современные исследователи [1] отмечают существование такого явления, как Nexus – «многомерная система устойчивых связей между двумя или более явлениями, которая рассматривается в качестве отдельного феномена, не сводимого к сумме составных элементов». Речь идет о наличии непосредственной взаимосвязи ОПР и ОПМ, между которыми существует определенная «смычка», пока недостаточно изученная в теоретическом и практическом исследовательских полях.

Опыт изучения международного экономического сотрудничества показывает, что экономические акторы в рамках двух систем, ОПР и ОПМ, создают крайне разветвленную и сложную сеть векторов взаимного влияния, в первую очередь в области стимулирования или сдерживания экономического развития партнеров и/или оппонентов. Отсюда возникает зависимость между используемыми инструментами экономического воздействия, а также стимуляцией использования таких же инструментов противоположной стороной (ответные меры либо наращивание/сокращение ОПР).

В частности, наиболее очевидно такие взаимозависимости проявляются на национальном уровне в правительствах стран-доноров. Важную роль в процессе бюджетирования играет также такое явление, как «административная эмуляция», т.е. процесс, в рамках которого различные органы государственного управления или внешние игроки, влияющие на процесс распределения бюджетных средств, могут имитировать заинтересованность в их использовании для оказания поддержки внешним экономическим акторам, но имея в виду собственные, зачастую не артикулируемые цели и задачи [2]. Также необходимо учесть, что при распределении бюджетных средств правительства, как коллективные структуры, действуют в рамках теории потребительского поведения Ланкастера, т.е. распределение бюджетных средств осуществляется с целью достижения указанных целей и задач максимально эффективно [3]. Это позволяет рассматривать правительства стран-доноров не как унитарные центры принятия решений, а как коллективные единицы, где решения определяются сложным внутренним балансом интересов.

Видится обоснованным определить наличие корреляции между бюджетными расходами стран-доноров в различных сферах, а также корреляцию между финансированием ОПР и применением ОПМ.

В результате эмпирического сравнения бюджетов на социальные расходы стран ОЭСР и их расходов на ОПР зависимость обнаружена не была. Что касается оборонных расходов, то быстрый

их рост в последние годы[1,2] на фоне резкого сокращения объемов средств, выделяемых на ОПР[3], позволяет некоторым исследователям утверждать о существовании обратной зависимости между размерами этих статей бюджетных расходов[4]. Однако четкой корреляции между указанными статьями зафиксировано не было.

На основе данных (расходы на ОПР стран-доноров с момента формирования текущей системы ОПР; количество действующих ограничений по годам; оценка ограниченных такими мерами товарных потоков в мировой экономике) был проведен корреляционный анализ, который выявил сильную прямую зависимость между общим бюджетом ОПР стран ОЭСР и количеством действующих на соответствующий период ОПМ, а также между бюджетом ОПР и объемом товарных потоков, ограниченных в результате действия этих ОПМ. Точность анализа также подтверждается тем фактом, что практически все ОПМ в мировой экономике, за редкими исключениями, применяются странами, входящими в КСР ОЭСР. Результаты анализа представлены на рис. 1 и 2.

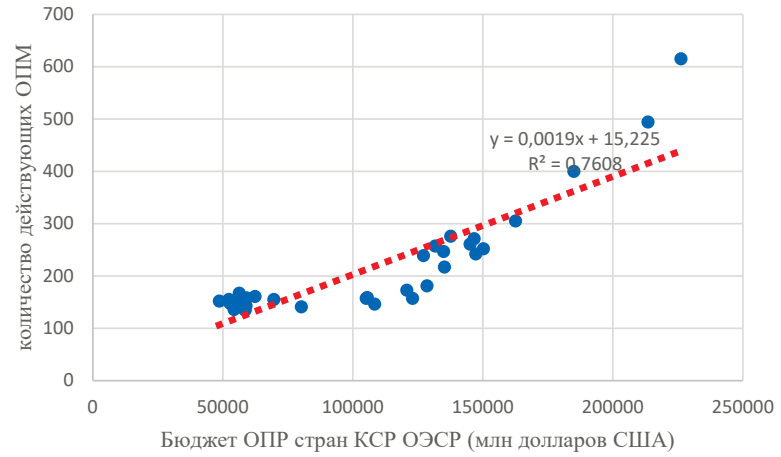

Рис. 1. Корреляция между ОПР (бюджет стран КСР) и количеством действующих ОПМ по годам

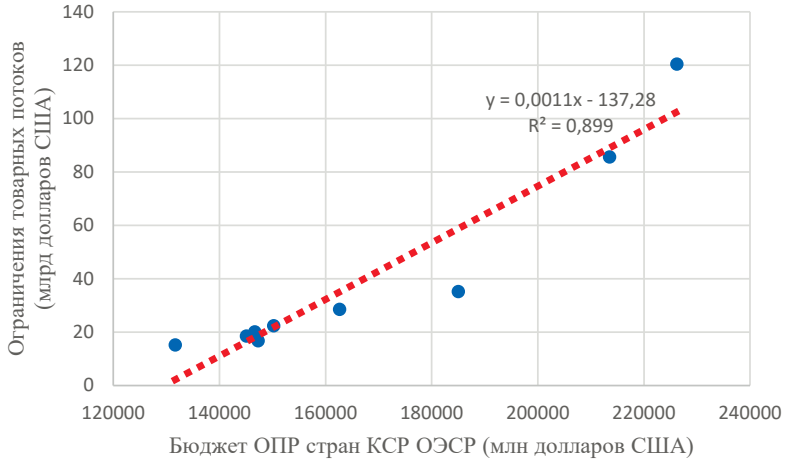

Рис. 2. Корреляция между ОПР (бюджет стран КСР) и объемом ограниченных ОПМ токарных потоков

[1] S. Magnuson. Global Defense Spending to top $2.6 Trillion in 2026 // National Defense Magazine. – 29 Jan. 2026. – URL: https://www.nationaldefensemagazine.org/articles/2026/1/29/global-defense-spending-to-top-2-6-trillion-in-2026#:~:text=Global%20Defense%20Spending%20to%20Top%20$2.6%20Trillion%20in%202026.

[2] SIPRI Fact Sheet edited by: Stephan Lofven et all. – April 2025. – DOI: https://doi.org/10.55163/AVEC8366 .

[3] Historic Drop in Official Development Assistance in 2024 // FOCUS2030. – 16 Apr. 2025. – URL: https://focus2030.org/en/historic-drop-in-official-development-assistance-in-2024/.

[4] L. Ludescher. A Fundamental Imbalance. Goethe University Frankfurt. – 11 Aug. 2025. – URL: https://aktuelles.uni-frankfurt.de/en/english/a-fundamental-imbalance/.

Таким образом, на основании полученных результатов можно констатировать, что существует высокая степень зависимости между ОПР и ОПМ, и что в целом утверждение о существовании Nexus имеет место.

Среди возможных причин такой взаимосвязи можно предположить то, что в ходе процессов распределения бюджетов правительства стран-доноров рассматривают ОПР и ОПМ как взаимодополняющие меры в рамках внешнеэкономической деятельности, используемые для достижения поставленных целей и задач, как декларируемых, так и не демонстрируемых. Таким образом, активизация использования ОПМ ведет к росту бюджетов ОПР в глобальных масштабах.

На уровне отдельных стран подобная корреляция не наблюдается, т.к. ОПР и ОПМ используются на различных направлениях внешнеэкономической деятельности: ОПР для стран-партнеров, ОПМ – для стран-конкурентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартенев, В.И. Международная помощь и санкционное давление: геометрия взаимного влияния. / В.И. Бартенев // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 6.

2. Abbott, A. Government spending: Is development assistance harmonised with other budgets? / A. Abbott, P. Jones // Journal of Policy Modelling. – 2012. – Vol. 24, Issue 6. – P. 921–931.

3. Whang, T. How bureaucratic competition shapes foreign aid allocation: The case of South Korea's aid agencies. / T. Whang, E.V. McLean, C. Yu // Journal of International Development. – 2025. – Vol. 37, Issue 1. – P. 129–149.

ПЕРСПЕКТИВЫ ТОРГОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА БЕЛАРУСИ И ИНДОНЕЗИИ

Воробьёв А.Е.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

В условиях мировой геополитической турбулентности важным направлением для обеспечения внешнеэкономической устойчивости для Беларуси выступает развитие связей с Юго-Восточной Азией. Предпосылками служат: наличие емкого быстрорастущего спроса в регионе, необходимость парирования санкций и переориентации торговли, устойчивые отношения в части поставок удобрений, развитие Северного морского пути (СМП) и пр.

Одним из наиболее перспективных остается рынок Индонезии, один из наибольших в Азии. Население Индонезии за 10 лет выросло более, чем на 10,2%, или на 26,6 млн чел. (до 288,4 млн чел.)[1]. По данным ITC, в 2025 г. страна экспортировала товары на 282,9 млрд долл. (на 88,3% больше, чем в 2015 г.). Объем товарного импорта за 10 лет вырос на 69,5% и в 2025 г. составил 241,9 млрд долл. Наибольшую долю в импорте занимают минеральное топливо (15,2%), реакторы и котлы (15,2%), электрооборудование и его части (13,2%), транспортные средства (4,5%), пластик и изделия из него (4,3%).

Несмотря на быстрый рост рынка, торговля с Беларусью складывалась с переменным успехом. По зеркальным данным ITC, экспорт из Беларуси в Индонезию за 10 лет снизился на 32,8% и составил в 2025 г. 141,7 млн долл. (рис.). Импорт за этот же период увеличился более чем в 150 раз – до 79,6 млн долл. США. Причиной отрицательной динамики стали в основном санкции в сферах логистики и платежей. Хотя отдельно в 2025 г. экспорт вырос на 67,0% к 2024 г., он остается заметно меньше, чем до 2022 г. В части импорта рост также объяснялся поиском альтернативных поставщиков санкционному импорту в Беларуси.

[1] Worldometer – Indonesia. – URL: https://h1.nu/1xxW6.

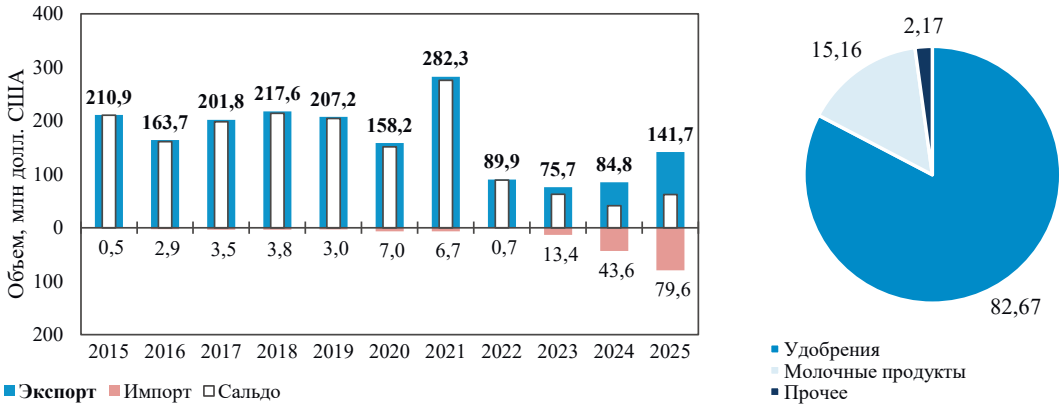

Рис. Внешняя торговля Беларуси с Индонезией (по зеркальным данным)

Важность восстановления и дальнейшего расширения торговли, вопреки внешнему давлению, подчеркивается властями двух стран. Уже в июле 2026 г. состоялись переговоры между президентами Беларуси и Индонезии. Результат встречи – подписание дорожной карты развития основных направлений сотрудничества между странами на 2026–2030 гг.

Основной сферой сотрудничества остаются поставки калийных удобрений, которые занимают около 82,7% в индонезийском импорте из Беларуси. Заинтересованность страны в белорусских удобрениях подтверждается недавним визитом крупной делегации во главе с министром по экономическим вопросам. Стороны обсуждали перспективы организации поставок фосфорсодержащих и азотных удобрений в Индонезию. Сельское хозяйство Индонезии критически зависит от поставок калия для поддержания урожайности рисовых полей и пальмовых плантаций. «Беларуськалий» рассматривается как стратегический партнер, покрывающий значительную часть импортных потребностей страны.

На новом же этапе перспективы усматриваются в более широком взаимодействии. Так, по результатам визита в июле был подписан пакет двусторонних документов в сферах промкооперации, культуры, медицины, науки и технологий, банковской деятельности, противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма и прямого взаимодействия торгово-промышленных палат.

Беларусь обладает определенными перспективами поставок в Индонезию товаров более высокого передела. Подробная информация о продукции, которую Беларусь может поставлять в Индонезию, представлена в табл.

Таблица

Перспективы экспорта Беларуси в Индонезию

Продукт	Обоснование
Молочная продукция (сухое молоко)	Беларусь уже поставила в Индонезию молочную продукцию на сумму 76 млн долл. в рамках программы Free Nutritious Meal (MBG) program. Помимо этого, Индонезия испытывает дефицит молочной продукции. В 2025 г. страна импортировала молочных продуктов на сумму 1,6 млрд долл. (доля Беларуси – 1,3%).
Карьерные самосвалы	Индонезия является одним из крупнейших производителей угля. БелАЗы уже 15 лет успешно работают в местных карьерах. Ведется обсуждение электрификации этой техники с использованием индонезийских аккумуляторов.
Сельхозтехника	Индонезия нуждается в комплексной механизации сельского хозяйства. Беларусь предлагает не просто технику, а создание сервисных центров, локализацию сборки и передачу технологий.

Реализация достигнутых договоренностей и дальнейшее участие в индонезийских государственных программах позволят значительно нарастить двусторонний товарооборот и вывести сотрудничество на качественно новый уровень. Ожидается, что в ближайшем будущем объем внешней торговли между странами, по оценкам индонезийской стороны достигнет 500 млн долл. США.

ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЛОЖНОСТИ: ОТ ИЗМЕРЕНИЯ ЗНАНИЙ К СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ

Годес Н.В.,

кандидат экономических наук,
Национальный банк Республики Беларусь, г. Минск

В современных условиях объяснительная сила факторных моделей роста снижается, уступая место гетеродоксальному направлению – теории экономической сложности (ТЭС), предложенной профессорами Гарвардского университета С. Идальго и Р. Хаусманном [1, 2] и рассматривающей экономику как эволюционирующую систему. В отличие от неоклассического подхода, ТЭС связывает богатство стран не с объемом накопленного капитала или уровнем образования, а со способностью экономики комбинировать «производственные знания», распределенные в сети взаимодействий между людьми, фирмами и институтами и «вплетенные» в производимые продукты (табл.). Ключевой методологический прием теории – рекурсивное определение: сложным считается продукт, который под силу производить только странам со сложной экономикой.

Таблица

Эволюция теоретических подходов к пониманию экономической сложности

Методологический подход	Автор(ы), годы	Суть концепции	Значение для теории сложности
Классическая политэкономия	А. Смит (1776), Д. Рикардо (1817), К. Маркс (1867)	Богатство наций определяется разделением труда и кооперацией; сравнительные преимущества определяют структуру торговли	Заложен принцип: сложность экономики связана с количеством специализированных активностей и их кооперацией; идея эмерджентности «совокупной рабочей силы»
Неоклассическая теория	А. Маршалл (1890), Р. Солоу (1956), П. Ромер (1986)	Внешняя экономия от масштаба; экзогенный технический прогресс; эндогенный рост через инвестиции в знания	ТЭС критикует агрегированность и экзогенность технологий, предлагая структурный анализ организации производства
Эволюционная теория	Й. Шумпетер (1911, 1942), Б. Артур (1994, 1999)	Экономическое развитие как «новые комбинации» ресурсов; созидательное разрушение; возрастающая отдача, path dependence	Экономическая сложность трактуется как способность осуществлять сложные комбинации знаний
Теория конкурентной стратегии	М. Портер (1990)	Конкурентоспособность определяется способностью создавать и удерживать кластеры	Концепция Product Space формализует идею кластеров на глобальном уровне
Институциональная экономика	Т. Веблен (1899, 1919), Д. Норт	Экономическое поведение определяется институтами; технологический детерминизм	Институциональное качество определено как необходимое условие превращения потенциальных компетенций в реальные экспортные продукты
Метод «отражений» (MR)	С. Идальго, Р. Хаусманн (2009, 2013)	Богатство стран определяется объемом «производственных знаний», распределенных в сети взаимодействий	Операционализируемые метрики – ECI и PCI, создана концепция Product Space
Метод Fitness-Complexity (FCM)	А. Таккелла, М. Кристелли и др. (2012)	Нелинейная альтернатива MR, учитывающая диверсификацию стран и сложность продуктов	Методологическое улучшение MR: устойчивая сходимость, корректное ранжирование

Источник: авторская разработка.

Операционализация идей классиков и институционалистов осуществлена через построение двудольного сетевого графа «страны – продукты» на основе индекса выявленных сравнительных преимуществ (RCA) Б. Балассы и итеративный метод «отражений» (MR), позволяющий измерить сложность через структуру экспортной корзины. Индекс экономической сложности (ECI) и индекс сложности продукта (PCI) выступают количественными метриками производственных знаний и значимыми предикторами будущего экономического роста, превосходящими по прогностической силе традиционные показатели [4]. Развитие метода – нелинейный подход Fitness-Complexity (FCM) – устраняет ограничения линейного MR, обеспечивая устойчивую сходимость и корректное ранжирование высокодиверсифицированных стран [3].

Эмпирический анализ на примере Республики Беларусь по данным Гарвардской лаборатории роста выявляет состояние «скрытой эрозии» экономической сложности: при относительно высокой позиции в глобальном рейтинге ECI (36 место, значение 0,79) и сохранении экономического роста наблюдается устойчивый негативный тренд индекса (снижение на 2 позиции за 2019–2024 гг.)[1]. Проблема экономики Беларуси – не в самих знаниях, а в их разобщенности, в отсутствии горизонтальной мобильности кадров, кросс-секторальной кооперации и межрегиональных каналов диффузии компетенций.

Стратегия связанной диверсификации, ориентированная на эмпирически верифицированные «близкие» продукты, может остановить эрозию сложности, но только при условии одновременного создания институтов, обеспечивающих мобильность и комбинацию знаний.

Таким образом, теория экономической сложности предлагает не только новую объяснительную оптику, но и точный инструментарий для диагностики структурных диспропорций и обоснования политики долгосрочного устойчивого роста. Развитие финансовой и экономической науки должно учитывать сетевую природу знаний и эмерджентный характер производственных компетенций; академическая задача – разработка моделей структурной трансформации, интегрирующих показатели сложности в системы раннего предупреждения кризисов и обоснования инвестиционных приоритетов. Исследования должны фокусироваться на точках сопряжения между распределенными знаниями, институциональными рамками и реальными траекториями усложнения экономики, где будет определяться устойчивость будущего экономического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hidalgo, C. A. The building blocks of economic complexity / C.A. Hidalgo, R. Hausmann // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2009. – Vol. 106, No. 26. – P. 10570–10575.

2. The Atlas of Economic Complexity: Mapping Paths to Prosperity / R. Hausmann, C.A. Hidalgo, S. Bustos, M. Coscia, A. Simoes, M.A. Yildirim. – 2nd ed. – Cambridge, MA : MIT Press, 2013. – 367 p.

3. A new metrics for countries' fitness and products' complexity / A. Tacchella, M. Cristelli, G. Caldarelli, A. Gabrielli, L. Pietronero // Scientific Reports. – 2012. – Vol. 2. – No. 723. URL: https://www.researchgate.net/publication/232233495_A_New_Metrics_for_Countries'_Fitness_and_Products'_Complexity.

4. Arthur, W. B. Complexity and the Economy / W.B. Arthur. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 236 p.

[1] Atlas of economic complexity. – URL: https://atlas.hks.harvard.edu/.

ПЫТАННІ ПРАГНАЗАВАННЯ І ПЛАНАВАННЯ САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНАГА РАЗВІЦЦЯ Ў КІТАЙСКАЙ НАРОДНАЙ РЭСПУБЛІЦЫ

Голубеў С.Р.,

доктар эканамічных навук, прафесар,
Цэнтр сістэмнага аналізу і стратэгічных даследаванняў НАН Беларусі, г. Мінск,

Пуплікаў С.І.,

кандыдат эканамічных навук, дацэнт,
Міжнародны дзяржаўны экалагічны інстытут імя А.Д.Сахарава
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, г. Мінск

У Кітайскай Народнай Рэспубліцы за гады палітыкі адкрытасці і рэформ (пачынаючы з 1978 г.) сфарміравана шматузроўневая і разгалінаваная сістэма дзяржаўнага прагназавання і планавання. Яе аснову складаюць прагнозныя і праграмныя дакументы, якія распрацоўваюцца для краіны ў цэлым, асобных правінцый, аўтаномных раёнаў, гарадоў цэнтральнага падпарадкавання.

У дадатак да пазначанага масіву прагнозаў і праграм распрацоўваюцца стратэгічныя і праграмныя дакументы, якія прымаюцца ў мэтах развіцця:

- асобных галін (відаў эканамічнай дзейнасці) і сфер кітайскай эканомікі (Стратэгія пашырэння ўнутранага попыту 2022–2035 гг.; Праграма развіцця энергетычнай сістэмы новага тыпу (экалагічна чыстай, нізкавугляроднай) на перыяд 15-й пяцігодкі (2026–2030 гг.); Праграма развіцця інтэграванай транспартнай сістэмы (2026–2030 гг.); План дзеянняў па скаардынаваным развіцці буйных, сярэдніх і малых прадпрыемстваў у платформеннай эканоміцы (2026–2028 гг.); План стварэння рэгулярных механізмаў каардынацыі для аказання мэтавай тэхнічнай падтрымкі і паслуг буйным фермерскім гаспадаркам і навакольным дворагаспадаркам (2026–2028 гг.); гадавыя планы, якія канкрэтызуюць Праграмы гэтага віду і інш.);
- розных аспектаў эканамічнай дзейнасці (Стратэгія «Кітайскія стандарты-2035»; Ініцыятыва «Пояс і Шлях»; Праграма дзеянняў па прадухіленні і кантролю за забруджваннем цвёрдымі адходамі ў перыяд 15-й пяцігодкі (2026–2030 гг.); Праграма дзеянняў па дасягненні піка вугляродных выкідаў (2026–2030 гг.); План па энергазберажэнні і зніжэнні выкідаў вугляроду ў ключавых галінах прамысловасці (2026–2028 гг.); гадавыя планы, якія канкрэтызуюць Праграмы гэтага віду і інш.);
- міжгаліновых і міжрэгіянальных комплексаў і сфер (Ініцыятыва «Шэсць сетак»; Стратэгіі развіцця рэгіёнаў Пекін-Цяньцзінь-Хэбэй, дэльты ракі Янцзы, «Вялікага заліва» Гуандун-Сянган-Аамэнь; Стратэгія развіцця эканамічнага кольца ў раёне Чэнду-Чунцын; Праграма «Выдатны Кітай» (2026-2030 гг.), Праграма дзеянняў па развіцці эканомікі замкнёнага цыкла ў перыяд 15-й пяцігодкі (2026-2030 гг.); План дзеянняў па прасоўванні ўнікальных мадэляў прадпрымальніцтва і аказанні мэтанакіраванай падтрымкі стартапам у пошуку сваёй рынкавай нішы (2026–2028 гг.), гадавыя планы, якія канкрэтызуюць Праграмы гэтага віду і інш.);
- перадавых тэхналогій (Стратэгія развіцця прамысловага Інтэрнэту 2017–2050 гг., Ініцыятыва «Лічбавы Кітай», Стратэгія «Штучны інтэлект+», План па паскарэнні інтэграцыі штучнага інтэлекту ў інфармацыйна-камунікацыйны сектар краіны (2026-2028 гг.); гадавыя планы, якія канкрэтызуюць Праграмы гэтага віду і інш.).

Працэс падрыхтоўкі прагнозных і праграмных дакументаў развіцця ў Кітайскай Народнай Рэспубліцы строга рэгламентаваны, ажыццяўляецца пад кіраўніцтвам Камуністычнай партыі Кітая і вядзецца ў адпаведнасці з ідэямі Сі Цзіньпіна аб сацыялізме з кітайскай спецыфікай у новую эпоху. Падрыхтоўку прагнозных і праграмных дакументаў ажыццяўляе шэраг дзяржаўных органаў, ключавым з якіх выступае Дзяржаўны камітэт па справах развіцця і рэформ, які ўваходзіць у структуру Дзяржсавета КНР.

Галоўнымі праграмнымі дакументамі Паднябеснай выступаюць пяцігадовыя Праграмы сацыяльна-эканамічнага развіцця краіны. Як указваецца ў Законе КНР «Аб дзяржаўнай Праграме развіцця»(中华人民共和国国家发展规划法) пяцігадовыя Праграмы сацыяльна-эканамічнага развіцця ўяўляюць сабой паэтапнае разгортванне стратэгіі сацыялістычнай мадэрнізацыі ў рамках пэўнага планавага перыяду. У Праграмах знаходзяць сваё выражэнне стратэгічныя намеры дзяржавы і прыярытэты працы ўрада. Праграмы накіроўваюць і стандартуюць паводзіны гаспадарчых суб'ектаў шматукладнага кітайскага соцыума. У пяцігадовых Праграмах развіцця адлюстравана агульнае бачанне сацыяльна-эканамічнай дынамікі краіны і алгарытм дзеянняў на планавы перыяд; яны з'яўляюцца асновай для эканамічнага рэгулявання, рыначнага кантролю, грамадскага адміністравання, прадастаўлення дзяржаўных паслуг, забеспячэння нацыянальнай бяспекі, аховы навакольнага асяроддзя. Пры гэтым пяцігадовыя Праграмы з'яўляюцца арыенцірам для распрацоўкі планаў усіх іншых відаў і ўзроўняў, у прыватнасці, галіновых (спецыялізаваных) і рэгіянальных планаў развіцця[1].

Базісам усёй сукупнасці дзяржаўных прагнозаў і праграм Кітайскай Народнай Рэспублікі выступае цэласная сістэма навуковага прадбачання, якая дазваляе дэтэрмінаваць найбольш значныя вобласці развіцця тэхнікі і тэхналогій на доўгатэрміновую перспектыву. Гэта, ў сваю чаргу, дае магчымасць своечасова выяўляць аптымальныя шляхі для рэалізацыі буйных інавацыйных праектаў нацыянальнага, міжрэгіянальнага (рэгіянальнага) і міжгалінавага (галіновага) значэння ў прывязцы да неабходных сродкаў, а таксама канкрэтных выканаўцаў і тэрмінаў рэалізацыі. І не выпадкова новыя драйверы росту кітайскай эканомікі (у першую чаргу індустрыя штучнага інтэлекту, прамысловая робататэхніка, інавацыйная біяфармацэўтыка, «зялёная» энергетыка, перадавыя сістэмы назапашвання энергіі, электратранспарт) выступаюць у апошні час адметнай асаблівасцю не толькі эканамічнай дынамікі Паднябеснай, але і задаюць тон агульнасусветных трэндаў тэхналагічнага развіцця.

[1] (中华人民共和国国家发展规划法) // NPC. – URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c2/c30834/202603/t20260313_453202.html.

ОТРАСЛЕВАЯ ДЕКОМПОЗИЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА БЕЛАРУСИ В 2016–2025 ГГ.: ОТ ВКЛАДОВ К УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКЕ

Гончар Е.А.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Оценка экономического роста по агрегированному темпу ВВП скрывает неоднородность отраслевых траекторий: одинаковый итоговый результат может быть получен при различном сочетании циклических и устойчиво положительных, циклически изменяющихся и повторяющихся отрицательных вкладов. Цель исследования – выявить особенности формирования отраслевых вкладов в экономический рост Беларуси в 2016–2025 гг. и определить направления дифференциации мер государственного управления с учетом неоднородности отраслевых траекторий.

Информационную базу составили годовые вклады видов экономической деятельности в прирост реального ВВП, рассчитанные по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь [1]. Для выявления общего компонента в совместной динамике отраслевых вкладов применен метод главных компонент на основе их ковариационной матрицы [2]. Для совокупности видов экономической деятельности первая главная компонента объясняет 69,4% суммарной дисперсии годовых вкладов, что свидетельствует о наличии выраженного общего компонента в их вариации. С учетом ограниченного числа наблюдений (10 лет) результат интерпретируется как описательная

характеристика совместной вариации отраслевых вкладов и не используется для статистической верификации либо причинной интерпретации.

Наибольший накопленный вклад за десятилетие сформировала обрабатывающая промышленность. Положительный вклад отмечался в 7 из 10 лет, при этом амплитуда составляла от −1,37 до +2,11 п.п. Таким образом, обработка одновременно выступает ядром роста и главным источником его отраслевой волатильности. Торговля демонстрирует выраженную цикличность: отрицательный вклад −1,11 п.п. в 2022 г. сменился +1,21 п.п. в 2023 г.; положительный вклад наблюдался в 5 из 10 лет.

Для секции «Информация и связь» характерна иная траектория. Положительный вклад наблюдался в 8 из 10 лет, однако после устойчивого плюса в 2016–2021 гг. сектор перешел к отрицательным значениям в 2022–2023 гг., а в 2024–2025 гг. вклад вновь стал положительным, но оставался заметно ниже уровней 2016–2021 гг. Данная траектория позволяет рассматривать гипотезу о более устойчивом сдвиге. Сходная осторожность необходима при интерпретации данных по транспорту: сам ряд вкладов допускает гипотезу устойчивого сдвига, но ее проверка целесообразна с учетом отраслевых данных.

Здравоохранение обеспечивало положительный вклад в 9 из 10 лет: его масштаб невелик, но регулярность позволяет рассматривать сектор как стабилизатор. Напротив, секции «Операции с недвижимым имуществом» и «Образование» имели положительный вклад лишь в 2 из 10 лет. Для них повторяющийся слабый либо отрицательный результат является сигналом устойчивой проблемы. Однако частота отрицательных вкладов сама по себе не идентифицирует ее механизм. Для причинной интерпретации необходим анализ спроса, демографических факторов, структуры предложения, производительности и иных факторов.

Полученные результаты позволяют сформулировать три типа управленческой реакции. При признаках более устойчивого отраслевого сдвига приоритетом должна быть адаптация институциональных условий: снижение барьеров для привлечения и удержания квалифицированных кадров, диверсификация экспортных рынков, развитие альтернативных логистических маршрутов и устранение инфраструктурных ограничений. При циклической просадке целесообразно применение временных и адресных мер поддержки, увязанных с фазой цикла: в фазе спада – временная адресная поддержка жизнеспособных предприятий и проектов, в том числе через инструменты ликвидности, гарантии и эффективные инвестиции; по мере восстановления – постепенное сворачивание антикризисной поддержки и перенос акцента на модернизацию, повышение производительности и экспортную диверсификацию; в фазе устойчивого подъема – отказ от дополнительного стимулирования спроса, усиление отбора проектов по эффективности и формирование резервов для последующего спада. При хронически слабом вкладе меры государственного управления должны предшествоваться диагностикой его причин – состояния спроса, демографических факторов, структуры предложения, производительности и др.

Таким образом, совместный анализ частоты знака, диапазона годовых вкладов и их синхронности позволяет различать отдельные типы отраслевой динамики, которые на агрегированном уровне ВВП могут выглядеть схожим образом. Практическая ценность подхода состоит не в установлении причин, а в предварительном разделении сигналов, требующих различной глубины и направления последующей диагностики. Предложенная типология может служить основанием для дифференциации мер государственного управления, однако ее применение требует подтверждения отраслевыми данными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальные счета // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/natsionalnye-scheta/ (дата обращения: 03.09.2026).

2. Jolliffe, I. T. Principal component analysis: a review and recent developments / I.T. Jolliffe, J Cadima. // Philosophical Transactions of the Royal Society A. – 2016. – Vol. 374, No. 2065. – Art. 20150202.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТАМОЖЕННОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ЭФФЕКТЫ ДЛЯ УЧАСТНИКОВ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Гурская Е.С.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Развитие таможенного администрирования в Республике Беларусь характеризуется переходом от традиционного бумажного документооборота к цифровым механизмам автоматического выпуска товаров. Точкой отсчёта принято считать 2013 г., когда декларации начали регистрироваться автоматически, без участия должностного лица. В 2016 г. автоматический выпуск проверяли в порядке эксперимента, а с 1 января 2018 г. он превратился в рядовую практику. В настоящее время в электронный формат переведено 26 административных процедур, обеспечена подача 33 электронных таможенных документов, а годовой объём электронного документооборота таможенных органов измеряется миллионами документов[1].

Под цифровой трансформацией таможенного администрирования понимается не только перевод документов в электронный вид, но и изменение самой логики контроля: сплошная проверка каждой поставки замещается выборочной, основанной на автоматизированной оценке уровня риска. Именно это определяет характер эффектов, возникающих у участников ВЭД, и объясняет, почему выигрыш от цифровизации распределяется между ними неравномерно.

Цифровизация таможенной сферы развивается сразу на двух взаимодополняющих уровнях – национальном и наднациональном. Их содержание и практический смысл для бизнеса представлены в табл.

Таблица

Особенности двухуровневой цифровизации таможенного администрирования в Беларуси

Уровень	Ключевые элементы	Значение для участника ВЭД
Национальный	Единая автоматизированная информационная система таможенных органов, ведомственная интегрированная платформа, программные продукты e-Client и «Е-Декларант», центр кибербезопасности, проекты безбумажной торговли	Подача деклараций и таможенных документов в электронном виде, автоматическая регистрация и автоматический выпуск, отказ от визита в пункт таможенного оформления
Наднациональный (ЕАЭС)	Единая транзитная декларация, электронные сертификаты происхождения, общие процессы обмена сведениями между таможенными службами государств-членов	Сквозное оформление транзита, отказ от дублирования документов на границах Союза, сокращение времени доставки товара
Стык двух уровней	Согласование структур и форматов электронных документов, единые справочники и классификаторы	Необходимость соблюдения единых форматов и структур данных; их несоответствие может повлечь отклонение электронной декларации, её корректировку и увеличение срока таможенного оформления.

Источник: составлено автором по данным: URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_tamoj_infr/costoms_exchange.php.

Эффекты экономического субъекта от цифровизации таможенных процессов складываются, как правило, из трёх составляющих. Первая связана с сокращением временных затрат на всех этапах таможенного администрирования. Цифровые технологии позволяют заранее представлять сведения о товарах и транспортных средствах, автоматически регистрировать декларации и выпускать товары, ускорять межведомственный обмен документами, оперативно выбирать объекты контроля

[1] Таможенные органы заняли первое место среди государственных органов Беларуси по уровню цифровизации // Белорус. ассоц. междунар. автомоб. перевозчиков : [сайт]. – Мн., 2025. – URL: http://bamap.org/information/news/ (дата обращения: 18.08.2026).

на основе системы управления рисками, а также дистанционно получать результаты совершённых таможенных операций.

Вторая составляющая выражается в снижении издержек, которое достигается не за счёт уменьшения таможенных платежей, а по сопутствующим статьям расходов: простой транспорта, хранение на складе, вознаграждение посредника, доставка документов.

Третья заметна меньше, но для предприятия зачастую важнее прочих – предсказуемость. Алгоритм не устаёт к концу смены, не толкует ситуацию по своему усмотрению и не оставляет места неформальным договорённостям.

Вместе с тем цифровизация таможенного администрирования сопровождается рядом ограничений и рисков. Автоматизированные процедуры предъявляют повышенные требования к качеству подаваемых сведений: неточный код ТН ВЭД, спорная таможенная стоимость или расхождения в описании товара могут стать основанием для направления поставки на ручной контроль, что нивелирует временны́е преимущества автоматического выпуска.

Следует отметить также уязвимость цифровых систем к техническим сбоям и отсутствие единой межведомственной платформы, которая объединяла бы взаимодействующие стороны: таможенные органы; органы, выдающие разрешительные документы, и бизнес. Отдельные операции пока распределены между разными сервисами, часть из них платная.

Дальнейший вектор развития цифровизации задан проектом «Интеллектуальная таможня», рассчитанным на 2026–2030 гг. Проект направлен на масштабную цифровизацию и автоматизацию таможенного оформления, внедрение элементов искусственного интеллекта, развитие системы управления рисками и переход к цифровому контролю в реальном времени. В числе приоритетных направлений предусмотрены применение технологий машинного зрения для распознавания изображений и текста, аналитическая обработка сканограмм инспекционно-досмотровых комплексов, работа с большими массивами данных и развитие аналитического обеспечения правоохранительной деятельности[2].

Для участника ВЭД реализация проекта означает изменение привычной модели взаимодействия с таможенными органами. Развитие цифровых технологий и системы управления рисками позволяют дифференцировать интенсивность таможенного контроля. Поставки с низким уровнем риска могут оформляться быстрее, тогда как контроль в отношении рисковых операций может осуществляться после выпуска товаров.

[2] В Беларуси приступили к реализации проекта «Интеллектуальная таможня» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. – Мн., 2026. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2026/maj/93622/ (дата обращения: 18.08.2026).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АЛЬЯНСЫ БЕЛАРУСИ

Девликамова Г.В.,

кандидат экономических наук, доцент,
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
г. Уфа, Российская Федерация

Беларусь почти 20 лет работает в Латинской Америке в совместных проектах – в Венесуэле и в Эквадоре [1]. Задачей исследования было определено изучение современного положения международных стратегических альянсов (МСА), созданных РУП «Белоруснефть» и венесуэльской государственной нефтяной компанией PdVSA. Венесуэла является владелицей крупнейших в мире запасов нефти, причем нефть здесь разнообразна по качеству. Наибольшая доля приходится на тяжелую и

сверхтяжелую нефть бассейна реки Ориноко. Значительная часть запасов легкой нефти расположена в округе озера Маракаибо. Страна заинтересована в совместных проектах, в привлечении новых технологий, материалов, труда и опыта иностранных специалистов, инвестициях. Поэтому охотно приглашаются зарубежные ВИНК для ведения совместных проектов. Беларусь имеет богатый опыт разведки и разработки нефтяных месторождений, квалифицированный персонал, инновационную технологическую базу. Она участвовала в совместных предприятиях (СП) «Сисмика БелоВенесолана» (сейсморазведка) и «Петролера БелоВенесолана» (нефтесервис, бурение, капремонт скважин, воздействие на пласт). Доля белорусской стороны была стабильна – 40%, как оптимальный вариант распределения долей для СП подобной специфики. Проекты показали себя успешными. Но в мире и в Венесуэле произошли значительные для изучаемого бизнеса изменения. Экономические санкции в отношении Венесуэлы введены достаточно давно и оказали очень негативное воздействие на СП. Колебания мировых цен на нефть, введение санкций против России и Ирана – партнеров Венесуэлы в нефтегазовом бизнесе, политический кризис в стране, определенная деградация нефтяной инфраструктуры, инфляция, падение курса боливара, действия в регионе Гайана-Эссекибо – все эти факторы повлекли за собой приостановку и заморозку работы СП. Однако существуют определенные драйверы восстановления и перезагрузки деловых взаимоотношений. Прежде всего следует отметить наличие на территории альянсов, сопровождающих нефтяные [2]. Это поддерживающие альянсы в военной области (поставка военной техники, разработка системы ПВО, подготовка военных кадров), смежные альянсы (организация сборочных производств «ВенеМинск Тракторес», «МАЗ-Вен»), образовательные проекты (обмен студентами и преподавателями, прием студентов на обучение в Беларуси, совместные научные исследования, подготовка кадров в биотехнологиях, генетике, нефтепереработке, машиностроении, ядерных технологиях, сельском хозяйстве и др.), медицинские проекты (подготовка специалистов по роботохирургии, взаимные поставки лекарств).

Изменения, произошедшие на нефтегазовом рынке Венесуэлы, привели к активизации работы некоторых мировых нефтяных гигантов – Exxon Mobil, Chevron, Shell. Другие компании проявили сдержанность и недовольство (ConocoPhilips, BP). Некоторые ушли из страны (Total, Equinor) по разным причинам. Поэтому существует мнение, что настойчивые попытки некоторых стран-санкционеров стимулировать венесуэльскую нефтедобычу и экспорт нефти могут оказать не лучшее влияние, поскольку не имеют целью долгосрочное развитие отрасли, ее восстановление, финансирование, обеспечение персоналом (особенно на НПЗ). Укрепление и стабилизация венесуэльской нефтепереработки, которая потеряла квалифицированный персонал и оказалась в еще худшем положении по сравнению с сектором upstream, означает восстановление устойчивости нефтяной отрасли и смену стратегической позиции на мировом нефтяном рынке как PdVSA, так и самой Венесуэлы. Непростое положение сложилось и в транспортировке нефти от месторождений к портовым терминалам и на НПЗ. Тяжелая нефть требует блендинга с нафтой, которая поставляется большей частью из-за рубежа, следовательно, страна может попасть в зависимость от поставщика ресурса. В 2021–2023 гг. в поставках лидировал Иран, в настоящее время основным ее поставщиком явилась Россия.

Каковы основные проблемы белорусско-венесуэльских СП?

Удаленность стран, высокие транспортные тарифы, сложная логистика, обострение политической ситуации в мире, пертурбации на мировом нефтяном рынке, война в Иране и в Ормузском проливе.

Каковы интересы, выгоды, перспективы продолжения сотрудничества в нефтегазовой сфере для Бераруси?

Выход на новый рынок нефти и газа, диверсификация поставщиков нефти, укрепление стратегической позиции на иберoамериканском континенте, расширение рынка предложения нефтесервисных услуг компании «Белоруснефть» [3], поиск взаимодействия с крупными игроками нефте-

газового бизнеса (ENI, Repsol, PdVSA). Возможность экспорта белорусских реагентов и ресурсов в Венесуэлу, усиление профессиональных компетенций персонала СП, оказание услуг другим СП PdVSA и укрепление деловых контактов с ними (Petrovietnam, Repsol, ONGC, Petronas и др.), синергетический эффект, проявляющийся в работе в нефтегазовом комплексе другой иберoамериканской страны Эквадоре. Какова же стратегия компании? Выжидание, перезагрузка деловых взаимоотношений, стратегический разрыв и перенастройка, изучение событий и обстановки. «Белоруснефть» не ушла из Венесуэлы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харичева, И.В. Белорусско-венесуэльское нефтяное сотрудничество / И.В. Харичева // Энергетическая безопасность белорусского государства: исторический опыт, достижения, проблемы, перспективы: материалы круглого стола. – Брест: БГТУ, 2011. – С. 35–38.

2. Девликамова, Г.В. Структура взаимоотношений в нефтегазовых альянсах России и Венесуэлы / Г.В. Девликамова // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. – 2021. – № 1 (193). – С. 62–68.

3. Шевцов, Ю. Геополитический потенциал белорусско-венесуэльского энергетического сотрудничества / Ю. Шевцов, С. Кизима // Белорусская думка. – 2010. – № 5. – С. 46–47.

—— ◆ ——

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ОПЛАТЫ ТРУДА В СИСТЕМЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ

Деревяго М.А.,

Белорусский государственный технологический университет, г. Минск

Развитие фармацевтической промышленности как основной перспективной отрасли инноваций в Республике Беларусь требует целостной системы оплаты труда, которая бы сочетала государственные стимулы и внутренние мотивационные инструменты организаций. В условиях ограниченных бюджетов и кадрового дефицита ключевыми задачами становятся: создание устойчивой базы финансирования НИОКР, выравнивание рыночной стоимости труда исследовательских и производственных специалистов, а также интенсификация трансфера технологий и коммерциализации знаний. И если макроуровень формирует определенные рамки и стимулы, то микроуровень задает конкретные инструменты вознаграждения внутри организаций. Их синергия позволит повысить привлекаемость талантов, качество исследований и, соответственно, скорость вывода лекарственных препаратов на рынок.

Институциональные механизмы оплаты труда на государственном уровне формируют нормативные условия и стимулы, задающие общую «модель» мотивации участников инновационной системы фармацевтической отрасли. К основным инструментам в данном случае можно отнести: финансирование НИОКР и прямые субсидии на фармацевтические проекты (бюджетное и негосударственное финансирование НИОКР в отрасли, в т. ч. целевые гранты на прикладные исследования; поддержка проектов, ориентированных на создание отечественных лекарственных препаратов и биотехнологий); налоги и финансовые стимулы для инвестиций в науку и инновации (налоговые льготы и вычеты, в т. ч. преференции по налогам для организаций, реализующих совместные проекты с академическими учреждениями и вузами); государственные заказы, закупки и гарантии спроса (приоритетное участие отечественных инновационных лекарственных препаратов в госзакупках и госпрограммах здравоохранения; создание регулируемой «дорожной карты» внедрения инноваций в государственный сектор здравоохранения, которая позволит снизить коммерческие риски для инвесторов в исследования и разработки); правовые и регуляторные условия для инновационной деятельности и защиты интеллектуальной собственности (упрощение процессов патентования, лицензирования и коммерциализации результатов

исследований; поддержка правовой охраны интеллектуальной собственности, согласование механизмов лицензионных отчислений и выплаты роялти); межотраслевое и межсекторное сотрудничество (развитие инновационных кластеров, технопарков и совместных центров разработки, где трудовые начисления и социальные выплаты согласованы с задачами кластерной политики; поддержка механизмов совместного финансирования, обмена знаниями и мобильности кадров между академическими центрами и предприятиями); регулирование и стандарты труда в условиях инноваций (создание гибких, предсказуемых схем оплаты труда на уровне отраслевых стандартов, которые учитывают специфику НИОКР; обеспечение прозрачности условий найма, равной оплаты за одни и те же функции в рамках отрасли).

На уровне внутрифирменного управления важна близость форм оплаты к целям инновационного цикла: привлечение квалифицированной рабочей силы, удержание талантов, повышение продуктивности и ускорение трансфера знаний. Основные институциональные инструменты будут включать: установление справедливых и конкурентных базовых ставок в научно-исследовательском и производственном сегментах фармацевтического сектора (дифференциация по должностям, уровню квалификации, опыту и специфике реализуемых проектов); привязку вознаграждений к инновационным результатам (премии за патенты и лицензионные соглашения, за успешную реализацию проектов, выход на новые рынки, публикации в престижных журналах, участие в клинических исследованиях; бонусы за внедрение экономически выгодных инноваций и экономию затрат на производство); программы долгосрочной мотивации (опционные программы и механизмы долевого участия сотрудников; премирование за достижение устойчивых показателей окупаемости проектов); нематериальные стимулы и развитие карьеры (системы обучения, финансирование магистратуры/аспирантуры, участие в международных обменах, академических грантах; гибкая занятость, поддержка баланса работы и жизни, возможность работать в междисциплинарных командах, участие в инновационных проектах); мотивационные схемы на уровне операционных задач и KPI (ориентация на ключевые показатели инновационной деятельности; фокус на качество исследований); комбинированные схемы оплаты труда (комплексная структура вознаграждения; пакетные решения для ключевых ролей); учет регионального и институционального контекста (адаптация внутренних политик к внешним условиям).

Модернизация указанных институциональных инструментов оплаты труда в системе инновационного развития фармацевтической отрасли Республики Беларусь требует синергетического взаимодействия государственного и внутрифирменного управления. Государственная поддержка в форме налоговых преференций, субсидий и регуляторных стимулов призвана минимизировать инвестиционные риски наукоемких проектов. На предприятиях данные внешние стимулы трансформируются в адаптивные внутренние инструменты: дифференцированные оклады и программы долгосрочного регрессионного или опционного мотивирования. Интеграция указанных уровней управления с учетом региональной специфики рынка труда сформирует устойчивую экосистему, способную предотвратить отток высококвалифицированных кадров, повысить результативность отечественных исследований и ускорить разработку инновационных лекарственных препаратов.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ РЕАЛИЗАЦИИ МУЛЬТИПЛИКАТИВНОГО ЭФФЕКТА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ БЕЛАРУСИ

Драгун К.Н.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

В условиях технологической трансформации экономики Беларуси особую актуальность приобретает эффективность государственных инвестиционных расходов. Согласно кейнсианской модели, бюджетная экспансия через мультипликативный эффект приводит к приросту совокупного дохода и занятости. Однако в современной белорусской экономике, характеризующейся высокой долей государственного сектора, административными барьерами и институциональными диспропорциями, фактический мультипликативный эффект может существенно отклоняться от теоретического.

Кейнсианская модель исходит из того, что рынок не уравновешивает сбережения и инвестиции [1]. Величина мультипликатора зависит от предельной склонности к потреблению: чем выше склонность к потреблению, тем больше прирост дохода от инвестиций [2]. Государственные расходы компенсируют разрыв, возвращая доходы (за вычетом сбережений) в экономику [3].

Кейнс подчёркивал зависимость мультипликатора от институциональной среды (доверие, регулирование, неопределённость) [2, 4]. В условиях пессимистических ожиданий и «ловушки ликвидности» фискальная политика остаётся единственным выходом [5], а государство выступает одновременно стимулятором спроса и стабилизатором.

Три ключевых программных документа Беларуси до 2030–2040 гг. задают технологическую модернизацию как вектор инвестиционной политики. Количественные ориентиры включают: 45% инновационно активных организаций, 9 млрд руб. экспорта наукоёмкой продукции, рост инвестиций в 2,1 раза, 45% затрат на машины и интеллектуальную собственность. Инструментально приоритет отдаётся локализованным проектам [6–8].

Одновременно расширяется инструментарий государственной поддержки: с 2024 г. вступил в силу обновлённый Закон «Об инвестициях», предлагающий инвестиционные и специальные инвестиционные договоры, преференциальные инвестпроекты, бюджетные трансферты. Правительство утвердило механизмы обеспечения технологического суверенитета, включая конкурсный отбор проектов, финансируемых из бюджета и Национального централизованного инновационного фонда.

Несмотря на амбициозные целевые показатели и расширение инструментария, фактическая реализация мультипликативного эффекта государственных инвестиций в Беларуси сталкивается с системными институциональными ограничениями.

1. Структурный перекос в пользу государственного сектора. Предпочтение госкомпаниям и компенсация убытков снижают стимулы к эффективности и создают «ловушку» для инвестиций. В результате бюджетные инвестиции не создают мультипликативного эффекта в смежных отраслях, а замыкаются внутри госсектора.

2. Несоответствие формальных и неформальных институтов. Государственные цели технологической модернизации вступают в противоречие с укоренившимися практиками административного регулирования, что снижает доверие инвесторов и ослабляет мультипликативный эффект государственных расходов.

3. Ограниченная трансформация сбережений в инвестиции. Стратегия финансового рынка в рамках НСУР-2040 направлена на трансформацию долгосрочных сбережений в инвестиции, однако институциональные условия препятствуют эффективному переливу капитала в высокотехнологичные сектора.

Проведённый анализ позволяет сформулировать ключевой вывод: в условиях технологической трансформации инвестиционная политика Беларуси должна сместить акцент с объёмов бюджетных расходов на качество институтов, от которых зависит мультипликатор.

Кейнсианский стабилизатор через бюджетные расходы компенсирует провалы рынка. Однако в Беларуси институциональные диспропорции ослабляют мультипликатор: инвестиции «утекают» через мягкие ограничения, издержки и институциональные разрывы. Технологическая трансформация как структурный сдвиг требует не антикризисных, а институциональных решений.

Предлагается концептуальная модель организационно-экономического механизма, интегрирующая:

- краткосрочный контур – бюджетные инвестиции в инфраструктуру и высокотехнологичные проекты (максимизация мультипликатора);
- долгосрочный контур – институциональная трансформация: снижение издержек, жёсткие бюджетные ограничения для госсектора, синхронизация институтов.

Такой синтез спросового и институционального подходов повысит эффективность госинвестиций как драйвера технологической трансформации Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег: пер. с англ. / Дж. М. Кейнс. – М. : АСТ, 2022. – 544 с.

2. Hansen, H. A Guide To Keynes, including the Preface / H. Hansen. – New York: McGraw-Hill. – 237 p.

3. Самуэльсон, П. Экономика. Вводный курс / П. Самуэльсон – М.: Прогресс, 1964. – 843 с.

4. Шумпетер, Й. Теория экономического развития: исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры / Й. Шумпетер : пер. с нем. – М. : Прогресс, 1982. – 456 с.

5. Блауг, М. Экономическая мысль в ретроспективе : пер. с англ. / М. Блауг. – 4-е изд. – М. : Дело, 1994. – 688 с.

6. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2026-2030 годы : Указ Президента Респ. Беларусь от 21 дек. 2025 г. № 448 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 2003–2026.

7. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года // Министерство экономики Республики Беларусь, 2026. – URL: https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-razvitija-respubliki-belarus-na-period-do-2040-goda.pdf (дата обращения: 05.09.2026).

8. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026-2030 годы : Решение Всебелорусского народного собрания от 19 дек. 2025 г. № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 2003–2026.

ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Дюрова Д.А.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

С точки зрения институционального подхода в экономике разработка типовых бизнес-моделей представляет собой один из инструментов снижения трансакционных издержек, связанных с информационной асимметрией, неопределенностью и ограниченной рациональностью участников предпринимательской деятельности. Дуглас Норт определял институты как «правила игры», формирующие устойчивые рамки взаимодействия экономических субъектов, уменьшающие неопределенность и создающие условия для специализации и обмена [1]. В предпринимательской сфере институциональная среда включает законодательные нормы, механизмы государственного регулирования, деловые практики и нормы деловой культуры, определяющие особенности координации участников рынка. В данном контексте методические материалы и типовые бизнес-модели могут рассматриваться как микроинституты, позволяющие компенсировать ограничения внешней среды.

Оливер Уильямсон в рамках теории трансакционных издержек уделял особое внимание ограниченной рациональности и оппортунистическому поведению экономических субъектов. Наличие данных факторов обусловливает необходимость формирования эффективных механизмов управления взаимодействиями, которые могут принимать форму рыночных, иерархических или смешанных структур. Их использование позволяет снижать затраты на поиск партнеров, заключение и контроль исполнения

договоров, а также адаптацию к изменяющимся условиям [2, с. 147]. Типовые бизнес-модели позволяют применять подобные организационные механизмы в малом и среднем предпринимательстве, предоставляя начинающим субъектам готовые подходы к планированию и организации деятельности.

До начала предпринимательской деятельности необходимо сформировать комплексное представление об условиях функционирования будущего бизнеса. Предпринимателю требуется информация о состоянии рынка, конкурентной среде, уровне и принципах ценообразования, потенциальных рисках, а также правовых и налоговых требованиях. Получение такой информации связано с определенными трансакционными издержками, поскольку требует затрат времени и ресурсов на поиск, проверку, систематизацию и анализ данных. Дополнительные потери могут возникать вследствие неполноты, недостоверности или несвоевременности получаемой информации.

Для субъектов малого предпринимательства значение указанных издержек является особенно высоким. Ограниченные финансовые, кадровые и временные ресурсы не позволяют начинающим предприятиям создавать собственные специализированные подразделения для поиска и обработки информации. В результате даже относительно небольшие расходы на установление деловых связей, получение консультаций и анализ рынка способны существенно увеличивать стоимость запуска бизнеса и снижать его устойчивость на начальном этапе.

С учетом этого можно выделить несколько основных способов снижения трансакционных издержек на этапе создания малого предприятия.

1. Сотрудничество с крупными компаниями. Заключение долгосрочных договоров с крупными партнерами может сократить затраты на поиск контрагентов и рынков сбыта, а также обеспечить более стабильные условия работы на начальном этапе. Вместе с тем чрезмерная зависимость от одного крупного партнера способна ограничить самостоятельность малого предприятия, снизить его гибкость и создать дополнительные риски при изменении условий сотрудничества.

2. Создание собственной инфраструктуры на этапе запуска. Еще одним вариантом является формирование внутри малого предприятия специализированных функций, связанных с поиском и обработкой информации. Это могут быть маркетинговое, юридическое, финансовое или аналитическое направления. Такой подход позволяет повысить самостоятельность предприятия и обеспечить постоянный доступ к необходимой информации. Однако создание подобных функций требует дополнительных финансовых и кадровых ресурсов. При небольшом масштабе деятельности соответствующие затраты могут оказаться неоправданными и привести к росту административных расходов.

3. Использование внешней информационной инфраструктуры. Наиболее доступным для начинающего предпринимателя способом сокращения трансакционных издержек является использование внешних информационных и консультационных ресурсов. Они позволяют получать сведения о состоянии рынка, требованиях законодательства, налогообложении, маркетинге, рисках и организации предпринимательской деятельности без необходимости формирования собственной специализированной инфраструктуры.

Информационно-консультационная поддержка позволяет снизить временные и финансовые издержки, связанные с поиском и обработкой информации, повысить уровень информированности предпринимателя и уменьшить неопределенность в процессе принятия управленческих решений. В этом контексте типовые бизнес-модели могут выступать самостоятельным элементом инфраструктуры поддержки предпринимательства, объединяя в единой структуре систематизированную информацию, практические рекомендации и готовые алгоритмы организации бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. North, D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance / D. C. North. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 152 p.

2. Williamson, O. E. Transaction Cost Economics / O. E. Williamson // Handbook of Industrial Organization : in 2 vol. / ed.: R. Schmalensee, R. D. Willig. – Amsterdam : North-Holland, 1989. – Vol. 1. – P. 135–182.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Жук И.Н.,

кандидат экономических наук, доцент,
НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Одним из ключевых факторов повышения конкурентоспособности национального хозяйства становится цифровая экономика (ЦЭ), определяющая эффективность государственного управления, развитие высокотехнологичных отраслей и устойчивость экономического роста. В этих условиях особую актуальность приобретает оценка современного состояния ЦЭ Беларуси, выявление основных тенденций ее развития и условий, определяющих дальнейшее расширение цифрового потенциала страны. Анализ показателей, представленных в таблице, свидетельствует о том, что доля ВДС цифровой экономики в ВВП в 2019–2024 гг. сохранялась на относительно высоком уровне (6,0–7,9%). Максимальное значение достигнуто в 2021 г. (7,9%), после чего наблюдалось снижение до 6,0–6,1% в 2023–2024 гг., что указывает на замедление темпов развития цифрового сегмента. Ключевую роль в структуре ЦЭ играет сектор ИКТ (5,4–7,5% ВВП). Вместе с тем после 2021 г. фиксируется сокращение его удельного веса в ВВП, а также численности работников ИКТ-сектора с 125,3 тыс. чел. в 2021 г. до 104,4 тыс. чел. в 2024 г.

Положительной тенденцией является рост цифровой торговли. Количество ее организаций увеличилось почти в 2,7 раза – с 777 в 2019 г. до 2107 в 2024 г., а численность занятых возросла с 7,0 тыс. до 13,4 тыс. человек. Одновременно доля цифровой торговли в ВВП изменилась с 0,2% до 0,4%, что связано с активным развитием электронной коммерции и цифровых сервисов.

Доля инвестиций в основной капитал цифровой экономики увеличилась с 2,9% в 2019 г. до 3,8% в 2024 г., что говорит о сохранении инвестиционной привлекательности цифрового сектора и приоритетности развития для Беларуси.

Таблица

Показатели цифровизации экономики Республики Беларусь

Показатели	2019	2020	2021	2022	2023	2024
ВДС ЦЭ, к ВВП, %	7,0	7,8	7,9	6,9	6,0	6,1
сектор ИКТ, к ВВП, %	6,5	7,3	7,5	6,5	5,4	5,4
сектор контента и СМИ, к ВВП, %	0,3	0,3	0,3	0,2	0,3	0,3
цифровая торговля, к ВВП, %	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3	0,4
Инвестиции в ОК в ЦЭ, к общему объему ИОК, %	2,9	2,6	2,9	3,0	3,7	3,8
сектор ИКТ, к общему объему ИОК, %	2,6	2,4	2,7	2,6	3,6	3,5
сектор контента и СМИ, к общему объему ИОК, %	0,3	0,1	0,1	0,2	0,1	0,3
цифровая торговля, к общему объему ИОК, %	0,02	0,1	0,1	0,2	0,04	0,1
Чистая прибыль организаций ЦЭ, млн руб.	2046,8	2747,2	2620,5	2355,1	2690,4	3352,7
сектор ИКТ	1956,7	2666,7	2550,3	2265,1	2584,1	3098,8
сектор контента и СМИ	70,4	41,3	53,3	58,6	69,6	127,6
цифровая торговля	19,7	39,2	17,0	31,4	36,8	126,4
Иностранные инвестиции, поступившие в организации ЦЭ, к общему объему иностранных инвестиций, %	7,3	7,6	10,2	11,8	10,7	11,2
сектор ИКТ, к общему объему иностранных инвестиций, %	7,1	7,4	9,9	10,5	9,8	9,8
сектор контента и СМИ, к общему объему иностранных инвестиций, %	0,1	0,03	0,1	0,1	0,02	0,04
цифровая торговля, к общему объему иностранных инвестиций, %	0,1	0,2	0,3	1,3	0,9	1,4

Окончание табл.

Показатели	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Число организаций ЦЭ, единиц	6967	7045	7193	7368	7807	8533
сектор ИКТ	5202	5341	5412	5437	5415	5462
сектор контента и СМИ	988	999	978	962	963	964
цифровая торговля	777	705	803	969	1429	2107
Списочная численность работников организаций ЦЭ, чел.	132688	140979	148577	142798	129418	130549
сектор ИКТ	111316	118778	125279	119799	105312	104381
сектор контента и СМИ	14364	13600	12929	12179	12465	12753
цифровая торговля	7008	8601	10369	10820	11641	13415

Источник: составлено автором на основе [Информационное общество в Республике Беларусь. Статистический сборник. – Минск, 2025. – С. 1–58].

ЦЭ имеет высокий инвестиционный потенциал также и для иностранных инвесторов. Доля иностранных инвестиций, поступивших в организации ЦЭ, увеличилась с 7,3% в 2019 г. до 11,2% в 2024 г. Суммарный объем инвестиций в цифровую экономику в 2024 г. достиг 772,1 млн долл. США, хотя под влиянием санкционных ограничений динамика инвестиционного потока сократилась на 6,9%.

Показатели финансовой эффективности ЦЭ демонстрируют положительную динамику. Чистая прибыль организаций увеличилась с 2046,8 млн руб. в 2019 г. до 3352,7 млн руб. в 2024 г. Основной вклад обеспечивает сектор ИКТ, однако наиболее высокие темпы роста прибыли наблюдаются в цифровой торговле и секторе контента и СМИ. Вместе с тем отмечается достаточно низкий удельный вес сектора контента и СМИ, доля которого в ВВП и инвестициях остается минимальной и практически не демонстрирует роста.

Конкурентные преимущества в цифровом секторе сформировались благодаря созданию Декретом Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. №12 Парка высоких технологий. В настоящее время ПВТ сохраняет статус флагманского инструмента привлечения ИТ-компаний и стимулирования экспорта программного обеспечения. В целом на долю ПВТ приходится около 80% всего белорусского ИТ-экспорта; среди профильных направлений лидируют заказная разработка программного обеспечения, продуктов для финтех- и игровой индустрии[1]. Важной тенденцией стал рост внутреннего рынка: выручка в этом сегменте увеличилась на 121% по сравнению с прошлым годом. На внутренний рынок работают 60% от общего числа резидентов ПВТ (641)[2]. ПВТ предлагает решения для цифровизации промышленности, ЖКХ, образования, строительства, здравоохранения, сельского хозяйства, банковского сектора, бизнес-процессов и многих других сфер.

Таким образом, цифровая экономика Беларуси сохраняет приоритетный статус, характеризуясь ростом инвестиционной активности, развитием цифровой торговли и высокой ролью ИКТ-сектора. Вместе с тем снижение вклада ИКТ в ВВП и сокращение численности занятых в отрасли требует дальнейшего совершенствования государственной политики, направленной на стимулирование цифровой трансформации экономики.

[1] Цифры и факты // Парк высоких технологий. – URL: https://park.by/htp/facts/ (дата обращения: 10.06.2026).

[2] Выручка ПВТ от работы на внутреннем рынке за 2025 год выросла более чем на 20% // БЕЛТА. – URL: https://belta.by/economics/view/vyruchka-pvt-ot-raboty-na-vnutrennem-rynke-za-2025-god-vyrosla-bolee-chem-na-20-775635-2026/ (дата обращения: 10.06.2026).

О СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ РАЗВИТИЯ ЛИБЕРИИ

Заливако С.Г.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы предусматривается развитие торгово-экономических связей с государствами Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки за счет определения стран – опорных точек в этих регионах[1].

По мнению ряда экспертов, Либерия является недостаточно изученным, но в то же время одним из наиболее перспективных направлений для международного бизнеса в Западной Африке[2].

Дипломатические отношения Беларуси и Либерии установлены в 2016 г. Торговля носит эпизодический характер: в 2019–2022 гг. Либерия закупала в Беларуси шины, удобрения, солод, яйца, в 2025 г. – замороженное куриное мясо[3]; поставки услуг из Беларуси не осуществлялись[4] (зеркальные данные).

Определению направлений сотрудничества Беларуси с этой африканской страной может способствовать проведение анализа принятых в Либерии программных документов на средне- и долгосрочную перспективу[5]. В этой связи наибольший интерес с точки зрения проработки поставок белорусских товаров и услуг, по нашему мнению, представляют следующие программные документы Либерии.

В январе 2025 г. правительство запустило программу «ARREST Agenda for Inclusive Development» (AAID), пятилетний национальный план развития, ориентированный на инвестиции в сельское хозяйство, дорожное строительство, верховенство права, образование, санитарию и здравоохранение, а также туризм[6].

Ключевые цели включают диверсификацию экономического производства с особым вниманием к цепочке создания стоимости в сельском хозяйстве, обрабатывающей промышленности и туризме, а также повышение продовольственной и пищевой безопасности и устойчивости[7].

Для укрепления продовольственной безопасности к 2029 г. планируется увеличить местное производство семян, сократить импорт продовольственных культур, обеспечить поддержку увеличения производства животноводческой продукции, мяса птицы, яиц, кормов для животных; укрепить национальную систему ветеринарных услуг.

Среди важнейших приоритетов программы ARREST называется модернизация инфраструктуры (улучшение дорог, энергоснабжения и доступа к технологиям). В число задач входит асфальтирование как минимум 485 км основных дорог и расширение доступа к доступной электроэнергии как в сельской, так и в городской местности[8].

Программа «Экологическая устойчивость» способствует ответственному управлению природными ресурсами, защите биоразнообразия и повышению устойчивости к изменению климата. Направление «Развитие человеческого капитала» фокусируется на инвестициях в образование, здравоохранение, санитарию.

Национальный план развития сельского хозяйства страны (NADP) на период 2024–2030 гг. определяет путь к национальной продовольственной самообеспеченности и созданию национального богатства

[1] URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P925v0001.

[2] URL: https://reab.pro/ru/countries/liberia?ysclid=mt8mvmlc7883237842.

[3] URL: https://www.trademap.org/en/goods/time-series/imports/c/430/c/112/p/ALL/byProduct/year/default/6/direct/values/USD/treemap.

[4] URL: https://stats.wto.org/.

[5] URL: https://data.inafran.ru/ru/strategii-razvitiya-stran-afriki.

[6] URL: https://reab.pro/ru/countries/liberia.

[7] URL: https://data.inafran.ru/files/Doc/Liberia/Natsional'nyy%20Plan%20Razvitiya%20Liberii%202025-2029.pdf.

[8] URL: https://liberia.un.org/en/287777-arrest-agenda-inclusive-development-2025-2029.

за счет развития сельскохозяйственных производственных цепочек[9]. Например, планируется создание центров механизации по всей стране для решения проблем производства и послеуборочной обработки, укрепления сельскохозяйственных исследований, наращивания потенциала специалистов по распространению сельскохозяйственных знаний. Затраты на создание инфраструктуры центров запланированы в сумме 2,175 млн долл., техники и оборудования (тракторы и комбайны и др.) – 4,75 млн долл.

Национальная политика в области сельскохозяйственного консультирования и предоставления консультационных услуг (2023–2030 гг.) направлена на предоставление консультационных и информационных услуг, поддерживающих государственную политику развития сельского хозяйства, ориентированную на рыночные механизмы[10].

Кроме того, Либерия объявила о масштабной инвестиционной программе в сфере сельского хозяйства на сумму 900 млн долл.[11], цели которой в совокупности отражают стратегическое сочетание приоритетов продовольственной безопасности и наращивания экспорта товарных культур.

В рамках реализации объявленных программ могут быть востребованы следующие виды белорусских товаров и услуг: сельскохозяйственная техника, карьерная и дорожно-строительная техника, удобрения, сельскохозяйственные культуры, ветеринарные препараты, оборудование для пищевой промышленности, консультативные и научные услуги в области сельского хозяйства и агробизнеса, дорожного строительства, медицинские и образовательные услуги, строительные, деловые услуги, внедрение новых технологий выработки, сохранения и передачи электроэнергии, профильная подготовка кадров, автоматизация сельского хозяйства и промышленности. Открываются перспективы реализации проектов по строительству и модернизации транспортной инфраструктуры, инфраструктуры механизированных хабов, созданию перерабатывающих предприятий.

[9] URL: https://data.inafran.ru/files/Doc/Liberia/Natsional'nyy%20Plan%20Razvitiya%20Sel'skogo%20Khozyaystva%20Na%202024-2030.pdf.

[10] URL: https://data.inafran.ru/files/Doc/Liberia/Natsional'naya%20Politika%20Po%20Rasshireniyu%20Sel'skokhozyaystvennogo%20Sektora%20I%20Konsul'tatsionnykh%20Uslug%20Na%202023-2030.pdf.

[11] URL: https://laejnet.org/liberia-unveils-900-million-legacy-investment-program-at-africa-food-systems-forum.

К ВОПРОСУ О КОНСЕНСУАЛЬНОСТИ ДОГОВОРА ЗАЙМА

Зенькович В.Д.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Договор займа в Гражданском кодексе Республики Беларусь сконструирован по модели реального договора: «одна сторона (заимодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или другие вещи, определенные родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить заимодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество других полученных им вещей того же рода и качества» (п. 1 ст. 760 ГК). Вступление в силу такого договора наступает только после передачи денег (или родовых вещей) заимодавцем заемщику. Следовательно, договор, по которому заимодавец обязуется предоставить денежные средства или родовые вещи заемщику в будущем, будет считаться незаключенным.

Вместе с тем в настоящее время высказывается мнение, что рассмотрение договора займа исключительно по модели реального договора – пережиток прошлого. Весомых доводов, опровергающих консенсуальный характер, в научный литературе не приводится, из-за чего признание таких договоров незаключенными считается неверным. Так, А.Г. Карапетов указывал: «реальный характер договора денежного займа является просто данью исторической традиции и постепенно отвергается многими развитыми правопорядками как на уровне национального законодательства, так и на уровне актов международной унификации договорного права» [1, с.129].

В действительности подход, при котором договор займа трактуется как консенсуальная сделка, существует давно, однако он еще не приобрел такого широкого распространения, как реальный характер. В свое время Д.И. Мейер писал: «нет, однако же, никакого препятствия заключить и таким образом, что одно лицо обязывается дать в заем другому такую-то денежную сумму, а другое лицо обязывается возвратить ее тогда-то. И если факт заключения договора, словесно или письменно, не подлежит сомнению или спорам, то займобратель вправе требовать от займодавца передачи себе занятой суммы» [2, с. 612]. В свою очередь, В.В. Витрянский, О.С. Иоффе, Е.А. Суханов, К.П. Победоносцев придерживаются позиции реального характера договора займа. Например, К.П. Победоносцев пишет: «по новейшим понятиям заем не относится к так называемым реальным договорам, т.е. обязательная сила его почитается основанной не на действии, а на соглашении сторон. Тем не менее в займе предполагается передача денежной суммы от займодавца должнику. Сущность займа состоит в возвращении взятого взаем, стало быть, обязательство отдать обратно существует под условием предварительной передачи» [3, с. 323].

При признании договора займа исключительно реальным возникает ситуация, когда договоренность передать сумму займа в будущем не имеет правового оформления. При этом в современных экономических отношениях планирование имеет важное значение. Необходимость в получении денежных средств или вещей может быть предвидена в будущем. В таких обстоятельствах стороны не могут заключить договор займа, поскольку он не будет признан судом как имеющий юридическую силу. На практике это приводит к необходимости искать новые правовые конструкции, чтобы достичь желаемого результата.

Консенсуальный характер займа уже закреплен в законодательстве некоторых постсоветских государств. Так, например, Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает возможность заключения такого договора: по договору займа одна сторона (займодавец) передает или обязуется передать в собственность другой стороне (заемщику) деньги (ст. 807 ГК РФ). Однако такая возможность распространяется только на договоры, заключаемые с займодавцем-юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем. В случае если займодавцем является физическое лицо, договор считается заключенным с момента передачи суммы займа или другого предмета договора займа заемщику или указанному им лицу. В Республике Казахстан в ст. 715 ГК также предусмотрена консенсуальная модель займа: «по договору займа одна сторона (займодатель) передает, а в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом или договором, обязуется передать…» (ст. 715 ГК РК). Из этого можно сделать следующий вывод: хотя конструкция консенсуального договора займа находит свое отражение в Гражданском кодексе, законодатели по-прежнему относятся к таком подходу с осторожностью, ограничивая его использование в зависимости от субъектов договора.

Исходя из изложенного, в целях совершенствования законодательства и приведения его в соответствие с реалиями экономического оборота предлагается внести следующие изменения в п. 1 ст. 760 Гражданского кодекса Республики Беларусь: «по договору займа одна сторона (заимодавец) передает или обязуется передать в собственность другой стороне (заемщику) деньги, вещи, определенные родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить заимодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество полученных им вещей того же рода и качества».

ЛИТЕРАТУРА

1. Карапетов, А. Г. Свобода договора и ее пределы: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве / А. Г. Карапетов, А. И. Савельев. – М. : Статут, 2012. – Т. 2. – 453 с.

2. Мейер, Д. И. Избранные труды : в 3 т. / Д. И. Мейер. – М. : Статут, 2022. – Т. 1. – 211 с.

3. Победоносцев, К. П. Курс гражданского права : в 3 ч. / К. П. Победоносцев. – М. : «Статут», 2003. – Ч. 3: Договоры и обязательства. – 622 с.

ЕДИНЫЙ ПОРТАЛ ЭЛЕКТРОННЫХ УСЛУГ «Е-ПАСЛУГА» КАК ЭЛЕМЕНТ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ В СФЕРЕ ГОСУПРАВЛЕНИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Каско Л.И.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Единый портал электронных услуг (ЕПЭУ), с 2023 г. действующий под наименованием «Е-Паслуга», выступает центральным дистанционным каналом взаимодействия граждан и субъектов хозяйствования с государственными органами при получении электронных услуг и осуществлении административных процедур. Он занимает одно из ключевых мест на уровне каналов доступа к госуслугам в архитектуре платформенной экосистемы государственного управления Республики Беларусь. Становление ЕПЭУ как платформенной модели государственного управления неразрывно связано с последовательным развитием нормативно-правовой базы, которая формировала институциональные условия для устойчивого взаимодействия его участников.

Формирование единого цифрового канала взаимодействия граждан и бизнеса с государством началось в рамках проекта построения информационного общества. Программа «Электронная Беларусь», утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27.12.2002 г. № 1819 «О Государственной программе информатизации Республики Беларусь на 2003–2005 годы и на перспективу до 2010 года», поставила целью создание информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, однако межведомственное электронное взаимодействие тогда фактически отсутствовало, ведомственные системы использовали собственные протоколы и не выходили за рамки конкретного органа власти.

Нормативное определение ЕПЭУ впервые закреплено Законом от 28 октября 2008 г. № 433-З «Об основах административных процедур» – портал определен как подсистема общегосударственной автоматизированной информационной системы (ОАИС), обеспечивающая электронное взаимодействие государственных органов с организациями и гражданами, в том числе единую точку подачи заявлений, получения решений и подачи административных жалоб. Постановление Совета Министров от 9 августа 2011 г. № 1074 закрепило за ЕПЭУ статус «одного окна» к электронным госуслугам на основе интеграции государственных информационных ресурсов.

В 2014 г. был открыт доступ к порталу для граждан и юридических лиц (домен portal.gov.by), что стало его фактическим запуском. Изначально портал служил точкой доступа к справочной информации, но постепенно превратился в полноценную экосистему электронных услуг и административных процедур.

Дальнейшее развитие опиралось на совершенствование правовой базы. Постановление Совета Министров от 22 августа 2017 г. № 637 «О мерах по реализации Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Закон Республики Беларусь «Об основах административных процедур»» урегулировало порядок взаимодействия государственных органов с оператором ОАИС при осуществлении процедур через портал. Указ Президента от 16 декабря 2019 г. № 460 «Об общегосударственной автоматизированной информационной системе» закрепил ЕПЭУ в составе ОАИС, ввел личные электронные кабинеты граждан и организаций и установил принцип безвозмездности электронных услуг.

Дополнительный импульс развитию придали Распоряжение Премьер-министра № 119р от 27.04.2020 г. «О цифровизации административных процедур», а также Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси на 2021–2025 годы». Оба документа институционально закрепили приоритетность и плановость перевода административных процедур в электронную форму, задав программно-целевой механизм координации между ведомствами – участниками платформы.

В 2023 г. состоялся ребрендинг, портал получил название «Е-Паслуга», новый интерфейс и домен e-pasluga.by. Перечень процедур, доступных исключительно через портал, был закреплен постановлением Совета Министров от 26 апреля 2024 г. № 322 «Об административных процедурах, осуществляемых в электронной форме».

С 1 января 2026 г. действует Государственная программа «Цифровая Беларусь на 2026–2030 годы», обозначившая переход от модели электронного правительства к модели цифрового государства: предусмотрены развитие личных кабинетов, внедрение комплексных услуг по принципу «жизненных ситуаций». К 2030 г. долю административных процедур в электронной форме планируется довести до 97%. Постановление Совета Министров от 4 мая 2026 г. № 221 «Об административных процедурах» пришло на смену постановлению № 322 и расширило функциональное наполнение портала.

По состоянию на сентябрь 2026 г. на портале доступно 308 видов электронных услуг и 636 видов административных процедур на основе данных 81 интегрированного государственного информационного ресурса[1]. Авторизация возможна через ID-карту, ЭЦП, уникальный идентификатор, телефон, электронную почту либо аккаунты Google и Apple; полный доступ обеспечивает только строгая аутентификация (ID-карта, ЭЦП), уникальный идентификатор открывает доступ примерно к 400 сервисам, а нестрогая авторизация – лишь порядка 40 базовых услуг.

Личный кабинет предусмотрен для каждого гражданина из Регистра населения и активируется при первом входе; на апрель 2026 г. активированных кабинетов свыше 550 тысяч[2]. Число оказанных услуг заметно росло: с 76 млн в 2022 г. до 128 млн в 2023 г. и 168 млн в 2024 г., а по итогам 2025 г. составило 172 млн[3].

За двенадцать лет с момента запуска ЕПЭУ прошел путь от справочного ресурса до системообразующего элемента цифровой инфраструктуры Беларуси, а расширение функционала отражает траекторию перехода страны от электронного правительства к цифровому государству.

[1] URL: https://e-pasluga.by/home/services-page.html.

[2] URL: https://polymia.by/obshhestvo/ob-elektronnyh-servisah-na/.

[3] URL: https://polymia.by/obshhestvo/ob-elektronnyh-servisah-na/.

КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА КИТАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

Кашинская Н.С.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

В последние годы наблюдается тенденция замедления темпов экономического роста Китайской Народной Республики. Если до шока, вызванного пандемией Covid-19, в 2015–2019 гг. среднегодовые темпы роста ВВП составляли 106,6%, то после восстановления – в 2023–2025 гг. они снизились до 105,2%. В первом полугодии 2026 г. ВВП Китая составил 69,6 трлн юаней (около 10,3 трлн долларов США) и увеличился на 4,7% в реальном выражении к уровню первого полугодия 2025 г. Такая динамика экономического роста соответствует официальному целевому ориентиру на 2026 г. (4,5-5,0%), а также прогнозам международных организаций (4,2-4,8%). Стоит отметить, что во втором квартале 2026 г. ВВП Китая увеличился в годовом исчислении только на 4,3%, что является минимальным значением прироста за последние 3 года[1].

Замедление динамики ВВП Китая происходит на фоне смещения целевых установок с количественных показателей экономического роста на повышение его качества и структурную оптимизацию. Согласно Плану экономического и социального развития Китайской Народной Республики на 15-ю пятилетку (2026–2030 гг.), основными факторами экономического роста должны стать: повышение совокупной факторной производительности; рост вклада научно-технического прогресса и институциональных инноваций; усиление роли внутреннего спроса как основной движущей

[1] База данных Национального бюро статистики КНР. – URL: https://data.stats.gov.cn/dg/website/page.html#/pc/national/en/quarterData (дата обращения: 25.08.2026).

силы экономического роста. Поставлена цель по удвоению ВВП на душу населения к 2035 г. по сравнению с 2020 г. и достижению уровня среднеразвитых стран[2].

С середины 2024 г. в экономике Китая наблюдается тенденция смещения в сторону экспортоориентированного развития, о чем свидетельствует значительный вклад чистого экспорта в прирост ВВП. По итогам 2025 г. он составил 32,7% от общего прироста (1,6 п.п. из 5,0%). При этом динамика внутреннего потребления оставалась сдержанной, вклад расходов на конечное потребление в прирост ВВП сокращался (с 2,7 п.п. в I-м квартале до 2,4 п.п. в IV-м квартале), вклад валовых накоплений в прирост ВВП в целом за 2025 г. составил 0,8 п.п. В первом полугодии 2026 г. внутренние факторы экономического роста (потребление и инвестиции) оставались слабыми, тогда как спрос на китайскую продукцию на внешних рынках нарастал. По итогам за январь-июнь 2026 г. объем розничных продаж потребительских товаров увеличился только на 1,3%, инвестиций в основной капитал – сократился на 5,7% к соответствующему периоду предыдущего года. При этом стоимостной объем экспорта товаров в долларовом эквиваленте за данный период увеличился на 17,6%.

Основными драйверами экономического роста Китая в 2025–2026 гг. являются промышленность и сектор услуг. Так, в промышленном секторе произведено 31,1% ВВП Китая в первом полугодии 2026 г. Добавленная стоимость промышленности увеличилась на 5,4% к соответствующему периоду предыдущего года в постоянных ценах, обеспечив 1,7 п.п. прироста ВВП страны.

В секторе услуг произведено 59,5% ВВП Китая в первом полугодии 2026 г. За счет роста добавленной стоимости третичного сектора обеспечено 3,1 п.п. прироста ВВП. Наиболее динамично развивался сектор IT-услуг, лизинговых и бизнес-услуг, финансовое посредничество, добавленная стоимость которых приросла к уровню первого полугодия 2025 г. на 10,7% и 11,9% и 6,7% соответственно, обеспечив суммарно 1,6 п.п. прироста ВВП Китая, что сравнимо с вкладом роста промышленности.

Негативное влияние на динамику ВВП оказало сокращение добавленной стоимости строительства на 4,0% к соответствующему периоду предыдущего года в сопоставимых ценах, операций с недвижимостью – на 0,2%.

Среди благоприятных факторов для экономического роста Китая в первом полугодии 2026 г. необходимо отметить:

- стремительное технологическое развитие и рост объемов производства и инвестиций в высокотехнологичные отрасли промышленности и сферу услуг. Основные ставки сделаны на практическое внедрение искусственного интеллекта, робототехнику, зеленую энергетику. Произошел существенный скачок производства авиационной и космической техники, полупроводников, объемов оказания информационных услуг;
- высокий внешний спрос на продукцию высокотехнологичных отраслей, прежде всего электронику ввиду бума развития искусственного интеллекта;
- стабильную ценовую ситуацию на внутреннем рынке, несмотря на стремительный рост мировых цен в условиях геополитической напряженности на Ближнем Востоке. В значимой мере этому способствовала системная политика по наращиванию использования возобновляемых источников энергии и снижению зависимости от нефтепродуктов.

Среди негативных факторов, оказывающих сдерживающее влияние на экономический рост Китая в первом полугодии 2026 г., стоит отметить прежде всего продолжающийся глубокий кризис на рынке недвижимости, сопровождающийся снижением объема инвестиций в недвижимость, сокращением объемов производства в смежных отраслях, снижением цен на жилье; слабый внутренний потребительский спрос на фоне сокращения мер государственной поддержки, в том числе изменения подходов к размерам поддержки в программах «трейд ин» и сокращения льгот на электромобили.

[2] 中华人民共和国国民经济和社会发展 **第十五个五年**规划纲要. – URL: https://www.ndrc.gov.cn/fggz/fzzlgh/gjfzgh/202603/U020260317369114704096.pdf (дата обращения: 01.09.2026).

МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В СИСТЕМЕ ГАРАНТИРОВАННОГО ВОЗМЕЩЕНИЯ ВКЛАДОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Кисель С.Л.,

кандидат экономических наук, доцент,
ГУ «Агентство по гарантированному возмещению банковских вкладов», г. Минск

Система гарантированного возмещения вкладов (далее – СГВ) в Республике Беларусь функционирует с 2008 г. Ее функционирование регулируется Декретом Президента Республики Беларусь «О гарантиях сохранности денежных средств физических лиц, размещенных на счетах и (или) в банковские вклады (депозиты)» и Законом Республики Беларусь «О гарантированном возмещении банковских вкладов (депозитов) физических лиц» (далее – Декрет и Закон) [1, 2]. Задачи национального страховщика выполняет государственное учреждение «Агентство по гарантированному возмещению банковских вкладов (депозитов) физических лиц» (далее – Агентство). В числе основных уставных задач Агентства – обеспечение проведения государственной политики в сфере защиты прав и законных интересов вкладчиков. В настоящей статье с учетом норм Декрета, Закона и практики деятельности Агентства исследуется механизм защиты указанных прав и интересов. Этот механизм представлен в виде трех контуров.

Внешний контур защиты – устойчиво работающая банковская система, в которой права вкладчика соответствующим образом зафиксированы и финансово обеспечены. Функционирование этого контура формирует рациональные ожидания вкладчиков относительно сохранности сбережений и институциональное доверие физических лиц к банковской системе и национальной валюте. Все это является базой для успешной реализации денежно-кредитной политики. Роль СГВ в обеспечении эффективной работы внешнего контура защиты имеет несколько аспектов. Во-первых, посредством СГВ идёт трансляция вкладчикам доверия к банковской системе в части сохранности сбережений, поскольку любое физическое лицо, заключившее депозитный договор, получает информацию о 100%-м возмещении его вкладов в национальной и иностранных валютах (тем самым для вкладчика устранены кредитный и валютный риски). Далее Агентство в рамках работы по повышению финансовой грамотности населения доводит до целевой аудитории способы и условия гарантированного возмещения вкладов. Во-вторых, Агентство включено в систему контроля и регулирования рисков деятельности банков. Это реализовано в форме ежеквартального расчета Агентством группы риска каждого банка, привлекающего вклады физических лиц, с целью последующей уплаты банками дифференцированных календарных взносов на основе принципа «выше принятый риск – больше взносы». В-третьих, Агентство акцентирует свое внимание на соответствующей законодательству фиксации банков прав физических лиц по отношению к их вкладам. Для этого введено понятие реестра вкладчиков, контроль оформления которого проводит Агентство в ходе проверок, организуемых Национальным банком Республики Беларусь.

Второй контур защиты – выплата гарантированного возмещения вкладчикам, которая осуществляется Агентством при наступлении страхового случая (отзыва банковской лицензии). Функционирование второго контура защиты направлено на предотвращение финансовой паники, связанной появлением в системе проблемного банка. В силу этого законодательно установлены сжатые сроки осуществления выплаты (семь дней с момента подачи вкладчиком заявления на возмещение). Со стороны СГВ работоспособность второго контура обеспечивается рядом элементов:

- формированием резерва средств в национальной и иностранных валютах, за счет которого могут быть осуществлены гарантированные выплаты;
- установлением целевого уровня резерва по отношению к совокупной расчетной базе банков, которая отражает обязательства банков по вкладам (депозитам) физических лиц;

- внедрением онлайн-возмещения вкладов с участием банка-поверенного и установлением обязательства банка на следующий день после отзыва лицензии передать Агентству выверенный реестр вкладчиков, в соответствии с которым последнее может приступить к выплате возмещения.

Третий контур защиты представлен кризисным управлением банком, что предполагает по решению суда переход управления банком к Агентству. Цели функционирования третьего контура состоят в локализации проблем с финансовой несостоятельностью банка, удовлетворении требований кредиторов и возмещении средств резерва, которые направлены на выплату гарантированного возмещения по вкладам.

В перспективе работа по защите прав и интересов физических лиц должна быть направлена на укрепление описанных контуров. Следует расширить аналитические возможности и права Агентства по инициированию введения в банке временного управления при установлении признаков экономической неустойчивости. Целесообразно рассмотреть вопрос о возможности использования средств Агентства для оказания помощи банку, который реализует план улучшения финансового положения. Последнее должно предполагать и более широкие права Агентства по управлению подобным банком.

ЛИТЕРАТУРА

1. О гарантиях сохранности денежных средств физических лиц, размещенных на счетах и (или) в банковские вклады (депозиты) : Декрет Президента Респ. Беларусь от 4 нояб. 2008 г. № 22 // Национальный банк Республики Беларусь. – URL: https://www.nbrb.by/legislation/documents/D22_3.pdf (дата обращения: 07.09.2026).

2. О гарантированном возмещении банковских вкладов (депозитов) физических лиц: Закон Респ. Беларусь от 8 июля 2008 г. № 369-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2008-172/2008-172(025-087).pdf&oldDocPage=1 (дата обращения: 07.09.2026).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ПОДДЕРЖКИ И РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Козловская В.Н.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

В условиях глобализации все более существенной в развитии предпринимательской деятельности становится роль креативного (творческого) предпринимательства, когда нужно произвести не только более дешевый, чем у конкурентов, продукт, но привнести в него что-то новое и оригинальное, что отличит его от всех остальных, подчеркнет индивидуальность его потребителя. Творческие предприниматели мыслят креативно, создают новый продукт или услугу с высокой долей добавленной стоимости. Поэтому все более важную роль для экономического развития страны играет творческий сектор экономики. К креативной индустрии в основном относят такие виды деятельности, как архитектура; промышленный и графический дизайн; музыка; кино; издательское дело; реклама и др. В развитых странах мира этот сектор экономики с каждым годом занимает все большую долю в ВВП, способствуя созданию новых рабочих мест. Согласно данным Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), в странах, по которым имеется статистика, креативная экономика составляет от 0,5 до 7,3% валового внутреннего продукта и обеспечивает занятость от 0,5 до 12,5% рабочей силы. В 2025 г. доля креативных индустрий в ВВП Беларуси достигла 5%, что превышает среднемировой уровень.

Продвижению и популяризации белоруской креативной индустрии на мировом рынке способствует проведение международных мероприятий. Так, в Республике Беларусь ежегодно проводится Республиканский фестиваль-конкурс моды и фото «Мельница моды», Минский международный

кинофестиваль «Лістапад», в рамках мероприятий которого помимо пяти конкурсных программ проходят мастер-классы, творческие встречи с известными режиссерами и продюсерами. Четыре раза в год в Минске проходит выставка-ярмарка «Чароўны Млын», где мастера и дизайнеры со всей Беларуси продают свою продукцию и изделия ручной работы.

Развитие системы поддержки креативных индустрий невозможно без развитой сети инфраструктуры. Определенные шаги в этом направлении предпринимаются. Так, с 2023 г. бизнес-инкубатор УП «УИН» реализует проект «АРТ-инкубатор», в рамках которого проводятся бизнес-семинары, круглые столы, стартап-вебинары и митапы, посвященные таким секторам креативной экономики, как туризм, интерьерный дизайн, дизайн одежды, промышленный дизайн.

В апреле 2026 г. на площадке БИСИ в Минске состоялся семинар с участием представителей Башкортостана по обмену практическими подходами в развитии креативных индустрий.

Тем не менее, несмотря на наличие позитивных примеров, инфраструктурное обеспечение данного сектора в Республике Беларусь пока не носит системного характера. Поддержка креативного предпринимательства остается фрагментарной и зависит от инициативы конкретных организаций, а не от выстроенной государственной стратегии. Это подтверждает наличие структурного разрыва между растущим спросом со стороны креативного бизнеса на специализированные инфраструктурные услуги и фактическим предложением со стороны действующей сети бизнес-инкубаторов и центров поддержки предпринимательства. Для полноценного развития сектора необходима целенаправленная политика по созданию специализированных креативных кластеров и пространств на региональном уровне.

В Республике Беларусь государственная политика в области поддержки и развития креативных индустрий только формируется и не обеспечивает в полной мере все те инструменты поддержки, которые могут помочь этому сектору показать устойчивый рост. Кроме того, нет нормативно закрепленных понятий «креативная индустрия» и «креативное предпринимательство», что не соответствует формированию государственной системной поддержки для развития этого сектора экономики.

Вместе с тем для устранения указанных пробелов и формирования институциональной основы развития креативных индустрий в республике уже предпринимаются конкретные шаги. Беларусь перешла к активной имплементации Модельного закона о креативных индустриях, принятого Межпарламентской ассамблеей СНГ в ноябре 2025 г. Практическая реализация этого документа требует от профильных министерств (Минэкономики, Минкультуры) и Белстата окончательного закрепления единых юридических определений и собирательных статистических кодов для субъектов креативного сектора. В начале 2026 г. в республике уже был утвержден официальный перечень категорий креативных индустрий, что позволило точнее оценивать вклад творческого бизнеса в экономику.

Однако утверждение перечня категорий является лишь первым шагом институционализации сектора. Для обеспечения комплексного и системного развития креативной экономики необходимо в ближайшее время разработать Национальную стратегию по поддержке креативной экономики до 2035 г., ежегодно осуществлять мониторинг и оценку ее реализации. Кроме того, следует ежегодно проводить Белорусскую креативную неделю, которая на своей площадке будет собирать креативных предпринимателей всей страны и экспертов из иностранных государств. Большое количество мероприятий и конкурсов даст возможность дизайнерам находить заказчиков на свои проекты, а потенциальным покупателям – изучить имеющиеся кадры на рынке труда и выбрать для себя работников нужной квалификации.

Таким образом, необходимы институциональные изменения в системе государственной поддержки креативных отраслей, которые создадут благоприятные условия для возникновения и устойчивого развития в Республике Беларусь креативного предпринимательства.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИЧИН И ПРОЯВЛЕНИЙ ГЛОБАЛЬНЫХ ДИСБАЛАНСОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Корнов Д.В.,

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация

Устойчивые дефициты и профициты по счету текущих операций (СТО) остаются одной из центральных тем международной макроэкономики. СТО отражает разницу между совокупным доходом страны и ее внутренними расходами, а в тождестве «сбережения – инвестиции» – разницу между национальными сбережениями и валовыми внутренними инвестициями[1]. Следовательно, анализ глобальных дисбалансов требует учета факторов, определяющих решения частного сектора, бюджетную позицию государства, условия внешней торговли и финансовую открытость.

В неоклассической логике дисбалансы являются следствием стремления сглаживать потребление во времени: экономика с более высокой ожидаемой доходностью капитала может привлекать внешние ресурсы и формировать дефицит СТО, тогда как экономика с избытком сбережений формирует профицит и выступает кредитором [1].

Концепция «глобального излишка сбережений» (global saving glut) связывает рост дисбалансов в начале 2000-х гг. с накоплением избыточных сбережений в ряде развивающихся экономик и нефтедобывающих стран и их размещением на рынках развитых стран[2]. В такой трактовке ключевую роль играет относительная редкость высококачественных финансовых инструментов вне крупнейших финансовых центров и, как следствие, перераспределение мировых сбережений в пользу стран-эмитентов резервных валют.

Важный блок объяснений связан с демографическими сдвигами. Старение населения и рост ожидаемой продолжительности жизни способны повышать склонность к сбережениям, усиливать спрос на финансовые активы и менять структуру потребления, тогда как рост доли населения трудоспособного возраста, напротив, может поддерживать инвестиционную активность [2].

С гипотезами «излишка сбережений» и роли растущих нефтяных цен тесно связана точка зрения, согласно которой наличие устойчивых глобальных дисбалансов в значительной мере объясняется валютной политикой ряда стран [3].

Гипотеза «двойного дефицита» (twin deficit) была предметом активных дискуссий в 1980-е годы, когда в США после налоговой реформы Р. Рейгана, предусматривавшей значительное снижение налогов, образовался беспрецедентный для мирного времени дефицит государственного бюджета. В результате объем национальных сбережений сократился, а по счету текущих операций, который раньше характеризовался постоянным положительным сальдо, возник дефицит [4].

Для России высокая зависимость платежного баланса от сырьевой конъюнктуры повышает значение мер, направленных на снижение чувствительности экономики к колебаниям мировых цен. Выборочные наблюдения по цене нефти Brent и сальдо финансового счета РФ приведены в табл. Внешнеэкономическая политика в этих условиях должна учитывать взаимосвязь экспортных доходов, внутренних инвестиций, движения капитала и накопления внешних активов. При прогнозировании внешнего сектора особое значение приобретает сценарная оценка изменения цен на основные экспортные товары и связанной с ними динамики платежного баланса. Для мониторинга риска внешних дисбалансов целесообразно использовать не один показатель, а группу индикаторов: сальдо счета текущих операций, финансового счета, реальный эффективный обменный курс,

[1] Руководство по платежному балансу и международной инвестиционной позиции. Шестое издание (РПБ6) / Международный валютный фонд. – Washington, DC : International Monetary Fund, 2009. – 371 с. – URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/bop/2007/pdf/bpm6.pdf (дата обращения: 24.12.2025).

[2] Bernanke, B. S. The Global Saving Glut and the U.S. Current Account Deficit / B. S. Bernanke. – URL: https://www.federalreserve.gov/boarddocs/speeches/2005/200503102/ (date of access: 14.12.2025).

внешние активы и обязательства. Такой подход позволяет не только фиксировать уже сложившиеся дисбалансы, но и заранее выявлять условия, при которых изменение внешней конъюнктуры может привести к макроэкономической уязвимости.

Таблица

Влияние динамики цен на нефть Brent на показатели финансового счета Российской Федерации

Год	**Brent, $/**барр.	Сальдо фин. счета, млн долл.
1994	15,82	10 027
1998	12,72	-9 771
2000	28,50	48 363
2005	54,52	66 997
2008	97,26	100 692
2014	98,95	23 446
2016	43,73	18 305
2020	41,84	39 075
2022	101,32	227 079
2024	80,76	52 954

Источник: составлено автором по данным Банка России: URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/pb/.

ЛИТЕРАТУРА

1. Obstfeld, M. Global Current Account Imbalances and Exchange Rate Adjustments / M. Obstfeld, K. S. Rogoff // Brookings Papers on Economic Activity. – 2005. – № 1. – P. 67–146.

2. Chinn, M. D. Medium-term Determinants of Current Accounts in Industrial and Developing Countries / M. D. Chinn, E. S. Prasad // Journal of International Economics. – 2003. – Vol. 59, iss. 1. – P. 47–76.

3. Божечкова, А. В. Глобальные экономические дисбалансы в современном мире / А. В. Божечкова, С. И. Колесник, П. В. Трунин // Российский внешнеэкономический вестник. – 2025. – № 3. – С. 23–42.

4. Bluedorn, J. Revisiting the Twin Deficits Hypothesis: The Effect of Fiscal Consolidation on the Current Account / J. Bluedorn, D. Leigh // IMF Economic Review. – 2011. – Vol. 59, No. 4. – P. 582–602.

РАЗВИТИЕ ИНСТРУМЕНТОВ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ ФИНАНСОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Кукса О.А.,

кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, г. Минск

Действие инструментов макроэкономического регулирования должно быть направлено на обеспечение устойчивости экономики Беларуси и повышение благосостояния населения страны. Профессор Лученок А.И. подчеркивает, что инструменты макроэкономического регулирования должны обеспечивать стабильный экономический рост на основе поддержания экономического равновесия путем согласования интересов основных социальных макрогрупп [1].

В соответствии с Основными направлениями денежно-кредитной политики Республики Беларусь на 2026 г. (ОНДКП 2026) макропруденциальная политика будет основана на принципах сбалансированности между необходимостью минимизации системных рисков и задачами содействия экономической активности. Ключевыми направлениями макропруденциальной политики останутся ограничение системных рисков, ассоциированных с деятельностью банков, осознанно реализующих высокорисковую бизнес-модель, а также содействие эффективному распределению финансовых ресурсов в экономике и обеспечению финансовой стабильности.

Основными инструментами макроэкономического регулирования выступают бюджетно-налоговые инструменты, денежно-кредитные, антимонопольные и институциональные инструменты, инструменты ценового регулирования, государственного планирования и прогнозирования.

Фокусом данного материала выступают денежно-кредитные инструменты привлечения долгосрочных ресурсов в экономику для ее стабильного развития.

Финансовая система Беларуси относится к типу банкоориентированных финансовых систем. Банковская система играет одну из ключевых ролей в перераспределении капитала, стимулировании инвестиционной активности в стране. Именно в рамках денежно-кредитной системы мер уже приняты решения для стимулирования привлечения долгосрочных ресурсов в экономику.

Так, поддерживаются положительные реальные процентные ставки на депозитном рынке. С 2015 г. стимулируется привлечение долгосрочных безотзывных вкладов физических лиц с использованием конкурентных процентных ставок и льгот по налогообложению доходов физических лиц. По данным Статистического бюллетеня Национального банка Республики Беларусь, по результатам первого полугодия 2026 г. самыми привлекательными для вкладчиков процентными ставками характеризуются депозиты для физических лиц свыше одного года. Средняя процентная ставка по новым краткосрочным розничным депозитам за первое полугодие 2026 г. составила 7,1%, по долгосрочным – 13,42%; 33,1% новых розничных банковских депозитов носит краткосрочный характер (2 759,9 млн руб.), 66,9% – долгосрочный (5 588,4 млн руб.). В депозитах корпоративных клиентов банков ситуация иная: 98,3% новых депозитов краткосрочные (средняя процентная ставка 6,07%, 132 023,1 млн руб.), 1,7% – долгосрочные (средняя процентная ставка 7,51%, 2 347,1 млн руб.). Регулятор взял курс на стимулирование банковских вкладов свыше трех лет.

Стратегически доверие вкладчиков к банковским депозитам укрепляет созданная система гарантированного возврата банковских вкладов (депозитов) физических лиц в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь № 22 от 04.11.2008 г. и Законом № 369-З от 08.07.2008 г. о «Гарантированном возмещении банковских вкладов (депозитов) физических лиц». В ОНДКП 2026 регулятор заявляет о разработке новых долгосрочных сберегательных инструментов для граждан.

Важнейшим направлением для насыщения экономики «длинными» деньгами выступает контроль инфляционных тенденций и инфляционных ожиданий экономических агентов [2], общая финансово-экономическая стабильность, доверие в обществе и экономике [3] и предсказуемость социально-экономических процессов.

Для расширения линейки отечественных инструментов денежно-кредитного регулирования с целью стимулирования привлечения долгосрочных ресурсов в банковскую сферу в виде депозитов следует рассмотреть, например, опыт Национального банка Казахстана в части минимальных резервных требований (МРТ). В целях резервирования банковские обязательства разделены на 3 категории, а также по видам валют (в национальной и иностранной валюте). К первой категории относятся обязательства краткосрочного характера (до 1 года), ко второй – специфические обязательства, расчетная величина, к третьей – долгосрочные (свыше 1 года). По краткосрочным обязательствам 1 категории норма резервирования составляет 5% в национальной валюте и 15% в иностранной валюте, а для обязательств 3 категории – 3,5% и 10% соответственно. То есть минимальные резервные требования предъявляются к ресурсам, привлеченным на длительный срок в национальной валюте. Таким образом, Центральный банк Казахстана политикой МРТ регулирует ликвидность банковской системы, влияет на ставки денежного рынка и стимулирует привлечение ресурсов долгосрочного характера в экономику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лученок, А.И. Макроэкономическое регулирование защиты национальных интересов в белорусской институциональной системе / А.И. Лученок // Экономическая наука сегодня. – 2024. – № 19. – С. 45–56.

2. Кукса, О. А. Инфляционные ожидания населения как индикатор доверия к монетарным властям / О.А. Кукса // Экономика и банки. – 2026. – № 1. – С. 61–68.

3. Кукса, О. А. Доверие в экономике: о важности вопроса и сложности измерения / О. А. Кукса // Новая экономика. – 2025. – № 1 (85). – С. 99–104.

УЧЕТ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ БАРЬЕРОВ В ПРОГНОЗИРОВАНИИ РАЗВИТИЯ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Лагодич А.А.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Качество долгосрочного прогнозирования развития топливно-энергетического комплекса во многом определяет эффективность государственной энергетической политики. Традиционные прогнозные модели, используемые в Республике Беларусь, опираются преимущественно на технико-экономические параметры: мощности генерирующих источников, цены на энергоносители и макроэкономические показатели. При этом за рамками анализа остается поведенческий фактор – то, как люди принимают решения в сфере энергопотребления и какие когнитивные барьеры им мешают.

В Республике Беларусь учет поведенческого фактора приобретает особое значение в силу институциональной травмы – состояния общества, в котором доверие к институтам систематически разрушено историческим опытом, зафиксировано в коллективной памяти и активируется при столкновении с информацией, связанной с травмирующими темами. Как показывают эмпирические исследования, уровень информированности населения о необходимости энергосбережения превышает 70%, однако реальное энергосберегающее поведение демонстрируют лишь 25–30% домохозяйств [1].

Анализ действующих стратегических документов показывает, что поведенческие барьеры остаются вне поля зрения нормативного регулирования. Закон «Об энергосбережении» закрепляет информационное обеспечение как направление деятельности, но не требует учета когнитивных особенностей восприятия информации и не вводит показателей эффективности для информационных кампаний [2]. Концепция энергетической безопасности, утвержденная постановлением Совета Министров от 2 апреля 2026 г., оперирует индикаторами доминирования поставщиков и ресурсов, однако не включает поведенческие индикаторы [3].

Около 70% радиоактивных выпадений от катастрофы 1986 г. пришлось на территорию Беларуси, и более 60% населения считают эту катастрофу одним из наиболее значимых событий в истории страны [1]. Согласно нейробиологическим исследованиям, травматический опыт зафиксирован в эмоциональной памяти и активируется при столкновении с информацией, связанной с энергетическими рисками, блокируя рациональную оценку на до-когнитивном уровне. К этому добавляются ценностные установки, сформированные в советский период, когда энергия воспринималась как общественное благо, за которое платит государство. Это создает ловушку бездействия: человек не видит связи между своим поведением и размером платежей.

Для преодоления этого разрыва необходимо внести изменения в нормативно-правовую базу. В Законе «Об энергосбережении» целесообразно дополнить определение энергосбережения указанием на необходимость учета поведенческих аспектов, закрепить требование к энергоснабжающим организациям по предоставлению потребителям персонализированной обратной связи о потреблении энергии и включить положение о праве потребителей на получение информации о последствиях их энергопотребления.

В Концепции энергетической безопасности требуется дополнить систему индикаторов поведенческими показателями. В отличие от технико-экономических параметров, эти индикаторы должны отражать поведенческую реакцию населения на проводимую политику и позволять оценивать достижимость целевых ориентиров с учетом человеческого фактора. В качестве таких индикаторов могут выступать уровень доверия населения к информации об энергосбережении, доля домохозяйств, получающих персонализированную обратную связь, а также готовность к инвестициям в энергоэффективные меры. Источником данных для этих показателей могла бы стать система удаленного учета «Софит», которая уже собирает информацию о потреблении электроэнергии в режиме реального времени.

Целевые ориентиры Концепции также требуют пересмотра с учетом поведенческого фактора. Включение в прогнозные модели коэффициента поведенческого сопротивления, отражающего разрыв между технически доступным и реально реализуемым потенциалом энергосбережения, позволяет получить более обоснованные прогнозы.

Таким образом, поведенческие барьеры, обусловленные институциональной травмой, представляют собой системное ограничение, которое необходимо учитывать при прогнозировании развития топливно-энергетического комплекса. Включение поведенческих индикаторов в систему государственного планирования создаст условия для более реалистичных прогнозов, поскольку позволит соотносить технически достижимые показатели с реальной готовностью населения к энергосбережению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лашук, И. В. Информационное обеспечение территорий Республики Беларусь, пострадавших от аварии на ЧАЭС / И. В. Лашук, Е. В. Мартищенкова // Вопросы территориального развития. – 2018. – № 3 (43). – URL: http://www.vscc.ac.ru/files/journal/issues/vtr-2018-3-43-38a195524f-informacionnoe-obespecenie-territorij-ru.pdf (дата обращения: 27.08.2026).

2. Об энергосбережении : Закон Респ. Беларусь от 8 янв. 2015 г. № 239-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by (дата обращения: 27.08.2026).

3. Концепция энергетической безопасности Республики Беларусь : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 2 апр. 2026 г. № 161 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22600161 (дата обращения: 27.08.2026).

КРИПТОВАЛЮТА В ТРАНСГРАНИЧНЫХ РАСЧЕТАХ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Левкович А.П.,

кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

В условиях геополитической турбулентности, ограничительной деловой практики в отношении национальных экономик отдельных стран и развивающегося движения к полицентризму, а также интенсивного расширения использования инструментов цифровизации в экономической практике актуальной задачей стала трансформация финансовой сферы мировой и национальных экономик и, в частности, механизма трансграничных расчетов. Одним из значимых инструментов такой трансформации явилось возникновение цифровых денег, в том числе криптовалюты. Для Республики Беларусь расширение использования новых форм денег усиливается открытым характером национальной экономики и значимостью внешнего сектора в ее развитии, санкционной политикой ряда государств. Таким образом, исследование современного состояния и перспектив применения криптовалют в трансграничных расчетах в мировой экономике и Республике Беларусь является, безусловно, актуальным.

Технологические факторы являются важнейшими в эволюции форм денег. Современная цифровизация денег – результат технологического скачка в компьютерной индустрии в середине 1960-х гг. В последующем технологии распределенного реестра позволили выпускать частные криптовалюты, которые в настоящее время в ряде случаев вытесняют традиционные деньги из обращения. Современная политическая турбулентность, санкционная политика развитых государств предопределяют необходимость использования и ускоряют процессы внедрения новых форм денег. Социальные факторы охватывают предпочтения бизнеса и населения в выборе удобных их форм. В цифровой экономике функции денег остаются прежними, но требования к ним возрастают. Они включают: переход в максимальной степени к безналичной (цифровой) форме хранения и расчетов; минимальные затраты на осуществление расчетов и хранение денег; максимальную унификацию технологий передачи и хранения стоимости; возможность самостоятельного осуществления рас-

четов независимо от времени и места нахождения отправителя; отсутствие посредника в расчетах и платежах и невозможность влияния третьей стороны на их осуществление; скорость, удобство и высокую степень надежности осуществления расчетов.

Криптовалюта является объектом частной эмиссии, использует технологию блокчейн, имеет открытый и децентрализованный характер и в значительной мере отвечает обозначенным требованиям. Недостатки криптовалюты как платежного средства и хранения стоимости – ее необеспеченный характер (в подавляющем большинстве случаев не обеспечена каким-либо товаром и не гарантирована государством), высокая волатильность курса (кроме стейблкоинов). Тем не менее криптовалюта позволяет обеспечить высокую анонимность и скрыть происхождение платежа, что в современных условиях трансграничных расчетов актуально для элиминирования санкционных ограничений. Не являясь идеальным средством платежа, криптовалюта способна обслуживать трансграничные расчеты и выступает одной из современных формирующихся моделей международных расчетов [1].

Глобальный объем рынка трансграничных платежей (включая оптовые и розничные платежи) в 2025 г. оценивался ~в 208 трлн долл. США. На сегмент B2B приходилась подавляющая часть транзакций –59–60%[1]. Объем транзакций со стейблкоинами в 2025 г., по данным McKinsey, составил около 35 трлн долл. США. Но с реальными платежами – покупкой товаров, услуг, переводами между физическими лицами – связано только около 390 млрд долл. США, из них в секторе B2B – 226 млрд долл., C2C – 77, C2B – 76, B2C – 11 млрд долл. США, что в целом составляет ~0,2% глобального объема трансграничных расчетов[2]. Исследование EY-Parthenon показывает, что 13% компаний уже используют стейблкоины для международных платежей, а 41% пользователей отмечают снижение расходов на них минимум на 10%[3]. Глобальный объем денежных переводов физических лиц в 2025 г. составил около 860 млрд долл. США. Объем криптовалютных P2P-переводов достиг 50–60 млрд долл. США, или 6–7 % их общего объема[4].

В Республике Беларусь оборот криптоплатформ во внешнеторговых платежах по операциям с токенами за 2024 г. составил 1 219 млн долл. США и вырос с 2020 г. в 135 раз. Структура объема выпуска токенов была представлена выпусками, номинированными в долл. США – 78%, в евро – 2%, в российских рублях – 2%, в национальной валюте – 10%; в 2025 г. соответственно 70,2, 12,5, 1,4 и 15,8%[5]. За 2025 г. объем внешних платежей через криптобиржи в Беларуси оценивается в 3,0 млрд долл. США[6].

Современные объемы использования криптовалюты в трансграничных расчетах невелики. Тем не менее потенциал данной модели оценивается как высокий в силу трех структурных факторов: формирование фрагментированной и регионально ориентированной платежной системы, широкое внедрение цифровых активов для осуществления платежей и преобразующий потенциал искусственного интеллекта. Геополитические и технологические изменения меняют ландшафт платежей, приводя к усилению регионализации и диверсификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левкович, А.П. Трансформация моделей международных расчетов в условиях системных и технологических изменений /А.П. Левкович // Белорусский экономический журнал. – 2025. – №3. – с. 23–37.

[1] URL: https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/cross-border-payments-market.

[2] URL: https://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/stablecoins-in-payments-what-the-raw-transaction-numbers-miss.

[3] URL: https://www.coindesk.com/ru/business/2025/09/21/stablecoin-adoption-set-to-surge-after-genius-act-hit-usd4t-in-cross-border-volume-ey-survey.

[4] URL: https://blockeden.xyz/ru/blog/2026/01/17/web3-2025-annual-review-10-charts-crypto-adoption/.

[5] URL: https://www.nbrb.by/publications/finstabrep/finstab2025.pdf.

[6] URL: https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/kriptovalyutnyi-rynok/obieem-vneshnikh-platezhei-cherez-kriptobirzhi-v-belorussii-dostig-1-7-mlrd-v-2025.

ПАРАМЕТРЫ ОЦЕНКИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ПОДГОТОВКИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Леонова Н.Е.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Турбулентность современного миропорядка, очевидные проявления внешних угроз союзу Республики Беларусь и Российской Федерации диктуют требования к унификации и регулярному обновлению законодательства в области мобилизационной подготовки экономики обеих стран. Следует отметить, что в сфере межгосударственного взаимодействия двух стран единого наднационального кодекса мобилизационных мероприятий на практике нет. Вопросы мобилизационной подготовки и мобилизации экономики регулируются национальными законодательствами и двусторонними соглашениями в рамках военной доктрины Союзного государства Беларуси и России. Интеграция в этой области затрагивает лишь совместные экономические меры, кооперационные цепочки между производственными организациями для выполнения оборонных заказов на поставки продукции (работ, услуг).

Многоаспектность содержания мероприятий мобилизационной подготовки обусловливает концептуальный подход к гармонизации нормативных правовых актов (НПА) этих стран и применению коррекционных мер при внесении в них изменений. Ключевыми принципами такого метода являются централизованное нормативно-правовое регулирование, системность, заблаговременность, плановость, контроль, комплексность и согласованность.

Введение дополнений, поправок в действующие законодательные акты, их доработка и разработка новых регламентирующих документов, инструкций и рекомендаций способствует совершенствованию и актуализации мобилизационной готовности и способности Союзного государства. Цель таких преобразований нормативно-правового регулирования – повышение резильентности системы государственного управления, в том числе оперативной адаптивности должностных лиц органов государственной власти и обеспечение соответствия национальных законодательств реальным возможностям организации устойчивого функционирования важнейших объектов экономики двух стран в период нарастания военной угрозы и в военное время.

Анализируя сформированный фонд законодательных документов, важно установить их регулятивную достаточность, выявить правовые недочеты, юридические коллизии, а также устранить избыток интерпретаций основных понятий и терминов. Для проведения оценки и последующей модификации НПА следует использовать следующие критерии и определения:

- *иерархичность*. Соответствие законодательных документов актам высшей юридической силы. В Беларуси классификацию нормативно-правового обеспечения мобилизационной подготовки определяет следующая последовательность: Конституция, решения, принятые республиканским референдумом, декреты и указы Президента, Закон Республики Беларусь № 449-З «О мобилизационной подготовке и мобилизации» и базовые законы в сфере национальной безопасности, постановления Совета Министров, НПА республиканских органов государственного управления, местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов, организаций; в России – Конституция, федеральные конституционные законы, федеральные законы в сфере обороны и безопасности, Специальный федеральный закон № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», указы Президента, постановления Правительства, НПА федеральных органов исполнительной власти, законы и НПА субъектов Российской Федерации, муниципальные правовые акты;
- *системность*. Показателями системности являются согласованность постановлений, указаний всех уровней власти, синхронизация полномочий для исключения дублирования функций,

а также отсутствие противоречий и разночтений как внутри самого документа, так и с подзаконными актами других министерств и ведомств двух государств;

- *административно-организационная структура*. Однозначное регламентирование в НПА полномочий органов государственного управления и подчиненных организаций, в строгом соответствии нормативной иерархии, разграничение компетенций;
- *полнота правового регулирования*. Исключение неточных указаний из текстов документов, обнаружение правовых пробелов, из-за которых отдельные положения, предписания по проведению совместных мобилизационных мероприятий остаются не отрегулированными;
- *нормотворческая техника*. При определении нормативной квалификации используемых терминов и понятий следует оперировать правовыми категориями и национальными стандартами в сфере обороны и национальной безопасности;
- *реализуемость мероприятий*. Нормативные правовые акты, устанавливающие обязательные к исполнению требования для органов власти, организаций и граждан, обязаны содержать четкие алгоритмы действий, конкретные сроки и реальные механизмы;
- *регламентация контроля*. Распределение зон ответственности органов государственной власти, организаций и граждан требует определения в нормативно-правовом обеспечении порядка контроля за выполнением мобилизационных заданий, установления юридической или административной ответственности всех субъектов экономики за ненадлежащее исполнение планов мобилизационного развертывания Союзного государства в период мобилизации и в военное время;
- *ресурсная обеспеченность*. Установленные НПА требования к выполнению мобилизационных заданий (задач) по поставкам продукции (работ, услуг) государственными органами и организациями всех форм собственности должны быть сопоставимы с их ресурсным, кадровым и производственным потенциалом;
- *правоприменительная практика*. Закрепление в НПА мер принуждения, юридической ответственности, направленных на усиление государственного контроля за соблюдением требований по защите информации, выявление коррупционных рисков при бронировании военнообязанных и исполнении военно-транспортных обязанностей;
- *правовая защита*. Нормативное регулирование порядка освобождения граждан от призыва по мобилизации, участия граждан в оборонных работах, государственных гарантий организациям за выполнение мобилизационных заданий (задач).

Применение предложенных критериев позволит обеспечить сопряжение белорусского и российского законодательства, формируя единый правовой контур нормотворчества Союзного государства Беларуси и России для гарантированной устойчивости экономики в период мобилизации и в военное время.

ТРАНСГРАНИЧНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА РАДИ УСКОРЕНИЯ: РЕЗЕРВ РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ – СВЯЗИ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

Литвинюк А.И.,

кандидат экономических наук, доцент

Трансграничная интеграция становится ключевым фактором развития государств, участвующих в региональных экономических объединениях. Для Беларуси, экономика которой отличается высокой степенью открытости и зависимостью от внешних рынков, эффективность взаимодействия с приграничными территориями и партнерами по ЕАЭС приобретает особую значимость. Усиление регионализации мировой экономики, изменение логистических маршрутов и рост геополитической

напряженности формируют новые условия, в которых приграничные регионы могут выступать как зонами риска, так и точками роста. В рамках ЕАЭС создаются институциональные и экономические предпосылки для углубления кооперации, однако потенциал трансграничного сотрудничества Беларуси реализован лишь частично. Низкая доля приграничных регионов в инвестициях и внешнеторговом обороте, а также отсутствие комплексного подхода указывают на необходимость анализа существующих барьеров и возможностей.

Анализ динамики макроэкономических показателей государств-членов ЕАЭС показывает, что интеграционное объединение сохраняет устойчивость даже в условиях внешних шоков. Рост ВВП в 2017–2025 гг. (табл.), несмотря на кризисные периоды свидетельствует о формировании взаимосвязанного экономического пространства, в котором усиливаются кооперационные связи и взаимная зависимость стран-участниц. Для Беларуси это имеет принципиальное значение, поскольку структура ее внешней торговли и производственной кооперации тесно связана с партнерами по Союзу.

Внешнеторговые показатели ЕАЭС подтверждают наличие системных ограничений. Несмотря на рост экспортной квоты и увеличение доли ЕАЭС в мировом экспорте стратегических ресурсов, структура внешней торговли характеризуется высокой концентрацией на сырьевых товарах, низкой диверсификацией экспортных потоков и зависимостью внешнеторговых потоков на отдельных направлениях создают дополнительные риски для приграничных регионов. Эти особенности формируют уязвимость объединения к внешним шокам и ограничивают возможности развития региональной кооперации.

Таблица

Валовой внутренний продукт государств-членов ЕАЭС в 2017–2025 гг., млрд долл. США

Страна	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Армения	11,5	12,4	13,6	12,6	13,9	19,5	24,2	26,1	29,3
Беларусь	54,7	60,0	64,5	60,8	68,2	74,0	72,7	78,7	93,4
Казахстан	166,8	179,3	181,7	171,1	193,0	225,3	261,8	291,2	306,0
Кыргызстан	7,7	8,3	8,9	7,8	8,5	12,1	15,2	18,2	22,6
Россия	1 574,6	1 660,7	1 693,3	1 492,8	1 778,9	2 302,9	2 083,8	2 188,7	2 568,5
ЕАЭС	1 815,3	1 920,7	1 962,0	1 745,1	2 026,5	2 633,8	2 457,6	2 602,9	3 019,7

Источник: авторская разработка по данным: ЕАЭС в цифрах: краткий статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. – М.: 2026. – 144 с.

Для Беларуси внешнеторговая политика ЕАЭС имеет двойственное значение. С одной стороны, единое таможенное пространство и унифицированные торговые правила обеспечивают доступ к крупному рынку партнеров по Союзу, создают условия для развития производственной кооперации и снижают транзакционные издержки. С другой стороны, сохраняющиеся дисбалансы внешней торговли – зависимость от импорта из Китая, ограниченное участие малых и средних предприятий, внешнеторговое давление со стороны недружественных стран – оказывают влияние на устойчивость белорусской экономики, особенно в приграничных регионах.

Приграничные территории Беларуси, несмотря на выгодное географическое положение, остаются наименее вовлеченными в международную торговлю. Их доля во внешнеторговом обороте страны не превышает 5%[1], что свидетельствует о слабой интеграции в трансграничные экономические процессы. При этом отсутствие инструментов поддержки приграничной торговли, недостаточная инфраструктурная связанность и институциональные барьеры ограничивают их потенциал. В результате внешнеторговая политика ЕАЭС оказывает влияние на Беларусь преимущественно на макроуровне, тогда как региональный уровень остается недоиспользованным.

[1] Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. 2024. Статистический сборник. Т. 1. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – 697 с.

В условиях, когда внешняя торговля ЕАЭС сталкивается с необходимостью переориентации потоков, диверсификации рынков и перехода на расчеты в национальных валютах, приграничные регионы могли бы стать ключевыми площадками для формирования новых логистических маршрутов, кооперационных цепочек и совместных производственных проектов.

Таким образом, макроэкономические и внешнеторговые тенденции ЕАЭС формируют благоприятный фон для развития трансграничной интеграции Беларуси, однако потенциал приграничных территорий остается нереализованным. Это обусловлено институциональными барьерами, слабой кооперацией на уровне регионов, недостаточной инфраструктурной связанностью и отсутствием комплексной стратегии трансграничного развития. Указанные факторы требуют дальнейшего анализа и разработки механизмов, способных повысить роль приграничных регионов в интеграционных процессах.

В результате настал момент разработки концепции долгосрочной стратегии трансграничного сотрудничества с выделением особого статуса приграничной экономики, которая должна сочетать **ресурсный подход и институциональные реформы**. Только комплекс мер – финансовых, организационных и инфраструктурных – позволит оперативно наполнять местные бюджеты и превратить приграничные территории в драйверы устойчивого развития Республики Беларусь.

—— ◆ ——

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПУТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ РАСЧЕТОВ ДЛЯ МСП ПОСРЕДСТВОМ КРИПТОВАЛЮТЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Лободенко В.Ю.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Современные условия внешнеэкономической деятельности требуют от белорусских субъектов хозяйствования поиска новых инструментов для осуществления международных расчетов. В условиях ограничения экспорта и импорта продукции для многих стран, включая Республику Беларусь, проведение операций купли-продажи по договорам через традиционную банковскую систему сталкивается с рядом системных ограничений. Одним из ключевых барьеров стало отключение ряда белорусских банков от международной системы банковских переводов SWIFT, что существенно усложнило проведение внешнеторговых операций.

В сложившихся условиях одним из оптимальных альтернативных инструментов для осуществления внешнеторговых расчетов является криптовалюта. Законодательство Республики Беларусь устанавливает обязательные требования к участникам крипторынка, ключевым из которых является прозрачность операций. Указ Президента Республики Беларусь от 17 сентября 2024 г. № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)» установил обязательное требование о проведении всех операций купли-продажи криптовалюты за фиатную валюту исключительно через операторов-резидентов Парка высоких технологий (далее – ПВТ)[1]. Ключевым этапом стал Указ № 19 от 16 января 2026 г. «О криптобанках и отдельных вопросах контроля в сфере цифровых знаков (токенов)», вступивший в силу 18 июля 2026 г., который создал институт криптобанков, объединяющих функции классического банка и криптобиржи (далее – указ № 19)[2]. При этом согласно законодательству, данный инструмент является прерогативой юридических лиц, а индивидуальные предприниматели не могут использовать криптовалюту во внешнеторговых расчетах. Анализ правового поля позволяет выделить три основных варианта использования криптовалюты для внешнеторговых

[1] Указ Президента Республики Беларусь от 17 сентября 2024 г. № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)». – URL: ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/221419.

[2] Указ Президента Республики Беларусь от 16 января 2026 г. № 19 «О криптобанках и отдельных вопросах контроля в сфере цифровых знаков (токенов)». – URL: ilex-private.ilex.by/view-document/BELAW/236654.

расчетов. Первый предполагает регистрацию компании в качестве резидента ПВТ, что дает право на осуществление криптовалютных операций в рамках льготного налогового режима. Второй вариант – заключение сделок по отступному: компания приобретает токен и передает его контрагенту в качестве платежного средства за поставленные товары, а поставщик, в свою очередь, может реализовать цифровой актив на крипторынке или обменять на фиатные деньги через криптобанк. Третий, наиболее доступный для МСП, вариант предполагает прямую покупку криптовалюты через резидентов ПВТ с последующим переводом на криптосчет контрагента, причем в качестве платежного средства может выступать любой вид криптоактива, от биткоина до стейблкоина.

Наличие развитой инфраструктуры для реализации указанных вариантов подтверждается данными Парка высоких технологий: на начало 2026 года в ПВТ зарегистрировано 26 криптокомпаний, в том числе 10 криптобирж, 13 брокеров, 2 оператора ICO и 1 криптообменник. Для систематизации различий между рассмотренными подходами и классическим банковским переводом проведен сравнительный анализ по ряду ключевых критериев (табл.).

Таблица

Сравнительная характеристика финансовых операций с контрагентами

Критерий	Банковский перевод (SWIFT)	Регистрация в ПВТ	Соглашение об отступном	Покупка и трансфер
Требуется статус резидента ПВТ	Нет	Да	Нет	Нет
Сложность реализации	Низкая	Высокая	Средняя	Низкая
Налоговая нагрузка	20%	9% (льготная)	20%	20%
Скорость расчетов	2–5 дней	10–30 минут	10–30 минут	10–30 минут
Комиссия за перевод	0.5 – 3%	0.5–1%	0.5–1%	0.5–1%
Доступность для ИП	Да	Нет	Нет	Нет
Прозрачность для контроля	Высокая	Высокая	Средняя	Средняя
Риск блокировки/отказа	Крайне высокий	Низкий	Низкий	Низкий
Возможность обхода санкций	Нет	Да	Да	Да

Представленная сравнительная таблица наглядно демонстрирует принципиальные различия между классическим банковским переводом и тремя криптовалютными альтернативами. Ключевым выводом из данного сравнения является то, что банковский перевод через SWIFT, несмотря на свою привычность и доступность для МСП, в текущих условиях становится наименее надежным инструментом для проведения внешнеторговых расчетов.

Учреждение института криптобанков согласно Указу № 19 открывает новый этап развития криптовалютной инфраструктуры Беларуси: криптобанки получили возможность выступать «единым окном» для внешнеэкономической деятельности, объединяя функции классического банка и криптобиржи.

Таким образом, в Республике Беларусь формируется оптимизированная система внешнеторговых расчетов на основе децентрализованных инструментов, позволяющая восстанавливать нарушенные цепочки поставок и обеспечивать полноценное функционирование рынка. Криптовалюта становится эффективным механизмом преодоления санкционных барьеров, обеспечивая высокую скорость транзакций, прозрачность операций и снижение транзакционных издержек. Сформированная легальная инфраструктура созда ет условия для устойчивого развития малого и среднего предпринимательства, а также интеграции белорусского бизнеса в мировое экономическое пространство, несмотря на сохраняющиеся внешние ограничения.

БОЛЬШОЕ ЕВРАЗИЙСКОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ДОЛГОСРОЧНЫЙ ТРЕНД ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Луговская И.С.,
Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Последние годы мировая геополитическая и экономическая среда претерпевает глобальные изменения. Процессы, которые сейчас происходят, несомненно, меняют модель мира. Прежние способы решения споров и конфликтов, которые до этого демонстрировали высокую эффективность, сейчас с этой задачей уже справляются не так уверенно.

Происходящие мировые изменения ведут к формированию новой архитектуры безопасности и в Большой Евразии. Речь идет о предложении создания так называемого Большого Евразийского партнерства (далее – БЕП), которое было предложено В.В. Путиным еще в 2016 году [1].

В основе инициативы лежит стремление содействовать построению пространства комплексного, взаимовыгодного экономического сотрудничества посредством объединения потенциалов государств и региональных объединений. Архитектура партнерства основывается на реализации подхода «интеграции интеграций», объединяющего потенциал нескольких крупнейших межгосударственных институтов, таких как ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и др. [2].

В качестве базовых принципов, лежащих в основе рассматриваемой инициативы, отмечаются следующие: открытость (партнерство открыто для всех стран Евразийского экономического союза); отказ от ультиматумов, санкционного давления и политики с позиции силы; учет интересов всех участников; экономическая солидарность и взаимная выгода; многомерность и кооперация; коллективная безопасность и устойчивость.

Стоит отметить, что с момента выдвижения инициативы и по сегодняшний день основное внимание сосредоточено в первую очередь на экономических аспектах взаимодействия – торговле, формировании единого транспортного пространства, единой сети экономических коридоров и зон развития, цифровизации экономики.

Согласно инициативе БЕП, ключевым направлением сотрудничества в Евразийском регионе выступает сфера транспорта и энергетики. Упор делается на реализацию инфраструктурных проектов (в первую очередь на формирование транспортно-логистических коридоров). Но другие аспекты сотрудничества – культурное, политическое и т.д. – также являются не менее важными в рамках данной инициативы [1].

Роль драйвера в продвижении экономической интеграции в регионе играет ЕАЭС, который выстраивает отношения с внешними игроками путем заключения двусторонних и многосторонних торговых соглашений. Для ЕАЭС идея Большого Евразийского партнерства – максимальное нормативно-организационное сближение, сопряжение с отдельными или со всеми многосторонними интеграционными образованиями и проектами [3].

Другим структурообразующим проектом БЕП выступает «Пояс и путь», который способствует сопряжению китайской, евразийской, европейской и ближневосточной стратегий развития. При этом инициатива сохраняет гибкий, сетевой характер, не являясь международной организацией, но создавая основу для новой модели евразийской интеграции, основанной на инфраструктурной взаимосвязанности и прагматическом сотрудничестве.

Если говорить про сложность в формировании БЕП, то в настоящее время главными барьерами для БЕП выступают инфраструктурные ограничения (нехватка пропускной способности дорог и портов), регуляторные различия между странами, а также геополитическое давление и санкционные риски со стороны Запада. Также идет проработка новых долгосрочных векторов, включая координацию в сфере искусственного интеллекта и сквозных цифровых платформ до 2045 года [1].

Очевидно, что формирование и дальнейшее развитие БЕП будет происходить в несколько этапов: от углубления диалога между существующими интеграционными блоками (ШОС, ОДКБ,

ЕАЭС, АСЕАН и др.) и включения новых организаций – до выработки механизмов устойчивости и расширения адаптационного потенциала.

Что касается Республики Беларусь, находящейся на стыке ЕАЭС и Европейского союза, то БЕП выступает главным вектором экономической стратегии. Сопряжение процессов позволит в будущем: расширить рынки сбыта и перестроить цепочки поставок с прицелом на страны Азии и Глобального Юга; использовать выгодное транзитное географическое положение для привлечения инвестиций в логистику и промышленную кооперацию.

В целом БЕП можно рассматривать не только как общую зону свободной торговли, где идет либерализация (устранение) таможенных тарифов на товары взаимной торговли, а еще и как свободную инвестиционную зону, где будут устраняться барьеры на пути прямых инвестиций и инвесторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концептуальный аналитический доклад «Большое Евразийское партнерство: общая ответственность за безопасное будущее» // Организация Договора о коллективной безопасности. – URL: https://odkb-csto.org/analytics/?ELEMENT_ID=24435 (дата обращения: 19.08.2026).

2. Об инициативе Большого Евразийского партнерства // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/2062732/ (дата обращения: 19.08.2026).

3. Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза на 2025 год: Решение Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2024 г. № 15 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=F92400402 (дата обращения: 19.08.2026).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Лукашевич Л.А.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Малое и среднее предпринимательство (далее – МСП) является неотъемлемым элементом современной рыночной экономики. Оно выполняет важнейшие социально-экономические функции, включающие обеспечение занятости населения, формирование конкурентной среды, насыщение рынка товарами и услугами, а также создание инновационного потенциала. В Республике Беларусь сектор МСП представляет собой значимую часть национальной экономики, однако его развитие сопряжено с рядом вызовов, которые требуют научного осмысления и выработки эффективных механизмов государственной поддержки.

В современной экономической науке МСП рассматривается как особая форма хозяйствования, обладающая специфическими чертами, отличающими его от крупного бизнеса. Исследование социально-экономического пространства МСП предполагает комплексный анализ его структурных, функциональных и институциональных аспектов. Мальгина И.В. акцентирует внимание на необходимости формирования дорожной карты развития МСП, которая позволит синхронизировать процессы развития и поддержки предпринимательства на республиканском, региональном и местном уровнях [1]. Концептуальный подход к исследованию роли МСП в экономике базируется на признании его способности генерировать инновации, создавать новые рабочие места и обеспечивать экономическую устойчивость территорий.

Анализ статистических данных свидетельствует о неоднородной динамике развития белорусского МСП. По состоянию на 1 января 2026 года в стране насчитывалось 135 тыс. организаций МСП, 204,4 тыс. индивидуальных предпринимателей и 250,5 тыс. иных физических лиц, осуществлявших индивидуальную предпринимательскую деятельность. Исследования показывают устойчивый рост вклада МСП в ВВП, который в 2025 году достиг 27,4%. Однако доля МСП в ВВП остается

относительно небольшой по сравнению с развитыми странами, что указывает на наличие резервов для дальнейшего роста.

Государственная поддержка МСП в Беларуси строится на сочетании финансовых и нефинансовых инструментов. К финансовым механизмам относятся льготное кредитование, микрокредитование, гранты и субсидии, а также субсидирование процентных ставок. Нефинансовая поддержка реализуется через сеть центров поддержки предпринимательства и бизнес-инкубаторов, которые предоставляют предпринимателям консультационные, информационные, методические, юридические и бухгалтерские услуги. Объем финансирования программ поддержки МСП в 2025 году превысил 16 млрд рублей, что подчеркивает приоритетность данного направления для государства. В настоящее время активно разрабатывается «Цифровая платформа для субъектов МСП», которая предоставит предпринимателям автоматизированные налоговый и бухгалтерский учет, а также другие сервисы.

Стоит отметить, что несмотря на положительные тенденции, сектор МСП в Беларуси по-прежнему сталкивается с рядом вызовов. Исследования на основе официальных статистических данных за 2025 год выявляют риски, связанные со снижением числа индивидуальных предпринимателей (на 13,9% по сравнению с началом 2025 года), снижением удельного веса объема внешней торговли товарами субъектов МСП в общем объеме внешней торговли товарами (на 4,8% по сравнению с 2024 годом).

Таким образом, использование цифровых платформ для поддержки МСП позволит обеспечить адресность, измеримость, обоснованность и устойчивость мер государственной поддержки. В то же время применение дорожной карты для различных предпринимательских инициатив является современным способом активизировать развитие МСП на основе долгосрочного планирования [1]. Развитие экспортного потенциала МСП требует формирования комплексной системы поддержки экспортно ориентированных предприятий, включающей как финансовые, так и нефинансовые инструменты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальгина, И. В. Социально-экономическое пространство малого и среднего предпринимательства: основные аспекты потенциального развития / И. В. Мальгина // Вестник Брестского государственного технического университета. – 2025. – № 3 (138). – С. 218–221.

—— ◆ ——

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ В ЕАЭС

Мартинкевич М.Ю.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Внедрение цифровых технологий трансформирует экономику государств-членов ЕАЭС. С принятия Цифровой повестки в 2017 году в ЕАЭС достигнуты заметные результаты: на национальных уровнях реализуются программы цифровой трансформации, внедряются электронные госуслуги и современные технологии, создается соответствующая инфраструктура, растет число интернет-пользователей (до 77–92%), цифровизируются бизнес и социальная сфера, расширяется вклад ИТ-сектора в экономику [1, с. 4–7]. Однако регулирование платформенной экономики в ЕАЭС остается на стадии институционального развития. Ключевой проблемой является отсутствие специализированного наднационального правового режима для цифровых платформ (ЦП).

Текущее регулирование фрагментарно и осуществляется косвенно, через отдельные решения в сфере цифровой инфраструктуры, электронного документооборота и технического взаимодействия, а также через нормы смежных сфер (электронная торговля, конкуренция, техническое регулирование). Такой

подход создал основу для межгосударственного обмена данными и запуска отдельных цифровых сервисов, но не сформировал целостного механизма регулирования платформ как особых участников рынка.

Наднациональное правовое регулирование цифровой политики в ЕАЭС формируется последовательно, отражая трансформацию интеграционных задач и степень зрелости цифровой среды. В этом процессе можно выделить три этапа.

Первый этап (2014–2017 гг.) – институционализация и формирование доверия между государствами-членами. Цифровизация рассматривалась как инструмент повышения эффективности интеграционных процедур, ускорения обмена данными и согласования национальных подходов. В этот период были заложены основы общих процессов, сформирована логика использования интегрированной информационной системы (ИИС) ЕАЭС и приняты «Основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года».

Второй этап (2018–2021 гг.) – переход к практической сервисной интеграции. Внимание сместилось на развитие общего цифрового рынка, запуск пилотных проектов по созданию общих сервисов и формирование институтов электронной торговли.

Современный этап (с 2022 г. по н.в.) связан с вопросами технологической автономии, защиты инфраструктуры и устойчивости цифровых решений, что обусловлено необходимостью укрепления цифрового суверенитета и адаптации правового регулирования к новым внешним условиям. При этом решения по-прежнему остаются преимущественно инфраструктурными и координационными.

В условиях дефицита профильных норм регулирование платформенной экономики в ЕАЭС фактически замещается развитием технологического фундамента. Ключевым инструментом единой цифровой политики становится ИИС ЕАЭС, выступающая не только технической, но и институциональной основой межгосударственного взаимодействия. Особенность ИИС в том, что она строится не как единая централизованная база, а как система взаимодействующих национальных сегментов, что позволяет сохранить цифровой суверенитет государств-членов и одновременно обеспечить совместимость их ИТ-ландшафтов без полной унификации.

Практическая реализация цифровой повестки ЕАЭС проявляется в запуске наднациональных платформ:

- унифицированная система «Работа без границ» обеспечивает общий доступ соискателей и работодателей к национальным базам вакансий, демонстрируя возможность интеграции национальных информационных систем без их полного объединения;
- система цифровой прослеживаемости товаров контролирует движение импортных товаров от ввоза до конечного потребителя, формируя цифровой след товара на всех этапах обращения;
- система электронных паспортов транспортных средств обеспечивает единый учет транспортных средств и техники на территории ЕАЭС.

Эти решения демонстрируют переход от отдельных сервисов к интегрированным межгосударственным платформам, снижающим транзакционные издержки, ускоряющим обмен данными и повышающим прозрачность рыночных процессов.

В то же время выход на наднациональный уровень выявляет пробелы правового поля. В ЕАЭС отсутствуют единые требования, прямо адресованные платформам, в т.ч. по прозрачности алгоритмов, недискриминации пользователей, ответственности посредников и распределению налоговой базы. Дополнительным ограничением остается неравномерность цифрового развития государств-членов. Россия и Казахстан движутся быстрее, тогда как Армения и Кыргызстан отстают по уровню инфраструктуры, охвату платформенными сервисами и инвестиционным возможностям. Это создает асимметрию и усложняет выработку единых наднациональных решений.

Нивелирование дисбаланса требует перехода от фрагментарных мер к формированию скоординированных наднациональных правил, созданию общих стандартов и реализации совместных инвестиционных программ в ИТ-сфере. Такие шаги позволят трансформировать ЦП из локальных

сервисов в устойчивый элемент внешнеэкономической инфраструктуры ЕАЭС, обеспечивающий бесшовность трансграничной торговли, логистики и финансовых процессов.

Таким образом, цифровая трансформация в ЕАЭС выступает ключевым фактором углубления интеграции. Дальнейший эффект будет зависеть от способности государств-членов перейти от точечных ИТ-проектов к системному наднациональному регулированию ЦП. Только выработка согласованных правил, учитывающих как общие экономические интересы ЕАЭС, так и специфику национальных рынков, позволит превратить платформенную экономику в устойчивый драйвер нового технологического уклада ЕАЭС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лорецян, Г. А. Оценка уровня цифровизации ЕАЭС / Г. А. Лорецян // Прогрессивная экономика. – 2024. – № 8. – С. 4–7.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНФЛЯЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Масель Е.Г.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Экономики Беларуси и России характеризуются высокой степенью интеграции: Россия остается крупнейшим торговым партнером Беларуси (около 60% внешнеторгового оборота), имеет наибольший вес в валютной корзине, к которой привязан курс белорусского рубля, и служит основным поставщиком энергоносителей по межправительственным соглашениям.

Обращаясь к ретроспективной динамике, можно увидеть, что инфляционные процессы обеих стран следуют схожими траекториями. Расчетный коэффициент корреляции между показателями годовой инфляции двух стран за 2013–2025 гг. составляет 0,6, что соответствует средней силе связи (рис.).

Рис. Инфляция в Беларуси и России в 2013–2025 гг., %

Однако амплитуда инфляционных циклов, как и источники шоков, в каждый конкретный период различны. Сопоставление годовой инфляции за 2022–2025 гг. подтверждает переменный характер связи: в 2022 г. инфляция в Беларуси (12,9%) превышала российскую (11,9%), в 2023–2024 гг. заметно уступала ей (5,8% против 7,4% и 5,2% против 9,5%), а в 2025 г. вновь оказалась выше (6,8% против 5,6%).

Первое полугодие 2026 г. также показательно расхождением ценовой динамики.

В Беларуси годовая инфляция в I полугодии 2026 г. последовательно снижалась (с 5,4% в марте до 4,3% в июне), а накопленный с начала года прирост цен составил 2,9% – минимальное значение для данного периода за последние 20 лет. По оценке Нацбанка, основной вклад в замедление внесли интенсивное удешевление плодоовощной продукции (–11,5% в июне и –10,8% в июле к

соответствующему месяцу прошлого года) и снижение базовой инфляции (с 5,3% в мае до 4,8% в июне-июле), тогда как влияние спроса оценивалось как нейтральное. Однако в июле годовая инфляция немного выросла – до 4,4%.

В России же инфляция большую часть первого полугодия удерживалась вблизи цели Банка России в 4%, однако годовая инфляция в июне-июле ускорилась до 6,0–6,1% из-за шока предложения на топливном рынке. Удары по нефтеперерабатывающим заводам спровоцировали дефицит бензина и дизеля, что вынудило ввести запрет на экспорт топлива и привело к росту розничных цен на АЗС. Банк России расценил скачок как разовый фактор, но все же повысил прогноз годовой инфляции на 2026 г. с 4,5–5,5% до 6–7%.

Передача инфляционного давления реализуется через два ключевых канала.

Первый – валютный (эффект переноса курса). Динамика BYN/RUB напрямую определяет стоимость импорта, поскольку ослабление белорусского рубля к российскому удорожает ввозимые из России товары и сырье, что транслируется в ускорение инфляции на внутреннем рынке. В 2025 г. девальвация BYN к RUB составила 10,7%, и на этот фактор пришлось около 2,1 п.п. из 6,8% годовой инфляции. В первом полугодии 2026 г. девальвация замедлилась до 0,9%, а ее вклад в прирост цен сократился практически до нуля (0,003 п.п. из 2,9%).

Второй канал – сырьевой. Беларусь практически полностью обеспечивает потребности в нефти и газе за счет поставок из России: цена газа зафиксирована межправительственным соглашением, тогда как нефть марки Urals закупается по мировой цене. Периодически этот канал работает и в обратном направлении. Похожие маневры уже случались на фоне дефицита в России, однако летом 2026 г. масштаб поставок стал рекордным – за январь-июль экспорт бензина из Беларуси в Россию вырос в 25 раз год к году (до 665 тыс. т), дизеля – почти в 7 раз (до 418 тыс. т). Воздействие шоков на внутренние цены Беларуси смягчает административное регулирование: тарифы на газ, электро- и теплоэнергию повышаются поэтапно плановыми решениями правительства на 7,0–7,3%.

Таким образом, инфляционные процессы Беларуси и России связаны через валютный и сырьевой каналы, однако разную амплитуду и переменный разрыв между их показателями определяет не сила этой связи, а различие антиинфляционных инструментов: административное регулирование цен и тарифов в Беларуси против таргетирования инфляции и ключевой ставки в России. Административное регулирование не устраняет ценовое давление, а растягивает его во времени – на это указывает устойчивое превышение базовой инфляции над общей (4,8% против 4,4% в июле 2026 г.). Поэтому для оценки устойчивости низкой инфляции в Беларуси целесообразно также отслеживать динамику базовой инфляции, регулируемых тарифов и курса как индикаторов накопленного ценового давления.

ЦЕНОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕАЭС

Матюш И.В.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

В целом можно выделить ряд общих антиинфляционных мер, применяемых в большинстве стран ЕАЭС (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан) в различных соотношениях для сохранения ценовой стабильности:

- формирование перечня социально значимых товаров, подлежащих прямому ценовому регулированию;
- заключение соглашений между государством, крупными производителями и торговыми сетями о поддержании приемлемого уровня цен на ряд продовольственных товаров;

- проведение сельскохозяйственных ярмарок;
- ограничение вывоза отдельных социально значимых товаров.

Рассмотрим специфические особенности ценовых систем каждой из стран ЕАЭС.

В Армении действует преимущественно свободное ценообразование, меры регулирования цен в большей степени косвенные – денежно-кредитная политика (таргетирование инфляции) и развитие экономической конкуренции. Прямое воздействие на цены имеет локальный и кратковременный характер. Государственному регулированию подлежат естественные монополии, коммунальные и общественные услуги, фармацевтические препараты и социально значимые продукты питания.

В Беларуси сохраняется прямое ценовое регулирование, введенное в 2022 г. по причине высокой инфляции и охватывающее всю цепочку формирования стоимости. Контур ценового сдерживания постепенного смягчается, в основном за счет сокращения перечня регулируемых товаров и постепенного увеличения предельных темпов роста цен. По ряду продуктов питания антиинфляционной мерой выступает увеличение предложения посредством расширения производственных мощностей (в частности, овощи), а также точечное сдерживание цен фиксированными темпами ежемесячного прироста (мясо-молочная продукция). Актуальной проблемой является переход к большей доле использования косвенных инструментов регулирования цен и выравнивание накопленных ценовых диспропорций.

В Казахстане ценообразование преимущественно свободное, но выделен перечень социально значимых продовольственных товаров, на которые устанавливаются предельные торговые надбавки (не более 15% от отпускной цены производителя или закупочной цены оптового поставщика). В случае превышения пороговых значений розничных цен местный исполнительный орган вправе установить размер предельно допустимых розничных цен на срок не более 90 календарных дней. Также государственному регулированию подлежат лекарственные препараты, горюче-смазочные материалы и некоторые услуги. Комплексом мер по контролю и снижению уровня инфляции внедрены онлайн социальные магазины на маркетплейсах для социально уязвимых слоев населения. Перспективным опытом является создание специальных цифровых платформ, на которых отслеживаются оборот и поставки угля, поскольку государство особо контролирует цепочки их поставок для населения.

В Кыргызстане прямое регулирование цен применяется как временная и экстренная мера, государство стремится создать условия для регулирования цен посредством баланса спроса и предложения. В рамках сдерживания ценовой динамики особое внимание уделяется расширению производства, в частности на такую чувствительную позицию, как мясо, предложение которого сокращалось на фоне растущего спроса потребителей. Создана сеть социальных магазинов с продажей продуктов по сниженным ценам при предъявлении именной социальной карты. В 2026 г. для стабилизации цен на топливо введена выплата субсидий импортерам ГСМ. Ее размер рассчитывается, исходя из установленной фиксированной цены и стоимости импортированного топлива с учетом транспортных расходов. Разработано мобильное приложение для мониторинга цен в целях оперативного отслеживания их резкого роста.

В России большинство цен формируется под влиянием спроса и предложения. Антимонопольный регулятор отслеживает динамику цен на основные продовольственные товары и лекарственные препараты. Прямому ценовому регулированию подлежат естественные монополии. Для поддержания ценовой стабильности применяется косвенное регулирование посредством ключевой ставки Центробанка (максимальное значение достигло 21% с декабря 2024 г.), а также расширение производства благодаря капиталовложениям в рамках государственных заказов. Проводимая жесткая денежно-кредитная политика направлена на сдерживание избыточного спроса, однако она имеет негативным следствием охлаждение экономики. В августе 2026 года принят закон, устанавливающий применение с 1 января 2027 года системы сквозного мониторинга на продовольственные

товары. Наблюдению подлежит вся цепочка формирования стоимости продукции – от производства до розничной реализации – в целях своевременного выявления спекулятивного давления на цены.

Лидер по кумулятивной инфляции за пятилетний период с 2021 по 2025 годы – Казахстан (74,6%), наименьшая накопленная инфляция в Армении – 21,6%. Все страны ЕАЭС испытали ценовой шок в 2022 году под влиянием санкций, торговых барьеров и логистических проблем. Наиболее амплитудный всплеск инфляции отмечен в Казахстане (20,3%), где до текущего момента сохраняется повышенный инфляционный фон по сравнению с остальными партнерами по ЕАЭС. Беларусь в случае неприменения прямого ценового регулирования могла стать второй по темпам роста потребительских цен.

БЕЛАРУСЬ И ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

Мицкевич И.В.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Вступление Беларуси в Шанхайскую организацию сотрудничества стало одним из наиболее значимых событий в развитии её внешнеэкономических связей. С 4 июля 2024 г. Беларусь является полноправным членом ШОС, хотя взаимодействие началось раньше: процедура приёма была запущена в сентябре 2022 г., а в январе 2023 г. белорусская сторона заявила о готовности её ускорить.

Значение ШОС для Беларуси определяется прежде всего масштабом и географией объединения. В организацию входят Беларусь, Китай, Россия, Индия, Иран, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Таджикистан и Узбекистан. Участие в ШОС институционально закрепляет присутствие Беларуси на большей части Евразии – территории с крупными рынками, ресурсами, производствами и развивающимися транспортными и финансовыми системами. ШОС постепенно превращается в комплексную платформу взаимодействия в торговле, инвестициях, транспорте, энергетике, цифровизации и промышленности.

Важное преимущество ШОС – уже сформированная инфраструктура экономического сотрудничества: Деловой совет, Межбанковское объединение, межведомственные механизмы, Форум глав регионов. В 2024 г. принят План мероприятий по реализации Стратегии экономического развития до 2030 г., а также решение о создании Ассоциации инвесторов государств-членов.

ШОС перспективна для расширения экспорта белорусской промышленной и высокотехнологичной продукции: карьерной и сельскохозяйственной техники, грузовых автомобилей, автобусов, тракторов, оборудования, химической и нефтехимической продукции. Однако выход на удаленные рынки требует каналов сбыта, сервисной инфраструктуры, локальных партнеров и адаптации к требованиям новых рынков. ШОС может выполнять функцию площадки для поиска партнеров и продвижения совместных проектов.

Для Беларуси, ограниченной в доступе к европейской транспортной инфраструктуре, принципиальное значение приобретает развитие альтернативных маршрутов. ШОС продолжает работу над развитием международных автомобильных и железнодорожных маршрутов, мультимодальных коридоров и логистических центров, что отвечает интересам Беларуси в доставке грузов в Китай, Центральную Азию, Иран и Южную Азию.

При этом членство само по себе не гарантирует роста экспорта: ШОС не является интеграционным объединением по типу ЕАЭС или ЕС и не предусматривает автоматической отмены пошлин. Экономический эффект будет зависеть от способности Беларуси использовать механизмы ШОС для конкретных соглашений, продвижения продукции, развития маршрутов и участия в совместных проектах.

Особое значение имеет Деловой совет ШОС. Его возможности целесообразно использовать не только для участия в форумах и выставках, но и для формирования постоянно действующих механизмов поиска партнёров. Полезной могла бы быть организация отраслевых бизнес-миссий по направлениям «Беларусь – Китай», «Беларусь – Индия», «Беларусь – Иран», «Беларусь – Центральная Азия», ориентированных на конкретные контракты и инвестиционные проекты. Также необходимо активнее использовать механизм межрегионального сотрудничества.

Показательным стал Бишкекский саммит ШОС 1 сентября 2026 г., приуроченный к 25-летию организации. По его итогам принято 28 документов, а в декларации государства-члены подтвердили намерение продолжать реализацию Стратегии экономического развития до 2030 г., расширять торговлю, укреплять производственные и логистические цепочки, развивать электронную коммерцию, таможенное сотрудничество, транспорт, сельское хозяйство, инвестиции и поддержку малого и среднего бизнеса. Таким образом, Беларусь вступила в ШОС в период, когда организация усиливает именно те механизмы, которые наиболее интересны белорусской внешней торговле.

Вместе с тем участие в ШОС связано с рисками. На рынках организации белорусские компании сталкиваются с высокой конкуренцией со стороны китайских, российских, индийских и местных производителей. Значительная удалённость ряда рынков повышает транспортные расходы. Экономики стран ШОС существенно различаются по уровню развития, законодательству, валютному регулированию и стандартам. Поэтому использование потенциала организации требует системной работы по устранению нетарифных барьеров и адаптации предприятий к конкретным рынкам.

Наибольший эффект может быть обеспечен при сочетании трёх элементов: продвижения экспорта, включения Беларуси в евразийские транспортно-логистические цепочки и расширения производственной и инвестиционной кооперации. Особое значение приобретает сопряжение возможностей ШОС с ЕАЭС, инициативой «Пояс и путь» и национальными механизмами поддержки экспорта. В перспективе ШОС может стать для Беларуси одним из ключевых инструментов укрепления связей с Азией и формирования более устойчивой структуры внешней торговли.

Подавляющая часть торговли Беларуси со странами ШОС приходится на Россию. По разным оценкам, в 2025 г. белорусско-российский товарооборот составил около 52–55 млрд долл. Россия остаётся крупнейшим торговым партнёром Беларуси.

Вторым крупнейшим партнёром выступает Китай: по китайской статистике, в 2025 г. товарооборот составил 8,85–8,86 млрд долл., увеличившись примерно на 5,5–5,6%.

Третьим значимым направлением становится Центральная Азия. Особенно быстро растёт торговля с Узбекистаном: в 2025 г. товарооборот достиг 965 млн долл., увеличившись примерно на 25%. Важным партнёром является и Казахстан: в январе–ноябре 2025 г. товарооборот составил 1,04 млрд долл., а по итогам года вырос примерно на 30% – до более 1,2 млрд долл. Торговля с Кыргызстаном, Таджикистаном, Ираном, Пакистаном пока невелика, но демонстрирует положительную динамику

Перспективным направлением остаётся Индия. В 2025 г. белорусско-индийская торговля достигла примерно 900 млн долл., приблизившись к 1 млрд. При этом за январь–сентябрь 2025 г. взаимная торговля выросла на 74%, а белорусский экспорт – в 2,7 раза. Индийское направление обладает одним из наиболее высоких потенциалов роста среди рынков ШОС.

Таким образом, членство Беларуси в ШОС расширяет возможности страны по диверсификации внешней торговли и укреплению экономических связей с крупнейшими рынками Евразии.

ЕРИП КАК ЭЛЕМЕНТ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Мойсеенок О.В.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

В условиях цифровой трансформации платформенные модели становятся главным фактором повышения эффективности государственного управления. В отличие от традиционных информационных систем цифровые платформы обеспечивают взаимодействие множества участников в рамках единой инфраструктуры, снижают транзакционные издержки и способствуют созданию новых сервисов.

Зарубежный опыт демонстрирует успешные модели государственных платежных платформ. В Индии UPI обрабатывает свыше 18 млрд платежных операций ежемесячно (данные на 2025 г.) на основе открытых API и единых стандартов взаимодействия банков и финансово-технологических компаний. Сингапурская PayNow интегрирует мгновенные платежи с национальной системой цифровой идентификации Singpass. Бразильская Pix имеет ведущую роль при проведении безналичных расчетов благодаря открытой архитектуре и бесплатному доступу для физических лиц. Эстония сформировала комплексную платформенную модель на базе системы межведомственного обмена данными X-Road и национальной идентификации eID, интегрировав платежные сервисы непосредственно в процессы предоставления государственных услуг.

В Республике Беларусь аналогичную роль выполняет Единое расчетное и информационное пространство (ЕРИП). Созданное в 2008 г. как система приема массовых платежей, ЕРИП трансформировалось в многофункциональную цифровую платформу, объединяющую банки, государственные органы, поставщиков услуг и население. В 2016 г. в соответствии с Указом Президента от 1 декабря 2015 г. № 478 [1] была создана специализированная организация – ОАО «НКФО «ЕРИП», которая стала владельцем и оператором системы, а также Межбанковской системы идентификации (далее – МСИ).

ЕРИП представляет собой комплекс взаимосвязанных цифровых сервисов. Его основу составляет АИС «Расчет», обеспечивающая оплату товаров, работ, услуг и платежей в бюджет без комиссии с плательщика. АИС «Расчет-ЖКУ» автоматизирует начисление жилищно-коммунальных платежей: к ней подключено 330 организаций, обслуживающих более 2,2 млн домов в 19,7 тыс. населенных пунктов с объемом свыше 10 млрд операций ежемесячно. МСИ обеспечивает однократную идентификацию клиента, после которой его данные доступны всем банкам системы: зарегистрировано 6,75 млн учетных записей физических лиц и 322 тыс. – юридических [2].

Масштаб и охват системы позволяют охарактеризовать ее как платформенную. Количество подключенных субъектов хозяйствования выросло с 11,6 тыс. в 2015 г. до 44,9 тыс. в 2025 г.; доля безналичных платежей увеличилась с 50 % до более чем 90 %. По итогам 2024 г. ЕРИП объединял 48,5 тыс. производителей услуг, обеспечивал оплату 82,1 тыс. услуг, проводил около 2,01 млн платежей ежесуточно, а годовой оборот составил 40,8 млрд рублей. Инфраструктура ЕРИП включает 21 банк, около 80 тыс. услуг от более чем 22 тыс. юридических лиц и около 20 организаций-агрегаторов [3].

Развитие системы сопровождается внедрением новых сервисов: «ЕРИП.Бизнес» (2023 г.), который представляет собой персонализированный кабинет производителя услуг; «ЕРИП без границ» – оплата картами любых банков мира с конвертацией в белорусские рубли; FacePay – биометрическая идентификация при оплате. Гибкие модели подключения (E-POS, офлайн-подключение, агрегаторы) обеспечивают доступность системы для организаций различного размера и сферы деятельности.

Вместе с тем существующая архитектура ЕРИП ориентирована преимущественно на закрытую модель интеграции, что ограничивает возможности использования открытых API и создания сер-

висов сторонними разработчиками. Недостаточно реализован потенциал цифровой финансовой экосистемы, аналитического использования больших данных, интеграции с государственными платформами (ОАИС, ЕС ИФЮЛ, приложение «Е-паслуга»), технологий ИИ и трансграничного взаимодействия. Так, ЕРИП интегрирован с ОАИС в части оплаты электронных услуг и административных процедур, однако возможности такой интеграции используются не полностью, так как платежный модуль и проактивное информирование граждан о праве на получение услуги пока функционируют без полной автоматизации взаимодействия между этими этапами.

С учетом зарубежного опыта (UPI, PayNow, Pix, X-Road) развитие ЕРИП как полноценной платформенной экосистемы целесообразно осуществлять по следующим направлениям: внедрение открытых API и создание маркетплейса государственных и коммерческих цифровых сервисов; интеграция платежного модуля с проактивными государственными услугами через ОАИС – чтобы при наступлении жизненной ситуации гражданин мог получить уведомление и оплатить связанные услуги в одном интерфейсе без повторной идентификации и необходимости переходить между разными системами; развитие трансграничных платежей в рамках ЕАЭС; применение технологий ИИ для интеллектуальной обработки платежей и персонализации сервисов.

Таким образом, ЕРИП обладает всеми признаками зрелой цифровой платформы и потенциалом для дальнейшего развития в качестве базовой платежной инфраструктуры цифровой экономики Республики Беларусь. Реализация предложенных направлений будет способствовать развитию ЕРИП в качестве открытой платформенной экосистемы, обеспечивающей интеграцию государственных и коммерческих цифровых сервисов.

ЛИТЕРАТУРА

1. О развитии цифровых банковских технологий : Указ Президента Республики Беларусь от 1 декабря 2015 г. № 478 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (дата обращения: 22.06.2026).

2. Светлов, М. Назван объем платежей в ЕРИП за прошлый год. Какой была средняя сумма? / М. Светлов // Финансовый интернет-портал. – URL: https://myfin.by/article/banki/nazvan-obem-platezej-v-erip-za-proslyj-god-kakoj-byla-srednaa-summa-36644. (дата обращения: 4.04.2025).

3. Драгун, В. 10 лет ЕРИП: как платежная система для миллионов стала незаметным сервисом / В. Драгун // Финансовый интернет-портал. – URL: https://myfin.by/article/biznes/10-let-erip-kak-plateznaa-sistema-dla-millionov-stala-nezametnym-servisom-43130. (дата обращения: 4.04.2025).

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР ВОЕННОЙ МОЩИ ГОСУДАРСТВА

Мочкодан О.В.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Не смотря на то, что в обеспечении международного мира и безопасности приоритет отдается политико-экономическим методам, военная сила, тем не менее, рассматривается не просто как гарант обеспечения национальной безопасности государств, а как наиболее эффективный аргумент при демонстрации намерений во внешней политике.

Мировая экономика характеризуется неустойчивостью, связанной с переделом сфер влияния, в том числе силовым путем, а также последствиями масштабных международных экономических санкций, которые стали инструментом воздействия на социально-экономические процессы неугодных государств[1].

В складывающейся обстановке укрепление обороноспособности выступает базовым условием обеспечения защищенности личности, общества и государства от внешних угроз.

[1] Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: решение Всебел. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5. – Мн.: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 3 с. – (Правовая библиотека НЦПИ).

В свою очередь, обороноспособность напрямую связана с таким понятием, как «военная мощь», уровень которой является одним из основных индикаторов показателей состояния национальной безопасности.

Военная мощь представляет совокупность всех материальных и духовных сил государства (класса, коалиции государств) и его способность мобилизовать эти силы для достижения целей войны или решения других задач. Военная мощь обуславливается экономическими, социальными, научно-техническими, морально-политическими возможностями государства; непосредственно воплощается в его вооруженных силах, в их способности выполнять задачи, поставленные политическим руководством[2].

При этом именно экономические возможности представляют материальный фундамент военной мощи, поддержание которой в период нарастания военной угрозы и в военное время требует не только постоянного притока людских ресурсов, но и поглощает, в нарастающих масштабах материальные и финансовые ресурсы страны.

Основными экономическими факторами военной мощи являются население, транспорт и логистика, промышленность, сельское хозяйство, внутренний продуктообмен и финансово-кредитные средства, естественные богатства, внутреннее потребление и организация управления.

Население представляет главный и единственный источник мобилизационных людских ресурсов для непосредственно ведущих боевые действия войск (сил), а также трудовых ресурсов в интересах выполнения оборонительных работ и функционирования экономики.

Транспорт и логистика в равной степени важны для обеспечения военных поставок и перевозок, эвакуации, перемещения трудовых ресурсов и материальных средств.

Промышленность является одновременно фактором, удовлетворяющим прямые требования войны, а также обеспечивающим экономическое и финансовое равновесие.

Сельское хозяйство обеспечивает потребности военного времени в продовольствии и сырье для промышленной переработки.

Внутренний продуктообмен и внутренняя торговля особо важны в для поддержания военной мощи. Товарообмен, в каких бы формах он не выражался, тесно связан со снабжением как армии, так и населения. Движущая сила товарообмена в военное время – доступный кредит, а условием торговли и кредита является устойчивое денежное обращение.

Наличие естественных богатств и соответствующих производств – фактор, существенно укрепляющий обороноспособность и обеспечивающий в целом выживаемость государства в условиях военного времени.

Внутреннее потребление (как потребление населения в целях поддержания собственной работоспособности и существования, так и промышленное потребление), является фактором военной мощи в силу возможности целесообразного планирования, обеспечивающего рациональное и экономичное использование имеющихся ресурсов.

Организация управления – определяющий элемент, обеспечивающий за счет технической основы оперативность и устойчивость руководства экономическим обеспечением обороны, осознанную взаимосвязь экономических факторов военной мощи, в том числе установление пределов их использования в период нарастания военной угрозы и в ходе ведения военных действий.

Внешние политические и экономические связи также участвуют в формировании военной мощи, способствуя развитию опорных логистических центров, в том числе на территориях государств-союзников, предоставляя доступ к недостающим естественным ресурсам, материальным и финансовым средствам.

Таким образом, военная мощь государства напрямую и в значительной степени зависит от способности экономики обеспечить: во-первых, создание военного потенциала государства в мирное

[2] Плехов, А.М. Словарь военных терминов / А.М. Плехов. – М.: Воениздат, 1988 – 49 с.

время; во-вторых, удовлетворение оборонных потребностей в период подготовки к военным действиям и в ходе войны; в-третьих, собственную живучесть и восстановление, как за счет собственных ресурсов, так и с привлечением ресурсов стратегических союзников.

Эффективность решения задачи по формированию военной мощи зависит от того, насколько объективно развитие ее составляющих закладывается в прогнозы и планы социально-экономического развития государства.

—— ◆ ——

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И ИНТЕГРАЦИИ

Мурашко Д.А., Ряснянский Н.А., Лупоносов А.Д.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Цифровые платформы эволюционировали из простых посредников между покупателями и продавцами в операторов экосистем, интегрирующих торговую, логистическую, платежно-расчетную и информационно-аналитическую функции, что позволяет ей концертировать верифицированные данные о сделках, ценах, комиссиях и выплатах. Большие данные могут использоваться как в коммерческих целях операторов цифровых платформ, так и для исполнения регулирующих функций государства, что выводит взаимодействие цифровых платформ и государства на новый уровень.

В области фискального взаимодействия выделяются две модели: налоговый агент и информационный посредник. В модели налогового агента платформа юридически признается лицом, приобретшим товар у продавца и реализовавшим его потребителю: так устроены законы о посредниках маркетплейсов в США после дела South Dakota v. Wayfair, директива ЕС ViDA (март 2025 г.), статья 38 Закона КНР о налоге на добавленную стоимость, статья 174.3 Налогового кодекса Российской Федерации. В модели информационного посредника платформа передает налоговым органам сведения о доходах продавцов, не отвечая за уплату ими налога: DAC7 в ЕС, форма 1099-K в США, Положение Госсовета КНР № 810 от 20 июня 2025 г. Обе модели упрощают налоговое администрирование множества мелких продавцов надзором за крупными операторами.

В области исполнения государственных функций с привлечением цифровых платформ государство встраивает платформы в исполнение собственных функций. Например, в сентябре 2026 г. Президент Российской Федерации объявил о запуске упрощенной системы государственных закупок через маркетплейсы[1]. Принятый Государственной Думой закон вводит с 1 октября 2026 г. по 30 сентября 2028 г. экспериментальный режим, в рамках которого бюджетные заказчики, прежде всего детские сады, школы и колледжи, приобретают товары непосредственно на отечественных цифровых платформах по правилам закупок малого объема[2]. Заявленный мотив – сокращение сроков закупки и минимизация коррупционных рисков. Допуск платформы обусловлен включением в реестр, формируемый по Федеральному закону № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики».

Отсюда следуют перспективные направления государственного регулирования цифровых платформ. Первое – разрешительный характер допуска. Формирование реестра цифровых платформ становится условием выхода на рынок и доступа к бюджетным средствам, а верификация контрагентов, передача данных и прозрачность алгоритмов – условием сохранения их статуса. Второе – переход от

[1] Путин анонсировал упрощенную систему закупок через маркетплейсы с октября // Коммерсантъ : [сайт]. – М., 2026. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8924757 (дата обращения: 07.09.2026).

[2] Госдума приняла поправки о закупках товаров для нужд образования на маркетплейсах : проект федерального закона № 1244520-8 // КонсультантПлюс : [справочно-правовая система]. – М., 24.07.2026. – URL: https://www.consultant.ru/legalnews/32139/ (дата обращения: 07.09.2026).

последующего аудита к контролю транзакций в реальном времени. Обязательная цифровая отчетность и структурированные электронные счета в ЕС (июль 2030 г.), сопоставление данных платформ, банков и систем социального страхования в КНР, превентивный фискальный мониторинг в России. Третье – регулирование платформенного алгоритма как объекта права. Директива ЕС о платформенной занятости 2024/2831 (декабрь 2026 г.). Четвертое – расширение перечня государственных сфер, в которые может быть встроена цифровая платформа. Например, администрирование социальных взносов и трудового стажа платформенных работников, таможенное оформление трансграничных отправлений и т.п.

В Республике Беларусь в 2025 г. доля интернет-торговли в розничном товарообороте выросла с 5,8% в 2021 г. до 14,1%[3], при этом МАРТ фиксирует снижение доли отечественных товаров на площадках[4]. Министерством подготовлена концепция законопроекта о цифровых платформах, охватывающего маркетплейсы, агрегаторы такси и доставки, с учетом опыта Китая, России и ЕС. Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2026 г. № 122 одобрен проект Соглашения об электронной торговле товарами в ЕАЭС, задающего единые требования к участникам электронной торговли и защите данных. Параллельно углубляется цифровизация закупок: закупки из одного источника от 50 до 500 базовых величин переведены на электронные торговые площадки, а с июля 2026 г. в электронный формат переведены конкурентные процедуры ряда заказчиков.

Соответственно, в Республике Беларусь перспективы развития платформенной экономики необходимо рассмотреть, во-первых, с точки зрения законодательного закрепления статуса оператора цифровой платформы и реестра платформ с обязанностями по верификации продавцов и передаче данных. В-вторых, законодательно закрепить для трансграничных операций модель налогового агента, а для внутренних – модель информационного посредника. В-третьих, изучить возможность использования цифровых платформ как дополнительного канала повышения эффективности исполнения бюджетных расходов через госзакупки, что может положительно сказаться на увеличении доли отечественных товаров.

Таким образом, взаимодействие платформ и государства смещается от налогового контроля над платформой к использованию цифровой платформы как инструмента более эффективного выполнения государственных функций.

[3] Какую долю в белорусской рознице сейчас занимает онлайн-торговля: по данным Белстата // OfficeLife : [сайт]. – Мн., 23.06.2026. – URL: https://officelife.by/news/kakuyu-dolyu-v-belorusskoy-roznitse-seychas-zanimaet-onlayn-torgovlya/ (дата обращения: 07.09.2026).

[4] Как в Беларуси пытаются повлиять на бизнес маркетплейсов // Экономическая газета : [сайт]. – Мн., 05.10.2025. – URL: https://neg.by/novosti/otkrytj/kak-v-belarusi-pytayutsya-povliyat-na-biznes-marketpleysov/ (дата обращения: 07.09.2026).

ОБЕЗЛИЧЕННЫЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ СЧЕТА В БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Назарова Н.В.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

На фоне усиления геополитической турбулентности и перестройки рынков традиционных валют актуальность поиска иных способов сохранения и приумножения средств возрастает. Драгоценные металлы исторически закрепляют за собой статус надежного актива, обеспечивающего защиту капитала, и вызывают интерес как альтернативный способ инвестирования.

В начале 2026 г. золото установило новый исторический рекорд на глобальном рынке, однако затем последовало снижение котировок, длившееся около трех месяцев. Стоимость тройской унции драгоценного металла (стандартная единица измерения, равная 31,1 граммам) в январе 2026 г. под-

нималась до уровня 5 625 долларов США. Наиболее интенсивное увеличение курса наблюдалось в период с середины 2024 г. по январь 2026 г. За данный промежуток времени золото утвердилось как один из самых доходных активов на глобальных финансовых рынках, обеспечив инвесторам прибыль свыше 55%. Лидерами по объему закупок стали Народный банк Китая и Национальный банк Польши.

Механизм инвестирования в драгоценные металлы в банковском секторе Республики Беларусь базируется на двух формах: материальной (приобретение слитков и монет) и нематериальной (открытие обезличенных металлических счетов (ОМС)). ОМС представляют собой специфический синтетический инструмент, сочетающий свойства банковского счета и деривата, привязанного к котировкам учетных цен на драгметаллы.

Правовой режим банковских операций с драгоценными металлами в Беларуси регламентируется Банковским кодексом Республики Беларусь, Законом «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (№ 110-З), нормы которого приведены в соответствие требованиям Соглашения об особенностях осуществления операций с драгоценными металлами и драгоценными камнями в рамках ЕАЭС; специализированным Постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь № 352 «О банковских операциях с драгоценными металлами и условиях открытия счетов в драгоценных металлах», включающим в себя Инструкцию по совершению банками банковских операций с драгоценными металлами (далее – Постановление).

Согласно Постановлению, ОМС – это счет в драгоценных металлах, предназначенный для учета золота, серебра, платины и палладия в виде обезличенных драгоценных металлов (табл.).

Таблица

Сравнительный анализ сберегательных инструментов в драгметаллах

Критерий	Обезличенный металлический счет (ОМС)	Физические мерные слитки
Особенности налогообложения (НДС при покупке/продаже)	Отсутствует	Отсутствует (при операциях через банки)
Спред (разница котировок)	Умеренный (банковский спред по ОМС для золота составляет около 3–5%, а для серебра или платины может достигать 6% и более)	Высокий (включает затраты на чеканку и логистику)
Расходы на хранение	Отсутствуют (хранится в виде записи), большинство банков открывают и обслуживают металлические счета бесплатно. Физическое хранение слитков отсутствует, поэтому расходы на ячейку или инкассацию не начисляются	Требуются (аренда сейфа / риск повреждения)
Делимость активов	Высокая (минимальный порог покупки и продажи обычно составляет всего 1 грамм (или даже меньше для некоторых цифровых платформ)	Ограничена номиналом физического слитка
Гарантия возврата вкладчикам	Не подпадает под Агентство по гарантированному возмещению вкладов (в случае банкротства банка или отзыва у него лицензии средства на ОМС не возмещаются государственными агентствами по страхованию вкладов)	Находится на руках у владельца

Практика использования ОМС в Республике Беларусь имеет ряд институциональных особенностей: наибольший объем операций приходится на золото и серебро, операции с платиной и палладием ограничены лишь рядом системно значимых банков (например, ОАО «Беларусбанк», ОАО «Белагропромбанк», Сбер Банк, Банк БелВЭБ); в отличие от традиционных срочных депозитов, по ОМС в Беларуси, как правило, проценты не начисляются (процентная ставка – 0% годовых), доход формируется исключительно за счет роста курсовой стоимости металла на мировых рынках (котировки LBMA), пересчитанной в национальную валюту; ОМС обеспечивают высокую оперативность совершения сделок, однако при поставке физического металлического слитка с ОМС инвестор обязан уплатить комиссию за изготовление слитка и, в отдельных случаях, НДС.

Несмотря на преимущества инструмента, его широкое внедрение в Беларуси ограничено несколькими факторами:

- кредитный риск финансового института (в соответствии с Законом «О гарантированном возмещении банковских вкладов (депозитов) физических лиц», средства на ОМС не подлежат государственному страхованию. В случае банкротства банка клиент становится кредитором третьей очереди);
- волатильность рынка (цены на золото и другие драгметаллы подвержены сильным колебаниям в краткосрочной перспективе, что делает ОМС инструментом исключительно среднесрочного и долгосрочного инвестирования (от 3–5лет));
- налоговые аспекты (при реализации драгоценных металлов с ОМС физические лица и организации должны учитывать требования Налогового кодекса в части исчисления подоходного налога или налога на прибыль от прироста капитала (при наличии превышения цены продажи над ценой покупки)).

ОМС представляют собой высокотехнологичный и гибкий элемент национальной финансовой системы Беларуси, позволяющий диверсифицировать инвестиционные портфели без несения затрат на логистику и хранение физического металла. Для повышения институциональной привлекательности ОМС в Беларуси целесообразно было бы рассмотреть возможность частичного распространения систем гарантирования вкладов на обезличенные счета физических лиц в драгоценных металлах, расширить функционал мобильного и интернет-банкинга для проведения моментальных конверсионных операций с ОМС в режиме 24/7, а также стимулировать внедрение металлических депозитов с выплатой процента в граммах металла за счет развития банками операций заимствования/размещения драгметаллов на межбанковском рынке.

—— ◆ ——

РЕГУЛИРОВАНИЕ БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИЙ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Недведцкий В.М.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Обеспечение безопасности и устойчивости рынка цифровых активов является главной задачей на сегодняшний день. Использование блокчейн-технологий несет большой потенциал для трансформации экономики. Правовое регулирование блокчейна в разных странах осуществляется по-разному. Его уникальные характеристики привлекают внимание инвесторов, а дефицит профессиональных знаний у пользователей и обилие технических барьеров формируют благоприятную среду для мошенничества. Наличие регулирования позволяет создать некий баланс между инновацией и безопасностью, защитить инвесторов и пользователей, а также является стимулом для применения данной технологии секторами экономики.

Масштабное государственное регулирование рынков децентрализованных финансов, которые пока находятся на ранней стадии зрелости, может привести к регуляторным ошибкам из-за непонимания блокчейн-технологии, блокировке инноваций, оттоку капитала, что наблюдается у некоторых стран. Некоторые продукты децентрализованных финансов плохо вписываются в действующую систему финансового регулирования государств. Ряд стран пытается адаптировать законодательство под блокчейн-технологии, так как они способны вывести экономику на новый уровень развития, но в то же время их децентрализованная природа бросает вызов традиционным финансовым и правовым институтам [1]. Поэтому вопрос регулирования децентрализованных финансов вышел на международный уровень.

Лидерами в применении блокчейн-технологий являются следующие государства:

- Япония (рынок блокчейна является одним из самых высокоразвитых, государство способствует продвижению криптовалюты, признав данный способ оплаты законным);
- Сингапур (поддерживает развитие криптовалюты и блокчейна, так как в стране работают ведущие игроки криптоиндустрии);
- Мальта (активно поддерживает блокчейн-разработчиков, регуляторная база включает законы для ICO, компаний, работающих с криптовалютой, защиту потребителей);
- Швейцария (в кантоне Цуг создана благоприятная среда для блокчейн-стартапов – минимальное регулирование и низкие налоги);
- Великобритания (крупные криптобиржи появились намного раньше, чем в других странах, государственные институты задумывались над созданием национальной криптовалюты для обеспечения стабильности финансового сектора) и др.

Необходимость регулирования обоснована следующими обстоятельствами: во-первых, неопределенностью и фрагментацией, так как существует много подходов к регулированию блокчейна; во-вторых, технической сложностью (для блокчейна характерна неизменность записей и псевдонимность); в-третьих, защитой личных данных при использовании публичных реестров; в-четвертых, потребностью международного сотрудничества для создания единых регулировочных норм и борьбы с киберугрозами [2].

Так, например, в США в соответствии с Законом «О ценных бумагах» регулирование различается в зависимости от финансовой услуги, предоставляемой с использованием блокчейна. Например, Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC) имеет полномочия в отношении бирж, на которых торгуются цифровые активы, считающиеся ценными бумагами, Комиссия по торговле товарными фьючерсами (CFTC) имеет полномочия в отношении активов, признаваемых товарами (например, Bitcoin или Ethereum), а также деривативов. В некоторых случаях услуга может подлежать регулированию со стороны SEC, CFTC и других институтов [3].

Можно сказать, что блокчейн способен произвести революцию практически во всех цифровых операциях: от отправки платежей и заключения контрактов до поддержки сложных промышленных и государственных операций [4]. Его могут применять рынки невзаимозаменяемых токенов (NFT), в логистике, энергетике, здравоохранении, электронной коммерции и т.д. Согласно последним трендам криптовалюта и технологии блокчейн стали частью экономических реалий и могут рассматриваться одновременно как фактор, влияющий на макроэкономическую устойчивость государств, и как источник роста экономик, создавая новые финансовые рынки, повышая трансграничную скорость расчетов и диверсифицируя инвестиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Muradyan, S.V. Digital Assets: Legal Regulation and Estimation of Risks / S.V. Muradyan // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – № 1 (1). – P. 123-145.

2. Регулирование блокчейна: вызовы и перспективы // BITGET. – URL: https://www.bitget.com/ru/wiki/1055964 (дата обращения: 18.06.2026).

3. Blockchain & Digital Assets // Buchanan. – URL: https://www.bipc.com/blockchain-and-digital-assets (date of access: 10.08.2026).

4. What is blockchain and how does it work? // Britannica Money. – URL: https://www.britannica.com/money/what-is-blockchain (date of access: 10.07.2026).

КОГНИТИВНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ: ФОРМИРОВАНИЕ И КОРРЕКТИРОВКА ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА

Николаевский В.В.,

кандидат экономических наук, доцент,
Международный институт управления и предпринимательства, г. Минск

В условиях нелинейной, ускоряющейся динамики мировой экономики традиционные методы государственного бюджетного планирования демонстрируют системные ограничения. Модель Homo economicus, лежащая в основе многих подходов к макроэкономическому регулированию, предполагает, что субъекты управления обладают полной информацией и действуют рационально. Однако практика показывает, что бюджетные прогнозы систематически отклоняются от фактических результатов, а кризисные явления возникают внезапно, несмотря на все инструменты предварительного анализа.

Причина этого кроется не в недостатке вычислительных мощностей или квалификации, а в самом подходе к пониманию человека как экономического агента. Поведенческая парадигма рассматривает человека как реагирующую систему. Деятельностная парадигма, напротив, исходит из того, что человек – это активный субъект, ставящий цели, конструирующий образы будущего и рефлексирующий над результатами. Именно этот подход, реализованный в когнитивно-деятельностной методологии (КДМ), позволяет по-новому взглянуть на механизмы государственного регулирования.

Бюджет как виртуальный конструкт будущего

В рамках КДМ государственный бюджет перестает быть просто плановой таблицей доходов и расходов. Он представляет собой виртуальный конструкт – интерсубъективно разделяемое представление о желаемом состоянии общественных финансов на прогнозный период. Этот конструкт формируется в когнитивной фазе деятельности на основе «пространства данных»: макроэкономических прогнозов, отраслевых индикаторов, социальных обязательств, экспертных оценок и политических приоритетов.

Однако виртуальный конструкт – это не субъективная иллюзия. Это коллективное ожидание, разделяемое участниками бюджетного процесса. Его сила заключается в том, что он направляет действия министерств, ведомств, предприятий и граждан. Но его слабость – в том, что он неизбежно содержит погрешности, связанные с радикальной неопределенностью будущего.

Трехфазный цикл бюджетного регулирования

КДМ предлагает рассматривать процесс государственного бюджетного управления как трехфазный иерархический цикл:

- когнитивная фаза – формирование виртуального конструкта бюджета на основе анализа данных и политических ориентиров;
- реализационная фаза – исполнение бюджета через систему казначейства, налоговых поступлений и государственных закупок;
- рефлексивная фаза – сравнение фактического исполнения с плановыми показателями, выявление рассогласований (δ) и корректировка бюджетных параметров.

Именно рефлексивная фаза является ключевой для институционального регулирования. Она позволяет не просто констатировать отклонения, а осмысленно корректировать бюджетную политику до того, как отклонения превратятся в системные дисбалансы.

Скользящее трехлетнее окно как инструмент рефлексивной корректировки

На практике идея рефлексивной корректировки реализуется через механизм «скользящего трехлетнего окна» бюджетного планирования. В отличие от статичного годового бюджета, трехлетнее скользящее планирование позволяет:

- учитывать неопределенность. Бюджет формируется не как жесткий план, а как постоянно корректируемая траектория;
- систематически выявлять рассогласования. Ежегодное сравнение плана и факта (δ) позволяет определять, где прогнозы расходятся с реальностью;
- корректировать траекторию. На основе выявленных рассогласований уточняются бюджетные параметры на следующие два года, формируется новое трехлетнее окно.

Математически степень рассогласования может быть измерена как:

$$\delta = \frac{P_{exp} - P_{fact}}{P_{exp}},$$

где P_{exp} – плановые показатели бюджета, P_{fact} – фактические показатели исполнения. Положительное δ означает, что ожидания оказались завышенными (доходы ниже плана или расходы выше), отрицательное – что результат превзошел ожидания.

В условиях высокой неопределенности (например, волатильность цен на энергоносители, санкционные риски, внешние шоки) рефлексивная корректировка становится не просто желательным, а критически необходимым институциональным механизмом.

Институциональное оформление рефлексивной фазы

Для того чтобы рефлексивная фаза работала не эпизодически, а системно, необходимы институциональные механизмы:

- регулярный мониторинг рассогласований – ежеквартальное сопоставление плановых и фактических показателей бюджета;
- публичная отчетность о причинах отклонений – повышает ответственность и легитимность корректировок;
- правовое закрепление процедуры корректировки – позволяет не нарушать бюджетное законодательство;
- вовлечение профессионального сообщества – обсуждение бюджетных параметров с экспертами, отраслевыми ассоциациями, научными организациями.

Такой подход выводит бюджетное планирование за пределы традиционной поведенческой модели, превращая его в институт коллективной рефлексии, где ошибки прошлого становятся ресурсом для улучшения будущих решений.

Значение для институциональной теории и практики

Предложенный подход показывает, что институты не являются внешними ограничениями. Они – продукты человеческой деятельности, которые могут быть сознательно спроектированы для повышения адаптивности государственного управления. Институциональное регулирование бюджетного процесса, основанное на КДМ, позволяет:

- снизить проциклличность бюджетной политики;
- повысить точность прогнозов за счет систематического учета ошибок прошлого;
- создать механизмы «принудительной рефлексии», предотвращающие накопление системных дисбалансов.

* * *

Переход от Homo economicus к Homo creator et interpres в бюджетном планировании означает признание того, что будущее не может быть предсказано, но может быть сознательно сконструировано и скорректировано в процессе рефлексивного управления. Трехлетнее скользящее окно является практическим воплощением этого принципа.

Когнитивно-деятельностный подход не отвергает существующие методы бюджетного планирования, а дополняет их механизмом рефлексивной корректировки. Это позволяет государству не

просто реагировать на изменения, а активно адаптироваться к ним, сохраняя устойчивость общественных финансов в условиях радикальной неопределенности. Институциональное регулирование, основанное на КДМ, открывает новые возможности для повышения эффективности государственного управления и укрепления доверия граждан к бюджетной политике.

—— ◆ ——

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ И БАНКОВСКИЙ МУЛЬТИПЛИКАТОР

Обыдённов А.Н.,

Тамбовский региональный филиал АО «Россельхозбанк», г. Тамбов, Российская Федерация

В настоящее время цивилизованный мир стоит на пороге очередных глобальных экономических изменений, связанных с внедрением достижений цифровизации. Естественно, подобные изменения не могли не коснуться кровеносной системы экономики – банковского сектора и денег непосредственно. Внедрение цифровых валют центральных банков (Central Bank Digital Currency, CBDC) в национальные юрисдикции выступает одним из наиболее существенных нововведений в современном финансовом мире.

Определению, какое влияние окажет внедрение CDBC на традиционные источники формирования денежного предложения в национальных экономиках, посвящена настоящая работа.

Разработка собственных CDBC Центробанками стала вполне ожидаемой реакцией на получающую все большее распространение популярность криптовалют. Преобладание криптовалют в национальных платежах повлечет невозможность для Центральных банков проведения эффективной кредитно-денежной политики и может привести к возникновению кризисных ситуаций как в национальных экономиках, так и в общемировых масштабах.

Вопрос предоставления рынку платежных инструментов, обладающих большинством преимуществ криптовалют (возможность использования смарт-контрактов, низкие транзакционные расходы и т.д.), за исключением анонимности, приобрел весомое значение и был принят в работу Центробанками ключевых мировых держав.

В Республике Беларусь криптобанки имеют легальный статус, но контроль за их деятельностью обеспечивается посредством двойного регулирования: со стороны Национального банка и Парка высоких технологий [1, с. 44].

Проработку вопроса введения CBDC в настоящее время осуществляют Центральный банк Российской Федерации и Национальный банк Республики Беларусь.

Особенностью совершенных экономик является тот факт, что большая часть безналичных денег формируется не в процессе безналичной эмиссии, проводимой Центробанками, а в процессе кредитования коммерческими банками. Возникновение денег происходит в момент отражения выданных кредитов на счетах клиентов. В российской экономике доля результатов кредитной эмиссии в денежной массе составляет более 76% (табл.).

Таблица

Денежные показатели в российской экономике на 01.01.2026 г.

М2 (млрд руб.)	МБ (млрд руб.)	Доля МБ в М2 (%)	Доля созданных в процессе кредитной эмиссии денег в М2 (%)
129 629	30 664,1	23,7	76,3

Источник: составлено автором на основании: https://cbr.ru/.

Значительное влияние на объем создаваемых в процессе кредитной эмиссии денежных средств оказывает банковский мультипликатор, под которым понимается увеличение денежной массы (мультипликация денег) в результате депозитно-кредитных операций коммерческих банков [2, с. 69].

Ключевой особенностью CBDC является отражение цифровых денег не на банковских счетах, а в цифровых кошельках, открытых в Центробанках. Таким образом, государственные цифровые деньги не могут стать базой для проведения кредитной эмиссии и функционирования банковского мультипликатора.

С распространением CBDC будет происходить процесс замещения созданных банковским мультипликатором денег цифровыми государственными деньгами, что приведет к сокращению результатов кредитной эмиссии. Очевидно, что подобный процесс может вызвать сложности с ликвидностью в банковском секторе, что уже достаточно активно обсуждается в литературе.

Помимо этого, при оценке последствий предстоящей субституции следует учитывать ключевое отличие между двумя видами безналичных денег: эмитированными Центробанками и возникшими в экономике благодаря банковскому мультипликатору. Подобное отличие было отмечено еще Дж. Тобиным и заключается в том, что созданные коммерческими банками деньги предполагают механизм их погашения, а эмитированные Центробанком денежные средства носят постоянный характер [3, с. 128].

Последствия замещения «временных» денег кредитной эмиссии «постоянными» деньгами, эмитированными Центробанками, еще предстоит оценить национальным экономикам.

В процессе имплементации цифровых валют Центральных банков ожидается сокращение объема денежных средств, эмитированных в процессе функционирования банковского мультипликатора. Прогнозируется процесс замещения «созданных» коммерческими банками денег государственной цифровой валютой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жук, И. Особенности цифровой трансформации в Республике Беларусь и вызовы для финансово-банковского сектора / И. Жук // Банкаўскі веснік. – 2026. – № 7/756. – С. 32–47.

2. Глазьев, С.Ю. Экономика и общество. Монография / С.Ю. Глазьев, А.В. Щипков. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2026. – 192 с.

3. Тобин, Дж. Денежная политика и экономический рост / Дж. Тобин. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 272 с.

ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ НАДЗОР И ЕГО РАЗВИТИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Осмоловец С.С.,

кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Ускоренное внедрение цифровых технологий в финансовый рынок, обусловившее формирование новых форм цифровых финансовых посредников и повышение сложности финансовых продуктов, процессы дезинтермедиации и децентрализации финансовой системы, повышение скорости оборота финансовых активов обусловили формирование новой формы надзора за деятельностью финансовых организаций, направленной на предотвращение их недобросовестного отношения к потребителям финансовых услуг. Поведенческий надзор, как самостоятельное направление надзорной деятельности, получил развитие после кризиса 2008 г. В ряде стран, в частности в США и Великобритании, в этот период были сформированы специальные органы поведенческого надзора [1, с. 51; 2, с. 76]. В Российской Федерации поведенческий надзор был организован с 2013 г. в форме структурного подразделения Банка России.

Сущность поведенческого надзора заключается в обеспечении защиты потребителей финансовых услуг от недобросовестных практик финансовых организаций, а также в предупреждении такого поведения.

В Республике Беларусь элементы поведенческого надзора начали внедряться в деятельность Национального банка с 2019 г. в рамках совершенствования системы защиты прав потребителей финансовых услуг [3]. Сложностью его практического применения в Беларуси выступает распределенность регулирующих функций в отношении сегментов финансового рынка между несколькими государственными органами. Так, регулирование страхового рынка и рынка ценных бумаг осуществляется Министерством финансов Республики Беларусь. Рынок банковских услуг, валютный рынок, рынок микрофинансирования и иных некредитных финансовых организаций регулируется Национальным банком Республики Беларусь. Деятельность операторов криптоплатформ, инвестиционных платформ попадает под регулирование Парка высоких технологий.

Финансовый рынок Республики Беларусь характеризуется в настоящее время преимущественным преобладанием институциональных инвесторов (банков, страховых компаний), в то же время сбережения граждан могли бы послужить надежным источником долгосрочного капитала. Социологический опрос 2024 г., проведенный в Беларуси, показал недостаточное участие физических лиц в формировании долгосрочных сбережений на финансовом рынке. По данным опроса, 38,1% респондентов предпочитают сбережения без привлечения финансовых институтов, только 16,1% опрошенных пользуются услугами финансовых институтов при их формировании [4, с. 41]. При этом вложения граждан характеризуются короткими сроками (от одного до трех месяцев) [4, с. 145–146]. Подобная модель финансового поведения во многом обусловлена сложившейся нормой сберегательного поведения, в основе которой лежит низкий уровень доверия граждан к финансовым институтам.

Для преодоления закрепившегося сберегательного поведения населения необходим ряд мероприятий, направленных на повышение доверия к финансовому сектору и финансовым инструментам. Для этого необходимо внедрение поведенческого надзора в Республике Беларусь как самостоятельного направления регулирования финансового рынка. Его теоретико-методологические основы могут включать: выделение независимого органа поведенческого надзора над всеми сегментами финансового рынка и наделение его соответствующими полномочиями, постановку целей поведенческого надзора, формирование инструментов поведенческого надзора в соответствии с учетом принципов системы защиты прав потребителей финансовых продуктов и услуг. В состав поднадзорных организаций предлагаем включить все организации финансового рынка, включая профессиональных участников рынка ценных бумаг и страховые компании, а также операторов криптоплатформ, форекс-брокеров.

Таким образом, в Республике Беларусь защита прав потребителей финансовых услуг осуществляется преимущественно в отношении организаций, поднадзорных Национальному банку (НФО, НКФО, банки). При этом другие важные сегменты финансового рынка, такие как рынок ценных бумаг и страховые услуги, а также рынок долговых токенов и криптоактивов, остаются вне его границ.

Развитие финансового рынка в Республике Беларусь невозможно без формирования долгосрочного сберегательного поведения населения. Для достижения этой цели требуется совершенствование модели поведенческого надзора. Предлагаем сформировать в структуре Национального банка единый орган поведенческого надзора, наделенный полномочиями регулирования всех сегментов финансового рынка, включая рынок ценных бумаг и страховых услуг, а также рынок криптоактивов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Санникова, Л. В. Проблемы становления поведенческого надзора в России / Л. В. Санникова // Деньги и кредит. – 2017. – № 10. – С. 51–56.

2. Кузнецова, Ю. А. Обзор зарубежной практики поведенческого надзора в финансовом секторе / Ю. А. Кузнецова // Актуальные вопросы современной экономики. – 2021. – № 3. – С. 71-77. – DOI 10.34755/IROK.2021.96.33.082.

3. Отчет Национального банка Республики Беларусь (2019) // Национальный банк Республики Беларусь. – URL: https://www.nbrb.by/publications/report/report2019.pdf (дата обращения: 08.11.2025).

4. Отчет о выполнении научно-исследовательской работы по теме: «Оценка и анализ финансовой грамотности населения Республики Беларусь» // Национальный банк Республики Беларусь. – URL: https://fingramota.by/files/2024/7/16/638567386423104344.pdf (дата обращения: 04.11.2025).

НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ МАКРОФИНАНСОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ЭКОНОМИКЕ

Рожковская Е.А.,

кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Радикальное изменение условий развития мировой экономики, усиление глобальной неопределенности и интенсификация системных шоков, имеющих дестабилизирующий характер, инициировали процесс структурных трансформационных преобразований. Большинство стран мира в настоящее время реализуют масштабные проекты структурно-технологической модернизации, направленные на повышение устойчивости и обеспечение безопасности экономики, ускоренное развитие передовых технологий (искусственный интеллект, беспилотные технологии, 5G, робототехника, альтернативная энергетика и др.) в целях цифровизации производства, перехода к чистым, устойчивым источникам энергии.

Реализация амбициозных целей, поставленных в рамках национальных стратегий структурно-технологической модернизации, требует колоссальных финансовых ресурсов. По имеющимся оценкам, на горизонте до 2050 г. финансовое сопровождение проектов структурной модернизации в мире потребует в самом первом приближении дополнительных 15 трлн долл. США. В этой связи большинство стран для стимулирования структурной трансформации и реиндустриализации своих экономик приступили к активному регулированию экономических процессов посредством мер и инструментов макрофинансовой политики, обеспечивающей инвестиционно-финансовое сопровождение структурных преобразований за счет форсированного развития финансового и банковского сектора, обеспечения макроэкономической устойчивости и финансовой стабильности экономики.

В этих целях ЕС в 2025 г. запустил ряд инициатив, направленных на создание Союза сбережений и инвестиций (Saving and Investment Union), который, как предполагается, позволит связать около 100 трлн евро сбережений домохозяйств с продуктивными инвестициями. По оценкам, Евросоюз располагает около 10 трлн евро «ленивых» сбережений на депозитах и при этом ежегодно сталкивается с оттоком в США порядка 300 млрд евро сбережений вследствие существенных ограничений для свободного движения капитала в ЕС. Ключевые меры макрофинансовой политики структурных преобразований в Европе предполагают поощрение участия розничных инвесторов на рынках капитала, развитие системы пенсионных накоплений, интеграцию рынков капитала в ЕС, содействие инвестициям в акционерный капитал, стимулирование развития банковского сектора и совершенствование финансовой структуры экономики.

В КНР в рамках реализации XV Плана народнохозяйственного и социального развития на 2026–2030 гг. поставлена цель «новой индустриализации» и достижения глобального технологического лидерства Китая, в том числе в области искусственного интеллекта. Реализация обозначенных стратегических приоритетов развития требует значительных инвестиционных ресурсов и опирается на комплекс мер макрофинансовой политики. Только за период с 2020 г. в Китае принято свыше 20 программных документов, запускающих и поддерживающих структурно-технологическую модернизацию китайской экономики. Среди них «Уведомление об углублении финансовых услуг в обрабатывающей промышленности для содействия новой индустриализации», «Уведомление об усилении финансовой поддержки частного сектора», «Уведомление о финансовой поддержке сектора транспорта и логистики» и др. В 2025 г. в КНР были приняты «Руководящие указания по финансовой поддержке новой индустриализации», предусматривающие систему скоординированных мер в области монетарной, фискальной и промышленной политики для повышения интенсивности, точности и эффективности долгосрочной финансовой поддержки промышленности и передовых технологий.

В Российской Федерации, которая сталкивается с санкционным давлением и ухудшением внешнеэкономических условий, в настоящее время развернута программа опережающего технологического развития в целях решения проблем экономической безопасности и обеспечения технологического суверенитета государства. В стране реализуются Национальные проекты технологического лидерства, стоимость которых до 2030 г. оценивается в 195 млрд долл. США. Макрофинансовым инструментом поддержки структурно-технологических преобразований является комплекс мер и мероприятий, заложенных в Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на среднесрочный период и федеральном проекте «Развитие финансового рынка», предусматривающих усиление роли финансового рынка в содействии структурной трансформации экономики и достижении Целей устойчивого развития, в том числе рост капитализации фондового рынка до 66% ВВП в 2030 г., увеличение доли долгосрочных сбережений граждан в совокупном объеме их сбережений до 40%, наращивание доли активов небанковских финансовых организаций до 50% ВВП.

Несмотря на острую востребованность макрофинансовой политики в мире в целях поддержки роста и структурной модернизации экономики, расширение практики ее применения сопровождается усилением проблем и обострением рисков макроэкономической и финансовой нестабильности. В первую очередь это бюджетная несбалансированность и выход дефицита бюджета за пороговые значения безопасности (в среднем за 2020–2025 гг. баланс госбюджета составил -7,6% ВВП в Китае, -8,3% ВВП в США); увеличение государственного долга (в Китае с 69% ВВП в 2019 г. до 88,3% ВВП в 2025 г., в США – с 109 до 126%, Еврозоне – с 83 до 88%). Как следствие, возрастают риски повышенного уровня инфляции, сохранения высоких процентных ставок, усиления макрофинансовой несбалансированности и неустойчивости, замедляющих экономическую активность и сдерживающих структурные преобразования. Таким образом, одним из наиболее актуальных направлений перспективной экономической политики является поиск оптимального режима макрофинансовой политики, которая одновременно способствовала бы решению проблем структурной трансформации экономики, ее макроэкономической сбалансированности и финансовой стабильности, поддержания устойчивости финансового сектора.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МЕТОДИЧЕСКИХ УЗКИХ МЕСТ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ В ЭКОНОМИКУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Романюк А.И.,

Белорусский национальный технический университет, г. Минск

Анализ практики проектирования, имплементации и использования цифровых валют центральных банков (CBDC) различных стран показывает, что они становятся ключевым инструментом модернизации финансовых систем, однако их внедрение сопряжено с методическими вызовами, особенно в экономиках с высоким уровнем долларизации и институциональной нестабильности. В Республике Беларусь цифровой белорусский рубль (ЦБР) на этапе 2025–2026 годов. позиционируется как инструмент оптимизации B2B-расчетов, включая трансграничные переводы и смарт-контракты, с отложенным до 2028 года розничным использованием. Темп технологического внедрения опережает методологическое обеспечение, что создает риски для финансовой стабильности и эффективности денежно-кредитной политики (ДКП).

Согласно дорожной карте Национального банка[1], в 2025–2026 годах розничное использование ЦБР гражданами отложено до 2028 года. Экономическая цель этапа – снизить издержки бизнеса: прямая эмиссия и расчеты через Нацбанк, минуя банки-корреспонденты, сокращают комиссии за эквайринг, конвертацию по платежам в ЕАЭС и стоимость обслуживания корсчетов. Проблема в том, что методологическое обеспечение проекта – прогнозирование его эффектов, оценка рисков – заметно отстает от темпов технологического внедрения.

В данном исследовании внедрение CBDC рассматривается в рамках трех основных парадигм:

1. Технологическая (акцент на инфраструктуре и скорости транзакций)[2,3].

2. Макроэкономическая (влияние на денежную массу, инфляцию, финансовую стабильность) [1, 2].

3. Прогнозируемые ниже потенциальные методические узкие места внедрения цифрового рубля – результат отсутствия в национальной и мировой науке и практике действенных методических инструментов его внедрения в экономику Республики Беларусь.

Первое узкое место – недостаточная эмпирическая база. Отсутствует статистика о доле издержек компаний на эквайринг, корсчета и конвертацию и о том, насколько платформа ЦБР их снижает: пилот B2B-расчетов только запускается, поэтому оценки экономии пока остаются расчетными. Это принципиально отличается от поведенческого спроса населения: компании решают использовать платформу не из доверия или привычки, а на основе прямого расчета выгоды. Кроме того, действующие модели денежно-кредитной трансмиссии Нацбанка не учитывают межкорпоративные потоки через ЦБР в обход банковской инфраструктуры. Масштаб возможного замещения части оборота через корсчета банков пока не поддается количественной оценке ни по одной сложившейся методике.

Второе узкое место заложено в архитектуре платформы: цифровой рубль эмитируется и администрируется Нацбанком напрямую, без посредничества банков, что открывает возможность программируемой эмиссии – корректировки объема и адресности выпуска в обход традиционных каналов ДКП (ставки рефинансирования, нормативов резервирования). Применительно к B2B-контуру это означает, что расчеты компаний-экспортеров проходят через тот же канал прямого эмиссионного воздействия, что и розничные платежи, – разница лишь в том, что эффект пока менее заметен для широкой аудитории. Снижается и прозрачность инфляционных ожиданий: индикаторы M1–M3 и скорость обращения наличных не полностью отражают денежную массу при появлении параллельного цифрового контура эмиссии. Действующий инструментарий таргетирования инфляции не учитывает этот канал и требует пересмотра методологии расчета инфляционных индикаторов.

[1] Дорожная карта внедрения цифрового рубля / Нац. банк Респ. Беларусь. – 2025.

[2] Central bank digital currencies: foundational principles and core features / Bank for International Settlements. – 2021. – (BIS Papers ; № 114).

[3] Lagarde, C. The digital euro: a new frontier for monetary policy : speech at the ECB Forum / C. Lagarde. – 2022.

Эта проблема усиливается неопределенностью официального индекса потребительских цен на уровне 6–7% годовых, который может содержать шринкфляцию – скрытую форму подорожания, когда производитель уменьшает вес или объем товара в упаковке, сохраняя прежнюю цену. Поскольку ИПЦ считается по цене за упаковку и не всегда учитывает изменение массы, шринкфляция создает разрыв между официальными и субъективно ощущаемыми темпами роста цен. В этих условиях доверие к привычному способу измерения и таргетирования инфляции ослабевает, и при появлении параллельного и менее прозрачного канала эмиссии цифровых рублей это рискует усугубить эрозию доверия.

Третье узкое место – растущая закредитованность населения, формирующая неблагоприятный фон для внедрения ЦБР. По данным Нацбанка[4], просроченная задолженность физлиц выросла примерно на 75% за два года (с апреля 2024 по август 2026 года), тогда как кредитный портфель физлиц вырос лишь на 33% – с 24 до 32 млрд BYN, то есть просрочка растет вдвое быстрее портфеля. Это ранний индикатор ухудшения качества розничного кредитного портфеля, даже при пока низкой доле проблемных кредитов – около 0,17–0,18%. Наиболее уязвим сегмент необеспеченных потребительских кредитов, растущий быстрее ипотеки. Традиционная прогнозная модель эффектов ЦБР может недооценить совокупный риск для финансовой стабильности.

Четвертое узкое место – отсутствие предиктивного правового регулирования внедрения цифрового рубля, обеспечивающего баланс между эффективностью платформы, защитой прав участников и правовой определенностью. Пока эмиссионные полномочия и параметры программируемости не закреплены в законодательстве, модели вынуждены закладывать повышенную регуляторную премию за риск без устоявшейся методики расчета. Это особенно значимо для трансграничных B2B-расчетов внутри ЕАЭС, где вопросы юрисдикции пока не урегулированы. Схожие вызовы решаются в проекте цифрового евро ЕЦБ[5].

Таким образом, в данном исследовании впервые предложена интегральная модель прогнозирования оценки рисков внедрения ЦБР, учитывающая макроэкономические и микроуровневые факторы (включая шринкфляцию и кредитную нагрузку населения), а также алгоритм ее практического применения: 1) мониторинг – ежемесячный расчет индекса уязвимости банковского сектора (IVBS), учитывающего: а) долю просрочки; б) темпы роста необеспеченных кредитов; в) ликвидность банков; 2) стресс-тестирование – моделирование сценариев при дезинтермедиации 5%, 10%, 15% депозитов в ЦБР; 3) регулирование – лимиты на перевод средств в ЦБР для банков с IVBS > 0,3. Риск: при дезинтермедиации >10% ухудшение ликвидности банков может составить − 15–20%.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barrdear, J. The macroeconomics of central bank digital currencies / J. Barrdear, M. Kumhof // Journal of Economic Dynamics and Control. – 2022. – Vol. 132. – Art. 104303.

2. Boar, C. Ready, steady, go? – Results of the third BIS survey on central bank digital currency / C. Boar, A. Wehrli. – 2021.

[4] Отчет о денежно-кредитной политике / Нац. банк Респ. Беларусь. – 2026.

[5] Digital euro: progress and next steps / Европейский центральный банк (ЕЦБ). – 2024.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Русинская Г.Г.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Основными национальными интересами в военной сфере согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, являются: обеспечение военной безопасности и вооруженной защиты Республики Беларусь в любых условиях военно-политической обстановки; развитие и укрепление коллективной безопасности с союзными для Республики Беларусь государствами; формирование новой устойчивой архитектуры международной безопасности, восстановление взаимного доверия и прозрачности международных отношений, так как на современном этапе существует военная опасность на уровне рисков и вызовов, обусловленная наличием объективно существующих источников военной угрозы.

Для поддержания необходимого уровня военного потенциала в стране активизируется работа, направленная на повышение конкурентоспособности оборонного сектора экономики и его возможностей по созданию современных и перспективных образцов вооружения, военной и специальной техники для оснащения Вооруженных Сил и развития военно-технического сотрудничества.

Неотъемлемыми условиями развития взаимодействия в области военного сотрудничества Республики Беларусь и Российской Федерации являются обеспечение безопасности, поддержание высокой обороноспособности, и в случае необходимости, принятие совместных мер по предотвращению угрозы суверенитету и независимости каждому из государств.

Военно-техническое сотрудничество двух государств продолжает активно развиваться на взаимовыгодной основе в рамках действующей нормативной правовой базы по разным направлениям, таким как беспошлинные поставки комплектующих и элементов для вооружений, которые производятся в России, разработка и производство вооружения и военной техники, в том числе совместно, как в интересах Беларуси и России, так и в интересах третьих стран, модернизация и ремонт ранее выпущенной техники. Приоритетным остается военно-техническое сотрудничество со странами СНГ, «дальней дуги» на Ближнем Востоке, в Азии, Африке и Латинской Америке, с Сербией.

Российские и белорусские субъекты военно-технического сотрудничества ежегодно организуют экспозиции достижений национальных оборонных секторов промышленности на международных выставках вооружений серии «МИЛЕКС» (в Минске), а также «МАКС» и «АРМИЯ» (в Московской области), что стало важным звеном системы военно-технического сотрудничества с иностранными государствами.

Важнейшей составляющей повышения эффективности военно-технического сотрудничества является постоянное совершенствование его нормативной правовой базы. В настоящее время взаимодействие в военно-технической сфере реализуют более 50 двусторонних соглашений с более чем 40 странами.

Взаимодействие органов управления Республики Беларусь и Российской Федерации в области военно-экономического сотрудничества должно осуществляться при проведении и реализации следующих практических мероприятий:

- проведении согласованной структурной военно-экономической политики;
- создании взаимодополняемых военно-промышленных комплексов, позволяющих максимально использовать специализацию и кооперирование производства;
- создании системы управления экономиками Республики Беларусь и Российской Федерации в мирное и военное время;
- формировании общей транспортной системы, объединенной энергосистемы, единой системы связи, а также общего научно-технического, технологического и информационного пространства;
- планировании совместной мобилизационной подготовки экономик Беларуси и России.

Реализация на практике экономического сотрудничества на уровне регионов может рассматриваться одним из шагов к активному использованию этой формы взаимодействия к решению вопросов подготовки экономик Республики Беларусь и Российской Федерации к согласованному функционированию их в условиях экстремальных ситуаций.

В дальнейшем основной акцент в развитии военно-технического сотрудничества целесообразно смещать в сторону расширения новых форм, внедрения системного и прогнозного подхода к его планированию и осуществлению прежде всего на многосторонней основе. Для этого предусматривается решение задач:

- среднесрочное и долгосрочное планирование поставок продукции военного назначения, обусловленных перевооружением и модернизацией вооруженных сил государств-членов организации, формирование сил и средств системы коллективной безопасности;
- проведение совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ;
- развертывание работ по созданию в рамках ОДКБ оптимальной сети совместных предприятий по ремонту вооружения и военной техники.

Приведенные задачи, конечно, не устраняют всех актуальных проблем военно-технического сотрудничества, которые целесообразно решать. Это относится, прежде всего, к развертыванию работ по проведению единой военно-технической политики при оснащении сил и средств системы коллективной безопасности и разработке систем межгосударственной стандартизации и каталогизации продукции военного назначения.

Выполнение всего намеченного создаст основу для принятия нормативного правового акта по обеспечению единых подходов к организации оперативного взаимодействия органов государственной власти и управления государств, что станет гарантом обеспечения военной безопасности.

—— ◆ ——

РОЛЬ МАРКЕТПЛЕЙСОВ В ИМПОРТЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Сайковская Д.А.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Рынок электронной коммерции Беларуси переживает период стремительной трансформации. Если в начале 2020-х гг. доля онлайн-торговли в розничном товарообороте страны составляла порядка 3–4%, то к концу 2025 г. она достигла 12%[1].

На фоне продолжающейся перестройки внешней торговли Беларуси, санкционных ограничений и изменения логистических маршрутов именно маркетплейсы стали важнейшим механизмом обеспечения внутреннего потребительского рынка импортной продукцией. В 2025 г. российские маркетплейсы Ozon и Wildberries превратились не просто в площадки электронной торговли, а в один из ключевых каналов импорта товаров в Республику Беларусь. Через Ozon и Wildberries в страну поступали миллионы единиц товаров: от одежды и электроники до автотоваров, косметики, бытовой техники и промышленной продукции. По данным отраслевых исследований, в 2025 г. Ozon и Wildberries контролировали свыше 40% рынка электронной торговли Беларуси, фактически заняв доминирующее положение в сегменте трансграничного e-commerce[2].

Согласно опросу, проведенному МАРТ в октябре 2025 г., Wildberries является абсолютным лидером по популярности среди белорусских потребителей – 85,2% респондентов совершают покупки на этой площадке. Ozon занимает вторую позицию с показателем 50,7% (рис.). Ключевыми факторами выбора маркетплейса для покупателей остаются цена товаров, широкий ассортимент и возможность оплаты при получении заказа.

[1] URL: https://www.sb.by/articles/eksperty-obsudili-razvitie-onlayn-torgovli-v-belarusi-i-nalogi-dlya-internet-ploshchadok.html.

[2] URL: https://televid.by/2025/06/dva-marketplejsa-iz-rf-zanjali-bolee-40-jelektronnoj-torgovli-v-belarusi.

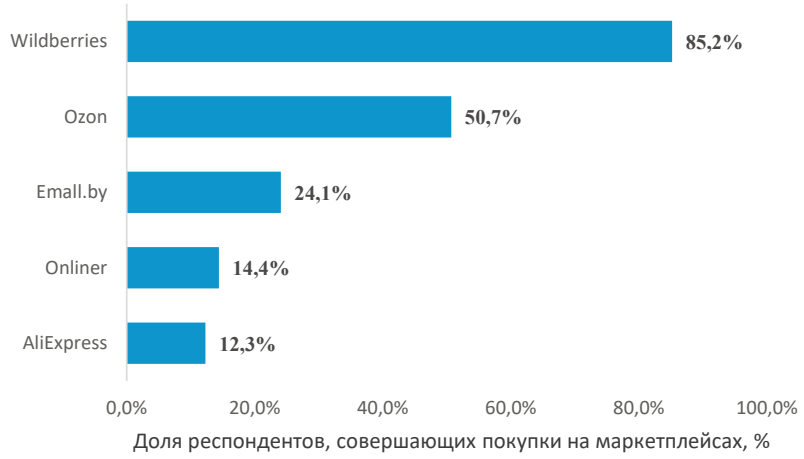

Рис. Распределение предпочтений белорусских потребителей на рынке электронной коммерции (по данным анкетирования МАРТ, октябрь 2025 г.)

Статистика покупательской активности свидетельствует о сформировавшейся привычке использования маркетплейсов: 38,7% респондентов совершают покупки несколько раз в неделю.

Финансовые показатели Ozon в Беларуси в 2025 г. демонстрируют взрывной рост. По итогам года оборот маркетплейса в республике вырос в 2,5 раза по сравнению с 2024 г. База активных покупателей увеличилась более чем в 1,5 раза, а частота покупок – более чем в 2 раза год к году. Количество заказов, сделанных белорусами на Ozon, выросло почти в 3,5 раза по сравнению с предыдущим годом.

В глобальном масштабе группа компаний Ozon в 2025 г. увеличила оборот с учетом услуг на 45% – до 152,3 млрд бел. руб., а выручку – на 63% год к году, до 36,5 млрд бел. руб. Белорусское направление росло намного быстрее, чем бизнес компании в целом, что свидетельствует о высоком приоритете рынка республики для маркетплейса[3].

В сентябре 2025 г. Ozon запустил новый сортировочный центр в Барановичах площадью 1 296 м^2 с возможностью обработки свыше 16 тыс. заказов в сутки (с перспективой роста до 32 тыс.). Кроме того, в 2025 г. Ozon стал первым маркетплейсом в Беларуси, запустившим автоматизированный 3D-сортер на сортировочном центре в Минске, что повысило скорость и точность обработки заказов.

Количество пунктов выдачи заказов (ПВЗ) Ozon в Беларуси по итогам 2025 г. увеличилось более чем в 2 раза год к году[4].

Особую роль сыграло то, что Ozon активно развивал модель локализованного трансграничного импорта. Речь шла не только о доставке российских товаров, но и о масштабном ввозе продукции из Китая и других азиатских стран. По данным Ozon, в странах СНГ в 2025 г. особенно быстро росли продажи товаров для ремонта, косметики, инструментов и автомобильной продукции.

Wildberries в 2025 г. также активно наращивал логистическое присутствие в Беларуси. В стране находится 7 сортировочных центров маркетплейса площадью 50 000 м^2.

В июле компания приступила к поэтапному открытию пунктов выдачи заказов на базе отделений РУП «Белпочта». К концу ноября 2025 г. сеть таких ПВЗ увеличилась до 340 точек по всей стране – на 30%.

Параллельно активно росла и собственная сеть пунктов выдачи заказов, включая небольшие города и сельские районы. Дополнительный эффект дало сотрудничество с почтовой службой и запуск программ поддержки предпринимателей в регионах.

[3] URL:https://belretail.by/news/oborot-ozon-belarus-v-godu-vyiros-v-raza.

[4] URL:https://telegraf.news/ehkonomika/ozon-otkryl-novuju-sortirovku-v-baranovichah-i-poobeshhal-sokratit-sroki-dostavki-zakazov.

Кроме этого, Wildberries расширил географию сервиса курьерской доставки из ПВЗ и запустил ее новый формат с доставкой до дома. Белорусские покупатели получили возможность приобретать на Wildberries товары за криптовалюту и подарочные сертификаты.

В компании также отмечают, что за 2025 г. белорусы увеличили траты на Wildberries на 19%. На первом месте по динамике покупок оказалась Минская область (+22%), следом идут Могилевский, Гомельский и Гродненский регионы (+20%), далее – Минск (+19%) и Брестская область (+18%), а замыкает рейтинг Витебский регион (+17%).

Самыми популярными товарами на Wildberries в 2025 г. стали книги, футболки, чехлы для телефонов, кремы, нижнее белье и носки, платья, пищевые добавки, сумки, брюки и кроссовки. Белорусы активно покупали удобрения для растений, лонгсливы, защитные стекла для смартфонов и сладости.

Помимо российских маркетплейсов, белорусы продолжают активно заказывать товары на китайских платформах (Aliexpress, Alibaba). Маркетплейсы стали не только составляющей механизма параллельного импорта, позволяя обходить ограничения традиционных каналов поставок, но и полноценной заменой для них в большинстве потребительских сегментов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чинь, Фыонг Ань. Маркетплейсы и их влияние на международную торговлю / Фыонг Ань Чинь // Молодой ученый. – 2025. – № 9 (560). –С. 46–52.

2. Свирейко, Н.Е. Импортозамещение потребительских товаров: проблемы и перспективы / Н.Е. Свирейко, Р.П. Валевич // Белорусский экономический журнал. – 2024 – № 2 – С. 58–67.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ АРХИТЕКТУРЫ МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

Скрябина Т.А.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Период относительной глобальной экономической стабильности, наблюдавшийся на рубеже XX–XXI веков, уступил место этапу повышенной турбулентности и неопределенности. Трансформация архитектуры мирохозяйственных связей, характеризующаяся переходом от глобализации к фрагментации и регионализации, ускоряющимися процессами смены глобального экономического лидерства и формированием новых центров экономической силы, ростом геополитической напряженности, а также цифровизацией и выдвижением климатической повестки, кардинально меняет механизмы реализации внешнеторговой политики стран мира.

Череда масштабных экономических и геополитических потрясений подвергла критической переоценке ранее господствовавшие принципы либерализации мировой торговли. Концепция экономической и торговой «открытости», активно продвигавшаяся западными государствами, уступила место геоэкономическому прагматизму, где ключевым ориентиром торговой политики стала не минимизация издержек, а обеспечение национальной и технологической безопасности. На смену эпохе неолиберального фритредерства (свободной торговли) пришел протекционизм и ужесточение государственного регулирования внешней торговли.

В условиях переформатирования мировой экономики и трансформации мирохозяйственных связей современные государства вынуждены адаптировать классические инструменты и создавать принципиально новые механизмы реализации своей внешнеторговой политики. К ключевым изменениям механизмов внешнеторговой политики государств на современном этапе можно отнести:

- рост протекционизма – государства активно вводят импортные пошлины, квоты и нетарифные барьеры для защиты внутренних рынков;
- торговые войны и санкции – санкционное давление и технологические ограничения меняют традиционные товарные потоки и логистику;
- регионализация торговли – смещение фокуса с многосторонних торговых соглашений (ВТО) на региональные и двусторонние альянсы (ЕАЭС, БРИКС, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство RCEP, Соглашение о свободной торговле между ЕС и Индией 2026 г.);
- переориентация на новые центры силы – стратегическое наращивание присутствия на рынках Китая, Индии, стран Юго-Восточной Азии и Африки;
- фрагментация цепей поставок – распад единых глобальных логистических цепочек, переход от концепции just-in-time (точно в срок) к just-in-case (на всякий случай), замещение классического оффшоринга (выноса производств в любые дешевые страны) френд-шорингом (переносом производства в «дружественные» страны), локализация компонентов;
- активная поддержка экспорта – диверсификация поставок, стимулирование экспорта в «дружественные» страны, создание сборочных производств, дифференциация финансовой поддержки;
- экологизация торговли – субсидирование «зеленого» сектора, ужесточение экологических стандартов, влияющих на доступ к рынкам (трансграничное углеродное регулирование в ЕС);
- цифровизация внешней торговли – активное использование цифровых платформ для ведения внешнеэкономической деятельности (цифровизация таможенного контроля, внедрение систем прослеживаемости товаров, цифровые сертификаты происхождения товаров, электронное декларирование и e-CMR для ускорения логистики);
- валютно-финансовая трансформация – изменение структуры международных расчетов, деdолларизация, цифровизация валют, фрагментация платежных систем и создание альтернативных финтех-платформ.

Трансформация глобальной архитектуры ведет к более сложной, фрагментированной торговой среде, где эффективность внешнеторговой политики государств определяется их способностью адаптации к меняющимся регуляторным и правовым стандартам. При этом влияние происходящих процессов на разные страны и стратегии их адаптации к изменениям имеет существенные различия:

- развитые экономики (США, ЕС) – фокус на технологическом суверенитете, защите критических отраслей, зеленой трансформации, переход к протекционизму, возврат производств (reshoring);
- крупные развивающиеся экономики (Китай, Индия) – укрепление позиций через альтернативные объединения (БРИКС) и диверсификацию экспортных маршрутов;
- развивающиеся экономики – риски замедления роста, необходимость адаптации к новым правилам, усиление региональной торговли, диверсификация и цифровая интеграция для повышения устойчивости;
- ЕАЭС/Беларусь – переориентация рынков сбыта и поиск новых транспортных коридоров, повышение роли валютного и таможенного контроля, импортозамещение и параллельный импорт, обход санкционных ограничений.

ЦИФРОВАЯ ЗРЕЛОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Соколинская Т.В.,

Белорусский государственный университет, г. Минск

Достижение цифровой зрелости является ключевым показателем цифровой трансформации государственного управления. Однако до настоящего времени отсутствует единство в понимании «цифровой зрелости» как бизнеса, так и государственного управления.

Ранние модели развития электронного правительства, разработанные учеными и международными организациями в первом десятилетии 2000-х годов, выделяли четыре основных стадии: каталогизация (наличие информации в сети Интернет), трансакционная стадия (взаимодействие граждан и государственных органов), вертикальная и горизонтальная интеграция информационных систем. Последняя предполагает создание систем по принципу «одного окна», мобильности данных между организациями [1, 2].

Появление и активное распространение новейших цифровых технологий, таких как большие данные, искусственный интеллект, интернет вещей, технологии распределенного реестра, стало толчком для разработки нового поколения моделей цифровой зрелости в государственном управлении.

Эксперты ОЭСР выделяют три этапа цифровой трансформации:

- «оцифровка» процессов, в рамках которой осуществляется переход от аналоговой формы к цифровой;
- «электронное правительство», предполагающее активное внедрение цифровых технологий для государственного регулирования;
- «цифровое правительство», при котором новейшие цифровые технологии (интернет вещей, искусственный интеллект, распределенный реестр и т.д.) позволяют учитывать предпочтения пользователей при формировании состава предоставляемых услуг и процедур. Цифровые технологии становятся не просто инструментом реализации стратегии модернизации государственного управления, но и в значительной степени определяют направления изменений [3].

Показателями, которые отражают эффективность реализации цифровой трансформации государственного управления, считаются степень открытости данных, количество услуг, предоставляемых на основе данных, и сокращение (оптимизация) государственных услуг. В дальнейшем цифровая зрелость связывалась с балансом между удобством использования цифровых инструментов и обеспечением их безопасности, прежде всего защитой персональных данных пользователей.

Эффективность цифровой трансформации государственного управления связана с:

- повышением доступности и качества госуслуг за счет персонализации, снижения ошибок;
- сокращением временных и финансовых издержек граждан и бизнеса;
- снижением трансакционных издержек;
- повышением оперативности управленческих решений.

Приведенные выше показатели характеризуют оценку результативности цифровой трансформации государственного управления для граждан. Эффективность данного процесса для граждан должна проявляться сокращением административных затрат, связанных с взаимодействием с государством. В составе административных издержек целесообразно учитывать следующие:

- финансовые затраты на уплату госпошлин и других платежей, связанных с оказанием услуг;
- финансовые затраты, связанные с требованиями при подаче документов (расходы на получение электронной подписи, на нотариальное заверение документов, копирование документов, фотографии);
- временные затраты, связанные с обращениями.

Сокращение временных и финансовых издержек при взаимодействии с государственными органами позволит оценить зрелость и экономический эффект от цифровизации государственного управления, «цифровые дивиденды» для граждан.

Успех цифровой трансформации государственного управления во многом зависит от выбора целевых ориентиров данного процесса, связанных с определением и оценкой цифровой зрелости. Игнорирование важных параметров (открытость данных, интероперабельность информационных систем, электронное участие) может исказить стимулы и приоритеты цифровой трансформации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головенчик, Г.Г. Цифровая экономика / Г.Г. Головенчик, М.М. Ковалев. – Минск: Изд. Центр БГУ, 2019. – 395 с.

2. Ковалев, М.М. Цифровая экономика – шанс для Беларуси / М.М. Ковалев, Г.Г. Головенчик. – Минск: Изд. центр БГУ, 2018. – 328 с.

3. Кешелава, А.В. Введение в «цифровую» экономику / А.В. Кешелава. – М.: Сретенский клуб им. С.П. Курдюмова, 2017. – 12 с.

—— ◆ ——

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Старовойтова А.Д.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Структурные изменения традиционно рассматриваются как ключевой фактор долгосрочного развития. При этом существующий инструментарий оценки их влияния на экономику часто ограничен учетом прямых эффектов, игнорируя нелинейность и непредсказуемость развития экономических систем. Предполагается, что рост является следствием структурных изменений, но в обратном случае воздействие макродинамики на формирование новых пропорций не имеет столь выраженного эффекта. В реальности структурные изменения и экономический рост являются результатом единого коэволюционного взаимодействия. Структурные изменения должны рассматриваться как свойство экономического роста, его эндогенный механизм и одновременно его ограничение. В свою очередь, обновленная структура экономики задает траекторию возможного роста.

Таким образом, инструментарий оценки влияния структурных изменений на экономический рост должен быть нацелен на выявление «структурного мультипликатора», характеризующего способность системы генерировать эффекты роста за счет синергии между комплементарными отраслями. Основными направлениями совершенствования оценки подобных изменений являются:

1) анализ петель обратной связи, направленный на исследование двусторонних связей между экономическим ростом и структурными изменениями. В рамках анализа исследуется два типа связей: положительные, усиливающих скорость и эффекты от изменений, и отрицательные, отражающие институциональную инерцию системы и возвращающие ее к исходному состоянию. Также выявляются критические точки, запускающие мультипликативные эффекты развития, и «узкие места», тормозящие данный процесс. Подобные методы позволяют спрогнозировать долгосрочную эффективность структурных изменений, отличить наращивание производительности передовых отраслей от качественной модернизации экономической структуры;

2) оценка институциональных условий, необходимых для успешной структурной трансформации. Если новые высокотехнологичные сектора развиваются в среде с низкой спецификацией прав собственности, конкуренцией и отсутствием сложных контрактов, то рост добавленной стоимости в этих секторах будет отражаться в перераспределении экономической активности. Теоретически такой сдвиг должен классифицироваться как деструктивный, поскольку он не увеличивает совокупную факторную производительность системы в долгосрочной перспективе. Следовательно, при

оценке влияния структурных изменений на рост необходимо закладывать гипотезу о нелинейности этого влияния, опосредованной качеством институциональной среды.

Влияние изменения отраслевых пропорций на рост экономики не проявляется до тех пор, пока качество институтов не достигает критического порога. Это требует построения моделей с переменной структурой (пороговых регрессий), где ключевой переменной выступают не макроэкономические показатели, а интегральный индекс качества институционального климата. Задача сводится к определению такого порогового минимума инклюзивности и адаптивности институтов, ниже которого диверсификация экономики не ведет к значимому приросту благосостояния, а лишь продлевает «неэффективное равновесие»;

3) комплекс социальных и экологических эффектов структурных изменений. Требуется введение императива структурной устойчивости: макроэкономическая динамика является ростом только в том случае, если она сопряжена с сохранением или приращением человеческого и природного капитала. Следовательно, структурная трансформация, при которой доля секторов с отрицательным воздействием на экологию или высоким коэффициентом эксплуатации растет, не должна квалифицироваться как структурный сдвиг. Необходим переход к моделям оценки, где социальные и экологические изменения выступают прямыми факторами отраслевой производительности, поскольку качество человеческого капитала напрямую определяет инновационный потенциал, а состояние природного капитала – возможность использовать данные ресурсы.

Таким образом, оценка влияния структурных изменений на экономический рост должна затрагивать множество различных аспектов, от взаимосвязей между самими процессами до социальных, экологических и институциональных эффектов. Новые подходы оценки должны учитывать коэволюционный характер и нелинейность макроэкономических процессов, что позволит определить направления и траекторию возможного роста экономической системы в долгосрочной перспективе.

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КНР ПАРТИЙНОЙ ДИПЛОМАТИИ КАК ИНСТРУМЕНТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕГИОНЕ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Сулейков А.А.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

В рамках китайского подхода к реализации партийной дипломатии она официально рассматривается не просто как канал проецирования «мягкой» или «дискурсивной» силы, но как полноценная составляющая внешнеполитического государственного курса. Китайской стороной партийная дипломатия приравнивается к промежуточному между «первым» («официальная дипломатия») и «третьим» («гражданская дипломатия») треку дипломатии («неофициальная или полугосударственная дипломатия»).

В целом партийная дипломатия КПК декларативно базируется на нескольких ключевых принципах, а именно: ненавязывание модели развития; уважение политической системы других стран; уважение к политико-экономическим особенностям других стран; презентация китайского опыта как альтернативы подходам, выработанным в рамках западноевропейской и англо-саксонской традиции.

Более четко роль партийной дипломатии как инструмента обеспечения экономических интересов проявляется при анализе ее использования в региональном разрезе. Особый интерес в этом плане представляет регион Латинской Америки.

Во-первых, использование партийной дипломатии китайской стороной служит налаживанию и нормализации экономического сотрудничества с недружественными или нейтральными государствами. Так, до определенного момента именно партийная дипломатия оставалась единственным

доступным китайскому руководству треком взаимодействия с Парагваем, который поддерживает дипломатические отношения только с Китайской Республикой (Тайванем).

При этом политика КПК на пространстве Латинской Америки выстраивается на нескольких уровнях. Во-первых, активно задействуются институты многостороннего диалога на глобальном уровне (в т.ч. «диалог КПК с миром»). Политические партии таргетных государств вовлекаются в работу данных форматов и их тематических площадок. Во-вторых, в рамках региона функционируют соответствующие институты общерегионального диалога, в частности, Форум политических партий в формате «Китай-CELAC». В-третьих, активно используется потенциал билатерального формата связей. Между КПК и крупнейшими политическими партиями таких государств, как Бразилия, Аргентина и Куба заключены соответствующие соглашения о сотрудничестве. В-четвертых, китайской стороной прилагаются заметные усилия к развитию взаимодействия с идеологически близкими политическими партиями, в частности с Коммунистической партией Куба, Партией трудящихся Бразилии, Движением за социализм в Боливии.

В экономической плоскости, учитывая специфику региона, партийная дипломатия КПК первоочередно ориентирована на митигацию политических рисков субъектов китайской экономики при реализации различных проектов. Партийные контакты позволяют сгладить воздействие эффекта электоральной турбулентности на динамику экономического сотрудничества (в частности, кейсы Перу и Аргентины). Диалог как с правящей, так и находящимися в оппозиции политическими партиями обеспечивает политическую преемственность соглашений при ротации элит [1, с.167].

Вторым аспектом деятельности китайской партийной дипломатии в регионе является распространение китайской административной моды в регионе. Проведение межпартийных семинаров и тренингов позволяет популяризировать как китайскую социально-экономическую модель в целом, так и некоторые элементы менеджериальных подходов, доминирующих в китайской управленческой практике в частности. Это способствует формированию дружелюбно настроенной по отношению к китайским компаниям административной и правовой среды для ведения экономической деятельности. Так, даже партии правоцентристского толка, наподобие «Республиканского предложения» (Аргентина, правые консерваторы), активно пользуются предоставляемыми китайской партийной дипломатией возможностями обмена опытом: в период 2015–2019 гг. данная партия как минимум четырежды отправляла делегации в Китай в целях изучения опыта государственного управления и экономической трансформации [2, с. 47].

Отдельно стоит отметить дискурсивную составляющую партийной дипломатии. В рамках партийного Форума «Китай-CELAC» в качестве наиболее важных поднимаются вопросы регионального развития, устойчивого роста, борьбы с бедностью, а также совместного финансирования инфраструктурных проектов. В отдельных случаях КПК и ее структуры могут играть роль самостоятельных субъектов переговорных процессов во внутриполитическом поле таргетного государства, особенно если возникают социально-политические риски в отношении материальных активов и китайских инвестиций в целом. К таким кейсам можно отнести события в Перу, Боливии, Эквадоре. Прямая работа с элитами, СМИ, профсоюзами позволяет смягчить антикитайскую риторику или вывести китайские активы из повестки дня протестных событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zhang, Xinyu. Multitasking and Network-building: China's Party Diplomacy in Latin America / Xinyu Zhang // Ibero-América Studies. – 2024. – Vol. 6, № 2. – P. 43–53. = Чжан Синьюй. Мультизадачность и нетворкинг: партийная дипломатия Китая в Латинской Америке / Синьюй Чжан // Иберо-Американские исследования. – 2024. – Вып. 6, № 2. – С. 43–53.

2. Каткова, Е. Ю. Отношения КНР с регионом Латинской Америки и Карибского бассейна на современном этапе / Е.Ю. Каткова, А.А. Еремин // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2022. – № 2. – С. 164–188.

ВНЕШНЕТОРГОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БОЛИВИИ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

Тавгень Е.О.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Одной из стратегических целей развития Республики Беларусь является диверсификация и увеличение товарного экспорта, т.к. он играет важную роль в социально-экономическом положении страны. В этой связи актуальным представляется поиск дополнительных возможностей по расширению внешнеторговой деятельности Республики Беларусь посредством освоения новых рынков «дальней дуги», к которым можно отнести Многонациональное Государство Боливия.

Государство богато природными ресурсами и демонстрирует устойчивый положительный экономический рост, что способствует увеличению численности и покупательной способности формирующегося среднего класса. Тем не менее сохраняются проблемы, связанные с высоким государственным долгом и скромными международными резервами, которые препятствуют государственным инициативам по экономическому росту и создают напряжение на валютном рынке.

На внешнюю торговлю приходится порядка 68% ВВП. Боливия импортирует нефтепродукты, автомобили и другие транспортные средства (в том числе для перевозки грузов), инсектициды и аналогичные товары, продукцию из железа и стали [1]. При этом государственная политика направлена на стимулирование внутреннего потребления товаров местного производства.

Использование современных сельскохозяйственных технологий в Боливии ограничено, а урожайность сельскохозяйственных культур по сравнению с другими странами одна из самых низких в регионе. Чтобы сельскохозяйственный сектор сохранил хорошую динамику, боливийским предприятиям требуется новое технологическое оснащение, в частности тракторы, оборудование для обработки почвы, посевная и уборочная техника. Правительство также рассматривает возможность использования биоинженерных культур для увеличения производства. Боливийские фермеры уделяют приоритетное внимание улучшению ирригации, что обусловливает закупку дополнительных средств: от насосов и оборудования для рытья каналов до более продвинутых технологий, таких как системы с локальным орошением и эффективные системы капельного орошения, микрораспылители.

Добывающая промышленность остается одним из важнейших видов экономической деятельности Боливии. Страна обладает вторыми по величине запасами газа на континенте и крупнейшими в мире запасами лития. Несмотря на более чем 500-летнюю непрерывную добычу полезных ископаемых, по оценкам экспертов, было извлечено лишь 10% минеральных ресурсов страны [2]. Существуют потребности в машинах, оборудовании и технологиях для открытых карьеров средних размеров и малых и средних предприятий. Здесь лучше всего подходят буровые установки (в том числе с самоподъемным механизмом), дробилки, измельчительные машины, конвейеры, компрессоры, фронтальные погрузчики, бульдозеры, автомобили большой грузоподъемности от 15 до 30 т, гравиметрические или флотационные концентраторы, концентрационные столы, насосы, ручные инструменты и взрывчатые вещества.

Национальная электроэнергетическая компания собирается реализовать дополнительные проекты по линиям электропередач, часть из которых в настоящее время находится на стадии изучения, и в ближайшем будущем ожидается проведение тендеров на поставку соответствующих машин и материалов. Особым спросом в боливийском электроэнергетическом секторе пользуется оборудование (в основном тепловые и гидротурбины) и технологии для текущих термоэлектрических и гидроэлектрических проектов (26 гидроэлектростанций, 6 ветряных электростанций, 5 солнечных электростанций, 3 станции с комбинированным циклом, 2 станции на основе биомассы и 1 геотермальная станция). Продукты, связанные с возобновляемыми источниками энергии, включая солнечную и ветровую, также могут найти рынок сбыта в Боливии.

Боливия не производит медицинское оборудование и товары. В стране выпускается ограниченное количество фармацевтических препаратов, в основном для внутреннего потребления. Поскольку объемы производства не в полной мере удовлетворяют боливийский спрос на фармацевтические продукты и медицинские устройства, импорт этих товаров по-прежнему нарастает. Существует множество компаний, единственной функцией которых является ввоз медицинского оборудования в Боливию.

Проект развития потенциала дорожного сектора внесет вклад в инфраструктуру Боливии, одновременно укрепляя ее устойчивость и повышая развитость транспортной сети. Он принесет пользу порядка 3 млн жителей, большинство из которых являются фермерами, нуждающимся в доставке своей продукции на разные рынки. Страна импортирует практически всю требуемую дорожно-строительную технику и материалы. Из-за разнообразия рельефа местности процесс строительства дорог считается одним из самых дорогостоящих в регионе и обходится правительству в 1–1,5 млн долл. США за 1 км [3]. Высок спрос на личные автомобили и грузовики, растет интерес к автобусам и другим тяжелым транспортным средствам, оборудованию для их технического обслуживания и запасным частям.

Богатые природные ресурсы и стратегическое положение в самом центре Южной Америки делают Боливию привлекательной страной для экономического сотрудничества. В государстве постепенно идет работа по привлечению международных инвестиций и наращиванию производственных мощностей. Преодоление зависимости от минеральных ресурсов, модернизация инфраструктуры, повышение конкурентоспособности рабочей силы, обеспечение надлежащего уровня безопасности – вот основные задачи, стоящие перед страной в долгосрочной перспективе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bolivia: Economic Outline // Mauritius Trade Easy. – URL: https://www.mauritiustrade.mu/en/market-intelligence/explore-markets/bolivia/economic-outline-3 (date of access: 01.06.2026).

2. Mining in Bolivia: Current State of the Industry // IDENTEC Solutions. – URL: https://www.identecsolutions.com/news/mining-in-bolivia-current-state-of-the-industry (date of access: 01.06.2026).

3. Bolivia // World Bank Group. – URL: https://www.worldbank.org/ext/en/country/bolivia#tab-results (date of access: 01.06.2026).

ИНВЕСТИЦИИ КАК ФАКТОР ДОЛГОСРОЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Телеш И.Л.,

кандидат экономических наук, доцент,

Чичина А.С.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Инвестиции играют двойственную роль в экономической системе. С одной стороны, они являются компонентом текущего ВВП, непосредственно увеличивая совокупный спрос. С другой – формируют основу для долгосрочного экономического роста через наращивание производственного потенциала, включая увеличение производственных мощностей, внедрение новых технологий и инноваций, повышение производительности труда, рост конкурентоспособности экономики.

Одним из индикаторов экономической активности и инвестиционной безопасности выступает удельный вес инвестиций в основной капитал в ВВП.

Определению критериев экономической безопасности страны и интерпретации их пороговых значений посвящены работы российских и отечественных ученых, среди которых С.Ю. Глазьев, Л.И. Абалкин, В.Н. Шимов, А. Илларионов и другие. В качестве порогового значения показателя был принят уровень не менее 25% ежегодно. По расчетам экспертов только для простого воспроизводства капитала ежегодные инвестиционные вложения должны составлять порядка 18–20% к ВВП.

В современных реалиях в условиях перехода к постиндустриальной экономике фактическое соотношение по странам различается. Мировая практика показывает, что за последнее десятилетие в странах с развитой экономикой значение показателя было ниже указанных пороговых значений. Это обусловлено в первую очередь ориентацией этих стран на развитие сферы услуг и перенос фондоемких производств в страны с более дешевой рабочей силой. В то же время в развивающихся странах с быстрорастущей экономикой, демонстрирующих высокие темпы технологического и инфраструктурного развития, доля инвестиций в ВВП остается значительно выше порогового значения индикатора (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительные среднегодовые параметры экономического роста и инвестиционных вложений в 2016–2025 гг. по группам стран

Страны	Прирост ВВП, %	Удельный вес ИОК, %
Развитые страны		
Европейский союз	1,6	21,8
Италия	1,1	19,8
Франция	1,3	22,3
Германия	0,9	20,8
Чехия	2,0	25,9
Эстония	2,1	26,5
Испания	2,1	19,9
Развивающиеся страны		
Китай	**5,6**	**43,1**
Индия	**5,9**	**30,1**
Вьетнам	**6,2**	**34,0**
Нигерия	1,4	26,6
Беларусь	**1,1**	**18,9**
Россия	1,9	18,3

В Республике Беларусь уровень инвестиций в ВВП за 2016–2025 гг. составил в среднем порядка 19%, что, с одной стороны, свидетельствует о недостаточной инвестиционной активности для решения задач опережающего технологического развития, с другой – это указывает на следование мировой тенденции наращивания доли сервисного сектора в экономике страны.

Соотношение объема инвестиций в основной капитал к ВВП – расчетный показатель, уровень которого зависит не только от изменения физических объемов инвестиций и ВВП, но и их дефляторов. Даже при одинаковых темпах роста физических объемов опережающий рост дефлятора инвестиций будет способствовать наращиванию их доли в ВВП, и наоборот.

Отметим следующую закономерность. В технологической структуре инвестиций увеличение доли затрат на приобретение машин и оборудования влечет за собой наращивание доли инвестиций в ВВП (рис.).

Такая взаимосвязь обусловлена несколькими причинами. Во-первых, опережением индекса цен производителей промышленной продукции на производство машин и оборудования над индексом цен на строительно-монтажные работы (СМР). Во-вторых, высокой долей импорта (порядка 50% и выше) из числа приобретаемых машин и оборудования, цены на которые обычно также выше индекса цен СМР. Кроме того, с 2024 г. в составе инвестиций стали учитываться затраты на приобретение и создание объектов интеллектуальной собственности, индекс цен которых превышает цены строительства.

Рис. Динамика технологической структуры инвестиций в основной капитал и соотношения инвестиций и ВВП

В текущей пятилетке намечен курс на повышение технологической независимости нашей страны, ускорение процессов модернизации и цифровизации экономики. Для достижения этих амбициозных целей необходим опережающий рост инвестиций в основной капитал в сравнении с динамикой ВВП. Кроме того, акцент должен быть сделан на обновление активной части основных средств, наращивание затрат на приобретение передового оборудования, внедрение новейших технологий производства, что, в свою очередь, будет способствовать увеличению удельного веса инвестиций в ВВП.

Стоящие задачи ускоренной технологической модернизации производства, комплексной цифровизации всех секторов белорусской экономики, развития инфраструктуры требуют больших объемов инвестиционных вложений. Так, строительство завода по производству сульфатной целлюлозы стоит порядка 800 млн долл. США, или 2,8 млрд руб. инвестиционных вложений; стоимость нового промышленного робота варьируется от 25 тыс. долл. США и может превышать 100 тыс. долл. США.

Задачи ускоренной технологической модернизации производства и повышения производительности труда приобретают особую остроту на фоне устойчивой тенденции сокращения численности трудовых ресурсов. Так, анализ факторов экономического роста белорусской экономики показал, что его динамика в последнее десятилетие обусловлена положительным влиянием фактора капитала и совокупной факторной производительности при отрицательном вкладе фактора труда (табл. 2).

Таблица 2

Влияние факторов производства на прирост ВВП Республики Беларусь в среднем за 2016–2025 гг.

Факторы роста ВВП	Вклад в прирост ВВП, п.п.
Реальный прирост ВВП, %	1,1
В том числе:	
капитал	1,4
труд	-0,5
совокупная факторная производительность	0,2

Таким образом, рост капитальных вложений, обеспечивающий требуемые технологические изменения и замещающий нехватку трудовых ресурсов, является критически необходимым условием высокой положительной динамики ВВП, устойчивого долгосрочного развития экономики, роста уровня и качества жизни населения.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ЦИФРОВОГО РЫНКА

Титок И.В.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

На современном этапе формируется новая мировая экономическая архитектура, где на смену однополярной модели приходит многополярная система с новыми драйверами роста. Обобщение экспертных прогнозов говорит о том, что к 2030 г. основной прирост ***мировой цифровой экономики*** будет обеспечиваться за счет Евразии (более 90 независимых государств Европы и Азии) и Глобального Юга[1].

Развивающиеся рынки, по данным МВФ, уже формируют до 60% мирового экономического роста, опережая развитые страны по инвестициям и росту рабочей силы[2]. Китай, Индия, государства Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и Африки демонстрируют высокие темпы развития, превращаясь в центры инноваций и цифровых индустрий. В среднесрочной перспективе ожидается более 700 млн интернет-пользователей в Африке, а Бразилия и Мексика уже входят в топ-10 мировых рынков электронной коммерции[3].

Страны Глобального Юга становятся центрами цифровых инноваций. Двусторонние соглашения об обмене данными и электронной коммерции помогают ускорить рост, благодаря чему государства и бизнес получают новые экономические и технологические возможности для развития. В целом мировая экономика переживает период ускоряющейся цифровой трансформации, где национальные и наднациональные платформы становятся инфраструктурой экспорта, интеграции и нового роста.

Глобальный рынок ***цифровых платформ (ЦП)*** обладает ярко выраженными региональными особенностями, обусловленными различными уровнями экономического развития, внедрения технологий и нормативной правовой базы. Северная Америка и Азиатско-Тихоокеанский регион являются крупнейшими рынками, совокупная доля которых превышает 65% от общемирового объема.

В 2021 г. объем мирового рынка цифровых платформ составлял 276,8 млрд долл. США; в 2025 г. – 423,6 млрд долл. США; прогноз на 2033 г. – 992,1 млрд долл. США. Среднегодовой темп роста (2025–2033 гг.) – 11,2%[4].

Согласно отчету Европейской комиссии, более 60% объема мировой экономики в настоящее время связано с цифровыми транзакциями, а объем онлайн-продаж товаров и услуг в категориях B2B и B2C еще в 2019 г. составлял 26 трлн евро.

Обзор рынка цифровых платформ по отдельным странам показал следующее.

Северная Америка. Объем рынка: 2021 г. – 100,2 млрд долл. США; 2025 г. – 150,6 млрд долл. США; 2033 г.[5] – 340,3 млрд долл. США. Северная Америка охватывает 35,5% мирового рынка. Основным драйвером развития являются *США*, на долю которых в 2025 г. приходилось примерно 28,7% мирового рынка ЦП.

Европа. Объем рынка: 2021 г. – 57,8 млрд долл. США; 2025 г. – 86,4 млрд долл. США; 2033 г. – 195,4 млрд долл. США. Доля Европы на мировом рынке составляет 20,4%, в т.ч. *Германии* – 3,9%, *Великобритании* – 3,3%, *Франции* – 2,5%.

---

[1] *Глобальный Юг* – политико-экономическое понятие, обозначающее совокупность развивающихся, экономически менее развитых и часто постколониальных стран большей части Азии, Океании, Африки и Латинской Америки.

[2] World Economic Outlook, April 2024 / International Monetary Fund (IMF). – Washington, DC: IMF, 2024. – URL: https://www.imf.org/en/Publications/WEO (date of access: 07.08.2026).

[3] Digital Progress and Trends Report 2023 / World Bank. – Washington, DC: World Bank, 2023. – URL: https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/95fe55e9-f110-4ba8-933f-e65572e05395/content (date of access: 07.08.2026).

[4] Анализ рынка цифровых платформ до 2026 года // Cognitve Market Research. – 2026. – URL: https://www.cognitivemarketresearch.com/digital-platforms-market-report (дата обращения: 07.08.2026)

[5] Прогноз.

Азиатско-Тихоокеанский регион. Объем рынка: 2021 г. – 79,7 млрд долл. США; 2025 г. – 125,6 млрд долл. США; 2033 г. – 312,5 млрд долл. США. На АТР приходится 29,6% мирового рынка. *Китай* является лидером, занимая 8% мирового рынка, *Япония* – 4,4%, *Индия* – 4,2%.

Южная Америка. Объем рынка: 2021 г. – 16,3 млрд долл. США; 2025 г. – 25,3 млрд долл. США; 2033 г. – 60,7 млрд долл. США. На Южную Америку приходится 5,9% мирового рынка ЦП. *Бразилия* является крупнейшим рынком в регионе, охватывая 2,3% мирового рынка, *Аргентина* – 1,1%, *Колумбия* – 0,9%.

Африка. Объем рынка: 2021 г. – 10,2 млрд долл. США; 2025 г. – 16,4 млрд долл. США; 2033 г. – 37,3 млрд долл. США. На страны Африки приходится 3,9% мирового рынка.

Ближний Восток. Объем рынка: 2021 г. – 12,4 млрд долл. США; 2025 г. – 19,2 млрд долл. США; 2033 г. – 45,8 млрд долл. США. На Ближний Восток приходится 4,5% мирового рынка ЦП.

Следует отметить, что на глобальном цифровом рынке доминируют крупнейшие транснациональные технологические корпорации (технологические гиганты, Big Tech[6]). Так, «большая тройка» мировых облачных провайдеров (Amazon Web Services, Google и Microsoft) контролируют бóльшую часть глобального рынка облачных вычислений. Их экосистемы стали ключевой инфраструктурой для мирового цифрового производства и обмена данными, что создает высокую зависимость от американских технологических гигантов.

ИТ-гиганты соединяют миллиарды пользователей, разработчиков и продавцов посредством платформенных экосистем, электронной коммерции и ритейла, финтех сервисов и платежных систем, агрегаторов услуг, социальных медиа и развлечений, а также определяют вектор развития интернета, искусственного интеллекта и цифровой экономики.

Для многих стран мира экономическая зависимость от американских и китайских ИТ-гигантов создает прямые угрозы безопасности для критической инфраструктуры и сужает рамки стратегической автономии.

Классические инструменты защиты конкуренции малоэффективны против доминирования трансграничных цифровых гигантов, что обусловлено сетевой природой цифровых экосистем, развитием естественных монополий в ИТ-сфере, а также монопольным контролем корпораций над массивами данных и сквозными процессами. Сложившаяся ситуация требует внедрения новых механизмов взвешенного государственного регулирования и своевременного реагирования на цифровые вызовы.

[6] Big Tech – доминирующие американские IT-корпорации (Google, Apple, Meta, Amazon, Microsoft), обладающие огромной рыночной властью, персональными данными пользователей и финансовыми возможностями.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРОГНОЗНО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: НЕОБХОДИМОСТЬ, ЭТАПЫ И ЗАДАЧИ

Тихонов А.О.,

доктор экономических наук, профессор,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

В настоящее время цифровизация охватывает не только все отрасли и сектора экономики, но и систему ее регулирования и управления, неотъемлемым элементом которой является прогнозно-аналитическая деятельность (ПАД). Она предоставляет широкие возможности для повышения качества и оперативности анализа и прогнозирования, формирования научно обоснованной базы для принятия управленческих решений, а также автоматизации многих управленческих и прогнозно-аналитических процессов и процедур. И это очень важно в связи с тем, что экономика, по мере ее цифровизации, становится все более динамичной, постоянно появляются новые продукты, услуги и методы организации производственно-коммерческих процессов, возрастает конкуренция, в связи

с тем что новые «оцифрованные» рынки выходят за рамки региональных и национальных границ, экономика становится высокосвязанной, а информация распространяется очень быстро, что влияет на поведение экономических субъектов, обостряются существующие риски и появляются новые (например, кибер-риск, системный риск[1]). Поэтому одной из важнейших стратегических задач развития системы государственного регулирования экономики является переход к преимущественно проактивному управлению (которое направлено на недопущение возникновения проблем и негативных тенденций, в отличие от реактивного, при котором управленческое решение принимается в ответ на уже возникшие проблемы). А это предполагает широкое использование новых, более эффективных методов ПАД, основанных на цифровых технологиях.

Следует отметить, что цифровизация экономики и ПАД началась примерно с середины XX века и к настоящему времени уже прошла ряд этапов, различающихся по характеру решаемых задач [1, 2]. Начиная с 1950-х годов, после изобретения ЭВМ, они начали все более широко применяться для анализа, прогнозирования и планирования социально-экономического развития. Вычислительные способности исследователей и прогнозистов значительно возросли. Однако ЭВМ были доступны тогда далеко не всем, поскольку иметь и эксплуатировать их (в то время вес ЭВМ измерялся в тоннах, занимаемые площади – в десятках квадратных метров, а стоимость – в суммах, мало доступных для граждан и небольших предприятий) могли только крупные исследовательские институты. Это был первый этап цифровизации ПАД, который осуществлялся на протяжении 1950-х – 1970-х годов и который можно назвать «периодом суперкомпьютеров». После изобретения и начала распространения персональных компьютеров начался ее второй этап, который приходится на 1980–1990-е годы. Он характеризуется тем, что автоматизация сложных для ручной обработки прогнозно-аналитических расчетов стала доступна не только для крупных институтов и отдельных исследователей, но и для средних и малых организаций и частных лиц. Эконометрические методы, оптимизационные задачи и другие методы экономико-математического анализа и прогнозирования к концу этого этапа стали рутиной. *Третий этап цифровизации ПАД* можно назвать этапом больших данных (Big Data). Он охватывает период с 2000-х годов до середины 2010-х годов. Основная его отличительная черта заключается в том, что, с одной стороны, появились огромные массивы данных, отражающих протекание различных социально-экономических процессов, с другой – были разработаны методы их обработки. Причем изменения носили не только количественный (с точки зрения объемов перерабатываемой информации), но и качественный характер. Если раньше действовала схема: «от гипотезы к ее проверке и расчету» (причем гипотеза формулировалась самим исследователем), то теперь компьютер уже сам искал незаметные корреляции и закономерности. *Четвертый этап цифровизации ПАД* можно назвать этапом генеративного ИИ и нейросетей. Он начинается с середины 2010-х годов и продолжается в настоящее время. Анализ, прогнозирование и планирование с применением генеративного искусственного интеллекта обладает довольно внушительными возможностями для получения полезной информации о текущих и будущих тенденциях в динамике многих макроэкономических показателей (например, ВВП, инфляции, уровня безработицы и др.) и показывает более высокую точность прогнозов по сравнению с традиционными методами, хотя и имеет свои ограничения, главным из которых является то, что он хорошо работает для краткосрочного прогнозирования, но его применимость для средне- и долгосрочного периодов весьма ограничена.

Организационно-технические задачи цифровизации ПАД заключаются в том, что необходимо обеспечить формирование единой цифровой среды в экономике и интеграцию разрозненных баз данных в единую платформу для аккумуляции потоков цифровой информации и ее последующей обработки. *Научно-методические задачи* включают разработку и постоянное развитие программных средств, обеспечивающих переход к современным средствам анализа и прогнозирования

[1] *Киберриск* – это вероятность потерь из-за сбоев, хакерских атак или утечек данных в компьютерных сетях и IT-системах, системный риск возникает в связи с тем, что возникает угроза нарушения или даже полного срыва работы или краха всей системы из-за сбоев в работе какого-либо ее звена. Он особенно значителен в финансовой системе.

социально-экономических процессов (включая агент-ориентированные модели, имитационное моделирование и методы системной динамики, глубокое обучение), работу с неструктурированными данными (например, данными сотовых операторов и камер видеонаблюдения для оценки реальной экономической активности). *Кадровые задачи* заключаются не только в обеспечении подготовки квалифицированных специалистов в области IT, но и в постоянной переподготовке и повышении квалификации действующих специалистов, которые должны владеть знаниями и навыками, необходимыми для работы с современными средствами анализа и прогнозирования. *Задачи нормативно-правового характера* заключаются в разработке законодательства, позволяющего государству использовать персональные и коммерческие данные в обезличенном виде, не нарушая права граждан, и определяющего регламент обмена данными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леньков, Р.В. Социальное прогнозирование и проектирование: учебное пособие / Р.В. Леньков – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 189 с.

2. Прохоров, А.П. Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт / А. П. Прохоров, Л.Л. Коник. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: КомНьюс Груп, 2019. – 368 с.

—— ◆ ——

ПЛАТФОРМЕННАЯ ЭКОНОМИКА НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ

Тихонова А.М.,

кандидат экономических наук,

Медведева Е.А.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Цифровизация финансового рынка постепенно меняет не только используемые технологии, но и сам способ предоставления финансовых услуг. Финансовая услуга перестает быть самостоятельным продуктом, за которым пользователь целенаправленно обращается к финансовой организации, и становится функциональной частью более широкого цифрового сервиса.

Финансовая платформа представляет собой разновидность цифровой платформы, предметом взаимодействия на которой являются финансовые продукты и услуги. К ним относятся вклады, кредиты, страховые продукты, инвестиционные инструменты, платежные услуги и другие финансовые продукты. Важное отличие платформы от классического финансового посредника заключается в том, что оператор платформы, как правило, организует взаимодействие клиента и поставщика финансовой услуги, не принимая соответствующий финансовый риск на собственный баланс.

Выделяют четыре основных типа финансовых платформ.

1. Краудфандинговые платформы. Они обеспечивают коллективное финансирование проектов и бизнеса. Платформа обеспечивает взаимодействие инвесторов и получателей финансирования, раскрытие информации, организацию расчетов и другие элементы сделки.

2. Платежные платформы. Их основная функция состоит в обеспечении приема, маршрутизации и проведения массовых платежей и расчетов. К этой категории относятся платежные системы, цифровые кошельки, системы мгновенных переводов, эквайринговые решения и B2B-платежные сервисы.

3. Финансовые маркетплейсы. Это цифровые платформы, позволяющие клиенту сравнивать предложения различных поставщиков финансовых продуктов и оформлять выбранный продукт через единый интерфейс. Экономический смысл такой платформы состоит в снижении транзакционных и информационных издержек клиента и повышении конкуренции между поставщиками.

4. Экосистемные финансовые платформы. Они объединяют несколько финансовых функций с нефинансовыми сервисами и используют единую клиентскую базу, идентификацию и платежный

контур. В экосистемной модели финансовая услуга становится одной из функций более широкой цифровой среды.

При этом перечисленные категории не являются полностью изолированными. Современная платформа может одновременно выполнять функции платежного сервиса, маркетплейса финансовых продуктов и поставщика встроенных финансовых услуг.

Одним из наиболее значимых современных направлений является embedded finance, или встроенные финансы. Под embedded finance понимается предоставление финансовой услуги непосредственно внутри нефинансового пользовательского сценария. При этом лицензируемым поставщиком финансовой услуги остается банк, страховщик или иная соответствующая финансовая организация, а нефинансовая компания контролирует интерфейс и пользовательский путь.

Особенность embedded finance заключается в изменении точки продажи финансовой услуги. Клиенту больше не требуется самостоятельно искать кредит, страхование или платежное решение. Финансовый продукт предлагается непосредственно в момент возникновения соответствующей потребности.

Международный опыт демонстрирует несколько различных моделей. Европейский союз делает акцент на унификации правил и трансграничной конкуренции. США характеризуются доминированием частных платежных платформ и быстрым развитием embedded finance. Китай создал наиболее масштабные цифровые финансовые экосистемы, однако одновременно продемонстрировал необходимость жесткого контроля концентрации BigTech-финансов. Россия сформировала сочетание государственной платежной инфраструктуры, регулируемых финансовых маркетплейсов, инвестиционных платформ и банковских экосистем.

В Беларуси уже сформирован значительный технологический фундамент для дальнейшей платформизации финансового рынка. Функционируют платежные платформы, идентификационные платформы, краудфандинговые платформы, финансовый маркетплейс, инвестиционные и криптоплатформы. Ключевой особенностью белорусской модели является неравномерность развития. Платежный сегмент является наиболее зрелым. К нему относятся ЕРИП, система мгновенных платежей, банковские приложения, QR-сервисы и инфраструктура API. Платежная инфраструктура имеет массовый характер и обеспечивает повседневное взаимодействие населения и бизнеса. Идентификационная инфраструктура представлена Межбанковской системой идентификации (МСИ). Она создает инфраструктурную основу для дальнейшего развития платформенных финансовых услуг. Краудфандинговый сегмент представлен сервисами онлайн-заимствования. Правовая основа создана, однако сегмент по своему масштабу существенно уступает традиционному банковскому кредитованию. Финансовый маркетплейс представлен платформой «ФИНМАРКЕТ». Она пока не выполняет в полной мере функцию универсального финансового маркетплейса, поскольку обеспечивает исключительно доступ к отдельным инструментам организованного рынка ценных бумаг. Функционируют несколько инвестиционных платформ, возникших в результате частной инициативы. Криптоплатформы представлены платформами резидентов Парка высоких технологий.

Основными направлениями дальнейшего развития финансовых платформ должны стать законодательное закрепление понятия финансовой платформы и статуса ее оператора, стандартизация API и расширение открытого банковского взаимодействия, расширение спектра инструментов, представленных на финансовом маркетплейсе, внедрение embedded finance и создание условий для равного доступа финансовых организаций к платформенной инфраструктуре.

Наиболее перспективным представляется постепенное формирование модели, в которой государственная инфраструктура обеспечивает надежность идентификации и расчетов, банки и иные финансовые организации предоставляют лицензируемые финансовые продукты, а цифровые платформы обеспечивают удобный клиентский интерфейс и интеграцию финансовых услуг в повседневные нефинансовые сценарии.

РАЗВИТИЕ ПЛАТФОРМЕННОЙ ТОРГОВЛИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ, ВЫЗОВЫ, РЕШЕНИЯ

Тихонович С.В.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

За последнее десятилетие на рынке розничной онлайн-торговли Беларуси произошла смена доминирующей парадигмы: от обособленных интернет-магазинов к модели платформенной торговли, в рамках которой электронные площадки обеспечивают единую инфраструктуру для взаимодействия независимых продавцов и покупателей. В настоящее время именно платформенные операторы формируют основную долю оборота цифровой торговли страны (порядка 70%), используя такие конкурентные преимущества, как масштабируемость, снижение транзакционных издержек, единая логистическая система.

Тенденциями современного этапа выступают:

- консолидация рынка вокруг нескольких крупных игроков;
- выстраивание комплексной логистической инфраструктуры – от фулфилмент-центров и сортировочных хабов до разветвленной сети ПВЗ и постаматов;
- расширение функционала платформ за пределы классической товарной торговли за счет интеграции финансовых сервисов, логистических услуг и рекламных инструментов.

Данные процессы сформировали сложную многослойную архитектуру рынка. Его ядром являются различные виды цифровых платформ:

- маркетплейсы (Wildberries, Ozon, Emall и др.);
- агрегаторы-витрины (Onliner Каталог, Shop.by, Deal.by и др.);
- C2C-платформы (Kufar, Av.by и др.).

По оценке, на маркетплейсы Wildberries и Ozon совокупно приходится более половины оборота онлайн-торговли в стране. Сеть их пунктов выдачи насчитывает свыше 6 тыс. брендированных и партнерских ПВЗ. Набирают обороты и национальные платформы – Emall, PostMarket. Ряд площадок используют гибридную модель, сочетающую элементы агрегатора и маркетплейса. В сегменте C2C-торговли ведущее положение занимает платформа Kufar – крупнейший классифайд Беларуси со среднемесячной посещаемостью более 7 млн уникальных пользователей. За 2025 год размещено порядка 25 млн объявлений.

Сегмент классических онлайн-ритейлеров исторически был основой электронной торговли и сохранил свое значение, однако его роль в структуре рынка заметно снизилась. По оценке, неплатформенные модели аккумулируют порядка 30% оборота интернет-торговли. В эту группу входят следующие операторы:

- универсальные и специализированные интернет-магазины (21vek, 7745 и др.);
- D2C-магазины производителей (Белита, Атлант) – каналы прямых продаж брендов;
- гиперлокальные ритейлеры (e-dostavka.by, Грин-доставка и др.) – операторы быстрой доставки продуктов и товаров повседневного спроса.

Параллельно развиваются обеспечивающие системы и сервисы (платежная инфраструктура, логистика, ИТ, хостинг, маркетинг, аналитика и пр.).

Платформенная трансформация розничной торговли носит двойственный характер. Положительные эффекты для экономики и потребителей состоят в преодолении географических и ассортиментных ограничений, формировании конкурентных цен, развитии инфраструктуры товародвижения, внедрении современных технологий, расширении экспортных возможностей отечественных производителей. Одновременно экспансия платформенной модели сопровождается рядом вызовов: монополизация рынка и давление на классическую торговлю, доминирование иностранных операторов, правовая неопределенность в сфере защиты прав сторон платформенных отношений.

Текущее регулирование интернет-торговли опирается на Закон Республики Беларусь «О государственном регулировании торговли и общественного питания» и постановление Совета Министров Республики Беларусь «Об утверждении правил продажи товаров при осуществлении дистанционной торговли», которые в достаточной степени не отражают специфику деятельности платформ. В данном контексте фокус регулирования необходимо смещать от точечного реагирования к системному подходу, направленному на формирование специализированной нормативной базы для платформенной торговли. Основные направления реформирования:

- установление правовой субъектности – выделение цифровых платформ в отдельную категорию участников рынка;
- введение требований по открытию представительств в Республике Беларусь для иностранных платформ при достижении определенных пороговых значений;
- обеспечение прозрачности бизнес-процессов – детальная регламентация взаимодействия операторов с партнерами (продавцами и ПВЗ);
- определение порядка информационного взаимодействия с уполномоченными органами;
- полное выполнение потребительских гарантий, создание внутренних механизмов разрешения споров.

Ключевым институциональным изменением должно стать принятие Закона Республики Беларусь «О цифровых платформах», работу над которым планируется завершить до конца года. Также целесообразна донастройка регуляторного контура, обеспечивающего контроль за соблюдением установленных правил, в том числе:

- создание реестра цифровых платформ с двухуровневой структурой регулирования (базовые требования для всех площадок, дополнительные – для значимых);
- автоматизация механизма обмена информацией с регуляторами (МАРТ, МНС и др.), интеграция с государственными информационными системами (реестр опасной продукции, реестр сертификатов и деклараций о соответствии и др.);
- усиление кадрового обеспечения и экспертных компетенций МАРТ в сфере цифровой торговли с перспективой создания специализированного подразделения, консолидирующего функции регулирования в рассматриваемой сфере.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СИНГАПУРА: ОТ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА К ЭКОСИСТЕМЕ УМНОГО ГОСУДАРСТВА

Ткачук Е.В.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Опыт Сингапура в управлении цифровыми платформами представляет собой один из наиболее последовательных примеров цифровой трансформации государства. Его особенность заключается в формировании единой цифровой архитектуры, объединяющей государственные услуги, городскую инфраструктуру, экономику и социальную сферу. Государство выступает не только регулятором, но и архитектором цифровой экосистемы, определяя стратегические приоритеты, стандарты взаимодействия и требования к безопасности, тогда как частный сектор участвует в разработке и масштабировании технологических решений.

Формирование цифровой платформенной среды Сингапура проходило поэтапно. До начала 2000-х гг. основное внимание уделялось созданию телекоммуникационной и информационной инфраструктуры. Важным ориентиром стал десятилетний план «Интеллектуальная нация 2015» (iN2015), определивший направления развития инфокоммуникаций, цифровых сервисов и техно-

логической базы государства. Этот этап создал предпосылки для последующего развития электронного правительства.

Затем начался перевод государственных услуг в цифровой формат, осуществлялось развитие межведомственного обмена данными и совершенствование цифровой идентификации. Существенным институциональным шагом стало принятие в 2012 г. Закона о защите персональных данных (PDPA), закрепившего правила сбора, обработки, хранения и использования персональной информации. Закон сформировал нормативную основу доверия к цифровой среде и обеспечил баланс между стимулированием инноваций и защитой конфиденциальности.

В 2014 г. была запущена национальная инициатива «Умная нация» (Smart Nation), объединившая развитие экономики, социальной сферы, городской инфраструктуры и государственного управления. Одним из ключевых проектов инициативы стала Национальная цифровая платформа обмена государственными данными APEX, запущенная в 2017 г. Платформа обеспечивает взаимодействие государственных учреждений посредством прикладных программных интерфейсов (API), позволяя безопасно обмениваться данными между внутренними сетями и внешними цифровыми системами.

В 2018 г. был принят План цифрового правительства (DGB), ориентированный на создание полностью цифрового государства. На этом этапе усилилось использование аналитики данных, облачных технологий, искусственного интеллекта и сквозных цифровых платформ. Одновременно Закон о кибербезопасности 2018 г. закрепил режим защиты критически важной информационной инфраструктуры и механизмы государственного контроля в сфере цифровой безопасности.

Современная цифровая политика Сингапура строится на стратегическом планировании. Важным проектом является «Виртуальный Сингапур» – трехмерная цифровая модель города, основные работы по созданию которой завершены в 2022 г. Платформа интегрирует сведения о городской инфраструктуре, климате и населении и используется для моделирования городских сценариев, планирования инфраструктурных проектов, оптимизации транспорта, предупреждения стихийных бедствий и адаптации к изменению климата.

Открытая цифровая платформа (ODP) выполняет функции операционной системы умного города. Она объединяет управление районами, видеонаблюдение, парковки, кондиционирование и роботизированные решения в единую киберфизическую среду. С 2024 г. ODP используется как цифровая основа «умного и устойчивого» делового квартала. По имеющимся оценкам, ее применение позволяет на 50% сократить потребность в персонале и на 30% снизить энергопотребление.

Значимым элементом сингапурской модели является концепция «облако в первую очередь». Защищенная среда Government on Commercial Cloud (GCC) объединяет решения AWS, Microsoft Azure и Google Cloud. На коммерческие облачные сервисы переведено более 80% государственных систем. Другим базовым компонентом цифровой архитектуры является система идентификации Singpass, с помощью которой граждане, резиденты и владельцы рабочих виз получают доступ более чем к 2,7 тыс. государственных и частных онлайн-услуг.

Сингапур стремится стать международным центром безопасного и надежного применения искусственного интеллекта. Более 60% трудоспособного населения регулярно используют инструменты ИИ. При этом искусственный интеллект рассматривается как часть единой экосистемы, включающей государственные данные, облачные вычисления, цифровую идентификацию и платформенные сервисы.

Особое значение имеет трансграничное измерение цифровой политики. Сингапур обеспечивает совместимость национальных платформ с международными стандартами и механизмами цифровой торговли посредством соглашений о цифровом партнерстве, регуляторных «песочниц» и инфраструктуры трансграничного взаимодействия. Это снижает операционные издержки бизнеса за счет унификации электронных счетов, контрактов и процедур обмена данными, а также облегчает доступ компаний к рынкам Юго-Восточной Азии.

Таким образом, сингапурская цифровая трансформация опирается на развитие сквозной инфраструктуры, гибкое регулирование, партнерство государства и бизнеса и формирование человеческого капитала. Ее ключевая особенность состоит в сочетании централизованного стратегического управления, платформенной интеграции, защиты данных и кибербезопасности. Современный Сингапур демонстрирует модель зрелой цифровой государственности, в которой технологии используются для повышения качества управления, экономической конкурентоспособности, устойчивости городской среды и международной интеграции. Данный опыт может быть адаптирован к условиям Союзного государства с учетом необходимости гармонизации нормативной базы, развития межгосударственных цифровых платформ и обеспечения трансграничного обмена данными.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ

Тулейко Е.В.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Современная мировая торговля проходит через этап адаптации к новым вызовам. Геополитическая нестабильность, технологическая модернизация и изменения в логистике формируют будущее мировой торговли. Эти сдвиги меняют традиционные товарные потоки и вектор внешнеэкономической политики государств.

Трансформация мировой торговли характеризуется переходом от глобальной интеграции к фрагментации, среди ключевых тенденций которой можно выделить следующие:

1. *Изменение географии мировой торговли,* происходящее под влиянием демографических факторов, урбанизации, роста доходов, развития инфраструктуры. Несмотря на то, что США, Китай и Европа остаются стержневыми элементами мировой экономики, страны Глобального Юга усиливают влияние, диверсифицируя свою экономику и формируя новые стандарты (особенно в области цифровых технологий и энергетического перехода). В настоящее время ключевыми рынками являются Индия, страны Юго-Восточной Азии, Китай, Ближний Восток, Африка. К 2030 г. Китай и Индия вместе с США обеспечат почти половину всего мирового прироста ВВП, причем на долю Китая и Индии приходится примерно 43–44 % глобального роста [1].

2. *Регионализация торговли и локализация производства*. Одной из главных тенденций, меняющих мировую торговлю, является регионализация цепочек поставок. В частности, Азиатско-Тихоокеанский регион (АСЕАН + Китай) демонстрирует самую высокую динамику «внутриблокового» производства. Мультинациональные корпорации переносят часть производств из Китая (Китай + 1») в страны АСЕАН (Вьетнам, Индонезия, Таиланд), при этом промежуточные компоненты продолжают поступать из Китая.

3. *Рост региональных торговых соглашений, развитие новых, нетрадиционных форм стратегического торгового партнерства* (например, Соглашение о цифровом партнерстве между Кореей и Сингапуром, КСДПА; Соглашение о партнерстве в области цифровой экономики, DEPA и др.), что открывает новые возможности для стимулирования торговли в долгосрочной перспективе.

4. *Новые логистические коридоры*. В ответ на геополитические изменения и необходимость оптимизации путей между Азией, Европой и Ближним Востоком в целях диверсификации поставок и снижения барьеров (инфраструктурных, временных и др.) формируются новые логистические коридоры (МТК «Север–Юг», Транскаспийский международный транспортный маршрут, железная дорога Китай–Кыргызстан–Узбекистан, Северный морской путь и др.). Это способствует росту взаимной торговли и повышению устойчивости экономик к внешним ограничениям.

5. *Новая финансовая архитектура*, характеризуемая:

- увеличением доли расчетов в национальных валютах (юани, рубли, рупии) во взаимной торговле, обусловленным приоритетами двусторонней торговли и в рамках блоков, а также необ-

ходимостью снижения зависимости национальных экономик от внешних санкций и политических рисков. Указанные аспекты активно проявляются в рамках ЕАЭС, БРИКС и др.;

- цифровизацией финансового рынка, связанной с активным развитием цифровых валют центральных банков (CBDC), внедрением независимых платежных систем (альтернатив SWIFT) и цифровых активов для трансграничных расчетов. CBDC активно развиваются в Китае, к примеру, цифровой юань (Digital Currency Electronic Payment, e-CNY или DCEP) и китайская межбанковская система трансграничных расчетов в юанях (Cross-border Interbank Payment System, CIPS). В Индии – цифровая рупия (e₹ или CBDC) и система мгновенных цифровых платежей (Unified Payments Interface, UPI), Нигерии – электронная найра (eNaira), Бразилии – цифровой реал (Drex), ОАЭ – цифровой дирхам (Central Bank Digital Currency, CBDC). Указанная технология ускоряет платежи, упрощает трансграничные операции, снижает зависимость от традиционных платежных систем, включая SWIFT. Это свидетельствует о том, что доллар престает быть единственной расчетной валютой;
- подъемом суверенных фондов и региональных банков. В настоящее время крупнейшими инвесторами являются не только Лондон и Нью-Йорк. К ним также относятся: Абу-Даби (Управление инвестициями (Abu Dhabi Investment Authority, ADIA)), Дубай (Инвестиционная корпорация (Investment Corporation of Dubai, ICD)), Саудовская Аравия (Государственный инвестиционный фонд (Public Investment Fund, PIF)), Сингапур (Правительственная инвестиционная корпорация (GIC Private Limited)), Пекин (Китайская инвестиционная корпорация (China Investment Corporation, CIC)) и др. Указанные структуры финансируют инфраструктуру, развивают зеленую энергетику и поддерживают инновации.

Изучение и анализ тенденций трансформации мировой торговли позволяет предвидеть изменения глобального рынка, прогнозировать экономические риски и формировать внешнеэкономические стратегии, соответствующие внешним условиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Китай, США и Индия будут формировать почти 50% мирового экономического роста к 2030 году // Минфин. – URL: https://minfin.com.ua/2026/03/05/169357774/ (дата обращения: 10.08.2026).

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Турбан Г.В.,

кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Развитие внешнеэкономических связей во многом зависит от инфраструктуры внешнеэкономического комплекса. Важным ее элементом является создание цифровых платформ, позволяющих создавать условия для эффективного поиска, проверки и установления деловых связей как с зарубежными компаниями, так и компаниями в стране. Для Республики Беларусь в условиях геополитической нестабильности, санкционного давления и необходимости переориентации экспортных потоков на рынки стран дальней дуги роль институтов и инструментов, содействующих развитию внешнеэкономической деятельности, возрастает многократно.

Ключевым элементом цифровых платформ выступают механизмы верификации участников. В международной практике сложились два взаимосвязанных понятия: KYC (Know Your Customer – «знай своего клиента») и KYB (Know Your Business – «знай свой бизнес»). Современные тенденции развития KYC/KYB связаны с внедрением технологий искусственного интеллекта (AI) и блокчейна. Для повышения доверия между участниками цифровых платформ должно поддерживаться внедрение цифровых рейтинговых систем на основе отзывов, успешных сделок и наличия сертификатов, что снижает вероятность мошенничества и неплатежей.

Теоретической базой цифровой трансформации выступили теории транзакционных издержек, сетевых эффектов и доверия в цифровой среде. Согласно теории транзакционных издержек (Коуз, Уильямсон), внешнеэкономическая деятельность сопряжена с высокими затратами на поиск контрагентов, их верификацию, заключение и сопровождение сделок. Теория сетевых эффектов (Меткалф, Кац и Шапиро) объясняет, почему ценность цифровой платформы для каждого участника возрастает по мере увеличения числа подключенных компаний, стран и сервисов. Теория доверия в цифровой среде (Цукер, Гефен) показывает, как традиционное доверие, строившееся на личных контактах, переносится в онлайн-пространство через механизмы верификации, репутационные системы и цифровую прослеживаемость сделок.

Изучение зарубежной практики свидетельствует, что значительный опыт в создании цифровых платформ для поддержки внешнеэкономической деятельности накоплен торгово-промышленными палатами и организациями, выполняющими их функции [1]. Сингапурская федерация бизнеса, объединяющая более тридцати тысяч компаний, совместно с государственным агентством по развитию предпринимательства реализует инициативу GlobalConnect@SBF. Важной особенностью сингапурского подхода является привлечение частных провайдеров. Швейцария сделала ставку на сочетание технологий искусственного интеллекта с персональными консультациями. Организация Switzerland Global Enterprise разработала платформу GoGlobal Cockpit. Германия использует преимущество глобальной сети представительств. Цифровая платформа AHK Connect интегрирована с сетью зарубежных представительств торгово-промышленной палаты страны в более чем 90 странах. Ассоциация международной торговли Южной Кореи разработала платформу TradeKorea, которая сочетает публичную часть в виде каталога компаний с возможностью поиска по продуктам и услугам и защищенную часть для верифицированных компаний, включающую закрытые переговоры и обмен конфиденциальными документами.

Обобщая зарубежный опыт, можно выделить несколько общих тенденций. Во-первых, успешные платформы не заменяют, а дополняют личное взаимодействие, используя гибридный подход. Во-вторых, они интегрируются с частными сервисами в сферах логистики, финансов и проверки контрагентов для создания полной экосистемы поддержки бизнеса. В-третьих, передовые платформы активно применяют технологии искусственного интеллекта для анализа рынков и персонализированного подбора партнеров. В-четвертых, они используют многоуровневую верификацию участников с привлечением официальных реестров, кредитных бюро и отзывов.

В Беларуси в 2021 году торгово-промышленной палатой (БелТПП) была разработана е-Платформа бизнес-контактов, однако возможности ее ограничены [2]. Основываясь на анализе текущего состояния, зарубежного опыта и проблем бизнеса, можно сформулировать требования к новой специализированной цифровой платформе. На ней должны быть: представлены расширенные профили компаний; обеспечены коммуникационные инструменты (без необходимости обзванивать и договариваться через посредников); автоматизированы поиск и подбор партнеров (платформа должна не просто предоставлять каталог компаний, но и активно помогать пользователям находить наиболее подходящих партнеров); внедрена система рейтингов и отзывов; обеспечена интеграция с внешними источниками данных для верификации; предусмотрена возможность для каждой компании-участника создания личного кабинета с функцией управления профилем компании.

Разработка и внедрение в практику специализированной цифровой платформы в Республике Беларусь обеспечит значительные преимущества для всех участников внешнеэкономической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. OECD. How Digital Platforms are Reshaping International Trade. – Paris : OECD Publishing, 2024. – 156 p. – P. 45–67.

2. Мятликов, М.М. Карта членства БелТПП на 2025 год: новые форматы поддержки экспортеров / М.М. Мятликов // Белорусская торгово-промышленная палата. – URL: https://www.cci.by/novosti (дата обращения: 02.09.2026).

ПРЕИМУЩЕСТВА ИНТЕГРАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ КНР В НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Филиппова А.В.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Внешнеэкономическая экспансия КНР в последние годы характеризуется не только масштабированием трансграничной деятельности китайских компаний, но и изменением ее географической и отраслевой структуры. По данным Министерства коммерции КНР, в 2025 г. объем исходящих прямых инвестиций Китая составил 174,38 млрд долл. США, увеличившись на 7,1% по сравнению с 2024 г.[1] (рис.). К концу 2025 г. китайскими резидентами было учреждено более 50 тыс. предприятий в 190 странах и регионах мира, а по накопленному объему экспорта капитала страна девятый год подряд прочно удерживает позиции в топ-3 мировых лидеров[2].

Рост геополитической напряженности и торговые противоречия с такими крупными экономиками, как ЕС и США, только ускорили тенденцию к интернационализации китайского бизнеса. Вектор инвестиционной активности смещается с рынков ЕС и США в направлении государств Азии, Ближнего Востока и Африки. Системообразующими факторами этого процесса остаются государственная стратегия «Выход вовне» (Going Global) и инициатива «Один пояс, один путь» (Belt and Road Initiative, BRI). На государства-участники инициативы в 2025 г. пришлось почти 49% от совокупного объема ПИИ Китая (85,2 млрд долл. США в абсолютном выражении), в первую очередь за счет сделок в энергетической сфере[3].

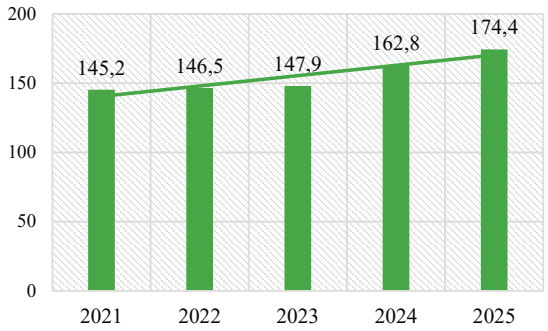

Рис. Динамика исходящих ПИИ КНР в 2021-2025 гг., млрд долл. США

От первоначальной ориентации на освоение зарубежных технологий, производственных компетенций и брендов Китай постепенно перешел к формированию собственных глобальных технологических и производственных платформ. Ключевыми мотивами выступают диверсификация рынков сбыта, минимизация торговых и геополитических рисков, а также приближение производства к конечному потребителю.

Для Республики Беларусь общемировая трансформация инвестиционной стратегии КНР открывает возможности перехода от преимущественно торгового взаимодействия к глубокой научно-производственной и технологической кооперации. В период 2015–2025 гг. валовой объем привлеченных китайских инвестиций превысил 2 млрд долл. США, около половины которых составили прямые иностранные инвестиции. Число организаций с китайским участием в уставном фонде увеличилось с 67 в 2015 г. до 230 в 2025 г. В 2025 г. с привлечением китайского капитала и технологий в Беларуси реализовывалось более 60 инвестиционных проектов с заявленным объемом инвестиций около 1,6 млрд долл. США, из них 52 – в Китайско-Белорусском индустриальном парке «Великий камень»[4]. Реализуемые в парке инвестиционные проекты охватывают такие сферы деятельности, как машиностроение, электроника, новые материалы, биотехнологии, фармацевтика, комплексная логистика, электронная коммерция и другие.

[1] URL: https://www.ey.com/content/dam/ey-unified-site/ey-com/en-cn/insights/china-overseas-investment-network/documents/ey-overview-of-2025-china-outbound-investment-en.pdf.

[2] URL: https://english.www.gov.cn/archive/statistics/202601/22/content_WS69722062c6d00ca5f9a08b92.html

[3] URL: https://greenfdc.org/china-belt-and-road-initiative-bri-investment-report-2025/.

[4] URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2026/january/92061/.

Значимым каналом китайско-белорусского экономического взаимодействия остается кредитное финансирование. За 20-летний период за счет привлечения льготных и коммерческих кредитов КНР профинансирована реализация 28 крупных инфраструктурных и производственных проектов на сумму 5,5 млрд долл. США в секторах промышленности, энергетики и транспорта. Согласно оценкам профильных ведомств, реализация совместных с КНР инвестиционных и кредитных программ оказала выраженный мультипликативный эффект на национальную экономику, обеспечив до 10% прироста ВВП Республики Беларусь за последнее десятилетие[4].

Взаимный интерес сторон базируется на высокой комплементарности экономик: синергии масштабной технологической и финансовой базы КНР с научно-производственным потенциалом белорусского машиностроения, агропромышленного комплекса и сектора информационных технологий. Дополнительным драйвером выступает диверсификация каналов сотрудничества посредством перехода от централизованной модели («центр – центр») к децентрализованной («регион – регион»), что нормативно закреплено в стратегических документах обеих стран. Этот вектор взаимодействия качественно укрепляет и вступившее в силу в 2026 г. Соглашение о торговле услугами и осуществлении инвестиций между Беларусью и Китаем.

Следующий этап двустороннего сотрудничества целесообразно связывать не столько с наращиванием числа отдельных проектов, сколько с повышением их качества и глубины локализации. Для Беларуси перспективными направлениями являются совместные производства компонентов и оборудования, решения для электротранспорта и накопления энергии, промышленная автоматизация и цифровизация, технологии для агропромышленного комплекса, новые материалы, медицинская и фармацевтическая продукция, а также НИОКР. Важными критериями отбора проектов должны стать трансфер технологий, подготовка кадров, локализация производства и последующий экспорт продукции. Первоочередное внимание необходимо уделять инициативам, которые одновременно обеспечивают технологическое обновление белорусских предприятий, формирование устойчивых цепочек поставок и выход продукции на рынки ЕАЭС и других государств.

Таким образом, изменение характера китайских ПИИ создает для Беларуси благоприятную конъюнктуру, однако сам по себе приток китайского капитала не гарантирует автоматического технологического эффекта. Конкурентным преимуществом страны может стать способность предлагать китайскому бизнесу комплексные решения, объединяющие промышленную базу, научно-технологические компетенции, инфраструктуру «Великого камня», преференциальный доступ к рынку ЕАЭС и совместный выход на рынки третьих стран. Приоритетом нового этапа сотрудничества является не количественное расширение инвестиционного портфеля, а увеличение доли наукоемких экспортно ориентированных проектов с высокой добавленной стоимостью.

ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ САМООБЕСПЕЧЕННОСТИ КНР: ОТ ПОЛИТИКИ «КРАСНЫХ ЛИНИЙ» К ИМПОРТОЗАМЕЩАЮЩЕЙ КООПЕРАЦИИ

Чжан И.,

Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Модель продовольственной самообеспеченности КНР развивается как система институционального контроля над землей, производством и внешними поставками. Ее исходный контур задает политика «красной линии» пахотных земель: минимальный предел в 120 млн га превращает сельскохозяйственную землю в стратегический актив, защищенный от урбанизации и промышленного строительства [1, с. 10].

После вступления КНР во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2001 г. защита земли была дополнена тарифно-квотным регулированием, государственными резервами, поддержкой семеноводства, агрострахованием и инвестициями в ирригацию. В результате самообеспеченность стала пониматься как способность государства удерживать управляемую зависимость от мирового рынка.

Новая стадия закреплена Законом КНР «Об обеспечении продовольственной безопасности», вступившим в силу 1 июня 2024 г. Закон вводит формулу «абсолютной безопасности» по продовольственным зерновым и базовой самодостаточности по остальным зерновым культурам [2, с. 1].

Он охватывает защиту пахотных земель, зерновые резервы, распределение, переработку, чрезвычайное реагирование, внешнюю торговлю и международное сотрудничество [2, с. 2]. Статистическая база подтверждает сохранение внутреннего ядра: в 2025 г. валовой сбор зерна в КНР достиг 714,88 млн т, посевная площадь составила 119,409 млн га, урожайность – 5987 кг/га [3, с. 1].

Уязвимым звеном остается импорт сои и кормовых культур. Д. Хань, Ю. У и Чэнь Сысы на данных 2013–2023 гг. показывают, что торговые трения между КНР и США снижали устойчивость зернового импорта: росли цены, усиливалась волатильность, сокращались объемы закупок и снижалась диверсификация источников [4, с. 1].

Ограничения чисто внутреннего импортозамещения особенно заметны на соевом сегменте. Ф. Лун, Ц. Сунь, И. Чжоу и соавторы в исследовании 2026 г. оценивают коэффициент самообеспеченности КНР соей в 17% по состоянию на 2022 г. и показывают, что повышение данного показателя требует одновременного вовлечения засоленных земель, расширения применения генетически модифицированных (ГМ) сортов и корректировки структуры потребления [5, с. 669]. Для китайской модели данный результат принципиален: ограниченность пахотных земель сужает возможности механического переноса всего импортного объема во внутреннее производство. Поэтому импортозамещение приобретает кооперационную форму, при которой наращивание национального выпуска сочетается с перестройкой внешних каналов снабжения. Снижение риска достигается за счет диверсификации поставщиков, долгосрочных контрактов, закрепления логистической инфраструктуры и унификации требований к сырью. Объектом замещения становится спотовая, концентрированная и политически уязвимая конфигурация импорта, тогда как сама внешняя торговля сохраняет функцию ресурсной компенсации.

Практическим выражением кооперационной логики становятся долгосрочные соглашения, объединяющие поставку сырья, логистическую инфраструктуру и экологические стандарты. Показателен контракт COFCO International, Modern Farming и China Shengmu Organic Milk о поставке 1,5 млн т сертифицированной бразильской сои в Китай через терминал Santos в 2025–2030 гг. [6, с. 1].

Следовательно, эволюция китайской модели идет от охраны пахотной земли к управлению внешней зависимостью: «красные линии» задают ресурсный минимум, Закон 2024 г. закрепляет юридическую архитектуру, а кооперационные соглашения переводят импорт в режим распределения рисков. Для мировой экономики данный сдвиг означает усиление требований Китая к устойчивости и предсказуемости поставщика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Food Security in China (中国的粮食安全) // The State Council Information Office of the People's Republic of China. – 2019. – URL: https://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2019n/202207/t20220704_130642.html (date of access: 10.08.2026).

2. National Food Security Law Published. – Beijing : USDA Foreign Agricultural Service, 2024. – 18 p. – URL: https://www.fas.usda.gov/data/china-national-food-security-law-published (date of access: 12.08.2026).

3. Bulletin on the National Grain Production in 2025 (国家统计局关于2025年粮食产量数据的公告) // National Bureau of Statistics of China. – 2025. – URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202512/t20251215_1962079.html (date of access: 17.08.2026).

4. Han, D. Trade war and grain import resilience: evidence from China's response to U.S. Tariffs / D. Han, Y. Wu, C. Si-Si // Frontiers in Sustainable Food Systems. – 2025. – Vol. 9. – DOI: 10.3389/fsufs.2025.1593613. – URL: https://doi.org/10.3389/fsufs.2025.1593613 (date of access: 19.08.2026).

5. Integrated policies could raise China's soybean self-sufficiency and ease global land-use pressure / F. Lun, J. Sun, Y. Zhou [et al.] // Nature Food. – 2026. – Vol. 7. – P. 669–677. – DOI: 10.1038/s43016-026-01378-1. – URL: https://www.nature.com/articles/s43016-026-01378-1 (date of access: 22.08.2026).

6. COFCO signs 1.5 million tonnes Brazil-China sustainable soybean trade agreement // COFCO International. – 2025. – 2 Febr. – URL: https://www.cofcointernational.com/newsroom/cofco-signs-15-million-tonnes-brazil-china-sustainable-soybean-trade-agreement/ (date of access: 21.08.2026).

«ЗЕЛЕНЫЕ» ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В СОСТАВЕ «ЗЕЛЕНОЙ» ЭКОНОМИКИ

Чжао Ю.,

Белорусский государственный университет, г. Минск

«Зеленое» финансирование играет важную роль как в защите окружающей среды, так и в экономическом развитии. Растущие риски, связанные с изменением климата, ужесточение экологических требований на национальных и международных рынках, а также повышение корпоративной ответственности за социальные и экологические последствия побуждают страны внедрять принципы «зеленой» экономики в свои стратегии развития.

Цель работы – оценить перспективы развития «зеленых» инструментов в составе «зеленой» экономики Китая.

За последние годы китайский рынок «зеленых» финансов значительно вырос и продолжает стремительно расширяться. В настоящее время страна занимает первое место по объему «зеленого» кредитования и второе место в мире по выпуску «зеленых» облигаций. Эти достижения демонстрируют все более важную роль «зеленых» финансов в национальной экономике Китая. Доля «зеленого» финансирования в «зеленой» экономике Китая представлена в табл. 1.

Таблица 1

Доля «зеленого» финансирования в «зеленой» экономике Китая

Инструмент	Доля в «зеленой» экономике	Основание
«Зеленые» кредиты	70–75% всей системы «зеленого» финансирования	Крупнейший сегмент, 35,75 трлн юаней в 2024 г.
«Зеленые» облигации	4–6%	0,85% рынка облигаций, но 2,2 трлн юаней совокупно
«Зеленые» фонды	<1%	Менее 1% по объему
«Зеленое» страхование	1–2%	Быстрый рост, но низкая доля
Углеродный рынок (ETS)	10–15%	Крупнейший в мире по охвату выбросов

Источник: [4].

На «зеленые» кредиты приходилось 13,9% от общего объема непогашенных кредитов, при этом значительные средства были направлены на проекты в области «зеленой» инфраструктуры и чистой энергетики (рис.).

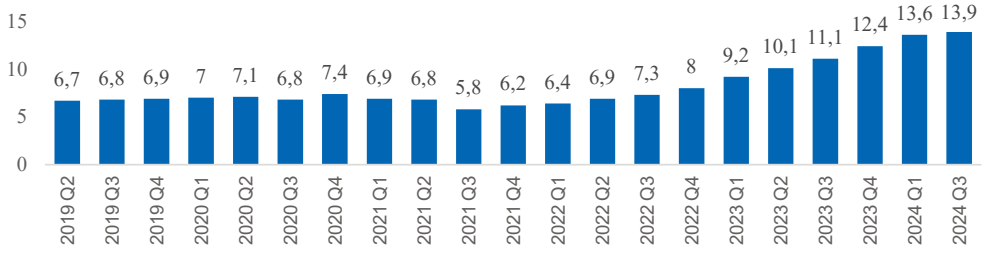

Рис. Доля зеленых кредитов в кредитовании в Китае за 2019–2024 гг.

Источник: [4].

В течение 14-й пятилетки (2021–2025 гг.) «зеленое» кредитование увеличивалось в среднем на 30,2% в год, опережая темпы роста общего кредитования на 21,1 п.п. За тот же период доля непогашенных «зеленых» кредитов в общем объеме кредитования заметно выросла – с 6,7% до 16,2% [5]. Наиболее заметным стал выпуск облигаций, связанных с устойчивым развитием, на которые пришлось 34,97 млрд юаней [4].

На китайском рынке также наблюдается значительный рост ассортимента экологически чистых страховых продуктов. К августу 2024 г. общий объем страхового покрытия вырос на 22,4% в годовом исчислении и составил 469 трлн юаней.

SWOT – анализ «зеленого финансирования Китая представлен в табл. 2

Таблица 2

SWOT-анализ «зеленого» финансирования Китая

Блок	Ключевые пункты
Сильные стороны	Государственная поддержка (льготы, субсидии) Крупный рынок «зеленых» кредитов >38 трлн юаней Развитая финансовая инфраструктура
Слабые стороны	Низкая доля «зеленых» облигаций (<1%) Слабая ESGпрозрачность Малый масштаб «зеленых» фондов
Возможности	Рост углеродного рынка (охват >60% выбросов) Международные инвестиции Расширение «зеленого» страхования
Угрозы	Региональные дисбалансы Риски гринвошинга Зависимость от госстимулов

Источник: собственная разработка по данным [3, 4].

Подводя итоги вышесказанного, можно сделать вывод, что «зеленое» финансирование в Китае способствует устойчивому развитию финансовой и экономической системы страны. Необходимо усилить стимулирование на внутреннем рынке Китая: с помощью льгот по процентам, гарантий, налоговых льгот и инструментов рефинансирования центрального банка направлять коммерческие банки на расширение «зеленого» кредитования и поддерживать предприятия в выпуске «зеленых» облигаций в национальной валюте.

ЛИТЕРАТУРА

1. OECD Green Finance and Investment in China: Policy Progress and Outlook. – Paris: OECD Publishing, 2023.

2. Мнения по совершенствованию институциональных механизмов и политических мер для перехода к «зеленой» и низкоуглеродной энергетике: извещение [2022] № 206 от Государственного управления по делам энергетики, 30 января 2022 г. // Государственный комитет по развитию и реформам КНР. – URL: https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/tz/202202/t20220210_1314511.html?code=&state=123 (дата обращения: 20.05.2026).

3. От баллов до облигаций: Китай выстраивает экосистему зеленого потребления на триллионы юаней – URL: https://infragreen.ru/china-is-building-a-green-consumption-ecosystem/ (дата обращения: 20.05.2026).

4. China green finance status and trends 2024–2025. – URL: https://greenfdc.org/wp-content/uploads/2025/03/Yue-and-Nedopil-2025_China-green-finance-status-and-trends-2024-2025-final.pdf (date of access: 20.05.2026).

5. В 2025 году в Китае заметно увеличился объем «зеленых» кредитов. – URL: https://russian.people.com.cn/n3/2026/0219/c31521-20426936.html (дата обращения: 20.05.2026).

СТРУКТУРНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ И ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЭКОНОМИКИ КЫРГЫЗСТАНА

Шведко П.В.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Экономика Кыргызской Республики не относится к категории высокоразвитых: в стране сохраняется относительно высокий уровень бедности. Однако она демонстрирует устойчивую динамику роста, что обусловливает ее инвестиционную привлекательность и открывает широкие возможности для иностранного капитала.

По данным Национального статистического комитета Кыргызстана, в 2024 г. объем ПИИ составил около 1,03 млрд долл. США, что на 22% больше по сравнению с предыдущим годом [1]. В общей структуре поступлений доля России – 27%, при этом Китай сохраняет ведущую позицию с 30% ПИИ [2]. Статус Китая как ключевого инвестора отражает сдвиг экономической динамики, усиливая конкурентное давление на Россию в регионе.

Если рассматривать поступление ПИИ по видам экономической деятельности, то в 2024 г. больше всего средств пришлось на обрабатывающие производства. Горнодобывающая промышленность исторически была отраслью, которая привлекала наибольшее количество ПИИ. Иностранные инвесторы, в основном из России и Китая, занимаются геологоразведочными работами, разработкой месторождений, добычей полезных ископаемых и их переработкой. Также интерес представляют такие отрасли, как текстильная промышленность, сельское хозяйство, образование, франчайзинг и информационные технологии.

Группа Всемирного банка реализует пятилетнюю Рамочную программу партнерства со страной на 2024–2028 гг. Она хорошо согласуется с приоритетами и потребностями Кыргызской Республики, отраженными в Национальной стратегии развития на 2018–2040 гг. и среднесрочной Национальной программе развития на 2021–2026 гг. Всемирный банк определил энергетику, водоснабжение и сельское хозяйство в качестве приоритетных секторов для финансирования и активно расширяет сотрудничество в этих областях [3].

В рамках Программы развития государственного сектора приоритет отдается мобилизации «зеленого» частного капитала и расширению инвестиционных возможностей через масштабируемые проекты и инновационные финансовые инструменты. Программа также нацелена на решение глобальных задач: климатическую устойчивость, сокращение выбросов, создание рабочих мест, экономическую трансформацию, сокращение гендерного разрыва, укрепление институтов и снижение рисков нестабильности, что поддерживается системной программой мероприятий.

Опираясь на 30-летнее прочное партнерство, деятельность Азиатского банка развития (АБР) остается тесно согласованной с меняющимися экономическими условиями и приоритетами развития Кыргызской Республики. Текущий портфель суверенных кредитов АБР в Кыргызской Республике включает 17 кредитов и 24 гранта на сумму 947 млн долл. США [4].

АБР продолжит оказывать поддержку Кыргызской Республике в рамках своей Стратегии партнерства со страной (2023–2027 гг.), которая сосредоточена вокруг трех основных направлений: расширение экономических возможностей для всех, повышение устойчивости к изменению климата и стихийным бедствиям, укрепление управления и развитие частного сектора.

Для международных финансовых структур интерес могут представлять следующие направления:

1. *Модернизация дорожной и железнодорожной сети*. Среди приоритетных инфраструктурных проектов в этом направлении особое место занимает строительство железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан. В перспективе данная магистраль станет частью трансконтинентальной транспортной системы, соединяющей Китай, Центральную Азию, Ближний Восток, Турцию и Европу за счет соединения с транспортными артериями «Север – Юг» и ТРАСЕКА.

2. *Развитие мультимодальных перевозок, внедрение цифровых логистических решений и углубление интеграции в международные транспортные коридоры*. Власти намерены ввести не менее 1 млн м^2 современных складских и логистических комплексов, модернизировать мультимодальные терминалы, сухие порты и аэропорты. В дальнейшем предполагается использование транзитного потенциала страны для создания логистического центра электронной торговли между Китаем и странами Евразии.

3. *Совершенствование ирригационной инфраструктуры и повышение эффективности водопользования*. В условиях нарастающего дефицита водных ресурсов, наблюдаемого в Кыргызской Республике где на ирригацию тратится 93% всех запасов, модернизация оросительной инфраструктуры и переход к ресурсосберегающим технологиям полива являются ключевыми условиями обеспечения продовольственной и экологической безопасности.

4. *Расширение и диверсификация генерирующих мощностей за счет внедрения объектов возобновляемых источников энергии, включая малые и крупные гидроэлектростанции, солнечные и ветровые установки*. Параллельно планируется проведение тарифной реформы, нацеленной на достижение самоокупаемости энергосистемы к 2030 г. и последующий вывод ее на рентабельный уровень функционирования [5].

Реализация указанных направлений потребует серьезных финансовых вложений. Власти планируют привлекать гранты и льготные кредиты международных организаций, прямые инвестиции, а также использовать механизмы ГЧП. При этом успех будет зависеть не только от объема финансирования, но и от качества институциональной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Объем прямых иностранных инвестиций в Кыргызстан в 2024 году // Tazabek. – URL: https://www.tazabek.kg/news:2344880?from=portal&place=last (дата обращения: 27.05.2026).

2. Страны-инвесторы в экономику Кыргызстана в 2024 году // Tazabek. – URL: https://www.tazabek.kg/news:2344897?from=portal&place=imp-tazabek (дата обращения: 17.07.2026).

3. Kyrgyz Republic // World Bank. – URL: https://www.worldbank.org/ext/en/country/kyrgyzrepublic (date of access: 27.05.2026).

4. Kyrgyz Republic // Asian Development Bank. – URL: https://www.adb.org/where-we-work/kyrgyz-republic (date of access: 13.06.2026).

5. Макроэкономический обзор. Сентябрь 2025 // Евразийский банк развития. – URL: https://eabr.org/upload/iblock/a6c/EDB_Review_2025_09_f.pdf (дата обращения: 05.06.2026).

—— ◆ ——

КЛАССИФИКАЦИЯ ОСНОВНЫХ ПРОДУКТОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ГАРМОНИЗАЦИИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СФЕРЕ УСЛУГ И ЕЕ РОЛЬ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Шеверенко Е.О.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Классификация основных продуктов (Central Product Classification, CPC) представляет собой международный классификатор всех товаров и услуг, разработанный ООН для обеспечения международной сопоставимости статистических данных. Наиболее ранняя версия CPC – Предварительная классификация основных продуктов 1991 г. (P-CPC) – была использована в качестве источника секретариатом ГАТТ при подготовке Генерального соглашения о торговле услугами (ГАТС). По соглашениям ГАТС были подготовлены тексты, имеющие правовой статус и содержащие развернутые ссылки на CPC, представленные в ГАТС как Список отраслевой классификации услуг (MTN.GNS/W/120). Следует отметить, что CPC не является неотъемлемой частью ГАТС и имеет справочно-информационный статус, в связи с чем члены ВТО не обязаны использовать его при составлении Перечней

специфических обязательств. Тем не менее большинство государств придерживаются структуры документа W/120 и применяют коды CPC для идентификации секторального охвата обязательств, поскольку это повышает определенность в отношении фактического объема принятых обязательств как в рамках ВТО, так и в региональных торговых соглашениях по услугам (РТС-услуги).

Таким образом, перечень секторов, представленный в Р-CPC, не является исчерпывающим, что, с одной стороны, является его недостатком, а с другой – преимуществом, которое обеспечивает гибкость, допуская последующее расширение номенклатуры. В то же время члены ВТО, продолжая использовать W/120 в качестве эталонной классификации при текущих переговорах и составлении графиков обязательств, все чаще признают ее несоответствие современным рыночным реалиям, особенно в условиях стремительного технологического прогресса. Поэтому проблема идентификации отдельных секторов и подсекторов, связанная с появлением новых видов услуг, может быть решена путем обращения к более новым версиям CPC.

В части услуг последовательные редакции Классификации основных продуктов демонстрируют расширение и детализацию категорий, отражающих структурные сдвиги мировой экономики: от базового уровня коммерческих услуг (Р-CPC) через адаптацию к технологическому прогрессу в телекоммуникационных, финансовых и компьютерных услугах (версии 1.0, 1.1) до включения нематериальных активов, цифровых и финансовых продуктов, облачных вычислений, искусственного интеллекта, а также экологических услуг (версии 2.0, 2.1, 3.0). Преобразования затронули не только инновационные, но и традиционные сферы, в том числе строительные, транспортные, финансовые услуги, распределение коммунальных ресурсов, оптовую и розничную торговлю – структура каждого из разделов была постепенно детализирована в соответствии с потребностями статистического учета. Следовательно, каждая последующая версия CPC выступает инструментом статистического отражения перехода от индустриальной модели к экономике знаний и цифровой экономике, обеспечивая гармонизацию международных сопоставлений.

Выборочный анализ 23 РТС, заключенных в период с 2020 по 2025 гг. и включающих главу по услугам, свидетельствует о том, что договаривающиеся государства прибегают к использованию более актуальных версий CPC для определения уровня принятых обязательств при заключении РТС-услуги в случаях отсутствия в Р-CPC некоторых видов услуг, таких как: услуги оздоровительных кабинетов (97230) – CPC 1.0; вспомогательные услуги телефонистов (8593) – CPC 1.1/2; услуги аудиовизуальных и связанных с ними средств (9611-9615) – CPC 2/2.1 и др.

Для Республики Беларусь, активно вовлеченной в региональные экономические процессы, нормативное закрепление CPC содержится в основополагающих документах ЕАЭС (Протокол о торговле услугами), а перечни секторов ЕРУ ЕАЭС формируются с использованием детализированных кодов CPC. В рамках СНГ с 2024 г. действует Соглашение о свободной торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, в котором перечни специфических обязательств сторон также формируются на базе CPC. В рамках двустороннего сотрудничества в Соглашениях о торговле услугами и осуществлении инвестиций между Правительством Республики Беларусь и Правительством КНР, а также Правительством ОАЭ используется позитивный перечень открываемых секторов, идентификация которых осуществляется по кодам CPC. Кроме того, при переговорах по присоединению Беларуси к ВТО CPC также выступает классификационной основой для формирования обязательств в рамках ГАТС.

Таким образом, во внешнеэкономической политике Республики Беларусь CPC формирует единую методологическую базу для идентификации секторов услуг в различных интеграционных форматах. Это позволяет гармонизировать обязательства страны в рамках ЕАЭС, СНГ, двусторонних соглашений и унифицировать перечни изъятий и ограничений, защищая национальные экономические интересы. Повышение практической значимости CPC обусловлено углублением интеграционных процессов в рамках ЕАЭС (либерализация единого рынка услуг), внешнеэконо-

мическим курсом Республики Беларусь на заключение новых РТС-услуги и необходимостью адаптации обязательств к современным реалиям международной торговли. При этом для обеспечения сопоставимости взятых обязательств при вступлении Беларуси в ВТО и в рамках РТС-услуги, а также для обеспечения общего баланса взаимных обязательств Республики Беларусь и будущих партнеров по РТС-услуги целесообразно использовать версию Р-СРС в качестве базовой, прибегая в случае необходимости к наиболее актуальным версиям СРС для конкретизации принимаемых обязательств по доступу на рынок и РНБ в отдельных секторах услуг.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Шульгина О.С.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Цифровизация государственного управления – один из ключевых факторов повышения эффективности публичной администрации, снижения административных барьеров и улучшения качества жизни граждан. Республика Беларусь последовательно переводит формы взаимодействия граждан и бизнеса с государственными органами в онлайн-формат, минимизируя необходимость личного присутствия и ускоряя решение вопросов.

Расширяется использование национальной инфраструктуры электронного правительства. За последний год число пользователей единого портала электронных услуг «Е-паслуга» фактически удвоилось и к началу 2026 г. достигло 520 тыс. человек. Одновременно расширяется номенклатура доступных электронных услуг и административных процедур. Общее число доступных электронных услуг и административных процедур превысило 880 единиц, увеличившись в четыре раза по сравнению с предыдущими периодами (в 2022 г. – 232 единицы). Только в течение 2025 г. их перечень был расширен 119 административными процедурами и 26 электронными услугами. Объем оказанных через портал услуг вырос более чем в два раза: с 76 млн в 2022 г. до 172 млн единиц в 2025 г. Ежемесячно граждане и представители бизнеса получают свыше 12 млн электронных услуг.

Развивается инфраструктура электронного документооборота и цифровой идентификации: по состоянию на сентябрь 2026 г. к ней подключено более 16 тыс. абонентов, в основном государственных организаций, а также отдельных коммерческих структур для взаимодействия с госорганами. На сегодняшний день выдано более 3 млн сертификатов ЭЦП.

Электронное правительство переходит от цифровизации отдельных государственных услуг к платформенному подходу к их разработке и предоставлению. В 2025 г. на базе НЦЭУ создана тестовая среда («песочница») для сторонних разработчиков, позволяющая создавать электронные услуги на основе единой платформы; с участием внешних разработчиков в 2025 г. создано более 100 электронных услуг и административных процедур.

Формируются также отраслевые цифровые платформы. В 2026 г. в тестовом режиме запущен Портал здравоохранения Республики Беларусь с личным кабинетом пациента на базе централизованной информационной системы здравоохранения.

Закрепляется принцип «одного раза» (Once Only), предполагающий повторное использование государственными органами сведений, уже имеющихся в государственных информационных системах и реестрах, без необходимости их повторного представления гражданином.

Набирает обороты проактивное предоставление государственных услуг. В 2025 г. на портале «Е-паслуга» реализовано 11 проактивных сервисов, автоматически информирующих граждан о наступлении или приближении определенных событий и сроков, в том числе об истечении срока действия документов. Аналогичный подход применяется и в социальной сфере: после установления инвалидности пенсия по инвалидности назначается автоматически, без обращения гражданина.

Достигнутые результаты находят отражение и в международных оценках. В Индексе развития электронного правительства ООН (EGDI, 2024) страна находится на 77-м месте среди 193 государств, относясь к группе с высоким уровнем развития онлайн-услуг и телекоммуникационной инфраструктуры. По Индексу зрелости цифровых правительственных технологий Всемирного банка (GTMI, 2025) Беларусь вошла в группу A (высокий уровень), значительно улучшив показатели по сравнению с 2022 г. (группа C).

Вместе с тем электронная форма пока не охватывает все услуги, а степень их цифровизации остается неоднородной. Уровень использования отдельных цифровых каналов также различается: интернет для взаимодействия с государственными органами используют около 37,8% населения, мобильное приложение портала «Е-паслуга» – около 0,2%, ID-карты имеют около 5,7% граждан.

Институциональной основой развития цифрового государства на среднесрочную перспективу является Государственная программа «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 гг., предусматривающая формирование отечественной экосистемы цифровых решений для населения, бизнеса и государства на основе современной системы управления данными и соответствующей цифровой инфраструктуры. Перспективными направлениями являются:

- цифровизация жизненных ситуаций – переход от отдельных услуг к комплексным «пакетным» решениям, ориентированным на ключевые события жизни гражданина;
- переход от документов к данным – максимальное использование сведений из государственных реестров и цифровых копий документов вместо требования бумажных справок;
- развитие единой системы цифровой идентификации – расширение охвата населения ID-картами, внедрение биометрических технологий и укрепление роли ЭЦП как универсального инструмента доступа ко всем госуслугам;
- интеграция государственных информационных систем, реестров и цифровых платформ для обмена данными между госорганами в режиме реального времени;
- повышение цифровой грамотности населения – реализация образовательных программ, направленных на формирование навыков работы с цифровыми сервисами и преодоление психологических барьеров у старшего поколения.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ЦИФРОВИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Щепов В.А.,

кандидат экономических наук, доцент,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

Перед органами государственной власти в современных условиях стоит сложная и важная задача – использовать потенциал современных цифровых технологий для повышения эффективности управления экономикой. Эта задача, с одной стороны, имеет под собой конституционную и институциональную основу. Так, в статье 13 Конституции Республики Беларусь определено, что «государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества; обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях»[1]. Пунктом 4 Директивы Президента Республики Беларусь от 2 апреля 2025 г. № 11 установлено, что необходимо «обеспечить поэтапное развитие и внедрение в практическую деятельность современных цифровых технологий для дальнейшего совершенствования деятельности в сфере государственного управления», а пунктом 5 определено, что «для дальнейшей дебюрократизации деятельности государственных органов и государственных организаций» необходимо «активи-

[1] Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2024 г. и 27 февр. 2022 г. – Мн. : Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь, 2024. – 109 с.

зировать работу по цифровизации и упрощению всех административных, управленческих процессов и взаимодействие государственных органов с юридическими лицами и гражданами»[2].

Кроме того, за последнее десятилетие многократно расширились возможности государственных органов по сбору, обработке и использованию данных при выработке, принятии и реализации решений, в первую очередь за счет применения передовых цифровых технологий. Это расширение чрезвычайно важно в сфере управления экономическими процессами, отличающимися сложностью, динамичностью и высокими требованиями к качеству принимаемых решений и их реализации [1].

Сегодня заложен институциональный базис для расширения использования цифровых технологий в управлении экономикой: приняты и реализуются нормативные правовые акты и программные документы различного уровня, развивается базовая технологическая и управленческая инфраструктура (включая инфраструктуру управления данными), ведется подготовка кадров для цифровой экономики и цифрового развития, в том числе в системе государственного управления.

В то же время остается актуальной выработка институциональных подходов к цифровизации управления экономикой в Республике Беларусь, которые должны быть направлены на:

1) разработку, принятие и корректировку нормативных правовых актов, регулирующих важнейшие аспекты применения цифровых технологий в сфере управления экономикой (в контексте развития цифрового права)[3].

По нашему мнению, к важнейшим сферам правового регулирования в этом контексте необходимо отнести:

- использование искусственного интеллекта в системах поддержки принятия и реализации решений в сфере управления экономикой;
- вопросы разработки и масштабирования, а также передачи прав на использование цифровых платформ и продуктов, разработанных полностью или частично за счет средств бюджета, инновационных фондов, средств государственных организаций;
- вопросы управления государственными данными, собираемыми и систематизируемыми в рамках государственных информационных систем и ресурсов, в части их интенсивного и эффективного использования;
- вопросы защиты и предотвращения утечек государственных, персональных данных, служебной, коммерческой и иной информации ограниченного распространения, в том числе и при использовании технологий искусственного интеллекта;

2) стимулирование развития как базовой инфраструктуры использования цифровых технологий в управлении экономикой, так и внедрения этих технологий в процессы управления. На наш взгляд, необходимо развивать в этой сфере отношения государственно-частного партнерства, позволяющие втягивать частные инвестиции для разработки цифровых продуктов и сервисов, в том числе в интересах государственных органов и организаций.

Перспективными направлениями государственно-частного партнерства могут являться развитие государственной цифровой платформы «Умный город (регион)», а также реализация мероприятий в рамках подпрограммы «Экономика данных» Государственной программы «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы[4].

[2] О совершенствовании функционирования системы органов власти и управления, усилении исполнительской дисциплины : Директива Президента Респ. Беларусь от 2 апр. 2025 г. № 11 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.09.2026).

[3] О рекомендациях по итогам парламентских слушаний на тему «Развитие цифрового права в Республике Беларусь» : постановление Палаты представителей Национального собр. Респ. Беларусь от 10 янв. 2025 г. №141-П8/II // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.09.2026).

[4] О Государственной программе «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 дек. 2025 г. №793 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.09.2026).

ЛИТЕРАТУРА

1. Щепов, В. А. Концептуальные вопросы цифровизации в сфере государственного управления экономикой / В. А. Щепов // Государственное регулирование экономики и повышение эффективности субъектов хозяйствования : сб. науч. ст. XIX Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. С. А. Пелиха, 16 апр. 2026 г., г. Минск / редкол.: И. А. Старовойтова [и др.]. – Мн. : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2026. – С. 405–411.

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ЭКСПОРТА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Яковенко Н.А.,

доктор экономических наук, доцент,
Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение
Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального
исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук»,
г. Саратов, Российская Федерация

Активное участие России в мировом разделении и кооперации труда способствует росту производства за счет увеличения объемов экспорта и расширения рынков сбыта, повышению конкурентоспособности национальных товаров, создает возможности для привлечения иностранных инвестиций и создания новых рабочих мест. Высокая степень вовлеченности России в глобальную экономическую систему, углубление внешнеэкономической деятельности усиливают зависимость национальной экономики от внешних факторов. Интенсивность их влияния на развитие отдельных продуктовых цепочек определяется уровнем интеграции в международные цепочки создания ценности, открытостью отдельных сегментов рынка, наличием экспортного потенциала национальной экономики.

В результате исследования выявлены высокие адаптационные возможности российского агропродовольственного комплекса к волатильности мирового продовольственного рынка и новых глобальных вызовов. По предварительным данным Минсельхоза РФ, экспорт сельскохозяйственной продукции и продовольствия России в 2025 г. составил около 80 млн т на сумму 41,5 млрд долл., в том числе 19 млрд долл. приходится на экспорт продукции с высокой добавленной стоимостью. Национальные производители сохраняют лидирующие позиции на традиционных сегментах продовольственного рынка, к которым относятся зерновые и зернобобовые культуры, масложировая продукция, рыба и морепродукты. На рынке зерновых и зернобобовых культур Россия укрепила свои позиции, заняв в 2025 г. первое место по экспорту пшеницы, третье место по экспорту ржи, четвертое место по экспорту ячменя и шестое – по экспорту кукурузы. Российский агропродовольственный комплекс не только преодолел структурные шоки последних лет, но и нашел новые устойчивые точки роста. В последние годы наблюдается увеличение экспорта мясных и молочных продуктов. Реализация стратегии глубокой переработки, развитие производственной инфраструктуры, перестройка логистики, географическая диверсификация агропродовольственного экспорта позволили укрепить позиции российских производителей на сегментах продукции с высокой добавленной стоимостью [1].

Начало периода 2014–2024 гг. можно характеризовать как адаптацию к внешнеэкономическим изменениям российского агропродовольственного комплекса. Отмечается замедление темпов прироста и снижение диверсификации агропродовольственного экспорта (рис.). Государство, с одной стороны, решало проблему национальной безопасности, включая технологический суверенитет, продовольственную независимость. С другой стороны, достижение целей экономического роста агропродовольственного комплекса в условиях насыщения внутреннего спроса возможно за счет расширения присутствия на внешних рынках. Последнее десятилетие показывает потенциал роста только в расшивке узких мест.

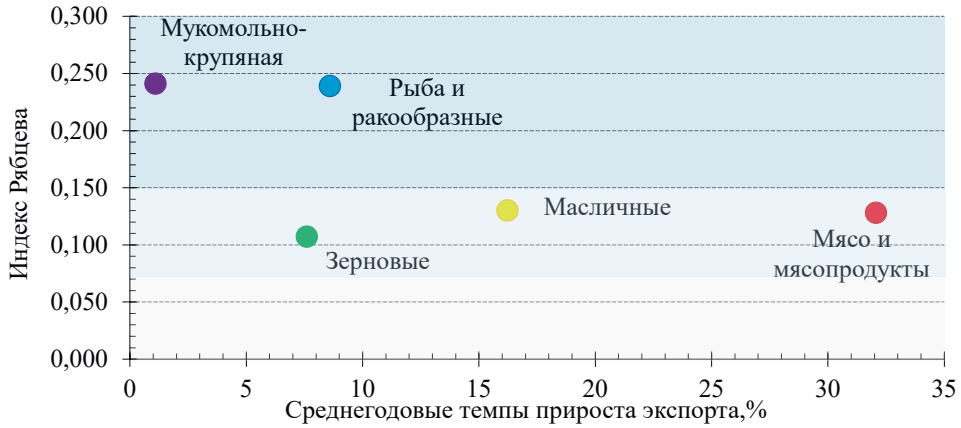

Рис. Позиционирование продуктовых цепочек агропродовольственного комплекса России на мировом продовольственном рынке в 2014–2024 гг.

Примечание. По горизонтали – среднегодовые темпы прироста экспорта; по вертикали – уровень структурных изменений по индексу Рябцева.

Источник: составлено на основе данных проекта Азиатского банка развития (ADB A53 Multiregional Input-Output Tables 2014–2024). – URL: https://www.adb.org.

Отмечается реализация различных стратегий в зависимости от особенностей функционирования продуктовых цепочек. После существенных изменений внешнеэкономических условий на глобальном продовольственном рынке стабилизировалась структура экспорта в мясопродуктовой и масложировой цепочках, но сохраняются высокие темпы роста объемов экспорта. Снизились среднегодовые темпы прироста экспорта зерновых культур, что связано с внешнеторговыми ограничениями. Зерновые культуры представляют стратегический продукт, обеспечивающий продовольственную безопасность страны. Меры государственного воздействия были направлены на оптимизацию потребления и вывоза зерна для стабилизации внутреннего спроса и цен после введения санкций. В мукомольно-крупяной и рыбопродуктовой цепочках сохраняются стратегии, ориентированные на расширение ассортимента экспортируемой продукции [2]. Формирование новых экспортных стратегий российскими производителями, целевая государственная поддержка агропродовольственного экспорта позволили сохранить положительные тенденции в развитии внешней торговли.

Российский агропродовольственный комплекс демонстрирует высокую устойчивость и адаптивность к новым вызовам и рискам. Сохраняется положительная динамика агропродовольственного экспорта, наблюдается диверсификация внешней торговли и постепенный рост экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью. Перспективы выхода на внешние рынки стимулируют товаропроизводителей повышать эффективность производства, качество сельскохозяйственной продукции и продовольствия, конкурентоспособность для укрепления внутренней ресурсной базы экономической безопасности страны. Доходы от экспорта позволяют модернизировать аграрный сектор экономики, внедрять инновационные технологии, расширять производственные мощности, развивать инфраструктуру.

Успешная реализация экспортно ориентированной модели развития агропродовольственного комплекса зависит от конъюнктуры мирового продовольственного рынка, степени его открытости и предсказуемости, торговых барьеров входа на отдельные его сегменты. Экспортный потенциал необходимо реализовывать с учетом национальных приоритетов продовольственной безопасности страны.

Стратегии развития продуктовых цепочек агропродовольственного комплекса, ориентированные на экспорт, требуют системного подхода и учета особенностей формирования и функционирования цепочек, стабильности национального регулирования внешнеэкономических связей. Методы государственного регулирования экспорта сельскохозяйственной продукции и

продовольствия должны учитывать накопленный негативный эффект от дестабилизирующих факторов и воздействие совокупности взаимосвязанных вызовов, влияющих на развитие агропродовольственного комплекса России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аграрный суверенитет в действии: Россия уверенно наращивает экспорт АПК, возвращая статус нетто-экспортера // Молочнаяферма.рф. – URL: https://xn--80aaowedegbx6b7a3h.xn--p1ai/news/agrarnyy-suverenitet-v-deystvii-rossiya-uverenno-narashchivaet-eksport-apk-vozvrashchaya-status-nett/ (дата обращения: 15.08.2026).

2. Яковенко, Н. А. Особенности реализации экспортной стратегии в продуктовых цепочках агропродовольственного комплекса России / Н. А. Яковенко, И. С. Иваненко, А. С. Воронов // Продовольственная политика и безопасность. – 2026. – Т. 13, № 3. – DOI: 10.18334/ppib.13.3.126259.

ОПЫТ ЕС ПО ВЕДЕНИЮ РЕЕСТРОВ СУБЪЕКТОВ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Якубук Ю.П.,

кандидат экономических наук, доцент,
БелНИИТ «Транстехника», г. Минск

В настоящее время в Республике Беларусь рассматривается возможность введения Единого реестра экспедиторов, который будет содержать сведения о всех экспедиторах, зарегистрированных на территории страны. Публичное обсуждение соответствующего проекта Указа Президента Республики Беларусь было проведено в марте 2026 г. на сайте «Правовой форум Беларуси». С 1 марта 2026 г. Единый реестр экспедиторов функционирует в Российской Федерации.

Единые государственные реестры хозяйствующих субъектов – относительно новое явление, обусловленное распространением новых информационных технологий и технологий Big Data. Каждый год в мире и в странах ЕАЭС появляются новые реестры субъектов хозяйствования [1].

В этой связи представляет интерес опыт различных стран по введению реестров субъектов хозяйствования, осуществляющих транспортно-логистическую деятельность. Одна из наиболее развитых систем цифрового контроля данной сферы представлена в Европейском союзе.

Основным реестром субъектов транспортно-логистической деятельности, охватывающим все страны ЕС, является Европейский реестр операторов грузовых автомобильных перевозок (ERRU), позволяющий государствам-членам обмениваться информацией о предприятиях автомобильного транспорта. Некоторые данные из реестра являются общедоступными, в то время как доступ к другим данным может быть предоставлен только компетентным органам по запросу. К общедоступным данным относятся название и юридическая форма предприятия, адрес его учреждения, данные о руководителях, тип разрешения, количество транспортных средств, лицензия. Данные по запросу включают информацию о нарушениях правил осуществления перевозок водителем и транспортной организацией; количестве занятых на предприятии, рейтинге риска предприятия, регистрационных номерах транспортных средств и стране регистрации [2].

Операторы автомобильных перевозок должны иметь общеевропейскую транспортную лицензию, выданную одним из государств-членов ЕС, для получения которой требуется соответствовать четырем критериям:

- деловой репутации (гарантировать соблюдение законодательства и норм предпринимательской деятельности);
- финансовой устойчивости (иметь в наличии основные средства в размере не менее 9000 евро для первого транспортного средства и 5000 евро для каждого последующего);
- профессиональной компетентности (подтверждается сдачей обязательных экзаменов по общепринятым правилам и выдачей сертификата);

- наличия представительства в государстве-члене ЕС [3].

Все правонарушения транспортных организаций (нарушения правил в отношении режима труда и отдыха водителя, веса и габаритов транспортных средств, скоростного режима, компетентности водителей, перевозки опасных грузов и пр.) оцениваются по степени серьезности, и за каждое нарушение начисляется определенное количество штрафных баллов. Когда сумма штрафных баллов превышает пороговое значение, деятельность организации может быть приостановлена. Штрафные баллы сохраняются в системе ERRU в течение 2-х лет, по истечении которых срок их действия аннулируется.

Таким образом, каждая страна ЕС имеет национальный реестр автомобильных перевозчиков, интегрированный с ERRU. Иначе выглядит ситуация с реестрами экспедиторов. Поскольку общеевропейских требований по ведению данных реестров не установлено, каждая страна ЕС самостоятельно решает, вводить ли такой реестр и какие требования предъявить к экспедиторам.

Национальный реестр транспортных экспедиторов ведется во Франции. Статус экспедитора регулируется специальными положениями Транспортного кодекса (статьи L1411-1 и далее), которые включают обязательную регистрацию в реестре экспедиторов и соблюдение требований к профессиональной компетентности, в частности:

1) наличие диплома о высшем образовании, подтверждающего юридическую, экономическую, бухгалтерскую, коммерческую или техническую подготовку, или диплома об образовании в области транспортной деятельности;

2) признание профессиональной квалификации, приобретенной в странах ЕС;

3) требования к финансовой состоятельности;

4) профессиональная добросовестность (отсутствие судимости или иных правонарушений для руководителей экспедиторской организации) [4].

Реестры экспедиторов ведутся в Италии. На региональном уровне через региональные торгово-промышленные палаты организован прием документов для включения в реестр. Предусмотрены следующие требования для экспедиторов:

- требования к деловой репутации: отсутствие связи с криминальными структурами;
- профессиональные требования к руководителям предприятия: опыт фактической работы в течение двух лет в экспедиторской компании, зарегистрированной в любом межпровинциальном реестре экспедиторов; наличие квалификации;
- требования к финансовой устойчивости организации: если размер уставного капитала меньше 100 тыс. евро, необходимо обеспечить дополнительные гарантии в пределах этого лимита (поручительства, выданные страховыми компаниями или кредитными учреждениями) [5].

Таким образом, ведение реестров субъектов транспортно-логистической деятельности осуществляется как на уровне ЕС, так и на национальном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якубук, Ю. П. Реестры хозяйствующих субъектов как инструмент государственного регулирования сферы услуг / Ю. П. Якубук // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2026. – № 4. – С. 45–54.

2. CORTE: How to Implement ERRU in 3 Steps. – 2024. – 12 Dec. – URL: https://www.corte.be/images/HOW2/CORTE_HOW_TO_5_Implement_ERRU_in_3_Steps_Final_v_1.pdf (date of access: 11.09.2026).

3. Rules governing access to the profession // European Commission. – 2011. – 4 Dec. – URL: https://transport.ec.europa.eu/transport-modes/road/rules-governing-access-profession_en (date of access: 11.09.2026).

4. Code des transports // Légifrance. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000023086525/LEGISCTA000023069591/#LEGISCTA000023085441 (date of access: 11.09.2026).

5. Inizio attività spedizioniere // Camera di Commercio di Genova. – 2019. – 25 Febbr. – URL: https://www.ge.camcom.gov.it/it/avvia/albi-ruoli-ed-elenchi/spedizionieri-1/spedizionieri-inizio-attivita (date of access: 11.09.2026).

DIVERSIFICATION OF SUPPLY SOURCES IN BELARUSIAN NATIONAL VALUE CHAINS AS A TOOL OF EXTERNAL ECONOMIC POLICY

Chen H.,

Belarusian State University, Minsk

For a small open economy, resilience depends not only on the volume of domestic production but also on whether critical production links can continue to function when established external channels are disrupted. Recent supply shocks have shown that simple shortening of value chains does not automatically reduce risk; diversification, substitutability and the structure of inter-firm connections matter at least as much [1]. For Belarus, this problem is especially important because manufacturing combines a substantial domestic production base with dependence on imported raw materials, components, equipment and technologies.

A national value chain can therefore be interpreted as a system of domestic productive capabilities embedded in regional and international networks. Its policy function is not comprehensive import substitution, but the preservation of options for maintaining or rapidly rebuilding critical stages of production. This requires distinguishing three issues: the criticality of an imported input, the technical and economic feasibility of substitution, and the independence of alternative supply routes. A nominally new supplier does not increase resilience if it relies on the same upstream technology, settlement channel or logistics corridor.

The concentration of intermediate-goods import sources provides a useful first-stage diagnostic. Based on World Bank WITS partner data, the Herfindahl-Hirschman Index (HHI) for Belarusian intermediate-goods imports increased from 2359.87 in 2014 to 3554.79 in 2021. The path was not linear: concentration eased in 2019-2020 and then rose sharply in 2021 (Figure).

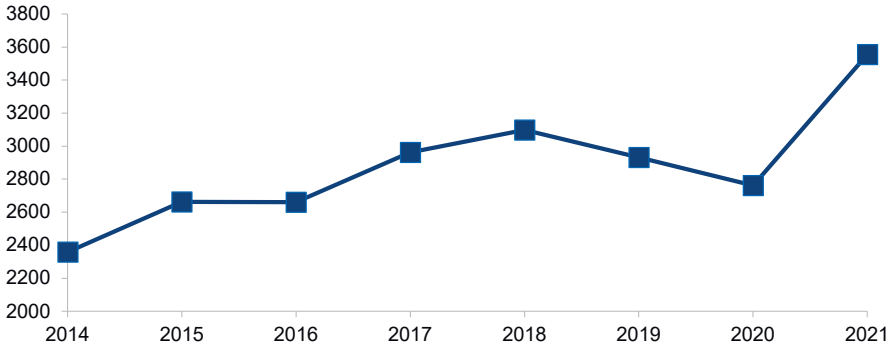

Figure. Concentration of Belarusian intermediate-goods import sources, HHI, 2014–2021

Source: authors' calculations based on World Bank WITS data[1].

The indicator should not be treated as a direct measure of resilience. A high HHI may be manageable if firms have inventories, qualified substitutes and alternative transport routes, whereas a lower HHI may conceal common technological or logistical dependencies. The policy value of concentration measures therefore lies in screening: they help identify product groups that require deeper analysis of criticality and substitution.

Regional cooperation within the EAEU can partly offset the scale constraints of the Belarusian market. Research on regional value chains shows that industrial cooperation and trade in intermediate goods can strengthen integration and create additional production links [2]. At the same time, regionalization is beneficial for resilience only when it expands the number of operationally independent options. If new capacity is concentrated around one dominant partner or one technological architecture, short-term continuity may improve while structural dependence deepens.

For external economic policy, this implies a selective rather than universal diversification strategy. First, authorities and anchor enterprises should identify critical imported functions at product level rather than classify

[1] World Bank. World Integrated Trade Solution (WITS). Belarus import partner data. – URL: https://wits.worldbank.org/ (date of access: 05.09.2026).

whole industries as vulnerable. Second, potential substitutes should be assessed by technical compatibility, qualification time, financing, transport accessibility and lifecycle cost. Third, each additional supplier or route should be tested for common-mode dependence. These principles are consistent with the broader supply-chain resilience approach, which emphasizes balancing vulnerabilities with adaptive capabilities [3].

The practical result is a three-layer policy model: domestic capability for functions where localization is economically justified; EAEU cooperation where regional scale creates genuine redundancy; and independent third-country channels for inputs and routes whose concentration would otherwise create a single point of failure. Such a model preserves openness while increasing the number of feasible production pathways. For Belarus, this is a more realistic resilience objective than maximizing domestic content as an end.

REFERENCES

1. Baldwin, R. Risks and global supply chains: what we know and what we need to know / R. Baldwin, R. Freeman // Annual Review of Economics. – 2022. – Vol. 14. – P. 153–180. – DOI: 10.1146/annurev-economics-051420-113737.

2. Абрамов, В. Л. Региональные цепочки стоимости как механизм укрепления торговой интеграции в ЕАЭС / В. Л. Абрамов, А. Д. Васильченко // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2025. – № 2. – С. 144–166. – DOI: 10.52180/2073-6487_2025_2_144_166.

3. Pettit, T. J. Ensuring supply chain resilience: development of a conceptual framework / T. J. Pettit, J. Fiksel, K. L. Croxton // Journal of Business Logistics. – 2010. – Vol. 31, No. 1. – P. 1–21. – DOI: 10.1002/j.2158-1592.2010.tb00125.x.

A THREE-DIMENSIONAL CONCEPTUAL MODEL OF CHINA'S ECONOMIC SECURITY: VULNERABILITY, RESILIENCE, AND STRATEGIC SOVEREIGNTY

Ning J.,

Belarusian National Technical University, Minsk

Profound changes in the global economic landscape of the 21st century – technological decoupling, financial sanctions, supply chain restructuring, and climate change – have elevated economic security from a policy issue to a frontier field of academic research. However, existing theories exhibit two limitations in analyzing China's economic security. The Western approach takes "market efficiency" and "threat–response" as its default paradigm, confining the role of the state to that of a corrector of market failures [1, p. 21–25; 2, p. 10–15]. The Chinese approach, although it has accumulated rich results in policy interpretation and indicator analysis, has yet to form a unified theoretical framework capable of integrating the three links of "threat identification – capacity assessment – institutional guarantee."

Grounded in the institutional characteristics of China's socialist market economy, this paper proposes a three-dimensional conceptual model of "vulnerability – resilience – strategic sovereignty."

The vulnerability dimension performs a diagnostic function, identifying the degree of exposure and sensitivity of the economic system to external shocks. Its sources include external dependence vulnerability (import dependence on technology, energy, and critical minerals), internal structural vulnerability (debt levels, overcapacity, and regional disparities), and institutional vulnerability (deficiencies in security risk identification and response mechanisms).

The resilience dimension performs an assessment function, measuring the system's capacity to maintain its core functions and recover rapidly amid shocks. Its sources include absorptive capacity (whether foreign exchange reserves are sufficient to cover short-term external debt), adaptive capacity (whether industrial chains can be rapidly reorganized), and transformative capacity (the "dual circulation" strategy being precisely an institutional arrangement for transitioning from "dependence on external demand" to "domestic demand-driven growth"). Vulnerability and resilience constitute a core contestation [3, p. 14–17]: high

vulnerability combined with low resilience signifies a security crisis; low vulnerability combined with high resilience represents the ideal objective; high vulnerability combined with high resilience constitutes a "precarious balance" that can easily be overturned by unexpected shocks.

The strategic sovereignty dimension performs a resolution function, fundamentally reducing structural dependence through institutional arrangements. It encompasses four key domains: technological sovereignty (independent innovation and the controllability of core technologies), financial sovereignty (independent cross-border payment systems and financial infrastructure), resource sovereignty (independent guarantees for energy and critical minerals), and regulatory sovereignty (standard-setting power and discursive power in global economic governance). Strategic sovereignty represents an institutionalized upgrade of resilience accumulation [4, p. 15–18; 5, p. 140–142] – resilience is "passive adaptation" after a shock occurs; strategic sovereignty is "active shaping" before a shock occurs.

The interaction mechanism of the three dimensions constitutes the dynamic operational logic of the model: external shocks expose systemic vulnerabilities, the system mobilizes resilience resources to respond to the shocks, strategic sovereignty construction proceeds on the basis of accumulated resilience, and the effects of strategic sovereignty reshaping enter the next cycle through a feedback mechanism.

The innovativeness of this model is manifested at three levels. First, innovation in conceptual integration – for the first time, the three concepts of vulnerability, resilience, and strategic sovereignty, scattered across different academic lineages, are integrated into a unified analytical framework and endowed with clear logical relationships and interaction mechanisms. Second, innovation in paradigm shift – moving from "threat–response" to "structure–capacity," upgrading economic security analysis from "passive defense" to "active construction." Third, innovation in contextualized theory – the institutional characteristics of China's socialist market economy (the active role of the state, the patient capital function of the public ownership economy, and the mission embeddedness mechanism of the strategic planning system) are incorporated into the analytical framework, so that the model possesses both general theoretical orientation and concrete institutional foundations.

It should be noted that this model belongs, in terms of its academic lineage, to the tradition of political economy and institutional analysis, rather than to the market equilibrium analysis tradition of neoclassical economics. This methodological choice is rooted in the nature of the research object: economic security itself is not a pure issue of market efficiency, but a political-economic issue involving state capacity, institutional arrangements, and power relations.

This model does not pursue "zero vulnerability" – something that is neither theoretically realistic nor practically feasible in an interdependent global economic system. The objective of the model is to contain vulnerability within acceptable limits: vulnerability diagnosis identifies "which dependencies are unacceptable," resilience assessment judges "whether there is the capacity to withstand the consequences of those dependencies being severed," and strategic sovereignty construction ensures "institutionalized autonomous safeguards in key domains."

REFERENCES

1. Mazzucato, M. The Entrepreneurial State: Debunking Public vs. Private Sector Myths / M. Mazzucato. – London: Anthem Press, 2013.

2. Evans, P. Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation / P. Evans. – Princeton: Princeton University Press, 1995.

3. Holling, C.S. 'Resilience and stability of ecological systems' / C.S. Holling // Annual Review of Ecology and Systematics. – 1973.– 4.– P. 1–23.

4. Hirschman, A.O. National Power and the Structure of Foreign Trade, Berkeley / A.O. Hirschman. – University of California Press, 1945.

5. Kornai, J. Economics of Shortage / J. Kornai. – Amsterdam: North-Holland, 1980.

STATE REGULATION OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY FOR SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN CHINA AND ITS VALUE FOR DEVELOPING COUNTRIES

Zhang Q.,

Belarusian National Technical University, Minsk

Corporate social responsibility (CSR) has evolved from a voluntary practice into a field actively shaped by state regulation. This paper examines how China aligns corporate behaviour with sustainable development through state-induced mechanisms, focusing on green credit policy. Drawing on institutional theory and the resource-based view, it argues that well-designed regulatory and incentive mechanisms can internalise environmental and social externalities without sacrificing economic growth. Empirical evidence from China and the European Union illustrates that state intervention, combined with market-based instruments, cultivates non-financial resources within firms and strengthens national economic resilience.

Unregulated markets tend to overlook negative externalities, leading to environmental degradation and social inequality. To address this, governments increasingly adopt state-induced CSR models, in which public policy shapes corporate conduct to achieve macroeconomic stability and social equity [1].

Institutional theory holds that organisations must conform to the rules of their environment to acquire legitimacy. When the state mandates CSR practices, compliance becomes a licence to operate. The resource-based view extends this logic to the macro level: government incentives help firms develop VRIN resources valuable, rare, inimitable, and non-substitutable such as a green reputation or high-quality labour relations [2]. Thus, state-induced mechanisms do not suppress market dynamics; they redirect them toward higher-order capabilities within the national economy.

China offers a revealing case. The Green Credit Guidelines, introduced in 2012, internalise firms' environmental risks into loan channels: polluting enterprises face restricted credit access, while environmentally responsible ones enjoy lower financing costs. A quasi-natural experiment based on China's Guidelines from 2009 to 2022 finds that they significantly boost the ESG performance of environmentally friendly enterprises, with R&D investment as a mediating channel [3]. The scale is substantial: at the end of 2023, China's green loans stood at 30.08 trillion yuan, growing by 36.5 % year on year [4].

Complementing incentives, the EU's Corporate Sustainability Reporting Directive (Directive (EU) 2022/2464), in force since 2023, mandates auditable sustainability disclosure and reduces information asymmetry [5]. China has committed to peaking carbon dioxide emissions before 2030 and achieving carbon neutrality before 2060, turning a perceived constraint on GDP growth into a new engine of economic expansion.

However, over-reliance on mandates may produce symbolic compliance, and excessive burdens can constrain small firms. Evidence from Chinese listed companies shows that green credit policies cause a temporary decline in overall CSR performance among high-risk firms during the initial transformation phase, as resource reallocation prioritises environmental governance [6]. This points to a hybrid model: the state sets boundaries and incentives, while the market determines the most efficient path to compliance.

For developing countries, four lessons are transferable. First, green credit can reorient investment at national scale when backed by credible state commitment, as China's 30-trillion-yuan portfolio demonstrates. Second, mandatory sustainability reporting, as exemplified by Directive (EU) 2022/2464, enhances transparency and should be introduced in phases, starting with large public-interest entities [5]. Third, incentive structures should cultivate durable, hard-to-imitate resources rather than focusing on short-term emission cuts [2]. Fourth, the transitional costs observed in China call for combining credit incentives with technical assistance for constrained firms [3]. A balanced mix of regulatory mandates, fiscal incentives, and digital monitoring offers a pragmatic template for sustainable development in the twenty-first century.

REFERENCES

1. Porter, M.E. Strategy and Society: The Link Between Competitive Advantage and Corporate Social Responsibility / M.E. Porter, M.R. Kramer // Harvard Business Review. – 2006. – Vol. 84, No 12. – P. 78 – 92.

2. Xu, S. How Does Green Credit Guidelines Affect Environmentally Friendly Enterprises' ESG? A Quasi-Natural Experiment from China / S. Xu, J. Yang, R. Li // PLOS ONE. – 2024. – Vol. 19, No 5. – P. 1–18.

3. Zhang, Y. The Impact of Green Credit Policies on Corporate Social Responsibility Fulfillment / Y. Zhang, W. Qiang // Chinese Journal of Management Science. – 2026. – Vol. 34, No 4. – P. 13–21.

4. People's Bank of China. China Financial Stability Report 2023. – Beijing: China Financial Publishing House, 2023. – 175 p.

5. Directive 2022/2464 of the European Parliament and of the Council amending Regulation (EU) No 537/2014, Directive 2004/109/EC, Directive 2006/43/EC and Directive 2013/34/EU, as regards corporate sustainability reporting // Official Journal of the European Union. – 2022. – L 322. – P. 15–80.

6. Guo, L. Stopgap or Sustainable Strategy / L. Guo, Y. Ding, D. Li // Sustainability Accounting, Management and Policy Journal. – 2025. – Vol. 16, No 5. – P. 1303 – 1330.

СЕКЦИЯ 2

Человеческий потенциал и сфера услуг

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ

Алексеева Е.А.,

кандидат экономических наук, доцент,
Витебский государственный технологический университет, г. Витебск

Актуальность оценки производительной занятости обусловлена радикальными изменениями глобального и национальных рынков труда, связанными с цифровизацией экономики и сменой технологических укладов, а также необходимостью обеспечения социальной защиты и интересов населения в условиях такого перехода. В современных условиях занятость рассматривается не столько как отсутствие безработицы, а как условие благополучия общества с учетом качества рабочих мест, экономической отдачи и социальной защищенности работников.

Понятие «производительная занятость» как официальный международный социально-экономический стандарт и цель государственной политики было введено Международной организацией труда (МОТ) в 1964 году и связано с принятием Конвенции МОТ № 122 «О политике в области занятости», однако его теоретическая база формировалась представителями разных научных школ (табл.).

Концептуальные основы гуманизации экономики заложил А. Сен, перенесший фокус внимания с количественных показателей (таких как ВВП и экономический рост) на качество жизни, свободу и развитие человеческого потенциала [1]. Теоретические идеи А. Сена и Махбуба уль-Хака легли в основу создания Индекса человеческого развития (ИЧР), который ООН использует с 1990 года в качестве главного показателя прогресса стран, включающего три компонента: долголетие; образование (уровень грамотности и средняя продолжительность обучения); уровень жизни (ВНД на душу населения по паритету покупательской способности)[1].

Д. Стиглиц также подвергал критике ВВП как универсальный показатель экономического роста, доказывая необходимость учета качества рабочей силы, неравенства и социальной защищенности при оценке экономического прогресса [2].

Таблица

Эволюция подходов к понятию и оценке производительной занятости

Подход	Представители	Характеристика	Показатели
Классическая политическая экономия	А. Смит, Д. Рикардо, Ж.-Б. Сэй, К. Маркс и др.	Разделение труда на производительный (создающий материальные блага, добавленную стоимость и капитал) и непроизводительный (сфера услуг, чиновничество)	Динамика численности населения, рыночная ставка заработной платы, фонд заработной платы, доля населения, занятого производительным трудом
Кейнсианская теория	Д. М. Кейнс, П. Самуэльсон, У. Филлипс, Д. Хикс и др.	Занятость зависит от совокупного спроса в экономике; понятие вынужденной безработицы; совокупная заработная плата как главный источник платежеспособного спроса	Эффективный спрос, вынужденная безработица, мультипликатор занятости и дохода
Теория человеческого капитала	Т. Шульц, Г. Беккер, Д. Минсер	Производительная занятость определяется капитализацией способностей индивида в добавленную стоимость и высокий доход	Внутренняя норма отдачи от инвестиций в образование, продолжительность трудового стажа, альтернативные издержки, дифференциал заработной платы
Неоклассическая теория рынка труда	А. Маршалл, Д. Б. Кларк, А. Пигу и др.	Производительная занятость рассматривается как результат эффективного взаимодействия спроса и предложения труда, при котором труд используется оптимально, а его предельная продуктивность соответствует уровню оплаты	Предельный продукт труда в денежном выражении, реальная заработная плата, предельная полезность досуга и предельная тягость труда, естественный уровень безработицы

[1] Human Development Report. – URL: https://hdr.undp.org/.

Окончание табл.

Подход	Представители	Характеристика	Показатели
Институцио-нальный подход	Т. Веблен, Д. Р. Коммонс, У. К. Митчелл	Рассматривает производительную занятость как результат функционирования формальных и неформальных институтов, регулирующих рынок труда, с акцентом на качестве занятости при соблюдении институциональных стандартов и социальных гарантий	Уровень охвата коллективными договорами, индекс защиты занятости, доля первичного и вторичного секторов, минимальный размер оплаты труда, доля неформальной (теневой) занятости
Концепция эффективной занятости	Б.Г. Збыковский, Р.П. Колосова, Т.О. Разумова	Разграничивает понятия «полная» (количественная) и «эффективная» (качественная, экономически целесообразная) занятость	Производительность труда, показатель материальной отдачи, профессионально-квалификационное соответствие, отраслевая структура занятости, удельный вес неформальной занятости и др.
Концепция достойного труда	Специалисты МОТ	Занятость должна быть не только продуктивной, но и обеспечивать достойный доход, безопасность и социальную защиту	4 группы показателей: экономические, социальные, правовые, экологические

Источник: составлено автором на основе [3, 4].

В парадигме Целей устойчивого развития (ЦУР) производительная занятость неразрывно связана с концепцией достойного труда (Decent Work), являющейся логическим продолжением усилий ученых-экономистов по гуманизации труда. В 1999 году Х. Сомавия сформулировал четыре стратегические цели: продвижение прав в сфере труда, занятость, социальная защита и социальный диалог, что послужило основой для формулирования ЦУР 8: «Достойная работа и экономический рост»[2]. Г. Райдер развил идеи МОТ в эпоху цифровизации, сделав упор на инклюзивность рынка труда и защиту уязвимых групп (включая борьбу с молодежной безработицей)[3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сен, А. Развитие как свобода: [пер. с англ.] / А. Сен ; под ред. и с предисл. Р. М. Нуреева. – М.: Новое издательство, 2004. – 430 с.

2. Стиглиц, Дж. Ю. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему / Дж. Ю. Стиглиц; пер. с англ. Е. Рождественской. – М. : Эксмо, 2015. – 480 с.

3. Экономические очерки: История идей, методология, культура и экономика, рынок труда / Р. И. Капелюшников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. – 528 с.

4. Развитие теории рынка труда в условиях глобальных вызовов современности: монография / Ю. И. Будович, К. Н. Лебедев, О. В. Карамова [и др.]; под ред. О. В. Карамовой, А. П. Буевич. – М. : Прометей, 2025. – 494 с.

[2] United Nations news. – URL: https://news.un.org/.

[3] United Nations. – URL: https://www.un.org/.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА КВАЛИФИКАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Алексеенко Л.Ф.,

кандидат экономических наук,

НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, г. Минск

В соответствии со Стратегией совершенствования Национальной системы квалификаций (НСК) Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 октября 2018 г. № 764, Национальная система квалификаций – совокупность институтов, инструментов и механизмов, обеспечивающих взаимодействие рынка труда, системы образования и неформального обучения.

В течение 2018–2024 гг. была создана новая модель Национальной системы квалификаций (НСК) путем модернизации действующей системы квалификаций. Модернизация была направлена как на изменение структуры действующей системы квалификаций, так и на совершенствование содержания составляющих ее элементов. В действующую систему, представленную Единым тарифно-квалификационным справочником работ и профессий рабочих (ЕТКС), Единым квалификационным справочником должностей служащих (ЕКСД), а также общегосударственными классификаторами Республики Беларусь ОКРБ 014-2017 «Занятия» и ОКРБ 011-2022 «Специальности и квалификации», были включены новые элементы: Секторальные советы квалификаций, Национальная рамка квалификаций, отраслевые рамки квалификаций, профессиональные стандарты и т.д. Одновременно была создана система прогнозирования потребности экономики в кадрах для формирования контрольных цифр приема в учреждения образования. Это позволило создать организационно-правовые инструменты усиления соответствия спроса на квалифицированных работников со стороны рынка труда и предложения таких специалистов со стороны системы образования.

Необходимость дальнейшего развития НСК вызвана происходящими процессами в экономике Республики Беларусь, которые обуславливают, с одной стороны, предъявление высоких требований к уровню квалификации работников и качеству подготовки специалистов, а с другой стороны, требуют обеспечения сбалансированности профессионально-квалификационной структуры спроса и предложения на рынке труда, вовлечения в трудовую деятельность незанятого населения, применения гибких форм занятости; создания условий быстрого входа в профессию (должность), расширения возможности совмещения работы и обучения, сокращения сроков подготовки кадров необходимой квалификации и др.

В связи с этим дальнейшее развитие основных элементов НСК будет осуществляться по следующим направлениям.

Повышенные требования к профессиональным качествам работников определяют необходимость более четкого и подробного описания состава работ (трудовых функций) работников, а также квалификационных требований, позволяющих выполнять трудовые функции в рамках конкретной профессии рабочего, должности служащего. К работникам предъявляются повышенные требования к знаниям и умениям, способностям использовать в профессиональной деятельности информационные технологии, владеть иностранными языками, самостоятельно принимать решения при выполнении сложных задач. Решению данного вопроса способствует разработка вместо квалификационных характеристик профессиональных стандартов. В настоящее время разработано и внедрено в практику деятельности организаций около 80 профессиональных стандартов, обеспечивающих подготовку кадров в системе образования с учетом потребностей нанимателей.

Цифровизация экономики, внедрение в производственную деятельность инновационных технологий и оборудования способствуют появлению новых профессий рабочих и должностей служащих и одновременно требуют аннулирования устаревших профессий рабочих и должно-

стей служащих, актуализации действующих. При необходимости изменяется диапазон разрядов профессий рабочих, актуализируется содержание трудовых функций и уточняются требования к квалификации работников.

Важным направлением совершенствования НСК является обеспечение сбалансированности профессионально-квалификационной структуры спроса и предложения на рынке труда. Этому процессу будет способствовать установление направленности образования (профиль и направление образования, группа специальностей и специальности) по каждой должности служащего и профессии рабочего. Выражаясь иными словами, это означает, какую специальность и квалификацию должен приобрести человек в системе образования для выполнения соответствующих должностных обязанностей или трудовых функций по конкретным должностям служащих и профессиям рабочих.

С этой целью взаимоувязываются объекты классификации общегосударственных классификаторов Республики Беларусь ОКРБ 014-2017 «Занятия» и ОКРБ 011-2022 «Специальности и квалификации» (должности служащих, профессии рабочих – специальности), а также совершенствуются квалификационные, тарифно-квалификационные характеристики, содержащиеся в выпусках ЕКСД и ЕТКС, с целью отражения в разделе «Квалификационные требования» направленности образования.

Новым направлением развития Национальной системы квалификаций является вовлечение незанятого населения в трудовую деятельность, обеспечение быстрого входа на рынок труда молодежи посредством корректировки квалификационных требований при входе в профессию рабочего, должность служащего. Такая возможность уже предоставлена по 144 наименованиям должностей служащих в области образования, культуры, информационных технологий, техники и технологий, сельского и лесного хозяйств и т.д.

ПРЕДИКТИВНАЯ АНАЛИТИКА В ПОЛИТИКЕ ЗАНЯТОСТИ

Андилевко Т.В.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Для понимания меняющихся тенденций занятости, прогнозирования будущей потребности в кадрах и разработки обоснованной экономической политики необходима точная и актуальная информация о рынке труда в режиме реального времени. Динамика рынка труда становится все более сложной вследствие демографических изменений, несоответствия квалификации работников требованиям рынка и стремительной цифровой трансформации. Традиционные методы анализа, построенные на использовании статистических данных, являются недостаточными для принятия стратегических решений в области государственной политики занятости.

Переход к цифровому взаимодействию соискателей и работодателей на рынке труда позволяет получить беспрецедентно большой объем ценной информации для аналитики в области политики занятости в виде данных открытых вакансий и резюме. Данные вакансий ценны тем, что они отражают спрос и предложение на рынке труда в реальном времени. Они показывают актуальные зарплаты, нужные навыки, дефицит кадров быстрее и более подробно, чем данные официальной статистики. Этот растущий объем цифровых наборов данных становится мощным инструментом прогностической рыночной аналитики. Предиктивная аналитика в государственном управлении – это использование больших данных (Big Data) и алгоритмов машинного обучения для прогнозирования трудовых ресурсов[1]. В глобальной практике государственного управления этот инструмент применяется для прогнозирования тенденций найма и дефицита кадров в экономике. Если на основе традиционных статических данных можно описать текущую ситуацию – например, проанализиро-

[1] Ahramovich, A. Predictive analytics in HR management / A. Ahramovich. – URL: https://www.itransition.com/predictive-analytics/hr (date of access: 30.08.2026).

вать численность человек, которые уволились за определенный период, то предиктивная аналитика способна моделировать будущие сценарии. Для этого чаще всего используются модели машинного обучения, которые с помощью специальных алгоритмов анализируют большие объемы данных и строят прогнозы. Такой подход позволяет не просто реагировать на уже произошедшие события, а предвидеть потенциальные проблемы и возможности и принимать упреждающие меры. Ключевым преимуществом предиктивной аналитики является ее способность выявлять закономерности и тенденции в огромных объемах структурированных и неструктурированных данных. В отличие от традиционного мониторинга, который основан на статических правилах, прогнозная аналитика постоянно адаптируется, обучаясь на основе прошлой информации. Например, в секторах, требующих высокой квалификации (таких как здравоохранение), такой анализ рынка труда может выявить узкие места в системе подготовки кадров, а в промышленности он может показать существующий разрыв в компетенциях.

Из стран-партнеров, тесно сотрудничающих с Республикой Беларусь в торгово-экономической и социальной сферах, активно развивает и модернизирует национальную систему прогнозирования рынка труда Республика Казахстан. По словам министра труда и социальной защиты Аскарбека Ертаева, «сегодня государства конкурируют уже не только за инвестиции, но и за скорость адаптации работников к новым технологиям»[2]. В Республике Казахстан в пилотном режиме реализуется проект «Цифровая служба занятости». Новый сервис подбирает вакансии за считанные секунды, автоматически предлагает варианты трудоустройства, профессионального обучения, меры государственной поддержки и анализирует влияние искусственного интеллекта на сотни профессий до 2035 г.

Рынок труда Республики Беларусь анализируется с помощью статистических и административных данных, в которых используют годовой (реже – квартальный) шаг. В итоге их оказывается недостаточно для принятия решений в условиях быстро меняющейся внешней среды, турбулентность которой значительно повышается благодаря цифровизации [1]. Внедрение искусственного интеллекта в процессы принятия решений в политике занятости открывает возможности для получения аналитических выводов, позволяющих повысить обоснованность государственных программ по обеспечению эффективной занятости и удовлетворению потребности экономики в трудовых ресурсах. По сути, внедрение инструментов прогнозной аналитики рынка труда стимулирует экономический рост, позволяя устранить давнюю проблему неэффективности распределения трудовых ресурсов. Анализ рынка труда на основе больших данных, полученных в режиме реального времени из интернет-объявлений о вакансиях, позволяет использовать прогностические модели для выявления профессий, в которых в ближайшие десять лет ожидается острый дефицит кадров. Это дает возможность начать профессиональную подготовку необходимых кадров до того, как их нехватка начнет сдерживать экономический рост. Аналитика рынка труда на основе больших данных значительно облегчает согласование потребности экономики в трудовых ресурсах и образовательных программ профессиональной подготовки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ванкевич, Е. В. Онлайн-порталы вакансий: перспективы использования в практике регулирования рынка труда Республики Беларусь / Е. В. Ванкевич, О. В. Зайцева // Цифровая трансформация. – 2020. – № 2(11). – С. 33–42.

[2] Гуляева, Е. Казахстан представил ИИ-систему, которая ищет работу за секунды / Е. Гуляева. – URL: https://inbusiness.kz/index.php/ru/last/kazahstan-predstavil-ii-sistemu-kotoraya-ishet-rabotu-za-sekundy/ (дата обращения: 28.05.2026).

ИНФОРМАЦИОННЫЕ КАМПАНИИ И ПРОПАГАНДА КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОГО ТРУДА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Андреев А.М.,

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

В современных условиях обеспечение безопасности труда становится приоритетным направлением государственной политики в Республике Беларусь. Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования методов информационно-просветительской работы в сфере охраны труда. Цель исследования – анализ информационных кампаний в формировании культуры безопасного труда (далее – КБТ) в Республике Беларусь. Задачей исследования является изучение существующих методов информационно-просветительской работы.

Одним из ключевых направлений Государственной программы «Сбалансированный рынок труда» на 2026–2030 годы (далее – Государственная программа) в части охраны труда является пропаганда КБТ[1].

Исследовательская группа (ACSNI) по изучению причин нежелательных последствий по вине человеческого фактора определила КБТ как «продукт индивидуальных и групповых ценностей, установок, восприятий, компетенций и моделей поведения, которые могут определять приверженность, стиль и профессионализм системы управления охраной труда и безопасностью в организации». КБТ содержит психологические, поведенческие и ситуационные аспекты.

Например, в практике компании DuPont Sustainable Solutions формирование КБТ включает несколько ключевых компонентов. Так, одним из них выступает создание благоприятной рабочей среды – в частности, через специализированную онлайн платформу, ориентированную на поддержание здоровья сотрудников. Еще один важный элемент – программа «Поведение, спасающее жизнь» с девизом «Мы вернемся домой». Ежегодно в рамках данной программы особое внимание уделяется отдельным аспектам поведения персонала. Подобные программы, нацеленные на корректировку поведенческих моделей, относятся к проактивным методам управления охраной труда и выступают необходимым условием для полноценного развития КБТ.

Также значимым компонентом КБТ считается визуализация процессов обеспечения безопасных условий труда. Для этого применяются разнообразные форматы: видеоролики, анимационные материалы, инфографика, плакаты, мобильные приложения, а также QR коды, позволяющие оперативно получать нужную информацию [1].

В соответствии с Государственной программой установлено на 2026 г. проведение года безопасного труда в энергетике В рамках этого утвержден план мероприятий по проведению Года безопасного труда в энергетике в 2026 г. В данном плане имеется раздел об информационно-просветительской работе со следующими мероприятиями:

- проведение отраслевой информационной кампании «2026 год – Год безопасного труда в энергетике» (с разработкой материалов профилактической направленности и их размещением в общедоступных местах производственных и офисных помещений, в СМИ, в том числе создание тематических рубрик в отраслевых СМИ и т.п.);
- проведение республиканской научно-практической конференции по вопросам обеспечения безопасности;
- разработка социальной рекламы, направленной на пропаганду безопасных условий труда;
- проведение совместных семинаров с профсоюзами, общественными организациями и органами государственного надзора с участием работников филиалов в целях разработки мероприятий, направленных на улучшение охраны труда;

[1] О Государственной программе «Сбалансированный рынок труда» на 2026–2030 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 2 дек. 2025 г. №699 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500699 (дата обращения: 14.08.2026).

- проведение семинаров, коуч-сессий, круглых столов в каждой организации по формированию культуры безопасности;
- публикация статей в сфере производственной безопасности в средствах массовой информации;
- организация и проведение разъяснительной работы по профилактике случаев электротравматизма при проведении строительных, сельскохозяйственных и иных работ с применением грузоподъемных машин, механизмов, автомобильного транспорта в охранных зонах воздушных линий электропередачи[2].

Формирование КБТ требует комплексного подхода, включающего информационные мероприятия. Информационные кампании выступают ключевым инструментом в системе профилактики производственного травматизма и должны развиваться в направлении повышения эффективности и доступности информации для всех участников производственного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Усикова, О.В. Культура безопасности труда: факторы сдерживания и развития / О.В. Усикова, Н.В. Петрова, К.Д. Дементьев // Экономика труда. – 2024. – Т. 11, № 11. – С. 1967–1984.

[2] План мероприятий по проведению Года безопасного труда в энергетике в 2026 году. – URL: https://www.mintrud.gov.by/uploads/files/Proekt-23.12.2025.pdf (дата обращения: 14.08.2026).

РЕЗИЛЬЕНТНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Бабоян Э.Г.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Резильентность человеческого капитала формируется под воздействием совокупности взаимосвязанных факторов. Внутренние (индивидуальные) факторы отражают качества и способности человека, формирующие его человеческий капитал. К ним относятся образование и компетенции; профессиональный опыт и навыки; здоровье и интеллектуальный потенциал; творческая активность; мотивация и ценности; демографические характеристики; предпринимательский капитал. Внешние (средовые) факторы включают: инвестиции в человеческий капитал; инфраструктуру; рынок труда; социальный капитал; институциональную поддержку. Эти факторы создают условия для реализации человеческого потенциала. Глобальные факторы формируют новые риски и одновременно открывают дополнительные возможности для развития сельских территорий. К ним относятся технологические изменения; климатические и экологические изменения; глобальная конкуренция и интеграция[1,2] [1–4].

Каждая группа факторов не действует изолированно. Устойчивость человеческого капитала формируется в результате их взаимодействия, что требует применения системного подхода при разработке мер государственной политики и стратегий развития сельских территорий. В этом контексте резильентность сельского человеческого капитала следует рассматривать как результат взаимодействия и взаимного усиления всех ключевых компонентов. Их согласованность определяет способность населения адаптироваться к внешним изменениям и эффективно реагировать на социально-экономические вызовы.

[1] Reinforcing Rural Resilience // OECD. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/reinforcing-rural-resilience_7cd485e3-en.html (date of access: 29.05.2026).

[2] World Development Report 2019 // Worldbank. – URL: https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2019 (date of access: 29.05.2026).

Особую роль в трансформации условий развития человеческого капитала играет цифровизация. Она меняет характер труда, требования к компетенциям и способы взаимодействия между участниками аграрного производства. Она открывает новые возможности для повышения эффективности и конкурентоспособности сельских хозяйств. Наряду с новыми возможностями цифровизация усиливает и ряд вызовов. Среди них неравномерный доступ к цифровой инфраструктуре, дефицит профессиональных навыков, миграционный отток населения и снижение адаптивности отдельных социальных групп. Все это увеличивает уязвимость сельских территорий к внешним шокам. В связи с этим возникает необходимость освоения цифровых навыков, адаптации к технологическим изменениям, повышения гибкости и способности к непрерывному обучению.

Представленная ниже модель формирования резильентности человеческого капитала визуализирует взаимосвязи и демонстрирует, каким образом различные группы факторов совместно обеспечивают устойчивость сельского человеческого капитала (рис.).

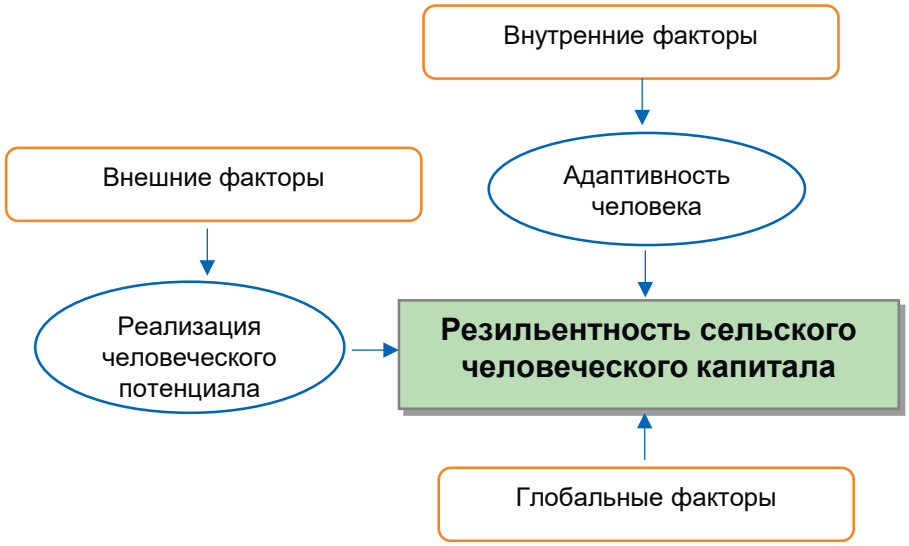

Рис. Модель формирования резильентности человеческого капитала

Рисунок показывает, что внутренние факторы определяют адаптивность человека, то есть его способность учиться, осваивать новые навыки и реагировать на изменения. Внешние факторы задают условия реализации человеческого потенциала, а глобальные факторы усиливают давление на систему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамонтов, Д.Д. Теория человеческого капитала и ее значение в развитии современной экономики России / Д. Д. Мамонтов, Е. В. Мелякова // Вестник Евразийской науки. – 2024. – Т. 16, № 6.

2. Новикова, И.И. Человеческий капитал сельских территорий: концептуальные направления по воспроизводству, использованию и развитию / И.И. Новикова, В.С. Богуцкий // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2021. –С. 117–126.

3. Акобиров, Ф.О. Институциональный подход к определению критерия эффективности и качества экономического роста / Ф.О. Акобиров // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2010. – № 1(27). – С. 133–144.

4. Мозговых, А.В. Теория человеческого капитала Г. Беккера / А.В. Мозговых // Журнал прикладных исследований. – 2018. – № 2. – С. 27–30.

ПЛАТФОРМЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА РЫНКА ТРУДА

Бажина А.А.,

кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Платформенная занятость в современных условиях получила довольно широкое распространение по всему миру и представляет собой модель трудовых отношений, где работодатель и работник взаимодействуют посредством онлайн-платформы. Ключевым элементом роста такого типа трудовых отношений явилась цифровизация всех сфер жизнедеятельности, гибкость бизнеса и желание работников соблюдать баланс труда и отдыха. Платформенная занятость относится к гибкой, нестандартной форме занятости по месту и времени. Платформы при этом выступают в качестве посредников.

Следует отметить, что такая занятость у работника может выступать как основная, так и дополнительная, также занятость такого типа может быть высокорискованной, не давать гарантии и стабильный уровень дохода, выступать как новый способ организации труда с учетом новых современных информационных процессов, занятые на платформах могут быть как высококвалифицированными работниками, так и низкоквалифицированными (в зависимости от профессии). Платформенная занятость часто не создает официальных трудовых соглашений, работники в таким случае не имеют социальных гарантий и возможности защищать свои права, что говорит о неопределенном правовом статусе работника.

По данным МОТ, к октябрю 2025 г. в мире работало как минимум 653 активные цифровые платформы. Еще в 2021 году их было 777 – рынок явно сжимается из-за закрытий и поглощений. Больше всего площадок сосредоточено в доставке (195), онлайн-услугах (204) и на рынке фриланса (136).

По данным Белстата около 24 тыс. чел. (0,5% занятых в экономике) зарабатывают через цифровые платформы. Большинство из них мужчины (63%), городские жители (93%), средний возраст таких работников составляет 37 лет, 46% имеют высшее образование. Занятость посредством платформ представлена в такси (каждый третий), в продаже товаров (каждый пятый), сфера IT (18%), доставка и бытовые услуги (14%).

По мнению многих ученых, платформенная занятость будет расширяться и развиваться в новых направлениях. Учитывая особенности взаимодействия работника и работодателя, следует сформировать законодательную базу в Республике Беларусь, которая будет контролировать и регулировать платформенную занятость и, соответственно, представлять базовые гарантии обеим сторонам.

Примером такого регулирования можно считать Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», который вступит в силу с 1 октября 2026 г. Данный закон установил нормы, понятия, цели и дает четкие регулирующие процессы, например, создание государственного реестра таких платформ, определение условий работы и сотрудничества с самой платформой, возможные нарушения и предполагаемая за них административная ответственность.

Хоть Беларусь и активно участвует в разработке Модельного закона «О платформенной занятости» в рамках межпарламентской ассамблеи СНГ, однако законодательство внутри страны изменяется медленно, что приводит к ряду проблем, а именно: размытость прав и обязанностей работников и работодателей, работа посредством платформ в настоящее время не дает работникам социальных гарантий, а работодателям не гарантирует эффективно выполненной работы, платформенная занятость также зачастую выступает как вторичная и предполагает риск нестабильной занятости.

ЮРИДИЧЕСКИЕ КЛИНИКИ ВУЗОВ КАК ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СТУДЕНТОВ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ

Берёзко Д.В.,

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

В статье обосновывается необходимость трансформации традиционных юридических клиник вузов в междисциплинарные центры сопровождения студенческих предпринимательских инициатив. Раскрываются теоретико-методологические основания интеграции правовой поддержки в систему бизнес-образования. Предложена модель клиники, объединяющая образовательную, консультационную и инновационную функции. Сформулированы направления государственного регулирования данного института в контексте обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь.

Переход белорусской экономики к инновационной модели требует от высшей школы формирования у студентов практических навыков создания и ведения бизнеса. Юридические барьеры (выбор организационно-правовой формы, защита интеллектуальной собственности, договорное регулирование) остаются существенным препятствием для молодых предпринимателей. Действующие в университетах юридические клиники ориентированы преимущественно на помощь социально уязвимым категориям граждан, что реализует социальную миссию вуза, но не раскрывает потенциал клиник для развития предпринимательских компетенций.

Институциональная теория позволяет рассматривать юридическую клинику не как вспомогательный метод обучения, а как самостоятельный социальный институт – систему правил взаимодействия студентов-юристов, авторов бизнес-проектов и научных руководителей. В отличие от аудиторных занятий, клиническая практика погружает обучающихся в реальные правоприменительные процессы. В контексте бизнес-образования это формирует у юристов навыки сопровождения инновационных проектов, а у будущих предпринимателей снижает транзакционные издержки на стартовом этапе.

Предпринимательский потенциал представляет собой интегральную характеристику человеческого капитала, включающую знания, мотивацию и готовность к риску. Его реализация в вузовской среде требует специализированных институтов. В Республике Беларусь функционируют бизнес-инкубаторы и центры трансфера технологий, однако институт бесплатного юридического сопровождения студенческих проектов не получил должного оформления. Зарубежный опыт демонстрирует эффективность специализированных клиник при университетах, фокусирующихся на правовом обеспечении технологических и бизнес-инициатив, что служит примером для адаптации в национальной системе образования.

Предлагаемая концептуальная модель предусматривает три функции. Образовательная направлена на формирование компетенций в сфере корпоративного, авторского и договорного права. Правозащитная обеспечивает консультирование по регистрации субъектов хозяйствования, разработке учредительных документов и защите результатов интеллектуальной деятельности [1, с. 252]. Инновационная функция способствует снижению юридических барьеров для выхода молодежных проектов на рынок и удержанию талантов в национальной экономике.

Механизм функционирования строится на междисциплинарном взаимодействии. Заявки от студентов-предпринимателей координируются руководством клиники, формируется рабочая группа под надзором преподавателя. Результатом становится правовое заключение или проект договора. Качество услуг гарантируется научным руководством и соответствием требованиям законодательства об образовании.

Внедрение данного института усиливает экономическую безопасность государства через развитие внутреннего предпринимательства, диверсификацию экономики и снижение оттока специалистов. Модель требует государственной поддержки: разработки типового положения о клинике, включения клинической работы в учебные планы и стимулирования преподавательского состава.

Таким образом, теоретико-методологические основания институционализации юридических клиник нового типа базируются на синтезе институционального подхода и теории человеческого капитала. Предложенная модель интегрирует юридическое и бизнес-образование, формируя компетенции, востребованные инновационной экономикой. Перспективы исследований связаны с апробацией модели в пилотных вузах и разработкой механизмов государственно-частного партнерства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Губанова, А. Ю. Юридическая клиника как метод обучения студентов праву / А. Ю. Губанова // Успехи гуманитарных наук. – 2025. – № 5. – С. 252–258.

«СЕРЕБРЯНАЯ ЭКОНОМИКА» В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СТИМУЛИРОВАНИЕ ЗАНЯТОСТИ И АДАПТАЦИЯ СФЕРЫ УСЛУГ ПОД НУЖДЫ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Богданович Е.А.,

НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, г. Минск

Демографическое старение населения, характерное для Республики Беларусь, формирует не только социальные вызовы, но и открывает новые экономические возможности. Концепция «серебряной экономики» предполагает смещение фокуса с патерналистской модели поддержки пожилых граждан на модель их активного вовлечения в экономическую деятельность и учет потребительских запросов как растущего рыночного сегмента. В настоящей статье выполнены анализ реализации политики «серебряной экономики» в Беларуси в 2021–2025 гг. и оценка ее влияния на развитие сферы услуг.

Поддержание покупательной способности как фундамент потребительского рынка. Основой для развития рыночного сегмента является наличие платежеспособного спроса. В 2021–2025 годах в Беларуси реализован комплекс мер по увеличению реальных доходов пенсионеров. Реальный размер назначенных пенсий вырос на 33,8%, соотношение средней пенсии к бюджету прожиточного минимума пенсионера увеличилось до 258,3%, что привело к росту располагаемых доходов старшего поколения и стимулировало потребительский спрос.

Важным элементом поддержки покупательной способности является предоставление торговыми сетями адресных скидок для пенсионеров. С января 2022 г. в 14 крупнейших торговых сетях действует система скидок в размере 10% на социально значимые товары. За четыре года выдано более 2,5 млн дисконтных карт, общая сумма скидок превысила 150 млн рублей. Это не только мера социальной поддержки, но и эффективный маркетинговый инструмент.

Рынок труда и занятость населения старших возрастов. Политика в области занятости направлена на стимулирование продолжительной трудовой деятельности пожилых. Важным стимулом стала отмена ограничений на выплату пенсии работающим пенсионерам[1]. Результатом стало не только увеличение доходов этой категории населения, но и восполнение кадрового дефицита: численность работающих пенсионеров выросла на 27,2% (до 483,4 тыс. человек), уровень безработицы в возрасте 60–74 лет сократился с 4,9% до 2,2%.

[1] О социальной поддержке: Указ Президента Респ. Беларусь от 29 окт. 2024 г. № 402 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (дата обращения: 20.08.2026).

С 2023 года проводятся специализированные «серебряные» ярмарки вакансий, с 2024 года – в республиканском формате с охватом инвалидов. Если в 2023 г. трудоустроено 470 человек, то в 2025 г. – более 4 тыс., что свидетельствует о формировании устойчивого сегмента рынка труда.

Развитие «серебряного» предпринимательства. Минэкономики в партнерстве с ПРООН реализована образовательная инициатива для предпринимателей «серебряного» возраста, охватившая около 500 человек из разных регионов страны. Основным результатом стала разработка «коробочного решения» – комплекса методик для центров поддержки предпринимательства, позволяющего масштабировать обучение и вовлекать пожилых граждан в самозанятость и малый бизнес.

Финансовые и цифровые услуги как драйвер инклюзивности. Обучение цифровой грамотности позволило вовлечь пожилых людей в дистанционные сервисы. Маркером успеха служат данные банковского сектора. Пенсионная карта Клуба «Бархат» ОАО «АСБ Беларусбанк» оформлена 1,5 млн держателей; за 2025 год ими совершено 286 млн операций, из которых 17 млн – покупки на маркетплейсах. Рост онлайн-покупок среди пенсионеров (данные Wildberries и Ozon) не только повышает качество их жизни, но и формирует устойчивый спрос на логистические услуги и сервисы доставки.

Развитие инфраструктуры и рынка социальных услуг. С 2024 г. законодательно закреплена система долговременного ухода[2,3], представляющая собой межведомственный комплекс мероприятий по оказанию гражданам с выраженными ограничениями жизнедеятельности социальных, медицинских и реабилитационных услуг на дому с целью максимального продления их пребывания в привычной домашней среде. Рынок образовательных услуг адаптируется под нужды старшего поколения: развиваются «университеты третьего возраста», в том числе в онлайн-формате, а также курсы профессиональной переподготовки. Эти продукты являются прямым ответом на запрос пожилых людей на обучение и социальную активность.

Вовлечение в разработку политики как рыночный механизм. Партисипативный подход стал важнейшим управленческим принципом. Расширение деятельности советов пожилых граждан, доля участия которых в заседаниях местных органов власти достигла 24,2%, означает, что пожилые люди выступают соавторами среды и сервисов. Это обеспечивает рыночную эффективность: бизнес и государство, получая обратную связь от самих пользователей, минимизируют риски создания невостребованных продуктов и услуг.

Анализ политики Беларуси в рамках «серебряной экономики» за 2021–2025 годы показывает переход от модели социальной опеки к модели экономического партнерства. Принятые меры (рост пенсий, отмена ограничений для работающих пенсионеров, субсидирование обучения предпринимателей, адаптация банковских и торговых сервисов) позволили превратить демографическую нагрузку в ресурс развития сферы услуг. Сформированные тренды – рост покупательной способности, цифровизация и развитие специализированных сервисов – закладывают основу для дальнейшего развития «серебряного» сегмента рынка.

[2] О социальном обслуживании: Закон Респ. Беларусь от 22 мая 2000 г. № 395-З: в ред. от 20 дек. 2023 г. № 318-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (дата обращения: 20.08.2026).

[3] Об организации долговременного ухода: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 23 мая 2024 г. № 367 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь (дата обращения: 20.08.2026).

УСЛУГИ «ЗЕЛЕНОГО» ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Бондарь А.В.,

доктор экономических наук, профессор,

Мицкевич Ю.А.,

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

В условиях глобального климатического кризиса и ускоренной урбанизации транспортный сектор становится одним из ключевых объектов трансформации в рамках реализации концепции устойчивого развития. Транспорт традиционно относится к числу крупнейших источников парниковфых газов и загрязняющих веществ в городской среде, на его долю приходится около четверти всех мировых выбросов парниковых газов, и эта цифра продолжает расти по мере увеличения количества автомобилей и объема грузоперевозок. В связи с этим декарбонизация отрасли представляет собой не просто технологическую модернизацию, а стратегическую необходимость для обеспечения экологической безопасности, улучшения качества жизни населения и выполнения международных обязательств по сокращению выбросов.

Общественный транспорт внутри данного сектора исторически выполняет двойную функцию, гарантируя базовую мобильность граждан и связанность территорий, а также одновременно выступая эффективным инструментом снижения удельного экологического следа в расчете на одного пассажира по сравнению с индивидуальным автомобилем. В этом контексте «зеленый» общественный транспорт – электробусы, троллейбусы, трамваи и метро – приобретает особое значение как инструмент достижения баланса между экономической, социальной и экологической эффективностью.

Электробусы, троллейбусы, трамваи и метро имеют несколько преимуществ перед другими видами общественного транспорта с двигателями внутреннего сгорания. Они не выбрасывают вредные вещества, такие как диоксид углерода или оксиды азота, в атмосферу, что делает их более экологически чистыми. Они гораздо более тихие и имеют более низкие эксплуатационные расходы.

Наличие собственных низкоуглеродных источников энергии позволяет в полной мере реализовать потенциал электрического транспорта. Строительство первой белорусской атомной электростанции дало импульс к развитию в стране широкой сети электротранспорта и совершенствованию необходимой инфраструктуры. Доступная и стабильная электроэнергия с минимальным углеродным следом делает эксплуатацию электробусов, троллейбусов и трамваев не только экологически оправданной, но и экономически выгодной в долгосрочной перспективе, а также снижает зависимость от импорта нефтепродуктов, что особенно важно в условиях современной волатильности их рынка.

В Республике Беларусь наблюдается последовательное развитие общественного электрического транспорта. Так, по состоянию на конец 2025 г. парк электробусов, принадлежащих организациям, составил 205 единиц, тогда как в 2022 г. их насчитывалось только 113, что демонстрирует рост почти на 80 % за четыре года. В Минске, где сосредоточена основная инфраструктура, количество электробусов за этот же период увеличилось с 100 до 132 единиц, а вагонный парк метрополитена вырос с 390 до 418 составов. При этом общий парк автобусов, принадлежащих организациям, в стране превышает 30 000 единиц, что свидетельствует о необходимости наращивания динамики замены машин, имеющих ДВС, на использующие электромоторы в общественном транспорте страны[1].

Важно подчеркнуть, что подвижной состав минских электробусов производится на белорусских предприятиях «Белкоммунмаш» и Минском автомобильном заводе, причем в последние годы наметился тренд перехода от электробусов с экспресс-зарядкой к моделям с ночной зарядкой, что повышает гибкость их эксплуатации и открывает возможности для более широкого использования;

[1] Наличие транспортных средств (на конец года) по территории Республики Беларусь // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10209000005?viewType=TABLE (дата обращения: 04.09.2026).

кроме того, «БКМ Холдинг» уже работает над созданием общественного транспорта с элементами беспилотного вождения, причем первый уровень автономности планируется реализовать на трамваях для Минска, а в дальнейшем внедрить технологию и на колесной технике[2].

Таким образом, «зеленый» общественный транспорт выступает не просто технологической альтернативой, а системным элементом повышения экономической эффективности и экологической устойчивости городской среды. Интеграция электробусов, троллейбусов, трамваев и метро в транспортные системы позволяет одновременно решать экологические, экономические и социальные задачи. Последовательный рост парка электрического общественного транспорта наглядно демонстрирует, что декарбонизация мобильности возможна и экономически оправдана при опоре на собственную стабильную низкоуглеродную энергетическую базу. Развитие этой базы должно идти по пути наращивания гелео-, ветро-, гидро-, био- и геотермальной энергетики, а также атомной энергетики, потенциал которых в Республике Беларусь правомерно считать достаточно внушительным и в принципе неисчерпаемым.

[2] Транспорт будущего 2025 // Нац. агентство инвестиций и приватизации. – URL: https://investinbelarus.by/upload/medialibrary/1d4/6kjaz5m72a3569ffbmw6p3620t9dqy7u/Transport-budushchego.pdf (дата обращения: 04.09.2026).

СНИЖЕНИЕ ОТТОКА ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ ИЗ СТРАНЫ: РЕАЛЬНОСТЬ И МЕРЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ

Боровик Л.С.,

кандидат экономических наук, доцент,
НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Ситуация в сфере внешней трудовой миграции в Республике Беларусь формируется под воздействием изменений в демографической и социально-экономической сферах. Одним из основополагающих факторов оттока трудовых ресурсов выступает более низкий уровень заработной платы в Беларуси относительно сопредельных государств. По данным экспертов, при соотношении заработной платы в республике и страны назначения в пределах 50,0–65,0% отток трудовых мигрантов нарастает, при 80,0% и выше – сокращается.

По данным обследования домашних хозяйств по проблемам занятости населения в 2025 г., численность граждан, работавших за пределами республики (не меняя своего постоянного места жительства), в среднем за год составила 128,0 тыс. чел. (2,6% от общей численности занятых). Из общей численности внешних трудовых мигрантов трудились в России более 82 тыс. чел. [1].

Более половины выезжающих на работу за границу составляют граждане в возрасте 30–44 лет, при этом почти каждый пятый в возрасте 35–39 лет. Почти половина трудовых мигрантов имеют профессионально-техническое образование, каждый пятый – среднее специальное, более 17% – высшее. Более 85% белорусских трудовых мигрантов сконцентрированы в строительстве и транспортной деятельности, в то время как в промышленности – чуть более 5% [1].

Дополняют картину об объемах трудовой миграции республики данные баланса трудовых ресурсов о численности граждан, работающих за пределами Беларуси. В 2025 г. за границей работали 297 тыс. белорусских граждан (6,7% от численности занятых в экономике), что в 2 раза больше, чем в 2020 г. [2]. По данным Росстата, трудовые мигранты из Беларуси – более 105 тыс. чел.

Наибольший отток трудовых мигрантов в Российскую Федерацию во многом обусловлен отсутствием барьеров при пересечении границы и языкового барьера, этнокультурной близостью между народами. В целях более высокого заработка часть трудоспособных граждан реализуют свой потенциал в России. Соотношение заработной платы в долларовом эквиваленте в Беларуси и России в 2025 г. составило 71,6%, что стимулирует отток рабочей силы из республики.

Безусловно, задача по предотвращению оттока трудовых ресурсов должна решаться путем повышения заработной платы работников. С позиции внешней трудовой миграции в качестве целевого значения может выступать достижение уровня заработной платы в Беларуси до не менее 80% от средней заработной платы в России.

Однако только ростом оплаты труда проблему оттока кадров нельзя решить. Предотвращение оттока квалифицированных кадров зависит от того, насколько наниматели проявляют инициативу в совершенствовании организации производства и труда, использовании гибких систем оплаты труда, улучшении бизнес-климата и прибыльности своих организаций. Для закрепления квалифицированных кадров на рабочих местах необходимо более широко применять «социальный пакет», включая меры по расширению объемов предоставления арендного жилья молодым специалистам.

В целях снижения оттока трудовых ресурсов за рубеж и удержания перспективных специалистов в стране предлагается:

- повысить размер единовременного пособия в связи с переездом молодого специалиста на новое место работы (при заключении контракта на срок не менее 2-х лет) до 2-х месячных тарифных ставок (окладов) по новому месту работы, и на каждого переезжающего члена семьи в размере половины пособия на лицо, завершившее обучение;
- установить дифференцированные подходы к увеличению размера надбавок и количеству дней дополнительного отпуска работникам за работу по контракту в увязке со сроком его заключения;
- предоставить гражданам до 35 лет в первые пять лет работы за минимальную стоимость не находящиеся в аварийном состоянии жилые дома, пустующие 3 года и более, а также занимаемые ими земельные участки;
- расширить перечень категорий граждан, имеющих право на первоочередное получение арендного жилья, путем отнесения к ним работников наиболее дефицитных специальностей;
- предоставить молодым специалистам и специалистам высокой квалификации за счет средств местных бюджетов субсидии и льготные ссуды на улучшение жилищных условий, предусмотрев право выкупа арендного жилья;
- разработать дифференцированный механизм льготного кредитования строительства (покупки) жилья для работников до 30 лет, имеющих стаж работы не менее 5 лет.

В целях обеспечения более широких возможностей для профессионального развития необходимо:

- сформировать Национальный резерв перспективных кадров из числа молодых людей в возрасте до 35 лет для отбора на руководящие должности. К примеру, в Национальном резерве Узбекистана сегодня находятся более 1500 перспективных кандидатов;
- разработать в организациях индивидуальные программы профессионального развития для каждого высококвалифицированного работника и молодых специалистов (до 30 лет), где будут отражены возможные перспективы их карьерного роста.
- В целях стимулирования возвращения востребованных специалистов необходимо:
- создание централизованного офиса в республике по связям с диаспорой, в рамках которого должна поддерживаться связь с уехавшими специалистами;
- приглашение уехавших специалистов к участию в значимых проектах с присвоением им статуса «национального эксперта»;
- реализация программы «Тысяча талантов» с приглашением к участию в ней уехавших специалистов (по опыту Китая).

ЛИТЕРАТУРА

1. Занятость населения в Республике Беларусь в 2025 году (по материалам выборочного обследования: стат. бюл.) // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2026.

2. Трудовые ресурсы и занятость населения Республики Беларусь в 2025 году: стат. бюл. // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2026.

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА БЕЛАРУСИ

Веремейчик Т.В.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Развитие туристической отрасли является мощным драйвером экономического роста любого государства, увеличивая ВВП, создавая рабочие места и стимулируя развитие инфраструктуры. Туризм обеспечивает приток иностранной валюты и способствует развитию смежных отраслей (транспорта, общепита, торговли и др.). Важна роль туризма в сохранении исторического наследия, природных и культурных ценностей (традиции, обычаи, ремесла и др.).

Инновационные мероприятия в туризме Беларуси включают: виртуальные и гибридные онлайн-выставки (например, проекты на платформе BELARUS.TRAVEL), внедрение мультимедийных и лазерных шоу на фестивалях (как в Ботаническом саду Минска), интерактивные квест-маршруты и цифровизацию регионального экотуризма, проведение виртуальных туристических экспозиций с презентациями регионов в цифровом пространстве, использование QR-кодов, аудиогидов с дополненной реальностью (AR) в исторических центрах и заповедниках, создание цифровых квестов по городам Беларуси для самостоятельных путешественников[1].

Значительной популярностью пользуется промышленный туризм с более 130 предприятиями для посетителей. Чаще всего посещают туристы «Коммунарку», МТЗ, «Слодыч», «Аливарию», часовой завод «Луч», Минский завод игристых вин, «Минскхлебпром», «Атлант». По итогам 2025 г. на таких экскурсиях побывали порядка 267,2 тыс. человек[2]. Проводится инвентаризация объектов промышленного туризма для увеличения туристического потока.

Белорусский туризм переходит от стандартных маршрутов к нетривиальным. Растет интерес к уникальным форматам отдыха. Все больше как индивидуальных туристов, так и организованных групп посещают места, которые ранее не сталкивались с массовым потоком. Появляются театрализованные, костюмированные, вечерние экскурсии. Турфирмы организуют путешествия на лавандовые, тюльпановые поля, болота, необитаемый остров Ду. Набирают популярность такие города, как Пинск, Барановичи, расширяют предложения для туристов Новогрудок, Лида.

Наблюдается высокая заполняемость гостиниц, агроусадеб, санаториев, жилья на сутки. На некоторые экскурсии запись ведется на месяцы вперед. Важными остаются вопросы совершенствования инфраструктуры, логистики, законодательства. Появляются новые объекты для размещения, набирают популярность велнес-услуги.

Ведется перевод административных процедур (включая агроэкотуризм) в электронный вид, развиваются специализированные внутренние платформы и порталы (belarustourism.by, belarus.travel, sanatorii.by).

Туристическая отрасль Беларуси адаптировалась к новым условиям, опираясь на внутренний спрос и сотрудничество с Россией. Также необходимо повышать качество услуг для привлечения более платежеспособных туристов из дальнего зарубежья. Финансово отрасль прибыльна, но модель остается уязвимой: профицит выездного туризма по денежным потокам и высокая зависимость въездного сегмента от российского рынка создают риски при внешних шоках. Стратегические точки роста – развитие многодневного внутреннего туризма (сейчас он очень мал по объему), диверсификация въездного рынка за счет ЕС, а также дальнейшая поддержка агроэкотуризма и санаторно курортного туризма как конкурентных преимуществ Беларуси.

[1] Официальный туристический портал Беларуси: [сайт]. – Мн., 2016–2026. – URL: https://ru.belarus.travel/.

[2] Развитие туризма, деятельность туристических организаций, средств размещения Республики Беларусь, за 2025 год // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/turizm/statisticheskie-izdaniya/index_162449/.

В формирующихся программах социально-экономического развития туризм приобретает большую значимость. Акцент делается на тех направлениях, которые традиционно сложились и имеют успех, востребованы как белорусами, так и иностранцами. В частности, речь идет о медицинском туризме, санаторно-курортном лечении. Медицинский туризм за 2025 год вырос на 37%. За помощью к нашим врачам обращались жители 160 стран мира (с целью лечения Беларусь посетили более 176 тыс. иностранных граждан). За последние 5 лет экспорт медицинских услуг вырос в 1,5 раза[2].

Растет спрос на событийный туризм. Безвизовый режим для участников из 71 государства на посещение «Славянского базара в Витебске». Еще одним настоящим культурным брендом Беларуси стал Республиканский праздник «Купалье». В Ивьевском районе таким проектом стал «Ивьевский помидор», который в минувшем году посетило более 17 тыс. человек.

Определяющим условием для дальнейшего развития туризма в областях является максимальная ориентация туристических услуг на использование имеющихся в них особенностей, которые состоят в следующем:

- Витебская область: оздоровительные ресурсы, обилие озерных ландшафтов;
- Могилевская область: памятники археологии, сельский туризм;
- Гомельская область: событийный туризм, историко-культурное наследие;
- Брестская область: природные ландшафты, развитие санаторно-курортного обслуживания;
- Гродненская область: памятники всемирного наследия, меловые карьеры;
- Минская область: развитие санаторно-курортного обслуживания, горнолыжный туризм, экологические маршруты, культурно-исторические памятники.

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СФЕРУ УСЛУГ БЕЛАРУСИ

Волонцевич Е.Ф.,
кандидат экономических наук, доцент,
НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Экономика стран-членов Союзного государства отличается высокой степенью интеграции и взаимного проникновения формирующих факторов. В первую очередь это характерно для промышленности: по итогам января-июля текущего года темпы роста промышленного производства аналогичны, около трети сбыта ориентировано на Россию. Логично, что в сфере услуг наиболее ощутимо влияние в оптовой торговле, которая в значительной степени зависит от развития промышленности. Так, снижение инвестиционного спроса в России может привести к уменьшению экспортно-импортных операций оптовой торговли товарами (сырая нефть, природный газ, металлы, химикаты, оборудование, узлы и агрегаты, семена, кормовые добавки и пр.), а изменение импорта товаров из РФ дает практически двукратное изменение объема оптового товарооборота Беларуси (согласно проведенным оценкам за 2011–2025 годы).

Хотя доля России в отечественном экспорте услуг стабильно превышает 50%, для большинства видов деятельности внутренняя экономическая ситуация в стране-соседке не является определяющим фактором. Это объясняется как незначительной долей самих видов услуг в экспортной корзине, так и долей России в экспорте отдельных видов услуг. Так, доля услуг образования, здравоохранения, культуры и отдыха, финансовых и страховых в общем объеме экспорта услуг в Российскую Федерацию находится в пределах 3%.

В числе отраслей национальной сферы услуг с высокой степенью зависимости от российского спроса выделяется сфера туризма – порядка 85% экспорта туруслуг по итогам 1 полугодия текущего года. Как свидетельствует ретроспективный анализ, турпоток из России всегда являлся определяющим для отечественного рынка (табл.). В 2021–2024 гг. он стабильно прирастал в 1,2 раза и в настоящее время достигает более 90% всех иностранных посетителей.

Таблица

Динамика въездного турпотока из Российской Федерации и его влияние на экономику Республики Беларусь

Показатели	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Число въездных турпоездок граждан РФ в РБ, млн	8,17	8,19	6,97	7,10	1,96	2,39	4,01	4,83	6,01	6,80
Доля в общем въездном турпотоке, %	74,7	74,1	60,6	60,0	54,5	71,0	81,4	85,0	90,5	91,8
Темп роста турпотока из РФ, %	–	100,2	85,1	101,8	27,6	121,7	167,9	120,4	124,6	113,1
Доля ВДС сферы туризма, сформированной туристами из РФ, в ВВП, %	0,966	0,968	0,850	0,866	0,341	0,689	0,542	0,518	0,651	0,734
Вклад в динамику ВВП, п.п.	–	0,002	-0,144	0,016	-0,627	0,074	0,468	0,111	0,127	0,085

Велико ли его значение для национальной экономики в целом? Результаты воздействия сферы туризма на экономику страны отражает целевой показатель Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы – доля сферы туризма в ВВП, который оценивается Белстатом 1 раз в 2 года и отражает долю ВДС 55 классов и подклассов услуг, входящих в собирательную группировку «сфера туризма» (пассажирский транспорт, розничная торговля, общепит, услуги средств размещения, санаториев, культуры, спорта, турагентств и т.д.). Потребительский спрос со стороны российских граждан, не отражаемый в экспорте, увеличивает объемы розничного товарооборота, отдельных видов услуг (экскурсионные, внутреннего транспорта, в области культуры и отдыха) в пиковые периоды туристического спроса.

За 2022 г. доля ВДС сферы туризма составила 1,8% ВВП, в т.ч. сформированная иностранными посетителями – 0,7%, а в 2025 г., по оперативной оценке, достигла 2,4%. Согласно проведенным расчетам с учетом ряда допущений, граждане Российской Федерации в 2025 г. сформировали 91,8% въездного турпотока, но всего около 0,73% ВВП, что увеличило ВДС сферы туризма и ВВП страны на 0,085 п.п.

При этом с 2022 г. наблюдается прямая тесная взаимосвязь числа въезжающих из Российской Федерации туристов и доли ВДС сферы туризма в ВВП Беларуси (рис.), корреляция показателей носит линейный характер на уровне 83,5%. Увеличение числа посетителей из РФ на 1 млн человек увеличивает долю сферы туризма в ВВП на 0,07 п.п.

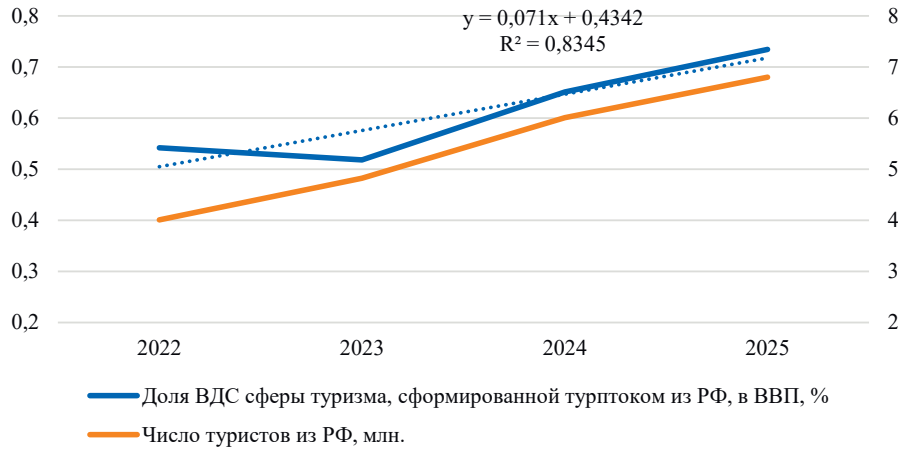

Рис. Взаимосвязь турпотока из Российской Федерации и доли сферы туризма в ВВП

Основной фактор формирования спроса в Российской Федерации на поездки в Беларусь – умеренный рост доходов (101,8–102,1%) и геополитическая ситуация. В прогнозируемом периоде 2027 г. не ожидается существенного изменения факторов, что обеспечит положительный эффект

для туристической сферы Беларуси. Уже сейчас наблюдается рост глубины бронирования туров и интереса к премиум-сегменту со стороны российских граждан. Однако даже при ухудшении экономической ситуации в России сфера туризма Беларуси сохранит рост. Компенсирующие факторы – эффект доступности и «шопинг-туризм»; высокие цены на авиабилеты в дальние регионы; активная кооперация и улучшение транспортной доступности.

—— ◆ ——

НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Воронецкая Л.Г.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Цифровая трансформация системы социальной защиты представляет собой комплексный процесс интеграции современных информационных технологий и сферы социальной защиты населения с целью перехода предоставляемых услуг на новый качественный уровень, позволяющий сделать услуги доступными, безопасными и своевременными для всех [1, с. 504].

Цифровая трансформация в Республике Беларусь, начиная с 2003 г. и по настоящее время, прошла ряд этапов. В итоге была создана нормативно-правовая база и вся необходимая инфраструктура для развития информационно-коммуникационных технологий [2, с. 9]. Развивается единый портал государственных услуг, инфраструктура электронного правительства, административные процедуры поэтапно переводятся в проактивный электронный формат. Государственная программа «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 гг. учитывает уровень «цифровой зрелости» Республики Беларусь как в отраслевом, так и в региональном масштабах, а также применяемые технические решения и мировые тенденции, что выступает основой для дальнейших цифровых преобразований [3, с. 154].

В то же время существуют опасения по поводу сбора данных, доступа к ним и их использования, для чего необходимы соответствующие нормативные рамки. Вопросы правового, этического и социального характера использования искусственного интеллекта в системе социальной защиты остаются открытыми, как и проблема нехватки квалифицированных кадров [4, с. 1640].

Требует учета фактор специфичности пользователей услуг организаций социальной защиты. Часть пользователей таких услуг (инвалиды по зрению и слуху, пенсионеры и др.) не способны в полной мере освоить цифровые технологии из-за физических ограничений, финансовых трудностей, отсутствия сил и желания в них разобраться, плохой мобильной связи, отсутствия интернета [1, с. 505].

Предлагаются следующие рекомендации, направленные на обеспечение цифровой трансформации системы социальной защиты Республики Беларусь для обеспечения социального благополучия:

- актуализация приоритетов цифровой трансформации и внедрение новых технологий, сотрудничество с другими государствами для адаптации их опыта;
- расширение программ повышения квалификации государственных служащих и лидеров рынка для развития ИТ-компетенций, расширение подготовки специалистов в учреждениях высшего образования;
- привлечение молодых высококвалифицированных специалистов к работе в органах государственной власти, их мотивация, создание креативной среды [2, с. 7–9];
- расширение применения искусственного интеллекта в системе социальной защиты за счет повышения уровня доверия населения к действующим государственным институтам, формирования цифровой культуры организаций, действующих в системе социальной защиты;
- разработка «цифровых» кодексов этики, направленных не только на сотрудников организаций, но и уделяющих существенное внимание работе с потребителями цифровых социальных услуг;

- повышение общего уровня цифровой грамотности среди населения всех возрастных групп, с уделением особого внимания людям старшего поколения [4, с. 1639];
- внедрение современных технологий безопасности (системы предотвращения утечек данных, шифрование данных, многофакторная аутентификация, мониторинг и реагирование на инциденты, использование облачных решений и резервного копирования);
- обучение сотрудников и пользователей правилам кибербезопасности [5, с. 950–951];
- реализация на практике запланированной в рамках Союзного государства интеграции белорусского портала «Е-Паслуга» и российского портала «Госуслуги»;
- обеспечение равного доступа к сетям и цифровым сервисам во всех регионах Республики Беларусь, что подразумевает внедрение технологии 5G и создание общественных зон с цифровым покрытием;
- внедрение инновационных подходов в мониторинг благосостояния населения на основе цифровых платформ и автоматизированных данных [6, с. 953].

Таким образом, предлагаются основные направления цифровой трансформации системы социальной защиты Республики Беларусь для обеспечения социального благополучия, связанные с принятием дополнительных мер безопасности, актуализацией приоритетов цифровой трансформации в исследуемой сфере, продолжением внедрения новых технологий, использованием позитивного зарубежного опыта, развитием ИТ-компетенций работников системы социальной защиты, повышением уровня цифровой грамотности населения и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Докторова, Н.П. Цифровая трансформация сферы социальной защиты населения ДНР. Теоретический аспект / Н.П. Докторова, Ю.О. Ромодан // Вестник Академии знаний. – 2024. – № 1 (60). – С. 503–507.

2. Цифровая трансформация. Основные понятия и терминология: сб. статей / Нац. акад. наук Беларуси, Объед. ин-т проблем информатики; редкол.: А.В. Тузиков (пред.) [и др.]. – Мн.: Бел. навука, 2020. – 267 с.

3. Семашко, Н.К. Особенности цифровой трансформации системы государственного управления в Республике Беларусь / Н.К. Семашко // Трансформация механизма государства в период становления и развития инновационного электронного государства: сб. ст. Междунар. круглого стола. 27 окт. 2023 г., БГЭУ. – Мн., 2023. – С. 152–157.

4. Мызрова, К.А. Особенности применения искусственного интеллекта в социальной сфере в условиях цифровой трансформации / К.А. Мызрова, Е.В. Рожкова, М.В. Симухов // Креативная экономика. – 2025. – Т. 19, № 6. – С. 1627–1650.

5. Павленко, Ю.С. Тенденции внедрения инструментов цифровой трансформации в социальную сферу Российской Федерации / Ю.С. Павленко // Международный научный журнал «Вестник науки». – 2024. – Т. 4, № 5 (74). – С. 947–955.

6. Турдиев, А.С. Инновационные подходы к мониторингу благосостояния населения на основе цифровых платформ / А.С. Турдиев // Экономика и социум. – 2025. – № 11 (138). – С. 952–960.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В РЕСПУБЛИКАНСКОЙ АСПИРАНТУРЕ И ДОКТОРАНТУРЕ В 2015–2024 ГГ.

Ворошень О.Г.,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

Решение задач по повышению конкурентоспособности экономики и укрепление национальной безопасности страны невозможно без обеспечения наукоемких производств и научных организаций высококвалифицированными кадрами. Ведущая роль в обеспечении национальной экономики специалистами с соответствующей квалификацией принадлежит национальной системе научно-ориентированного образования. Аспирантура и докторантура – ключевое звено в формировании и воспроизводстве кадрового потенциала белорусской науки. Актуальность изучения

вопросов деятельности аспирантуры и докторантуры обусловлена необходимостью повышения эффективности деятельности системы научно-ориентированного образования.

Основные показатели деятельности республиканской аспирантуры и докторантуры представлены в табл. Численность обучающихся в аспирантуре граждан Республики Беларусь в 2024 г. составила 3604 чел., по сравнению с 2015 г. отмечается сокращение численности на 1053 чел., или на 22,6% [1, 2]. За период 2015–2024 гг. число лиц, принятых в аспирантуру, уменьшилось на 28,8% (398 чел.), в то же время показатели выпуска сократились на 30,4% (280 чел.).

При этом сокращение численности происходило неравномерно. С 2015 по 2018 гг. численность аспирантов росла: с 4657 чел. по 4908 чел., или на 5,4%. В последующие годы эта тенденция сменилась на противоположную.

Наиболее существенное снижение имело место в 2021 г.: показатель численности снизился на 10,1%, или 457 чел. С 2021 г. по 2022 г. сокращение составило 8,1%. В дальнейшем темпы сокращения численности аспирантов заметно снизились. К 2023 г. их численность по сравнению с предыдущим годом уменьшилась на 3%, а к 2024 г. только на 0,4%.

Таблица

Динамика численности аспирантов и докторантов из числа граждан Республики Беларусь в 2015–2024 гг.

Обучающиеся в аспирантуре и докторантуре граждане Республики Беларусь	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Изменение численности в 2024 г. по сравнению с 2015 г.	
											чел.	%
Аспиранты	4657	4769	4769	4908	4819	4524	4067	3735	3620	3604	-1053	-22,6
Принято в аспирантуру	1380	1393	1337	1473	1300	1093	946	938	1020	982	-398	-28,8
Выпущено из аспирантуры	922	776	744	792	712	780	790	697	690	642	-280	30,4
Докторанты	342	416	489	562	605	700	700	694	632	586	+244	+71,3
Принято в докторантуру	113	145	142	153	158	219	156	143	159	152	+39	+34,5
Выпущено из докторантуры	42	53	58	67	92	87	107	112	177	151	+109	в 3,6 раза

Источник: [1-4].

Таким образом, за 2015–2024 гг. в динамике численности аспирантов можно выделить 2 периода: первый – с 2015 по 2018 гг., когда наблюдался прирост численности аспирантов, и второй – с 2019 по 2024 гг., когда была зафиксирована тенденция снижения численности обучающихся в аспирантуре граждан Республики Беларусь. В то же время к 2024 г. отмечается замедление темпов сокращения численности аспирантов.

Численность обучающихся в докторантуре граждан Республики Беларусь в 2024 г. составила 586 чел. За период 2015–2024 гг. численность докторантов увеличилась на 71,3% (244 чел.). Максимальная численность обучающихся была достигнута в 2020–2021 гг. и составила 700 чел. За период с 2015 по 2020 гг. численность докторантов выросла более чем в 2 раза. В последующие годы наблюдался спад по данному показателю, который привел к снижению численности докторантов к 2024 г. на 16,3% по сравнению с 2020 г.

Сходная картина складывается и по динамике численности принятых в докторантуру: рост данного показателя вплоть до 2020 г. и затем его снижение. Но в целом за период 2015–2024 гг. численность принятых в докторантуру выросла на 34,5% (39 чел.).

Выпуск из докторантуры рос вплоть до 2023 г. (с 42 чел. до 177 чел.), и только в 2024 г. произошло снижение численности выпускников (до 151 чел.). В целом за 2015–2024 гг. численность окончивших докторантуру выросла в 3,6 раза.

Таким образом, за период 2015–2024 гг. сложились две противоположные тенденции в системе научно-ориентированного образования Беларуси: сокращение численности аспирантов и рост численности докторантов. Подобную ситуацию нельзя назвать оптимальной, поскольку снижение численности обучающихся в аспирантуре граждан Беларуси задает предпосылки к сокращению численности докторантов в дальнейшем.

Сокращение численности аспирантов может негативно отразиться на процессах воспроизводства кадрового потенциала белорусской науки и делает актуальными вопросы о необходимости привлечения молодежи в аспирантуру и создания оптимальных условий для обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2024 года: аналит. докл. / под ред. С. В. Шлычкова, В. С. Караника. – Мн.: ГУ «БелИСА», 2025. – 340 с.

2. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2016 года: аналит. докл. / под ред. А. Г. Шумилина, В. Г. Гусакова. – Мн.: ГУ «БелИСА», 2017. – 222 с.

3. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2018 года: аналит. докл. / под ред. А. Г. Шумилина, В. Г. Гусакова. – Мн.: ГУ «БелИСА», 2019. – 280 с.

4. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2021 года: аналит. докл. / под ред. С. В. Шлычкова, В. Г. Гусакова. – Мн.: ГУ «БелИСА», 2022. – 330 с.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: УЧЕБНИК ДЛЯ ПЕДАГОГИКИ ГИБРИДНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Ганчерёнок И.И.,

доктор физико-математических наук, профессор,
Минский городской институт развития образования, г. Минск,

Горбачёв Н.Н.,

г. Минск,

Сахибов А.Р.,

кандидат педагогических наук, профессор,
Шахрисабзский государственный педагогический институт,
г. Ташкент, Республика Узбекистан

Тема человеческого потенциала в эпоху искусственного интеллекта сегодня находится в центре междисциплинарных дискуссий. Ключевая задача заключается не в том, чтобы противопоставлять человека и машину, а в том, чтобы исследовать механизмы их эффективного взаимодействия. Гибридный интеллект становится новой онтологической реальностью, требующей пересмотра подходов к образованию, управлению и саморазвитию. В данном исследовании мы проанализируем создание учебных изданий в педагогике гибридного интеллекта.

Инновационный цифровизированный образовательный процесс выступает как интегрированная технология, состоящая из ряда учебных технологических процессов, операций и технологических переходов, а также творческих и воспитательных компонентов. Развитие информационных технологий и искусственного интеллекта (ИИ), а также интеграция информационных образовательных ресурсов представляет собой новый шаг в формировании компетентных специалистов для современного рынка трудовых ресурсов. Если ранее учебный процесс рассматривался как взаимодействие «обучающий ↔ обучаемый», то в рамках цифровизации возникает триада «обучающий ↔ обучае-

мый ↔ ИИ» (новый «треугольник образования» [1]). При этом взаимодействие с ИИ проявляется как непосредственно, так и опосредованно через учебные материалы (инновационные учебники, практикумы, презентации, тесты и др.), а также с использованием электронных методических материалов (для педагогических работников и обучающихся).

На текущей стадии формирования инновационных образовательных технологий следует вести речь о более сложных взаимодействиях между субъектами образовательного процесса, а также образовательными ресурсами. Интеграция ИИ в программно-методическую поддержку учебных курсов в рамках учебно-методических комплексов и модулей должна рассматриваться как базис компетентностного и практико-ориентированного подхода при значительной экономии временного ресурса и существенном повышении емкости получаемого багажа знаний. С другой стороны, это позволяет с новых позиций оценить персонифицированный учебный процесс, что поможет интенсифицировать формирование профессиональных компетенций, обеспечивая высокие показатели результативности обучения.

В таком формате обучающийся получает возможность постоянно поддерживать актуальность и динамичность учебника в рамках диалога с ИИ, учета своего стиля получения знаний (генерации промптов, интерпретации ответов) и обработки информационных ресурсов. Цифровой учебник с ИИ должен быть способен давать всесторонний и четкий ответ (возможно, при взаимодействии с педагогом) на различные вопросы обучающегося. Используя цифровой учебник с ИИ, он имеет возможность получить адаптированный (персонализированный) применительно к его возможностям вариант учебного материала.

Цифровые учебники с ИИ представляют собой учебно-методический комплекс, динамично адаптирующийся к потребностям и уровню знаний каждого обучающегося, с одной стороны, и к технологическим потребностям педагогического работника – с другой. Такие учебные издания могут включать в себя учебную платформу с модульной структурой и модуль ИИ. Первая включает генеративный интеллектуальный тестовый комплекс (входные, промежуточные и итоговые тесты), учебные модули, позволяющие динамично формировать их адаптированные персонофицированные совокупности, а также модуль выводов и предложений по учебному курсу (обратная связь с обучающимися). При этом в учебных модулях могут использоваться интеллектуальные презентации, видео, аудио и другие мультимедийные элементы, которые делают процесс обучения более интересным/мотивирующим и эффективным.

В заключение подчеркнем, что вопросы необходимости сделать мышление обучающихся видимым, преодоления соблазна готового ответа представляются одним из актуальных вызовов педагогики гибридного интеллекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ганчеренок, И.И. Новый образовательный треугольник: «учитель-ученик-искусственный интеллект» / И.И. Ганчеренок // Минская школа сегодня. – 2026, № 3. – С. 34–37.

ИННОВАЦИОННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРАХОВЫХ УСЛУГ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Герасимчик М.Ю.,

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Современная сфера услуг является важным элементом экономики, а страхование — ее значимым сегментом, выполняющим экономическую, социальную и финансовую функции. Страховая услуга обеспечивает клиенту защиту от финансовых последствий неблагоприятных событий. В условиях изменения структуры рисков возрастает значение страхования цифровых, медицинских, климатических и предпринимательских рисков.

Страхование способствует развитию сферы услуг не только посредством компенсации ущерба, но и через формирование спроса на сопутствующие услуги. Добровольное медицинское страхование стимулирует медицинское обслуживание, имущественное – оценку и ремонт, автострахование – техническую помощь и эвакуацию. Тем самым страховой продукт оказывает мультипликативное воздействие на экономику. Обязательное страхование обеспечивает защиту общественно значимых интересов, тогда как добровольное позволяет учитывать индивидуальные потребности и обладает большим инновационным потенциалом. В 2025 г. объем страховых премий в Беларуси приблизился к 3 млрд руб., а количество заключенных договоров превысило 11 млн.

Ключевым трендом трансформации рынка является цифровизация. Электронное заключение договоров, дистанционная передача документов, онлайн-расчет премии и цифровое урегулирование повышают доступность страховых услуг и сокращают издержки. В 2025 г. белорусские страховщики активно внедряли искусственный интеллект и нейросети для анализа рисков, персонализации предложений, автоматизации отдельных операций и взаимодействия с клиентами. При этом цифровая трансформация остается неравномерной: сохраняются различия между страховыми организациями и регионами.

Важным направлением становится персонализация страхования, позволяющая формировать продукты с учетом индивидуальных характеристик клиента и уровня риска. Цифровизация создает предпосылки и для развития микрострахования – простых и доступных продуктов с небольшим страховым покрытием. Перспективной является интеграция страхования с медицинскими, транспортными, банковскими и другими услугами, при которой страховщик становится организатором комплексного сервиса.

Существенное значение имеют финансовая устойчивость страховщиков, эффективное управление рисками и способность выполнять обязательства перед клиентами. Одновременно сохраняются психологические барьеры: часть населения воспринимает страхование как необязательный расход и недостаточно понимает содержание страховых продуктов. Поэтому расширение добровольного страхования требует повышения доверия, финансовой грамотности и доступности страховой защиты.

Перспективным направлением может стать создание цифрового страхового конструктора. Клиент через мобильное приложение получает возможность самостоятельно формировать страховую защиту из отдельных модулей: здоровье, несчастный случай, имущество, автомобиль, ответственность, путешествия. Каждый модуль имеет понятную стоимость и может подключаться или отключаться в зависимости от потребностей клиента. Дополнительно система может автоматически анализировать характеристики клиента и предлагать оптимальный набор рисков. Целесообразно предусмотреть возможность динамического изменения набора модулей в течение срока действия договора без необходимости заключения нового договора. При этом искусственный интеллект может прогнозировать наиболее вероятные риски клиента и формировать персональные рекомендации по расширению или сокращению страхового покрытия. Такая модель позволит сделать

страхование более понятным, гибким и доступным, особенно для молодежи и клиентов, ранее не пользовавшихся добровольным страхованием.

Основными проблемами белорусского страхового рынка остаются недостаточная страховая грамотность, ограниченность платежеспособного спроса, неравномерность цифрового развития, необходимость совершенствования регулирования и повышения доверия к страховщикам. Для усиления роли страхования как драйвера сферы услуг целесообразно развивать цифровые и персонализированные продукты, микрострахование и страховые экосистемы, повышать финансовую грамотность населения и совершенствовать превентивное страхование при одновременном обеспечении финансовой устойчивости страховщиков и информационной безопасности.

Таким образом, страхование следует рассматривать не только как механизм компенсации финансовых потерь, но и как драйвер развития сферы услуг, формирующий спрос на медицинские, транспортные, ремонтные и иные сервисы. Перспективная модель белорусского страхования предполагает переход от схемы «страховка – выплата» к модели «страховая защита – сервис – профилактика – цифровое сопровождение». Реализация такого подхода позволит повысить доступность страхования, сформировать новые виды сервисов и создать дополнительную стоимость не только в страховом секторе, но и в смежных отраслях экономики.

—— ◆ ——

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАДРОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ЗАРУБЕЖНЫЕ ПРАКТИКИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ АДАПТАЦИИ

Гузовская Д.С.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Современная система дошкольного образования в глобальном масштабе сталкивается с вызовом, который не связан с уровнем экономического развития страны, – дефицит кадров. Устойчивый разрыв между потребностью в воспитателях и их фактической численностью формируют рост охвата детей дошкольным образованием, старение педагогических кадров, повышение требований к качеству услуг.

Республика Беларусь демонстрирует один из наиболее высоких уровней охвата детей дошкольным образованием, в 2025 г. он составил 89,6%. При этом обеспеченность детей местами в учреждениях дошкольного образования (УДО) на 1000 чел. населения в возрасте 1–5 лет увеличилась до 900 мест, что на 12,9% больше по сравнению с 2021 г. Тем не менее численность педагогических работников в дошкольном образовании за 2025 г. составила 54,3 тыс. человек, что на 787 чел. меньше, чем в предыдущем году, около 45% из них – воспитатели. Следует отметить, что по данным Государственной службы занятости, на 1 сентября 2026 г. зарегистрировано 920 вакансий воспитателей. Однако, несмотря на небольшой дефицит, в Беларуси разработаны и применяются механизмы, которые направлены на привлечение работников в профессию воспитателя.

В настоящее время работать по профессии воспитателя дошкольного образования могут студенты со второго курса специальности «Дошкольное образование». Также можно устроиться работать воспитателем при наличии любого высшего образования с прохождением специализированного курса переподготовки по профилю «Дошкольное образование», а также при наличии среднего специального педагогического образования или при прохождении переподготовки по профилю «Педагогика».

Дефицит воспитателей – это проблема, которая затрагивает не только Беларусь, но и многие страны мира. Например, во Вьетнаме зарегистрировано 21,4 тыс. вакансий, в Хорватии – 5 тыс., в Швеции – 6,7 тыс. Это одна из основных проблем, с которой сталкивается дошкольное образова-

ние в мире. В то же время причины ее возникновения разнятся. В странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) около трети воспитателей старше 50 лет, а Германия, США, Канада и Ирландия фиксируют нехватку от десятков до сотен тысяч мест в детских садах, что дополнительно усугубляется кадровым голодом.

Мировой опыт демонстрирует широкий спектр инструментов, направленных на смягчение кадрового дефицита в дошкольном образовании, который может быть классифицирован по двум основным группам: финансовое стимулирование и институциональные новации.

К первой группе относятся меры, направленные на повышение материальной привлекательности профессии. В США, например, действует система возвратного налогового кредита для педагогов на разных уровнях образования, размер которого варьируется в зависимости от заработной платы и стажа работы. При этом работодателю запрещено снижать оплату труда сотрудникам, получающим выплаты по данной программе. В Канаде, в провинции Манитоба, предусмотрена специальная доплата в размере 5 тыс. долл. США в рамках программы стимулирования возвращения в профессию работников дошкольного образования, при возобновлении трудоустройства на полную ставку важным условием является «профессиональный перерыв» не более двух лет. В Ирландии в 2025/2026 учебном году правительством увеличено финансирование услуг по уходу за детьми, дополнительные средства были направлены, главным образом, на повышение оплаты труда воспитателей, а также на создание мест в детских садах и сдерживание цен на услуги дошкольного образования.

Ко второй группе относятся институциональные меры, расширяющие кадровую базу за счет нетрадиционных источников. В штате Колорадо (США) действует специальная программа обучения и трудоустройства пожилых людей в качестве оплачиваемых сотрудников и волонтеров в дошкольных учреждениях. В округе Сан-Матео (США) из бюджета выделяются целевые средства (около 4,5 млн долл. США) на обучение и повышение квалификации педагогов для увеличения доступности профессии. В Польше в качестве мер нивелирования дефицита воспитателей действующим сотрудникам предлагают сверхурочные часы работы, а также привлекают к работе с детьми пенсионеров, при этом планируется разрешить студентам 4–5 курсов педагогических вузов временно работать в дошкольных учреждениях и центрах раннего развития детей. Если в других странах пытаются восполнить дефицит за счет собственных ресурсов, то в Израиле были предприняты меры иного характера, планируется привлечь около 5 тыс. воспитателей из Индии и Шри-Ланки. В Австралии реализуется отдельная Национальная стратегия развития кадрового потенциала в сфере образования и ухода за детьми, рассчитанная на 10 лет (2022–2031 гг.), которая предусматривает комплексный подход, включающий планомерное повышение оплаты труда, льготы для воспитателей, а также бесплатное профессиональное образование для желающих освоить профессию и повысить квалификацию.

Следует отметить, что подходы к квалификационным требованиям к воспитателям в мире также разнообразны: от магистерской степени (Франция, Исландия, Италия) до допуска к работе без профильного образования (Бельгия для работы с детьми младше 2,5 лет). В большинстве стран ОЭСР все больше детей посещают дошкольные учреждения, и кадровый состав с трудом справляется с данной задачей, а старение педагогов усугубляет ситуацию по мере выхода сотрудников на пенсию.

Таким образом, проблема кадрового дефицита в дошкольном образовании носит глобальный характер и не зависит от уровня экономического развития страны. Для нивелирования кадрового дефицита используются различные механизмы, включая смягчение квалификационных требований к соискателям и расширение доступа к профессии через допуск студентов, пенсионеров и др. Немаловажными являются меры финансового стимулирования, однако зарубежный опыт демонстрирует наибольшую эффективность комплексного подхода, сочетающего материальные стимулы и расширение кадровой базы.

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ АНАЛИЗА СОСТОЯНИЯ НОРМИРОВАНИЯ ТРУДА

Дергай В.Н.,

НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, г. Минск

В современных условиях важной задачей является оптимальное использование трудового потенциала работников с целью увеличения производительности их труда, исключения потерь рабочего времени и нерациональных затрат. Одним из основных методов решения данной задачи является нормирование труда работников, которое обеспечивает как разработку соответствующих норм труда, так и поддержание их в актуальном состоянии, включающее кроме мероприятий по установлению, замене и пересмотру норм труда мероприятия по анализу состояния нормирования труда и проверке качества действующих норм труда.

Периодичность проведения анализа состояния нормирования труда зависит от категорий работников и видов работ, охваченных нормированием, видов применяемых норм труда и других факторов. При этом разные авторы предлагают и различные показатели состояния нормирования труда (табл.).

Таблица

Показатели анализа состояния нормирования труда

Авторы			
Головачев А.С.	Бычин В. Б.	Генкин Б.М.	Митренкова А. В.
Результаты изучения использования рабочего времени Распределение работников по уровню выполнения норм труда и средний процент их выполнения Количество пересмотренных норм труда Уровень напряженности действующих норм труда Удельный вес работников, трудовой процесс которых регламентирован научно и технически обоснованными нормами труда	Доля работников по категориям, труд которых нормируется Доля нормируемого рабочего времени Численность работников, труд которых нормируется по научно и технически обоснованным нормам труда Распределение работников по категориям по степени выполнения норм труда	Соответствие структуры персонала структуре трудоемкости выпускаемой продукции Результаты изучения потерь рабочего времени; Доля рабочих мест, соответствующих стандартам Соотношение плановых и фактических затрат, обусловленных неблагоприятными условиями труда Показатели производственного травматизма Доля работников, труд которых нормируется Уровень выполнения норм труда по подразделениям, видам работ, профессиям Характеристика нормативных материалов по труду, применяемых на предприятии Система пересмотра норм труда	Выяснение фактического охвата работающих нормированием труда Определение качества (прогрессивности) используемых норм и нормативов по труду Оценка обеспеченности нормировщиков методическими и нормативными материалами и определение уровня квалификации нормировщиков Проверка состояния организации нормировочной работы Средний уровень выполнения норм труда Распределение рабочих по уровню выполнения норм труда

Сравнение показателей, предлагаемых разными авторами, показывает их неоднородность и различие направлений, по которым ведется работа по анализу состояния нормирования труда в организации, вместе с тем выделяются отдельные ключевые показатели, используемые для анализа состояния нормирования труда у всех авторов. К ним можно отнести следующие:

- доля работников, труд которых нормируется;
- численность работников, труд которых нормируется по научно и технически обоснованным нормам труда;
- средний уровень выполнения норм труда и распределение работников по уровню их выполнения;
- напряженность норм труда.

Вместе с тем, по результатам опроса организаций различных видов экономической деятельности, проведенного в рамках НИР по теме «Разработать научно обоснованные предложения по совершенствованию методологии нормирования труда с учетом современных требований развития экономики», наиболее применяемыми показателями, характеризующими состояние нормирования труда по результатам опроса, являются:

- удельный вес работников, труд которых нормируется (91,67%, 22 из опрошенных организаций);
- средний уровень выполнения норм труда (87,50%, 21 из опрошенных организаций);
- распределение рабочих со сдельной формой оплаты труда по уровню выполнения норм труда (50,0%, 12 из опрошенных организаций).

Только 45,83% (11 из опрошенных организаций) используют в качестве показателя удельный вес актуальных норм труда в общем количестве применяемых норм труда; 37,50% (9 из опрошенных организаций) используют в качестве показателя удельный вес научно и технически обоснованных норм труда в общем количестве применяемых норм труда; 33,33% (8 из опрошенных организаций) используют в качестве показателей уровень напряженности норм труда и отклонение среднего уровня выполнения норм труда по структурному подразделению (должности, профессии) от среднего по организации (структурному подразделению).

На основе изложенного можно сделать вывод о том, что отсутствие единых подходов к анализу состояния нормирования труда, использование только отдельных показателей, характеризующих качество применяемых норм труда и отсутствие единых показателей, характеризующих результаты работы по разработке и совершенствованию норм труда, (такие как изменение трудоемкости работ, прирост производительности труда, снижение расходов на оплату труда работников в результате замены и пересмотра норм труда) не позволяют в полной мере использовать систему нормирования труда в организациях.

ОПЛАТА ТРУДА В БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Долинина Т.Н.,

доктор экономических наук, профессор,
Белорусский государственный технологический университет, г. Минск

Цель исследования состоит в разработке концепции развития институциональных инструментов управления оплатой труда в Республике Беларуси в контексте обеспечения национальной безопасности. Для ее достижения на первом этапе осуществлен критический анализ существующих исследовательских парадигм (традиционных неоклассической, институциональной, эволюционной и системной, интегрирующей их) применительно к управлению оплатой труда в контексте обеспечения национальной безопасности и разработана интегративная теоретико-методологическая рамка исследования на основе синтеза научных теорий и концепций на платформе системной парадигмы (институциональная экономическая теория; феноменологическая концепция (модель) формирования и функционирования заработной платы в национальной экономике Т.Н. Долининой

[1], объединяющая концепцию формирования заработной платы как социально-трудовой ренты, модель функционирования оплаты труда как процесса и модель функционирования заработной платы как денежного потока; общая теория управления; общая теория национальной безопасности; концепция инклюзивного развития; концепция достойного труда), установлены логические и функциональные взаимосвязи между компонентами рамки и определен их статус (онтологический, аналитический, инструментальный, целевой).

На основе разработанной теоретико-методологической рамки осуществлена модернизация авторской институциональной модели управления оплатой труда [1]. Актуализация модели продиктована необходимостью адаптации институциональных механизмов оплаты труда к вызовам современного этапа социально-экономического развития Республики Беларусь и требованиям Концепции национальной безопасности Республики Беларусь[1]. Модернизация осуществлена с учетом действующих программных и прогнозных документов, актуальной нормативно-правовой базы в области управления оплатой труда, включая положения Трудового кодекса Республики Беларусь.

Анализ ключевых положений Концепции национальной безопасности Республики Беларусь в контексте реализации функций оплаты труда показал, что в качестве национальных интересов зафиксированы минимизация негативных последствий социальной дифференциации и обеспечение достойного уровня оплаты труда. К числу внутренних источников угроз при этом отнесены: резкое социальное расслоение и высокая дифференциация доходов населения; неоправданные диспропорции в сфере оплаты труда; профессионально-квалификационный и территориальный дисбаланс спроса и предложения рабочей силы; снижение качества подготовки и дефицит квалифицированных конкурентоспособных кадров. Проведенный анализ дал возможность установить корреляцию между каждой из выявленных угроз и соответствующими функциями оплаты труда (воспроизводственная, компенсирующая, регулирующая, стимулирующая, социальная, поддержания конкурентоспособности), что позволило идентифицировать институциональные инструменты управления оплатой труда с позиции нейтрализации указанных внутренних угроз национальной безопасности.

Для модернизации авторской институциональной модели управления оплатой труда разработана трехмерная классификация институциональных инструментов управления оплатой труда по критериям: уровень воздействия, функции управления, функции оплаты труда. Первый критерий – уровень воздействия – выделяет макроэкономический (государственное регулирование), мезоэкономический (отраслевое и региональное регулирование) и микроэкономический (субъект хозяйствования) уровни. Второй критерий – функции управления – соотносит инструменты с этапами управленческого цикла: прогнозирование и планирование, организация, мотивация и контроль. Третий критерий – функции оплаты труда – определяет целевую направленность каждого инструмента на реализацию конкретной функции: воспроизводственной, компенсирующей, регулирующей, стимулирующей, социальной, поддержания конкурентоспособности. Классификация преодолевает фрагментарность анализа институциональных инструментов управления оплатой труда посредством их систематизации по взаимосвязанным критериям (например, минимальная заработная плата – макроуровень, организация, воспроизводственная функция), четко фиксируя роль каждого из них.

В новой редакции институциональной модели управления оплатой труда каждый инструмент на макро- и микроуровнях получил функциональную привязку к трем критериям: уровню воздействия, функциям управления и функциям оплаты труда. Актуализированная модель имеет диагностический характер, позволяет идентифицировать существующие пробелы и зоны риска в институциональной среде, обосновывать необходимость внедрения новых или корректировки действующих инструментов управления оплатой труда с позиции нейтрализации угроз национальной безопасности, формировать дорожную карту.

[1] О Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005#1. (дата обращения: 04.09.2026).

Научная новизна состоит в оригинальности актуальной институциональной модели управления оплатой труда, сформированной на базе трехмерной классификации институциональных инструментов, обеспечивающей переход от традиционного их описания к отображению связей между ними, что позволяет выявлять институциональные пробелы и оценивать согласованность системы управления оплатой труда в Республике Беларусь в контексте обеспечения национальной безопасности.

Актуализированная институциональная модель управления оплатой труда в Республике Беларусь может быть использована государственными органами при разработке программных и прогнозных документов, совершенствовании оплаты труда, а также социальными партнерами в рамках социального диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долинина, Т. Н. Институциональные модели управления оплатой труда : в 2 ч. / Т. Н. Долинина. – Мн.: Белорус. гос. технол. ун-т, 2019. – Ч. 1. – 257 с.

—— ◆ ——

МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СФЕРЕ МОЛОДЕЖНОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ

Дрейман Е.С.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Общепризнанного международного определения возрастной группы молодежи не существует. Однако для статистических целей Организация Объединенных Наций, без ущерба для любых других определений, данных государствами-членами, определяет «молодежь» как лиц в возрасте от 15 до 24 лет. К 2030 г. – установленному сроку достижения Целей в области устойчивого развития (ЦУР), которые входят в Повестку дня на период до 2030 года, численность молодых людей, по прогнозам, увеличится на 7% и достигнет почти 1,3 млрд человек[1].

По данным Белстата, на 1 января 2026 года в Беларуси проживает более 1,636 млн молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, что составляет 18,1% населения страны[2].

Согласно докладу о перспективах занятости на текущий год, опубликованному Международной организацией труда (МОТ), в 2025 г. доля молодых людей, не занятых в сферах труда, образования или профессиональной подготовки, достигла 20%[3]. В Республике Беларусь данный показатель в 2025 г. составил 4,5%[4].

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, уровень молодежной безработицы в возрасте от 16 до 30 лет в прошлом году составил всего 5,5%. Для сравнения: в странах Европейского союза в среднем составляет 14–15%, а в отдельных государствах, таких как Испания или Греция, превышает 25%, в Канаде и США – 12–14%. В Беларуси в I квартале нынешнего года в целом уровень безработицы (в соответствии с методологией Международной организации труда) – 2,3% от численности рабочей силы[5].

Основными причинами молодежной безработицы можно считать следующие:

- завышенные ожидания молодых специалистов при выходе на рынок труда (например, высокий уровень заработной платы и карьерные перспективы с первого рабочего дня);

[1] Глобальные вопросы повестки дня. Молодежь. – URL:https://www.un.org/ru/global-issues/youth.

[2] День молодежи и студенчества. Стат. обзор. – URL:https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/statobzor-stud-2026.pdf.

[3] ООН: В 2025 г. 20% молодых людей в мире не учились и не работали. – URL:https://oxu.az/ru/v-mire/oon-v-2025-godu-20-molodyh-lyudej-v-mire-ne-uchilis-i-ne-rabotali.

[4] Национальная платформа представления отчетности по показателям ЦУР. – URL: https://sdgplatform.belstat.gov.by/datasets/8.6.1.

[5] Лестница в будущее. – URL:https://www.sb.by/articles/lestnitsa-v-budushchee.html.

- цифровизация и развитие искусственного интеллекта;
- высокая текучесть кадров;
- разрыв между системой образования и реальными потребностями экономики;
- стремление нанимателей принимать на работу опытных специалистов, что позволяет им избежать расходов, связанных с профессиональным обучением и переобучением молодого работника;
- геополитические факторы и макроэкономическая нестабильность.

Для снижения напряженности на молодежном рынке труда необходимо:

- проводить работу в области профессиональной ориентации молодежи, организовывать ярмарки вакансий;
- осуществлять плавный переход в цепочке «образование-занятость», интегрировать учебный процесс с производственной деятельностью (например, чередовать теоретические занятия с практическими стажировками на предприятиях);
- предоставлять определенные социальные и иные гарантии на рабочем месте (включает финансовую, жилищную гарантии, предоставление опытного наставника при адаптации на новом месте);
- развивать и поощрять предпринимательскую инициативу молодежи;
- вовлекать молодежь в активные программы рынка труда через государственную службу занятости.

Рассмотрим примеры международной практики по борьбе с молодежной безработицей.

Голландия. Голландский подход основан на трех столпах: профессиональном образовании, системе социальной защиты, ориентированной на вовлечение в трудовую деятельность и реабилитацию, а также финансовых стимулах, которые делают выгодным для предприятий наем молодых работников. В Нидерландах профессиональное образование всегда сочетается с обучением на рабочем месте или стажировками. К 19 годам более половины молодых голландцев имеют опыт работы и, следовательно, контакты, что обеспечивает плавный и комфортный переход от школы к рынку труда[6].

Китай. В начале июня 2026 года Государственный совет Китая представил план по реализации стратегии «занятость прежде всего» в течение 15-й пятилетки (2026–2030 годы). Для молодежи (особенно для рекордного числа выпускников колледжей в этом году) план направлен на расширение возможностей трудоустройства и карьерного роста. Меры включают создание национальной платформы больших данных для сопоставления талантов с вакансиями, а также пересмотр университетских учебных программ для более эффективного обслуживания развивающихся отраслей[7].

Сингапур. В Сингапуре десять лет действует государственная программа SkillsFuture (главная цель – непрерывное обучение). Она дает каждому жителю старше 25 лет персональный образовательный кредит для оплаты курсов из каталога, одобренного государством и бизнесом. Платформа интегрирована с порталом госуслуг Singpass, что позволяет выбрать курс онлайн, подать заявку и использовать выделенные средства[8].

Молодежь является наиболее гибкой, адаптивной, инновационной, но в то же время уязвимой частью трудоспособного населения. Занятость данной группы является фактором экономической стабильности, устойчивого развития, роста конкурентоспособности страны. Таким образом, занятость молодежи – это инвестиция в будущее, так как профессиональное становление молодых кадров напрямую определяет долгосрочный потенциал экономики.

[6] What can the Dutch teach the UK about how to tackle the youth jobs crisis? – URL: https://www.theguardian.com/society/2026/may/29/netherlands-britain-youth-jobs-crisis#1#1.

[7] Pro-hiring policies yield jobs. – URL:https://www.chinadaily.com.cn/a/202606/24/WS6a3b2df1a310986e2b461893.html#1.

[8] Как мегаполисы отвечают на вызовы рынка труда. – URL:https://www.vedomosti.ru/ideas/personnel/columns/2025/12/22/1165385-kak-megapolisi-otvechayut.

РОЛЬ ИНСТИТУТОВ И МЕХАНИЗМОВ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСОВ РАБОТНИКОВ И СОХРАНЕНИИ СТАБИЛЬНОСТИ В ТРУДОВОЙ СФЕРЕ БЕЛАРУСИ

Дубовик А.К.,

кандидат исторических наук, доцент,
Белорусский национальный технический университет, г. Минск

Социальное партнерство – цивилизованный способ регулирования социально-трудовых отношений, призванный устанавливать общественный консенсус между трудом, бизнесом и властью. Трипартизм получил распространение в Беларуси с 1990-х гг. и выступает одной из основ стабильности общества. Фундаментом партнерских отношений является система разработки, заключения и реализации коллективных договоров и соглашений. В Беларуси в настоящее время действует 489 социально-партнерских соглашений различного уровня. В их основе – Генеральное соглашение между Правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей и Федерацией профсоюзов Беларуси (ФПБ) на 2025–2027 гг. На уровне предприятий заключаются коллективные договоры. На 1 января 2026 г. в Беларуси действуют 18 254 коллективных договора, из которых 680 заключены впервые в 2025 г. Коллективно-договорным регулированием трудовых отношений охвачено подавляющее большинство предприятий, учреждений, организаций. За прошлый год по условиям коллективных договоров выплачено работникам сверх заработной платы более 4,7 млрд рублей.

Институциональными органами системы социального партнерства являются созданные в 1995 г. на паритетных основах Национальный совет по трудовым и социальным вопросам (НСТСВ) и аналогичные советы в регионах (областях и районах) и отраслях. Переговорной площадкой, где представители правительства, профсоюзов и нанимателей вместе принимают стратегические решения в области социально-трудовых отношений, являются заседания НСТСВ. В 2026 г. в НСТСВ председательствует сторона нанимателей. Функции председателя выполняет глава Конфедерации промышленников и предпринимателей А. Д. Харлап. Сопредседателями являются: со стороны Правительства – заместитель премьер-министра В. М. Каранкевич, профсоюзов – председатель ФПБ Ю. А. Сенько. Вопросы, выносимые на заседания НСТСВ, весьма актуальны для развития экономики страны и детально прорабатываются социальными партнерами. Ключевыми ориентирами при этом остаются поддержка стабильности в социально-трудовой сфере и защита интересов работников. Так, одним из основных вопросов повестки дня заседания НСТСВ в июле 2026 г. стал общественный контроль соблюдения законодательства о труде, который осуществляют профсоюзы. Заместитель председателя ФПБ В. Н. Грачев в своем докладе обозначил роль и ответственность профсоюзов в этом деле. В основе общественного контроля находятся принципы социального партнерства. Подсказать, проконсультировать, упредить возможные нарушения со стороны нанимателей – важнейшая задача профсоюзов наряду с защитой трудящихся. Профсоюзы выступают за конструктивный диалог. Обсуждение результатов общественного контроля на заседании НСТСВ – возможность обозначить наиболее частые спорные ситуации, чтобы в дальнейшем избежать их возникновения.

В 2025 г. правовая инспекция труда профсоюзов проверила около 5 тыс. организаций и выявила более 20 тыс. нарушений законодательства о труде. Наниматели устранили их в 97% случаев. Если наниматель отказывался устранять нарушения, профсоюзные юристы помогали работникам в подготовке исковых заявлений и представляли интересы членов профсоюза в суде. В 2025 г. по просьбам работников правовые инспекторы труда составили около 470 процессуальных и иных документов. На заседании НСТСВ обращено внимание на типичные нарушения, которые повторяются из года в год. Наиболее частые – несоблюдение порядка предоставления трудовых и социальных отпусков, а также нарушения рабочего времени и времени отдыха. Среди отступлений от правил, которые допускают наниматели, и нарушения порядка заключения и продления контрактов, в том числе с добросовестными работниками.

Встречаются также нарушения в ведении трудовых книжек, при приеме на работу и оплате труда. И хотя последние среди нарушений занимают нижнюю строку – 6,4% от общего количества, для тружеников они особенно чувствительны. По требованию правовых инспекторов труда профсоюзов в 2025 г. работникам возвращено почти 4 млн рублей незаконно удержанных или невыплаченных денежных сумм. На заседаниях НСТСВ озвучены резервы повышения результативности общественного контроля. По инициативе руководства ФПБ принят ряд новаций. Пересмотрены подходы при организации и проведении контрольных проверок. Внедрена практика глубокого и детального анализа работы правовых инспекций труда отраслевых профсоюзов. Все это дает положительные результаты.

Профсоюзы также осуществляют практику проведения обучающих семинаров для кадровых служб предприятий и организаций. В марте 2026 г. эти мероприятия прошли в Витебской области, во втором полугодии – в Брестской и Могилевской. Положительно зарекомендовала себя такая форма работы профсоюзов, нацеленная на предупреждение возникновения трудовых споров, как Межотраслевой мониторинговый центр, открытый ФПБ в мае 2025 г. Он стал эффективным инструментом оперативного реагирования на возникающие вопросы людей, что ведет к уменьшению письменных обращений граждан и сокращению выявляемых в ходе общественного контроля нарушений. За год в мониторинговый центр поступило более 5 тыс. звонков от трудящихся. В 80% обращений гражданам требовалась квалифицированная юридическая консультация. В остальных случаях вопросы решались с выездом профсоюзных юристов на место. Не всегда факты нарушений подтверждаются, но анализ обращений и аккумулирование информации о проблемных ситуациях в трудовых коллективах позволяют принимать системные меры реагирования на запросы трудящихся. Общественный диалог является фундаментом социальной справедливости, сохранения стабильности в трудовой сфере белорусского общества, способствует раскрытию творческого потенциала работников.

ВЛИЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НА РЕАЛИЗАЦИЮ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ РАЗВИТИЯ АПК И РХК РОССИИ ДО 2030 ГОДА

Дудина О.Ю.,

кандидат экономических наук,
Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии (ФГБНУ «ВНИРО»), г. Москва, Российская Федерация

Стратегия развития АПК и РХК России на период до 2030 г. задает вектор трансформации двух взаимосвязанных секторов национальной экономики. Базовый сценарий развития предусматривает прирост производства продукции АПК не менее чем на 25% относительно уровня 2021 г., увеличение экспортных поставок в 1,5 раза, а также технологическую модернизацию и цифровизацию производственных процессов. Достижение данных ориентиров непосредственно сопряжено с кадровым обеспечением отраслей: целевой показатель обеспеченности квалифицированными работниками по базовому сценарию зафиксирован на уровне 95% к 2030 г. Однако эмпирические данные свидетельствуют о наличии разрыва между стратегическими задачами и фактическим состоянием трудового потенциала.

В современной экономической науке человеческий потенциал трактуется как многоуровневая система знаний, профессиональных компетенций, совокупно определяющих производительность, инновационную восприимчивость и долгосрочную конкурентоспособность хозяйствующих субъектов. Применительно к АПК и РХК указанная система приобретает специфические черты, определяющиеся природно-климатическими условиями, территориальной рассредоточенностью производственных мощностей и отраслевой технологической спецификой.

В контексте стратегического планирования человеческий потенциал выполняет ряд системообразующих функций. Ресурсная функция обеспечивает количественную достаточность рабочей

силы для выполнения производственных программ. Качественная функция определяет способность работников к освоению новых технологий, росту производительности и генерации инновационных решений. Пространственная функция отражает готовность трудовых ресурсов к территориальной мобильности. Институциональная функция связывает систему профессионального образования, науку и производственные предприятия, формируя непрерывный контур обновления профессиональных компетенций. Ослабление либо нарушение любой из перечисленных функций создает риски недостижения стратегических целевых индикаторов.

Сопоставление плановых установок и фактических параметров кадрового обеспечения позволяет выявить четыре системных противоречия, формирующих прямые угрозы реализации долгосрочных задач.

Первое противоречие носит количественный характер и выражается в расхождении между планируемой и реальной численностью занятых. В 2025 г. дефицит кадров в отрасли достиг максимальных значений за последние годы, а совокупный спрос на специалистов рыбного хозяйства увеличился на 34% по сравнению с предыдущим годом.

Второе противоречие имеет территориальную природу. Реализация стратегических установок требует концентрации кадрового потенциала в сельских и прибрежных зонах, однако устойчивый миграционный отток населения и слабая закрепляемость специалистов на местах нивелируют преимущества высокой заработной платы в сфере рыболовства.

Третье противоречие относится к технологической сфере. Стратегическим направлением цифровой трансформации предусмотрено создание единой цифровой платформы АПК и РХК, а также перевод не менее 80% предприятий на отечественное программное обеспечение к 2030 г. Однако действующая система профессиональной подготовки пока не формирует необходимого количества специалистов, обладающих междисциплинарными компетенциями, объединяющими отраслевые знания и навыки работы с цифровыми инструментами. Дефицит таких кадров становится существенным барьером на пути внедрения цифровых решений.

Четвертое противоречие носит институциональный характер. Прогнозные оценки свидетельствуют, что в горизонте до 2030 г. наиболее востребованными будут квалифицированные рабочие и специалисты среднего звена, однако обновление образовательных программ СПО происходит медленнее, чем технологические изменения.

Представленные в табл. данные подтверждают, что достижение стратегических ориентиров коррелирует с необходимостью преодоления перечисленных противоречий. При этом ни один из плановых показателей не может быть достигнут без пересмотра подходов к формированию, воспроизводству и развитию человеческого капитала.

Таблица

Целевые ориентиры Стратегии-2030 и кадровые условия их достижения

Стратегическая задача	Количественный ориентир	Требования к человеческому потенциалу	Основные кадровые риски
Прирост производства продукции АПК	+25% к 2021 г.	Увеличение численности занятых, повышение производительности	Дефицит рабочих кадров, низкая производительность
Увеличение экспорта продукции АПК	Рост в 1,5 раза	Специалисты по международному маркетингу, сертификации, логистике	Отсутствие компетенций для внешних рынков
Обеспеченность кадрами	95% к 2030 г.	Комплексная подготовка и закрепление кадров	Текущий уровень значительно ниже целевого
Цифровая трансформация	80% предприятий на отечественном ПО	IT-специалисты с отраслевой спецификой	Дефицит цифровых компетенций у отраслевых специалистов
Вовлечение земель в с/х оборот	13,2 млн га	Готовность работать в сельской местности и удалённых регионах	Миграционный отток, непривлекательность работы в сельской местности
Создание единой цифровой платформы	Запуск к 2030 г.	Аналитики, разработчики, системные администраторы	Нехватка кадров по направлениям цифровой экономики

Безусловно, преодоление выявленных ограничений требует последовательной кадровой политики, интегрированной в общую логику стратегического планирования. Реализация такого подхода позволит не только достичь установленных количественных показателей, но и сформировать долгосрочный фундамент для устойчивого функционирования АПК и РХК России в условиях технологических трансформаций и усиления глобальной конкуренции.

—— ◆ ——

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИННОВАЦИОННОМУ РАЗВИТИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В КОНТЕКСТЕ ПОСТРОЕНИЯ HR-ЭКОСИСТЕМЫ

Евсеенко В.А.,

кандидат экономических наук, доцент,
Донецкий институт управления – филиал ФГБОУ ВО «РАНХиГС»,
г. Донецк, Российская Федерация

В современном мире, где инновации становятся ключевым фактором успеха, человеческий потенциал приобретает исключительное значение. Это основной ресурс, позволяющий малому и среднему бизнесу конкурировать с крупными компаниями и достигать конкурентоспособности, устойчивого развития. Традиционные методы развития человеческого потенциала, такие как обучение и повышение квалификации, уже не достаточны для обеспечения конкурентоспособности бизнеса. Необходимо применение инновационного подхода, который бы подталкивал, мотивировал и поощрял работников к генерации новых идей, создавал условия для внедрения инноваций, новых решений.

Концепция инновационного развития человеческого потенциала основывается на общей концепции менеджмента организаций с акцентом на следующие вопросы:

- использование потенциала работников в процессе разработки и принятия решений;
- внедрение в рабочий процесс современных методов обучения, повышение квалификации работников, использование системы образовательных инновационных технологий;
- создание инновационной культуры, благоприятной атмосферы в среде бизнеса;
- формирование системы мотивации работников, мотивирование человеческого потенциала к саморазвитию, самосовершенствованию и самореализации.

Концептуальный подход к инновационному развитию человеческого потенциала приведен на рис.

Следует выделить направления инновационного подхода к развитию человеческого потенциала, на которые необходимо акцентировать внимание в процессе формирования и повышения конкурентоспособности бизнеса:

- использование инновационных технологий для персонализации процесса профессиональной подготовки специалистов и развития навыков;
- формирование гибких и адаптивных образовательных программ, отвечающих требованиям рынка труда;
- применение новых методов обучения и повышения квалификации, стимулирующих инновационность и критическое мышление работников;
- поиск и внедрение новых методов мотивации персонала;
- инвестирование в новейшие технологии, методы для развития человеческого потенциала;
- создание и поддержка инновационной культуры, благоприятной среды для генерации новых идей, инноваций, креативной и предпринимательской деятельности;
- развитие интеллектуального потенциала;
- обеспечение доступа к современным информационным ресурсам и знаниям;
- поддержка междисциплинарного сотрудничества и обмена опытом.

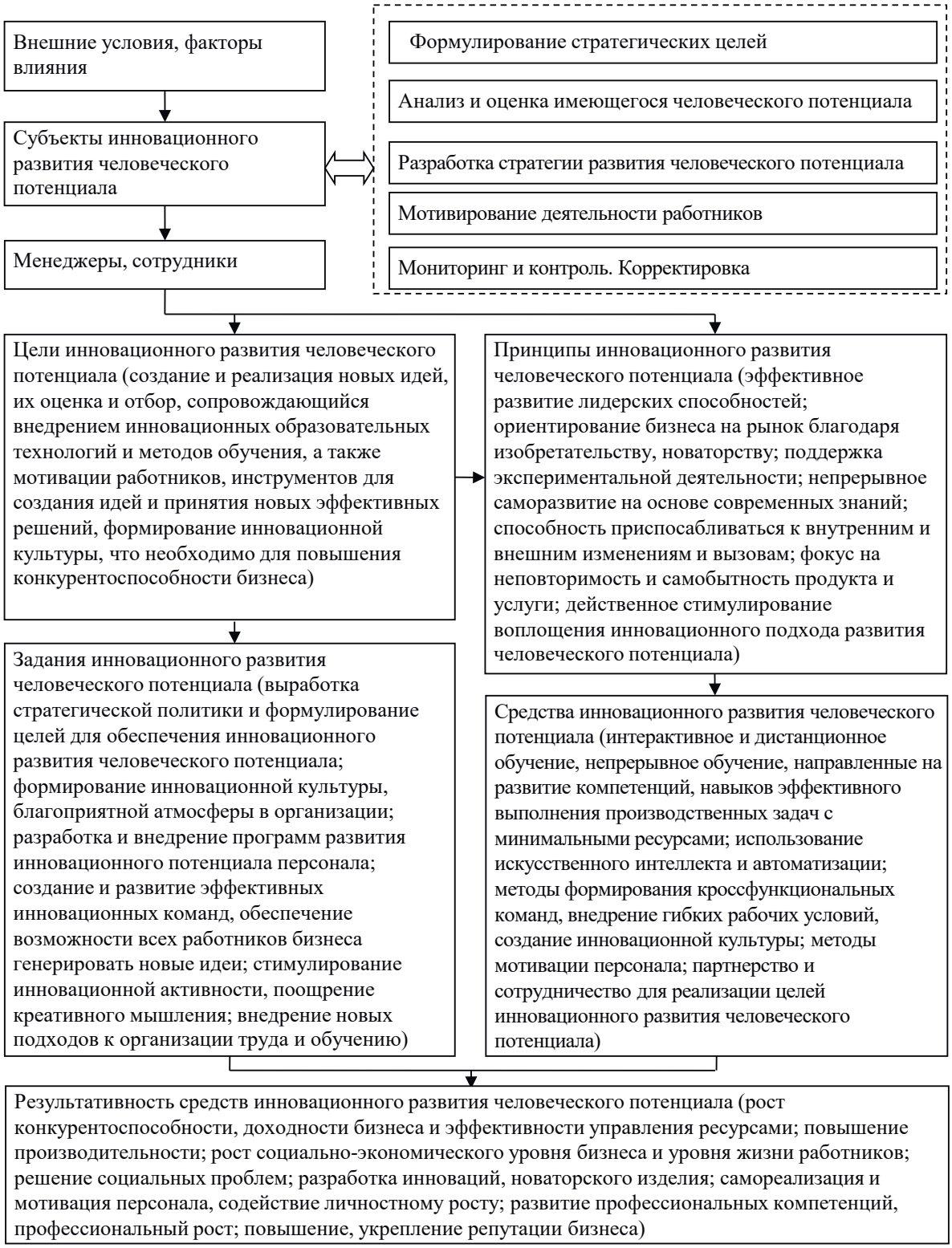

Рис. Концептуальный подход к инновационному развитию человеческого потенциала

Таким образом, предложенная концепция инновационного развития человеческого потенциала бизнеса основывается на общей концепции менеджмента организаций, отражает и сосредотачивает свое внимание на проведении анализа и оценки внешней среды, общих условий и препятствий, поиске и оптимальном выборе новых методов обучения человеческому потенциалу (создание новых методик и подходов для обучения и развития человеческого потенциала), формировании эффективной системы мотивации работников, исследовании внешних факторов, влияющих на инновационное развитие человеческого потенциала.

—— ◆ ——

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ МОДИФИЦИРОВАННОГО ИНДЕКСА А. СОВИ

Еремян О.С.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Рост продолжительности жизни и изменение структуры общества делают старение населения неизбежным трендом современности.

Традиционно применяемые в международной практике шкалы старения ООН и Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета перестали отражать реальную структуру современного общества. Критерии, заложенные в их основу, разрабатывались в период более низкой продолжительности жизни и иных социально-экономических условий. Поскольку развитые страны преодолели верхние пороговые значения обеих шкал еще около 20 лет назад, данные методики утратили способность фиксировать динамику процесса. В современных условиях, когда во многих государствах стремительно растет доля населения в возрасте 80 лет и старше, старые подходы нивелируют качественные различия демографических ситуаций, что свидетельствует о необходимости пересмотра устаревших градаций.

В качестве основного инструмента предлагается разработать систему оценки старения, ключевым индикатором которой будет использован такой элемент, как «индекс старения населения» (индекс А. Сови) с корректировками ($I_{ст}$):

$$I_{ст} = \frac{S_{x+}}{S_{x-}} \cdot 100,$$

где x – возраст трудоспособности, принятый в стране;

S_{x+} – число лиц в возрасте старше трудоспособного;

S_{x-} – число лиц в возрасте младше трудоспособного.

Следовательно, чем ниже значение данного показателя, тем моложе структура населения региона или страны, в то время как более высокий показатель свидетельствует о более старом населении.

Для построения шкалы оценки старения населения, с учетом подходов (ООН, Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета, Г. Пенева [1, с. 232], и Е. В. Чистовой [2], предлагается типология возрастной структуры с использованием метода равноинтервальной открытой шкалы, что представлено на рис.

Предлагаемая система оценки демографического постарения включает в себя 5 групп населения:

- группа 1 «очень молодое население» (в данной категории население имеет крайне молодой состав);
- группа 2 «молодое население» (данная группа характеризуется сбалансированным составом населения младше трудоспособного возраста, хотя число людей старше трудоспособного возраста значительно возрастает, однако соотношение молодежи и пожилых людей все еще находится на приемлемом уровне);

- группа 3 «население на пороге старости» (в рамках данной категории наблюдается рост численности населения старше трудоспособного возраста, которое приближается к числу людей младше трудоспособного возраста, что свидетельствует о начале старения общества);
- группа 4 «старое население» (в этой группе число людей старше трудоспособного возраста значительно превышает количество людей младше трудоспособного возраста);
- группа 5 «крайне старое население» (в этой категории численность людей старше трудоспособного возраста значительно больше, чем людей младше трудоспособного возраста).

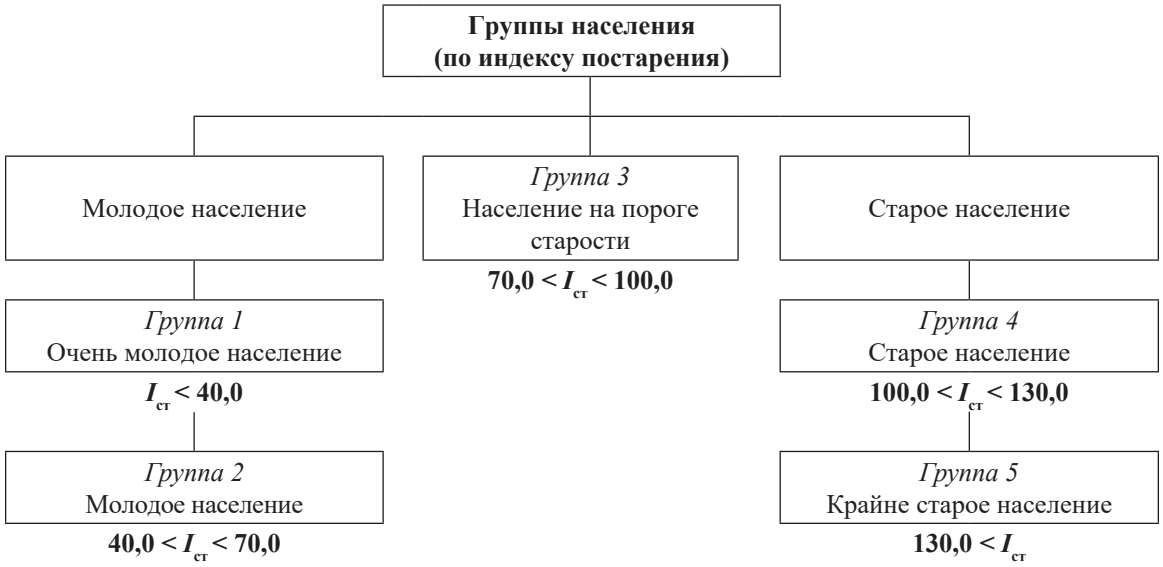

Рис. Система оценки постарения населения на основе индекса старения

Источник: собственная разработка.

Следует отметить, что в рамках предлагаемой шкалы оценки меньшее число интервалов не позволит провести качественную типологию, а большее число интервалов приведет к излишней перегруженности системы оценки старения населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. VI Конгресс географов Сербии с международным участием «Quo vadis geographia?», Навстречу новым географическим горизонтам //. Сборник трудов и сборник молодых исследователей / ред. В. Шечеров. – Белград, 2024. – Кн. 1. С. 232.

2. Подход к определению стадии демографического старения населения на региональном уровне. Демографический потенциал стран ЕАЭС. / Е.В. Чистова // VIII Уральский демографический форум. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. – Т.II. – С. 489–496.

СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Журавлёва О.В.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Возрастная структура населения большинства стран мира претерпевает глубокую трансформацию. На фоне увеличения ожидаемой продолжительности жизни и уменьшения показателей рождаемости происходит постепенный сдвиг в сторону повышения удельного веса старших возрастных групп при одновременном сокращении доли трудоспособного населения. По предварительным прогнозам, в мире к 2060 г. численность лиц 65 лет и старше достигнет 2 млрд чел. (в 2025 г. – 852 млн чел.).

По оценкам ООН, в странах Западной Европы еще в 1950-х гг. около 12% населения было старше 60 лет. В начале XXI в. процесс старения ускорился из-за достижения пенсионного возраста поколением послевоенного «беби-бума» в сочетании со снижением рождаемости ниже уровня простого воспроизводства в большинстве стран региона.

По данным базы данных Eurostat[1], в 2025 г. население стран Европейского союза достигло 450,6 млн чел., при этом 22,0%, составляли граждане старше 65 лет (в Беларуси этот показатель составляет 18,5%). Наибольшие значения отмечались в Италии (24,7%), Португалии (24,3%) и Болгарии (24,0%), а самые низкие – в Люксембурге (15,2%), Ирландии (15,7%). Согласно шкале демографического старения ООН, население страны считается старым, если доля людей в старших возрастах превышает 7%, соответственно, демографическую ситуацию в регионе классифицируют как глубокое старение населения.

В 2015–2025 гг. наблюдалось увеличение доли населения старших возрастов на 2,9%. Наибольший рост был зафиксирован в Польше (5,6%), Словакии (4,8%) и Хорватии (4,3%), а наименьший – на Мальте (0,4 %), в Люксембурге (1,0%) и в Швеции (1,2%).

Кроме того, следует отметить, что если в общей численности населения доля женщин составила в 2025 г. 51,0%, то в возрасте старше 65 лет этот показатель увеличился до 56,6%, что свидетельствует о тенденции феминизации старения. Это обусловлено в основном разницей в продолжительности жизни мужчин и женщин (в 2025 г. этот показатель составил 78,9 лет – у мужчин, 84,1 – у женщин).

На фоне увеличения продолжительности жизни растет медианный возраст населения стран, который показывает разделение населения на две равные группы: половина людей младше этого возраста, половина – старше. По данным World Population Review[2], в 2025 г. мировой показатель составил 30,1 года, тогда как в ЕС – 44,9 года. В странах ЕС значения варьировались от 39,6 года в Ирландии до 49,1 года в Италии. За 2015–2025 гг. этот показатель вырос на 2,1 года. Он увеличился почти во всех странах ЕС, наибольший прирост был зафиксирован в Словакии и на Кипре – на 4 года.

Одним из последствий старения населения является возрастание нагрузки на трудоспособное население. В 2025 г. на каждого человека в возрасте 65 лет и старше приходилось более 3 чел. трудоспособного возраста. В то же время максимальные значения отмечались в Люксембурге, Ирландии, Мальте (5 чел. трудоспособного возраста на 1 чел. старше 65 лет), а минимальные – в Италии, Болгарии, Португалии (менее 3 чел.). За последние 10 лет этот показатель увеличился на 5,5%.

По прогнозу Eurostat до 2100 г., ожидается, что население ЕС достигнет пика в 453,3 млн чел. к 2029 г., а затем сократится на 11,7% до 398,8 млн чел. к концу прогнозного периода. Вместе с тем численность лиц данной возрастной группы достигнет 133,8 млн чел. (или 33,6%), а медианный возраст – 51,5 года. Это указывает на ускорение процессов старения населения. При этом предполагается стремительный рост удельного веса населения в возрасте старше 80 лет. Прогнозируется, что доля лиц в данном возрасте увеличится в 2,5 раза до 15,3%.

Следует отметить, что Европейское региональное бюро ВОЗ адаптировало глобальную инициативу ООН «Десятилетие здорового старения» с учетом особенностей старения населения стран ЕС.

[1] Eurostat: [database] // European Commission, 2026. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/web/main/data/database (date of access: 07.08.2026).

[2] World Population Review, – USA, 2025. – URL: https://worldpopulationreview.com (date of access: 07.08.2026).

Ее главными целями стали: борьба с возрастной дискриминацией (эйджизмом); создание удобной среды для пожилых людей; формирование доступной системы долгосрочного ухода; предоставление медицинской помощи, учитывающей нужды пожилых людей (гериатрический подход).

Стремительное старение населения в странах ЕС является важным демографическим сдвигом, затрагивающим практически все сферы общества, что способствовало развитию «серебряной экономики», ориентированной на поддержку активного долголетия старшего поколения, учитывая потребности и потенциал граждан старше 65 лет.

В докладе МВФ «Перспективы развития мировой экономики»[3] в 2025 г. отмечалось, что тренд на здоровое старение открывает возможности для повышения занятости, продления трудовой активности и роста производительности труда. Благодаря здоровому старению когнитивные и физические способности 70-летних людей в 2022 г. соответствуют показателям 50–53-летних в 2000 г., что позволяет смягчить дефицит работников. Таким образом, только за счет тенденций к здоровому старению глобальный ВВП в 2025–2050 гг. может ежегодно получать прирост на уровне 0,4%.

Адаптация рынка труда стран ЕС к современным вызовам строится на сочетании цифровизации и внедрения поэтапного увеличения возраста выхода на пенсию с целью снижения нагрузки на государственные бюджеты и сохранения трудовых ресурсов; поощрения занятости пожилых граждан; распространения гибких графиков работы и программ переквалификации для людей предпенсионного возраста; введения «паспортов навыков», подтверждающих реальные компетенции работников вне зависимости от имеющихся дипломов.

Таким образом, в топ-10 рейтинга глобального индекса старения общества, который отражает готовность государств решать проблемы стареющего населения и использовать его возможности, из стран ЕС вошли Дания, Швеция, Финляндия, Нидерланды (Беларусь заняла 60 место из 143 стран). Ключевыми критериями стали состояние здоровья населения старших возрастов, доступность образования и работы, безопасность, вовлеченность в общественную жизнь и др.

[3] World economic outlook. Global economy in flux, prospects remain dim // International Monetary Fund, 2025. – URL: https://www.imf.org/-/media/files/publications/weo/2025/october/english/text.pdf (date of access: 31.08.2026).

СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В КИТАЕ И РАЗВИТИЕ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Жэнь М.,

Белорусский национальный технический университет, г. Минск

Демографическое старение – одна из острейших проблем современного социально-экономического развития Китая. Особую актуальность приобретает задача превращения пожилого населения из фактора демографической нагрузки в ресурс социального развития.

В настоящее время в Китае уже начата работа по вовлечению пожилых людей в экономическую деятельность. Местные власти с учетом региональных особенностей разработали разнообразные программно-политические решения.

Показателен шанхайский «План реализации по созданию системы поддержки социального участия пожилых людей в Шанхае и продвижению реализации принципа полезная старость»[1], утвержденный 19 ведомствами. Документ вводит концепцию гибкого графика занятости и акцентирует развитие практик повторного найма специалистов в образовании, медицине и высоких технологиях, а также создание информационной платформы для трудоустройства пожилых.

[1] План реализации по созданию системы поддержки социального участия пожилых людей в Шанхае и продвижению реализации принципа полезная старость: издан совместно 19 ведомствами во главе с Шанхайским бюро по гражданским делам от 13февр. 2026 г. (кит. «沪民老龄发» = «ХуМиньЛаоЛин Фа») №-1 // Шанхайское бюро по гражданским делам. – URL: https://mzj.sh.gov.cn/cmsres/79/79d41a4e134146a089fff848e9421666/aefefa3763ebea2 1666319a03bac92c8.pdf (дата обращения: 03.09.2026).

Ханчжоу использует «Месяц уважения к пожилым»[2] как платформу для развития кадрового потенциала старшего поколения: открыт первый «серебряный квартал», где 61-летний Лу Чанфэн работал директором на один день, реализуя модель вторичной самореализации. На ярмарке нематериального наследия пожилые мастера передавали свои навыки молодежи. Созданы центры «серебряных кадров» и проект «обучение для всех», способствующие переходу от культурного досуга к созидательной деятельности пожилых.

- Внутренняя Монголия реализует модель «соединение занятости с обучением»[3] [3]. Регион формирует базу данных талантливых пожилых специалистов в области науки, образования и юриспруденции. Это помогает пожилым специалистам успешно адаптировать свои компетенции к новым социальным условиям.
- В ходе реализации местной политики сформировались три типичные категории рабочих мест:
- первая категория – повторное трудоустройство специалистов, ориентированное в первую очередь на пенсионеров-преподавателей, врачей, инженеров и других профессионалов;
- вторая категория – должности в сфере общественных услуг, включая уход за пожилыми людьми, присмотр за детьми, посредничество в сообществах и другую работу на местном уровне;
- третья категория – должности, связанные с тестированием продукции, например, привлечение пожилых людей в качестве тестировщиков продукции предприятиями, разрабатывающими товары для пожилых.

Хотя в некоторых регионах Китая развитие кадрового потенциала пожилых людей проходит успешно и играет важную демонстративную роль, данная сфера сталкивается с рядом структурных противоречий. Среди них: несоответствие между спросом и предложением на рабочие места; несовершенство сопутствующей политики; недостаточное обучение групп с низким уровнем образования и низкой квалификацией; отставание в образовательных программах и цифровой разрыв, а также выраженная возрастная дискриминация в обществе (стереотип «вышел на пенсию – значит, на заслуженный отдых» и возрастное ограничение при приеме на работу до 35 лет).

[2] План реализации мероприятий Месяца почтения к пожилым людям в Чжэцзянской провинции на 2025 год : издан Комитетом по делам пожилых людей Чжэцзянской провинции от 16 окт. 2025 г. // Отдел по делам пожилых Чжэцзянской провинции. – URL: https://mzt.zj.gov.cn/art/2025/10/16/art_1632728_58939103.html (дата обращения: 03.09.2026).

[3] Меры по поддержке социального участия пожилых людей и содействию реализации принципа «продуктивная старость»: изданы совместно Министерством гражданских дел Внутренней Монголии и другими 18 ведомствами от 12 февр. 2026 г. (кит. «内民政发» =«НэйМиньЧжэнФа») №-16 // Министерство гражданских дел Внутренней Монголии. – URL: https://mzt.nmg.gov.cn/zfxxgk/fdzdgknr/gfxwj/202603/t20260313_28738 08.html (дата обращения: 03.09.2026).

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ РЫНКА ТРУДА И ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ОТ СТАТИСТИЧЕСКОГО УЧЕТА К ПРЕДИКТИВНОЙ АНАЛИТИКЕ

Зайцева О.В.,

кандидат экономических наук, доцент,

Витебский государственный технологический университет, г. Витебск

В условиях цифровой трансформации экономики традиционные подходы к анализу рынка труда, основанные на статистических обследованиях и административных данных, не в полной мере отвечают требованиям оперативности и детализации. Они позволяют оценивать занятость, безработицу, отраслевую структуру и основные параметры спроса и предложения труда, однако преимущественно отражают уже сложившееся состояние рынка. Временной лаг и агрегированный характер данных ограничивают возможности своевременного выявления структурных изменений и прогнозирования потребности в

кадрах. Поэтому эволюция информационного обеспечения связана с переходом от статистического описания к интерпретации, прогнозированию и использованию данных при принятии решений.

Цифровизация экономики сформировала дополнительные источники информации о рынке труда. Онлайн-порталы вакансий содержат сведения о текущем спросе работодателей, требованиях к кандидатам, профессиональных навыках и условиях занятости, позволяя оперативнее отслеживать изменения и анализировать их на более детальном уровне [1]. В этой связи необходимо разграничивать информацию о рынке труда как совокупность сведений о занятости, спросе и предложении рабочей силы и аналитику рынка труда, предполагающую обработку, сопоставление и интерпретацию данных для выявления тенденций, прогнозирования и обоснования решений.

Предлагаемую эволюцию подходов к анализу рынка труда можно представить в виде трех взаимосвязанных уровней:

- учетно-статистического, ориентированного на описание состояния рынка труда;
- аналитико-диагностического, направленного на выявление взаимосвязей и причин дисбалансов;
- прогнозно-аналитического, предполагающего интеграцию различных источников и оценку будущих изменений.

Эти уровни не исключают друг друга: статистические данные обеспечивают сопоставимость наблюдений, эконометрические методы позволяют исследовать динамику, а цифровые источники дополняют анализ оперативной информацией.

Проведенные автором исследования подтверждают взаимодополняющий характер официальных и онлайн-источников. Портал Государственной службы занятости занимает ведущую позицию по объему, полноте и структурированности данных, тогда как rabota.by и praca.by могут использоваться в качестве дополнительных источников [1]. Данные Государственной службы занятости целесообразно применять преимущественно для количественного прогнозирования, а онлайн-данные – для оперативного мониторинга и выявления изменений в требованиях к компетенциям [2]. Вступившие в силу с 1 января 2025 г. изменения законодательства, предусматривающие первичное размещение вакансий в Общереспубликанском банке вакансий, усиливают значение государственного портала как источника информации.

Интеграция различных источников и методов анализа обусловливает необходимость формирования информационно-аналитической системы рынка труда, основное назначение которой заключается в обеспечении заинтересованных сторон информацией и аналитическими материалами, необходимыми для принятия решений в сфере занятости и подготовки кадров [3]. Информационно-аналитическая система рынка труда должна объединять официальные данные, информацию онлайн-платформ и инструменты прогнозирования, обеспечивая их сопоставление и использование органами государственного управления, учреждениями образования, работодателями и населением.

Таким образом, эволюция подходов к анализу рынка труда выражается в переходе от статистического описания к комплексной аналитике, ориентированной на выявление тенденций и поддержку решений. Для Республики Беларусь формирование информационно-аналитической системы рынка труда является направлением развития информационного обеспечения рынка труда, позволяющим объединить устойчивость официальных данных с оперативностью цифровых источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцева, О. В. Онлайн-источники данных о рынке труда: классификация, характеристики и подходы к ранжированию / О. В. Зайцева // Белорусский экономический журнал. – 2025. – № 3. – С. 69–82.

2. Зайцева, О. В. Совершенствование информационного обеспечения рынка труда Республики Беларусь на основе современных методов прогнозирования спроса на труд / О. В. Зайцева // Вестник Витебского государственного технологического университета. – 2025. – № 4 (54). – С. 136–156.

3. Ванкевич, Е. В. Информационно-аналитическая система рынка труда и прогнозирования потребности в кадрах: содержание и направления формирования в Республике Беларусь / Е. В. Ванкевич, Э. Кастел-Бранко // Белорусский экономический журнал. – 2017. – № 2. – С. 73–92.

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОМПОНЕНТЫ В БЕЛОРУССКОЙ ПОЛИТИКЕ ПО РАЗВИТИЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Казак А.С.,

Белорусский государственный университет, г. Минск

Фундамент мировой политики в области ИИ конституируется научными исследованиями, человеческой этикой и институциональными системами. Однако национальные программы в великих державах отличаются по своему целеполаганию. Так, например, Китай стремится проектировать и развивать искусственные системы, финансировать научные исследования и внедрять системы в повседневную жизнь общества; Евросоюз фокусируется на решении проблем по социально-культурной трансформации (влияние на производство и труд, технологические риски, права человека и этика применения ИИ, исследования в области образования и т.д.); в США вектор развития ИИ регламентируется правительственными интересами [1]. Российская политика в области ИИ направлена на повышение качества жизни (практическое применение для повышения уровня образования, экономики, медицины, военного дела и т.д.) и обеспечение ее технологической независимости [2, с. 94]. Примечательно, что в Беларуси институциональные программы носят такой же системный характер.

Важнейшим документом, во многом регламентирующим вектор развития общества и государства под влиянием ИИ, является Программа социально-экономического развития Республики Беларусь[1]. Программа преимущественно детерминируется Национальной стратегией устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года и Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания. Фундаментальный принцип в политике государства в области ИИ, не раз подчеркиваемый в актуальных версиях на 2026–2030 годы, – повышение уровня жизни граждан с учетом возможных рисков и текущих реалий.

Осознавая риски и угрозы в процессе цифровизации социально-экономического строя (например, автоматизация процессов производства, вытеснение человеческих рабочих кадров, необходимость в подготовке высококвалифицированных кадров по специфике ИИ и т.д.), Программа предусматривает возможность формирования нового типа организации труда и общественной жизни. Для этого в Программе обозначаются цели и способы их достижения, формируются механизмы реализации, устанавливаются индикаторы для контроля над процессами развития и внедрения искусственных систем, назначаются координирующие структуры. Общими положениями для социально-экономической сферы являются сохранение безопасности и реализация устойчивого и равномерного развития человека, общества и государства.

Не акцентируя внимание на самих возможных рисках, мы хотим подчеркнуть пути и способы их нейтрализации, которые предлагаются в отечественных институциональных программах. Так, в социальной сфере государственная Программа направлена на формирование человека, осознающего собственную антропологическую ценность и имеющего качественные образование, медицинскую помощь и среду жизнедеятельности. Это реализуется, например, при помощи внедрения цифровых и интеллектуальных технологий в образовательную сферу, развития информационных технологий, обеспечивающих управление медицинской информацией, и развития особого типа социогуманитарных технологий.

Подобная устремленность находит свое выражение и в экономической сфере – Программа предусматривает возможности для развития высокотехнологичной и самодостаточной экономики, повышения качества товаров и услуг, например, научное обеспечение в приоритетных сферах, со-

[1] Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы : утв. Указом Президента Респ. Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P925v0001 (дата обращения: 13.07.2026).

здание новейших технологий широкого спектра для развития компонентной базы биологических, биохимических, фармацевтических и других производств, формирование отечественного фундамента цифровых технологий и ИИ-систем. Достижение поставленных задач предусматривается, в частности, через имплементацию интеллектуальных технологий в организациях и управлениях промышленным производством, использование аналитических платформ в отраслях экономики, развитие цифровых компетенций граждан.

Тем не менее необходимо подчеркнуть, что Программа социально-экономического развития Республики Беларусь является лишь элементом в обширной системе нормативно-правового регулирования. Реализуются также цели и задачи Приоритетных направлений научных исследований Республики Беларусь, положения долгосрочной Национальной стратегии развития науки и технологий до 2040 г., Государственной программы «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы, Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года, Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь и других. В совокупности данные программы формируют устойчивый социально-экономический фундамент, конституирующий вектор развития ИИ в Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wang S., Zhang Y., Xiao Y., Liang Z. Artificial intelligence policy frameworks in China, the European Union and the United States: An analysis based on structure topic model / S. Wang, Y. Zhang, Y. Xiao, Z. Liang // Technological Forecasting and Social Change. – 2025. – Vol. 212. – Article 123971. – DOI: 10.1016/j.techfore.2025.123971.

2. Харченко, Е. В. Государственная стратегия Российской Федерации в области развития искусственного интеллекта / Е. В. Харченко // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2025. – № 6. – С. 84–96.

ЦИФРОВЫЕ СЕРТИФИКАТЫ (NFT) КАК ИНСТРУМЕНТ МОНЕТИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛАРУСИ

Ковалёв Е.А.,

кандидат культурологии,
НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Беларусь обладает значительным креативным продуктом (музейный фонд, архитектура, памятники истории, традиции, книги, фотографические и киноматериалы, компьютерные программы и др.), многие произведения которого признаны на мировом уровне и способны приносить доход, но с его конвертацией в тиражируемый и прибыльный продукт существуют сложности. Основной причиной такой ситуации, на наш взгляд, можно назвать ориентацию управленческого звена на устаревшие бизнес-модели, игнорирующие современный уровень технологического развития.

Одной из актуальных технологий настоящего времени является NFT (англ. non-fungible token / невзаимозаменяемый токен) – инструмент, позволяющий монетизировать цифровые копии культурного наследия, создавая новый канал доходов для музеев, библиотек и авторов креативных индустрий, при этом сохраняя контроль над оригиналом творческого продукта и получая процент с каждой его перепродажи. NFT (невзаимозаменяемый токен) – это цифровой сертификат подлинности, закреплённый в блокчейне. Он не заменяет само произведение (картину, музыку), а удостоверяет, что у вас есть уникальная цифровая версия этого объекта с подтвержденной историей владения.

Реализованный в 2021 г. уникальный опыт Государственного Эрмитажа (С.-Петербург, РФ), разработавшего и впервые применившего юридически чистой и финансово прозрачный алгоритм для выпуска и продажи NFT своих экспонатов, обойдя запрет на оборот криптовалюты в России, подтверждает устойчивый спрос на такой продукт и его высокую маржинальность при корректно выстроенных правовых условиях (выручка Эрмитажа от первого выпуска токенов составила 440 тыс. долл. США).

В Республике Беларусь планомерно создаются предпосылки для применения NFT-токенизации креативного продукта. В стране активно оцифровываются музейные и библиотечные фонды (доля оцифрованных музейных предметов в 2025 г. – 31%, цель к 2035 г. – 60%). Разрабатывается система «Электронная библиотека» как единая платформа для всей сферы культуры. Этими действиями формируется идеальная основа для создания NFT-копий объектов культуры, но в перспективе данная практика может быть распространена и на другие результаты творчества. Одновременно некоторые доработки требуются в законодательной сфере. Беларусь – первая в мире страна, легализовавшая операции с токенами на государственном уровне (Декрет № 8 от 21.12.2017)[1], однако законодательством не определен правовой статус NFT, вследствие чего споры об авторских правах потенциально сложно разрешимы.

Определенные ограничения также формулирует Указ Президента РБ № 367 от 20.09.2024 г.[2], запрещающий операции по приобретению и отчуждению токенов на зарубежных площадках (разрешены только через резидентов ПВТ). Одновременно применение белорусскими учреждениями культуры опыта Российской Федерации (прежде всего Эрмитажа) позволяет рассматривать как перспективный инструмент монетизации наследия, а также улучшения финансового состояния учреждений культуры.

Дополнительное положительное влияние окажет создание национального NFT-маркетплейса при ПВТ, законодательное закрепление статуса NFT в Кодексе Республики Беларусь о культуре или Декрете № 8, а также четкое юридическое разделение права владения токеном и авторских прав на контент.

[1] О развитии цифровой экономики: Декрет Президента Респ. Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 – URL: https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716/ (дата обращения: 30.07.2026).

[2] Об обращении цифровых знаков (токенов): Указ Президента Респ. Беларусь от 17 сентября 2024 г. № 367 – URL: https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-367-ot-17-sentabra-2024-g (дата обращения: 30.07.2026).

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СПОРТИВНЫХ УСЛУГ В БЕЛАРУСИ

Кожух Л.П., Бессмертная Е.А.,

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

В Республике Беларусь определяющим фактором рыночного спроса на спортивные услуги служит устойчивая тенденция роста массовости занятий физической культурой и спортом. Эта тенденция отмечена в разделе 4.6 «Развитие физической культуры и спорта – залог здорового образа жизни и повышения имиджа страны» Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года[1]. Она также подтверждается данными обобщенного исследования тенденций развития рынка фитнес-услуг, выполненного экспертами Национального фитнес-сообщества России. Согласно результатам исследования, происходит структурная трансформация рынка спортивных услуг за счет ценовых факторов, государственной поддержки и совершенствования ассортиментной политики спортивных комплексов, бассейнов, фитнес-центров и др., развития дополнительных услуг[2]. Например, в Беларуси механизмы государствен-

[1] Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года. – URL: https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-razvitija-respubliki-belarus-na-period-do-2040-goda.pdf (дата обращения: 15.08.2026).

[2] Итоги 2025 года. Обобщенное исследование рынка фитнес-услуг. – URL: https://nationalfitness.ru/2025/12/30/itogi-2025-goda-obobshhennoe-issledovanie-rynka-fitnes-uslug/ (дата обращения: 17.08.2026).

ной поддержки в сфере спортивной деятельности определены на уровне указов Президента[3] ; действующей в настоящее время (2026–2030 годы) Государственной программы «Физическая культура и спорт» и др. Положениями программного документа отмечено, что важнейшим целевым ориентиром для использования стимулирующих и рыночных факторов развития спортивных услуг в Беларуси рассматривается показатель «доля занимающихся физической культурой и спортом в общей численности населения». К 2030 году этот показатель определен в значении около 35%. Для развития инфраструктурного обеспечения деятельности в области физической культуры и спорта к 2030 году предусмотрено строительство более 30 новых объектов, в том числе в регионах Беларуси, на уровне высоких требований социальных стандартов обслуживания населения. В условиях цифровизации процессов развития спортивной деятельности важное значение приобретают факторы технологичности, конкурентоспособности и клиентоориентированности спортивных организаций. Технологические факторы предполагают использование технологий искусственного интеллекта, онлайн-платформ и онлайн-сервисов для улучшения доступа к спортивным услугам различных групп потребителей. Например, в России на период до 2030 года предусмотрена реализация стратегии «Умный спорт», в рамках которой инициирована разработка проектов персонализированных тренировочных программ, социальной вовлеченности потребителей спортивных услуг в массовые спортивные мероприятия и др. Также в России внедряется специализированная онлайн-платформа «Мой спорт». Она интегрирует комплекс организационных процессов повышения качества спортивных услуг. Например, поддерживается онлайн-расписание занятий физической культурой и спортом; расписание проведения спортивных мероприятий; ведение «дневников здоровья» с учетом индивидуальных запросов потребителей; сбор аналитических данных активности спортивных организаций и др. Новая технологическая и цифровая среда развития спортивных услуг актуализирует значимость организационных факторов. Применительно к аспектам совершенствования деятельности спортивных организаций организационные факторы лежат в основе эффективности управления персоналом и использования материально-технической базы. По данным Национального фитнес-сообщества России, это влияет на структуру доходов спортивных организаций от услуг, оказываемых потребителям. В частности, экспертами отмечается, что в 2025 году в структуре спроса на спортивные услуги преобладали групповые занятия. Их доля составила около 66,7% в общем объеме спортивных услуг. Доля индивидуальных тренировок составляла около 57%. Кроме того, как новое направление в развитии спортивных услуг, отмечается разработка так называемых «комплексных пакетов услуг». Например, в России к их числу отнесены wellness-услуги (от англ. wellness – благополучие). Эта тенденция базируется на факторах приверженности населения к активному и здоровому образу жизни, принципах гармоничного развития человека. По содержанию wellness-услуги включают физическое, интеллектуальное, эмоциональное благополучие человека и его окружения (экологическое и социальное благополучие)[2].

Таким образом, факторы развития спортивных услуг в Беларуси непосредственно связаны с потребностями развивающегося рынка спортивных услуг, обусловлены результатами реализации Государственной социально-экономической политики и стратегическими направлениями развития спорта в целом.

[3] Об оказании поддержки спортивным организациям: Указ Президента Респ. Беларусь от 17.09. 2025 г. № 337 – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P32500337 (дата обращения: 15.08.2026).

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ РАСХОДАХ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ БЕЛАРУСИ В 2015–2025 ГГ.

Корж Г.Г.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Денежные доходы домашних хозяйств Беларуси увеличились за 2015–2025 гг. в 3,6 раза (до 2785,5 руб. в месяц в расчете на одно домохозяйство в 2025 г.), денежные расходы – в 3,5 раза (до 2717,2 руб.). Рост благосостояния домашних хозяйств обусловил структурный сдвиг в расходах от питания в сторону более качественного потребления и накоплений.

Динамика структуры *денежных расходов домашних хозяйств* характеризуется:

- снижением доли потребительских расходов – с 73,3% в 2015 г. до 68,1% в 2025 г.;
- сокращением доли расходов на ЖКУ – с 4,4 до 4,1%;
- ростом доли расходов на транспорт (с 6,8 до 8,1%), информацию и связь (с 3,5 до 4,6%), здравоохранение (с 3,1 до 4,3%), гостиницы, кафе и рестораны (с 2,1 до 2,5%);
- увеличением доли вкладов и сбережений – с 10,8 до 16,6%, расходов на строительство и покупку недвижимости – с 4,0 до 4,8%.

В *потребительских расходах* самой затратной статьей являются расходы на питание (включая общественное питание), хотя их доля за последние 11 лет сократилась с 41,9 до 37,8% (табл.).

Таблица

Динамика структуры потребительских расходов домашних хозяйств, %

Потребительские расходы	2015	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Питание	41,9	39,1	40,2	39,7	38,6	37,4	37,8
Алкогольные напитки, табачные изделия	3,5	2,7	2,5	2,5	2,6	2,5	2,3
Непродовольственные товары	32,7	33,9	33,6	33,7	34,3	36,0	35,5
Оплата услуг	21,9	24,3	23,7	24,1	24,5	24,1	24,4

Наблюдается положительная тенденция роста расходов на услуги: 21,9% всех потребительских расходов домашних хозяйств в 2015 г., в 2025 г. – 24,4%. Увеличилась также доля затрат *на непродовольственные товары (одежда, обувь, предметы домашнего обихода, бытовая техника и др.)* – с 32,7% в 2015 г. до 35,5% в 2025 г.

Одной из наиболее устойчивых тенденций в течение 11 лет остается сохранение в структуре потребительских расходов стабильной доли затрат домохозяйств на оплату жилья (9–10%), в том числе *на жилищно-коммунальные услуги* (в среднем около 6,0%). Главный фактор – эффективная тарифная политика (субсидирование отдельных тарифов на ЖКУ, индексация платы за коммунальные услуги в увязке с уровнем доходов населения).

В странах Евросоюза в структуре потребительских расходов доля затрат на жилье и жилищно-коммунальные услуги (ЖКУ) намного выше и составляет в среднем 32,9%, в том числе: в Чехии – 25,8%, Франции – 28,0, Германии – 36,0, Польше – 29,5, Литве – 33,5%. В СНГ высокая доля затрат на ЖКУ и топливо в Молдове (17,1%) и Армении (15,4%).

Высокозатратной статьей являются расходы домашних хозяйств на транспорт. Их доля увеличилась в 2025 г. до 12,0%, хотя на протяжении 11 лет оставалась относительно стабильной – порядка 9–11% в структуре потребительских расходов, что примерно соответствует среднему показателю по Евросоюзу. Основная составляющая их динамики в Беларуси – увеличение расходов на покупку и обслуживание личных автомобилей и рост цен на бензин. Обеспеченность населения легковыми автомобилями в расчете на 1000 человек населения повысилась с 307 штук в 2015 г. до 352 штук в 2025 г.

Доля расходов домохозяйств *на услуги здравоохранения* увеличилась в 1,5 раза – с 4,2 до 6,3%. В числе факторов – расширение сферы оказания платных качественных медицинских услуг для населения, а также рост цен на лекарственные средства. В зарубежных странах доля затрат на здравоохранение составляет: в Литве – 5,2%, Польше – 5,6, Армении – 10,0, России – 4,5, Казахстане – 3,0%.

Наблюдается увеличение структурной доли расходов *на услуги информации и связи* – с 4,7 до 6,8%, что объясняется ростом пользователей информационно-коммуникационных технологий: если в 2015 г. сетью Интернет пользовалось 62,2% населения старше 6 лет, то в 2025 г. – 95,5%. Выросло также количество пользователей сотовой связью с 92,0 до 99,1%, персональным компьютером – с 63,6 до 80,7%. Доля затрат на информацию и связь в структуре расходов белорусских домохозяйств значительно выше, чем в России (4,1%), Казахстане (4,3%), Армении (2,5%).

Доля затрат *на образование* в потребительских расходах домохозяйств Беларуси в 2025 г. составила 1,4%. Увеличились затраты на оплату платных услуг для детей дошкольного и школьного возраста, расширился платный контингент обучающихся в системе высшего образования. Среди стран СНГ только в Молдове доля затрат на образование в потребительских расходах домохозяйств (1,1%) ниже, чем в Беларуси, в Армении она достигает 2,5%, Кыргызстане – 2,8, России – 1,8, Казахстане – 1,4%.

Белорусы стали больше тратить средств *на посещение гостиниц, кафе и ресторанов* (рост доли расходов по данной статье на 0,8 п. п. относительно 2015 г. – до 3,7%). Основными драйверами выступили рост доходов населения, возросшая потребительская активность и расширение рынка общественного питания. В странах Евросоюза доля расходов домохозяйств по данной статье в среднем в 1,4 раза выше.

Негативная тенденция – сокращение расходов белорусских домохозяйств *на культуру, спорт и отдых*. Произошло снижение доли данной структурной компоненты с 5,4% в 2015 г. до 4,6% в 2025 г. Доля затрат на услуги досуга в России выше, чем в Беларуси в 1,5 раза, в странах Евросоюза – в среднем в 1,6 раза.

Таким образом, вследствие роста уровня жизни в структуре расходов домашних хозяйств произошли позитивные изменения: снижение расходов на продукты питания и рост затрат на услуги и во вклады и сбережения. Однако сохранение низких структурных долей расходов на образование и культуру может в долгосрочной перспективе отразиться на качестве человеческого потенциала.

—— ◆ ——

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК КАТАЛИЗАТОР ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Корнеевец И.В.,

кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Современный этап технологического развития характеризуется стремительным прогрессом в области искусственного интеллекта (ИИ), который трансформируется из узкоспециализированного инструмента в универсальный катализатор изменений во всех сферах жизни общества. В контексте устойчивого человеческого развития, сфокусированного на расширении свобод и возможностей человека, ИИ способен стать мощнейшим катализатором его развития, открывая новые горизонты и расширяя человеческие возможности. Однако вместе с ними возникают и серьезные вызовы, способные усугубить существующие неравенства и породить новые риски.

Так, по данным Докладов ПРООН, прогресс в области человеческого развития теряет импульс и достигает самого низкого уровня за последние 35 лет. При этом разрыв между странами с очень

высоким и низким уровнем ИЧР, который десятилетиями сокращался, уже четвертый год увеличивается. Как отмечают эксперты ПРООН, если бы темпы развития сохранились на уровне, имеющем место до 2020 года, мир достиг бы статуса очень высокого ИЧР к 2030 году, т.е. в срок, совпадающий с Целями устойчивого развития. Однако при нынешних темпах эта веха будет отодвинута на три десятилетия.

Несмотря на вызовы, потенциал ИИ как катализатора человеческого развития огромен, что предполагает необходимость перехода от автоматизации к расширению спектра человеческих возможностей в следующих сферах. Во-первых, под влиянием ИИ осуществляются революционные изменения в системах образования и здравоохранения. Так, в сфере образования он позволяет создавать персонализированные образовательные траектории, адаптируясь к индивидуальным потребностям обучающихся, нивелируя географические и социальные барьеры. Он позволяет сделать доступным качественное образование даже в отдаленных регионах посредством интеллектуальных ресурсов. В здравоохранении ИИ ускоряет и совершенствует диагностику, способствует разработке новейших лекарственных средств, прогнозирует вспышки заболеваний. Технологии ИИ способствуют персонализации лечения и развитию телемедицины с целью повышения доступности и качества медицинских услуг, продлению профессионального долголетия и сохранению здоровья людей, что соответствует целям устойчивого человеческого развития. Внедрение соответствующих систем в государственные службы способно повысить их эффективность и снизить издержки, что является чрезвычайно актуальным для стран с ограниченными ресурсами. Во-вторых, в сфере научных открытий ИИ уже используется для моделирования климата, оптимизации энергопотребления, эффективного управления сельским хозяйством и прогнозирования стихийных бедствий. Он способен обрабатывать огромные массивы данных, недоступные человеку, и находить нетривиальные решения глобальных проблем человечества, от которых зависит его дальнейшее существование и развитие всей цивилизации. В-третьих, расширяются возможности реализации потенциала продуктивности и творчества в условиях передачи ИИ рутинных задач и освобождения времени для глубокого критического осмысления проблем, стратегического мышления и социальных взаимодействий. Так, примеры из областей инженерии и программирования свидетельствуют, что симбиоз человека и ИИ порождает результаты, недостижимые по отдельности. В-чевертых, осуществляется совершенствование государственного управления посредством чат-ботов для обратной связи, автоматизированного анализа бюджетов и прогнозирования социальных потребностей. В качестве конкретных примеров применения ИИ в системе государственного управления следует отметить, что правительства используют ИИ для анализа значительных объемов данных, прогнозирования последствий решений и оптимизации процессов предоставления услуг.

Исходя из этого, искусственный интеллект следует рассматривать не просто как технологический тренд, а фундаментальный фактор, предопределяющий траекторию человеческого развития. Для того, чтобы превратить ИИ из источника риска в катализатор человеческого развития, необходимо реализовать три взаимосвязанные стратегии. Во-первых, это формирование и развитие экономики взаимодополняемости, стимулирование взаимодействия и сотрудничества между людьми и ИИ, что предполагает переобучение работников, активное осовоение новых профессий и перераспределение выгод от автоматизации через налоги и социальные гарантии. Во-вторых, это целенаправленное стимулирование инноваций, предполагающее разработку и реализацию потенциала ИИ с учетом человеческого фактора, включая встроенные механизмы контроля, этические стандарты и создание справедливых и этичных правил. В-третьих, это инвестирование в значимые способности, что обусловливает необходимость кардинальной модернизации систем образования и здравоохранения с учетом возможностей реализации возрастающих потребностей человека.

Таким образом, эпоха искусственного интеллекта, не отменяя целей человеческого развития, кардинально изменяет контекст и инструменты для их достижения. ИИ вносит в эту модель каче-

ственные изменения, предполагающие симбиоз человека и технологий искусственного интеллекта. Не вызывает сомнения, что распространение ИИ знаменует собой не просто эволюционный, а революционный сдвиг в парадигме устойчивого развития. Традиционная модель, основанная на компромиссах между экономическими, социальными и экологическими целями, уступает место новой, более сложной и интегрированной системе, где ИИ выступает в качестве мощного катализатора и мультипликатора изменений, трансформируя сами подходы к решению глобальных вызовов и угроз.

—— ◆ ——

СИСТЕМА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ «СЕМЕЙНЫЙ КАПИТАЛ»

Костюкова С.Н.,

кандидат экономических наук, доцент,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск,

Станкевич М.П.,

г. Минск

Эффективное управление социально-демографическими процессами является необходимым условием для обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития государства.

На сегодняшний день для Республики Беларусь наиболее остро стоит проблема устойчивого сокращения численности населения. Как свидетельствуют статистические данные, в период с 1994 г. по 2024 г. численность населения республики сократилась более чем на 1 млн человек (10,7%), составив к концу 2024 г. 9,1 млн чел.

Стратегическая цель в области народонаселения – стабилизация численности и обеспечение перехода к устойчивому воспроизводству населения посредством укрепления семейных ценностей. Ключевым направлением является стимулирование рождаемости, прежде всего вторых и последующих детей, повышение престижа многодетной семьи. Среди приоритетных задач – усиление адресности государственной помощи семьям с детьми с акцентом на поддержку многодетных семей, в том числе через развитие программы семейного капитала.

Семейный капитал – единовременная целевая безналичная денежная выплата, предоставляемая при рождении третьего или последующего ребенка, которая зачисляется на специальный депозитный счет граждан в ОАО «Сберегательный банк «Беларусбанк» [1].

Впервые семейный капитал в виде единовременного предоставления семьям денежных средств был введен Указом Президента Республики Беларусь от 9 декабря 2014 г. № 572 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей воспитывающих детей» (далее – Указ 572). Действие Указа 572 распространяются на семьи, в которых третий или последующий ребенок, родился после 1 января 2015 г. В Беларуси семейный капитал выплачивается только на третьего ребенка, его размер в 2026 г. составил чуть более 12 тыс. долл. США. Для сравнения: в России с 2020 г. семейный капитал выплачивается на первого ребенка (9 тыс. долл. США).

Действующая программа государственной поддержки семей с детьми в Республике Беларусь требует системной корректировки в сторону большей гибкости, адресности и учета реальных потребностей семей на разных этапах их жизненного цикла.

В целях комплексной оценки эффективности реализации программы «Семейный капитал» в Республике Беларусь авторами предлагается система измеримых показателей, сгруппированных по трем направлениям: демографическая результативность, охват и востребованность мер государственной поддержки, социально-экономическая направленность программы (табл.).

Таблица

Система разработанных показателей в рамках методики оценки эффективности реализации программы «Семейный капитал»

Показатель	Методика расчета	Практическая значимость
Демографическая результативность		
Темп роста числа рожденных детей	Отношение числа рожденных детей в отчетном периоде к числу рожденных детей в базовом периоде	Позволяет оценить общее изменение рождаемости под влиянием программы
Коэффициент рожденных третьих и последующих детей	Отношение числа рожденных третьих и последующих детей к общему числу рожденных детей	Показывает долю рожденных третьих и последующих детей в общем количестве рожденных детей
Темп роста числа многодетных семей	Отношение количества семей с тремя и более детьми на отчетную дату к количеству таких семей на базовую дату	Отражает устойчивый рост числа многодетных семей как результат действия программы
Доля многодетных семей в общем числе семей с детьми	Отношение числа семей, имеющих трех и более детей, к общему числу семей с детьми	Характеризует распространенность многодетной модели семьи в обществе
Охват и востребованность мер государственной поддержки		
Коэффициент охвата многодетных семей	Отношение количества семей, открывших счет «Семейный капитал», к общему количеству семей, родивших третьего или последующего ребенка в текущем году	Оценивает доступность программы и эффективность информирования семей
Социально-экономическая направленность программы		
Доля капитала, направленного на улучшение жилищных условий	Отношение суммы средств, использованных на жилье, к общей сумме средств использованного капитала	Позволяет оценить вклад программы в решение жилищных вопросов многодетных семей
Доля капитала, направленного на медицинские услуги	Отношение суммы средств, использованных на медицину, к общей сумме использованного капитала	Отражает востребованность медицинской составляющей программы
Доля капитала, направленного на получение образования	Отношение суммы средств, использованных на образование, к общей сумме использованного капитала	Характеризует заинтересованность семей в инвестициях в образование
Коэффициент исполнения обязательств государства по программе «Семейный капитал»	Отношение суммы израсходованных средств семейного капитала к текущим обязательствам государства перед многодетными семьями	Показывает степень выполнения государством своих финансовых обязательств перед многодетными семьями

Источник: авторская разработка.

Разработанная система показателей позволяет детализировать степень достижения поставленных государством целей – стимулирование рождаемости, в особенности третьего и последующего детей, а также повышение качества жизни многодетных семей на основе системы предложенных показателей, разрабатывать областные подпрограммы с учетом сложившейся местной конъюнктуры по регионам страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларусбанк : [сайт]. – URL: http://belarusbank.by/fizicheskim_licam/investicii/semeynyy_kapital (дата обращения: 08.05.2026).

ДИАГНОСТИКА СМЕНЫ ФАЗ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦИКЛОВ И ТРАНСФОРМАЦИИ РЫНКА ТРУДА БЕЛАРУСИ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА КРИВОЙ БЕВЕРИДЖА

Крицкая Н.В.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Рынок труда в Беларуси находится в состоянии кадровой напряженности. По методологии МОТ безработица снизилась до исторического минимума – 2,1% за II квартал 2026 г. Для сравнения, в I квартале 2017 г. этот показатель составлял 6,3%[1]. Параллельно фиксируется рост спроса на рабочую силу. В июне 2025 г. Государственной службой занятости (ГСЗ) было отмечено максимальное количество открытых вакансий за последние 15 лет – более 220 тысяч. Данный пик во многом носит административный характер: с 1 января 2025 г. вступило в силу требование об обязательном размещении всех вакансий на портале ГСЗ с их регулярным подтверждением. К середине 2026 г. количество вакансий начало корректироваться, но их объем по-прежнему кратно превышает исторические минимумы (25 тыс. в 2015 г.), что свидетельствует о реальном дефиците кадров[2].

Формирующийся дефицит трудовых ресурсов провоцирует три системные проблемы для экономики. Во-первых, усиливается инфляционное давление из-за разрыва между зарплатами и производительностью. В попытках удержать персонал предприятия повышают оплату труда темпами, опережающими выработку. Соотношение индексов производительности труда и реальной заработной платы критически снизилось – с 0,99 в 2022 г.[3] до 0,92 в 2025 г.[4] Экономика не создает добавленную стоимость, достаточную для покрытия возросшего фонда оплаты труда, что в долгосрочной перспективе неизбежно транслируется в инфляцию, так как рост денежной массы не подкреплен товарным предложением. Во-вторых, происходит рост неэффективной текучести кадров. Наблюдается практически синхронное движение показателей приема и увольнения сотрудников, например в июне 2026 г. – 3% и 3,1% от списочной численности соответственно[5]. Подобный паритет указывает не на создание новых рабочих мест, а на то, что предприятия вынужденно переманивают специалистов друг у друга.

Для диагностики структурных сдвигов и смены фаз экономических циклов оптимальным инструментом является кривая Бевериджа, отражающая зависимость между уровнем безработицы и количеством вакансий. Динамика белорусского рынка труда имеет некоторые отличия от соседних рынков труда, в частности российского. Согласно отчету ученого совета ИМЭМО РАН, «исходная точка экспансии вакансий на российском рынке труда – начало пандемии коронавируса, о чем свидетельствует резкий сдвиг вверх кривой Бевериджа во II кв. 2020 г.» [1, с. 130]. В Беларуси наблюдалась иная картина. Отказ от жестких локдаунов привел к тому, что кривая Бевериджа (рис.) сделала петлю вниз, так как уровень безработицы остался стабильным при снижении числа вакансий. Такое движение против часовой стрелки отражает классическую циклическую динамику прохождения экономикой локального спада с последующим переходом к восстановлению.

[1] База данных статистических показателей // Национальный статистический комитет Республики Беларусь – URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10102000025 (дата обращения: 06.09.2026).

[2] Спрос и предложение на рынке труда / Информационный портал Государственной службы занятости – URL: https://gsz.gov.by/directory/supply-and-demand-graph/ (дата обращения: 06.09.2026).

[3] Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе–декабре 2022 г.: стат. изд. // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2023. –153 с. С.6.

[4] Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе–декабре 2025 г.: стат. изд. // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2026. – 143 с. С.6.

[5] Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе – июле 2026 г.: стат. изд. // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2026. – 138 с. С.109.

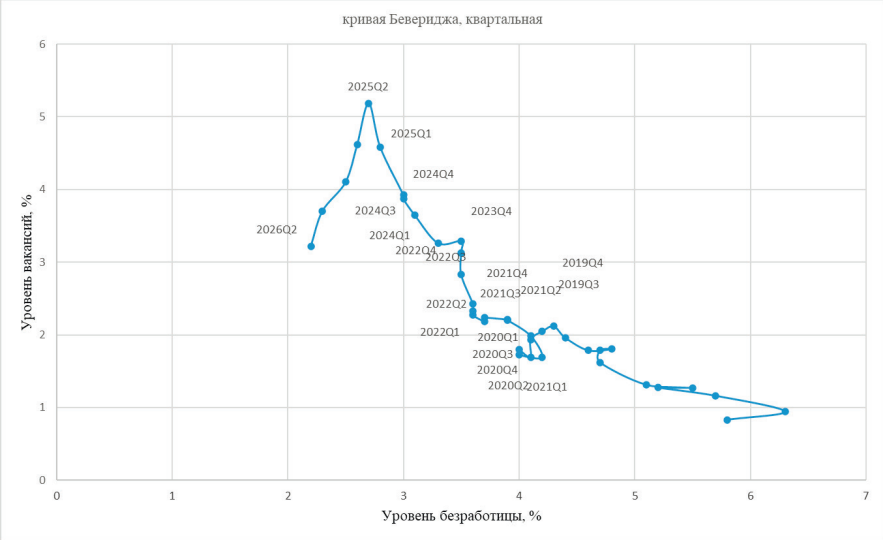

Рис. Кривая Бевериджа

Источник: построено автором по данным ГСЗ

Однако с 2022 г. тенденции рынков труда Беларуси и России синхронизировались под влиянием внешних шоков и перестройки логистических цепочек. Со II квартала 2022 г. до 2024 г. кривая Бевериджа совершила резкий сдвиг вверх, отражая кардинальные изменения в структуре спроса на труд. Начиная с I квартала 2024 г. и вплоть до пиковых значений II квартала 2025 г. наблюдается ярко выраженное движение влево и вверх – одновременное сокращение числа безработных при агрессивном росте вакансий. Такое положение является маркером полного исчерпания экстенсивных резервов рабочей силы.

Анализ макроэкономических показателей рынка труда путем построения кривой Бевериджа позволяет сделать ряд выводов:

1. Движение кривой в крайнюю левую-верхнюю точку сигнализирует о том, что дальнейший экономический рост за счет простого вовлечения новых трудовых ресурсов невозможен. Стратегия развития должна быть переориентирована на интенсивный путь через стимулирование автоматизации, роботизации и внедрение новых технологий.

2. Текущее снижение соотношения производительности и зарплат требует жесткого мониторинга. Государственное регулирование должно сместить фокус с директивного роста номинальных заработных плат на стимулирование сдельно-премиальных систем, жестко привязанных к реальной добавленной стоимости и выработке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Экспансия вакансий на российском рынке труда: динамика, структура, возможные триггеры / Ученый совет ИМЭМО РАН // Мировая экономика и международные отношения. – 2025. – Т. 69, № 4. – С. 130–140.

РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРИЗМА БЕЛАРУСИ

Круглик Д.А.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

В последнее время для развития туристического рынка в странах СНГ характерно усиление роли внутренних и взаимных туристических путешествий. Такое направление прослеживается и в Республике Беларусь. В последние годы в стране растет количество как внутренних, так и иностранных туристов. В Республике Беларусь въездной туризм увеличился с 81 тыс. человек в 2020 г. до 579,2 тыс. чел. в 2025 г. Основой развития туристической отрасли Республики Беларусь

остается внутренний туризм, несмотря на восстановление количества международных поездок. Об этом свидетельствует увеличение числа внутренних туристов с 571,5 тыс. чел. в 2020 г. до 2,212 млн чел. в 2025 г. Его рост обеспечивает стабильное развитие национальной экономики, туристической индустрии в целом, выступает важным инструментом социально-экономического развития и повышения уровня качества жизни в регионах, способствует развитию туристической привлекательности страны и формирует устойчивый внутренний спрос на туристические услуги[1].

В этих условиях развитие внутреннего туризма не может рассматриваться исключительно как задача увеличения количества туристических объектов. Более значимым становится создание единого туристического продукта. Одним из ограничений существующего туристического предложения является его преимущественная ориентация на широкую аудиторию. Исследование показывает, что туристические предпочтения неоднородны: 45,7% опрошенных выбирают исторические и культурные места, 34,8% −природные объекты, 20,2% − мероприятия и фестивали, 12% – религиозные объекты. При этом 87,1% рассматривают Беларусь как место для отдыха. Поэтому при формировании туристических продуктов нужно учитывать особенности различных групп потребителей и предлагать им соответствующие варианты маршрутов и форматы путешествий. Такой подход позволяет сформировать взаимосвязанное туристическое предложение и обеспечить более полное использование имеющихся ресурсов региона. В результате увеличивается число туристических услуг, потребляемых туристом в регионе, и создаются условия для более продолжительного пребывания туристов на территории Республики Беларусь. Для регионов это имеет непосредственное экономическое значение. Посещение отдельного объекта или мероприятия не всегда приводит к длительному пребыванию туриста на территории. В результате поездка может ограничиваться одним днем, что снижает объем потребления услуг размещения, общественного питания, транспорта, торговли и других услуг, связанных с пребыванием туриста. Таким образом, сам факт привлечения посетителя еще не означает получения регионом значительного экономического эффекта от туризма. В этой связи одной из задач развития регионального туризма становится увеличение продолжительности пребывания туристов. Для этого отдельные объекты необходимо связывать между собой в рамках маршрута, который предполагает посещение нескольких достопримечательностей и использование различных услуг территории [1].

Реализация данного подхода сталкивается с одной из ключевых проблем регионального туризма территориальной и организационной разобщенностью туристических ресурсов. Главная проблема заключается в территориальной разобщенности туристических объектов. В этих условиях особое значение приобретает использование цифровых технологий, которые могут связать отдельные элементы туристического предложения и сделать их доступными для самостоятельного планирования поездки. Особенно важным здесь становится цифровой компонент, турист все чаще самостоятельно планирует поездку, использует сайты, социальные сети, онлайн-сервисы, виртуальные музеи и 3D-туры. Поэтому цифровая среда уже становится частью самого туристического опыта, задействованная в построении цифрового туристического маршрута. Особое значение цифровой формат приобретает для привлечения туристов к менее известным объектам региона. Если информация о них включена в готовый маршрут и связана с более популярным объектом или событием, вероятность их посещения возрастает. Таким образом, цифровые инструменты могут способствовать более равномерному распределению туристического потока и вовлечению в туристическую деятельность большего числа объектов территории [2].

На сегодняшний день туристическая отрасль Беларуси уверенно развивается, трансформируясь от классического осмотра достопримечательностей к созданию целостного, впечатляющего и

[1] Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы // Министерство экономики Республики Беларусь – URL: https://economy.gov.by/uploads/files/macro-prognoz/pser-2030.pdf (дата обращения: 04.09.2026).

технологичного туристического маршрута, ориентированного на запросы каждого человека. Для развития внутреннего туризма нужно объединять объекты и события. Важно понимать, что событие – это отправная точка маршрута, благодаря которой турист открывает для себя отдельный регион, знакомясь с достопримечательностями, он узнает особенности местности, историю и ее культуру, что повышает туристическую привлекательность страны и способствует формированию ее образа среди иностранных граждан. Экономический эффект от развития туризма не ограничивается деятельностью самих туристических объектов. Увеличение числа туристов сопровождается ростом спроса на транспорт, размещение, питание, торговлю и другие услуги. Поэтому развитие внутреннего туризма создает спрос сразу в нескольких сферах экономики региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусаков, В. Сущность и характерные черты белорусской экономической модели и белорусской экономической школы / В. Гусаков // Наука и инновации. – 2025. – № 9 (271). – С. 72–76.

2. Нехорошева Л. Н. Цифровая трансформация экономики: новая технологическая парадигма и перспективные направления развития экономических систем различного уровня / Л.Н. Нехорошева // Белорусский экономический журнал.– 2022. – №1.– С. 97–115.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ИХ АКТУАРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Кулак А.Г.,

кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Обоснование нетто-тарифа в договорах страхования жизни и пенсионном страховании базируется на актуарном анализе демографических показателей, получаемых из таблиц смертности или аналитических законов смертности [1].

Анализ таблиц смертности и средней продолжительности жизни для мужчин и женщин Республики Беларусь, построенных в 2018 г., позволил выявить следующие закономерности и гендерные различия (корень таблицы $l_0 = 100\ 000$)[1]:

а) повышенная вероятность смерти наблюдается в начале человеческой жизни, затем она снижается и достигает минимума в детском возрасте – к 5–10 годам (женщины – 6 лет, мужчины – 9–10 лет) и затем постоянно увеличивается с повышением возраста;

б) не более 0,2% группы новорожденных девочек и не более 0,3% новорожденных мальчиков в среднем умирают в течение первого года жизни;

в) до 60 лет доживает 91,7% белорусских женщин и 76,4% белорусских мужчин;

г) скорость вымирания у мужчин значительно выше, чем у женщин, причем преимущественно в молодых возрастах: из числа одновременно родившихся в возрасте 15 лет ожидаемое число умерших мальчиков в 2,13 раза больше, чем умерших девочек, в 20 лет – в 3,3 раза, в 30 лет – в 3,15 раза. К старшим возрастам эти различия снижаются, а в возрасте 77 лет и старше ожидаемые числа умирающих мужчин меньше, чем женщин;

д) максимальное число смертей среди женщин в среднем отмечается в возрасте 85 лет (число умирающих составило 4220 женщин), среди мужчин – в 76 лет (2 817 смертей);

е) более 60% мужчин умирают до 75 лет (женщин – примерно 27%);

ж) белорусские женщины в среднем живут на 10 лет дольше мужчин. Этот разрыв сокращается с возрастом: в 50 лет – 8,1 года, в 65 лет – 5,2 года, в 80 лет – 1,5 года;

[1] Таблицы смертности и средней продолжительности жизни населения Республики Беларусь за 2018 год. Нац. статист. комитет Респ. Беларусь, 2019. – 132 с.

з) чуть более половины мужчин доживает до 70 лет (53,2%), а более половины женщин преодолевают 81-летний рубеж (54,6%). К 90 годам число доживших женщин более чем в 3,5 раза превышает число доживших мужчин.

Зависимость смертности от пола и возраста – ключевая закономерность, позволяющая страховщику формировать тарифы в страховании жизни и пенсий с достаточно высокой точностью. Кривая вероятности умереть для белорусов имеет довольно типичный контур: в течение первого года жизни смертность меняется очень быстро (достаточно высокая вероятность смерти в первые месяцы жизни), далее снижение и стабилизация вероятности на относительно невысоких значениях, затем стремительный рост показателя (постоянно возрастающий, близкий к экспоненциальному).

В большинстве возрастов вероятность смерти мужчин существенно выше аналогичного показателя для женщин. У мальчиков риск смерти в первый год жизни примерно на 43% выше, чем у девочек. Разница становится еще более заметной в трудоспособном и предпенсионном возрасте, когда мужская смертность превышает женскую в 2–3 раза: вероятность умереть в возрасте 40 лет у мужчин в 3 раза, а в возрасте 60 лет в 3,43 раза выше, чем у женщин. После 80 лет показатели начинают сближаться, гендерный разрыв заметно сокращается (табл.).

Таблица

Смертность и выживаемость женщин и мужчин Республики Беларусь в отдельных возрастах (по данным 2018 г.)

Возраст, x	Вероятность умереть в возрасте от x до x+1 лет (q_x)		Соотношение вероятности умереть для мужского и женского населения	Удельный вес доживших до возраста x лет, %	
	женщины	мужчины		женщины	мужчины
0	0,00193	0,00276	1,43	100,0	100,0
15	0,00016	0,00034	2,13	99,6	99,5
40	0,00150	0,00450	3,00	98,4	95,6
60	0,00719	0,02467	3,43	91,7	76,4
75	0,03356	0,07113	2,12	72,9	39,6
85	0,10971	0,14989	1,37	38,5	13,5

Источник: составлено автором на основе таблиц смертности.

Смертность среди мужчин выше, чем среди женщин, вследствие чего у последних более высокая продолжительность жизни (в разных возрастах). Например, согласно таблице смертности 2018 г., мужчине, достигшему 40-летнего возраста, предстоит прожить еще 31,1 года (женщине – 40,3 года). Мужчине, пережившему 70-летний рубеж, предстоит прожить еще 10,4 года, женщине – 14,3 года[1].

Выявленные закономерности играют важную роль в актуарных расчетах.

Для страховых продуктов, предполагающих наступление страховых выплат при смерти (страхование на случай смерти), нетто-премия для мужчины будет значительно выше, чем для женщины (ввиду более высокой вероятности смерти в течение действия страховой защиты). Страховые продукты, где выплаты зависят от дожития до определенного возраста или срока (страхование на дожитие, пожизненный и пенсионный аннуитет), для женщин, напротив, при прочих равных условиях будут дороже, чем для мужчин (так как женщины с большей вероятностью доживут до срока выплаты).

Существенные различия в продолжительности жизни женщин и мужчин приводят к довольно заметной асимметрии в пенсионной системе – при одинаковом возрасте выхода на пенсию женщины в среднем получают страховые выплаты значительно дольше мужчин. Вследствие более длинного ожидаемого периода выплат стоимость обязательств для пожизненных пенсий и аннуитетов женщин значительно выше. При одинаковом возрасте начала выплат пенсионного аннуитета, например, в 65 лет, ожидаемая продолжительность жизни женщин и, соответственно, ожидаемый

срок выплат (без учета дисконтирования) составляет 18,2 года, что на 40 % выше, чем у мужчин (12,9 года). Учитывая, что женщины в Республике Беларусь выходят на пенсию раньше мужчин (58 лет и 63 года соответственно), разрыв становится еще более значительным.

Таким образом, пол и возраст являются основными факторами актуарной оценки в страховании жизни и пенсионных аннуитетов. Более высокая смертность мужчин увеличивает стоимость страхования на случай смерти, в то время как более высокая продолжительность жизни женщин повышает стоимость аннуитетных и пенсионных обязательств. Учет гендерных различий смертности особенно важен при формировании страховых резервов, оценке риска долголетия и разработке тарифной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулак, А.Г. Демографические основы актуарных расчетов / А.Г. Кулак // Вестник БГЭУ. – 2024. – № 6. – С. 50–60.

—— ◆ ——

СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ ПОД ВЛИЯНИЕМ КОГНИТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Кулик Н.Л.,

кандидат экономических наук,
Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

В настоящее время искусственный интеллект (ИИ) оказывает огромное влияние на все сферы жизнедеятельности человека, в том числе на рынок труда. Данное влияние будет усиливаться, и в ближайшее время ИИ станет неотъемлемой частью бизнес-процессов. Многие рутинные задания, которые выполняли раньше люди, теперь могут быть выполнены компьютерами и роботами. Это позволит увеличить производительность и снизить затраты на рабочую силу.

Однако автоматизация экономики может негативно влиять на занятость. Согласно прогнозам Международной организации труда (МОТ), число занятых сократиться на 0,9% до отметки 57,7%. По мнению некоторых экспертов, к 2030 г. рабочей силы будет количественно меньше, она будет старше, формально образованнее, кроме того, будет наблюдаться тенденция вымирания 50% профессий. По данным мировых экспертов, уже к 2036 г. может быть автоматизировано от 2 до 50 работы, выраженной в человеко-часах, а к 2066 г. эта доля может достичь 46–99%. К 2030 г. во всем мире до 375 млн чел. вынуждены будут сменить профессию.

Многие ученые считают, что страх тотальной автоматизации сильно преувеличен. ИИ не уничтожает рабочие места в целом, а приводит к перераспределению трудовых ресурсов, что выражается в изменениях в спросе на определенные квалификации и навыки. Исчезновение многих традиционных профессий отчасти будет скомпенсировано созданием новых. Вместо того чтобы соревноваться с искусственным интеллектом, люди могут сосредоточиться на его обслуживании и совершенствовании. На рынке труда может наблюдаться сотрудничество, а не соперничество людей и искусственного интеллекта. Коллективы из людей и искусственного интеллекта могут превзойти и людей, и компьютеры.

По результатам исследования рынка труда, проведенного крупнейшей компанией мира PricewaterhouseCoopers, доход компаний в расчете на одного сотрудника утроился в сферах, где активно внедрялся ИИ; в этих сферах заработные платы растут в два раза быстрее; сотрудники с навыками работы с ИИ получают более высокую оплату труда; требования к навыкам в профессиях, связанных с ИИ, меняются на 66% быстрее, чем в менее ИИ-подверженных; компании все чаще ищут людей, готовых адаптироваться и работать с ИИ-инструментами, а количество рабочих мест растет даже в профессиях, где задачи наиболее легко автоматизируются ИИ. Это означает, что автоматизация не

приводит к массовому исчезновению работ, а, скорее, трансформирует их. ИИ усиливает ценность работников, ускоряет рост продуктивности и зарплат и не приводит к массовой потере рабочих мест, но требует от работников быстрого обновления навыков и адаптации к новым технологиям.

Чтобы соответствовать новым требованиям рынка труда, работники должны обладать навыками, необходимыми для работы с ИИ и автоматизированными системами. Поэтому обучение в области ИИ становится все более востребованным. Многие компании предоставляют своим сотрудникам возможность профессионального развития и обучения в области ИИ.

Наибольшую подверженность риску автоматизации со стороны генеративных моделей имеют финансисты, офисные служащие, маркетологи, аналитики и начинающие программисты. В качестве примера исчезающих профессий The Future of Jobs Reports приводит следующие: операторы ввода данных, бухгалтеры и аудиторы, налоговые инспекторы, работники почтовой службы, агенты по продажам и торговые посредники, брокеры, кассиры, специалисты по статистике и страхованию и др. Исследования показывают, что автоматизация может затронуть не только низкоквалифицированные, но и высококвалифицированные профессии, например, врачи, юристы, финансисты и др. Кроме того, роботы не заменят профессии с ярко выраженными человеческими навыками (учитель, социальный работник и др.).

Новые технологии и их повсеместное использование приводит к появлению новых профессий, к необходимости обучения работников по новым специальностям. Растет спрос на промпт инженеров, AI-тренеров, специалистов по внедрению нейросетей и аудиторов ИИ-этики и др.

В заключение можно отметить, что внедрение ИИ на рынке труда приводит к изменениям в спросе на определенные типы квалификаций и образования. Однако ИИ не уничтожает рабочие места, а приводит к увеличению спроса на специалистов, которые способны работать с новыми технологиями и ИИ, а также созданию новых профессий.

По мнению генерального директора NVIDIA Дженсена Хуанга, «вас заменит не искусственный интеллект, а другой человек, который умеет им пользоваться» («You won’t lose your job to AI – you’ll lose it to someone using AI»).

— ◆ —

ТУРИСТИЧЕСКИЕ ПЛАТФОРМЫ В БЕЛАРУСИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Лазовская А.Э.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Туристические платформы в Беларуси эволюционировали от разрозненных порталов к единой государственной экосистеме, интегрируя информационные, платежные сервисы и системы бронирования частного и государственного секторов.

В 2000–2010-е гг. сформированы институциональные основы (Национальное агентство по туризму, Департамент по туризму) и упрощен документооборот (отмена ваучера, введение типового договора). Созданы первые онлайн-ресурсы: Holiday.by (2001), сеть профильных порталов Sanatorii.by, BelHotel.by, BelTur.by (2006) и др., сервисы онлайн-продажи билетов. К 2020 г. присутствие глобальных агрегаторов Booking (2010) и Airbnb (2012), запуск национального портала VETLIVA (2017) и активизация локальных платформ привели к становлению гибридной цифровой среды.

Драйверами цифровизации выступили: внедрение мобильных технологий, развитие платежной инфраструктуры, включая систему ЕРИП, интернет-эквайринг, сервисы bePaid и WebPay, а также либерализация визового режима. При этом специальные правовые нормы о цифровых туристических платформах, их комиссии, алгоритмах ранжирования, ответственности за отзывы и статусе посредника отсутствовали.

После ухода в 2022 г. Booking и Airbnb их нишу заняли российские агрегаторы. Сегодня на белорусском рынке доминируют: Ostrovok.ru – сотрудничает с 80% отелей Минска, предлагает более 5,8 тыс. объектов по всей стране; Яндекс Путешествия – представляет порядка 1,3 тыс. вариантов размещения в Беларуси; Суточно.ру – основной аналог Airbnb. Среди глобальных игроков – Trip.com, Outlet Travel (с 2025 г.) и сервис iol-hotels.com (партнерство Visa с белорусскими банками). Одновременно усилились национальные сервисы: Куфар Путешествия за 2025 г. привлек более 580 тыс. бронирований с ростом заявок от российских туристов на 68%, Realt.Бронь внедрил онлайн-бронирование с комиссией 10%. В целом доля успешных заселений достигла 71%, растет предложение и диверсифицируются форматы размещения. В сегменте пакетных туров наиболее значимые – частные агрегаторы TravelHub, TravelGo, Tio.by, в экологическом туризме – государственный портал Экотуризм.бай (2026 г.). На рынке основным каналом остаются прямые продажи отелей – 54% против 46% у агрегаторов.

Проведена реформа управления: упразднен Департамент по туризму, функции регулятора переданы Национальному агентству по туризму с подчинением напрямую Правительству (с 01.01.2026). Совершенствуется отраслевое законодательство. Ведется работа по созданию единой государственной цифровой экосистемы (ГИС «Туризм»).

Ключевыми преимуществами создания платформ являются: рост туристических потоков, прозрачность налогообложения, институционализация сектора, удобство для пользователей, снижение транзакционных издержек, автоматизация бронирования для малых объектов и доступ к широкой аудитории без крупных маркетинговых затрат.

Вместе с тем платформенное развитие в сфере туризма сдерживается комплексом внешних и внутренних проблем: сокращение въездного турпотока на фоне санкционных ограничений и логистических барьеров; проблемы с трансграничными платежами и интеграцией международных платежных систем; недостаток туристической инфраструктуры в регионах; низкий уровень цифровизации малых объектов (агроусадеб, кемпингов); фрагментация данных и отсутствие единой оцифрованной базы объектов; дефицит инвестиционных ресурсов и долгий срок окупаемости IT-проектов; узкий внутренний рынок и проблемы с монетизацией; монополизация рынка крупными (прежде всего российскими) агрегаторами.

Для устранения указанных системных барьеров предлагается реализация комплекса мер. Ключевыми приоритетами должны стать:

- включение специальных положений о цифровых туристических платформах в разрабатываемый Закон Республики Беларусь «О цифровых платформах»: разграничение ответственности между платформой и исполнителем услуг; условия отмены бронирования; интеграция с ГИС «Туризм»; фискальный суверенитет и равные условия деятельности; регулирование платформенных комиссий и «паритета цен» и иные;
- завершение создания на платформе «Умный город» ГИС «Туризм» (запуск – 1 января 2027 г.) и государственного сервиса бронирования с ИИ-помощником (белорусский аналог Booking);
- формирование и ведение единых реестров субъектов туристической деятельности, агроэкоусадеб, экскурсоводов с их интеграцией в ГИС «Туризм»;
- обеспечение API-доступа к государственным реестрам для коммерческих платформ;
- интеграция аналитики больших данных (Big Data) из трех источников: обезличенные данные мобильных операторов, банковские транзакции, цифровой след пользователей;
- синхронизация белорусской ГИС с российскими ИТ-платформами.

В числе финансово-организационных мер поддержки: налоговые льготы для ИТ-компаний, создающих туристический софт (включение в преференциальные режимы ПВТ); субсидирование продвижения белорусских платформ на целевых рынках (РФ, Китай, страны СНГ); упрощение въезда через интеграцию e-Visa с покупкой турпакетов; защита прав потребителей через страхова-

ние онлайн-сделок; запуск профильных программ переподготовки кадров и повышения цифровой грамотности участников рынка.

Таким образом, для ускоренной платформизации сферы туризма главный акцент следует сделать на институциональном оформлении цифровых платформ с четким разграничением ответственности между участниками рынка, завершении создания ГИС «Туризм» и комплексной технологической модернизации отрасли. Финансирование базовой инфраструктуры целесообразно осуществлять в рамках Госпрограммы «Туризм» с привлечением механизмов ГЧП и резидентов ПВТ. Синхронизация с цифровыми платформами Союзного государства и ЕАЭС позволит расширить въездной туристический поток. Реализация предлагаемых мер создаст условия для автоматизации отрасли и выполнения стратегической задачи по увеличению вклада туризма в ВВП до 4,5% к 2030 г.

ПРИНЦИПЫ ЭФФЕКТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В КИТАЕ

Лай Ю.,

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

С точки зрения китайских ученых социальное обеспечение – это система мер, которая применяется государством для решения первоочередных социальных проблем. Происходящие в Китае реформы системы социального обеспечения направлены на устранение существующих недостатков. Успешный опыт реформы национальной системы социального обеспечения в новую эпоху в основном проявляется в пяти принципах, направленных на повышение общей эффективности системы и благосостояния народа:

1. *Универсальность (широта охвата)*. С учетом принципа всеобщего охвата создана крупнейшая в мире система социального обеспечения. По состоянию на 01.01.2026 г. число участников системы базового пенсионного страхования по всей стране составило 1,076 млрд чел., а базового медицинского страхования – 1,33 млрд чел. Уровень охвата страхованием стабильно превышает 95%, и это гарантирует, что результаты развития будут доступны всему народу[1].

2. *Целенаправленность (глубина)*. Сосредоточение внимания на цели общего процветания, повышение адресности социальной защиты. С учетом точного выявления групп с низким доходом, людей, находящихся в затруднительном положении, и определенных регионов необходимо усиление регулирующей роли налогов, социального страхования, трансфертных платежей и т. д., содействие уверенному продвижению всего народа к цели общего процветания. По состоянию на июль 2026 г. пилотная программа страхования от производственных травм для работников новых форм занятости была расширена с первоначальных 7 провинций и городов всех 31 провинции страны и Синьцзянского производственно-строительного корпуса, а также обеспечила полное включение платформенных компаний из трех ключевых отраслей: пассажирских перевозок, мгновенной доставки и городских грузоперевозок. Эта система эффективно восполнила пробел в законодательстве, связанный с отсутствием традиционного страхования от производственных травм для группы лиц, занятых в гибких формах труда.

3. *Справедливость (масштаб)*. Стремление к сокращению разрыва между городом и селом, регионами и группами населения. Предусматривает содействие объединению систем пенсионного страхования государственных учреждений и предприятий, интегрирование системы базового пенсионного и медицинского страхования городских и сельских жителей, усиление функции перераспределения социального обеспечения, поддерживание социальной справедливости. Например,

[1] Интернет-портал Правительства КНР Министерства по делам кадров и социального обеспечения КНР. – URL: http://www.scio.gov.cn/xwfb/bwxwfb/gbwfbh/rlzyhshbzb/202601/t20260128_948113.html.

с 2019 г. бюджетные органы Гуанси выделили свыше 426,1 млрд юаней, уделяя особое внимание устранению пробелов в инфраструктуре и обеспечению всеобщего доступа к общественным услугам, стремясь сократить объективные разрывы. В образовании скоординировано 37,987 млрд юаней из бюджетов всех уровней для поддержки строительства 23 371 объекта (школ, средних школ и детских садов), при этом площадь новых школьных зданий увеличилась на 17,658 млн м^2, что непосредственно сократило разрыв между городом и селом в финансировании на одного учащегося и в условиях обучения[2].

4. *Устойчивость (длительность)*. Ориентация на долгосрочную перспективу, реагирование на вызовы старения населения. Необходимо придерживаться принципа долгосрочного актуального баланса, рационально распределять системные издержки, обеспечивать удовлетворение потребностей современного поколения без ущерба для интересов будущих поколений, а также добиваться долгосрочной финансовой стабильности системы. В связи с ростом затрат на уход за пожилыми людьми с ограниченными возможностями страхование долгосрочного ухода перешло из 92 пилотных регионов в этап повсеместного внедрения по всей стране, охватив 308 млн застрахованных лиц. В совокупности от него получили помощь более 3,3 млн чел. с ограниченными возможностями, что позволило снизить нагрузку на семьи более чем на 100 млрд юаней[3].

5. *Экономическая целесообразность*. Необходимо следовать принципу «делать все, что в наших силах, не выходя за рамки возможностей»[4]: обеспечить соответствие уровня социального обеспечения этапу экономического развития, избегать превышения финансовых возможностей и сформировать модель эффективного взаимодействия между экономическим развитием и социальным обеспечением. Современная система социального обеспечения Китая является рациональным выбором, сделанным в конкретных исторических условиях и на основе конкретной экономической базы, и ее «несовершенство» является нормальным явлением в процессе развития. В дальнейшем следует постоянно повышать качество социального обеспечения, добиваясь взаимоусиливающего взаимодействия между улучшением уровня жизни населения и устойчивым экономическим развитием, а не просто стремиться к высокому уровню социального обеспечения, не соответствующему текущему этапу развития.

[2] Интернет-портал Народного правительства г. Сюйчан провинции Хэнань КНР. – URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1871582639928147291&wfr=spider&for=pc.

[3] Интернет-портал Правительства КНР. – URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202603/content_7063795.htm.

[4] Си Цзиньпин. Доклад на XX Всекитайском съезде КПК, 25.10.2022 г. – URL: http://www.news.cn/politics/cpc20/2022-10/25/c_1129079429.htm.

РАЗВИТИЕ «СЕРЕБРЯНОГО» ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПОТЕНЦИАЛ, БАРЬЕРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Лапуцкая Т.В.,

Министерство экономики Республики Беларусь, г. Минск

В условиях глобальных демографических изменений модернизация подходов к развитию человеческого потенциала становится стратегическим приоритетом для Республики Беларусь. В фокусе современных стратегий развития Республики Беларусь до 2030 года[1] ключевое место занимает модернизация человеческого потенциала. Традиционно под ним понимают инвестиции в молодежь. Однако демографическое старение населения требует переосмысления ресурсов старшего поколения. «Серебряное» предпринимательство сегодня – это не просто социальный проект или

[1] Национальная стратегия «Достойное долголетие – 2030» : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 3 дек. 2020 г. № 693 // Эталон-Online. – URL: etalonline.by (дата обращения: 06.09.2026).

элемент развития социального предпринимательства, это стратегический инструмент превращения демографического вызова в экономический драйвер.

На начало 2026 г. в Республике Беларуси проживало около 2,3 млн граждан в возрасте старше трудоспособного[2] табл. [1]. Данная возрастная категория составляет почти 25% (каждый 4-й житель страны) от общего населения республики.

Таблица

Численность населения, тыс. чел.

Возрастная категория	2021	2022	2023	2024	2025	2026
По всем возрастам	9 349 645	9 255 524	9 200 617	9 155 978	9 109 280	9 056 080
В возрасте моложе трудоспособного	1 678 547	1 664 675	1 637 839	1 600 236	1 553 708	1 501 279
В трудоспособном возрасте	5 401 931	5 395 672	5 399 050	5 353 585	5 317 337	5 285 723
В возрасте старше трудоспособного	2 269 167	2 195 177	2 163 728	2 202 157	2 238 235	2 269 078

Анализ качественных характеристик данной аудитории демонстрирует ее высокий внутренний потенциал. Портрет потенциального «серебряного» предпринимателя в республике имеет выраженную урбанистическую и гендерную специфику[3]: 73,2% граждан старшего возраста проживают в городах, а в структуре населения 65+ превалируют женщины (66,1%). Это мобильная, социально ответственная группа, обладающая фундаментальным профессиональным базисом, развитыми навыками деловой коммуникации и институциональной лояльностью (включая дисциплину налогообложения). В настоящее время доля лиц в возрасте от 65 до 74 лет в общей численности занятого населения республики составляет 2,1%. При этом наибольшая концентрация кадров старшего возраста традиционно фиксируется в сфере творчества, спорта и развлечений (4,8%), образования (4,4%), а также здравоохранения и социальных услуг (3,5%). Данные отрасли являются естественными нишами для последующей коммерциализации опыта.

В 2025–2026 годах Министерство экономики Республики Беларусь совместно с Программой развития ООН в Республике Беларусь (ПРООН) реализуют проект «Серебряный возраст». Создано единое «коробочное решение» для всех 69 центров поддержки предпринимательства в стране.

Развитие «серебряного» предпринимательства генерирует двойной эффект. Во-первых, экономический: снижение нагрузки на бюджетную систему, создание новых производств и рост самозанятости. Во-вторых, социальный (качество жизни): профилактика социальной изоляции за счет востребованности старшего поколения, что напрямую продлевает период здоровой, активной жизни [1, 2]. Кроме того, внедрение программ межпоколенческого менторства позволяет запустить синергию: опыт и рассудительность «серебряного» бизнеса усиливают цифровую энергию и мобильность молодежных стартапов.

Для раскрытия человеческого потенциала граждан старшего возраста в Республике Беларусь необходима реализация комплекса мер. Целесообразно масштабировать бесплатные образовательные программы с акцентом на ликвидацию цифрового дефицита (маркетплейсы, продвижение в сети). Требуется разработка адаптированных финансовых продуктов (льготное микрокредитование) для начинающих предпринимателей старшего возраста. Развитие «серебряной» экономики

[2] Национальный статистический комитет Республики Беларусь: [сайт]. – Мн., 1998–2026. – URL: http://www.belstat.gov.by (дата обращения: 06.09.2026).

[3] О демографической ситуации в январе – декабре 2025 года : стат. бюл. // Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Мн.: Белстат, 2026. – 38 с.

должно рассматриваться не как благотворительность, а как долгосрочная инвестиция в устойчивое развитие белорусского общества «для всех возрастов».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ванкевич, Е. В. Экономическая активность населения старших возрастов как фактор развития человеческого потенциала / Е. В. Ванкевич, О. В. Зайцева // Экономический бюллетень НИЭИ Минэкономики Респ. Беларусь. – 2024. – № 8. – С. 14–23.

2. Цифровая трансформация малого бизнеса в РБ / А. А. Коваленя [и др.] // Социально-экономические драйверы развития общества : монография / НАН Беларуси, Ин-т экономики. – Мн.: Бел. навука, 2025. – С. 142–159.

3. Развитие серебряного предпринимательства в РБ : метод. пособие / М-во экономики Респ. Беларусь, ПРООН ; сост.: И. В. Иванова [и др.]. – Мн.: Колорград, 2025. – 112 с.

ИНВЕСТИЦИИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЫБОХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

Лобанов А.А.,

Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии (ФГБНУ «ВНИРО»), г. Москва, Российская Федерация

В условиях технологической трансформации и перехода к модели устойчивого экономического роста человеческий капитал приобретает значение ключевого производственного ресурса, определяющего конкурентоспособность отраслевых систем. Для рыбохозяйственного комплекса России (далее – РХК) качество трудовых ресурсов становится критическим условием реализации долгосрочных стратегических приоритетов. Достижение целевых ориентиров, предусматривающих повышение производительности труда в 1,4 раза, создание 24,5 тыс. новых высокотехнологичных рабочих мест и переход к глубокой переработке водных биоресурсов невозможны без системных инвестиций в формирование, накопление и эффективное использование человеческого капитала.

В современных научных исследованиях обсуждается необходимость смены парадигмы кадрового обеспечения РХК, предполагающей переход от экстенсивного увеличения численности занятых к интенсивному повышению компетентностного уровня каждого работника. Такой переход предполагает не только рост финансирования образовательных программ, но и создание институциональных условий для непрерывного профессионального развития, синхронизации образовательных стандартов с запросами производства и внедрения механизмов независимой оценки квалификаций. Ключевым условием эффективности инвестиционных вложений выступает формирование интегрированной отраслевой экосистемы, объединяющей образование, науку, производственные предприятия и органы государственного регулирования в единый механизм воспроизводства трудового потенциала.

Современное состояние человеческого капитала РХК характеризуется количественными и структурными диспропорциями. В составе комплекса непосредственно занято порядка 170 тыс. человек, с учетом смежных отраслей – около 1 млн работников. Отраслевая система образования охватывает более 40 тыс. обучающихся, ежегодный выпуск специалистов составляет 6,7 тыс. человек, при этом наблюдается устойчивый рост доли выпускников среднего профессионального образования, что отражает объективную потребность в квалифицированных рабочих кадрах. Высокий уровень оплаты труда, стабильно превышающий средние показатели по национальной экономике, создаёт финансовую привлекательность отрасли, однако не компенсирует системного дефицита кадров, особенно остро проявляющегося в Дальневосточном и Северном рыбохозяйственных бассейнах.

Систематизация основных направлений инвестиций в человеческий капитал РХК, их источников и ожидаемой результативности представлена в табл.

Таблица

Направления инвестиций в человеческий капитал и их роль в развитии РХК России

Направление инвестиций	Источники и инструменты	Целевой эффект
Развитие системы профессионального образования	Государственное бюджетное финансирование, целевые субсидии, софинансирование со стороны бизнеса	Обновление материально-технической базы, внедрение современных образовательных технологий, сокращение сроков адаптации выпускников на производстве
Целевая подготовка специалистов	Бюджетные места по заявкам работодателей, договоры о целевом обучении	Обеспечение гарантированного трудоустройства, соответствие компетенций отраслевым стандартам, снижение рисков кадрового дефицита
Инвестиции в создание и модернизацию рабочих мест	Внебюджетные средства предприятий, инвестиционные программы	Повышение фондовооруженности, внедрение технологий Индустрии 4.0, рост производительности труда
Повышение квалификации и переподготовка кадров	Корпоративные учебные центры, программы дополнительного профессионального образования	Освоение цифровых и управленческих компетенций, адаптация персонала к технологическим изменениям
Профориентация и привлечение молодых специалистов	Государственные и отраслевые программы, деятельность молодежных объединений	Формирование позитивного имиджа отрасли, увеличение притока молодежи, снижение среднего возраста работников

Источник: авторская разработка.

Представленная систематизация позволяет сделать вывод о том, что инвестиции в человеческий капитал оказывают мультипликативное воздействие на все аспекты производственной деятельности. Наибольший синергетический эффект достигается при согласованном применении инвестиционных инструментов всех уровней, что предполагает координацию действий государства и бизнеса в рамках единой кадровой политики.

Несмотря на позитивные сдвиги в объемах и структуре финансирования, сохраняется ряд проблем, снижающих результативность инвестиционных вложений. Институциональная разобщенность образовательных организаций и производственных предприятий, выражающаяся в слабой обратной связи между формируемыми компетенциями и реальными запросами рынка труда, ведет к неоправданным издержкам на дообучение персонала. Территориальный дисбаланс трудовых ресурсов усиливает дифференциацию регионов по уровню кадровой обеспеченности, что требует разработки адресных мер государственной поддержки для привлечения специалистов в отдаленные районы.

Перспективным направлением совершенствования инвестиционной политики выступает формирование интегрированной отраслевой экосистемы человеческого капитала. Ее построение предполагает переход от фрагментарных инвестиционных мероприятий к программно-целевому управлению, ориентированному на достижение измеримых результатов в области качества трудовых ресурсов. Реализация данного подхода создаст условия для устойчивого воспроизводства человеческого капитала, повышения конкурентоспособности РХК и успешного выполнения стратегических задач в условиях цифровой трансформации экономики.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА НА МАКРОУРОВНЕ

Луцевич А.Д.,

кандидат экономических наук, доцент,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

Выявление особенностей деятельности в сфере государственного управления экономикой, позволяет отметить тесную взаимосвязь между выполняемыми общими управленческими функциями (планирования и прогнозирования, анализа, организации, контроля, координации, регулирования) и масштабностью последствий принимаемых управленческих решений в рамках соответствующих организационно-экономических, правовых, стимулирующих и других функциональных механизмов. Эта взаимосвязь раскрывает возможности и направления наиболее эффективного использования человеческого потенциала и уточнения общественной ценности формируемого в системе государственного управления экономикой человеческого капитала. Впервые данная взаимосвязь отмечена в работах фундаментального характера, рассматривающих управление на основе процессного подхода к реализации совокупности взаимосвязанных функций по обеспечению механизма разработки и реализации принимаемых системных решений. В частности, необходимо отметить работы А. Файоля [1], акцентирующие внимание на сущностных характеристиках управленческих функций и их влиянии на принимаемые решения с позиции последствий и неопределенности условий реализации. Однако роль человеческого фактора отражена лишь косвенно, через призму субъекта системы принятия управленческих решений.

Научные исследования ученых более позднего периода (второй половины XX века и XXI века) обращают внимание на относительную ограниченность процессного подхода к пониманию роли и ценности человеческого капитала в управленческих механизмах. Именно эта роль становится более значимой и, соответственно, повышает общественную ценность человеческого капитала в государственном управлении, в условиях высокой институциональной динамики экономической среды (ускоренной эволюции бизнес-систем, распространения новых цифровых стандартов управленческого учета, повышения уровня этических требований в управлении персоналом). Например, в научных трудах, охватывающих контекст теории институциональной и неоинституциональной экономики, обращают на себя внимание теоретические подходы к моделированию изменений траектории институциональных изменений, увязанных с изменением качества человеческого капитала:

- в зависимости от факторов эффективного взаимодействия человеческого, интеллектуального, социального и материального капиталов, технологий и уровня развития институциональной среды [2];
- сочетания факторов, влияющих на общественный выбор и меняющих поведение экономических систем [3];
- изменений контрактной (договорной) парадигмы, рассматривающих институциональные трансформации социальных и экономических отношений сквозь призму взаимовыгодных «контрактов» [4];
- факторов развития неоинституциональной экономики и их влияния на проведение государственной кадровой политики[1]. В этой связи также отмечается эволюция в способах распределения общественных ресурсов для обеспечения ускоренного развития приоритетных секторов национальной экономики [5].

Таким образом, обобщив результаты исследования, можно сделать следующие выводы:

- в настоящее время сформирована общетеоретическая основа для констатации особенностей деятельности в сфере государственного управления экономикой;

[1] Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь: [Основные отрасли экономики и флагманы отраслей]. – URL: https://president.gov.by/ru/belarus/economics/osnovnye-otrasli (дата обращения: 25.08.2026).

- имеется взаимосвязь между функциями, составляющими содержание практико-ориентированных механизмов, и выбором методов решения управленческих задач. Применительно к исследуемой сфере взаимосвязь проявляется на основе выбора руководящих принципов принимаемых управленческих решений (экономической эффективности и минимизации хозяйственных рисков, обусловленных значительными масштабами, и мультипликации внешних эффектов для функционирования и развития экономических систем);
- в научной литературе по институциональному направлению выделены несколько методолого-методических подходов: проактивный (перспективный), ретроспективный и интегрированный подходы. В их основу заложены стоимостные методы оценки (доходы, расходы, инвестиции) и немонетарные методы (социального благополучия, социальной справедливости, уровня образования, доступности общественных благ и т.п.);
- методы оценки человеческого капитала на макроуровне базируются на институциональном и неоинституциональном методологическом подходе анализа трендов и предпосылок развития экономики на новом технологическом фундаменте. Преобладающими методами анализа выступают методы моделирования траектории институциональных изменений, вызывающих соответствующее изменение требований к человеческому капиталу со стороны общества, а также изменение структуры потребностей в кадровом обеспечении и компетентности кадров для эффективного решения управленческих задач в секторе государственного управления экономикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общее и промышленное управление / А. Файоль ; пер. с фр. Б.В. Бабина-Кореня. – М., 1923. – URL: https://gtmarket.ru/library/basis/5783 (дата обращения: 20.08.2026).

2. Рождественская, И. А. Импорт институтов и диффузия идей / И. А. Рождественская, В. Л. Тамбовцев // Журнал экономической теории. – 2019. – Т. 16, № 3. – С. 468–479.

3. Малкина, М. Ю. Институциональная экономика: теория и практика / М. Ю. Малкина, Т. П. Логинова, Е. В. Лядова. – 2-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 306 с.

4. Олейник, А. Н. Институциональная экономика : учеб. пособие / А. Н. Олейник. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 416 с.

5. Моторина, О. Анализ институционального развития Беларуси / О. Моторина // Банковский вестник. – 2018. – № 3(656). – С. 19–24.

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ В РЕГИОНАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Мальгина И.В.,

кандидат экономических наук, доцент,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

Малое и среднее предпринимательство (далее – МСП) развивается в различных сферах деятельности. Одним из направлений является сфера здравоохранения и социальных услуг. Как отмечают М.А. Абасова и Ф.С. Цинпаева, «государственное регулирование предпринимательства в сфере медицинских услуг важно по той причине, что конечному потребителю крайне сложно оценить стоимость той или иной медицинской услуги и ему крайне важно иметь определенные критерии оценки качества оказанной услуги» [1, с. 49]. Близость МСП в сфере здравоохранения к социальному предпринимательству очевидна. Е.В. Загузова, Г.Т. Глембоцкая и Н.В. Абросимова констатируют, что «приобретение статуса социального предприятия в сфере здравоохранения позволяет поддержать коммерческие организации для решения проблем медицины и лекарственного обеспечения»

[2, с. 59]. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, в стране действуют 1 457 малых и средних организаций в сфере здравоохранения и социальных услуг, что составляет порядка 1% от общего количества малых и средних организаций Республики Беларусь. Наибольшее количество наблюдается в г. Минске, Минской и Брестской областях (рис. 1).

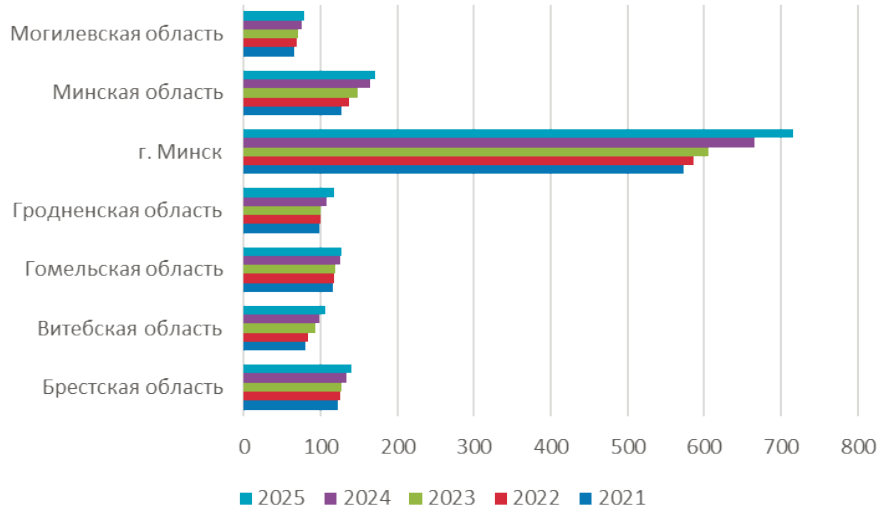

Рис. 1. Развитие малых и средних организаций в сфере здравоохранения и социальных услуг в регионах Республики Беларусь в период 2021–2025 гг., ед.

Источник: составлено автором на основе: URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10203100004.

При этом развитие средних организаций в рассматриваемой сфере имеет положительную динамику по итогам 2025 г. в сравнении с 2021 г. в Витебской, Минской, Могилевской областях и г. Минске (рис. 2).

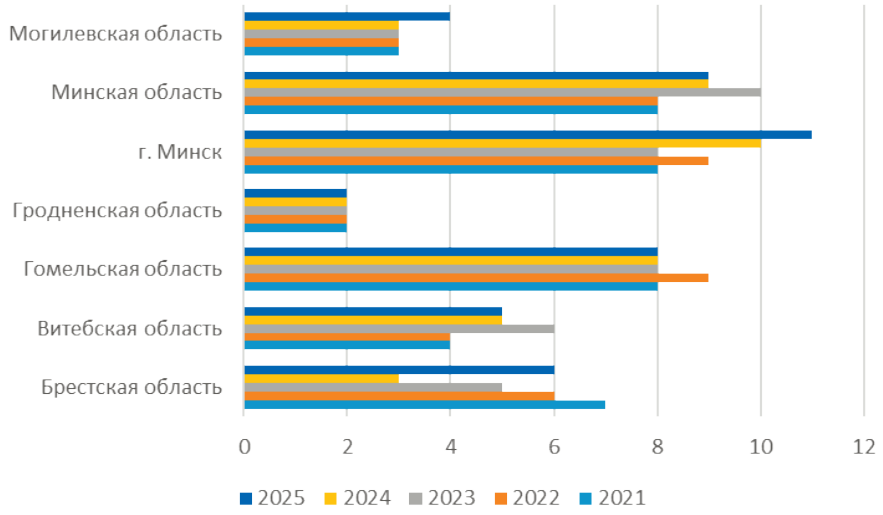

Рис. 2. Развитие средних организаций в сфере здравоохранения и социальных услуг в регионах Республики Беларусь в период 2021–2025 гг., ед.

Источник: составлено автором на основе: URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10203100004.

В то же время развитие малых организаций в рассматриваемой сфере имеет положительную динамику по итогам 2025 г. в сравнении с 2021 г. по всем регионам Республики Беларусь (рис. 3).

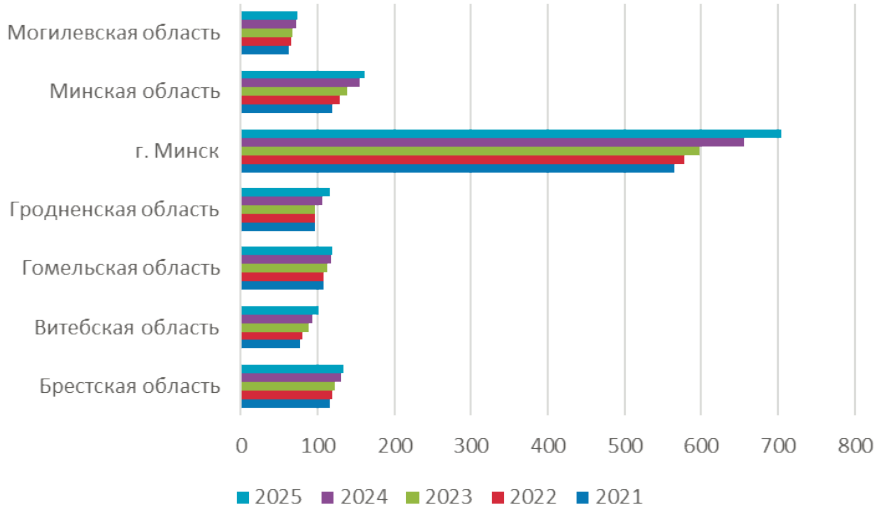

Рис. 3. Развитие малых организаций в сфере здравоохранения и социальных услуг в регионах Республики Беларусь в период 2021–2025 гг., ед.

В целом, учитывая демографические тенденции Республики Беларусь, рассматриваемое направление развития малого и среднего предпринимательства имеет большой потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абасова, М.А. Государственное регулирование предпринимательства в сфере медицинских услуг / М.А. Абасова, Ф.С. Цинпаева // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. – 2020. – № 3. – С. 48–53.

2. Загузова, Е.В. О развитии социального предпринимательства в сфере здравоохранения в Дальневосточном федеральном округе / Е.В. Загузова, Г.Т. Глембоцкая, Н.В. Абросимова // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. – 2024. – № 3. – С. 59–70.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ТРУДА С УЧЕТОМ ИХ СПЕЦИФИКИ

Маркидонова А.В.,

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Региональные рынки труда функционируют под влиянием факторов, формирующих их специфику [1]. В связи с этим государственное регулирование на региональном уровне не может сводиться к единообразному применению мер и инструментов, но и не предполагает формирования самостоятельной системы регулирования для каждого региона. Региональная специфика должна учитываться при конкретизации задач, а также выборе мер и инструментов с учетом состояния и проблем конкретного регионального рынка труда.

Так, общей целью государственного регулирования региональных рынков труда предлагается определить обеспечение их эффективного функционирования и развития с учетом региональной специфики. Под эффективным функционированием в данном случае понимается достижение эффективной занятости населения и снижение дисбалансов спроса и предложения труда, а развитие связано с качественными и структурными изменениями рынка труда, обеспечивающими его адаптацию к изменениям экономики и потребности в рабочей силе. Достижение данной цели должно быть

обеспечено посредством решения как общих задач, характерных для рынка труда в целом, так и конкретных, необходимость которых определяется спецификой отдельных региональных рынков труда.

К общим задачам государственного регулирования региональных рынков труда предлагается отнести создание условий для формирования эффективной занятости населения и содействие количественной и профессионально-квалификационной сбалансированности спроса и предложения труда. Общие задачи определяют основную направленность государственного воздействия, тогда как конкретные задачи должны определяться по результатам мониторинга состояния соответствующего регионального рынка труда и выявления проблем его функционирования.

В зависимости от сложившейся ситуации к конкретным задачам могут относиться: расширение возможностей занятости и увеличение спроса на труд в регионах с недостатком рабочих мест; привлечение и закрепление работников в регионах, испытывающих дефицит трудовых ресурсов; сокращение профессионально-квалификационного несоответствия спроса и предложения труда; повышение территориальной доступности рабочих мест и содействие мобильности рабочей силы; снижение зависимости занятости от отдельных предприятий или видов экономической деятельности. При изменении состояния регионального рынка труда состав и приоритетность конкретных задач также могут изменяться.

Кроме того, многообразие факторов, определяющих состояние и специфику региональных рынков труда, обусловливает необходимость применения не только мер политики в области занятости и оплаты труда, но и отдельных мер бюджетно-финансовой, налоговой, денежно-кредитной, инвестиционной, инновационной, социальной, структурной и других направлений государственной политики [2]. Их применение может быть направлено на занятость, спрос и предложение труда, формирование, использование и развитие рабочей силы. Сочетание мер различных направлений государственной политики позволяет решать конкретные задачи, реализация которых выходит за рамки возможностей одного направления регулирования.

Конкретное сочетание мер и инструментов определяется не только выявленной проблемой, но и причинами ее возникновения и особенностями конкретной территории. Так, территориальное расположение региона может оказать различное влияние на состояние его рынка труда. Близость к территории с более привлекательными условиями занятости может расширять для населения доступ к рабочим местам и формировать устойчивые межтерриториальные трудовые связи. В данном случае одной из конкретных задач государственного регулирования может выступать повышение территориальной доступности рабочих мест и содействие мобильности рабочей силы. Для ее решения могут применяться меры политики занятости, социальной и бюджетно-финансовой политики, направленные на развитие транспортной инфраструктуры, информационное обеспечение и содействие межтерриториальной трудовой мобильности. Вместе с тем то же территориальное положение при устойчивом оттоке работников может приводить к дефициту трудовых ресурсов. В этом случае конкретной задачей становится привлечение и закрепление работников, что требует иного сочетания мер и инструментов, в том числе политики занятости, политики в области оплаты труда и социальной политики.

Таким образом, один и тот же фактор региональной специфики в зависимости от характера его влияния может обусловливать возникновение разных проблем и, соответственно, постановку различных конкретных задач государственного регулирования и выбор различных сочетаний мер и инструментов.

Предлагаемый подход к государственному регулированию региональных рынков труда предполагает сохранение общей цели и общих задач регулирования при формировании конкретных задач с учетом состояния и проблем отдельных региональных рынков труда. Конкретные задачи должны определяться по результатам мониторинга, а выбор, сочетание, интенсивность и очередность применения мер и инструментов – с учетом выявленных проблем, причин их возникновения

и особенностей конкретного региона. При этом решение отдельных задач может требовать согласованного применения мер различных направлений государственной политики. Последующая оценка результатов позволяет корректировать государственное воздействие при изменении условий функционирования регионального рынка труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркидонова, А.В. Влияние специфики региональных рынков труда на механизм их регулирования / Т.В. Буховец, А.В. Маркидонова // Экономический бюллетень – 2022. – № 10. – С. 35–49.

2. Маркидонова, А.В. Необходимость скоординированной реализации различных видов экономической политики для эффективного регулирования региональных рынков труда / А.В. Маркидонова // Вестник Института экономики НАН Беларуси: сб. науч. ст.– 2025. – Вып. 11. – С. 67–76.

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ В РАКУРСЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Маркусенко Л.Н.,

кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

В социально-экономическом развитии общества важнейшую роль играет труд, представляющий собой целесообразную деятельность, связанную с затратами умственных и физических усилий, направленную на создание благ. На всех этапах жизненного цикла человек обладает человеческим потенциалом, важнейшей составной частью которого является трудовой потенциал – совокупность физических, умственных, профессиональных и творческих возможностей человека или группы людей, которые могут быть использованы для производства материальных и духовных благ.

Критерием оценки человеческого потенциала в международной практике является Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), составляющие этого индекса трактуются как ресурсы человеческого развития, – чем выше значения этих составляющих, тем больше возможности для реализации потенциала человека.

Что касается трудового потенциала, характеризующего возможности человека или общества в сфере труда, которые могут быть реализованы при определенных условиях, то создание условий для его развития входит в систему 17 целей и 169 задач принятой в сентябре 2015 г. лидерами 193 стран – членов ООН Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.

Республика Беларусь официально выразила свою приверженность и уверенно продвигается по пути достижения ЦУР. В 2026 г. Беларусь заняла 35 место среди 169 стран в рейтинге достижения Целей устойчивого развития согласно Sustainable Development Report 2026. Страны в нем ранжируются по общему баллу, которым измеряется прогресс в достижении всех 17 ЦУР. Беларусь набрала 78,33 балла из 100 возможных. Этот балл отражает общий прогресс страны в имплементации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. и может быть интерпретирован как процент достижения ЦУР[1].

Непосредственно аспекту реализации трудового потенциала посвящена Цель 8 «Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех». Она включает 10 задач, важнейшие из которых направлены на поддержание экономического роста, повышение производительности в экономике посредством диверсификации, технической модернизации и инновационной деятельности, содействие проведению политики, которая способствует производительной деятельности, созданию достойных ра-

[1] Беларусь заняла 35 место в рейтинге достижения ЦУР-2026. – URL: https://sdgs.by/news/belarus-zanyala-35-mesto-v-rejtinge-dostizheniya-czur-2026/.

бочих мест, предпринимательству, творчеству и инновационной деятельности. Оценка прогресса в достижении Целей устойчивого развития Республики Беларусь показывает, что в отношении цели 8 отмечается 92,9% прогресса, а для 7,1% требуется ускорение[2].

Статистика свидетельствует, что ВВП Республики Беларусь в текущих ценах достиг в 2025 г. 286,7 млрд рублей (прирост к 2024 г. составил 1,3%). Трудовые ресурсы в Республике Беларусь в 2025 г. составляли 5587,4 тыс. чел., численность занятых в экономике – 4163,3 тыс. чел. Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата за 2025 г. выросла на 16,3%, реальная – на 9%[3].

На 1 августа 2026 г. на учете в качестве безработных состояло 3,0 тыс. чел., при этом нанимателями на 1 августа 2026 г. заявлены сведения о наличии 128,0 тыс. свободных рабочих мест, уровень регистрируемой безработицы составил 0,1%[4]. Уровень безработицы среди населения в трудоспособном возрасте по методологии МОТ снизился до рекордно низкого значения – 2,2%. При этом потери рабочего времени по сравнению с аналогичным периодом 2025 г. уменьшились.

В Республике Беларусь реализуется Государственная программа «Сбалансированный рынок труда» на 2026–2030 годы, которая обеспечивает преемственность целей и направлений социально-экономического развития государства, ориентиров развития социально-трудовой сферы, в том числе в свете достижения ЦУР. При этом рост производительности труда через мобилизацию внутренних резервов рабочей силы, через эффективную реализацию трудового потенциала в условиях технологического обновления – целевая установка Программы. Важнейшими направлениями реализации резервов трудового потенциала, предусмотренными в ней, являются: вовлечение в экономику незанятого населения, сокращение теневой занятости и перераспределение высвобождающихся кадров на востребованные производства, создание дополнительных стимулов для труда лиц старше трудоспособного возраста и людей с инвалидностью, оперативное реагирование системы образования на технологические запросы экономики, повышение качества подготовки кадров, улучшение условий и охраны труда, повышение эффективности организации труда на предприятиях, ускоренный вход молодежи в трудовую деятельность, точечный приток квалифицированных иностранных специалистов под конкретные технологические и производственные потребности нанимателей.

[2] Оценка прогресса в достижении Целей устойчивого развития Республики Беларусь. – URL: https://sdgplatform.belstat.gov.by/progress.

[3] Динамика номинальной и реальной среднемесячной заработной платы/. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/ssrd-mvf_2/natsionalnaya-stranitsa-svodnyh-dannyh/zarabotnaya-plata_2/.

[4] Статистика рынка труда. – URL: https://gsz.gov.by/directory/labour-market/58/.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНОСТРАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В РЕСПУБЛИКУ БЕЛАРУСЬ

Масленкова Е.В.,

кандидат экономических наук,
Белорусский государственный университет, г. Минск

Актуальность системного привлечения иностранной рабочей силы для Республики Беларусь детерминирована структурными макроэкономическими и демографическими ограничениями. Экстенсивные источники роста предложения на внутреннем рынке труда исчерпаны: рекордно низкий уровень безработицы (2,4%) сочетается с пиковым показателем занятости в наиболее продуктивной возрастной когорте (25–49 лет), достигающим 95–96%, что объективно сужает резервы национальной рабочей силы[1] . Одновременно развитие экономики продолжает формировать спрос на трудо-

[1] Импортный ресурс. Из каких стран едут в Беларусь иностранцы и как за счет дополнительных трудовых ресурсов выигрывает экономика. – URL: https://www.sb.by/articles/importnyy-resurs.html (дата обращения: 11.08.2026).

вые ресурсы[2] . В этих условиях выстраивание управляемой системы внешней трудовой миграции становится неотъемлемым элементом стратегии социально-экономического развития страны.

Целью регулирования импорта рабочей силы в Республике Беларусь выступает удовлетворение текущей и перспективной потребности национального рынка труда в квалифицированных специалистах и работниках по дефицитным профессиям, не обеспеченной внутренними трудовыми ресурсами, путем управляемого привлечения иностранных граждан и лиц без гражданства на условиях, соответствующих интересам национальной экономики и требованиям безопасности государства.

Достижение указанной цели предполагает решение следующих взаимосвязанных задач:

1. Обеспечение неукоснительного соблюдения нанимателями и посредниками условий трудовых договоров с мигрантами. Задача заключается в повышении эффективности контрольной деятельности уполномоченных органов за исполнением нанимателями взятых обязательств и обеспечении неотвратимости применения установленных законодательством мер ответственности за их невыполнение.

2. Устранение рисков, связанных с деятельностью недобросовестных посреднических структур в сфере трудоустройства мигрантов. Представляется необходимым создание эффективного механизма контроля за деятельностью посреднических организаций, ведущих к нарушению прав мигрантов и действующего законодательства.

3. Обеспечение системного контроля за процессом привлечения и пребывания мигрантов на всех уровнях власти. Действующими нормативными правовыми актами на нанимателя возложена обязанность по обеспечению соблюдения законодательства о труде, регистрации иностранных работников по месту жительства и предоставлению им жилых помещений. Реализация указанных обязанностей требует подкрепления системным межведомственным мониторингом с участием Министерства внутренних дел, органов государственного управления по труду, занятости и социальной защите, а также местных исполнительных и распорядительных органов. Задача заключается в совершенствовании координации между уполномоченными ведомствами с целью предотвращения нарушений на этапе их возникновения, а не по факту их совершения.

4. Создание условий для конкурентоспособности белорусского рынка труда на международном рынке труда. Существует риск несоответствия предлагаемых белорусскими нанимателями условий труда, включая уровень оплаты труда, жилищно-бытовые и социальные гарантии, ожиданиям потенциальных трудовых мигрантов из стран происхождения, что может привести к снижению эффективности реализуемых программ привлечения иностранной рабочей силы и неполному заполнению заявленных вакансий. Задача заключается в приведении предлагаемых условий найма в соответствие с требованиями рынка труда стран-доноров и достигнутыми межгосударственными договоренностями, что выступает необходимым условием успешной реализации инвестиционных проектов, предусматривающих использование иностранной рабочей силы.

5. Дальнейшее развитие и расширение применения электронных сервисов в сфере внешней трудовой миграции, что позволит минимизировать временные и административные издержки нанимателей и трудовых мигрантов, а также усилить контроль за соблюдением миграционного законодательства.

Таким образом, достижение поставленной цели и реализация указанных задач позволит повысить производительность труда и технологический уровень производства, укрепить интеграционные позиции Беларуси в рамках ЕАЭС, минимизировать социальные и фискальные риски, а также сформировать управляемую, селективную и социально ориентированную систему внешней трудовой миграции, соответствующую интересам национальной экономики и безопасности государства.

[2] В Минтруда и соцзащиты ответили на топ-3 вопросов о трудовых мигрантах в Беларуси. – URL: https://belta.by/society/view/v-mintruda-i-sotszaschity-otvetili-na-top-3-voprosov-o-trudovyh-migrantah-v-belarusi-745609-2025/ (дата обращения: 11.08.2026).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Милашевич Е.А.,

кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Совершенствование механизма цифровой трансформации национального здравоохранения Республики Беларусь – комплексная задача, требующая многоуровневого подхода. Предлагаемые меры по совершенствованию разделены на блоки.

1. Институциональный блок

Необходимо проведение децентрализации и повышения автономии лечебно-профилактический учреждений Республики Беларусь в части предоставления больницам и поликлиникам большей самостоятельности в распоряжении ресурсами. Следует продолжить практику создания территориальных медицинских объединений, объединяющих поликлиники, стационары, диагностику для обеспечения непрерывности и преемственности помощи пациенту. Оптимизация сети медучреждений системы здравоохранения через реорганизацию сельских больниц и амбулаторий позволит снизить затраты на содержание неэффективных учреждений здравоохранения.

2. Экономический блок

2.1. Оптимизация системы финансирования – для адаптации национальной системы здравоохранения Республики Беларусь к структурным изменениям в экономике необходимо осуществление диверсификации финансирования путем расширения внебюджетных источников (страховые модели, платные услуги, экспорт медицинских и оздоровительных услуг). Развитие обязательного медицинского страхования целесообразно в части укрепления страховых принципов для повышения прозрачности финансовых потоков, ответственности за результат и расширения источников финансирования.

2.2. Импортозамещение. Государственное регулирование должно быть направлено на создание привлекательных условий для субъектов хозяйствования для расширения локализации производства лекарств и медоборудования с целью сокращения зависимости от импорта. Это стало особенно актуально в текущей ситуации, когда отдельные страны ввели против Республики Беларусь ряд санкций.

2.3. Развитие экспорта медицинских и санаторно-курортных услуг, включая реализацию мероприятий по привлечению потребителей уникальными видами оздоровления (спелеотерапия), масштабирование практики оказания инновационных видов услуг, создание национальной цифровой платформы, создание медицинских кластеров, специализация страны по программам оздоровления и поддержания здорового образа жизни, включая программы «оздоровление + образование», реализация совместных с Российской Федерацией оздоровительных туров, внедрение системы телемедицинского консультирования и дистанционного мониторинга состояния здоровья иностранных пациентов.

3. Социальный блок

3.1. Развитие кадрового потенциала национальной системы здравоохранения. Для решения проблемы нехватки кадров на местах необходимо осуществление инициатив на уровне государства по развитию системы мотивации персонала в части совершенствования системы оплаты труда, увязав ее с квалификацией, сложностью, качеством и объемом работы. Работа в данном направлении может проводится на уровне создания карьерных траекторий. Привлечение и закрепление кадров играет важную роль в развитии кадрового потенциала национальной системы здравоохранения, актуальны программы поддержки молодых специалистов-медиков, улучшение условий труда, решение проблемы высокой нагрузки, обеспечение жильем.

3.2. Фокус на профилактику и здоровый образ жизни (ЗОЖ). Государственное регулирование должно быть направлено на реализацию эффективных программ по борьбе с курением, алкоголизмом, нездоровым питанием, гиподинамией, по вакцинопрофилактике. Целесообразно продолжать развитие среды, способствующей ЗОЖ, в связи с чем первостепенным направлением может стать развитие доступной инфраструктуры для физической активности, здоровое питание в организациях и учреждениях.

4. Блок цифровой трансформации

Цифровая трансформация национальной системы здравоохранения позволит повысить эффективность оказания медицинских услуг, оптимизировать рабочее время врачей и медицинского персонала, повысить производительность труда и качество оказанных медицинских услуг.

4.1. Внедрение современных информационных систем и цифровизация предполагают развитие медицинских информационных систем, включающих полную интеграцию данных пациента (история болезни, назначения, результаты исследований), обеспечение совместимости всех уровней системы; введение электронного документооборота; использование Big Data и аналитики для прогнозирования потребностей национальной системы здравоохранения Республики Беларусь, оценки эффективности государственных программ, управления финансовыми и трудовыми ресурсами.

4.2. Внедрение принципов платформенной экономки, включающей развитие телемедицины с целью проведения консультаций, дистанционного мониторинга, повышения доступности медицинский помощи в отдаленных районах; оказание услуг телемедицинского консультирования иностранным пациентам; создание платформы для распределения медицинского оборудования и персонала между учреждениями.

ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ДЕФИЦИТА В ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ БЕЛАРУСИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Морозова Н.Н.,

кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Туризм в Республике Беларусь рассматривается как один из национальных приоритетов социально-экономического развития. Государственная программа «Туризм» на 2026–2030 годы нацелена на повышение вклада сферы туризма в экономику страны до 4,5% ВВП в 2030 г. Однако стремительное развитие отрасли сопровождается системной проблемой – острым дефицитом квалифицированных кадров. Несмотря на отсутствие официальной статистики по занятым в туризме Беларуси, отмечается потребность в них в гостиничном бизнесе, сервисе, экскурсионном бизнесе и новых направлениях – событийный и промышленный туризм. Дефицит кадров в туристической отрасли является общемировой тенденцией. По данным Всемирного совета по туризму и путешествиям (World Travel & Tourism Council, WTTC), к 2035 г. нехватка специалистов в сфере туризма превысит 18%. В России дефицит кадров уже достигает 20–25% по стране и до 40% в регионах, при этом текучесть персонала превышает 70%. Отметим, что рост интереса белорусских туристов к поездкам по родной стране есть, но одновременно с этим фиксируется дефицит профессиональных кадров: экскурсоводов, гидов, сопровождающих и маркетологов. Наиболее остро кадровая проблема проявляется в сегменте экскурсионного обслуживания: на конец 2025 г. (данные Национального агентства по туризму Беларуси) в стране зарегистрировано 1336 экскурсоводов и 144 гида-переводчика; в апреле 2026 г. – 1370 экскурсоводов и 54 гидов-переводчиков. Однако реальное количество активно работающих специалистов значительно ниже официальных цифр. Как отметил Председатель Федерации профсоюзов Беларуси на заседании VII Всебелорусского народного собрания

в декабре 2025 г., катастрофически не хватает гидов и переводчиков: на 1,1 тыс. туристических организаций в нашей стране более 1,3 тыс. аттестованных экскурсоводов. При этом большинство из них имеют другое место работы, основное, а туристическое сопровождение для них как хобби. Сложнее ситуация обстоит в регионах, например, в крупных городах Мозырь и Светлогорск лишь по два аттестованных экскурсовода, и при этом у них есть основное место работы, поэтому в рабочее время провести экскурсию они не могут. По оценкам Республиканского союза туриндустрии, реальное количество экскурсоводов, доступных для туроператоров, в разы меньше, чем в реестре, и найти в сезон на конкретный маршрут порой невозможно. Особую озабоченность вызывает дефицит гидов, владеющих китайским языком. На фоне активной государственной политики по привлечению китайских туристов (введение безвизового режима, открытие прямых авиарейсов) на всю страну аттестовано всего 14 таких специалистов, из которых 12 – в Минске, что существенно сдерживает развитие туризма в Беларуси. Нами выявлены причины кадрового дефицита (рис.).

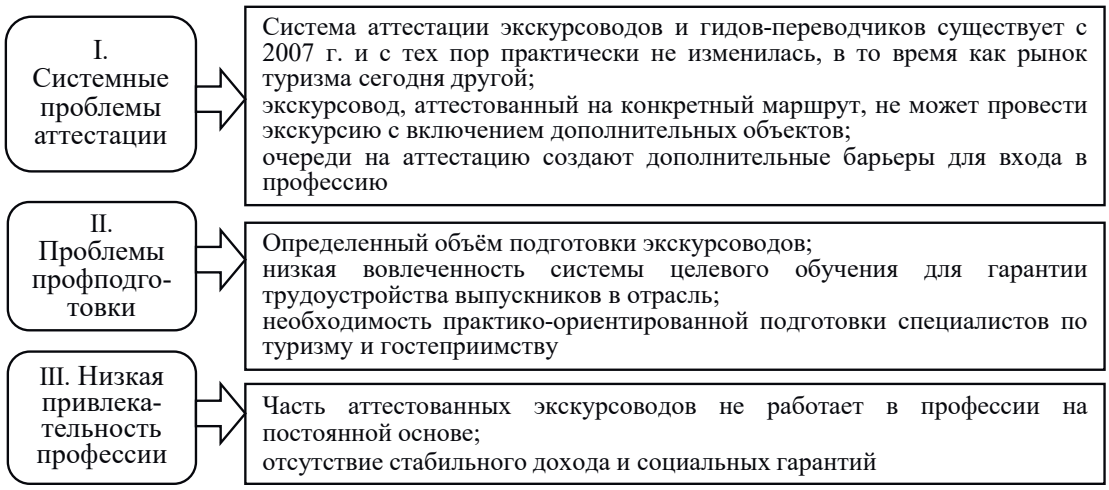

Рис. Причины кадрового дефицита в Беларуси

Источник: авторская разработка.

В пиковые даты туроператоры вынуждены обзванивать весь реестр в поисках свободных специалистов, что снижает оперативность и конкурентоспособность отрасли. Несмотря на то, что экскурсоведение преподается во многих учебных заведениях, в экскурсоводы приходит малочисленный состав, поскольку туризм требует инициативы и проектного подхода. В 2024 г. прием на туристические специальности составил 290 чел., а выпуск молодых специалистов по туристическим специальностям 612 чел. (в т.ч. 3 чел. по целевой подготовке). Многие специалисты работают преподавателями, сотрудниками музеев, библиотек, на промышленных предприятиях, и для них экскурсионная деятельность не основная работа, а хобби и подработка. Как следствие, отрасль теряет потенциальных специалистов еще на этапе выбора профессии или в первые годы работы.

Кадровый дефицит в туристической индустрии Беларуси представляет системную проблему, требующую комплексного подхода к решению, потому предлагается:

- модернизировать систему аттестации экскурсоводов и гидов-переводчиков, отказавшись от жесткого маршрутного принципа и внедрив более гибкие подходы, вводить платную аттестацию для отсева случайных соискателей, расширять состав аттестационных комиссий за счет представителей отраслевых организаций;
- развивать практико-ориентированное образование, создать многоуровневую систему подготовки, усиливать связь учебных заведений с турбизнесом, открывать новые специальности, такие

как «туризм и гостеприимство» (пример – ГГУ им. Ф. Скорины в 2026 г.), готовить специалистов на уровне профтехобразования (планы Витебщины);

- активизировать межгосударственное сотрудничество в рамках Союзного государства для унификации образовательных стандартов и обмена передовым опытом, создания совместных образовательных программ и академической мобильности студентов;
- повышать привлекательность профессий в туристической сфере через совершенствование условий труда, профессионального роста и системы мотивации;
- при грамотном подходе рост туризма открывает значительные возможности для туристических направлений, бизнеса и местных жителей, а благодаря тщательному планированию и принятию решений можно создать модель туризма, которая позволит в полной мере реализовать экономические и социальные преимущества сферы путешествий.

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Морозова О.С.,

кандидат политических наук, доцент,
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
г. Рязань, Российская Федерация

Современное государственное регулирование социально-экономического развития все в большей степени ориентируется не только на макроэкономические показатели, но и на качество человеческого развития. Устойчивость общества определяется способностью институтов создавать условия, при которых человек сохраняет доступ к образованию, здравоохранению, труду, социальной поддержке и участию в общественной жизни. В этом смысле социальное государство выступает не вспомогательным элементом экономической политики, а одним из базовых механизмов воспроизводства человеческого потенциала.

Человеческий потенциал может быть рассмотрен как совокупность возможностей человека реализовывать способности в экономической, социальной, культурной и гражданской сферах. Подход А. Сена к развитию как расширению человеческих возможностей позволяет сместить акцент с формального роста ресурсов на реальные условия жизненного выбора [1]. Для государственной политики это означает необходимость оценивать развитие не только через производство и доходы, но и через качество институтов, обеспечивающих доступ к базовым благам.

Институты социального государства формируют минимальный уровень защищенности, снижают риски бедности и социальной исключенности, поддерживают воспроизводство человеческого капитала через образование, здравоохранение, помощь семье и регулирование рынка труда. Их значение особенно возрастает в периоды демографических, технологических и экономических изменений, когда часть населения оказывается уязвимой перед новыми формами неравенства. Поэтому социальная политика должна рассматриваться как долгосрочная инвестиция в человеческое развитие, а не только как система компенсационных выплат.

С позиции институционального анализа социальная политика представляет собой совокупность правил, организаций и практик, структурирующих взаимодействие государства, бизнеса, семьи и гражданина. Д. Норт подчеркивал, что институты задают устойчивые рамки поведения и снижают неопределенность [2]. Применительно к социальному государству это означает, что важны не только объемы финансирования, но и предсказуемость гарантий, прозрачность процедур, доступность услуг и доверие граждан к механизмам поддержки.

В системе государственного регулирования необходимо сочетать универсальные гарантии и адресные меры. Универсальные гарантии создают базовое чувство защищенности и принадлежности к обществу. Адресные меры позволяют концентрировать ресурсы на группах повышенного риска: семьях с детьми, пожилых гражданах, лицах с ограничениями здоровья, молодежи, находящейся на этапе профессионального становления. Эффективность социального государства зависит от того, насколько эти два принципа согласованы между собой и не подменяют развитие пассивным перераспределением.

Качество жизни включает не только материальное благосостояние, но и доступность медицинской помощи, образования, жилья, безопасной среды, транспорта, культурной инфраструктуры и возможностей профессионального роста. Н.М. Римашевская рассматривала социальные последствия реформ через призму положения человека и механизмов его повседневного выживания [3]. Такая исследовательская оптика позволяет увидеть, что человеческий потенциал формируется не абстрактно, а в конкретной институциональной среде, где социальные гарантии превращаются в реальные возможности.

Таким образом, социальное государство является важным элементом государственного регулирования социально-экономического развития. Его роль состоит не только в компенсации социальных издержек, но и в создании условий для расширения человеческих возможностей, укрепления качества жизни и поддержания общественной устойчивости. Институциональная эффективность социального государства проявляется в способности соединять экономическое развитие, социальную защищенность и воспроизводство человеческого потенциала населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сен, А. Развитие как свобода / А. Сен; пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2004. – 432 с.

2. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. – М.: Начала, 1997. – 180 с.

3. Римашевская, Н.М. Человек и реформы: секреты выживания / Н.М. Римашевская. – М.: РИЦ ИСЭПН, 2003. – 392 с.

—— ◆ ——

ПРОБЛЕМЫ ПРОДВИЖЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ МОДЫ КАК ЧАСТИ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ

Мочкодан С.О.,

Белорусский государственный университет, г. Минск

Для Беларуси, где вклад креативных индустрий в ВВП в 2025 г. уже оценивается в 5%[1], само понятие «креативной ценности» еще является относительно новым. В рамках модных проектов, объединяющих коммерцию с реализацией творческого потенциала креативного класса общества, наблюдается тенденция, ожидаемая для индустрии моды, которая в своем самостоятельном институциональном виде существует в стране менее полувека и стремительно проживает уже пройденные западной модой стадии. Например, в показах наподобие Fashion Fabrique и Belarus Fashion Art Week фокус смещается с дизайна одежды на образующую социальный контекст мероприятия публику. В этом случае дефиле становится не столько художественным высказыванием или формой продвижения национального дизайна, сколько площадкой для взаимодействия приближенных к fashion-сфере. Первичное медийное освещение закономерно делает акцент на гостях, в то время как содержательный анализ представленных коллекций для широкой аудитории пока остается задачей второстепенной. Общая эстетика показов и «гламурные» образы зрителей порой отсылают к

[1] Выше среднемирового уровня: вклад креативных индустрий в ВВП Беларуси достиг 5% – URL: https://www.government.by/index.php/news/vyshe-srednemirovogo-urovnya-vklad-kreativnykh-industriy-v-vvp-belarusi-dostig-5.

трендам западной и российской моды 2010-х гг., что говорит о продолжающемся поиске белорусской модой своего уникального визуального языка. И даже подобное эклектичное идейно-стилистическое подражание – это заявление о конкурентоспособности белорусской модной индустрии на международной арене.

Оценивая мероприятия, конкретно ориентированные на поддержку молодых дизайнеров, можно выделить ряд проблемных моментов: не всегда достаточное финансирование, ограниченное освещение в СМИ, а также влияние устоявшихся подходов к оценке коллекций, которые не всегда стимулируют поиск принципиально новых дизайнерских решений. В частности, фестиваль-конкурс «Мельница моды», занимающий заметное место в истории белорусской моды, за долгие годы выработал определенные критерии, которые сегодня воспринимаются как достаточно консервативные. При этом фестиваль остается важной тренировочной площадкой профессиональной деятельности, хотя его прямое влияние на индустрию и возможности продвижения победителей несколько снизились за последние годы. В то же время появляются разделяющие схожие идеи альтернативные проекты, такие как фестиваль-конкурс «Созвездие БГУ», который на базе Белорусского государственного университета проводится уже третий год.

Шоу, которые проводятся на базе детских модельных школ (например, Spring и Christmas Fashion Show Национальной школы красоты или Kids Fashion Show агентств ANNmodels, Kids Podium, All Models и др.), во многом продолжают концепт начала XX в., когда модные показы изначально служили для демонстрации образов перед узким кругом заинтересованных лиц-спонсоров. В современном контексте эту роль берут на себя родители юных моделей, а показ становится сугубо коммерческим проектом, в основе которого лежат стремление удовлетворить личные амбиции, а также помочь детям проявить себя, получить признание и опыт публичных выступлений.

Перечисленные мероприятия объединяет общая системная проблема, которую можно охарактеризовать как «процесс ради процесса». Вне локального контекста они пока не демонстрируют значимого макроэкономического или социокультурного влияния на уровне страны вследствие идейной разобщенности упомянутых выше трех основных направлений белорусской модной индустрии (отмечается отсутствие единой смысловой парадигмы и явная замкнутость на узкой целевой аудитории). Тем не менее проведение модных показов и подобных им ивентов представляется объективно необходимым, поскольку они выполняют функцию своеобразного индикатора социально-экономического благополучия – само наличие в обществе устойчивого спроса на подобные, на первый взгляд, не относящиеся к приоритетным секторам экономики события, свидетельствует о стабильном развитии государства. А как часть креативных индустрий модные мероприятия имеют потенциал для получения прибыли.

Вне показов подобная раздробленность проявляется в общем ощущении «отчуждения от потребительского спроса», наблюдаемом в ориентированных на продажу одежды и аксессуаров предприятиях розничной торговли. Определенная инертность художественных советов крупных предприятий в сочетании с дефицитом мотивированных молодых дизайнерских кадров приводит к несоответствию продукции запросам все более требовательного потребителя. У более мобильных малых производств, способных удовлетворить спрос, издержки, формируемые заработной платой швей, арендной платой, маркетинговыми расходами и налоговой нагрузкой, делают цены слишком высокими для массового покупателя. Попытки сократить затраты ведут к упрощению дизайна, унификации внешнего вида и к последующему обеднению визуальной культуры той части населения, которая не склонна к самостоятельной стилизации образов.

Формулирование универсального решения, способствующего выходу белорусской модной индустрии из тупиковой ситуации недопонимания между потребителями, аудиторией, дизайнерами и производствами, представляет собой нетривиальную задачу. Эволюция отрасли неизбежна: трансформируются форматы презентаций, адаптируются коммерческие стратегии, модернизируются

производства – при условии наличия соответствующего спроса. В период этих преобразований наиболее действенной мерой остается финансовое стимулирование сферы моды, предоставление гибкой среды с ограниченным внешним контролем и развитие программ поддержки креативного сектора. Подготовка дизайнеров-конструкторов одежды в системе высшего и среднего профессионального образования является фундаментом для развития индустрии, поскольку выпускаемые специалисты являются неотъемлемой частью как крупных производств, так и малого/среднего бизнеса и фестивалей-конкурсов моды, участвуя в формировании креатосферы современного постиндустриального общества.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Мурашко О.Ю.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Демографические процессы в современном мире формируются под воздействием комплекса экономических, социальных, экологических и институциональных факторов. Управление воспроизводством населения требует системного подхода, учитывающего динамику рождаемости, смертности, миграции и возрастной структуры. В этих условиях цифровая трансформация здравоохранения становится одним из инструментов демографической политики, поскольку состояние здоровья населения непосредственно связано с уровнем смертности, продолжительностью и качеством жизни, репродуктивным и трудовым потенциалом.

Согласно определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), цифровое здравоохранение представляет собой совокупность знаний и практик, связанных с разработкой и использованием цифровых технологий для улучшения здоровья [1]. В демографическом контексте их значение определяется возможностью воздействовать на предотвратимую смертность, материнское и детское здоровье, распространенность хронических заболеваний, доступность медицинской помощи и продолжительность здоровой жизни.

Основными мировыми тенденциями являются развитие электронных медицинских записей и обмена данными, расширение телемедицины и дистанционного мониторинга, применение мобильных технологий и носимых устройств, использование искусственного интеллекта и больших данных, а также цифровизация профилактики и регистрации жизненных событий.

Для демографического анализа особое значение имеют технологии, позволяющие снижать риски для здоровья матери и ребенка. Так, обзор цифровых вмешательств в период беременности, включивший 42 исследования и 148,9 тыс. участников, выявил положительную связь отдельных цифровых решений с рядом материнских и неонатальных исходов, в том числе снижение риска преждевременных родов[1]. Другим направлением является цифровизация профилактики хронических неинфекционных заболеваний. По оценкам ВОЗ, сердечно-сосудистые, онкологические заболевания, диабет и хронические респираторные заболевания являются ведущими причинами смерти в мире. Использование телемедицины, мобильных приложений, дистанционного мониторинга и аналитики данных создает возможности для более раннего выявления факторов риска и повышения эффективности профилактики.

Цифровизация приобретает значение и для качества демографического учета. Электронная регистрация рождений и смертей повышает оперативность получения информации, необходимой для оценки воспроизводства населения и разработки государственной политики. Так, в Непале

[1] Association of Digital Health Interventions With Maternal and Neonatal Outcomes: Systematic Review and Meta-Analysis – URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/40085842/ (date of access: 10.08.2026).

внедрение цифровой регистрации жизненных событий способствовало увеличению доли детей в возрасте до пяти лет с зарегистрированным рождением с 58% в 2014 г. до 77% в 2019 г.[2]

Таким образом, цифровые технологии могут воздействовать на демографическое управление как непосредственно через здоровье населения, так и через повышение качества статистической информации.

Несмотря на общие тенденции развития цифрового здравоохранения, анализ национальных стратегий показал различия в приоритетах использования цифровых технологий, обусловленных демографическими особенностями страны. В странах Африки (Эфиопия, Танзания, Нигерия) основное внимание уделяется сбору первичных данных о рождаемости и детской смертности[3]. В странах Восточной Азии (Китай, Япония, Республика Корея) цифровые технологии применяются для решения проблемы старения населения, а также для повышения доступности и качества оказываемой медицинской помощи [2]. В Европейском Союзе приоритетом являются профилактика неинфекционных заболеваний, увеличение здоровой продолжительности жизни и управление процессами старения населения.

Для Республики Беларусь с учетом низкой рождаемости и старения населения приоритетными направлениями являются развитие цифровых сервисов репродуктивного здоровья, дистанционного мониторинга хронических заболеваний, профилактики преждевременной смертности и интеграции медицинских и демографических данных. Перспективным представляется формирование системы цифрового демографического мониторинга, позволяющей выявлять территориальные и социально-демографические группы повышенного риска, прогнозировать изменения показателей здоровья и оценивать эффективность мер демографической политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медицинские информационные системы: компетентность медицинских сестер / Д.А. Забелин, Е.И. Воронов, С.Ю. Ланина, Е.В. Плащевая // ЦИТИСЭ. – 2023. – № 4. – С. 377–389.

2. Пряжникова, О.Н. Инновационные подходы к развитию здравоохранения в Азиатском регионе. / О.Н. Пряжникова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: Востоковедение и африканистика. – 2021. – № 3. – С. 113–122.

[2] Digitizing Civil Registration and Cash Transfers in Nepal. – URL: https://www.worldbank.org/en/results/2023/09/04/digitizing-civil-registration-and-cash-transfers-in-nepal (date of access: 10.08.2026).

[3] A Review of Digital Health Strategies in 10 Countries With Young Populations: Do They Serve the Health and Wellbeing of Children and Youth in a Digital Age?. – URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35373182/ (date of access: 14.04.2026).

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ИНКЛЮЗИВНОЙ ЭКОНОМИКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Носова А.С.,

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Социальное предпринимательство в Беларуси, хотя и не имеет официального законодательного статуса, постепенно становится заметным драйвером инклюзивных процессов в экономике. В отличие от классической благотворительности, этот феномен предполагает устойчивую бизнес-модель, где решение социальных проблем достигается за счет рыночных механизмов.

В контексте белорусской социально-экономической модели, ориентированной на крупные государственные предприятия, развитие малых инклюзивных инициатив сталкивается с рядом системных барьеров, но одновременно открывает возможности для вовлечения в трудовую деятельность тех категорий граждан, которые традиционно исключены из рынка труда. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, доля людей с инвалидностью в трудоспособном возрасте составляет около 5–6%, однако уровень их фактической занятости не превышает 30%, что создает не только социальную напряженность, но и недополучение валового продукта. Именно

здесь социальное предпринимательство выступает компенсаторным механизмом, позволяя не просто адаптировать рабочее место, но и перепроектировать производственные процессы под нужды человека.

Анализ текущего состояния сектора показывает, что большинство социальных проектов сконцентрированы в Минске и крупных областных центрах, тогда как малые города и сельская местность остаются практически незатронутыми. Такая урбанистическая асимметрия ведет к тому, что наиболее уязвимые группы населения, проживающие в депрессивных регионах, лишены доступа к инклюзивным рабочим местам. Например, попытки организации швейных или столярных мастерских в сельской местности часто наталкиваются на отсутствие логистических цепочек и сбытовых каналов, что делает проекты убыточными.

Важно подчеркнуть, что социальное предпринимательство в Беларуси несет не только экономическую, но и мощную социокультурную функцию. Оно разрушает устойчивые стереотипы о неспособности людей с инвалидностью к систематическому труду и формирует новый общественный запрос на инклюзивность.

Переходя к образовательному аспекту, стоит отметить, что большинство социальных предпринимателей приходят из некоммерческого сектора или педагогики, но испытывают серьезный дефицит знаний в области маркетинга, ценообразования и управления персоналом. Например, в 2025 году обучение прошло не более 200 человек, что покрывает лишь малую часть реальной потребности. При этом интересно, что выпускники таких программ показывают на 30% более высокую выживаемость проектов в первые два года, что подтверждает критическую важность бизнес-образования [1]. Есть необходимость внедрения специализированного модуля по социальному предпринимательству в программы государственных бизнес-школ, адаптировав его под местные реалии.

Демографические тренды также оказывают влияние на развитие инклюзивного сектора. Старение населения ведет к увеличению доли пенсионеров, желающих продолжать работу, особенно в сельской местности, где пособия невысоки. Социальные предприятия могли бы стать для них платформой для занятости в ремесленных и сельскохозяйственных кооперативах. Вовлечение даже небольшой доли пенсионеров в такие проекты позволило бы сэкономить бюджетные средства на социальных доплатах, однако для этого необходимо решить проблему транспортной доступности и создания рабочих мест с гибким графиком.

Важна роль локальных органов власти. В тех городах, где председатели исполкомов лично заинтересованы в развитии социальных инициатив, наблюдается прогресс. Необходимо превратить эти практики в общеобязательные нормы, например, включив показатели по созданию инклюзивных рабочих мест в критерии оценки эффективности работы местных администраций. Это создало бы горизонтальную конкуренцию между регионами и стимулировало бы их к разработке собственных программ субсидирования.

В заключение следует подчеркнуть, что роль социального предпринимательства в инклюзивной экономике Беларуси не ограничивается лишь созданием рабочих мест для маргинализованных групп. Для системного прорыва необходимы три условия: принятие специализированного законодательства, создание доступных финансовых инструментов и развитие образовательной инфраструктуры. Без этих шагов инклюзивная экономика останется не самым распространенным явлением, однако при их реализации Беларусь может не только сократить бюджетные расходы, но и повысить качество человеческого капитала, что в конечном счете и является целью устойчивого развития общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Врублевский, Ю. В. Социальное предпринимательство как новый феномен современности / Ю. В. Врублевский // Инновационные подходы по формированию профессиональных и предпринимательских навыков обучающихся на основе эколого-ориентированной подготовки : материалы Респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, г. Минск, 15 декабря 2020 г. / Республиканское общественное объединение «Белорусская Ассоциация клубов ЮНЕСКО»; редкол.: Д. Г. Доброродний [и др.]. – Мн.: 2021. – С.24–28.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: РОЛЬ СИСТЕМЫ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Парфёнова Т.А.,

кандидат педагогических наук, ГАУ ДПО Самарской области «Институт развития образования», г. Самара, Российская Федерация

В условиях перехода к экономике знаний и ускоренной технологической трансформации ключевым ресурсом, определяющим конкурентоспособность региональных экономических систем, становится человеческий капитал. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью выявления механизмов влияния непрерывного образования на экономическое развитие регионов и разработки практических рекомендаций по совершенствованию соответствующих институциональных структур.

Эмпирические исследования региональных практик свидетельствуют о наличии устойчивой положительной корреляции между показателями охвата населения программами повышения квалификации и ключевыми экономическими индикаторами, включая производительность труда и инновационную активность предприятий [1, с. 4]. Инвестиции в образование имеют долгосрочный эффект: они способствуют повышению квалификации населения, стимулируют инновационную деятельность и создают условия для устойчивого экономического роста [2, с. 33].

В Самарской области ключевым институциональным звеном в системе непрерывного образования выступает Государственное автономное учреждение дополнительного профессионального образования «Институт развития образования» (ГАУ ДПО СО ИРО) [1, с. 4]. На базе института создан Центр непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников. Важным элементом системы является реализация адресной модели повышения квалификации руководящих работников государственных и муниципальных образовательных организаций, которая предусматривает возможность выбора программ обучения исходя из потребностей управленцев и образовательной организации на основе именного образовательного чека. В 2022 году по дополнительным профессиональным программам было обучено 19 773 педагогических работника и управленца региона. В 2023 году в оказании услуг по повышению квалификации работников образования на основе именных образовательных чеков принимали участие 30 образовательных учреждений.

В рамках федерального проекта «Современная школа» национального проекта «Образование» на базе института созданы региональные стажировочные площадки. Институт также участвует в реализации федерального проекта «Профессионалитет»: в 2022 году в Самарской области созданы два крупных образовательно-производственных кластера для машиностроительной и железнодорожной отраслей экономики. Машиностроение является одним из самых мощных и конкурентоспособных секторов экономики, составляющих основу перспективной специализации Самарской области. В 2022/2023 году более 600 человек обучались по программам адресной подготовки для предприятий-работодателей. В целом политика в сфере профессионального образования области направлена на решение проблем подготовки кадров для ведущих отраслей экономики.

Самарская область демонстрирует высокие показатели в сфере профессиональной образованности рабочей силы – 87,9%, что обеспечивает региону 2-е место в Приволжском федеральном округе по данному показателю. Область также занимает 6-е место в рейтинге научно-технологического развития регионов и 3-е место по уровню инновационной активности организаций. В 2024 году инвестиции в исследования и разработки в регионе составили более 30 млрд рублей.

Системные усилия по развитию непрерывного образования, включая создание специализированных институтов повышения квалификации, внедрение адресных программ обучения на основе выявленных профессиональных дефицитов и развитие сетевого взаимодействия между образовательными учреждениями и работодателями, формируют условия для повышения производительности труда,

снижения социального неравенства и устойчивого экономического роста [1, с. 4]. Как показывают исследования, межрегиональный эффект развития непрерывного образования значительно превышает внутригрупповой, что свидетельствует о значительном влиянии данной сферы на региональное экономическое развитие. При этом активность участия взрослого населения в непрерывном образовании напрямую связана с уровнем экономического развития региона и состоянием его ключевых отраслей.

Несмотря на положительную динамику, система непрерывного образования в Самарской области сталкивается с рядом вызовов, характерных для большинства регионов России: необходимость дальнейшей цифровизации образовательных программ, расширение взаимодействия с работодателями для более точного прогнозирования кадровых потребностей экономики, повышение мотивации к обучению среди различных возрастных групп населения, а также обеспечение равного доступа к качественным образовательным программам для жителей городской и сельской местности.

В то же время стратегические ориентиры развития региона предполагают, что через десять лет валовой региональный продукт должен увеличиться в полтора раза, а область должна стать конкурентоспособным регионом с высоким человеческим потенциалом, территорией, привлекательной для жизни. Достижение этих целей невозможно без дальнейшего развития системы непрерывного образования как ключевого инструмента наращивания человеческого капитала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никонова, О. И. Развитие непрерывного образования в Республике Татарстан, как драйвер экономического развития региона / О. И. Никонова // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. – 2025. – № 28. – С. 132–139.

2. Епанчинцев, Т. С. Человеческий капитал и инвестиции в образование / Т. С. Епанчинцев, В. А. Бычков // Современная наука, общество и образование: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. XIII Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 20 мая 2025 г. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. – С. 31–35.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ НАСЕЛЕНИЯ В СЕЛЬСКУЮ МЕСТНОСТЬ: АКТУАЛЬНОСТЬ И УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ

Пашкевич О.А.,

кандидат экономических наук, доцент,
Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси, г. Минск

Одной из стратегических задач Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 г. выступает создание альтернативы столице и областным центрам в части предоставления возможностей занятости и источников доходов, управления процессами урбанизации, повышения комфортности проживания в аграрных и аграрно-промышленных районах[1]. Наряду с этим, в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы для развития регионов предусмотрено совершенствование размещения производительных сил в рамках формирования перспективных хозяйственных комплексов с учетом их территориальных и социально-экономических особенностей в целях снижения межрегиональной миграции[2]. Это предопределяет обоснование предложений по стимулированию переезда людей в сельскую местность с конкретными условиями.

[1] Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года / Министерство экономики Республики Беларусь. URL: https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-razvitija-respubliki-belarus-na-period-do-2040-goda.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

[2] Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы: Решение Всебелорусского народного собрания 19 декабря 2025 г. № 1 / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 20.12.2025, 2.1/22252. – URL: https://economy.gov.by/uploads/files/macro-prognoz/pser-2030.pdf/ (дата обращения: 01.08.2026).

Так, в Республике Беларусь специалистам, которые прибывают на рабочее место в сельскую местность, выделяется жилье в сельском населенном пункте, на территории которого расположено предприятие. Кроме того, разработаны и внедрены в практику механизмы льготного кредитования граждан на строительство жилья в сельской местности. Это действует не только в отношении сельчан, но и горожан, желающих переехать в село. Им также оказывается материальная помощь в содействии переселению. Практика показала, что действие таких государственных инструментов наиболее активно проявляется в интенсивном развитии пригородных сельских территорий. В этой связи целесообразно проведение группировки сельских населенных пунктов с целью выработки более дифференцированных мер поддержки лиц, желающих переехать в сельскую местность. Требует уточнения и конкретизации, на какие категории трудоспособного населения распространяется эта задача: привлечение молодежи в сельскую местность, или же акцент на трудоспособных лиц (семей в частности), или вовлечение лиц старше трудоспособного возраста в сельскую экономику. Также важно определить, какие компетенции имеют такие категории населения, их желание переобучиться, каким видом деятельности занимались или предпочитают заниматься, какие потребности в объектах социальной инфраструктуры и т.д.

С целью привлечения населения городских населенных пунктов в сельскую местность предлагается обеспечить визуализацию данных о состоянии социальных стандартов в разрезе конкретных агрогородков, сельских населенных пунктов, где расположены сельскохозяйственные организации и где имеются вакантные рабочие места. Это возможно осуществить посредством информирования потенциальных работников об индикаторах и показателях социальных стандартов наряду с предложением по размеру заработной платы путем создания единого специализированного информационного ресурса. Это позволит также в последующем выявить центры притяжения молодежи и трудовых ресурсов трудоспособного возраста. Реализации данного направления поспособствует и проведение смотра-конкурса на лучшее благоустройство сельских населенных пунктов[3].

В условиях высокого уровня урбанизации территории Беларуси с ее нарастающими проблемами с целью популяризации сельского образа жизни требуется усиление информационной пропаганды и проведение кампаний, направленных на формирование и популяризацию нового, модернизированного взгляда на сельскую жизнь, сочетающей традиции и комфорт (свежий воздух, досуг на природе, здоровое питание).

Активное развитие и совершенствование цифровых технологий передачи информации, коммуникационных сетей и платформ позволяет реализовать дистанционную и удаленную формы занятости, которая особенно привлекательна для молодежи. Переезд в сельскую местность лиц, владеющих цифровыми технологиями (программисты, консультанты, проектировщики, диагностики), не потребует поиска нового рабочего места в сельской местности. Они же будут одними из потребителей продукции и услуг объектов социальной инфраструктуры, что позволит повысить объем поступлений в местные бюджеты.

Отдельным направлением развития социальной инфраструктуры села должны стать центры молодежи с параллельным развитием объектов физической культуры и спорта. Наиболее активная часть сельского населения нуждается в условиях, которые позволят реализовать ее творческие и спортивные способности, организовать досуг с пользой для развития всесторонне развитой и здоровой личности. Это будет выступать инструментом закрепления молодёжи в сельской местности, а впоследствии и источником пополнения ее трудового потенциала. Наряду с этим важно создание молодежных советов, проведение форумов с участием молодежи по обсуждению насущных проблем конкретной территории сельского населенного пункта и вовлечение ее в управление территорией.

[3] В Минской области ищут самый ухоженный агрогородок – победитель получит миллион рублей. – URL: https://mlyn.by/31072026/v-minskoj-oblasti-ishhut-samyj-uhozhennyj-agrogorodok-pobeditel-poluchit-million-rublej/ (дата обращения: 01.08.2026).

ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ОДИНОЧНЫХ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Пинязик В.Н.,

кандидат экономических наук, доцент,

НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, г. Минск

Потребительское поведение домохозяйств является значимым индикатором уровня и качества жизни, так как отражает объем и структуру потребительских расходов, потребительские предпочтения, традиции и новации в потреблении отдельных товаров и услуг. Потребительское поведение находится под влиянием множества факторов, лидирующие позиции среди них занимают цены и тарифы на товары и услуги, доходы населения и социально-демографический состав домохозяйств.

Особый интерес представляет потребительское поведение одиночных домохозяйств, так как растет их число и удельный вес в общей численности домохозяйств. Если по данным переписи населения 2009 г. доля одиночных домохозяйств в общей численности домохозяйств составляла 29,7%, то в 2019 г. уже 38,0%. Рост данного показателя характерен для многих стран с высоким уровнем развития, поэтому предполагаем, что по результатам переписи населения 2029 г. удельный вес одиночных домохозяйств в стране превысит данные переписи населения 2019 г.

Кроме того, происходит изменение возрастного состава одиночных домохозяйств. Наряду с увеличением численности 60–70-летних представителей одиночных домохозяйств, активно возрастает число 25–35-летних представителей таких домохозяйств. Например, по данным переписи населения 2019 г. (по сравнению с итогами переписи 2009 г.) число одиночных домохозяйств с населением в возрасте 65–69 лет увеличилось в 1,7 раза, с населением в возрасте 30–34 года – в 2,4 раза.

В связи с вышеотмеченным знание потребительского поведения одиночных домохозяйств становится необходимым условием эффективного прогнозирования и планирования социально-экономического развития и реализации обозначаемых в этих документах приоритетов. Например, на 2026–2030 годы одним из таких приоритетов определено «Создание качественной и удобной среды для жизни» (подприоритет «Переход на новые стандарты качества жизни»). Это относится не только к созданию инфраструктуры для комфортной жизни населения в любой точке страны, но и для всех типов домохозяйств.

За последнее десятилетие потребительские расходы одиночных домохозяйств существенно возросли. В 2025 г. по сравнению с 2016 г. рост их реальной величины (в ценах 2025 г.) составил 155,5%. Для сравнения – в целом по республике по всем типам домохозяйств рост составил 147,5%. В значительной мере это обусловлено сокращением за последнее десятилетие среди всех одиночных домохозяйств доли домохозяйств со среднедушевыми располагаемыми ресурсами от 1 до 2 БПМ[1] до 26,3% и увеличением доли одиночных домохозяйств со среднедушевыми располагаемыми ресурсами более 3 БПМ до 37,5 % (рис. 1).

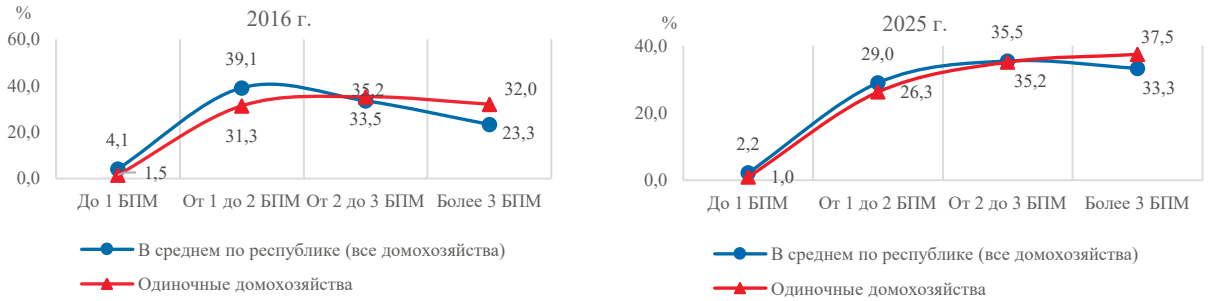

Рис. 1. Динамика распределения домохозяйств по соотношению среднедушевых располагаемых ресурсов и БПМ

[1] БПМ – расчетная величина (среднегодовая) бюджета прожиточного минимума в среднем на душу населения.

Рост величины потребительских расходов, как правило, оказывает влияние на изменение их структуры – сокращается доля расходов на продукты питания и возрастает доля расходов на услуги, культуру, отдых, общественное питание и т.д. С 2016 г. по 2025 г. в структуре потребительских расходов одиночных домохозяйств существенно сократился удельный вес расходов на продукты питания, увеличился удельный вес расходов на здравоохранение, транспорт, информационные услуги и услуги связи, гостиницы и общественное питание (рис. 2).

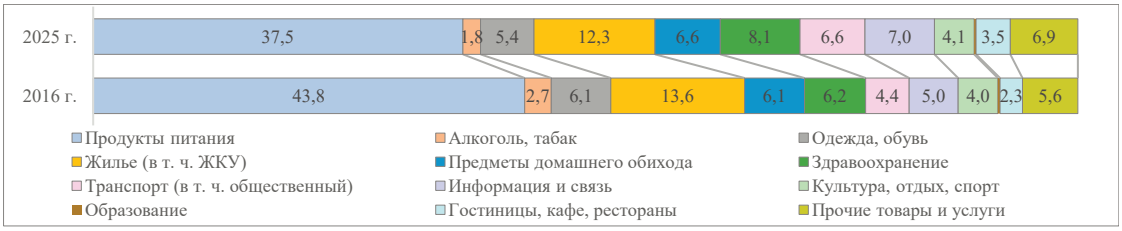

Рис. 2. Динамика структуры потребительских расходов одиночных домохозяйств, % к итогу

В топ-5 статей потребительских расходов, по которым реальная величина расходов одиночных домохозяйств возросла за последнее десятилетие более чем в 2 раза, вошли: гостиницы, кафе, рестораны (рост в 2,4 раза); транспорт (рост в 2,3 раза); информация и связь (рост в 2,2 раза); здравоохранение (рост в 2,0 раза); прочие товары и услуги[2] (рост в 1,9 раза).

Выборочное обследование домашних хозяйств по уровню жизни, осуществляемое на постоянной основе органами государственной статистики во всех областях республики и в г. Минске, предоставляет возможность для анализа состояния и динамики потребительского поведения одиночных домохозяйств. Но для использования его результатов целесообразно проведение более глубоких междисциплинарных исследований, объединяющих экономистов, социологов, психологов, демографов и др. Чем более разнообразны одиночные домохозяйства по возрасту, занятости, статусу, жизненным стратегиям, моделям питания, отдыха, состояния здоровья, локациям проживания и другим факторам, тем более обоснованными должны быть выводы и заключения по состоянию и динамике их потребительского поведения для практического использования при формировании и реализации государственной социальной политики и бизнес-стратегий.

[2] Расходы на прочие товары и услуги – расходы на оплату услуг парикмахерских, бань, саун, салонов красоты и прочих личных услуг, на покупку парфюмерно-косметических товаров, приборов и других предметов для личного ухода. А также расходы на страхование, прочие товары и услуги, которые не включены в другие группы потребительских расходов.

СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВУЗОВ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ СТРУКТУРНОЙ ЭНТРОПИИ В СИСТЕМЕ «ОБРАЗОВАНИЕ – РЫНОК УСЛУГ»

Пономаренко Е.В.,

доктор экономических наук, профессор,

Сапрыгина Д.А.,

Донецкий институт управления – филиал ФГБОУ ВО «РАНХиГС»,
г. Донецк, Российская Федерация

В условиях перехода к новому технологическому укладу высшее образование становится ключевым драйвером изменений. Существующая модель управления вузами в России характеризуется структурными дисбалансами: доля платного гуманитарного образования достигает 65–70%, что ведет к перепроизводству специалистов, не востребованных экономикой: за 10 лет выпуск бакалавров

сократился на 35%, магистров – вырос в 2,3 раза, однако спрос на инженеров не синхронизирован с магистратурой; 93% работодателей фиксируют дефицит навыков, а региональные диспропорции усиливают разрывы в экономическом развитии[1].

Энтропийный анализ (как меры неопределенности или степени хаотичности системы) показывает, что точечные меры (например, увеличение бюджетных мест) не снижают неопределенность, поскольку не синхронизируют основные группы факторов развития образовательной системы: институциональные, рыночные и внутренние. Основной источник энтропии – рассогласование институциональных и рыночных механизмов, которое не компенсируется внутренними усилиями вузов. Сетевое взаимодействие способно устранить этот разрыв, создавая каналы координации между государством, бизнесом и университетами, обеспечить синхронизацию усилий этих групп факторов через горизонтальные связи, обмен ресурсами и знаниями, снижая трансакционные издержки, снизить структурную энтропию в системе «образование – рынок услуг». Сегодня его потенциал остается нереализованным.

Согласно [1, с. 243–244], сетевое взаимодействие в системе высшего образования представляет собой целенаправленную совокупность формальных и неформальных связей между образовательными организациями, научно-исследовательскими учреждениями, предприятиями и государственными институтами, направленную на координацию ресурсов, обмен знаниями и достижение совместных стратегических целей. В России сетевая парадигма в управлении прошла три этапа: от внутривузовских кооперациий (1970–80-е гг.) через межвузовские и международные связи (1990–2000-е гг.) к современной стратегической экосистеме с участием бизнеса, государства и общества. Ключевые преимущества сетей – децентрализация, гибкость, снижение бюрократических издержек.

Интегративная модель управления, предложенная в [1], объединяет рационально-экономическую (минимизация затрат), структурно-социологическую (диагностика связей) и стратегическую (экосистемный подход) логики, что позволяет рассматривать вуз как ядро образовательной и инновационной экосистемы. Системная трансформация на основе интегративной модели требует от системы образования учета составляющих: междисциплинарного проектного содержания, компетентностной парадигмы (навыки XXI века) и роли агента изменений через трансфер технологий. Сетевые форматы (программы «Приоритет-2030», передовые инженерные школы) уже демонстрируют повышение эффективности функционирования системы. Сетевое взаимодействие органично дополняет проектно-ориентированное управление (ПОУ), структурируя деятельность вокруг проектов с конкретными целями и ресурсами. Вместе они создают механизм «вытягивающего» спроса, когда бизнес формулирует задачи, а вузы формируют междисциплинарные команды, подстраивая подготовку под реальные нужды.

На основе синтетической классификации подходов [1] можно выделить четыре блока показателей: 1) институциональные: наличие нормативной базы, количество договоров, доля сетевых программ; 2) рыночные: трудоустройство выпускников по сетевым программам, соответствие компетенций требованиям, доля целевого обучения; 3) внутренние: доля ППС, участвующего в сетевых проектах, число совместных R&D-проектов, прирост внебюджетных средств; 4) интегральные: индекс сетевой согласованности, динамика энтропии системы, степень синхронизации трех групп факторов.

Интегративная модель позволяет операционализировать эти показатели на микроуровне (кафедры, проектные группы), сочетая экономическую рациональность, структурный анализ и стратегическое позиционирование. Модель предполагает поэтапное внедрение: пилоты, масштабирование, цифровая платформа, гибридная структура (кафедры для рутины + проектный контур).

[1] Форма № ВПО-1 // Минобрнауки РФ. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/ (дата обращения: 04.09.2026).

Таким образом, эмпирический анализ подтвердил высокий уровень структурной энтропии в системе высшего образования из-за рассогласования институциональных, рыночных и внутренних факторов, при котором рыночная надстройка нивелирует государственные приоритеты. Сетевое взаимодействие вузов выступает механизмом снижения энтропии через горизонтальные связи и координацию стейкхолдеров; предложенная система показателей позволяет количественно оценить его вклад. Дальнейшие исследования должны быть направлены на эмпирическую верификацию модели и разработку цифровых инструментов управления сетевыми проектами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сапрыгина, Д. А. Трансформация сетевого взаимодействия высшего образования в стратегическую экосистему: теоретико-методологические основания интегративной модели / Д. А. Сапрыгина // Финансовый менеджмент. – 2026. – № 3. – С. 241–250. – EDN BKWQYI.

ОТ ОБЪЕКТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ К СУБЪЕКТИВНОМУ БЛАГОПОЛУЧИЮ: МЕТОДОЛОГИЯ ПОСТРОЕНИЯ ИНТЕГРАЛЬНОГО ИНДЕКСА СЧАСТЬЯ

Приборович Т.М.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

В течение последних десятилетий в глобальной экономике наблюдался устойчивый рост объективных показателей качества жизни: увеличение продолжительности жизни, расширение доступа к образованию и цифровым технологиям, повышение реальных располагаемых доходов населения. Однако параллельно глобальные исследования фиксируют устойчивый рост аффективных расстройств, тревожных состояний и экзистенциальной неудовлетворенности. Возникает феномен «парадокса процветания»: рост материальных условий не сопровождается адекватным ростом субъективного психологического благополучия. Данное противоречие актуализирует пересмотр критериев общественного прогресса и обращение к категории «счастье» как к объекту государственной политики.

В современной науке существует множество индексов (Индекс человеческого развития, Индекс качества жизни, коэффициент Джини, Всемирный индекс счастья), ориентированных на объективные количественные параметры. С точки зрения теории потребностей А. Маслоу, данные индексы отражают условия, необходимые для удовлетворения базовых потребностей. Однако счастье как интегративное эмоционально-оценочное состояние относится к потребностям роста (самоактуализация, признание, смысл), которые плохо поддаются количественной верификации. Как отмечают Д. Канеман и А. Крюгер, различие между «номинальным» и «переживаемым» качеством жизни является принципиальным. Без систематических социологических опросов построение полноценного индекса счастья невозможно, поскольку именно они улавливают составляющую благополучия, остающуюся «за кадром» официальной статистики.

Наряду с традиционными опросами развиваются подходы к мониторингу на основе цифровых поведенческих следов. Наиболее распространенный метод – анализ того, как люди выражают свои эмоции в социальных сетях. Он позволяет достаточно точно определять эмоциональное состояние, но не дает возможности измерить удовлетворенность жизнью в целом. Кроме того, анализируются данные из профилей пользователей, информация о том, как люди используют мобильные телефоны, а также статистика поисковых запросов в интернете. Исследования демонстрируют, что анализ запросов через Google Trends позволяет предсказывать динамику субъективного благополучия на групповом уровне с высокой корреляцией (0,87). Ключевое ограничение: эмоциональный фон текстов в соцсетях не всегда коррелирует с когнитивной оценкой собственной жизни. Перспективно направление цифрового фенотипинга – анализ данных со смартфонов и носимых устройств.

Пассивно собираемые данные о мобильности, активности и сне позволяют с высокой точностью выявлять индивидов с риском депрессии и тревожных расстройств. Разрабатываются системы пассивного мониторинга сетевого трафика (RouterSense), анализирующие метаданные активности устройства как прокси-показатели психического здоровья с сохранением конфиденциальности. Цифровые данные предлагается применять не вместо социологических опросов, а в качестве дополнительного инструмента их проверки и уточнения. При этом необходимо учитывать этические риски: возможность неконтролируемого наблюдения за поведением граждан, неравенство в доступе к цифровым технологиям между разными группами населения, а также зависимость от алгоритмов и политики владельцев цифровых платформ.

В качестве теоретической основы предлагается использовать модель PERMA, разработанную в позитивной психологии. Она включает пять ключевых компонентов благополучия: положительные эмоции, вовлеченность в деятельность, качественные отношения с другими людьми, ощущение смысла и наличие достижений. Применительно к Беларуси: в отношении положительных эмоций – интеграция программ позитивной психологии в образование и финансирование профилактики ментального здоровья; вовлеченности – развитие дополнительного образования взрослых с использованием Оксфордского опросника счастья и теста жизнестойкости; взаимоотношений – укрепление семейной политики; смысла – поддержка волонтерских и экологических проектов; достижений – реформирование системы признания и поддержка малого бизнеса.

Важнейшим аспектом является осознание границ государственного вмешательства: счастье не может быть «назначено» административным решением. Предлагается различать минимальный гарантирующий уровень (безопасность, базовый доход, здравоохранение, образование) и уровень возможностей (инфраструктура для самореализации). Оценка эффективности второго уровня должна строиться на динамике опросов и цифровых индикаторов, при этом данные не могут служить основанием для санкций, но исключительно для корректировки программ. При использовании цифровых инструментов необходимо обеспечивать деперсонализацию данных, прозрачность алгоритмов и добровольное информированное согласие. Построение индекса счастья в Беларуси требует междисциплинарного взаимодействия экономистов, социологов, психологов, специалистов по обработке данных и управленцев – от проектирования инструментов до принятия решений.

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЗАНЯТОСТЬ: ТЕНДЕНЦИИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Привалова Н.Н.,

кандидат экономических наук, доцент,
НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Неформальная занятость остается доминирующей моделью трудовых отношений, охватывая более половины глобальной рабочей силы (57,9%)[1]. В денежном выражении объем мировой теневой экономики оценивается в 12,5 трлн долл. США. Это создает серьезные фискальные риски и лишает государства ресурсов для развития социальных систем.

МОТ относит к неформальной занятости трудовую деятельность, не зарегистрированную официально, основанную на устных договоренностях и не защищенную законодательством, соцстрахованием или трудовыми договорами. В зарубежных странах при характеристике неформальной занятости используются разные подходы. В большинстве развитых государств – это незарегистрированная занятость; Германии – «левая работа»; странах СНГ, России и Беларуси – неформальная занятость, работа «в конвертах», «теневая» занятость; в Латинской Америке – неформальный сектор.

[1] Доклад международной организации труда (МОТ) «Состояние и вызовы неформальной занятости в мире (2025–2026)» // МОТ, 2025.

В России к неформальной занятости относят неофициальную трудовую деятельность, при которой отношения между работником и работодателем не оформлены Трудовым кодексом. Она включает работу без договора («черная») или частичную выплату зарплаты в конверте («серая») с целью уклонения от налогов и страховых взносов. Аналогичный подход к определению неформальной занятости используется и в Беларуси, к которой относят работу лиц, занятых в неформальном секторе, а также работающих по найму без оформления трудовых отношений в крестьянских (фермерских) хозяйствах или в других организациях.

Самая большая доля неформального сектора наблюдается в странах с низким доходом, в которых за последние 10 лет она увеличилась почти до 60%, в то время как в развитых государствах этот сектор сократился почти вдвое –до 10%, а в развивающихся он колеблется на уровне 33–34%. Достаточно низкий уровень неформальной занятости наблюдается в таких развитых странах, как Швейцария – 1,1%, Франция – 3,8% и Германия – 3,9%[2].

По данным Росстата, уровень неформальной занятости в России составил в 2024 г. 18,6%. В Беларуси этот показатель в 2024 г. достиг 9,5%, а в 2025 г. снизился до 2,0%[3]. Эта тенденция обусловлена внедрением налога на профессиональный доход (НПД), который позволил вывести самозанятых из «тени» благодаря простоте применения; цифровизацией учета доходов и выдачи чеков через мобильное приложение; использованием повышенной ставки за сокрытие доходов; применением повышенной ставки налога – 20%; усилением контроля за «серыми» доходами налоговыми службами.

В странах ЕС основные подходы к регулированию неформальной занятости включают: усиление контроля и инспекций на основе создания специализированных органов – платформы по борьбе с теневой занятостью; стимулирование легализации доходов за счет снижения налоговой нагрузки на фонд оплаты труда и упрощения административных процедур для малого бизнеса; принятие директивы, регулирующей платформенную работу (услуги курьеров, такси, IT-фриланс) для предоставления им трудовых прав; расширение доступа к социальному страхованию для работников с нестандартными контрактами (временные, неполный рабочий день); введение реестров, ограничивающих деятельность компаний, замеченных в использовании незадекларированного труда.

В Российской Федерации реализуется План мероприятий по противодействию нелегальной занятости на 2025–2027 годы, включающий: ведение публичного реестра –перечня работодателей, у которых официально зафиксированы факты нелегального найма сотрудников; проведение регулярных совместных проверок Роструда и МВД в целях пресечения фактов работы без оформления договоров; анализ численности трудоспособных граждан, официально нигде не работающих; разработка программ Минтруда для активного вовлечения неработающих граждан в легальную трудовую деятельность; расширение полномочий региональных межведомственных комиссий (ФНС, Роструда и СФР) для оперативного реагирования на «серые» схемы оплаты труда; активизация информационной деятельности по разъяснению последствий работы без оформления (потери стажа, пенсий, больничных) как для работников, так и для бизнеса.

Социально-экономические последствия неформальной занятости для государства включают: недополучение доходов из-за уклонения от уплаты налогов и взносов в внебюджетные фонды; сдерживание темпов экономического роста; увеличение нагрузки на социальные фонды, в том числе на пенсионную систему.

Для работников (социальные последствия) – отсутствие правовой защиты: трудовых договоров, неоплачиваемые отпуска и больничные; риски безопасности: высокий риск производственного травматизма без компенсаций; ограничение доступа к финансовым услугам: сложности с получением банковских кредитов (нет справки о доходах).

[2] Евростат [сайт]. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat/data/database (дата обращения: 10.08.2026).

[3] Национальный статистический комитет Республики Беларусь: [сайт]. – Мн., 2018-2026. – URL: https://sdgplatform.belstat.gov.by/ datasets/8.3.1 (дата обращения: 11.08.2026).

Для общества – это рост неравенства: усиление разрыва в доходах между формальным и неформальным секторами; риск возникновения социальной нестабильности из-за высокой доли незащищенного населения.

Изучение мирового опыта показало, что эффективное регулирование неформальной занятости должно быть основано на комплексной стратегии, ключевыми элементами которой выступают: упрощение процедур регистрации и налогообложения (налог на профессиональный доход); внедрение цифровых технологий контроля; обеспечение доступа к социальной защите для всех форм занятости; легализация статуса уязвимых категорий работников через механизмы лицензирования и признания их прав.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ЭКОСИСТЕМЕ БАНКА

Пригодич И.А.,

кандидат экономических наук, доцент,
Полесский государственный университет, г. Пинск

Современная банковская система функционирует в условиях высокой неопределенности и динамичности, что актуализирует ценность человеческого капитала как важнейшего ресурса экосистемы банка. Человеческий капитал включает в себя знания, навыки, опыт и компетенции сотрудников, которые являются основными факторами, способствующими конкурентоспособности и успешности финансовых учреждений. В условиях интенсивной цифровизации и внедрения новых технологий, таких как искусственный интеллект и блокчейн, роль человеческого капитала становится еще более значимой, так как именно специалисты способны адаптировать новые инструменты и подходы к специфике финансовых операций и потребностям клиентов.

В условиях глобализации и высокой конкуренции банки стремятся не только к оптимизации бизнес-процессов, но и к созданию устойчивых конкурентных преимуществ, основанных на уникальных компетенциях своих сотрудников. Инвестиции в обучение и развитие персонала оказывают положительное влияние на уровень обслуживания клиентов, что является критически важным в условиях растущих ожиданий потребителей.

Кроме того, в современных условиях, когда происходит стагнация традиционных моделей ведения бизнеса, банки должны трансформировать свои подходы к управлению человеческим капиталом, чтобы не только удерживать существующих клиентов, но и привлекать новые сегменты рынка. В таких обстоятельствах эффективная стратегия формирования человеческого капитала и управления им становится ключевым элементом для достижения устойчивого роста и развития банка.

Человеческий капитал включает в себя не только образование и профессиональную подготовку сотрудников, но и их способность к обучению, адаптации и инновациям. В условиях быстро меняющейся финансовой среды, обусловленной цифровой трансформацией и изменениями в потребительских предпочтениях, способность сотрудников к быстрому усвоению новых технологий и методов работы является критически важной.

В экосистеме банка человеческий капитал выполняет несколько ключевых функций:

1. Инновации и адаптация. Сотрудники, обладающие высоким уровнем квалификации и креативности, способны генерировать новые идеи и решения, что способствует внедрению инновационных продуктов и услуг. Это особенно важно в условиях цифровизации, когда банки стремятся к созданию новых сервисов, основанных на современных технологиях.

2. Клиентская ориентация. Человеческий капитал влияет на качество обслуживания клиентов. Профессионально подготовленные сотрудники способны лучше понимать потребности клиентов

и предлагать им индивидуализированные решения, что укрепляет клиентскую лояльность и повышает конкурентоспособность банка.

3. Управление рисками. Квалифицированные специалисты в области риск-менеджмента играют важную роль в выявлении, оценке и минимизации рисков. Их знания и опыт позволяют банкам более эффективно реагировать на изменения в экономической среде и предотвращать финансовые потери.

Инвестиции в человеческий капитал включают в себя обучение, повышение квалификации и развитие сотрудников. В экосистеме банка это может проявляться через следующие направления:

1. Программы обучения и развития. Регулярные тренинги и семинары, направленные на повышение квалификации сотрудников, способствуют созданию высококвалифицированной команды, готовой к новым вызовам.

2. Кросс-функциональные команды. Формирование междисциплинарных команд позволяет объединить знания и опыт сотрудников из различных областей, что способствует созданию инновационных решений и улучшению процессов.

3. Создание культуры обучения. Поддержка инициатив, направленных на постоянное обучение и саморазвитие, формирует в банке среду, способствующую развитию человеческого капитала.

Человеческий капитал является одним из наиболее ценных активов в экосистеме банка. Его развитие и эффективное использование способствуют не только повышению конкурентоспособности финансовой организации, но и обеспечивают устойчивый рост в условиях динамичного рынка. Инвестирование в человеческий капитал должно стать стратегическим приоритетом для банков, стремящихся к успешной цифровой трансформации и инновационному развитию.

Понимание значимости человеческого капитала и его роли в обеспечении стабильности и конкурентоспособности банков открывает новые горизонты для исследования и практической реализации. Успех банка зависит не только от технологий и автоматизированных систем, но и от уровня мотивации, вовлеченности и компетентности его сотрудников.

В условиях постоянных изменений на рынке и внедрения цифровых инноваций банки должны постоянно мониторить и анализировать потребности работников, развивать программы обучения и карьерного роста, а также стимулировать творческий потенциал сотрудников.

Таким образом, работа с человеческим капиталом в экосистеме банка представляет собой не просто поддержку бизнес-процессов, но и стратегический инструмент для обеспечения долгосрочной устойчивости и продуктивности банка.

СТИМУЛИРОВАНИЕ ИТ-ОТРАСЛИ В КАЗАХСТАНЕ

Прусенкова Д.И.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Стратегический курс Казахстана на переход от сырьевой модели экономики к экономике знаний закреплен на высшем государственном уровне. 2026 г. объявлен Годом цифровизации и искусственного интеллекта (ИИ), а положения об инновационном развитии включены в новую Конституцию РК, вступившую в силу 1 июля 2026 г.[1] Формирование высокотехнологичной экономики требует системного стимулирования ИТ-отрасли, выступающей драйвером модернизации всех сфер хозяйственной деятельности. Изучение инструментов стимулирования ИТ-сектора Казахстана позволяет выявить эффективные механизмы построения цифровой экономики в развивающихся странах.

[1] Конституция Республики Казахстан: принята на респ. референдуме 15 марта 2026 г. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000.

В Казахстане сформирована многоуровневая нормативная база: приняты Закон «Об ИИ» (вступил в силу 18 января 2026 г.)[2] – первый специализированный ИИ-закон в Центральной Азии, определяющий правовые основы развития и безопасного использования ИИ, и Цифровой кодекс (вступил в силу с 12 июля 2026 г.)[3], закрепляющий цифровые права человека, цифровой кондоминиум, продукты цифровых данных и национальные цифровые объекты. Утверждена стратегия «Digital Qazaqstan» до 2029 г.[4]

Институциональная поддержка ИТ-отрасли обеспечена созданием в 2025 г. Министерства ИИ и цифрового развития, Совета по развитию ИИ при Президенте и Оперативной группы по цифровой трансформации. Проведено объединение международного технопарка Astana Hub и Автономного кластерного фонда «Парк инновационных технологий» с целью консолидации ресурсов, расширения венчурного финансирования и создания «единого окна» государственной поддержки инноваторов.

Центральным элементом инфраструктурной поддержки ИТ-сектора выступает Astana Hub с 20 региональными ИТ-хабами. Функционирует сеть международных хабов в США, Великобритании, ОАЭ и Китае для продвижения казахстанских ИТ-продуктов на внешние рынки. Стратегическим проектом выступает «Долина центров обработки данных» в Экибастузе, формирующая высокопроизводительную вычислительную инфраструктуру и условия для экспорта цифровых услуг. В 2025 г. запущен суперкомпьютерный кластер «Alem.Cloud» (104-е место в рейтинге TOP500[5]), доступ к мощностям которого открыт для госорганов, научных учреждений, стартапов и бизнеса. С 2026 г. введен обязательный переход госорганов на единую облачную платформу QazTech с мораторием на создание новых информационных систем вне платформы. Внедрен Реестр доверенного ПО с приоритетом для решений с локализацией не менее 80% при государственных закупках.

Основным механизмом налоговой поддержки выступает специальный режим Astana Hub: резиденты освобождаются от КПН, социального налога, ИПН, НДС при реализации ИТ-услуг и импорте ИТ-оборудования при условии получения не менее 90% дохода от приоритетных видов ИКТ-деятельности. Для нерезидентов установлена пониженная ставка налога на дивиденды (5% вместо 15%). Предусмотрены упрощенный визовый режим для иностранных специалистов (рабочая виза до 5 лет) и экстерриториальность льгот.

С целью финансовой поддержки ИТ-сектора создан венчурный фонд фондов Qazaqstan Venture Group; осуществляется бюджетное финансирование инноваций (инновационные гранты, содействие коммерциализации технологий). В 2026 г. холдинг «Байтерек» и Astana Hub подписали соглашение о поддержке ИТ-стартапов, предусматривающее льготное финансирование, кредитование оборотных средств, предэкспортное финансирование, гарантийную поддержку и страхование экспортных контрактов. Запущены программы грантовой поддержки ИИ-стартапов на использование облачной инфраструктуры и вычислительных мощностей.

В рамках кадровой политики реализуются образовательные программы Tech Orda, AI-SANA (обучение основам ИИ студентов вузов), AI Qyzmet (обучение госслужащих). Открыты сеть бесплатных школ Tomorrow School, центр креативных технологий TUMO Astana, Международный центр искусственного интеллекта Alem.ai. Действует программа Digital Nomad Residency для привлечения иностранных ИТ-специалистов.

Отнесение разработки ПО, геймдевелопмента и деятельности веб-порталов к креативным индустриям открыло для ИТ-сектора доступ к дополнительным инструментам поддержки: специальному

[2] Об искусственном интеллекте: Закон Респ. Казахстан, от 17 нояб. 2025 г. № 230-VIII ЗРК. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2500000230.

[3] Цифровой кодекс Республики Казахстан: Кодекс Респ. Казахстан от 9 янв. 2026 г., № 255-VIII ЗРК. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255.

[4] Об утверждении Общенациональной стратегии масштабной цифровизации и тотального внедрения технологий искусственного интеллекта «Digital Qazaqstan» до 2029 года: Указ Президента Респ. Казахстан от 9 июня 2026 г. № 1311. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2600001311.

[5] TOP500 List – June 2026. URL: https://top500.org/lists/top500/list/2026/06/?page=2.

налоговому режиму со ставкой 5%, налоговым каникулам, освобождению экспортной выручки от двойного налогообложения, льготному кредитованию через фонд «Даму» и грантам.

Проведенный анализ свидетельствует о формировании в Казахстане целостной экосистемы стимулирования ИТ-отрасли, объединяющей институциональные, правовые, финансовые и инфраструктурные механизмы с массовой подготовкой кадров. Многосубъектная координация отрасли обеспечивает комплексную поддержку на всех стадиях развития ИТ-компаний. Особенностью модели является сочетание краткосрочных инструментов (гранты, налоговые каникулы) с долгосрочными системными решениями –созданием суверенной вычислительной инфраструктуры и закреплением цифровых прав на конституционном уровне. Стимулирование локализации ПО через Реестр доверенного ПО формирует технологический суверенитет и снижает зависимость от иностранных решений. Институционализация ИТ-сектора как элемента креативной экономики создает мультипликативный эффект для смежных индустрий. Реализация заявленных инициатив укрепит позиции Казахстана как регионального технологического лидера, обеспечит структурную диверсификацию экономики и повышение ее конкурентоспособности.

—— ◆ ——

ВЛИЯНИЕ НЕСТАНДАРТНЫХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ НА РЕПРОДУКТИВНЫЕ ПЛАНЫ НАСЕЛЕНИЯ

Рачкевич В.А.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

В условиях устойчивого снижения рождаемости, наблюдаемого в большинстве развитых стран, приоритетное значение приобретают вопросы поиска эффективных механизмов стимулирования деторождения в повестке государственной социально-демографической политики. Наряду с традиционными факторами, определяющими репродуктивное поведение (уровень доходов, жилищные условия, доступность медицинской помощи), все более значимую роль начинают играть трансформационные процессы в сфере трудовых отношений. Вопрос о влиянии нестандартных форм занятости на репродуктивные планы и установки населения находится в фокусе внимания исследователей из различных стран.

Российский исследователь Тонких Н.В. отмечает, что возможность работать удаленно может привести к увеличению вероятности рождения большего количества детей у 15–28% женщин репродуктивного возраста [1, с. 102]. Норвежские исследователи Братсберг Б. и Вальтер С. выявили значительный и устойчивый рост рождаемости спустя 9 месяцев после начала первого карантина из-за COVID-19, в особенности среди женщин, не имевших гибких условий труда до локдауна [2, с. 8–9]. Испанские исследователи Ариса А., Де ла Рика С., Угидос А. в результате изучения влияния неполной занятости на рождаемость в 11-ти европейских странах пришли к выводу, что положительная корреляция между нестандартными формами занятости и уровнем рождаемости наблюдается не во всех государствах [3, с. 127].

Согласно данным второй волны национального исследования «Формирование семьи, стабильных семейных отношений и рождаемости в меняющихся социально-экономических условиях жизни» с использованием методологии международной программы «Поколения и гендер» (2023 г.), в Беларуси работали удаленно полностью или частично 11,7% респондентов. Репродуктивные планы опрошенных в зависимости от их условий работы позволяют отметить, что большая часть респондентов не планируют рождение детей в ближайшей перспективе независимо от формата работы, при этом среди работающих удаленно меньше доля тех, кто не уверен в своих планах (табл. 1).

Также не было обнаружено взаимосвязи между репродуктивными планами и разрешением работодателя изменять график работы в связи с личными обстоятельствами, наличием фиксиро-

ванного времени начала и окончания рабочего дня, количеством рабочих часов в неделю. Однако респонденты, работающие удаленно, реже сталкивались со сложностью выполнения семейных обязанностей из-за того, что работа занимает много времени: 71,1% удаленных работников отметили, что никогда не сталкивались с данной проблемой (табл. 2).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Планируете ли Вы родить ребенка в течение ближайших 3 лет?», %

Ответы	В целом по массиву	Распределение по месту выполнения работы		
		На рабочем месте	Удаленно	В смешанной форме
Нет	64,0	64,9	71,1	50,6
Да	19,4	19,0	25,0	20,4
Не уверен(-а)	14,2	13,7	3,8	24,7
В настоящее время ожидаем ребенка	1,7	1,6	0,0	3,2

Примечания:

1. Рассчитано автором на основе данных второй волны национального исследования «Поколения и гендер» (2023 г.).
2. Представлена сумма ответов «Определенно нет» и «Вероятно, нет», «Определенно да» и «Вероятно, да».
3. На данный вопрос было получено 1070 ответов.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как часто в течение последних трех месяцев с Вами происходило каждое из следующих событий?», %

Мне сложно было выполнить семейные обязанности из-за того, что я провожу много времени на работе	В целом по массиву	Распределение по месту выполнения работы		
		На рабочем месте	Удаленно	В смешанной форме
Несколько раз в неделю	9,7	9,7	7,9	10,7
Несколько раз в месяц	18,3	18,7	9,2	18,6
1-2 раза в месяц	22,4	22,8	10,5	23,6
Никогда	49,5	48,7	71,1	47,1

Примечания:

1. Рассчитано автором на основе данных второй волны национального исследования «Поколения и гендер» (2023 г.).
2. На данный вопрос было получено 1835 ответов.

Таким образом, взаимосвязь между нестандартными формами занятости и репродуктивными планами населения является неоднозначной. С одной стороны, гибкие условия труда, в частности удаленная занятость, способствуют более успешному совмещению профессиональных и семейных обязанностей. С другой стороны, данный эффект не всегда приводит к изменению планов по рождению детей. Следовательно, нестандартные формы занятости не могут рассматриваться в качестве универсального инструмента повышения рождаемости, однако при определенных условиях они способны выступать значимым фактором, снижающим барьеры на пути реализации репродуктивных намерений. Их потенциал раскрывается в комплексе с другими мерами социально-экономической политики, включая доступное жилье, развитие системы дошкольного образования, материальную поддержку домохозяйств с детьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тонких, Н. В. Дистанционная занятость и родительство: мнения женщин / Н. В. Тонких // Народонаселение. – 2021. – Т. 24, № 3. – С. 92–104.

2. Bratsberg, B. The Impact of Flexibility at Work on Fertility / B. Bratsberg, S. Walther // Labour Economics. – 2025. – Vol. 97. – No. 102787.

3. Ariza, A. The effect of flexibility in working hours on fertility: A comparative analysis of selected European countries / A. Ariza, S. De la Rica, A. Ugidos // Public Finance and Management. – 2005. – No. 5(1). – P. 110–151.

РОЛЬ БЭК-ОФИСА В ОБЕСПЕЧЕНИИ КАЧЕСТВА ТУРИСТИЧЕСКОГО СЕРВИСА

Савлук Т.К.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

В современном сервис-менеджменте качество услуги в туризме принято делить на техническое (функциональная безупречность) и функциональное (эмоциональное взаимодействие). Большинство научных работ и корпоративных программ делают акцент на персонале «фронт-лайн» – администраторах, гидах, официантах. Как подчеркивают А.П. Чистилина и В.А. Мастерова, гостеприимство относится к высококонтактным сферам, где решающую роль играет обслуживающий персонал [1]. Значительная доля клиентского комфорта обеспечивается теми, кого гость никогда не видит – сотрудниками бэк-офиса: горничными, инженерами, работниками прачечных, поварами. Именно они создают техническое качество – чистоту, исправность оборудования, температурный режим, свежесть белья. Сбой в их работе оборачивается для репутации отеля серьезнее, чем ошибка на ресепшене.

На практике наблюдается явный перекос: инвестиции в обучение и мотивацию бэк-офиса несопоставимо ниже, чем в подготовку фронт-служб. Профессиональный и личностный потенциал этих работников не только не развивается, но зачастую даже не фиксируется как объект управления. Возникает противоречие: от людей, критически важных для качества, не ждут развития «мягких» навыков, ограничиваясь техническими инструкциями. В научной литературе «человеческий потенциал» отличается от «человеческого капитала» тем, что делает акцент не на накопленных знаниях, а на способности к развитию и адаптации [2]. Для сферы услуг это означает: сотрудник ценен не столько владением стандартными операциями, сколько готовностью к нестандартным ситуациям и ответственностью за результат. Качество сервиса, согласно модели SERVQUAL, представляет собой разрыв между ожиданиями клиента и его восприятием. Для бэк-офиса зона ответственности – материальные атрибуты, но их исполнение напрямую зависит от личного отношения работника к делу. Роль бэк-офиса в обеспечении качества определяется комплексом профессиональных знаний, мотивации и личностных качеств (добросовестность, аккуратность, стрессоустойчивость), обеспечивающих техническое качество на уровне, соответствующем ожиданиям гостя.

Отраслевая статистика подтверждает системную недооценку этой категории. По данным Ассоциации гостиниц России, текучесть среди горничных и техперсонала достигает 65–75% в год – более чем вдвое выше, чем во фронт-офисе (около 28%). Причины – низкая зарплата, отсутствие карьерных перспектив, монотонность. Н.В. Биттер, Л.Б. Нюренбергер, Н.Е. Петренко и О.С. Третьякова указывают, что грамотное управление персоналом снижает текучесть и формирует здоровый климат в коллективе [2]. Анализ отзывов гостей показывает: негативные упоминания о чистоте, запахах, неисправностях в разы сильнее влияют на общую оценку отеля, чем замечания в адрес ресепшена. При этом в большинстве отзывов имена ответственных сотрудников не называются, что лишает их обратной связи и стимулов к росту. Опрос российских гостиниц выявил: на обучение горничных и инженеров тратится в среднем 3,5 часа в год, тогда как на фронт-персонал – почти 19 часов. Тренинги для бэк-офиса сводятся к технике безопасности и стандартам, лишь в малой доле случаев затрагивая коммуникацию или клиентоориентированность.

Помимо экономии на обучении, работают институциональные барьеры. Стандарты операционных процедур жестко регламентируют действия горничных и техников, оставляя минимум простора для инициативы – сотрудник превращается в безропотного исполнителя инструкций. Менеджеры отелей, имеющие опыт во фронт-офисе, субъективно недооценивают сложность труда горничных: физическую выносливость, внимание к деталям, работу в жестком временном режиме. Нет и каналов обратной связи – гости редко благодарят горничных устно, а опросники не включают отдельного блока для оценки бэк-офиса. Для повышения роли бэк-офиса в обеспечении качества предлагается

три направления. Первое – диагностика: регулярная оценка не только технических навыков, но и мягких компетенций (ответственность, многозадачность, стрессоустойчивость), а также включение в гостевые анкеты вопросов о чистоте и состоянии номеров с возможностью идентификации сотрудника. Второе – развитие: сквозные программы обучения, где горничные и инженеры проходят модули по психологии клиента и конфликтологии, плюс нематериальное поощрение – благодарственные письма, публичное признание. Третье – соучастие: создание кросс-функциональных групп с участием бэк-офиса для разбора жалоб и выработки решений, а также делегирование права самостоятельно заменять мелкое оборудование без согласования с супервайзором.

Роль бэк-офиса в обеспечении качества туристического сервиса критически значима, но системно недооценивается. Связь работы бэк-офиса с удовлетворенностью гостей опосредована, что лишает сотрудников обратной связи и снижает мотивацию. Предложенный подход позволяет перевести бэк-офис из разряда затрат в разряд стратегического актива. Для практики рекомендуется: привязать часть переменной оплаты к показателям чистоты и технического состояния; ввести обязательный модуль по клиентоориентированности в ежегодное обучение всех категорий; проводить аудит удовлетворенности сотрудников бэк-офиса условиями труда ежеквартально. Дальнейшие исследования могут быть направлены на количественную оценку вклада каждой категории бэк-офиса в итоговую удовлетворенность клиентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чистилина, А.П. Управление персоналом в сфере гостеприимства / А.П. Чистилина, В.А. Мастерова // Мировая наука. – 2021. – № 1(46) 2020. – С. 231–235.

2. Современные подходы к обучению персонала и управлению персоналом на предприятиях туризма и рекреации / Н.В. Биттер, Л.Б. Нюренбергер, Н.Е. Петренко, О.С. Третьякова // Региональная экономика: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 186–196.

ЭВОЛЮЦИЯ РОЛИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ В СИСТЕМЕ ФАКТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Садовская Т.В.,

кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

В условиях нового мирохозяйственного уклада и макроэкономической турбулентности происходит фундаментальный сдвиг в иерархии факторов развития. Традиционные ресурсы (труд, земля, капитал) утрачивают роль исключительных детерминант конкурентоспособности, поскольку количественное накопление активов больше не гарантирует превосходства. Эффективность их использования полностью зависит от качества стратегических решений, что делает главным ресурсом адаптации не сам капитал, а компетенции по управлению им. Соответственно, кадровый потенциал управления перестает быть просто совокупностью штатных единиц с административными функциями. Значимость современного руководителя определяется способностью генерировать уникальные решения в условиях высокой неопределенности и дефицита времени.

Теоретический базис современной роли управленца сформирован в результате перехода от классических концепций администрирования А. Файоля, Ф. Тейлора и М. Вебера к современным теориям человеческого капитала. В исследованиях нобелевских лауреатов Г. Беккера [1] и Т. Шульца [2] доказано, что профессиональные знания, способности и навыки являются самостоятельной формой капитала, требующей инвестиций и приносящей доход в будущем. Недоинвестирование в «управленческое ядро» государства приводит к накоплению латентного дефицита компетенций, который в кризисные периоды проявляется как неспособность системы принимать оперативные и адекватные решения.

Традиционный административно-ресурсный подход, ориентированный на жесткий иерархический контроль и формальное выполнение планов, сталкивается с объективными ограничениями, когда инструменты рассчитаны на предсказуемую внешнюю среду. В современных условиях такие методы требуют дополнения новыми управленческими технологиями для обеспечения интеллектуального, цифрового и технологического суверенитета государства. Данная необходимость диктует логику развития управленческой парадигмы, где в качестве базиса выступает институционально-инновационный подход, который переводит качество управления из разряда внешних факторов непосредственно в контур эндогенных детерминант макроэкономического развития. Согласно современным экономическим моделям П. Ромера [3] и Р. Лукаса [4], накопление человеческого капитала в менеджменте создает положительные экстерналии (внешние эффекты), повышая общую производительность всей управленческой и деловой среды в стране.

Влияние качества управления на макроэкономику реализуется через три ключевых канала. Во-первых, аллокативный канал обеспечивает рациональное распределение ограниченных ресурсов и переток капитала в сектора с максимальной добавленной стоимостью, минимизируя потери в экономике. Во-вторых, трансакционный канал существенно снижает издержки на ведение бизнеса, устраняет административные барьеры и повышает инвестиционную привлекательность государства даже в условиях внешних шоков. В-третьих, инновационный контур позволяет менеджерам выступать в роли интеграторов инноваций, внедряющих платформенные бизнес-модели. Благодаря эффекту мультипликатора грамотные решения на микроуровне способны снизить издержки множества связанных предприятий и запустить кумулятивный рост производительности. Напротив, дефицит квалификации руководителей снижает рентабельность бизнеса из-за системных ошибок менеджмента, а возникающие при этом информационные, ресурсные и социально-экономические риски способны подорвать внутреннюю стабильность и экономическую безопасность государства.

В системе нейтрализации этих деструктивных вызовов суверенная система бизнес-образования приобретает статус ключевого институционального предохранителя для государства. Качественные программы образования (MBA/EMBA, профильная магистратура) формируют у руководителей навыки проактивного антикризисного менеджмента и стратегического планирования. Это позволяет оперативно перепроектировать бизнес-модели под внешними шоками, замещать импортные компоненты, выстраивать суверенную ИТ-инфраструктуру и новые логистические цепочки. Внедрение передовых образовательных стандартов обеспечивает не только технологическую резильентность реального сектора, но и когнитивную суверенность мышления управленческой элиты, защищая ее от навязанных извне моделей поведения.

Таким образом, целенаправленная модернизация национальной системы бизнес-образования выступает главным институциональным инструментом государства, который блокирует депрофессионализацию руководящего корпуса, минимизирует скрытые эндогенные риски и гарантирует долгосрочную устойчивость и экономический суверенитет государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Becker, G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education / G. S. Becker. – 3rd ed. – Chicago : University of Chicago Press, 1993. – 390 p.

2. Schultz, T. W. Investment in Human Capital / T. W. Schultz. – New York : Free Press, 1971. – 249 p.

3. Lucas, R. E. On the Mechanics of Economic Development / R. E. Lucas // Journal of Monetary Economics. – 1988. – Vol. 22, No. 1. – P. 3–42.

4. Romer, P. M. Endogenous Technological Change / P. M. Romer // Journal of Political Economy. – 1990. – Vol. 98, No. 5. – P. 71–102.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОВ ИЗМЕРЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ

Сенько А.Н.,

доктор экономических наук, профессор,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

Положениями принятых в настоящее время стратегических документов, определяющих высокое качество социально-экономического развития Беларуси, предусмотрены требования по обеспечению эффективности управленческих механизмов. Как было отмечено на заседании Президиума Совета Министров Республики Беларусь от 11 июня 2025 года, касающемся вопросов реализации uосударственных программ, фокус внимания в дальнейшем будет на комплексной оценке их эффективности и результативности. Выбор критериальных условий для оценки управленческих механизмов по реализации Государственных программ определен в разрезе аспектов: количественных и качественных показателей выполнения разработанных мероприятий (критерий «продуктивности»); уровня достижения планируемых целевых показателей («результативности»); уровня соответствия фактического финансирования uосударственных программ плановым показателям финансирования («экономичности»)[1]. Это предполагает необходимость совершенствования не только управленческих механизмов по реализации государственной экономической политики, но и повышения качества человеческого капитала в сфере государственного управления. Предпосылки для дальнейшего развития человеческого капитала создаются факторами инновационности, цифровизации и тенденциями усложнения управленческих технологий в целом. Организационные изменения в рамках этих направлений приводят к необходимости уточнения и совершенствования подходов к оценке эффективности управления экономической деятельностью и уровня компетентности человеческого капитала. Например, цифровизация управления экономической деятельностью предполагает необходимость формирования так называемой «цифровой компетентности» (цифровой грамотности, понимания специфики разработки и принятия платформенных решений и др.)[2]. Выполненный контент-анализ gрограммных документов системы государственного управления экономикой Республики Беларусь на среднесрочный и долгосрочный период, позволил сделать вывод, что методы измерения человеческого капитала основаны на программно-целевом подходе к оценке результатов реализации государственной экономической политики[3]. Критериальными условиями оценки служат целевые ориентиры и приоритеты социально-экономического развития страны, учитывающие показатели использования ресурсов общества во взаимосвязи с макроэкономическими эффектами. Наряду с программно-целевым подходом к реализации государственной экономической политики, также предполагается возможность использования инвестиционного (затратного) подхода к развитию качественных составляющих человеческого капитала. В частности, положениями Государственной программы «Беларусь интеллектуальная» на 2026–2030 годы (утверждена постановлением Совета Министров Республики Беларусь № 796 от 30.12.2025 г.) предусмотрена реализация трех подпрограмм («Детский сад и школа – территория успеха»; «Дети и молодежь – будущее Беларуси»; «Профессиональные кадры»). Подпрограмма «Профессиональные кадры» определяет рамочные условия эффективного использования конкурентной среды как стимула для обеспечения конкурентоспособности профессионального образования, разработки траекторий и моделей дополнительного образования взрослых на качественно новой (инноваци-

[1] Качество и эффективность. Александр Турчин дал оценку реализации госпрограмм в Беларуси. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/june/89054/ (дата обращения: 29.08. 2026).

[2] Предложения к проекту концепции Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года. – URL: https://economy.gov.by/uploads/files/Kontseptsija-NSUR-2040.pdf (дата обращения: 30.08.2026).

[3] Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года. – URL: https://www.mintrud.gov.by/uploads/files/NSUR-2040.pdf (дата обращения: 30.08.2026).

онной) парадигме. Из этого следует вывод, что инвестиционный подход к стоимостной оценке совокупности затрат связан с развитием качества человеческого капитала (повышение профессиональной компетентности; укрепление здоровья как фактора трудоспособности; создание условий для саморазвития, инициативности, ответственности, патриотизма и т.п.). С учетом результатов и выводов выполненного исследования предлагается систематизация факторов для построения модели актуализации требований по повышению качества человеческого капитала в секторе государственного управления экономикой. В основу модели предлагается включить следующие макрофакторы (как системообразующие условия):

- развития инвестиционного подхода к повышению качества человеческого капитала в сфере государственного управления экономикой во взаимосвязи с потребностями общества и стратегическими социально-экономическими приоритетами Беларуси;
- совершенствования инфраструктурного обеспечения с учетом возможностей цифровых платформ и информационных систем, автоматизирующих функции мониторинга процессов реализации государственных программ;
- использования преимуществ процессов интеллектуализации и цифровизации государственного управления экономикой в направлениях ускоренного развития технологического базиса общества на основе экономики знаний.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗДОРОВЫХ И БЕЗОПАСНЫХ УСЛОВИЙ ТРУДА

Сечко Л.К.,

кандидат биологических наук,

Жук Ю.А.,

НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, г. Минск

В процесс функционирования государственной системы управления охраной труда вовлечены все стороны социального партнерства – государство, работодатели, работники. До недавних пор считалось, что государство и работодатель несут основную ответственность за обеспечение охраны труда. Сейчас мы видим, что взаимоотношения сторон социального партнерства приобретают новые черты, снижая зависимость от государства и внедряя принципы саморегулирования. Либерализация выражается в расширении свободы экономических действий хозяйствующих субъектов, снятии или уменьшении вмешательства государства в их экономическую деятельность.

Как следствие, в сфере управления охраной труда появляются новые субъекты правоотношений, представляющие интересы как работников, так и нанимателей, происходит модификация функций страховых организаций, профсоюзов, адвокатуры. А многие меры по предупреждению рисков в сфере охраны труда могут осуществляться не только государством и нанимателем, но и самим работником. Работающий получил право лично или через своего представителя участвовать в рассмотрении вопросов, связанных с обеспечением безопасных условий труда, проведении проверок по охране труда на своем рабочем месте, расследовании произошедшего с ним несчастного случая на производстве или его профессионального заболевания.

Согласно стандарту «Системы менеджмента здоровья и безопасности при профессиональной деятельности. Требования и руководство по применению: СТБ ISO 45001–2020» в системе управления охраной труда (далее – СУОТ) значительное внимание отведено требованиям к ответственности руководства и к необходимости проявления руководителем лидерских качеств. В этом контексте роль лидерства в охране труда становится особенно актуальной, поскольку именно руководители задают направление и тон всей культуре безопасности в организации. Акцентируя внимание на

безопасности и здоровье работников, организации не только соответствуют законодательным требованиям, но и демонстрируют социальную ответственность, стремление к устойчивому развитию и заботу о своем персонале.

Переход на принципы управления профессиональными рисками в рамках СУОТ делает необходимым предварительное выявление и анализ рисков, что требует максимальной доступности данных о характеристиках производственной среды, открытости и гласности по всем мероприятиям, касающимся обеспечения безопасного труда. Это означает: общедоступность данных о состоянии условий и охраны труда, открытость работы контролирующих органов, информирование всех работников о происшествиях (авариях, инцидентах, микротравмах, несчастных случаях, профессиональных заболеваниях), создание условий, способствующих участию в управлении безопасностью труда работников данной и других (поставщики и подрядчики) организаций.

Как показывает анализ производственного травматизма, чаще всего виновником является сам работник. В связи с этим с целью повышения уровня культуры охраны труда в организации, помимо ответственного отношения нанимателя к безопасной организации работ, особое внимание должно быть обращено на работников, на их ответственное выполнение своих обязанностей и обеспечение безопасности на рабочем месте.

Мощным фактором формирования ответственного отношения работающих к охране труда является регулярное изучение их мнения об обеспечении охраны труда в организации. Работающие, как правило, знают основные проблемы охраны труда непосредственно на их рабочем месте, но пассивно относятся к вовлечению в программы улучшения условий и охраны труда, считая это делом работодателя. Анонимные опросы по этой тематике могли бы способствовать участию работающих в процессе охраны труда, обеспечивая одновременно руководителей высшего звена обратной связью, которая может быть с успехом использована для улучшения управления вышеуказанной сферой. Такие опросы могут проводиться в форме интервьюирования или же путем раздачи опросных листов.

С одной стороны, трудоохранная деятельность руководителей, представляющих работодателя, становится более гибкой, дающей возможность выбирать безопасные способы ведения работ. С другой стороны, происходит усиление личной ответственности работников за свою безопасность и здоровье. Обеспечение тесного взаимодействия работодателей и работающих в рамках СУОТ, действующих в соответствии с идеологией управления профессиональными рисками, уже априори имеет профилактическую направленность.

Важными элементами в этом направлении являются следующие:

- агитация работников к соблюдению охраны труда;
- доступное информирование рабочих о безопасности труда;
- организация обратной связи работников и нанимателя по вопросам охраны труда;
- организация диалога работников со специалистами в области охраны труда;
- четкая постановка задач и целей организации в области охраны труда.

Среди перечисленных методов самым эффективным принято считать доступное информирование рабочих о безопасности труда. В этом плане разработан систематизированный перечень опасностей и связанных с ними рисков, которые могут возникнуть в процессе трудовой деятельности на конкретном рабочем месте.

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что работодатели и работающие, участвуя в конструктивном социальном диалоге и совместной работе в деле обеспечения здоровых и безопасных условий труда, содействуют выработке культуры охраны труда, формированию позитивного отношения к охране труда.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК КОМПОНЕНТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И ЕГО ОЦЕНКА

Сидоров В.П.,

кандидат географических наук, доцент,
Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Российская Федерация

Согласно различным источникам, доля человеческого капитала составляет от 60% до 65% общего объема мирового общественного богатства. Человеческий капитал становится одним из наиболее значимых экономических ресурсов современного общества. Это предопределяет высокий уровень интереса научного сообщества к вопросам оценки структуры и величины человеческого капитала, а также разработке методологических подходов к такой оценке [1, 2] как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь [3, 4].

В предлагаемом исследовании интегральный индекс величины человеческого капитала (ИВЧК) (представляющий собой модифицированный Индекс человеческого развития, активно применяемый ООН) рассчитывался на основе 41 первичного показателя, разделенного на 7 целевых блоков.

Обоснованием для выбора первичных показателей послужили компоненты, которые формируют человеческий капитал региона, а именно: демографический, физический образовательный производственный культурный экономический, асоциальный (негативный) компоненты.

Формула расчетов человеческого капитала представляет собой среднее геометрическое из произведения нормированных значений (прямых и обратных) вышеупомянутых показателей.

Итоговое значение ИВЧК – число. Чем оно больше, тем больше величина человеческого капитала региона. Таким образом, легко сравнивать ИВЧК регионов. В формуле можно использовать любое количество первичных показателей. При последующей несложной математической обработке можно оценить «вес» – вклад того или иного блока показателей в общую величину ИВЧК региона, что позволит властям этого региона более эффективно планировать социально-экономическую политику. Процедуры формализации, нормирования и обращения (если это необходимо) позволяют использовать первичные показатели любой размерности и любой формы.

Индекс величины человеческого капитала был рассчитан для 85 субъектов Российской Федерации. На 1-м и 2-м местах ожидаемо оказались города Москва и Санкт-Петербург, а на последнем – Еврейская автономная область. Удмуртская Республика в общероссийском списке стала 43-ей, а среди 14 субъектов Приволжского федерального округа заняла 6 место[1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сидоров, В.П. Подходы к оценке человеческого капитала как элемента социально-экономического потенциала территории / В. П. Сидоров // Трешниковские чтения – 2025: Современная географическая картина мира и технологии географического образования: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти знаменитого рос. океанолога, исследоват. Арктики и Антарктики, акад. А. Ф. Трёшникова, Ульяновск, 9–10 апреля 2025 г. / ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова»; под. ред. Е.Ю. Анисимовой [и др]. – Ульяновск, 2025. – С. 153–154.

2. Сидоров, В.П. Один из методических подходов к оценке человеческого капитала / В.П. Сидоров, П.Ю. Ситников // Вестник Удмуртского университета. Сер. Биология. Науки о Земле. – 2024. – Т. 34, вып. 3. – С. 358–367.

3. Чернышева, И.Е. Анализ человеческого капитала Республики Беларусь / И.Е. Чернышева // Социально-экономическое развитие организаций и регионов в условиях цифровизации экономики: материалы докл. Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, октябрь 2020 г. / редкол. А. А. Кузнецов [и др.]. – Витебск, 2020. – С. 374–377.

4. Чернышева, И.Е. Методика оценки человеческого капитала регионов / И.Е. Чернышева // Наука. Образование. Культура: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 31-й годовщине со дня образования Комратского государственного университета, Комрат, 11 февр. 2022 г. / научный комитет: С.К. Захария [и др.]. – Комрат: КГУ, 2022. – С. 180–183.

[1] Аналитический отчет о научно-исследовательской работе «Оценка величины и структуры человеческого капитала Удмуртской Республики» / В.П. Сидоров [и др.]. – Ижевск: Удмуртский университет, 2024. – 68 с.

ЭФФЕКТ ПЕРВОГО В СПИСКЕ КАК ФАКТОР ИСКАЖЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ВЫБОРА В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ

Стрижевич А.С.,

кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Эффект первого в списке, как одно из когнитивных искажений, способен систематически искажать восприятие экономической информации потребителями и инвесторами, что необходимо учитывать при построении макроэкономических прогнозов и оценке эффективности регуляторных мер в финансовой сфере.

Эффект первого в списке (эффект первичности, эффект первого впечатления) представляет собой когнитивное искажение, при котором индивид придает наибольшую значимость информации, полученной ранее, по сравнению с последующей.

Игнорирование данного эффекта в процессе государственного регулирования, например, при разработке стандартов раскрытия информации или порядка представления финансовых продуктов может приводить к смещению потребительского выбора и снижению действенности защитных механизмов, что делает его эмпирическое изучение актуальным для совершенствования прогнозных моделей поведенческих реакций экономических агентов.

В контексте развития человеческого потенциала эффект первого в списке напрямую влияет на качество принятия решений в сфере финансовых и консультационных услуг, поскольку порядок перечисления альтернатив может искусственно завышать привлекательность первых вариантов и подрывать рациональность выбора клиентов.

Феномен зависимости порядка предъявления информации от ее восприятия восходит к классическим экспериментам Соломона Аша по изучению социального влияния и конформизма[1]. В ходе этих исследований было установлено, что порядок поступления стимулов и социальный контекст их предъявления способны существенно изменять оценку индивида, что заложило методологическую основу для последующего изучения эффектов порядка, в том числе эффекта первого в списке.

В связи с этим необходимо выявить взаимосвязь между уровнями финансовой грамотности респондентов, финансово грамотного поведения, рекламной суггестивности и степенью уязвимости перед ключевыми когнитивными искажениями в финансовой сфере, а именно эффектом первого в списке[1].

Эмпирическую базу исследования составили данные репрезентативного опроса, проведенного среди розничных потребителей финансовых услуг. Общий объем выборки составил 215 человек, в гендерной структуре зафиксировано преобладание женской аудитории: 156 женщин (72,6%) и 59 мужчин (27,4%).

Подверженность респондентов эффекту первого в списке отражена на рис. Выбор первого варианта ответов интерпретировался как подверженность данному когнитивному искажению, выбор вариантов 2 и 3 – неподверженность эффекту. Следует отметить, что описательные формулировки супермаркета в двух первых вариантах идентичны, изменился лишь порядок их предоставления.

Таким образом, более половины опрошенных (58%) подвержены рассматриваемому когнитивному искажению.

В контексте защиты прав потребителей финансовых услуг особое значение приобретает учет когнитивных особенностей восприятия информации клиентами. Внедрение поведенческого надзора в Республике Беларусь направлено на мониторинг взаимодействия финансовых организаций с клиентами и предупреждение недобросовестных практик [1]. Данные мероприятия должны учитывать не только формальные нарушения, но и поведенческие аспекты, влияющие на качество восприятия услуг клиентами [2].

[1] Asch, S. Forming Impressions of Personality / S. Asch. – URL: https://www.all-about-psychology.com/solomon-asch.html.

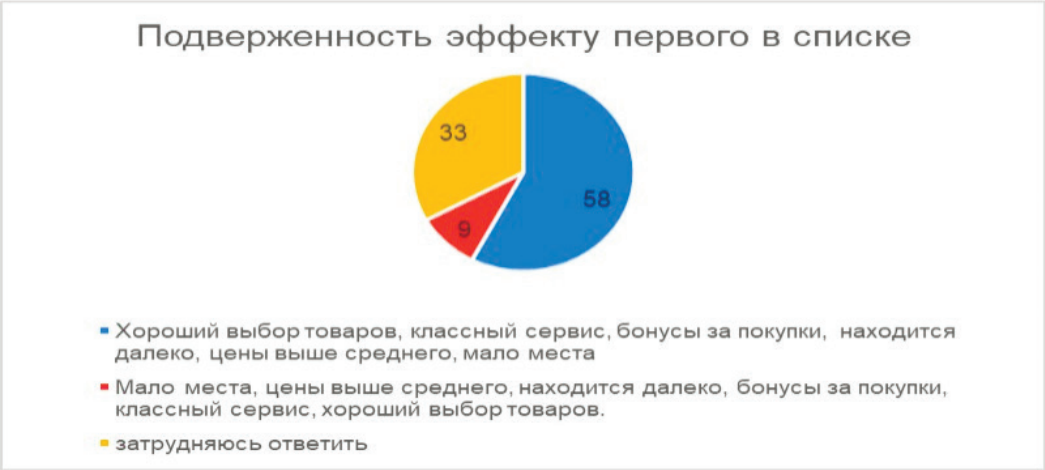

Рис. Соотношение ответов на вопрос анкеты «Какой супермаркет вы предпочтете для закупки продуктов?», %

Источник: авторская разработка.

Полученные результаты позволяют обосновать необходимость включения знаний о порядке предъявления информации в программы повышения финансовой грамотности и в стандарты оказания услуг, что будет способствовать формированию более осознанного потребительского поведения и повышению доверия к финансовым институтам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стрижевич, А. С. Повышение защищенности потребителей финансовых услуг через мероприятия поведенческого надзора в Республике Беларусь / А. С. Стрижевич // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. – Мн.: БГУИР, 2026. – Вып. 19. – С. 522–527.

2. Стрижевич, А. С. Мониторинг взаимодействия финансовых организаций и потребителей финансовых услуг / А. С. Стрижевич // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – 2025. – № 10 (340). – С. 33–40.

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Томкович М.П.,

кандидат экономических наук, доцент,
НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Цифровая трансформация стала главной тенденцией развития мировой экономики в XXI веке, кардинально изменив принципы организации хозяйственной деятельности и форматы взаимодействия экономических субъектов. В рамках этого процесса платформенная экономика сформировалась как его структурообразующий элемент, определяющий динамику развития целых секторов. Доминирование платформенных компаний в мировых рейтингах по рыночной капитализации подтверждает их возрастающую роль в качестве одного из драйверов роста конкурентоспособности экономики на основе дематериализации активов и повышения эффективности использования ресурсов.

Платформенная модель доказывает высокую результативность, и ее дальнейшее развитие в повседневных практиках потребителей и бизнеса представляется необратимым процессом. Однако это не просто технологический тренд, а системный сдвиг, затрагивающий повседневную жизнь и профессиональную деятельность, обусловливающий трансформацию бизнес-моделей ряда отраслей. Деятельности платформ качественно отличается от классических субъектов электронной коммерции уникальным способом их организации. Платформы не просто продают товары или услуги, а создают

и управляют экосистемами, обеспечивая взаимодействие между многочисленными независимыми группами пользователей. Деятельность платформ предопределяет развитие принципиально иных компетенций, связанных с управлением сетевыми эффектами, регулированием многопользовательской среды и созданием ценности за счет координации, что, в свою очередь, порождает ряд сложных этических противоречий и требует корректировки ряда нормативных правовых документов, регламентирующих различные аспекты формирования и развития платформенной экономики.

Особую важность приобретает задача выработки научно обоснованных подходов к регулированию процесса становления и развития платформенной экономики в Республике Беларусь. Целью такого регулирования должно стать стимулирование инновационного потенциала платформ при одновременной минимизации сопутствующих рисков: монополизации, неустойчивой занятости, манипулятивного использования данных потребителей и ограничения честной конкуренции.

Учитывая наличие определенного временного лага в развитии платформенных компаний и регуляторных механизмов в Беларуси по сравнению с отдельными странами, логичным видится изучение и использование зарубежного опыта в данной сфере. Анализ международной практики регулирования платформенной экономики позволяет выделить несколько наиболее ярких моделей выстраивания регулирования:

- Европейский союз – развитый бюрократический механизм (Закон о цифровых услугах (DSA), Закон о цифровых рынках (DMA), Общий регламент о защите данных (GDPR) и др.), налагающий на платформы серьезные ограничения по прозрачности алгоритмов, управлению рисками и модерации контента;
- США – идет формирование нормативной рамки, регулирование осуществляется на основе устоявшегося законодательства о коммуникациях и антимонопольной деятельности, а также разрозненных законов штатов;
- Китай – сформирована многоуровневая система регулирования, сочетающая законы об электронной коммерции, кибербезопасности, защите персональных данных, антимонопольное законодательство с учетом специфики платформ, а также многочисленные подзаконные акты и руководства;
- Россия – принят специализированный закон, сводящий область регулирования преимущественно к деятельности маркетплейсов и платформенной занятости, а также ряд отраслевых нормативных актов;
- Казахстан – действует Цифровой кодекс, регулирующий цифровую среду, данные, платформы, искусственный интеллект и кибербезопасность, а также принят ряд нормативных актов посвященных более узким предметным областям.

Изученный международный опыт в сочетании с условиями и целями развития отечественной экономики дает основания говорить о предпочтительности выстраивания двухуровневой системы нормативного регулирования платформенной экономики:

- первый уровень – рамочный нормативный акт (закон), устанавливающий единые универсальные принципы, требования к цифровым платформам и их операторам, механизмы защиты прав участников, механизмы контроля и ответственность сторон, оставляющий возможность для отраслевой конкретизации с учетом специфики отдельных видов деятельности;
- второй уровень – отраслевой, устанавливающий специфические требования к конкретным видам платформ (маркетплейсы, финансовые и платежные платформы, социальные сети, платформы государственных цифровых услуг и т.д.), обеспечивающий гибкое регулирование и оперативную адаптацию к быстро меняющимся условиям и технологическому прогрессу.

Предлагаемая архитектура позволит учесть специфику различных видов платформ и установить для каждой категории соответствующие обязательства с учетом ее особенностей и масштаба деятельности. Такой подход соответствует как международной практике регулирования цифровых платформ, так и особенностям белорусской правовой системы.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Уставицкий С.А.,

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

Законом Республики Беларусь «О государственном прогнозировании и государственном планировании» (в редакции от 12.07.2023 г. № 279-З)[1] установлено, что «приоритет социально-экономического развития – направление, на котором концентрируются материальные, трудовые, финансовые и иные ресурсы для достижения целей социально-экономического развития». Соответственно, данным законодательным документом закрепляется в том числе приоритетность требований к управленческим механизмам кадрового обеспечения систем разработки и принятия управленческих решений. В этом контексте, важное значение имеет системный подход, который раскрывает развитие трех взаимосвязанных компонентов: человек, экономика и экология.

Формулирование требований к специалистам, обеспечивающим формирование и реализацию экономической политики со стороны системы государственного управления экономикой, осуществляется в рамках государственной кадровой политики, практико-ориентированного подхода в подготовке специалистов, реализуемого системой образовательных стандартов Республики Беларусь. Обобщенно можно выделить следующие направления деятельности:

- оценка личностных и профессиональных компетенций, мотивации и формирования патриотических качеств, определяющих ценностные ориентиры специалистов, участвующих в процессах выработки и реализации управленческих решений. В контексте процессов развития инновационной экономики эти качества учитываются в механизмах реализации государственной кадровой политики[2];
- оценка и прогнозирование потребности национальной экономики в специалистах управленческого профиля (обладающих достаточными знаниями для выполнения управленческих функций и обеспечения реализации государственной экономической политики), включая вопросы кадрового обеспечения высокотехнологичного сектора национальной экономики;
- формирование компетенций в связанных областях знаний, реализующих междисциплинарный подход (выполнения функций государственного управления национальной экономикой внешнеэкономической деятельностью и стратегического управления; экономики и управления организации; стратегического маркетинга; управления инвестициями и проектами и др.).

Функции субъектов управления на уровне национальной экономики осуществляются органами государственного управления, реализующими экономическую политику, обеспечивающими разработку стратегий социально-экономического развития и практических мер регулирования экономической деятельности.

В их рамках реализуются принципы отбора показателей оценки качества человеческого капитала и его взаимосвязи с источниками развития национальной экономики; совершенствования институциональных условий повышения эффективности социально-экономических механизмов государственного управления национальной экономикой.

Обзор научной литературы показывает важность учета сущностных характеристик понятий «человеческий капитал» и «трудовые ресурсы», а также их специфику в контексте задач государственного управления экономикой. Например, по мнению Гичиева Н.С., понятие человеческого капитала представлено в виде совокупности таких характеристик, как:

- знания и навыки (образование, профессиональная подготовка);

[1] О государственном прогнозировании и государственном планировании: Закон Респ. Беларусь от 5 мая 1998 г. № 157-З: в ред. от 12 июля 2023 г. № 279-З // ilex : информ. правовая система (дата обращения: 29.08.2026).

[2] О Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь от 3 января 2024 г. № 1 // ilex : информ. правовая система (дата обращения: 29.08.2026).

- опыт работы;
- здоровье (физическая и психическая выносливость, трудоспособность);
- мотивация;
- способность к обучению и адаптации;
- иногда – социально-психологические качества (умение работать в команде, лидерские навыки) [1].

Специфика исследования заключается в том, что данное понятие обобщенно объединяет совокупность компетенций, опыта (производственного, организационного), уровня образования и творческих способностей специалистов, участвующих в системе принятия управленческих решений по формированию и реализации различных видов государственной экономической политики, а также созданию общественных благ. В отличие от базового содержания более широкого понятия «человеческий капитал» (также включающего образование, компетенции, опыт, здоровье, трудовую мотивацию, ценностно-патриотические установки), здесь акцентируются уровень развития «круга» организационно-управленческих и экономических компетенций (включая признание приоритетности национальных интересов, стратегическое мышление, владение инструментами для понимания аналитики данных, определения горизонтов финансового планирования на макроуровне, понимания специфики выработки решений в условиях неопределенности). В этом контексте важно отметить, что человеческий капитал связан с понятием «трудовые ресурсы», однако эти понятия не тождественны. В частности, трудовые ресурсы включают численность трудоспособного населения, а человеческий капитал отражает дополнительно важные качественные характеристики (уровень образования, творческий и инновационный потенциал, интеллектуальные способности и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гичиев, Н. С. Инвестиционная составляющая человеческого капитала и его институциональные компоненты / Н. С. Гичиев // Вопросы структуризации экономики. – 2010. – № 2. – С. 176–182.

РЕГУЛИРОВАНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОНТРАКТАЦИИ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Фурсевич И.Н.,

кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский национальный технический университет, г. Минск

Академическая контрактация, как особая форма трудовых отношений между профессорско-преподавательским составом (далее – ППС) и высшей школой, связывает оплату труда с измеримыми результатами трудовой деятельности через показатели эффективности (KPI), конкретизированные обязанности и условия для получения дополнительных выплат в соответствии с академической стратегией университета [1, 2].

Трудовым законодательством Республики Беларусь не установлено понятие эффективного академического контракта (далее – ЭАК). Вместе с тем применение балльно-рейтинговых или иных систем стимулирования является одним из условий проявления ЭАК. Единого нормативного документа о рейтинге ППС в Беларуси не установлено, поэтому положения о рейтинговой системе разрабатываются университетами самостоятельно, в связи с чем отличаются между собой. Ожидаемая эффективность применения рейтингов выражается преимущественно в изменении позиции университета в международных академических рейтингах (например, Webometrics), выступающих ориентиром для потенциальных обучающихся из других стан. При этом в силу ограниченного финансового фонда (и/или по иным причинам) для начисления дополнительных стимулирующих выплат цели реализации рейтинговых систем не в полной мере реализуются. Кроме того, рейтинговые системы в большинстве своем не учитывают академические стратегии университета, а место ППС в рейтинге зачастую не влияет на длительность трудовых контрактов [3].

Применение академической контрактации, получившей широкое распространение в других странах (в том числе России) нивелирует недостатки рейтинговых систем и ориентировано прежде всего на развитие институциональной политики университета, реализацию научного и инновационного потенциала ППС [4]. Применение в высшей школе Беларуси академической контрактации в виде обобщенной схемы представлено на рис.

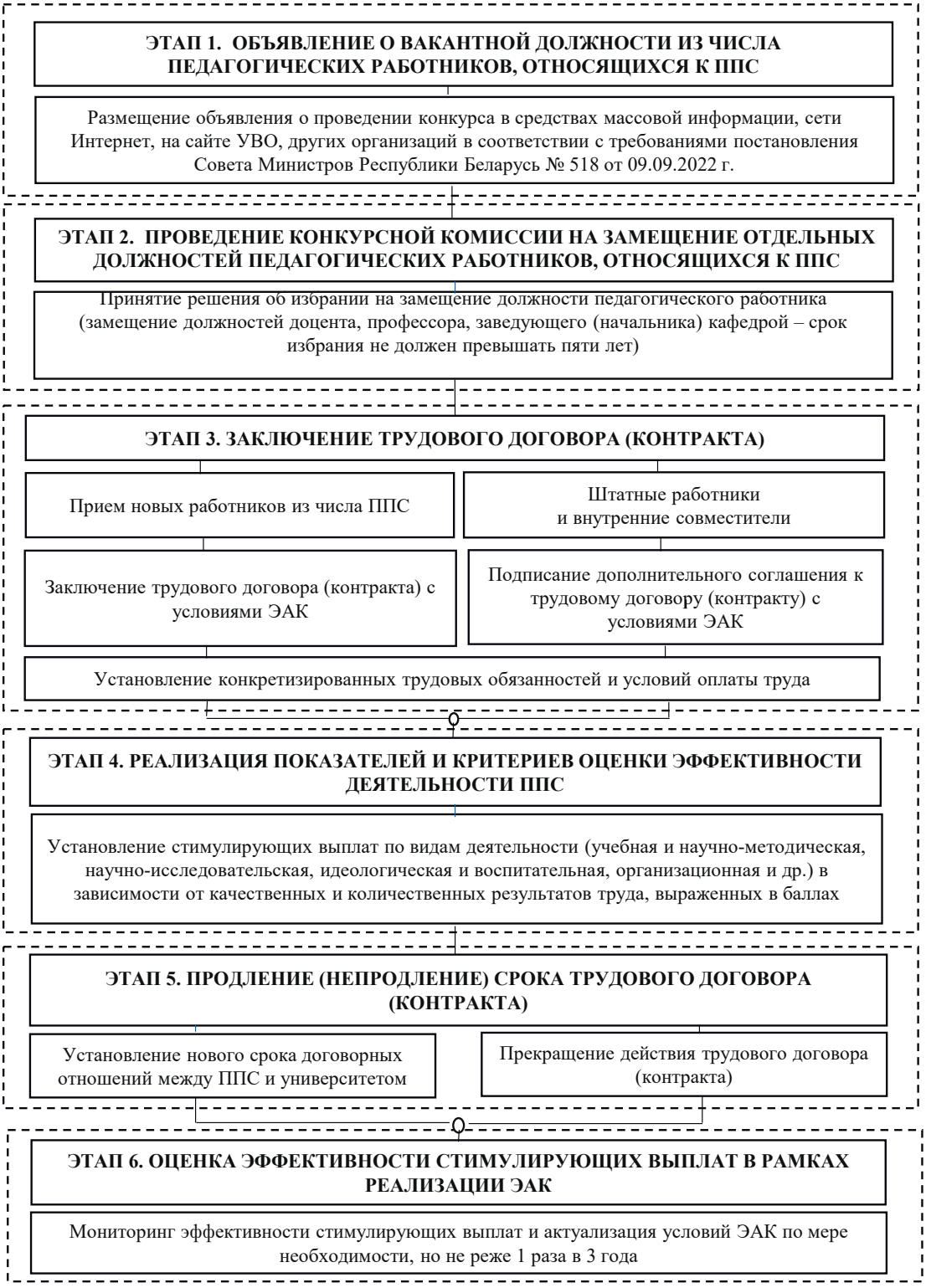

Рис. Механизм регулирования академической контрактации в университете

С научно-педагогическими работниками, состоящими в трудовых отношениях с университетом ЭАК оформляется посредством заключения дополнительного соглашения к действующему трудовому договору (контракту) с условиями эффективного контракта. При приеме нового работника, ЭАК оформляется посредством заключения трудового договора с условиями эффективного контракта в соответствии с действующими нормативными правовыми актами.

Ключевой задачей реализации академической контрактации представляется улучшение показателей деятельности высшей школы Беларуси путем учета индивидуального вклада каждого работника из числа ППС в реализацию общих показателей эффективности университета; реализация кадровой стратегии университета. Частными задачами выступают: формирование и эффективное применение системы материальных стимулов для реализации научного и инновационного потенциала ППС; создание реальных условий для профессионального роста педагогических работников; привлечение в научную среду молодежи, закрепление ее внутри университета; объективная оценка трудовой деятельности каждого работника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курбатова, М.В. Эффективный контракт в высшем образовании: замыслы и результаты / М.В. Курбатова, И.В. Донова // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32, № 4. – С. 23–41.

2. Контракты в академическом мире / сост. и науч. ред. М. М. Юдкевич; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. – 392 с.

3. Фурсевич, И.Н. Предпосылки перехода высшей школы Беларуси к эффективному контракту / И. Н. Фурсевич // Экономический бюллетень. – 2026. – № 6(348). – С. 43–53.

4. Маковская, Н.В. Эффективная контрактация в академической среде Беларуси / Н.В. Маковская // Белорусский экономический журнал. – 2019. – № 2. – С. 138–151.

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ СЭЗ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ

Ходас А.К.,

кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

В Республике Беларусь существуют различные условия осуществления предпринимательской деятельности в зависимости от региона расположения, источников и направлений инвестирования, но наиболее устоявшимся является специальный правовой режим свободных экономических зон (СЭЗ) представляют собой часть территории Республики Беларусь с определенными границами для осуществления резидентами инвестиционной и предпринимательской деятельности. Для всех СЭЗ на территории Беларуси установлен единый специальный правовой режим хозяйственной деятельности в таможенном регулировании и налогообложении, который имеет достаточно широкий набор льгот и преференций, предлагаемых для инвесторов. В отличие от традиционных отраслей экономики, СЭЗ характеризуются более высокой динамикой развития, концентрацией капитала и ускоренными темпами создания рабочих мест, что обуславливает повышенную и постоянно растущую потребность в трудовых ресурсах. В этих условиях миграционные процессы становятся системообразующим фактором обеспечения СЭЗ рабочей силой, оказывая прямое влияние на эффективность функционирования предприятий-резидентов и реализацию инвестиционных проектов.

В целях стимулирования создания экспортоориентированных и импортозамещающих производств, основанных на передовых технологиях, в Республике Беларусь функционируют шесть свободных экономических зон: СЭЗ «Брест» (основана в 1996 г.), СЭЗ «Гомель-Ратон» (1998), СЭЗ «Минск» (1998), СЭЗ «Витебск» (1999), СЭЗ «Могилев» (2002), СЭЗ «Гродноинвест» (2002). Для

всех зон установлен единый срок функционирования – до 31 декабря 2049 г. Законодательством о СЭЗ предусмотрено освобождение резидентов от уплаты основных налогов при реализации продукции собственного производства на внешние рынки либо другим резидентам СЭЗ, а также ряд таможенных льгот и преференций. В 2025 г. в СЭЗ осуществляло деятельность порядка 430 предприятий-резидентов, значительная часть которых создана с участием иностранного капитала. Среднесписочная численность занятых работников на предприятиях СЭЗ составляла порядка 135,9 тыс. чел. (5,1% от среднесписочной численности работников Республики Беларусь) со следующим распределением работников по предприятиях-резидентах: СЭЗ «Гомель-Ратон» – 29,3 тыс. чел., «Минск» – 25,2 тыс. чел., «Могилев» – 24,4 тыс. чел., «Брест» – 22,5 тыс. чел., «Гродноинвест» – 18,3 тыс. чел., «Витебск» – 16,2 тыс. чел.

Особенностью формирования спроса на рабочую силу в СЭЗ является его опережающий характер по отношению к предложению на внутреннем рынке труда Республики Беларусь. Создание новых производственных мощностей, модернизация предприятий и внедрение современных технологий происходят быстрее, чем рынок труда успевает адаптироваться к новым требованиям. В результате формируется устойчивый кадровый дефицит (около 56% предприятий СЭЗ отмечают нехватку кадров), который проявляется как в количественном, так и в качественном аспектах. Предприятиям СЭЗ Республики Беларусь требуются как массовые рабочие кадры (операторы, сборщики, водители, складские работники), так и специалисты с высокой квалификацией (инженеры, технологи, специалисты по автоматизации, менеджеры проектов).

Внутренняя трудовая миграция традиционно выступает базовым источником формирования рабочей силы в СЭЗ, которые являются центрами притяжения, формируя устойчивые потоки трудовой миграции за счет более высокой заработной платы, стабильности занятости и наличия современных рабочих мест. Например, начисленная среднемесячная заработная плата работников СЭЗ по итогам 2025 г. выросла на 12,1% и составила в среднем 2759 руб. Среднемесячная заработная плата работников СЭЗ выше средней по областям, на территории которых расположены зоны, на 7–28% в зависимости от региона. Однако потенциал внутренней миграции в обеспечении СЭЗ рабочей силой постепенно исчерпывается.

В этих условиях внешняя трудовая миграция становится ключевым инструментом компенсации кадрового дефицита. Предприятия-резиденты СЭЗ уже активно привлекают иностранных работников, преимущественно из стран СНГ (Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Россия, Украина). Данный выбор обусловлен отсутствием языкового барьера, культурной близостью, а также наличием у работников опыта трудовой миграции. Иностранные работники в СЭЗ, как правило, задействованы в трудоемких отраслях, таких как промышленное производство, строительство, логистика и складская деятельность. Основная масса иностранных работников представлена низко- и среднеквалифицированной рабочей силой. Пространственное распределение трудовых мигрантов внутри страны характеризуется высокой концентрацией в Минске (около 46%) и Минской области (около 22%).

Привлечение иностранных работников позволяет предприятиям СЭЗ решать ряд критически важных задач. Во-первых, обеспечивается непрерывность производственных процессов, что особенно важно для предприятий с круглосуточным циклом работы. Во-вторых, снижаются риски срыва инвестиционных проектов, связанных с нехваткой кадров. В-третьих, повышается гибкость рынка труда, поскольку иностранные работники зачастую более мобильны и готовы к работе в условиях повышенной интенсивности. В-четвертых, создаются условия для масштабирования производства и расширения деятельности предприятий.

Внутренняя и внешняя трудовая миграция в Республике Беларусь поддерживает функционирование и развитие СЭЗ, однако одновременно призывают к более тесной интеграции кадровой, инвестиционной и миграционной политик страны.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПОДМЕНЫ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫМИ

Цыганков Д.Г.,

кандидат юридических наук, доцент,
НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, г. Минск

В условиях трансформации рынка труда отдельные работодатели пытаются оптимизировать издержки путем подмены трудовых отношений гражданско-правовыми (договорами подряда, услуг или авторского заказа). Такая практика позволяет снижать налоговую нагрузку, минимизировать социальные обязательства (отпуска, больничные) и упрощать увольнение персонала. При этом ключевым барьером для подобных нарушений выступает административно-правовой механизм: именно через институты контроля, надзора и административной ответственности государство пресекает злоупотребления и защищает публичный интерес. Указанные факторы и слабая изученность темы определяют ее актуальность.

Паритетность и равенство сторон трудовых отношений должны подкрепляться их взаимной ответственностью. Последняя представляет собой «субъективную обязанность правонарушителя претерпеть предусмотренные законодательством неблагоприятные, карательные последствия совершенного им противоправного виновного деяния»[1]. В связи с этим законодатель прямо указывает, что «юридические и физические лица, виновные в нарушении законодательства о труде, несут дисциплинарную, административную, уголовную и иную ответственность в соответствии с законодательством»[2]. Административно-правовая защита трудовых отношений в Республике Беларусь представляет собой систему правовых средств, с помощью которых государство предупреждает нарушения трудового законодательства, выявляет противоправные действия работодателей, привлекает виновных к ответственности и восстанавливает нарушенные права работников. Такая защита охватывает не только отношения между работником и нанимателем, но и деятельность государственных органов, профсоюзов и судов.

Необходимо отметить, что легитимное определение понятия «трудовые отношения» в белорусском законодательстве отсутствует, а как верно отмечает Т. А. Мазурова, «отсутствие легального определения термина и должной правовой определенности… является причиной противоречий правоприменительной практики»[3]. В связи с этим представляется более удачным подход российского законодателя, который нормативно зафиксировал данное понятие в Трудовом кодексе Российской Федерации: «Трудовые отношения – отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретного вида поручаемой работнику работы) в интересах, под управлением и контролем работодателя, подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором»[4].

---

[1] Вішнеўскі, А. Ф. Беларуска-рускі тлумачальны слоўнік па тэорыі дзяржавы і права / А. Ф. Вішнеўскі, У. П. Шыянок. – Мн.: Выдавец Вараксін, 2026. – 154 с. С.130.

[2] Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г. № 296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 дек. 2025 г. № 110-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 30.08.2026). – Ст. 465.

[3] Мазурова, Т. А. Приостановление трудового договора : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.05 / Мазурова Татьяна Анатольевна ; Нац. центр зак-ва и правовой инф. Респ. Беларусь (НЦЗПИ). – Минск, 2026. – С. 4.

[4] Трудовой кодекс Российской Федерации : 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ : принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 25 мая 2026 г. № 144-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 18.08.2026). – Ст. 15.

В свою очередь, подмена трудовых отношений гражданско-правовыми представляет собой «заключение гражданско-правовых договоров с физическими лицами, в том числе зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей, которые фактически выполняют функции, предусмотренные трудовыми договорами»[5]. На сегодняшний день основная ось ответственности за подмену трудовых отношений гражданско-правовыми лежит в плоскости нарушений налогового законодательства, т.е. в случае установления указанного факта у налогового агента возникает обязательство по уплате подоходного налога с физических лиц за счет своих средств.

Говоря об административно-правовых аспектах ответственности за подмену трудовых отношений гражданско-правовыми, прямой нормы административно-деликтного законодательства, устанавливающей ответственность именно за подмену, нет. Данный вопрос решается правоприменительными органами путем привлечения виновного лица к административной ответственности по статье 10.12 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) за фактическое допущение уполномоченным должностным лицом нанимателя или индивидуальным предпринимателем работника к работе без заключения в письменной форме трудового договора.

По нашему мнению, назрела необходимость внесения в КоАП нормы, устанавливающей административную ответственность именно за подмену трудовых отношений гражданско-правовыми, а именно дополнить п. 8 статьи 10.12 КоАП после слов «трудового договора» словами «либо заключение гражданско-правового договора, фактически регулирующего трудовые отношения».

[5] Об особенностях оценки отдельных хозяйственных операций: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 15 июля 2022 г. № 465 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 07.09.2026).

ПЛАНИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ЯПОНИИ: ОТ СТРАТЕГИИ РОСТА ДО ПЛАНА ДЕЙСТВИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Чемердовская М.Б.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Управление экономической политикой в Японии относится к компетенции Кабинета министров. В соответствии с Законом «Об учреждении Кабинета министров»[1] в его обязанности входят вопросы, касающиеся краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного экономического планирования, формирования основных принципов финансового управления и составления бюджета.

Необходимо отметить, что системы документов планирования и прогнозирования, закрепленной законодательно, в Японии нет. Существует множество стратегий и планов, которые разрабатываются различными государственными ведомствами и частными исследовательскими институтами. Так, например, правительство совместно с различными министерствами подготавливает «стратегии роста», отраслевые и региональные стратегии, утверждаемые, как правило, на заседаниях Кабинета министров. А частный исследовательский институт Mitsubishi регулярно публикует собственные концепции, такие как «Видение будущего общества до 2050 года» (2019 г.) и «Новая концепция общества будущего: общество будущего, создаваемое посредством совместного творчества с использованием ИИ» (2025 г.), в которых анализирует глобальные тренды, оценивает их влияние на Японию и предлагает решения.

Тем не менее все эти документы не создаются независимо отдельными министерствами, а разрабатываются последовательно, начиная с документов высшего уровня, определяющих политику правительства и курс, которому должна следовать Япония. К ним относятся «Стратегия роста

[1] Об учреждении Кабинета министров : Закон от 1999 г. № 89 (с доп. и изм.) // Официальный сайт Кабинета министров Японии. – URL: https://laws.e-gov.go.jp/law/411AC0000000089/.

Японии» и «Основные принципы экономического и фискального управления и реформ» (основные политические принципы). Все политические решения, меры, принимаемые каждым министерством и ведомством, а также бюджетные планы реализуются в соответствии с ними.

Стратегия роста Японии – это, прежде всего, изложение комплексной экономической политики, основанной на политических принципах Кабинета министров, а также решениях комитетов, созданных в рамках Секретариата Кабинета министров (Штаб по стратегии экономического роста Японии, Совет по стратегии роста Японии) и возглавляемых Премьер-министром. Разрабатывается она в начале нового программного цикла (вступления в должность Премьер-министра и формирования Кабинета министров) и носит среднесрочный и долгосрочный характер.

Основные политические принципы разрабатываются ежегодно и содержат экономический и фискальный план, а также подходы к формированию бюджета на очередной финансовый год.

На основе этих двух документов разрабатываются национальные стратегии для каждого сектора экономики (Стратегия в области искусственного интеллекта, Полупроводниковая и цифровая стратегия, Комплексная стратегия в области науки, технологий и инноваций, Комплексная стратегия регионального возрождения и др.), служащие конкретной дорожной картой для реализации основной политики. После разработки многочисленных отраслевых стратегий создается «комплексный пакет мер экономического стимулирования», объединяющий их. Этот пакет мер представляет собой план действий правительства, который составляется примерно раз в год[2].

Меры, изложенные в комплексном пакете мер по стимулированию экономики, рассматриваются Министерством финансов и финансируются за счет ежегодных дополнительных бюджетов.

В июле 2026 г. Кабинет министров Японии под руководством Премьер-министра Санаэ Такаичи утвердил пакет из двух документов – «Стратегии роста Японии» и «Базовой политики в области экономического и фискального управления и реформ 2026 года». Их основная цель – одновременное достижение двух задач: построение сильной экономики и фискальной устойчивости. Ключевая инновация – отказ от жестких ограничений бюджета в пользу гибкого многолетнего планирования и создания специального «Инвестиционного фонда» без ежегодных «потолков» расходов[3].

Экономический рост, согласно новой стратегии, должен быть обеспечен за счет резкого увеличения государственных и частных инвестиций в 17 стратегических секторах. К ним относятся: искусственный интеллект и полупроводники, цифровые технологии и кибербезопасность, информационные и коммуникационные технологии, квантовые вычисления, оборонная и аэрокосмическая промышленность, морская отрасль, судостроение, биотехнологии, разработка лекарств и передовая медицина, энергетическая безопасность и «зеленая трансформация», термоядерная энергия, предотвращение стихийных бедствий, портовая логистика, пищевые технологии, создание нового контента. В рамках этих направлений выделены 62 ключевых продукта и технологий, на которые составлена «Дорожная карта государственно-частных инвестиций». Планируется, что к 2040 г. кумулятивный объем таких инвестиций превысит 370 трлн иен[4], а номинальный ВВП достигнет 1100 трлн иен[5].

Таким образом, реализация государственной экономической политики в Японии представляет собой многоуровневый процесс, включающий разработку стратегий высшего уровня (базовых), региональных и отраслевых стратегий, комплексных экономических мер (плана действий правительства) и бюджетных планов.

---

[2] Хитоши Аояги (член Палаты представителей). Что же именно представляет собой «Стратегия роста Японии»? URL: https://note.com/aoyagi_h/n/nad9f2b91e545.

[3] Базовая политика в области экономического и фискального управления и реформ 2026 года. – URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/nipponseichosenryaku/kaigi/dai7/shiryou7.pdf.

[4] Дорожная карта государственно-частных инвестиций в «ключевые продукты и технологии» в 17 стратегических областях. – URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/nipponseichosenryaku/pdf/rm2026.pdf.

[5] Стратегия роста Японии. 2026 г. – URL: https://www.cas.go.jp/jp/seisaku/nipponseichosenryaku/pdf/jgs2026.pdf.

ВАЖНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ РЫБОВОДОВ ПРИ РАЗВИТИИ СФЕРЫ УСЛУГ АГРАРНОГО ТУРИЗМА

Черданцев В.П.,

доктор экономических наук, профессор,
Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии (ГНЦ РФ ФГБНУ «ВНИРО»),
г. Москва, Российская Федерация

В условиях современных социально-экономических трансформаций мы наблюдаем пересечение двух динамично развивающихся сфер – аквакультуры и аграрного туризма. В 2025 г. турпоток на объекты сельского туризма превысил 650 тыс. человек, а с начала 2022 г. их посетили уже свыше 1,5 млн туристов[1]. Востребованность агротуризма в России не ограничена климатом или уровнем развития сельского хозяйства. Государственная поддержка развития сельского туризма реализуется через грант «Агротуризм», запущенный в 2022 г. За это время более 300 фермерских хозяйств получили средства на создание инфраструктуры для приема гостей[2].

Пересечение этих двух секторов – рыбоводства и аграрного туризма – создает принципиально новую сферу услуг: рекреационное рыбоводство, которое предполагает не только производство рыбной продукции, но и организацию рыболовного и экологического туризма.

Несмотря на позитивные прогнозы, отрасль сталкивается с серьезными кадровыми проблемами. Спрос на специалистов рыбной отрасли в России с января по октябрь 2025 г. вырос на 34% по сравнению с предыдущим годом. В сельском, лесном хозяйстве, рыбоводстве и рыболовстве вакантными остаются 13% рабочих мест, причем острее всего ощущается нехватка фермеров, лесоводов и рыбаков[3].

Ситуация усугубляется тем, что развитие сферы услуг аграрного туризма предъявляет дополнительные требования к рыбоводам. Помимо сугубо производственных навыков (гидрология, гидрохимия, гидробиология, ихтиология, ветеринарно-санитарное обеспечение), специалист должен обладать компетенциями в сфере сервиса, гостеприимства, экологического просвещения и организации досуга. Технологов по переработке рыбы готовят всего в нескольких вузах страны, и таких специалистов всегда не хватает, поэтому вопрос подготовки кадров в рыбной отрасли требует серьёзного внимания и системной работы.

В сфере агротуризма с 2026 г. поддержка сельского туризма станет частью нового федерального проекта «Развитие малого агробизнеса». Фермерам будут компенсировать до половины затрат на развитие инфраструктуры, благоустройство территорий и закупку оборудования[4].

Однако существующие меры регулирования преимущественно ориентированы на материально-техническую поддержку и недостаточно внимания уделяют кадровому обеспечению. В 2025 г. Минсельхоз России и Российская академия кадрового обеспечения АПК запустили образовательный проект «Академия агротуризма» для фермеров, которые развивают или планируют проекты в сфере сельского туризма. За год обучение прошли около 300 человек.

Профессиональная подготовка рыбоводов должна быть адаптирована к новым вызовам, связанным с развитием аграрного туризма. Современные программы подготовки по направлению 35.03.08

[1] Интерес россиян к сельскому туризму продолжает расти. // Аграрная наука. – URL: https://agrarnayanauka.ru/interes-rossiyan-k-selskomu-turizmu-prodolzhaet-rasti/ (дата обращения: 03.08.2026).

[2] Грант «Агротуризм». – URL: https://xn--90aifddrld7a.xn--p1ai/support/grant-agroturizm/?ysclid=ms90ncg52734677320 (дата обращения: 03.08.2026).

[3] В России вырос спрос на специалистов рыбной отрасли // Senatinform.ru. – URL: https://www.senatinform.ru/news/v_rossii_vyros_spros_na_spetsialistov_rybnoy_otrasli (дата обращения: 03.08.2026).

[4] Федеральный проект «Развитие малого агробизнеса». – URL: https://mcx.gov.ru/ministry/departments/ypravlenie-malogo-agrobiznesa/industry-information/info-razvitie-malykh-form-khozyaystvovaniya-2312/?ysclid=ms912gpuml313516478 (дата обращения: 03.08.2026).

«Водные биоресурсы и аквакультура» включают такие профили, как «Управление водными биоресурсами и рыбоводство». Однако существующие образовательные стандарты не в полной мере учитывают потребности агротуризма.

Формирование механизма развития предпринимательства в сфере аквакультуры и рекреационного рыбоводства требует инновационного подхода. Предпринимательская деятельность в этой области базируется не только на биологических основах ведения рыбоводства, но и на качестве и разнообразии оказываемых услуг.

Для решения кадровой проблемы необходимы:

- модернизация образовательных программ с включением модулей по агротуризму, сервису и предпринимательству;
- развитие системы профессиональной переподготовки и повышения квалификации действующих специалистов;
- усиление профориентационной работы среди школьников и студентов;
- создание механизмов целевого обучения под запросы конкретных хозяйств, развивающих агротуризм.

Развитие сферы услуг аграрного туризма на базе рыбоводческих хозяйств представляет собой перспективное направление диверсификации сельской экономики. Однако его успешная реализация невозможна без качественной профессиональной подготовки кадров. Текущий дефицит квалифицированных специалистов, способных сочетать производственные компетенции с навыками организации туристических услуг, является серьезным ограничением для отрасли[5].

Государственное регулирование должно быть дополнено мерами по модернизации системы профессионального образования в рыбоводстве с учетом потребностей агротуризма. Прогнозирование развития данных сфер требует комплексного подхода, учитывающего как производственные, так и кадровые аспекты. Только при условии опережающей подготовки специалистов нового типа Россия сможет реализовать заложенный в аквакультуре и агротуризме потенциал и достичь целевых показателей, предусмотренных стратегией развития рыбохозяйственного комплекса до 2030 г.

[5] России не хватает кадров // Deita.ru. – URL: https://deita.ru/article/568585 (дата обращения: 03.08.2026).

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ

Шаграй М.Г.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Ключевым фактором коммерческого успеха предприятия выступает его конкурентоспособность, понимаемая как совокупное превосходство над конкурентами в экономической, технической и организационной областях. В научной литературе сложилось несколько подходов к оценке конкурентоспособности торговых предприятий, которые классифицируются на аналитические, индексные, матричные, графические и комплексные.

Аналитические методы основаны на сравнительном анализе количественных показателей эффективности (ценовая политика, товарное предложение, качество продукции) с конкурентами или отраслевыми нормативами. Их преимущество – в простоте расчетов, однако они недостаточно репрезентативны для учета качественных параметров (имидж бренда, лояльность потребителей).

Индексные методы предполагают вычисление интегрального показателя конкурентоспособности на основе взвешенных параметров. Они позволяют количественно измерять динамику и проводить

сравнительный анализ, но требуют тщательного обоснования системы показателей и весовых коэффициентов, которые часто определяются экспертным путем, что вносит субъективный характер.

Матричные методы (SWOT-анализ, SPACE-анализ, матрицы BCG и GE–McKinsey) визуализируют позицию компании в системе координат «доля рынка – темпы роста» и позволяют структурировать информацию. Однако им присуща статичность, схематизация реальной ситуации и субъективность при размещении компаний в матричных осях.

Графические методы дополняют анализ визуальным представлением данных, но не учитывают степень влияния факторов и лишены прогностических возможностей.

Комплексные методы интегрируют количественные и качественные оценки в многоуровневую модель, объединяющую текущие конкурентные позиции и потенциальные возможности развития. Их главный недостаток – ресурсоемкость, сложность согласования результатов и избыточность информации, затрудняющая принятие решений [1].

Сложилось несколько групп показателей, используемых в различных методиках. Финансово-экономические показатели составляют основу большинства индексных и аналитических подходов. К ним относятся выручка, рентабельность продаж, оборачиваемость активов, производительность труда и др. Эти показатели объективно измеримы, доступны из бухгалтерской отчетности и позволяют сравнивать предприятия по эффективности.

Показатели рыночной позиции включают долю рынка, динамику числа торговых объектов и масштаб деятельности. Доля рынка является ключевым индикатором конкурентной силы, поскольку переводит объемы продаж разных товарных категорий в единый эквивалент.

Показатели финансовой устойчивости – коэффициенты ликвидности и автономии – отражают способность предприятия обслуживать долги и сохранять стабильность в кризисных условиях. Эти показатели особенно важны в ритейле, где высока доля заемного финансирования и постоянные расчеты с поставщиками.

Показатели клиентской привлекательности используются для оценки качества обслуживания, широты ассортимента, ценового позиционирования и имиджа предприятия. Однако они часто оцениваются экспертным путем или на основе опросов, что снижает объективность и воспроизводимость результатов.

Показатели цифровой активности – наличие интернет-канала продаж, доля онлайн-продаж, присутствие на маркетплейсах – отражают адаптацию компании к технологическим изменениям и являются фактором конкурентоспособности в современных условиях [2].

Таким образом, многообразие методов и показателей оценки конкурентоспособности отражает многогранность самого понятия. Главным недостатком существующего методологического аппарата остается разрыв между инструментарием и реальными факторами успеха в современной розничной торговле. Актуальные подходы к оценке должны опираться на объективные и доступные данные, исключать субъективизм экспертных оценок, учитывать дифференциацию предприятий по форматам и товарной специализации, а также быть применимы к гибридным моделям бизнеса, сочетающим офлайн- и онлайн-торговлю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрова, И. Е. Методические подходы к оценке конкурентоспособности организаций / И. Е. Петрова, О. А. Козлова // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15, № 4. – С. 2245–2256.

2. Николаева, Т. И. Научно-методический подход к оценке конкурентоспособности торговой организации / Т. И. Николаева, Е. Н. Ялунина // Journal of new economy. – 2006. – № 4 (16). – С. 35–45.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ДЕЛОВЫХ УСЛУГ В БЕЛАРУСИ

Шаграй П.С.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Повышение конкурентоспособности национальной экономики – одно из основных направлений экономического развития Беларуси, и для достижения этой цели важно использовать имеющиеся ресурсы с максимальной эффективностью. Именно этим продиктована необходимость интенсификации усилий по развитию в республике сферы деловых услуг. Сфера деловых услуг – это часть сферы услуг, которая направлена преимущественно на повышение эффективности коммерческой деятельности экономических агентов [1, с. 8]. Расширение эффективного использования белорусскими предприятиями деловых услуг поспособствует росту производительности всей экономики, в том числе за счет расширения доступа предприятий к различным интенсивным отраслевым технологиям.

Для обеспечения устойчивого функционирования и развития рынка деловых услуг необходимо обеспечить совершенствование организационно-экономического механизма его функционирования. На сегодняшний день организационно-управленческие отношения, складывающиеся при оказании деловых услуг, характеризуются недостаточной институциональной формализованностью. В этой связи актуальной задачей является выработка предложений по совершенствованию организационно-экономического механизма развития сферы деловых услуг, который обеспечит наиболее эффективное распределение имеющихся ресурсов и позволит в складывающихся социально-экономических условиях добиться устойчивого развития данного сегмента экономики.

Совершенствование организационно-экономического механизма развития сферы деловых услуг предполагает построение эффективной организационной структуры, представляющей собой систему взаимосвязанных субъектов, обеспечивающую координирование и мотивирование рыночного обмена, что приведет к эффективному продвижению деловых услуг от поставщика к потребителю [2, с. 150].

Для решения поставленной задачи предлагается:

1) создать альянс ассоциаций сферы услуг, который бы представлял интересы субъектов всей сферы деловых услуг перед другими субъектами рынка деловых услуг. Важным элементом функционирования альянса ассоциаций должно стать создание маркетплейса деловых услуг, который будет выполнять такие важные функции, как помощь поставщикам деловых услуг в поиске клиентов и наоборот, а также оценку качества оказываемых услуг. Также должны быть определены требования для того, чтобы быть членом ассоциаций отдельных направлений деловых услуг: это поддержание определенного уровня качества оказания услуг и регулярное перечисление взносов, которое необходимо для поддержания функционирования альянса ассоциаций и страхования рисков заказчиков деловых услуг;

2) определить ответственные органы государственного управления, которые в организационно-экономическом механизме развития сферы деловых услуг будут выполнять координирующую, регуляторную, прогностическую и стимулирующую функции. Координирующую роль управления развитием сферы деловых услуг, по нашему мнению, должно взять на себя Министерство экономики, являющееся органом, определяющим вектор развития всей экономики. Это же Министерство видится правильным определить ответственным за функцию планирования и прогнозирования развития сферы деловых услуг, поскольку во многом силами его подразделений в Беларуси разрабатываются основные программные и прогнозные документы, где необходимо закрепить основные приоритеты и индикаторы развития исследуемого вида услуг.

Стимулирующую функцию развития сферы государство может реализовывать посредством льготного кредитования компаний-заказчиков деловых услуг, при условии, что услуга будет оказы-

ваться субъектом хозяйствования государственной формы собственности или с участием государства. Также государство может обеспечивать финансовыми ресурсами субъекты хозяйствования, оказывающие деловые услуги, выступая инвестором. Помимо этого, в рамках механизма финансирования для повышения спроса предлагается субсидировать траты государственных компаний на приобретение деловых услуг в пределах определенных сумм в год, если целью их приобретения является повышение эффективности работы предприятия (снижение издержек, рост прибыли и т.п.);

3) в рамках совершенствования административно правовой базы, как элемента регулирования сферы деловых услуг, предлагается расширение преференции по упрощению релокации востребованных специалистов на всю сферу деловых услуг, а также более масштабная имплементация институтов «английского права»;

4) видится необходимым обеспечить развитие инфраструктуры функционирования сферы деловых услуг. Это касается прежде всего информационной инфраструктуры (интенсификация развития ЦОД и совершенствование механизмов защиты интеллектуальной собственности и информации). Совершенствование инфраструктуры требует также создания объединенных государственных центров оказания деловых услуг для государственных организаций, которые бы объединяли специалистов разного профиля;

5) важно обеспечить повышение кадрового потенциала, поскольку это является важным элементом организационно-экономического механизма развития сферы деловых услуг. Это может быть достигнуто посредством коммерциализации научной деятельности образовательных учреждений, расширения практико-ориентированных образовательных программ в учебных заведениях страны с проактивной ролью в этом процессе предприятий сферы деловых услуг, а также привлечения качественных трудовых ресурсов из-за рубежа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Томкович, М.П. Деловые услуги: идентификация содержания и структуры нового сегмента экономики Беларуси / П. С. Шаграй, М. П. Томкович // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь. – 2022. – № 11. – С. 4–10.

2. Полухина, О. А. Институциональные основы формирования регионального рынка ИТ-услуг / О. А. Полухина // Проблемы современной экономики. – 2016. – № 4 (60). – С. 150–154.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОЦЕНКИ УСЛОВИЙ ТРУДА ПРИ ВНЕДРЕНИИ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Шатило С.Н.,

кандидат технических наук, доцент,
Белорусский государственный университет транспорта, г. Гомель

В Республике Беларусь успешно реализуется государственная политика в области охраны труда, в основу которой положены конституционные права граждан. Основными принципами государственной политики в данной сфере являются приоритет жизни и здоровья работающих по отношению к результатам производственной деятельности, обеспечение гарантий их прав на охрану труда, введение обязанностей всех субъектов правоотношений в области охраны труда и ответственности за нарушение законодательства об охране труда. В результате реализации мероприятий Государственной программы «Рынок и содействие занятости» в 2025 г. количество работников, занятых в неблагоприятных условиях труда, сократилось на 14,5% по сравнению с 2020 г. В целом по республике наблюдается тенденция снижения производственного травматизма. Однако несмотря на принимаемые меры и выделяемые финансовые ресурсы, условия труда во многих организациях республики, по данным Министерства труда и социальной защиты, не соответствуют нормативным

требованиям. Об этом свидетельствуют результаты аттестации рабочих мест по условиям труда и производственного контроля за их состоянием. По данным Департамента государственной инспекции труда, в 2025 г. количество травмированных составило 1835 чел., а число погибших на производстве составило 103 чел. В соответствии с действующим законодательством Республики Беларусь, как следствие неблагоприятных условий труда в настоящее время получают компенсации за работу в опасных и вредных условиях 647 тыс. чел. (сокращенная продолжительность рабочего времени – 59,2 тыс. человек, повышенная оплата труда – 536,9 тыс. чел.). По данным Министерства здравоохранения, в 2025 году зарегистрировано 40 новых случаев профзаболеваний, а по данным АИС Министерства труда и соцзащиты, в условиях повышенного уровня шума работает 260,1 тыс. чел., вибрации – 77,1 тыс. чел., в условиях повышенной запыленности и загазованности – 58,5 тыс. чел., тяжелого физического труда – 190,7 тыс. чел. Остаются значительными и расходы, связанные с последствиями неблагоприятных условий труда. Так, в 2025 г. выплаты только по обязательному страхованию в рамках возмещения вреда в результате несчастных случаев на производстве по данным БРУСП «Белгосстрах» составили свыше 235 млн руб. Необходимо отметить такой факт, что более 50% травмированных имели возраст 40–60 лет. Это свидетельствует о том, что наряду с неопытными работниками чаще травмируются работники, имеющие значительный жизненный и производственный опыт и имеющие высокие профессиональные навыки. По данным Министерства труда и соцзащиты, чаще всего это связано с личной неосторожностью самих пострадавших и с нарушением ими требований охраны труда. Однако косвенно это свидетельствует о низком уровне организации работы в области охраны труда, за что несут ответственность наниматели.

Повышение эффективности современного производства невозможно без создания и внедрения инновационных технологий, оборудования и технологической оснастки. При этом особое внимание должно быть уделено созданию благоприятных и безопасных условий труда, т.к. улучшение условий труда является одним из существенных факторов повышения эффективности производства. В результате внедрения таких технологий и оборудования меняется характер условий труда. Современное роботизированное производство практически во всех отраслях позволяет снизить количество работников, для которых характерным является тяжелый физический труд. Однако при этом необходимо учитывать, что труд работающих становится все более интеллектуальным, связанным с контролем и управлением технологическими процессами. В этом случае на работающих будут воздействовать производственные факторы, определяющие напряженность трудового процесса. Они воздействуют на центральную нервную систему, органы чувств, эмоциональную сферу работающих и в конечном счете могут приводить к повышенной усталости, снижению работоспособности и к возможному появлению ошибок при принятии управленческих решений. Это, в свою очередь, может приводить к ухудшению качества результатов работы, к возникновению аварийных ситуаций и травматизму.

Для создания благоприятных условий труда с учетом применения современных инновационных технологий уже на стадии их разработки необходимо правильно произвести оценку условий труда. В соответствии с действующей классификацией опасных и вредных производственных факторов при оценке условий труда их можно разделить на три группы: факторы производственной среды, факторы, определяющие тяжесть трудового процесса, и факторы, определяющие напряженность трудового процесса. В результате внедрения новых технологий и оборудования можно устранить многие факторы, включенные в первые две группы, но при этом возрастает значение оценки напряженности трудового процесса. При этом необходимо учитывать: интеллектуальные нагрузки (содержание работы и ее характер), сенсорные нагрузки, которые связаны с наблюдением за ходом производственного процесса и с получаемой и обрабатываемой информации, эмоциональные нагрузки (степень ответственности за результат работы и значимость ошибок, степень риска и ответственности за безопасность других лиц), монотонность нагрузок и режим работы.

ДИНАМИКА ГЕНДЕРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ОЦЕНКЕ ФАКТОРОВ, ЗНАЧИМЫХ ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ О ПРОДОЛЖЕНИИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОРГАНИЗАЦИИ ЗА 2024–2025 ГОДЫ

Щипакова Н.Н.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь на протяжении трех лет проводит опрос молодых специалистов. В 2024 г. были получены ответы от 6647 респондентов, в 2025 – от 8168, в 2026 – 11348.

Респондентам были предложены следующие факторы, оказывающие влияние на решение о продолжении или завершении трудовой деятельности в конкретной организации:

- заработная плата;
- наличие социального пакета;
- возможности повышения квалификации и дальнейшего карьерного (профессионального) роста;
- помощь в решении жилищного вопроса;
- престижный статус организации и корпоративная культура.

Респонденты определяли значимость каждого фактора от 0 до 5, где значение 0 присваивалось фактору, не влияющему на принятие решение, а 5 – фактору, имеющему наиболее важное значение при принятии решения. На основании выставленных оценок был определен средний уровень значимости по методу среднеарифметического взвешенного, где в качестве весов выступало количество человек, оценивших фактор определенным образом (рис.). Сплошные линии на графике отражают оценку женщин, пунктирные – мужчин.

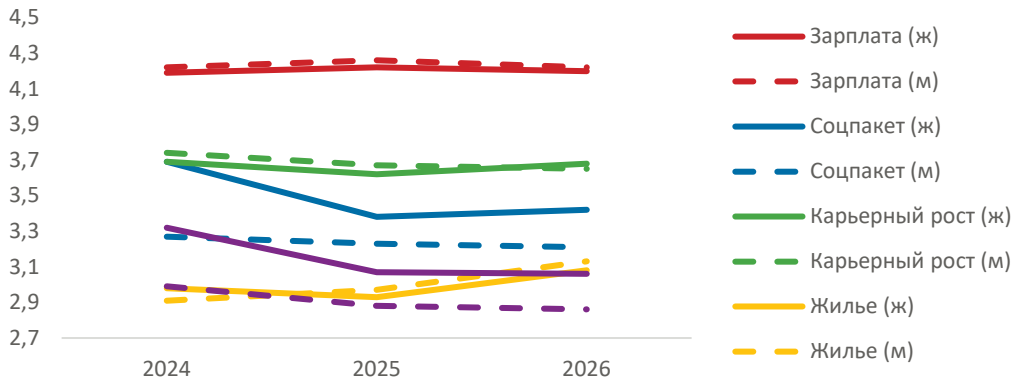

Рис. Средняя оценка значимости факторов, влияющих на принятие решения о продолжении работы в организации в гендерном разрезе, баллов (результат опроса)

Главным приоритетом для всех в течение трех лет стабильно остается заработная плата. В оплате труда интересы мужчин и женщин практически совпадают (в среднем оценка составляет 4,2 балла), что говорит о том, что это главный фактор при принятии решения о продолжении трудовой деятельности вне зависимости от гендера. Возможности повышения квалификации и карьерного роста прочно закрепились на втором месте по значимости и для мужчин, и для женщин (в районе 3,6–3,7 балла, в 2026 г. у женщин этот фактор стал немного выше по значимости, чем у мужчин. Третье место занимает наличие социального пакета. Данный фактор для женщин в 2024 г. был значительно важнее, чем для мужчин, однако его значимость к 2026 г. резко снизилась (с 3,69 балла до 3,42 балла), в то время как у мужчин снижение было минимальным.

Важно отметить, что к 2026 г. для женщин ценность помощи в решении жилищного вопроса стала значительнее, чем статусность организации. При том, что в 2024 г. разрыв в значимости этих

факторов был довольно существенным (оценка статусности 3,32 балла и 2,98 – жилья в 2024 г. против 3,06 балла – статусность и 3,08 – жилье в 2026 г.). В свою очередь, у мужчин разрыв между этими факторами к 2026 г. стал максимальным. Ценность статуса линейно падала все три года (с 2,99 балла до 2,86 балла), а ценность жилья – динамично росла (с 2,91 балла до 3,13 балла). В конечном итоге для мужчин жилье (3,13 балла) к 2026 г. стало значительно важнее статусности организации (2,86 балла).

Анализ динамики значимости факторов, оказывающих влияние на закрепляемость на рабочем месте для молодых специалистов за три года в гендерном разрезе, позволяет сделать следующие выводы:

- значимость помощи в решении жилищного вопроса растет для молодых специалистов обоих полов, при этом для мужчин более быстрыми темпами;
- престижный статус организации и корпоративная культура на протяжении исследуемого периода становится менее значимым фактором как для мужчин, так и для женщин;
- наличие социального пакета для женщин снижается довольно резко, в то время как для мужчин остается примерно на том же уровне;
- фактор возможности повышения квалификации и дальнейшего карьерного (профессионального) роста примерно одинаков и колеблется незначительно. Однако в 2026 г. он стал чуть более значим для женщин, чем для мужчин;
- по-прежнему с большим отрывом среди факторов, способных повлиять на решение о продолжении или завершении трудовой деятельности в конкретной организации, лидирует заработная плата.

По итогам опросов можно сформулировать в качестве рекомендации для руководителей предприятий для удержания молодых специалистов уделять больше внимания помощи в решении жилищного вопроса.

ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ПОЖИЛЫХ ГРАЖДАН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ

Юодешко В.И.,

кандидат экономических наук,

Борушко А.Г.,

НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, г. Минск

В современном мире проблема старения населения приобретает все большую актуальность, превращаясь в один из ключевых социально-демографических вызовов для многих стран, в том числе и для Беларуси. Уже сейчас доля граждан 65 лет и старше в Беларуси составляет 17,9% населения. Согласно прогнозам ООН, к 2030 г. этот показатель может превысить 20%, а к 2050 г. приблизиться к 27%. Нарастающая скорость демографического старения требует адаптации национальной экономики и общественных институтов к изменяющейся возрастной структуре населения.

Основным комплексным документом международного регулирования вопросов старения населения является Мадридский международный план действий по проблемам старения, принятый Второй Всемирной ассамблеей по проблемам старения под эгидой ООН в 2002 г., а также Региональная стратегия его осуществления. Ключевым направлением политики в области старения является обеспечение доступа к долгосрочному уходу и поддержке лиц, осуществляющих уход, и их семей. Оно было обозначено одним из ключевых для европейского региона в Римской министерской декларации 2022 г.

В Беларуси достигнут значительный прогресс в развитии системы долговременного ухода. Законодательное закрепление системы долговременного ухода позволило внедрить комплексный межведомственный механизм, объединяющий социальные услуги и медицинскую помощь на дому. Данный подход ориентирован на максимальное продление пребывания граждан в привычной благоприятной среде. В результате к 2025 г. долговременным уходом были охвачены 440 нетрудоспособных граждан, численность получателей социальных услуг на дому увеличилась до 119 тыс. человек.

Важным шагом в обеспечении безопасности и качества услуг стало введение обязательного лицензирования деятельности по оказанию социальных услуг с проживанием. Это позволило сформировать прозрачный и регулируемый рынок негосударственных стационарных учреждений, обеспечивающих безопасные условия проживания и гармонично дополняющих государственную инфраструктуру ухода.

Одновременно выстроена многоуровневая система поддержки неформального ухода. Ее ключевые элементы включают выплату пособий лицам, осуществляющим постоянный уход; предоставление возможности совмещать семейный уход с частичной занятостью или предпринимательством при сохранении права на пособия, а также безвозмездное обучение навыкам ухода. Действенность системы подкреплена обязательным государственным мониторингом качества постоянного ухода и развитием института замещающей семьи как эффективной альтернативы институциональному стационарному размещению.

Вместе с тем сохраняются вызовы, требующие дальнейшего решения. В период 2021–2024 гг. численность лиц, впервые признанных инвалидами в возрасте старше трудоспособного, увеличилась на 26,5% (на фоне общего снижения численности населения старше трудоспособного возраста за этот же период на 3%) и составила 32 тыс. человек. Структура тяжести первичной инвалидности лиц старших возрастных когорт характеризуется преобладанием тяжелых групп инвалидности: инвалиды I группы составляют 39,7%, инвалиды II группы – 43%, III группы – 17,3%. Таким образом, совокупный удельный вес инвалидов I и II групп превышает 82%. Возрастные особенности в совокупности с фактором инвалидности обуславливают нарастающий объем спроса на долгосрочный уход и предопределяют проактивное расширение мощностей системы.

В среднесрочной перспективе важным направлением является обеспечение устойчивости системы социального обслуживания, включая долгосрочную финансовую и кадровую стабильность отрасли в условиях демографического старения на основе реализации принципа «старение у домашнего очага». Этому могут способствовать расширение рынка социальных услуг; цифровизация системы социального обслуживания; развитие межведомственной службы долговременного ухода и формирование профессиональной службы ухода. Реализация предложенных мер будет содействовать построению общества для всех возрастов, повышению качества жизни пожилого населения.

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Юрова Н.В.,

кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, г. Минск

В настоящее время стремительно меняется система экономических отношений и роль человека в ней. Цифровизация, развитие искусственного интеллекта, зеленая «повестка», изменения структуры занятости, продолжающаяся глобализация знаний и др. создают новые требования к компетенциям и способности человека участвовать в экономических процессах. Поэтому важно не только уточнить современные формы человеческого потенциала, но и установить их взаимосвязь.

Прежде всего важно отметить, что человеческий потенциал – это сложное интегрированное понятие, в рамках которого объединяются достижения всех наук о человеке. В современных условиях человеческий потенциал целесообразно рассматривать как совокупность способностей и возможностей человека, процесс формирования, развития и реализации которых обусловлен системой экономических отношений с другими людьми, компаниями и государством и определяет его участие в социально-экономическом развитии на национальном и международном уровнях. Цели реализации человеческого потенциала – укрепление здоровья, получение необходимого образования, применение профессиональных способностей в производственной деятельности и наиболее полная реализация интересов и потребностей каждого человека и общества в целом. Человеческий потенциал – это важный элемент устойчивости национальной экономики, а его сохранение и развитие – это базовое условие социально-экономической безопасности государства. Национальный человеческий потенциал следует рассматривать как результат взаимодействия внутренних условий его формирования и международной среды его развития и реализации. Чем выше степень включенности национальной экономики в мировую, тем шире возможности для формирования, качественной трансформации и функциональной реализации человеческого потенциала, но выше риски и требования к обеспечению социально-экономической безопасности.

По роли в развитии человека формы потенциала могут быть разделены на базовые и профессиональные. Так называемый базовый потенциал включает потенциал здоровья и продолжительности жизни, интеллектуальный потенциал (образовательный, творческий и научный) и культурный потенциал. Профессиональный охватывает трудовой, предпринимательский и управленческий потенциал. Базовые формы человеческого потенциала создают предпосылки для формирования и повышения качества профессионального потенциала.

По характеру проявления формы человеческого потенциала подразделяются на качественные и функциональные. Качественные формы характеризуют способности и внутреннее содержание человеческого потенциала: здоровье и продолжительность жизни, образование, творчество, наука и культура. Функциональные формы отражают реализацию этих возможностей в системе экономических отношений: трудовой, предпринимательский, инновационный, демографический и потребительский потенциал.

Между качественными формами существует последовательная взаимосвязь. Потенциал здоровья определяет возможности получения образования и участия в общественной деятельности. Образовательный потенциал формируют знания и компетенции, необходимые для трудовой и профессиональной деятельности. Его более сложными проявлениями становятся творческий и научный потенциалы. Творческий потенциал позволяет создавать новые материальные и духовные продукты, а научный – генерировать оригинальные научные знания и исследовательские решения, направленные на использование в общественном производстве и формирование конкурентных преимуществ.

Культурный потенциал обеспечивает ценностную и институциональную среду воспроизводства человеческого потенциала, включая культуру здоровья, образования, труда и научной деятельности.

Функциональные формы проявляются непосредственно в процессе деятельности человека. Демографический потенциал формирует количественную и возрастную основу трудового потенциала, а состояние здоровья, образования и профессиональной подготовки определяет его качество. Трудовой потенциал предопределяет вовлечение человека в производство. Предпринимательский потенциал представляет более сложную форму его реализации и предполагает способность самостоятельно организовывать экономическую деятельность, принимать решения и идти на риск. Его реализация зависит, в частности, от доступа к собственности, капиталу, знаниям и институтам поддержки. Инновационный потенциал обеспечивает создание и внедрение нововведений, выступая фактором конкурентоспособности и технологического развития. Демографический потенциал отражает возможности населения по воспроизводству человеческого потенциала. Потребительский потенциал характеризует способность формировать спрос, зависящий от доходов, предпочтений и уровня развития человека и, в свою очередь, стимулирующий производство, занятость и инновации.

Таким образом, человеческий потенциал представляет собой взаимосвязанную систему его качественных и функциональных форм. Здоровье, образование, творчество, наука и культура формируют его базовое содержание, тогда как труд, предпринимательство, управление, инновации, демографическое и потребительское поведение обеспечивают его практическую реализацию. Предложенная классификация позволяет перейти от оценки отдельных характеристик населения к комплексному анализу механизмов превращения человеческих возможностей в социально-экономические результаты. Для Республики Беларусь данный подход позволяет иначе оценить качество человеческого потенциала для уточнения мер по повышению конкурентоспособности, качества жизни и социально-экономической безопасности.

GENDERED TIME CONSTRAINTS AND LABOUR-MARKET OUTCOMES IN BELARUS: IMPLICATIONS FOR HUMAN POTENTIAL DEVELOPMENT

Feng L.,

Belarusian State University, Minsk

Gender equality is increasingly treated not only as a social objective but also as a condition for the efficient use of human capital. In gender economics, a central mechanism is the allocation of time between paid work and unpaid care. When care responsibilities are asymmetric, participation rates, working-time choices and access to career-intensive jobs can diverge even when educational attainment is high [1]. For Belarus, this mechanism is especially relevant because female educational and labour-market attachment is strong, while differences in time use remain [2].

To identify the main constraints, this paper applies a descriptive comparative approach using 2024 labour-market indicators and available time-use data. The aim is not to estimate causal effects, but to identify structural gaps relevant to human-potential policy.

Figure compares selected labour-market indicators. In 2024, the female labour-force participation rate for people aged 15+ was 65.69%, compared with 74.07% for men, a gap of 8.38 percentage points. Youth labour-force participation (ages 15–24) was much closer: 37.43% for women and 38.26% for men. Unemployment was low for both sexes and lower for women (2.67% versus 3.41%). Among people with advanced education, labour-force participation was high for both sexes but remained lower for women (82.05% versus 86.12%).

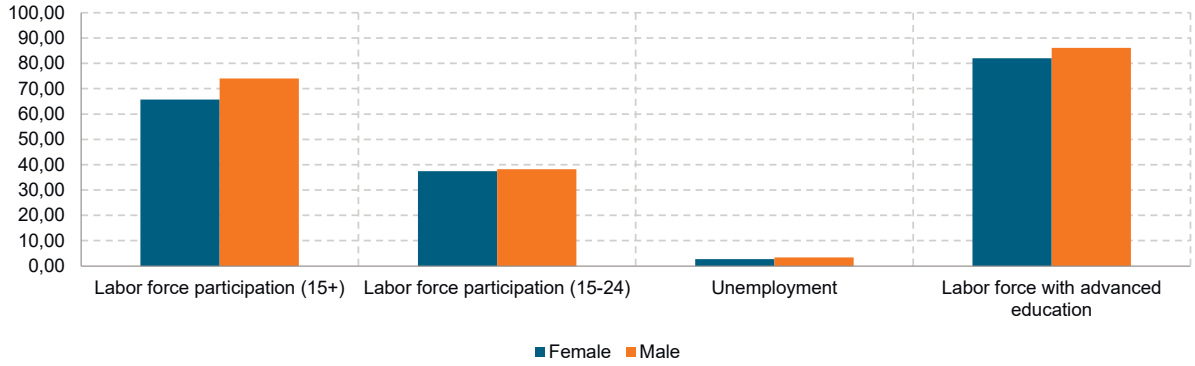

Figure. Selected labour-market indicators by sex, Belarus, 2024, %

Source: World Bank World Development Indicators / ILOSTAT, national estimates for 2024; calculations by the author.

Taken together, the indicators suggest that the central issue is not simple exclusion from employment. Rather, Belarus combines high female human capital with differentiated intensity and forms of labour-market involvement. This interpretation is strengthened by time-use statistics: women and girls aged 10+ spend 19.17% of their time on unpaid domestic and care work, compared with 9.51% for men and boys. The female burden is therefore approximately twice as high. Belarusian research on unpaid care also emphasizes its macroeconomic relevance and its contribution to persistent gender inequality [2].

From a policy perspective, three priorities follow. First, accessible childcare and elder-care services should be treated as productive social infrastructure because they release labour time and support fuller use of skills. Second, flexible working arrangements should be designed without a career penalty; otherwise flexibility may reproduce segmentation rather than reduce it, a problem emphasized in international gender-economics research [1]. Third, gender-sensitive labour statistics should be strengthened, particularly regular measures of earnings, hours worked, occupational segregation and unpaid care. This would allow policy to distinguish between participation, job quality and time constraints (table).

Table

Policy mechanisms linking gender equality to socio-economic development

Policy lever	Gender-economics mechanism	Expected development effect
Care infrastructure	Reduces asymmetric unpaid-care time constraints	Higher effective labour supply and fuller skill use
Career-neutral flexibility	Reduces penalties for temporal flexibility	Higher retention, progression and productivity
Gender-sensitive statistics	Separates participation, job quality and time-use gaps	More targeted regulation and policy evaluation

Therefore, gender equality can contribute to socio-economic development in Belarus through a human-potential channel: reducing asymmetric care constraints can expand effective labour supply, improve matching between qualifications and jobs, and support productivity. The relevant policy objective is not only to raise women's employment, but also to reduce structural differences that shape how available human capital is used.

REFERENCES

1. Goldin, C. A Grand Gender Convergence: Its Last Chapter / C.A. Goldin // American Economic Review. – 2014. – Vol. 104, No. 4. – P. 1091-1119. DOI: 10.1257/aer.104.4.1091.

2. Agabekova, N. V. Unpaid Care Work in the Republic of Belarus: Structure Analysis and Methods of Macroeconomic Assessment / N.V. Agabekova, A. V. Korolenok // Statistics of Ukraine. – 2019. – Vol. 85, No. 2. – P. 73-82. DOI: 10.31767/su.2(85)2019.02.08.

СЕКЦИЯ 3

Повышение конкурентоспособности реального сектора экономики

МЕХАНИЗМЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ТОВАРОПРОВОДЯЩИХ СЕТЕЙ БЕЛОРУССКИХ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Аксеневич А.М.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Цифровая трансформация товаропроводящих сетей (ЦТ ТПС) предполагает поэтапный переход от традиционных к инновационным цифровым бизнес-моделям продвижения продукции (товаров, работ, услуг). Цель ЦТ ТПС – формирование гибкой, управляемой в реальном времени, бесшовной и персонализированной экосистемы взаимодействия участников товародвижения с минимальными трансакционными издержками.

ЦТ требует грамотного научно обоснованного подхода со стороны управляющих подсистем любого уровня (как госрегуляторов, так и непосредственно самих хозяйствующих субъектов). В целях идентификации эффективных мер, учитывающих актуальное состояние развития цифрового потенциала, была разработана концептуальная модель организационно-экономического механизма цифровой трансформации ТПС, формирующая комплексное представление о ключевых этапах и компонентах цифрового преобразования 4 ключевых подсистем товародвижения: маркетинг, логистика, платежи и расчеты, управление данными [1].

Модель включает 4 уровня. Верхний – условия функционирования: глобальные вызовы (технологическая турбулентность, сдвиги в мировой торговле, цифровые угрозы) и деловая среда (институциональные и рыночные факторы). Центральный блок – управляемый процесс трансформации 4 подсистем: маркетинг, логистика и послепродажное обслуживание, платежи и расчеты, управление данными. Нижний уровень – организационно-управленческий контур, включающий элементы: оценка цифровой зрелости, анализ соответствия целей цифровой политики достигнутому уровню цифровой зрелости, система мер по цифровому преобразованию ключевых систем товародвижения. Принципы: сквозная цифровизация, клиентоцентричность, экосистемность, данные как стратегический актив, гибкость и масштабируемость [1, 2].

Комплексный механизм ЦТ ТПС состоит из четырех блоков. Механизм 1 – ЦТ маркетинговых коммуникаций (цель – увеличение эффективности привлечения, удержания и конверсии клиентов), основные компоненты: омниканальность (единый опыт: сайт, мессенджеры, соцсети, маркетплейсы), персонализация на основе Big Data и генеративного ИИ, межкультурные коммуникации для экспорта, CDP-платформа. Механизм 2 – ЦТ логистики (цель – минимизация времени, стоимости и риска доставки товаров), основные компоненты: IoT+RFID-мониторинг, ИИ-маршрутизация и прогнозная доставка, WMS 2.0 и роботизация, оптимизация последней мили (дроны, краудсорсинг), интеграция с таможней. Механизм 3 – ЦТ платежей (цель – создание быстрых, безопасных и удобных платежных решений для всех участников товародвижения), основные компоненты: единая цифровая среда (QR, электронные деньги, ЕРИП), финтех-сервисы (embedded finance, автоматизация B2B), платформенные банковские экосистемы, кибербезопасность (токенизация, 2FA, антифрод). Механизм 4 – ЦТ управления данными (цель – создание единой цифровой среды данных, поддерживающей все процессы товародвижения), основные компоненты: архитектура DWH + data lake, ERP с ИИ для прогноза спроса и управления складом, API-обмен и электронный документооборот, кибербезопасность и кадровое обеспечение [2].

Реализация механизма позволит повысить конкурентоспособность участников товародвижения, т.к. формирует единый контур ЦТ ТПС: маркетинг формирует спрос, умная логистика – движение товара, платежи – быструю сделку, данные связывают процессы в экосистему.

Анализ стратегических документов – НСУР до 2040 г. и Программы Правительства на 2025–2029 гг. – позволил выявить согласованность национальных ориентиров с уровнем цифровой зрелости субъектов хозяйствования. Для маркетинга и платежей заданы векторы, соответствующие этапу

«цифровой экспансии»: супермаркетплейсы, виртуальные площадки с AR/VR, цифровая каталогизация с 3D-двойниками, персонализация на основе ИИ и Big Data, безналичные расчеты, смарт-контракты, трансграничные платежи. Для логистики и системы управления данными – этапу «стандартизация»: 3PL/4PL-центры, интеллектуальные транспортные системы, цифровизация таможни, системы идентификации на базе RFID, CRM, ERP, внутримагазинная аналитика на основе IoT [3, 4].

Оценка состояния цифрового развития белорусских ТПС показала переходный характер. В целом достигнута стадия стандартизации, но наблюдается неоднородность: компоненты «маркетинг и продажи» и «платежи» – на этапе стандартизации, «логистика» и «управление данными» – на этапе адаптации [2]. Число организаций цифровой торговли в 2025 г. выросло в 3,8 раза к уровню 2020 г.; доля интернет-торговли – с 5,4% в 2020 г. до 14,1 % в 2025 г.; в структуре ВДС цифровой экономики доминирует сектор ИКТ (около 89% по итогам 2024 г.).

Господдержка ЦТ ТПС должна заключаться в организации эффективного взаимодействия «бизнес–государство–общество» (оценка регулирующего воздействия, цифровая инфраструктура поддержки МСП, национальная торговая и экспортная площадки); ресурсном обеспечении (подготовка кадров, развитие оптоволокна и 4G/5G, венчурные фонды и пилотные зоны); содействии реорганизации бизнес-моделей (стимулирование бесконтактных платежей, ответственного ИИ, кооперация с ТНК).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксеневич, А.М. Теоретико-методические аспекты оценки уровня цифровой зрелости сбытовых каналов субъектов хозяйствования / А.М. Аксеневич // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сб. науч. ст.: в 2 т. / редкол. Д.В. Муха [и др.]; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики НАН Беларуси. – Мн.: Право и экономика, 2023. – Т. 1. – С. 280–284.

2. Аксеневич, А.М. Оценка цифровой зрелости сбытовых каналов белорусских субъектов хозяйствования / А.М. Аксеневич // Цифровая трансформация. – 2024. – Т. 30, № 4. – С. 5–11.

3. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года / М-во экономики Респ. Беларусь. – Мн.: М-во экономики Респ. Беларусь, 2024. – 65 с.

4. Программа деятельности Правительства Республики Беларусь на 2025–2029 годы: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь от 8 мая 2025 г. № 254. – Мн., 2025. – 32 с.

ПРОБЛЕМАТИКА ИНТЕГРАЦИИ КОМПОНЕНТОВ СИЛОВОЙ ЭЛЕКТРОНИКИ В ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ЦЕПОЧКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Алексеева Н.С.,

кандидат экономических наук, доцент,

Калинина О.В.,

доктор экономических наук, профессор,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Силовая электроника является критически значимым элементом технологической инфраструктуры современной промышленности. Она обеспечивает функционирование энергетических систем, транспортных комплексов, систем автоматизации, телекоммуникационной, станкостроительной и других отраслей. При этом в текущих условиях устойчивость высокотехнологичных производственных цепочек определяется способностью промышленной системы обеспечивать разработку, производство, испытания, стандартизацию, интеграцию отдельных компонентов в конечные изделия.

Цель исследования состоит в выявлении ключевых проблем интеграции компонентов силовой электроники в производственные цепочки Российской Федерации.

Мировая полупроводниковая отрасль характеризуется высокой степенью международной специализации. Также она отличается концентрацией критических технологий и значительными межотраслевыми зависимостями. Исследование Bonnet et al. показывает, что даже развитая промышленная система Европейского союза сохраняет существенные зависимости от внешних поставщиков, технологий и оборудования [1]. При этом наличие научно-технологических компетенций само по себе не гарантирует их трансформации в системное промышленное производство. Данная проблема особенно актуальна для России. Здесь технологическая независимость существует, но как достижение нескольких отдельных автономных предприятий. Целью же является формирование устойчивой системы взаимосвязанных производств. Выделим три основных обстоятельства, влияющих на недостаточность интеграции компонентов силовой электроники в производственные цепочки России.

Первой проблемой является фрагментарность цепочки создания стоимости. Вторая проблема связана с недостаточной синхронизацией спроса и технологического предложения. Третья проблема имеет организационно-институциональный характер. Как отмечают авторы [2], развитие российской полупроводниковой промышленности ограничивается совокупностью научно-технологических, организационных и экономических барьеров.

В этом контексте особое значение приобретает экосистемный подход. Формирование промышленных кластеров позволяет объединять предприятия, научные организации, университеты и органы государственного управления вокруг конкретных технологических приоритетов [3]. Для силовой электроники такой подход представляется более результативным, чем поддержка изолированных проектов.

Для Союзного государства данная проблематика имеет стратегическое значение по двум причинам:

1. Интеграция научно-производственных ресурсов России и Беларуси позволяет расширить внутренний рынок компонентов. Это будет способствовать формированию более устойчивой кооперационной среды.

2. Межгосударственная специализация дает возможность избежать дублирования капиталоемких производств и одновременно сформировать распределенную технологическую цепочку.

Таким образом, Союзное государство целесообразно рассматривать как потенциальный мезоуровень технологического развития. Это позволяет перейти от реагирования на возникшие дефициты к опережающему формированию технологических компетенций [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Bonnet, P. EU’s strengths and weaknesses in the global semiconductor sector / P. Bonnet, A. Ciani, J. Molnar, M. Nardo. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2025. – 77 p. – DOI: 10.2760/6302476.

2. Калинина, О. В. Научно-технологические, организационные и экономические барьеры развития инноваций в отечественной полупроводниковой промышленности / О. В. Калинина, Л. В. Медведева, А. А. Иващенко // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2025. – Т. 11, № 6(159). – С. 11–23. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.06.11.002. – EDN DPZXEC.

3. Алексеева, Н. С. Формирование промышленных экосистем и кластеров для обеспечения национальной технологической независимости / Н. С. Алексеева, О. В. Калинина, Д. М. Меткин // Цифровая промышленность: устойчивое развитие в новой реальности: монография. – СПб: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2026. – С. 357–370. – DOI 10.18720/IEP/2026.4/16.

4. Алексеева, Н. С. Управление развитием промышленных экосистем в условиях формирования технологической независимости / Н. С. Алексеева, А. В. Бабкин // Интеллектуальная инженерная экономика и Индустрия Х.0 (ИНПРОМ-2026): сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 27–30 мая 2026 г. : в 3 т. – СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2026. – С. 136–139. – DOI 10.18720/IEP/2026.1/28.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00690, https://rscf.ru/project/26-18-00690/.

МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ПРУДОВЫХ ХОЗЯЙСТВ В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Амелин М.Ю.,

Филиал по пресноводному рыбному хозяйству ФГБНУ «ВНИРО»,
г. Москва, Российская Федерация

Прудовое рыбоводство составляет основу аквакультурного производства Московской области. В регионе насчитывается 24 рыбоводческих хозяйства, в которых занимаются разведением карпа, белуги, осетра, форели и других видов товарной рыбы.

По итогам первого полугодия 2025 г. аквакультурные предприятия Подмосковья вырастили более 475 т товарной рыбы. Из общего объема производства на долю прудовых хозяйств пришлось 369 т, что свидетельствует о высоком уровне организации и технологии их работы. Установки замкнутого водоснабжения добавили к этому результату еще 106 т. (табл.)

Крупнейшими производителями в регионе являются Егорьевский рыбокомбинат «Цна», Бисеровский рыбокомбинат и Рыбхоз «Клинский». Эти предприятия активно внедряют современные методы рыбоводства и следят за качеством продукции, что позволяет им занимать лидирующие позиции на рынке.

В Подмосковье выращиваются различные виды рыб, включая карпа, форель, осетра, белого амура и клариевого сома. Каждый из этих видов имеет свои особенности и требования к условиям содержания, что делает аквакультуру в регионе разнообразной и технологически интересной.

Таблица

Основные показатели производства прудовых хозяйств Московской области

Показатель	Значение	Период
Объем производства товарной рыбы в регионе	4,1 тыс. т	2024 г.
Производство товарной аквакультуры	5,1 тыс. т	2025 г.
Производство в прудовых хозяйствах (полугодие)	369 т	I полугодие 2025 г.
Производство в УЗВ (полугодие)	106 т	I полугодие 2025 г.
Количество рыбоводческих хозяйств в регионе	24	2025 г.

Ключевым элементом механизма развития прудовых хозяйств Московской области являются инвестиционные проекты по восстановлению и модернизации рыбоводной инфраструктуры. Наиболее масштабным из них является проект возрождения «Рыбхоза Шатурский» – исторического хозяйства, основанного в 1959 г. в Шатурском округе.

Важным элементом механизма развития прудовых хозяйств является система государственной поддержки, реализуемая на региональном уровне.

1. Субсидирование затрат на приобретение кормов. Министерство сельского хозяйства и продовольствия Московской области проводит отбор заявок на предоставление субсидий из бюджета региона, направленных на поддержку производства товарной рыбы и рыбопосадочного материала. Данная мера призвана поддержать сельхозпроизводителей Подмосковья в развитии аквакультуры – важной составляющей агропромышленного комплекса региона.

Субсидия позволяет компенсировать 20% затрат на приобретение кормов для выращивания рыбы. На реализацию инициативы в 2026 г. выделено 28,5 млн рублей. Прием заявок осуществляется на портале предоставления мер финансовой государственной поддержки.

2. Программа «Подмосковные 10 гектаров». Фермеры, развивающие рыбоводные хозяйства, могут получить землю в безвозмездное пользование по программе «Подмосковные 10 гектаров». Данный инструмент позволяет снизить стартовые затраты на создание и развитие прудовых хозяйств, особенно для начинающих предпринимателей.

3. Поддержка экспортного потенциала. Значительное внимание уделяется развитию экспортного потенциала отрасли. Доля Подмосковья в общем стоимостном объеме экспорта охлажденной рыбы в России достигла 37%. Ключевыми торговыми партнерами стали Беларусь, Узбекистан и Казахстан. Развитие экспортных поставок создает дополнительные стимулы для наращивания производства в прудовых хозяйствах региона.

Несмотря на позитивную динамику, развитие прудовых хозяйств Московской области сталкивается с рядом системных проблем.

Стагнация прудового фонда. Большинство отечественных хозяйств по выращиванию карпа и других прудовых видов находятся в стадии стагнации. Значительная часть прудов, созданных в советский период, требует восстановления гидромелиоративной инфраструктуры – каналов, дамб, шлюзов.

Высокая стоимость кормов. Корма являются одной из наиболее существенных статей расходов в рыбоводстве. Затраты на их приобретение составляют значительную долю в себестоимости продукции, что сдерживает рентабельность прудовых хозяйств.

Кадровый дефицит. Отрасль испытывает нехватку квалифицированных специалистов – ихтиологов, рыбоводов, технологов переработки. Создание научно-просветительских центров на базе крупных хозяйств призвано частично решить эту проблему.

Прудовые хозяйства Московской области составляют основу аквакультурного производства региона, обеспечивая более 75% общего объема выращиваемой товарной рыбы. Механизм развития прудовых хозяйств включает три ключевых элемента: инвестиционные проекты по восстановлению инфраструктуры, государственную поддержку в форме субсидирования затрат и нормативно-правовые инструменты, такие как программа «Подмосковные 10 гектаров».

Наиболее перспективным является проект возрождения «Рыбхоза Шатурский» – полносистемного хозяйства с объемом инвестиций 60 млн рублей, реконструкцией около 200 га прудов и созданием более 30 рабочих мест. Данный проект может стать пилотной моделью для восстановления других прудовых хозяйств региона.

Для устойчивого развития прудовых хозяйств Московской области необходимы:

1. *Масштабирование инвестиционных проектов* по восстановлению прудового фонда на основе государственно-частного партнерства.

2. *Расширение мер государственной поддержки*, включая субсидирование не только кормов, но и затрат на восстановление гидромелиоративной инфраструктуры.

3. *Развитие системы профессиональной подготовки* кадров для прудового рыбоводства с участием отраслевых вузов и научно-просветительских центров.

4. *Стимулирование создания агроиндустриальных кластеров*, объединяющих производство, науку и переработку.

5. *Поддержка экспортного потенциала* прудовых хозяйств, включая сертификацию продукции для поставок на внешние рынки.

Реализация указанных мер позволит Московской области не только сохранить лидирующие позиции в сфере аквакультуры, но и создать устойчивую модель развития прудовых хозяйств, способную стать примером для других регионов России.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА АНТИКРИЗИСНЫХ УПРАВЛЯЮЩИХ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ИНСТРУМЕНТ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Артемьев П.П.,

кандидат экономических наук,
Белорусско-Российский университет, г. Могилев

6 февраля 2026 г. под руководством Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко состоялось совещание, важнейшей темой которого являлась практика функционирования института антикризисных управляющих. По словам Главы государства, с принятием нового закона в этой сфере (речь идет о Законе Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-З «Об урегулировании неплатежеспособности») была осуществлена смена акцентов с банкротства на оздоровление предприятий, включая сохранение рабочих мест[1].

На данном совещании с участием руководства Совета Министров Республики Беларусь отмечалось, что институт антикризисных управляющих – новое явление в экономической жизни страны. Президентом Республики Беларусь был поставлен под сомнение подход, в соответствии с которым стороннего человека назначают руководить предприятием. При этом с формальной точки зрения антикризисный управляющий руководителем предприятия не является.

Рассматриваемая неурегулированность деятельности антикризисных управляющих зачастую создает весьма запутанную ситуацию в части управления предприятиями. Имеют место случаи, когда в крупных акционерных обществах одновременно работают два фактических руководителя: антикризисный управляющий и исполнительный директор. В целом указанное положение дел говорит о недостаточной отлаженности работы антикризисных управляющих, которая обусловлена их невысокой вовлеченностью в экономические процессы в стране. Ключевая проблема видится в том, что рассматриваемый институт слабо интегрирован в общую систему государственного менеджмента.

При этом на отраслевом уровне в рамках промышленного производства развитие института антикризисных управляющих, с нашей точки зрения, имеет определенные перспективы. Существует достаточное количество проблемных вопросов в данном случае, которые призваны решать специально подготовленные администраторы. В условиях санкционного давления и необходимости переориентации торгово-экономических отношений предприятия промышленности испытывают объективные трудности, что находит выражение в том числе в виде высокого уровня накопления складских запасов готовой продукции.

Помимо этого, согласно информации Белстата, в январе-феврале 2026 г. количество убыточных организаций в промышленности составило 855 единиц. В данном случае наблюдается увеличение по сравнению с аналогичным периодом 2025 г. (в январе-феврале 2025 г. количество убыточных промышленных организаций составляло 590 единиц). При этом удельный вес убыточных организаций в общем количестве организаций вырос за аналогичный период с 25 % до 36,2 %, в то время как в абсолютном выражении также наблюдался рост чистого убытка с отметки 1,34 млрд рублей в январе-феврале 2025 г. до уровня в 1,7 млрд рублей в январе-феврале 2026 г.[2] Важно оговориться, что в целом по году ситуация может выправиться, поскольку с точки зрения финансово-экономических показателей начало года в промышленности традиционно считается одним из самых непростых периодов. Кроме того, рассматриваемые показатели являются агрегированными, в то время как в разных подотраслях промышленности ситуация может быть отличной от приведенной. Необходимо

[1] Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Минск, 2007–2026. – URL: https://president.gov.by/ru/events/sovesanie-s-rukovodstvom-soveta-ministrov-1770365968 (дата обращения: 07.08.2026).

[2] Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе–марте 2026 г.: стат. сб. – Мн.: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2026. – 134 с.

также принимать во внимание и инфляционный фактор, который снизит показатель чистого убытка в реальном выражении. Однако приведенную динамику нельзя считать удовлетворительной.

Обозначенные факты говорят о вполне реальной возможности подключения специально отобранных и обученных антикризисных управляющих высокой квалификации для целей вывода ряда промышленных предприятий из возможного кризиса. При этом, с нашей точки зрения, на страновом уровне необходимо рассматривать и максимально интегрировать в систему государственного управления деятельность антикризисных управляющих категории «С», которые в силу специфики полученного аттестата имеют право участвовать в процедурах санации и банкротства крупных валообразующих предприятий страны. Управляющие категории «С» представляют элиту в рамках данной профессии. Для целей их интегрирования в систему государственного управления мы бы полагали целесообразным ведение отдельного реестра таких лиц. Важно также учитывать, что не каждый управляющий, который имеет аттестат категории «С», окажется в состоянии взять на себя дело по санированию крупного предприятия государственного уровня. Ввиду объективной немногочисленности таких лиц мы бы предложили возможность прохождения для них отдельного обучения, включая изучение специфики стран и рынков «дальней дуги».

Необходимо подчеркнуть, что институт антикризисных управляющих не является абсолютно новым для нашей страны. Уже на текущем этапе можно говорить о накоплении определенного опыта в рассматриваемой сфере. Очевидно, что практика передачи проблемных предприятий под стороннее управление интенсивно накапливается.

Таким образом, сферу функционирования антикризисных управляющих можно охарактеризовать как институт с формирующейся традицией. И от того, насколько эффективно он окажется встроенным в общегосударственную систему, зависят его перспективы в целом. Ввиду этого мы считаем оправданным сопряжение указанной области хозяйственно-экономической деятельности с формированием промышленной политики в новых объективно непростых условиях ведения бизнеса.

ЛЕСОКЛИМАТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ: МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Безруких Ю.А.,

кандидат экономических наук, доцент,
филиал Сибирского государственного университета науки и технологий
имени академика М.В. Решетнева, г. Лесосибирск, Российская Федерация

Лесоклиматические проекты (далее – ЛКП) позволяют одновременно решать задачи адаптации отраслей экономики к климатическим изменениям и повышать конкурентоспособность за счет реализации углеродных единиц. В соответствии с Указом Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145 [1] принята новая Стратегия научно-технологического развития РФ, в которой поиск эффективных инструментов адаптации экономики к климатическим изменениям отнесен к числу ключевых стратегических задач. Особую значимость климатическая повестка, основываясь на существующем опыте, имеет для регионов с высокой концентрацией предприятий углеводородного сектора, которые являются основными источниками выбросов парниковых газов, однако играют ключевую роль в экономическом развитии страны.

Практические аспекты реализации климатических проектов достаточно проработаны. На сегодняшний день в Реестре углеродных единиц зарегистрировано 97 климатических проектов,

из которых 14 направлены на увеличение поглощения парниковых газов, а 83 – на сокращение. Теоретическая и методологическая база ЛКП практически не сформирована [2]. Отсутствуют методические инструменты, позволяющие проводить оценку качества разработки ЛКП для последующей валидации и верификации их результатов. Понятийный аппарат остается доработанным: существующие дефиниции формулируются лишь на основе практики и нормативных документов.

В представленном исследовании предложено научно обоснованное определение «лесоклиматический проект» [3], которое легло в основу разработки теоретических и методических подходов к формированию ЛКП. Предлагаемая методика базируется на процессном подходе, позволяющем провести комплексную оценку различных типов ЛКП, существенно отличающихся по проектному результату, условиям реализации и применяемой технологии.

Согласно разработанной методике, расчет углеродной эффективности производится через показатель углеродоотдачи в денежном и натуральном выражении, а конечным экономическим критерием оценки реализации ЛКП определён чистый доход, основанный на концепции ESG. Такое решение отражает авторское видение устойчивого управления ЛПК за счет соподчинения экономических, экологических и социальных целей развития предприятия, которое занимается реализацией ЛКП.

Эмпирически установлено, что перспективная реализация лесоклиматических проектов требует существенных инвестиционных вложений, окупаемость которых трудно оценить из-за длительного срока реализации (50–100 лет) с учетом специфики продукта и условий выполнения проекта. Столь продолжительный временной лаг создает трудности при оценке рисков, которые сопровождают ЛКП и влияют на его стоимость в целом, а также на проектный результат в частности. Предлагаемые решения апробированы на различных типах ЛКП, потенциально возможных к реализации на территории Красноярского края, где сосредоточено 14% общероссийских запасов леса.

В результате применения методики определены критические факторы успеха ЛКП, которые могут корректироваться для подбора оптимальных вариантов реализации проекта с целью получения максимального эффекта для заинтересованных сторон.

Предлагаемый подход позволяет провести комплексную оценку различных типов ЛКП, существенно отличающихся по проектному результату, условиям реализации и технологии. Это может служить инструментом повышения конкурентоспособности предприятий реального сектора за счет снижения климатических рисков и монетизации углеродного следа.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 28 февр. 2024 г. № 145. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358 (дата обращения: 07.09.2026).

2. Все, что надо знать о лесоклиматических проектах: от А до Я: аналитический доклад / В. В. Шишов, И. Н. Безкоровайная, Ю. А. Безруких [и др.]. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2024. – 72 с.

3. Безруких, Ю. А. Конструирование дефиниции категории «лесоклиматический проект» в контексте устойчивого развития государства / Ю. А. Безруких, Е. В. Трошкова, С. О. Медведев // Modern Economy Success. – 2023. – № 2. – С. 88–95.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-20024, https://rscf.ru/project/26-18-20024/, за счет целевого финансирования (гранта) Красноярского краевого фонда науки.

ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Белявская С.Л.,

кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Обеспечение устойчивости агропромышленного производства предполагает не только ускорение инновационно-технологических преобразований с целью обеспечения конкурентоспособности продукции АПК, но и развитие организационно-экономических и управленческих подходов как в крупнотоварном производстве, так и в малых формах хозяйствования. Активное повышение конкурентоспособности деятельности малых форм хозяйствования позволит, с одной стороны, сформировать широкий пласт компаний, оказывающих услуги крупным предприятиям по узким направлениям, а с другой – будет способствовать активному освоению рыночных ниш в трудоемких отраслях аграрной экономики.

Детальное изучение с практической точки зрения фактически сложившейся в Республике Беларусь системы отнесения хозяйствующих субъектов к малым формам хозяйствования в аграрном секторе (основным и единственным критерием отнесения субъектов к категории малого предпринимательства является средняя численность работников за календарный год) позволило выделить в качестве основных ее субъектов, деятельность которых связана с ведением сельскохозяйственного производства, – крестьянские (фермерские) хозяйства и личные подсобные хозяйства.

Личные подсобные хозяйства населения продолжают играть весомую роль в республике, обеспечивая аграрный рынок продовольствием и сельскохозяйственным сырьем (на 1 января 2026 г. в республике осуществляли деятельность 916,6 тыс. личных подсобных хозяйств граждан). Ежегодно в личных хозяйствах населения производится около 17–20% от всего республиканского объема продукции сельского хозяйства. Однако деятельность данных хозяйств с юридической точки зрения не является предпринимательской и, основываясь на личном труде членов семьи, направлена в первую очередь на удовлетворение личных потребностей в продуктах питания, реализуя лишь излишки, не ставя коммерческих целей по системному поступлению продовольствия на аграрные рынки и обеспечение продовольственной безопасности страны.

Что касается развития фермерского сектора республики, то здесь отмечается ежегодная устойчивая тенденция роста количества крестьянских (фермерских) хозяйств, наличия у них сельскохозяйственных земель, а также всех показателей их производственно-хозяйственной деятельности и финансового состояния.

Однако следует отметить, что крестьянские (фермерские) хозяйства в Республике Беларусь не в полной мере используют имеющийся потенциал, поскольку данная форма агробизнеса по своей сути относится к малой и основывается на единоличном труде главы хозяйства либо членов одной семьи, создавшей его. Проведенные исследования показали, что в большинстве крестьянских (фермерских) хозяйств среднесписочная численность работников не превышает 3 человек, а средний размер земельного участка составляет около 100 га. К сожалению, не все из них работают с прибылью (около 10% являются убыточными), при этом значения общего балла кадастровой оценки сельскохозяйственных земель фермерских хозяйств ниже среднеобластных показателей. Наилучшее положение по критерию финансовой результативности сложилось в Брестской и Гродненской областях, которые характеризуются более высокими показателями плодородия и количеством работников в одном хозяйстве по сравнению с другими регионами.

Сегодня в Республике Беларусь сложилась устойчивая тенденция по сокращению численности личных подсобных хозяйств, а также производства сельскохозяйственной продукции в индивидуальном секторе аграрного производства, что объясняется рядом причин: урбанизацией и старением

сельских жителей, развитием крупнотоварного сектора, экономической доступностью продуктов питания для сельских жителей, высокой трудоемкостью ее производства и отсутствия в достаточном объеме у хозяйств населения необходимой материально-технической базы.

Необходимо отметить, что на современном этапе потенциал развития аграрной отрасли заключается именно в дальнейшем развитии личных подсобных хозяйств, которые, обладая знаниями и опытом в сельскохозяйственном производстве, должны стать фундаментом для формирования и расширения товарной направленности отрасли путем увеличения объемов производства товарной продукции, укрепления финансового и материального состояния хозяйств граждан с целью их мотивированного расширения и создания на основе наиболее успешных из них крестьянских (фермерских) хозяйств. Анализ деятельности фермерских хозяйств республики показал, что подавляющее большинство низкоэффективных хозяйств встречается в категории малых семейных фермерских хозяйств со средней численностью работников до 3 человек включительно, что говорит о необходимости их укрупнения и обеспечения возможности получения заемных финансовых ресурсов для расширения и модернизации производства.

Практика показывает, что в наибольшей степени именно мелкотоварные производители нуждаются в государственной поддержке в связи с отсутствием у них достаточной собственной материально-технической базы, а также собственных финансовых ресурсов. В целях реализации потенциала развития предлагается осуществлять дополнительную специальную господдержку, начиная с перспективных товарных личных подсобных хозяйств населения, что даст импульс для их преобразования в фермерские хозяйства, а в дальнейшем укрупнения и перехода части наиболее успешных в категорию малых организаций.

Таким образом, реализация потенциала развития личных хозяйств граждан обеспечит возможность укрупнения и трансформации форм ведения аграрного бизнеса, позволит снизить количество низкоэффективных и устойчиво неплатежеспособных сельскохозяйственных организаций, что в перспективе не только укрепит положение малого агробизнеса, но и заложит прочную основу дальнейшего развития агропромышленного производства в Республике Беларусь.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ БИОЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО РЫБОЛОВСТВА

Беляев В.А.,

доктор биологических наук, профессор,
Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии (ГНЦ РФ ФГБНУ «ВНИРО»), г. Москва, Российская Федерация

При разработке эффективной системы регулирования рыболовства в регионе особенно важно установить, хотя бы в первом приближении экономически приемлемые соотношения объема изъятия от величины промысловых запасов донных и пелагических рыб. Это чрезвычайно важно, чтобы избежать повторения кризисной ситуации характерной для 80–90-х годов XX столетия, поддержать стабильность существующих экосистем. Это принципиально важно при построении системы устойчивого рыболовства, к чему так стремятся все развитые рыболовные страны на планете.

Практика международного рыболовства показала, что наиболее соответствует поставленным задачам биоэкономическая система регулирования, включающая в себя экономические, природоохранные и технические составляющие. С помощью этой системы представляется возможным приведение в равновесие промысловых усилий, (т. е. производительности, численности и времени пребывания рыбопромысловых судов на промысле), состояния сырьевой базы промышленного рыболовства и системы реализации «продукции первого предъявления» по ценам, складывающимся

на мировых рынках в соответствии со спросом и предложением. Другими словами, приблизиться, хотя бы чисто теоретически, к идеализируемой форме устойчивого рыболовства.

Блок сырьевых ресурсов характеризует состояние промысловых запасов, т. е. дает качественную и количественную характеристику ресурсной составляющей промышленного рыболовства Баренцева моря, т. е. видовой состав уловов, состояние численности и биомассы отдельных промысловых видов и возможность их потенциального изъятия.

Производственный блок включает в себя общие объемы изъятия биоресурсов существующим добывающим рыбопромысловым флотом, данные о суточной производительности отдельных типов рыбопромысловых судов, их численности, времени пребывания лову, т. е. дает необходимые биоэкономические количественные реперы по величине вылова и формирования удельной стоимости «продукции первого предъявления», в данном случае на промысле основного целевого объекта – трески Баренцева моря.

Экономический блок представляет схематично функциональную систему аккумулирования финансовых ресурсов в процессе рыбопромысловой деятельности субъектов национального морского рыболовства Российской Федерации на акватории Баренцева моря.

Этот функциональный блок дает также общее представление о существующих механизмах формирования затратной части производственного процесса, связанного с эксплуатационными расходами задействованных судов рыбопромыслового флота, оплатой труда экипажей, налоговыми отчислениями и пр., а также в нем показаны основные векторы накопления финансовых ресурсов в промышленном рыболовстве за счет реализации рыбы и морепродуктов на оптовых рынках. Кроме того, в представленной схеме указаны также направления векторов использования основной части прибыли, получаемой в рыболовстве (если она имеется). На практике это означает вывод определенной доли финансовых ресурсов (в виде прибыли и не только) из сложившейся системы промышленного рыболовства или, наоборот, привлечение и вложение части полученной прибыли в расширение рыбопромысловой деятельности, если в этом есть необходимость, а также привлечение дополнительных финансовых ресурсов извне.

Следует обратить особое внимание на тот факт, что производственный и в меньшей степени экономический блок современного рыбохозяйственного комплекса характеризуются повышенной энергозатратностью. В первом случае – за счет прямого использования ГСМ в процессе промыслового изъятия гидробионтов, во втором – за счет повышенных энергетических затрат, в основном электроэнергии, связанной с функционированием рефрижераторных установок в так называемой «цепи холода», а также транспорте, изготовлении упаковки, хранении и реализации продукции рыболовства. В контексте рассматриваемой проблемы речь идет лишь о рассмотрении биоэкономического механизма формирования удельной стоимости «продукции первого предъявления» и формирования стоимости оптовых партий продукции морского рыболовства. Так как именно в производственном блоке сконцентрирована наиболее капиталоемкая часть производственных фондов промышленного рыболовства – рыбопромысловом флоте, то именно функциональное значение рыбопромыслового флота и будет проанализировано с максимально возможной в данном случае степенью детализации.

Одной из острейших проблем национального рыболовства, существенно снижающей экономическую и биологическую эффективность использования существующих биоресурсов, другими словами, ограниченных по объему квот на добычу тех или иных видов, является несоблюдение рыбодобывающим флотом Северного бассейна ресурсосберегающей стратегии промысла. Важнейшие принципы такой стратегии следующие:

- соответствие количества рыбодобывающих мощностей промыслового флота, имеющемуся ресурсному потенциалу этого региона;
- максимальная концентрация промысловых усилий рыбодобывающего флота в районах скоплений крупной, преимущественно половозрелой рыбы, обладающей высокой товарной ценностью, пользующейся повышенным спросом на рыбных рынках;

- ведение промысла количеством судов в наиболее благоприятные периоды, когда отмечается самая высокая производительность лова;
- максимальное ограничение промысла в районах скоплений маломерной и мелкой рыбы;
- правовая и экономическая стимуляция ведения преимущественно «экологически чистых» видов промысла (ярусный, удебный, сетной и снюрневодный лов), наносящих минимальный ущерб окружающей среде;
- стимулирование рыбаков на переход при добыче трески к многовидовому промыслу с коммерческой реализацией всего спектра промысловых гидробионтов, встречающихся в улове.

Изучение возможностей практической применимости этих основополагающих биоэкономических принципов использования морских биологических ресурсов в практике промышленного рыболовства является основным предметом наших исследований.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ РОБОТОТЕХНИКИ В РОССИИ: СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Бирюкова В.Ф.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Государственная поддержка развития промышленной робототехники в России к 2026 г. перешла в стадию активной практической реализации. Это связано с долгосрочной стратегической задачей – войти в топ-25 стран мира по плотности роботизации к 2030 г. Россия исторически отставала по этому показателю. Если среднемировой показатель превышает 150 роботов на 10000 производственных рабочих, то в РФ на начало десятилетия он составлял менее 10–11 роботов[1].

Для стимулирования развития промышленной робототехники в России правительство разрабатывает и реализует различные меры поддержки. Среди них:

- субсидии и гранты для предприятий, внедряющих роботов;
- налоговые льготы для компаний, занимающихся разработкой и производством роботов;
- создание инфраструктуры для обслуживания и ремонта роботов.

По состоянию на 2026 г. в рамках федерального проекта «Развитие промышленной робототехники и автоматизации производства» Минпромторг РФ и ключевые российские институты развития сформировали комплекс мер поддержки, разделенный на два направления: стимулирование спроса для покупателей роботов и поддержка предложения для разработчиков и интеграторов[2].

Для покупателей роботов (промышленных предприятий):

- *промышленный «кешбэк»* – субсидия, позволяющая предприятиям обрабатывающей промышленности вернуть до 20% затрат на внедрение промышленных роботов;
- *льготное кредитование* и лизинг для закупки роботизированных комплексов;
- программа льготного лизинга промышленной робототехники.

Для производителей роботов:

- *гранты на НИОКР*: поддержка разработки новых моделей отечественных роботов и компонентов;
- *налоговые льготы* – преференции для компаний, занимающихся созданием высокотехнологичных решений;

[1] Темпы роботизации в России отстают почти в 2,4 раза. – URL: https://technored.ru/news/temp-robotizazii (дата обращения: 31.08.2026).

[2] Предприятия России и Беларуси заменяют на тяжелых производствах людей роботами. – URL: https://www.sb.by/articles/stoyat-u-stali.html (дата обращения: 07.05.2026).

- *льготное финансирование* – выделение средств на расширение производственных мощностей (в 2026 году на поддержку отрасли запланировано более 9 млрд росс. руб.).

Для интеграторов:

- *субсидирование инжиниринга* – поддержка компаний, которые занимаются проектированием и установкой роботов на производствах;
- *центры развития* – создание сети центров промышленной робототехники (в 2026 году планируется открыть минимум три крупных подразделения, в том числе при университете Иннополис для обучения кадров и предоставления технологических услуг).

Наиболее популярными мерами государственной поддержки развития промышленной робототехники у промышленных предприятий являются:

1) *кластерная инвестиционная платформа*. Предоставление льготных кредитов российским промышленным предприятиям для реализации инвестиционных проектов по производству приоритетной продукции;

2) *специальный инвестиционный контракт*. По контракту инвестор обязуется реализовать инвестиционный проект, в свою очередь, государство гарантирует инвестору стабильность условий, предоставляет меры господдержки, такие как налоговые льготы и субсидии;

3) *подтверждение производства промышленной продукции на территории РФ*. Используется для установления политики запретов и ограничений на госзакупку иностранной промышленной продукции и как мера стимулирования деятельности отечественных промышленных предприятий;

4) *субсидия на финансовое обеспечение затрат на НИОКР* по современным технологиям. Размер субсидии может составлять до 70% затрат организаций на проведение НИОКР, возникающих не ранее календарного года получения субсидии;

5) *субсидия на возмещение затрат, связанных с роботизацией производства*. Возмещение 20% расходов на внедрение промышленной робототехники.

Таким образом, государственная поддержка развития промышленной робототехники в России направлена на вхождение страны в топ-25 государств мира по плотности роботизации к 2030 г. Для достижения этой цели Минпромторг РФ сформировал комплексную систему поддержки, финансирование которой на трехлетний период (2026–2028 гг.) запланировано в объеме около 43 млрд росс. руб.[3]

Производители должны активно использовать эти возможности для защиты инвестиций. Использование мер господдержки позволит найти инновационные роботизированные решения и придаст импульс развития всей отрасли.

[3] Минпромторг анонсировал ₽43 млрд на роботизацию промышленности. – URL: https://finance.mail.ru/article/minpromtorg-anonsiroval-43-mlrd-na-robotizaciyu-promyshlennosti-68303439 (дата обращения: 07.05.2026).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСОВЫМИ ПОТОКАМИ МЯСОПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ОТРАСЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ИНСТРУМЕНТЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Бойко Е.В.,

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

В современных макроэкономических условиях мясоперерабатывающая промышленность выступает стратегически важным сегментом агропромышленного комплекса, обеспечивающим продовольственную безопасность и удовлетворение базовых потребностей населения. Целью данной статьи является исследование отраслевой и регуляторной специфики формирования финансовых

потоков белорусских мясокомбинатов и обоснование научно-практических инструментов повышения эффективности управления ими. Финансовая архитектура предприятий мясоперерабатывающей отрасли формируется под воздействием ряда уникальных технологических, рыночных и нормативно-правовых факторов, которые предопределяют структуру и динамику денежных потоков. Затраты на закупку живого скота, охлажденного и замороженного мяса составляют от 70% до 85% в общей структуре себестоимости готовой продукции. Поставщики сельскохозяйственного сырья, как правило, работают на условиях предоплаты или краткосрочной отсрочки платежа. В то же время ключевые каналы сбыта диктуют условия долгосрочной отсрочки платежа (до 30–45 дней). Деятельность белорусских мясоперерабатывающих организаций находится под постоянным воздействием постановления Совета Министров Республики Беларусь от 19 октября 2022 г. № 713 «О системе регулирования цен». Включение мясной продукции в перечень регулируемых потребительских товаров накладывает жесткие рамки на формирование входящего денежного потока от реализации на внутреннем рынке. Организации ограничены в возможностях свободного изменения отпускных цен, что требует от финансовой службы ювелирной точности при калькулировании себестоимости и обосновании нормативов рентабельности [1], где должны четко дифференцироваться затраты по видам товаров, поскольку превышение лимитов рентабельности или несанкционированное повышение цен влечет за собой жесткие административные и финансовые санкции. Важнейшим аналитическим показателем становится длительность финансового цикла. Специфика отрасли требует, чтобы период оборота запасов стремился к минимуму, период оборота дебиторской задолженности жестко контролировался в рамках лимитов, а период оборота кредиторской задолженности максимизировался без ущерба для репутации перед поставщиками скота. Главным стратегическим инструментом повышения эффективности и максимизации входящего денежного потока становится диверсификация сбыта и наращивание экспорта. Финансовый менеджмент организации должен переориентировать свободные мощности на внешние рынки, где ценообразование является свободным [1]. Основным катализатором и механизмом поддержки выступает инструментарий Указа Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 534 «О содействии развитию экспорта товаров (работ, услуг)». Внедрение механизмов льготного экспортного кредитования позволяет мясоперерабатывающей организации радикально трансформировать структуру своего капитала [1, 2]. В рамках Указа № 534 уполномоченные коммерческие банки и Банк развития предоставляют белорусским экспортерам льготные кредиты на закупку сырья (живого скота) под исполнение экспортных контрактов. Сниженная процентная ставка минимизирует средневзвешенную стоимость капитала [1–3]. Под уступку денежного требования по экспортным контрактам мясокомбинат получает немедленный приток высоколиквидной валютной выручки. Это полностью ликвидирует временные разрывы, возникающие при работе с зарубежными контрагентами [1]. Обязательное условие льготного финансирования – страховое покрытие через БРУП «Белэксимгарант» – минимизирует коммерческие и политические риски неплатежей от иностранных покупателей, защищая чистый денежный поток организации от безвозвратных потерь [1, 2]. Внутренние потоки оптимизируются за счет автоматизации платежного календаря и централизации финансов. Совершенствование управления финансовыми потоками на предприятиях мясоперерабатывающей промышленности Республики Беларусь – это непрерывный процесс балансирования между жесткими регуляторными ограничениями внутреннего рынка и возможностями внешнеэкономической деятельности.

Реализация предложенного комплекса мер – переход на попроцессное калькулирование, автоматизация управления финансами и, главное, активное использование механизмов финансовой поддержки экспорта в рамках Указа № 534 – позволяет обеспечить высокую рентабельность и ликвидность бизнеса. Перенос акцента на экспортное кредитование стабилизирует входящие финансовые потоки, снижает стоимость заемного капитала и закладывает прочный фундамент для долгосрочного устойчивого роста перерабатывающей организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. О содействии развитию экспорта товаров (работ, услуг): Указ Президента Респ. Беларусь от 25 авг. 2006 г. № 534 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 143. – 1/7877.

2. О системе регулирования цен: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 19 окт. 2022 г. № 713 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22200713.

3. Ванкевич, Е. В. Экономика и управление организацией АПК: учеб. пособие / Е. В. Ванкевич. – Мн.: ИВЦ Минфина, 2021. – 324 с.

4. Ковалев, И. И. Управление финансовыми потоками в пищевой промышленности: современные вызовы и инструменты / И. И. Ковалев // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2024. – № 2. – С. 45–52.

ВЛИЯНИЕ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ НА ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

Бойко М.В.,

Академия национального образования, г. Минск

В условиях современной глобальной экономики, характеризующейся ускоренной технологической трансформацией и переходом к парадигме Индустрии 4.0, конкурентоспособность реального сектора напрямую зависит от квалифицированных кадров. Высшие учебные заведения перестают быть исключительно образовательными центрами, чья функция сводится к передаче знаний. Они становятся ключевыми элементами экосистемы развития регионов и отраслей, выступая в роли места генерации новых знаний и технологий, подготовки кадров с востребованными компетенциями и драйверов структурных изменений.

Согласно исследованию, проведенному китайскими учеными, установлено, что увеличение доли населения с высшим образованием в возрасте от 25 до 64 лет, способствует росту уровня ВВП. Результаты были получены на основании данных Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Всемирного банка из 38 стран за период с 1995 по 2021 год [1].

Анна Валеро и Джон ван Ренен в научной статье, основанной на материалах из 78 стран за период с 1950 по 2010 год, установили корреляцию между увеличением на 10% числа университетов и ростом уровня ВВП на душу населения региона более чем на 0,4% [2]. Данные показатели достигаются благодаря формированию вузами кадрового потенциала страны, повышающего производительность труда и создающего конкурентноспособную продукцию на мировом рынке.

Следует отметить, что влияние университета на экономические процессы реального сектора экономики зависит от обуславливающих его функции ключевых факторов: степени развития материально-технической базы; количественного и качественного кадрового состава; финансового обеспечения.

Финансирование имеет первостепенное значение для развития вузов и обеспечения качества образовательного процесса. Достаточное ресурсное покрытие позволяет привлекать высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав посредством установления конкурентоспособного уровня оплаты труда, а также внедрять передовые педагогические технологии.

Финансовое обеспечение материально-технической базы (научных лабораторий, компьютерных центров, виртуальных тренажеров) позволяет получать студентам необходимый уровень знаний и компетенций, а таже совершать научные открытия, которые впоследствии ложатся в основу технологических укладов. Напротив, финансовый дефицит приводит к моральному устареванию инфраструктуры вуза и оттоку ведущих ученых за рубеж [3].

Системное недофинансирование системы высшего образования генерирует ряд негативных последствий для реального сектора экономики: эрозия технологического суверенитета (зависимость

отраслей от импорта иностранных технологий); снижение инвестиционной привлекательности (отсутствие кадрового потенциала блокирует приток прямых инвестиций в высокотехнологичные секторы).

Для максимизации вклада высшей школы в развитие экономики страны необходима реализация комплексной стратегии, направленной на повышение финансовой устойчивости вузов. Данная стратегия должна базироваться на диверсификации источников доходов, включая создание и функционирование эндаумент-фондов, реализации государственного-частного партнерства в сфере высшего образования, а также на создании институциональных условий для глубокой интеграции академической среды с реальным сектором экономики [4].

Таким образом, экономический эффект деятельности вузов выражается в росте ВВП страны и повышении производительности труда за счет притока квалифицированных специалистов. Современные университеты осуществляют коммерциализацию научных разработок, выполняют научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы для нужд промышленности и формирования технологических компетенций, необходимых для импортозамещения и технологического суверенитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. How popularising higher education affects economic growth and poverty alleviation: empirical evidence from 38 countries / J. Li, E. Xue, Y. Wei [et al.] // Humanities and Social Sciences Communications. – 2024. – Vol. 11, № 1. – Art. № 520. – DOI: 10.1057/s41599-024-03013-5.

2. Valero, A. The economic impact of universities: evidence from across the globe / A. Valero, J. Van Reenen // Economics of Education Review. – 2019. – Vol. 68. – P. 53–67. – DOI: 10.1016/j.econedurev.2018.09.001.

3. Бойко, М. В. Финансирование системы высшего образования: проблемы и перспективы / М. В. Бойко, С. А. Касперович // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. Сер. Филос.-гуманитар. науки. – 2024. – Вып. 23, ч. 2. – С. 207–212.

4. Бойко, М. В. Эндаумент-фонды как дополнительный источник финансирования образования / М. В. Бойко, С. А. Касперович // Новости науки и технологий. – 2025. – № 3(74). – С. 32–36.

Исследование выполнено при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20250910.

ВЛИЯНИЕ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО БАЛАНСА НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ

Брель С.А.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Конкурентоспособность реального сектора зависит не только от технологий, но и от условий энергоснабжения. Для Беларуси, где импорт ТЭР превышает 99% и сосредоточен у одного поставщика, ценовые и логистические шоки прямо влияют на себестоимость и экспорт. В связи с этим диверсификация энергобаланса выступает в качестве практического инструмента снижения рисков и повышения ценовой устойчивости товаров.

Чтобы оценить, насколько эта диверсификация уже влияет на экономику, был построен интегральный индекс энергетической безопасности. Он агрегирует три ключевых компонента: долю возобновляемых источников в конечном потреблении, энергоэффективность экономики (ВВП на единицу энергии) и долю ископаемого топлива в энергобалансе. Такая структура позволяет дать количественную оценку уровня энергобезопасности и степени диверсификации, что в конечном счете отражает способность экономики противостоять внешним ценовым и логистическим шокам. Распределение стран по итоговому значению индекса в 2022 г. представлено в табл.

Таблица

Интегральный индекс энергетической безопасности по странам за 2022 г.

Страна	Интегральный индекс	Ранговое место
Республика Беларусь	44,53	4
Болгария	87,12	1
Молдова	85,37	2
Российская Федерация	9,73	5
Армения	49,25	3

Источник: авторская разработка на основе URL: https://www.iea.org/data-and-statistics/data-tools/energy-statistics-data-browser?country=BELARUS&fuel=Energy%20transition%20indicators&indicator=EEIManufacturing; URL: https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=BX.GRT.EXTA.CD.WD&country=.

Беларусь по итогам 2022 г. занимает четвертое место среди пяти сравниваемых стран (индекс 44,53 против 87,12 у Болгарии и 9,73 у России). Однако гораздо важнее статичной позиции выраженная положительная динамика: с 2018 по 2022 г. индекс вырос с 34 до почти 45, что совпадает с началом эксплуатации БелАЭС. Корреляционный анализ подтверждает эту связь – между ростом доли ВИЭ и повышением энергоэффективности для Беларуси зафиксирована очень сильная прямая зависимость ($r = 0{,}824$), что говорит о реальном, а не статистическом характере изменений. С 2020 г. доля природного газа в генерации тепла и электроэнергии снизилась с 91,5% до 74,4%, а объем его импорта сократился более чем на 5 млрд м^3 – это прямая экономия валютных средств, которые могли бы быть направлены предприятиями на модернизацию[1]. Тем не менее энергоемкость ВВП остается на предкритическом уровне – 354 кг у.т. на млн руб. при пороговом значении 160 кг у.т. на млн руб., что свидетельствует о сохраняющемся резерве для повышения конкурентоспособности за счет дальнейшего снижения энергозатрат[2].

Интегральный индекс характеризует структурное состояние энергетической системы, но не раскрывает, как изменения в этой системе отражаются на макроэкономических показателях. Для количественной оценки этого эффекта с помощью регрессионного анализа в EViews была проведена оценка влияния внешних энергетических факторов на макроэкономическую динамику. Модель, построенная на стационарных рядах (после логарифмирования и взятия первых разностей), показала, что увеличение экспорта нефтехимической продукции на 1 доллар в среднем дает прирост ВВП на 0,29 доллара (значимость 99,9%), а снижение цены импорта нефти на 1 доллар увеличивает ВВП на 0,26 доллара (значимость 95,4%). Эти цифры наглядно демонстрируют, насколько зависим реальный сектор от бесперебойной работы нефтеперерабатывающих заводов и от ценовой конъюнктуры на сырье – любой сбой в поставках или резкий скачок цен немедленно отражается на загрузке мощностей и, следовательно, на экспортной выручке.

Из проведенного анализа вытекают практические направления, способные одновременно укрепить энергобезопасность и повысить конкурентоспособность промышленности. Во-первых, дальнейшее снижение доли природного газа в производстве тепловой и электрической энергии – с текущих 74,4% до целевых 50% – за счет работы БелАЭС на полной мощности и перспективного строительства второй станции, что позволит сократить импорт газа ещё примерно на треть и высвободить ресурсы для инвестиций в основные фонды. Во-вторых, формирование единого рынка нефти и газа в рамках ЕАЭС с биржевыми механизмами способно защитить внутренних потребителей от внешних ценовых шоков и выровнять конкурентные условия для белорусских производителей по сравнению с российскими. В-третьих, внедрение интеллектуальных сетей и систем накопления энергии (в том

[1] Energy Statistics Data Browser. – URL: https://www.iea.org/data-and-statistics/data-tools/energy-statistics-data-browser?country=BELARUS&fuel=Energy%20transition%20indicators&indicator=EEIManufacturing (дата обращения: 26.08.2026).

[2] Энергоемкость ВВП (ВВП в ценах 2005 г.) энергоснабжению // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10207000009 (дата обращения: 26.08.2026).

числе водородных) позволит снизить потери при передаче и повысить гибкость энергосистемы, что особенно важно при интеграции возобновляемых источников энергии. Наконец, государственная поддержка энергосберегающих проектов в реальном секторе и активное использование местной биомассы и гидроэнергии могут приблизить нас к целевому показателю энергоемкости ВВП – 160 кг у.т. на млн руб., что даст ощутимое снижение себестоимости продукции.

Таким образом, диверсификация энергобаланса оказывается не просто условием национальной безопасности, но и конкретным рычагом повышения конкурентоспособности. Предложенные меры позволяют не только уменьшить зависимость от внешних факторов, но и напрямую сократить производственные издержки, расширить экспортный потенциал и создать более устойчивую основу для долгосрочного экономического роста.

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЕАЭС И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ

Британова А.А.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Структурная трансформация экономик ЕАЭС протекает на фоне неоднородной макроэкономической динамики: согласно прогнозу ЕЭК, в 2026–2027 годах среднегодовой темп роста составит около 2,5%, при этом основным драйвером выступает внутренний спрос[1]. Статистика за I полугодие 2026 г. демонстрирует разнонаправленные тенденции и структурные различия стран (табл.).

Таблица

Ключевые показатели ЕАЭС за I полугодие 2026 г. (% к 2025 г.)[2]

Страна	ВВП (I квартал 2026 г.)	Промышленность	Инвестиции	Сельское хозяйство	Строительство	Торговля
ЕАЭС	+0,2	+0,7	-11,8	+0,3	-2,7	+5,5
Армения	+4,0	+10,8	+22,0	-10,9	+20,9	+5,7
Беларусь	-0,2	-0,7	-2,7	+4,7	+2,0	+7,6
Казахстан	+3,0	+3,5	+6,4	+4,4	+15,2	+3,8
Кыргызстан	+10,1	+12,7	+25,5	+4,3	+70,0	+16,3
Россия	-0,2	+0,4	-14,3	-0,8	-5,0	+5,4

Источник: Департамент статистики ЕЭК, 2026.

Лидеры по росту промышленности и инвестиций – Кыргызстан и Армения, но их доля в совокупной экономике союза незначительна[3]. Снижение промпроизводства в Беларуси на 0,7% и падение инвестиций в России на 14,3% на фоне роста торговли указывают на необходимость углубленной структурной перестройки производственных мощностей.

Значимое структурное изменение – кардинальная переориентация внешнеторговых связей: в 2019 г. на развитые экономики приходилось 60% внешней торговли, сейчас – ниже 20%. Доля стран с формирующимися рынками выросла с 40% до 80% при сохранении общего объема торговли[4].

[1] Сделан прогноз по развитию экономики в странах ЕАЭС. – URL: https://tj.sputniknews.ru/20260303/prognoz-razvitiu-ekonomika-eaeu-1075722340.html (дата обращения: 03.09.2026).

[2] Как выросла экономика ЕАЭС, включая Армению, в I полугодии URL: https://am.sputniknews.ru/20260814/kak-vyrosla-ekonomika-eaes-vklyuchaya-armeniyu-v-i-polugodii--dannye-105747469.html. – (дата обращения: 03.09.2026).

[3] URL: https://am.sputniknews.ru/20260814/kak-vyrosla-ekonomika-eaes-vklyuchaya-armeniyu-v-i-polugodii--dannye-105747469.html (дата обращения: 03.09.2026).

[4] Плюс 22 млрд долл. США. В ЕАЭС спрогнозировали эффект от торговых соглашений с азиатскими странами URL: https://virtualbrest.ru/news190643.php (дата обращения: 03.09.2026).

Указанные тенденции создают возможности для повышения конкурентоспособности: в 2025 году взаимная торговля ЕАЭС достигла 95 млрд долл. США, внешняя – 700 млрд долл. США[5]. Закрепить эти изменения призваны новые соглашения с Монголией, ОАЭ, Индонезией и Индией, которые обеспечат 22 млрд долл. США экспорта и создание 340 тыс. рабочих мест[6].

Обеспечение устойчивости позитивных структурных изменений требует технологической модернизации. В 2025 г. Совет ЕЭК принял рекомендацию о Стратегической программе научно-технического развития ЕАЭС для повышения технологического уровня экономик через совместные инновационные проекты. Ее актуальность обусловлена низкой роботизацией в странах ЕАЭС: в Казахстане – около 10 роботов на 10 тыс. промышленных работников, в Армении, Беларуси и Кыргызстане – около 5 при среднемировом уровне 200–400 роботов, что является фактором, сдерживающим рост производительности труда и повышающим себестоимость. Переход к разработке национальных программ и межгосударственной координации в робототехнике, а также базовая автоматизация позволяет повысить производительность на 15–30% без значительных инвестиций, что важно для Центральной Азии.

Дополнительным институциональным стимулом для бизнеса станет вводимый с 1 сентября 2026 г. в ЕАЭС механизм прослеживаемости иностранных товаров (на первом этапе – на отдельные группы бытовой техники). Он обеспечит защиту от недобросовестной конкуренции, подтверждение легальности ввоза для покупателя и послужит предпосылкой для структурной трансформации и повышения конкурентоспособности легального производства.

Ключевым инструментом финансового стимулирования стал обновленный в 2026 г. механизм содействия промышленной кооперации. В рамках его совершенствования унифицированы требования к документации, внедрена периодичность отбора проектов, созданы условия для инновационной деятельности, что позволит снизить административные барьеры, повысить вовлеченность бизнеса в кооперационные проекты и тем самым ускорить импортозамещение.

Таким образом, структурная трансформация экономик ЕАЭС носит двойственный характер: позитивная динамика торговли и переориентация на рынки развивающихся стран сочетаются с низкой инвестиционной активностью, технологическим отставанием и неравномерностью развития. Дальнейшее углубление интеграции требует перехода от экстенсивных факторов роста к интенсивным через стимулирование инвестиций, технологическую модернизацию и институциональные улучшения, что в совокупности создаст условия для устойчивого повышения конкурентоспособности экономик ЕАЭС.

[5] Объем взаимной торговли стран ЕАЭС достиг 95 млрд долларов и демонстрирует устойчивый рост URL: https://www.sb.by/articles/ermolovich-obem-vzaimnoy-torgovli-stran-eaes-dostig-95-mlrd-dollarov-i-demonstriruet-ustoychivyy-ros.html?amp=1 (дата обращения: 03.09.2026).

[6] Новые торговые соглашения ЕАЭС позволят создать более 300 тысяч дополнительных рабочих мест URL: https://eec.eaeunion.org/news/andrey-slepnev-novye-torgovye-soglasheniya-eaes-pozvolyat-sozdat-bolee-300-tysyach-dopolnitelnykh-ra/ (дата обращения: 03.09.2026).

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ FOOD-TECH-ИНДУСТРИИ БЕЛАРУСИ

Бурачевский А.А.,

кандидат экономических наук, доцент,
НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

В рамках выполнения исследования динамики развития отраслей пищевой промышленности в мировом масштабе и установления обусловливающих ее факторов определены следующие актуальные для организаций Беларуси направления технологического совершенствования производства.

1. Апсайклинг и максимизация углубления переработки.

Важным в данном случае является внедрение «сквозных» для современной Food-tech-индустрии технологий: ферментативного гидролиза, криогенного измельчения, CO_2-экстракции, кавитационной обработки, а также мембранных технологий (микро-, ультра-, нанофильтрации, обратного осмоса, электродиализа и др.). В результате будут получены значительный экономический (например, выработка продуктов с высокой добавленной стоимостью), социальный (насыщение рынка функциональными продуктами питания), экологический (организация замкнутого цикла водопотребления) и технологический (автоматизация производственных процессов, энергосбережение и др.) эффекты.

2. Экологизация жизненного цикла продукции.

Данное направление предполагает снижение углеродного и азотного следов предприятий, сокращение их энергопотребления, а также полный отказ от первичного пластика с целью соответствия экологическим стандартам приоритетных экспортных рынков. Для этого необходимы проведение модернизации по концепции ресурсоэффективного и чистого производства, интеграция в энергосистему организаций биогазовых установок, модификация «холодной цепи» на основе природных хладагентов, внедрение энергоэффективных методов обработки сырья (высоким давлением (HPP), импульсным электрическим полем (PEF) или холодной плазмой), расширение практики применения биоразлагаемой (на основе крахмала, хитозана, полилактида), полностью перерабатываемой и «умной» (активной) экоупаковки.

3. Интеграция IoT и ИИ для обеспечения прозрачности поставок – непременное условие расширения географии и увеличения объемов экспорта, а также заключения долгосрочных контрактов с крупными международными ритейлерами.

Это предполагает внедрение RFID и радиочастотных меток для автоматического трекинга партий, переход на облачные сервисы для сбора и хранения данных с IoT-устройств, разворачивание систем компьютерного зрения на конвейерах, необходимость согласования протоколов обмена информацией с ритейлерами / поставщиками и обеспечения защиты каналов передачи данных от IoT-датчиков к серверам и др.

4. Роботизация и предиктивная аналитика процессов – катализаторы роста производительности.

Повышение эффективности функционирования отечественных субъектов Food-tech в современных условиях дефицита кадров требует, с одной стороны, интенсивного внедрения AMR- и дельта-роботов, упаковщиков с автоматическим нанесением цифровой маркировки, паллетайзеров, SCADA-систем автоматизированного управления процессами, автоматических складов (WMS) с беспилотными погрузчиками и AGV-тележками, с другой – перехода к проактивному управлению процессами обслуживания цепочек поставок и техники, оптимизации технологических режимов и прогнозирования сроков годности и динамики качества продукции.

5. Направленная биотрансформация.

Применение иммобилизованных ферментов (энзимов), а также генетически модифицированных и дизайнерских штаммов позволяет получать идеальные эквиваленты масла какао или жиры-заменители грудного молока с высоким содержанием OPO-триглицеридов, вырабатывать пребиотики высокого порядка (сахар с нулевой калорийностью, углеводы для спортсменов, высокоочищенные галактоолигосахариды для детских смесей), проводить направленный гипоаллергенный гидролиз, синтез чистых вкусоароматических веществ и др.

Практическая реализация выделенных направлений сопряжена со значительными долгосрочными инвестициями в Food-tech-индустрию. Однако полученный эффект, выраженный, например, в увеличении размеров экспортного фонда агропродовольственной продукции, улучшении качества питания населения, создании дополнительных возможностей развития и наращивания производства в смежных отраслях, будет иметь стратегический характер.

ЦИФРОВЫЕ КОРИДОРЫ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЭКСПОРТА ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ващило А.А.,

Институт бизнеса Белорусского государственного университета, г. Минск

Экспорт транспортно-логистических услуг формирует значимую часть внешней торговли услугами Республики Беларусь. В условиях переориентации грузопотоков конкурентоспособность национального участка евразийского маршрута определяется уже не только тарифом и сроком доставки, но и качеством цифровой среды. Под цифровым коридором в статье понимается транспортный маршрут со сквозным безбумажным сопровождением груза: электронным предварительным информированием, электронными навигационными пломбами, электронными транспортными документами и автоматическим выпуском таможенных деклараций [1]. Актуальность задачи усиливается тем, что Беларусь не является членом ВТО и обязательства по упрощению процедур торговли на нее не распространяются, поэтому цифровизация транзита выступает добровольным инструментом конкуренции за грузопотоки.

Беларусь располагает базовыми элементами такого коридора. Электронное предварительное информирование обязательно на автомобильном транспорте с 2012 г., на железнодорожном – с 2014 г.; срок выпуска транзитной декларации ограничен четырьмя часами[1]. Доля автоматического выпуска экспортных деклараций достигла 59% при целевом уровне 75%[2]. С 2019 г. страна участвует в протоколе e-CMR об электронной накладной. С 27 января 2025 г. навигационные пломбы применяются в транзите Союзного государства (16 пунктов пропуска, задействовано более 10,5 тыс. пломб), а с февраля 2026 г. начато их применение по соглашению ЕАЭС[3]. Институциональную основу взаимодействия с КНР укрепляют взаимное признание уполномоченных экономических операторов (с 2019 г.) и соглашение ЕАЭС – КНР об обмене таможенной информацией (с 2020 г.). Инфраструктурным ядром коридора выступает терминал Брест-Северный, обрабатывающий свыше 300 тыс. контейнеров в год при времени оформления около 8 часов.

Международный опыт демонстрирует масштаб потенциального эффекта. В Египте перевод предварительного декларирования на блокчейн-платформу сократил средний срок выпуска грузов с 29 до менее чем 6 суток, а издержки соответствия – с 600 до 175 долл. США на партию; китайский портовый сервис «Linked Port» уменьшил цикл экспортного оформления с 5–7 до 2 суток при снижении издержек на 30%[4]. Одновременно закрытие в 2023 г. платформы TradeLens показало, что цифровые коридоры жизнеспособны лишь при нейтральном операторе и критической массе участников сети [2]. Резерв велик: на одну международную отправку приходится до 50 документов, а в цифровой форме обращается лишь около 1% коносаментов[5].

Для Беларуси цифровой коридор означает переход от продажи «транзитного километра» к экспорту пакета услуг с высокой добавленной стоимостью: экспедирования, консолидации сборных грузов, таможенного представительства, страхования и сопутствующих финансовых сервисов, сопровождаемых данными в режиме реального времени [3]. Предсказуемость сроков позволяет позиционировать белорусский участок маршрута Китай – Европа в премиальном сегменте и наращивать валютную выручку без пропорционального роста физических объемов перевозок.

[1] Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г., ст. 119.

[2] Государственный таможенный комитет Республики Беларусь. – URL: https://gtk.gov.by/ (дата обращения: 31.08.2026).

[3] Соглашение о применении в Евразийском экономическом союзе навигационных пломб для отслеживания перевозок : подписано 19 апреля 2022 г. // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/ (дата обращения: 31.08.2026).

[4] По материалам платформ CargoX (Египет) и Linked Port (КНР). – URL: https://cargox.io/. (дата обращения: 31.08.2026).

[5] The multi-billion-dollar paper jam: Unlocking trade by digitalizing documentation // McKinsey & Company. – URL: https://www.mckinsey.com/ (date of access: 31.08.2026).

Экспортный потенциал цифрового коридора опирается и на терминальную инфраструктуру. Во второй половине 2026 г. в индустриальном парке «Великий камень» (более 170 резидентов) планируется ввод терминала GREATPORT мощностью до 500 тыс. ДФЭ в год. Сервисной надстройкой выступают сборные поезда «Колосок» и «Василек», принимающие партии от одной европаллеты: на консолидированных отправках цифровое сопровождение дает наибольший прирост добавленной стоимости.

Сдерживающими факторами остаются несогласованность технического протокола информационного обмена ЕАЭС – КНР, неучастие КНР в e-CMR, необходимость гармонизации стандартов данных. Приоритетными направлениями представляются доведение автоматического выпуска деклараций до целевого уровня, интеграция навигационных пломб в единый сервис отслеживания, формирование на базе индустриального парка «Великий камень» цифрового логистического хаба евразийского значения. Реализация этих мер способна превратить цифровизацию из статьи затрат в самостоятельный источник экспорта услуг и фактор долгосрочной конкурентоспособности транспортного комплекса страны. Действия целесообразно выстраивать поэтапно: от гармонизации данных в ЕАЭС – к сопряжению с китайскими платформами и сквозному сервису для грузовладельцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tapscott, D. Blockchain Revolution: How the Technology Behind Bitcoin Is Changing Money, Business, and the World / D. Tapscott, A. Tapscott. – New York: Portfolio / Penguin, 2016. – 368 p.

2. Ivanov, D. Viability of intertwined supply networks: extending the supply chain resilience angles towards survivability / D. Ivanov, A. Dolgui // International Journal of Production Research. – 2020. – Vol. 58, № 10. – P. 2904–2915.

3. Курочкин, Д. В. Логистика и управление цепями поставок: практ. пособие / Д. В. Курочкин. – Минск: Альфа-книга, 2016. – 783 с.

ИМПЕРАТИВ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ В ЭКОНОМИКЕ ЗАМКНУТОГО ЦИКЛА

Венгер С.О.,

Международный институт управления и предпринимательства, г. Минск

Согласно Национальной стратегии развития экономики замкнутого цикла (циркулярной экономики) Республики Беларусь на период до 2035 г., главными секторами реализации принципов циркулярной экономики выбраны промышленность (древообрабатывающая, добывающая, пищевая), строительство и эксплуатация зданий, сельское и лесное хозяйство, транспорт, ЖКХ, сфера услуг. Максимальное использование исходных сырья и материалов, а также предотвращение образования отходов являются одним из приоритетных направлений государственной экологической политики [2].

Развитие экономики замкнутого цикла способствует углублению интеграции в рамках ЕАЭС путем следования Рекомендации Коллегии Евразийской экономической комиссии от 14 ноября 2023 г. № 32 «О Концепции внедрения принципов «зеленой» экономики в Евразийском экономическом союзе» при разработке мер по осуществлению перехода к «зеленой» экономике [1]. Другими причинами развития экономики замкнутого цикла в республике стали: необходимость выполнения республикой международных требований к продукции по критериям циркулярности для повышения конкурентоспособности на внешних рынках; выполнения соглашений по экологизации реального сектора экономики; требований применения принципов ресурсо- и энергоэффективности, что приведет к снижению себестоимости продукции; совершенствование системы раздельного сбора ТКО в соответствии с общеевропейскими критериями и др. [3].

Результатами успешной реализации проектов, соответствующих принципам циркулярной экономики, можно назвать: снижение энергоемкости валового внутреннего продукта с 423,8 кг условного топлива/млн руб. (ВВП в ценах 2005 года) в 2010 г. до 367 кг в 2022 г., что свидетельствует об эффективности применения энергосберегающих технологий и снижении негативных последствий воздействия на окружающую среду. С 2016 по 2022 г. в 2,3 раза сократился объем сброса недостаточно очищенных сточных вод в поверхностные водные объекты. Расход вод в системах оборотного и повторно-последовательного водоснабжения за последние пять лет увеличился на 1,5 млрд. м3. Экономия воды в результате внедрения таких систем водоснабжения составляет 94,5%. На предприятиях страны внедряются инновационные процессы переработки отходов, снижения загрязнения окружающей среды и экономии используемых ресурсов.

Основными индикаторами эффективности реализации Национальной стратегии до 2035 г. определены показатели, характеризующие экологическую и ресурсную эффективность экономики: снижение энергоемкости ВВП, увеличение объема производства (добычи) первичной энергии из возобновляемых источников энергии, снижение интенсивности образования отходов производства на единицу ВВП, повышение эффективности водопользования и другие [1].

По нашему мнению, представление экономики замкнутого цикла акцентировано вокруг экологического императива, а экономическая эффективность ограниченно выражается через экономию ресурсов. Четко расставлены акценты экологичности, связанные с многоразовостью использования предметов и рациональностью потребительского и производственного потребления. С этих позиций рассматривается и применение технологий и инноваций в экономике замкнутого цикла. Однако при реализации принципов и задач экономики замкнутого цикла следует добавить императив роста добавленной стоимости. Совершенствование производственных и потребительских процессов должно быть оценено не только через достигнутую экономию ресурсов, но прежде всего через принесенную отдачу, через рост добавленной стоимости, созданной в производственной цепи замкнутого цикла путем углубления специализации, расширения ассортимента производимой конечной и промежуточной продукции, при совершенствовании технологий вторичного использования ресурсов и симбиотической синергии, позволяющей произвести новую продукцию и увеличить продажи и выручку.

Видится, что такой подход на микро- на макроуровне будет более действенен для технико-экономических и социальных процессов экономики замкнутого цикла, чем факт несоответствия международным требованиям экологичности. Акцент будет не на стремлении к тощей экономии ресурсов, а на оптимальности их расходования ресурсов. Отсюда будут формироваться средства для реализации механизмов и задач экономики замкнутого цикла.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Национальной стратегии развития экономики замкнутого цикла (циркулярной экономики) Республики Беларусь на период до 2035 года: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 29 мая 2024 г. № 393 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22400393 (дата обращения: 23.10.2024).

2. Батова, Н.Н. Развитие циркулярной экономики в Республике Беларусь: от пилотных проектов к обществу замкнутого цикла / Н. Н. Батова // Современные проблемы обеспечения экономической безопасности: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25 апр. 2024 г.: в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т; редкол. А. А. Королёва (гл. ред.) [и др.]. – Мн.: БГУ, 2024. – Ч. 1. – С. 12–16.

3. Шимова, О.С. Экономика замкнутого цикла: окно возможностей для Беларуси / О.С. Шимова // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: программа XII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16 мая 2019 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т [и др.]. – Минск: БГЭУ, 2019. – С. 72–73.

ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЕЕ ОЦЕНКА НА СУБЪЕКТЕ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ АСПЕКТ ПОВЫШЕНИЯ ЕГО КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Виногоров Г.Г.,

кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Одна из актуальнейших проблем функционирования субъектов хозяйствования в современных условиях – это внедрение цифровой трансформации, что дает ему неоспоримые преимущества в повышении конкурентоспособности. Система показателей, характеризующих уровень цифровизации разных субъектов хозяйствования, была разработала ОАО «Гипросвязь» [1]. Вместе с тем в специальной экономической литературе автор не встретил оценку экономической эффективности внедренной цифровой трансформации [2,3].

Автором впервые была предпринята попытка оценки эффективности уже внедренной цифровой трансформации через показатель рентабельности:

$$Р_{ц.т.} = \frac{П}{С} \times 100 = \frac{Ц - (МЗ + ТЗ + ОУ + ПК)}{МЗ + ТЗ + ОУ + ПК} \times 100,$$

где *Ц* – продажная (отпускная) цена без налогов, уплаченных из выручки, ли́бо как разница между фактической и плановой величиной понесенных расходов;

МЗ – материальные затраты;

ТЗ – трудовые затраты;

ОУ – расходы по обслуживанию производства и управлению им;

ПК – прочие комплексные расходы.

Имеем кратный тип модели факторной системы. Для расчета влияния факторов используется прием цепных подстановок. Уровни показателей представлены в табл. 1.

Таблица 1

Уровни показателей

Уровень рентабельности	Объем продукции (продажная или отпускная цена) (*ОП; Ц*)	Материальные затраты (*МЗ*)	Трудовые затраты (*ТЗ*)	Расходы по обслуживанию производства и управлению им (*ОУ*)	Прочие комплексные расходы (*ПК*)
Плановый (базисный) (P_0)	П	П	П	П	П
Подстановка 1 (P')	Ф	П	П	П	П
Подстановка 2 (P'')	Ф	Ф	П	П	П
Подстановка 3 (P''')	Ф	Ф	Ф	П	П
Подстановка 4 (P'''')	Ф	Ф	Ф	Ф	П
Фактический (P_1)	Ф	Ф	Ф	Ф	Ф

Примечание: П – плановый показатель; Ф – фактический показатель.

$P' - P_0 = \Delta P_{ОП(Ц)}$;

$P'' - P' = \Delta P_{МЗ}$;

$P''' - P'' = \Delta P_{ТЗ}$;

$P'''' - P''' = \Delta P_{ОУ}$;

$P_1 - P'''' = \Delta P_{ПК}$;

$P_1 - P_0 = \Delta P$.

Вместе с тем думается, что этого недостаточно. При этом внедрение цифровой трансформации имеет большую специфику в зависимости от характера внедряемой этой цифровой трансформации.

Разберем ряд ситуаций.

Следует иметь ввиду, что внедрение определенной цифровой трансформации на субъекте хозяйствования может быть сопряжено с прямой экономией рабочего времени. К примеру, организация внедряет у себя новую версию программы «1С: Бухгалтерия 8.3» вместо версии программы 7.7. В результате подобного внедрения применительно к бухгалтерскому учету движения основных средств будем иметь следующие данные (табл. 2):

Таблица 2

Сводная таблица затрат времени

Операция	1С 7.7 (мин.)	1С 8.3 (мин.)	Что изменилось
Ввод одного основного средства	10–15	5–7	Один документ, автозаполнение карточки
Ежемесячное начисление амортизации	10–20 (ручной запуск)	1–2	Полная автоматизация по графику
Перемещение основных средств	5–10	2–3	Привязка к объекту, а не только к счету
Списание основных средств	10–15	5–10	Авторасчет остаточной стоимости, убытка, НДС
Формирование ведомости амортизации	5–15	1–2	Готовые отчеты с детализацией
Итого	40	14	Повышение качества учета

Источник: собственная разработка на основе URL:https://migsoft.by/avtomatizacija-predprijatij/stoit-li-perehodit-na-1s8/?ysclid= mke15dmgge880397200.

Данный пример приведен касательно бухгалтера, занимающегося учетом основных средств. Дальнейшее исследование показало, что в секторе по учету затрат на производство из семи человек два человека ведут два сборочных цеха. При этом возможно их объединение. В этом случае достаточно одного бухгалтера, который будет вести учет себестоимости двух сборочных цехов. Примем его среднемесячную заработную плату в размере 2500 руб. Заработная плата дополнительная составляет 250 руб. Статья «Налоги, отчисления в бюджет и во внебюджетные фонды, отчисления местным органам власти» составляет 375 руб. Всего 3125 руб.

Более красноречивым является следующий пример. На заводе «БЕЛДЖИ» были внедрены роботы лазерной сварки. Их количество увеличилось с 38 до 78, что дало возможность роста выпуска автомобилей с 60 до 120 тыс., или в два раза (табл. 3).

Таблица 3

Затраты времени на сварку автомобиля «БЕЛДЖИ»

Операция	MIG-сварка	Лазерная сварка	Что изменилось
Затраты времени, мин.	40	8	Снижение трудоемкости в 5 раз

Источник: собственная разработка на основе URL:https://www.sb.by/articles/zaglyanut-v-tsifrovoe-zavtra.html.

При увеличении пропускной мощности выпуска автомобилей в 2 раза с 60 до 120 тыс. штук мы получаем экономию времени в размере 32000 часов (40000–8000).

Если принять среднюю цену на самый дешевый BELGEE S50 (седан) в размере 59500 рублей, то несложные расчеты по одному автомобилю при средней рентабельности 8% и при отсутствии инвестиционных и финансовых доходов и расходов показывают чистую прибыль в размере 760 руб. на один автомобиль. При росте пропускной способности увеличения выпуска автомобилей до 120 тыс. штук это даст возможность получения чистой дополнительной прибыли в размере 45600 тыс. руб. (прежде всего за счет роста объема выпуска и реализации продукции, а также за счет снижения трудоемкости).

В тезисах приведены разные подходы к оценке эффективности внедренной цифровой трансформации. Оригинальный авторский подход дает возможность субъекту хозяйствования правильно оценить результативность своей работы в области внедрения цифровой трансформации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Формы заполнения показателей // ОАО «Гипросвязь». – URL: https://disk.yandex.ru/i/1ojw1SgiTvx9_A (дата обращения: 06.07.2026).

2. Бондаренко, О.А. Цифровая трансформация бухгалтерского учета как основа развития малого и среднего бизнеса / О. А. Бондаренко // Технологическая независимость и конкурентоспособность Союзного государства, стран СНГ, ЕАЭС и ШОС: сб. ст. VI Междунар. науч.-техн. конф. «Минские научные чтения – 2023», Минск, 6–8 дек. 2023 г. – Мн.: БГТУ, 2023. – Т. 1. – С. 82–85.

3. Головенчик, Г. Г. Цифровая трансформация белорусской экономики в условиях цифровой глобализации: монография / Г.Г. Головенчик. – Мн.: ИВЦ Минфина, 2022. – 376 с.

КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

Витушко Е.А.,

Белорусский национальный технический университет, г. Минск

Экономическая оценка потенциала добывающей промышленности должна учитывать не только объем и качество минеральных ресурсов, но и условия, определяющие экономическую реализуемость их освоения. Анализ зарубежных исследований показывает, что применяемые подходы объединяют ресурсные, финансово-экономические, рыночные, инфраструктурные и экологические характеристики [1–3]. Однако большинство методик ориентировано либо на оценку предприятия, либо на обоснование отдельного инвестиционного проекта, что ограничивает их применение для сопоставления месторождений.

Сравнение зарубежных подходов позволяет выделить четыре устойчивые группы факторов. Природно-ресурсная группа характеризует объем и качество запасов, условия залегания и извлекаемость полезного компонента. Инвестиционная отражает капиталоемкость, ожидаемую экономическую отдачу, ценовые и валютные риски, правовые и налоговые условия [1]. Инфраструктурная определяет транспортную доступность и обеспеченность энергетическими и производственными коммуникациями. Экологическая учитывает ограничения природоохранного характера и затраты на снижение воздействия, рекультивацию и обращение с отходами [2, 3].

Сравнительный анализ показывает, что основной недостаток существующих подходов связан не с отсутствием отдельных показателей, а с их разобщенным использованием. Ресурсные характеристики часто оцениваются отдельно от инвестиционных и инфраструктурных условий, тогда как экологические параметры рассматриваются преимущественно как ограничения. В результате высокая обеспеченность запасами не обязательно означает высокий экономический потенциал объекта. Это определяет необходимость единой оценки условий его хозяйственного освоения.

Предлагается авторская структура комплексной оценки экономического потенциала добывающего объекта, основанная на одновременном рассмотрении четырех блоков: природно-ресурсного, инвестиционного, инфраструктурного и экологического.

Новизна предлагаемого подхода заключается в объединении факторов в единую аналитическую конструкцию применительно не к предприятию или отдельному финансовому проекту, а к потенциалу освоения месторождения. Природно-ресурсный блок отражает исходные возможности добычи, а инвестиционный, инфраструктурный и экологический блоки характеризуют условия практической реализуемости этих возможностей. Интеграция указанных блоков позволяет перейти от оценки отдельных характеристик месторождения к комплексной экономической оценке

потенциала его освоения и формированию основы для ранжирования объектов по приоритетности вовлечения в хозяйственный оборот.

Для Республики Беларусь предлагаемая структура может применяться при сопоставлении месторождений строительного и иного минерального сырья. В природно-ресурсном блоке учитываются объем и качество запасов и горно-геологические условия; в инвестиционном – капитальные затраты, ожидаемая экономическая результативность и риски; в инфраструктурном – доступность транспорта, потребителей и инженерных коммуникаций; в экологическом – природоохранные ограничения и потенциальные затраты на снижение негативного воздействия. Итоговый интегральный показатель позволяет сформировать ранжированный ряд объектов и выделить месторождения с наибольшим совокупным потенциалом освоения.

Предложенная четырехблочная структура комплексной оценки позволяет объединить природно-ресурсные, инвестиционные, инфраструктурные и экологические характеристики в единой системе анализа. Ее отличие от существующих подходов состоит в ориентации непосредственно на потенциал освоения месторождения, а не только на оценку предприятия или отдельного инвестиционного проекта. Для Республики Беларусь применение данной структуры может стать методической основой для сравнительной оценки минерально-сырьевых объектов и обоснования последовательности их вовлечения в хозяйственный оборот.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фролов, В.Г. Оценка экономического потенциала промышленных структур в условиях цифровой экономики / В. Г. Фролов, Ю. А. Сидоренко // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – № 10. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-ekonomicheskogo-potentsiala-promyshlennyh-struktur-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki (дата обращения: 28.09.2025).

2. Мухсимова, Д.Х. Оценка потенциала обрабатывающей промышленности в экономике России / Д. Х. Мухсимова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2022. – № 10. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-potentsiala-obrabatyvayushchey-promyshlennosti-v-ekonomike-rossii (дата обращения: 28.09.2025).

3. Цым, А.Ю. Комплексная оценка потенциала предприятия в совокупности производственных, экономических и финансовых показателей / А. Ю. Цым, И.А. Иванов // Электросвязь. – 2012. – № 4. – URL: https://www.elsv.ru/assets/uploads/2015/07/49-52.pdf (дата обращения: 28.09.2025).

АКТУАЛЬНЫЕ В МИРОВОМ МАСШТАБЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕЙ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Гануш Г.И.,

доктор экономических наук, профессор,
член-корреспондент НАН Беларуси, г. Минск

На современном этапе мировая пищевая промышленность переживает масштабные преобразования, вызванные одновременным влиянием технологических, демографических и экологических факторов. Рыночные ниши традиционных продуктов с невысокой добавленной стоимостью постепенно уступают место высокотехнологичным сегментам, биотехнологическим решениям и функциональному дизайну продуктов питания. В этой связи актуально выделение общих ключевых тенденций, определяющих вектор дальнейшего развития.

1. Динамичный рост взаимовлияния отраслей пищевой промышленности.

Происходит постепенная интеграция АПК с фармакологией, косметологией, биотехнологиями, химической индустрией. Например, побочные продукты переработки сахара, зерна, яиц, мяса становятся сырьевой базой для производства культуральных питательных сред, биополимеров, антивозрастных кремов и др. медицинских изделий.

Параллельно происходит «гастрономическая глобализация». Потребители во всем мире отдают предпочтения нестандартным вкусовым профилям, а производители переходят от узкой специализации к гибкой адаптации рецептур продуктов под особенности региональных рынков.

2. Углубление переработки сырья и создание новых видов продукции.

Данное направление является на сегодняшний момент важнейшим для повышения уровня доходности функционирования предприятий. Так, среди новых перспективных продуктов, замещающих традиционные, выделяются:

- в картофеле- и овощепереработке – «картофельное мясо», «картофельный сыр», пребиотики из очистков, витаминизированная пигментная мука из овощной кожуры и др.;
- в мясоперерабатывающей промышленности – функциональные мясные напитки (протеиновые коктейли), мясные десерты и др.

3. Переход от автоматизации отдельных линий к концепции «Темных фабрик».

Технологический фундамент таких производств базируется на промышленном интернете вещей, сетях 5G и «цифровых двойниках», которые виртуально дублируют процессы экстракции, ферментации, сушки и др., позволяя оптимизировать потребление ресурсов, полностью исключить влияние человеческого фактора, а также снижать время простоя оборудования на 50%.

4. Внедрение подрывных (дизруптивных) биотехнологий.

Наиболее значимыми для пищевой промышленности являются прецизионная (точная) ферментация и клеточное культивирование. С помощью модифицированных микроорганизмов (дрожжей, бактерий) в контролируемых условиях синтезируются сладкие белки, идентичные натуральным ферменты (химозин, липаза), рекомбинантные яичные белки и какао-масло. К 2030 г. производство синтетического молочного белка выйдет на промышленные масштабы, что, возможно, позволит продовольственным ТНК частично заменить сухое молоко более стабильным и дешевым «лабораторным» аналогом.

5. Повышение уровня экологичности.

Соответствие экологическим стандартам стало обязательным условием долгосрочных контрактов с крупными международными торговыми сетями. Ведущие производители агропродовольственных товаров реализуют программы декарбонизации, применяют инструменты «зеленого маркетинга», используют полностью биоразлагаемую или перерабатываемую упаковку, постепенно отказываются от клеточного содержания птицы, внедряют принципы, методы и технологии циркулярной экономики.

6. Расширение производства продуктов здорового питания.

На фоне роста в мировом масштабе эндокринных и сердечно-сосудистых заболеваний вектор потребительского поведения устойчиво направлен на «оздоровление» рациона. Для субъектов хозяйствования ключевыми в данном случае становятся выработка продукции формата «чистая этикетка» (отказ от искусственных компонентов в пользу натуральных ингредиентов с понятным составом) и контроль углеводов и глютена в составе продуктов.

7. Расширение сфер применения искусственного интеллекта.

Уже сейчас алгоритмы предиктивной аналитики прогнозируют качество созреваемого сырья, оптимизируют маршруты движения рефрижераторных контейнеров и минимизируют складские остатки, системы компьютерного зрения выявляют микротрещины в скорлупе яиц, оценивают мраморность говядины, проводят обвалку туш и отбраковывают дефектную упаковку.

Однако наибольшее влияние на пищевую промышленность в ближайшее время окажет интенсивное использование искусственного интеллекта в моделировании новых вкусовых профилей и текстур, а также создании индивидуальных рецептов с учетом генетических особенностей потребителей.

Выделенные тенденции являются серьезным вызовом как для текущего состояния, так и будущего пищевой промышленности АПК Беларуси. От характера ответа на них будет во многом зависеть эффективность и конкурентоспособность отечественных производителей на глобальных рынках.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ВЫГОД И РИСКОВ ВЛИЯНИЯ ТНК НА НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ СИСТЕМЫ

Герасенко А.В.,

кандидат экономических наук,
концерн «Белгоспищепром», г. Минск

Степень вовлеченности национальных продовольственных систем в процессы, контролируемые транснациональными корпорациями (далее – ТНК), постоянно возрастает, что приносит как очевидные выгоды (доступность импортных товаров, приток инвестиций, развитие инфраструктуры), так и порождает серьезные риски (продовольственная зависимость, деградация локального агропромышленного комплекса, утрата продовольственной независимости), особенно для стран с переходной экономикой, включая государства постсоветского пространства.

Результаты проведенного анализа научной литературы, посвященной влиянию иностранных ТНК на экономику принимающих государств [1–5], свидетельствуют о наличии устойчивого научного консенсуса относительно дуалистического (двойственного) характера такого воздействия. Исследователи (С.Е. Щитов, Н.В. Лихолетова, А.А. Бабаева, П.Ю. Барышников, К.Е. Степанова) единодушны в том, что деятельность ТНК в стране пребывания порождает как положительные, так и отрицательные эффекты, баланс которых зависит от конкретных условий принимающей экономики, государственного строя, отраслевой специфики и эффективности государственного законодательного регулирования (взаимоотношений с ТНК). Авторская систематизация позитивных и негативных последствий деятельности ТНК для принимающей экономики (продовольственной системы) приведены в табл.

Таблица

Систематизация выгод и рисков влияния ТНК на национальную продовольственную безопасность

Сферы воздействия	Выгоды (позитивные эффекты)	Риски (негативные эффекты)
Экономическая	Приток прямых иностранных инвестиций и увеличение налоговых поступлений в бюджет Создание новых рабочих мест и рост занятости населения Увеличение ВВП за счет расширения производства и экспорта	Вывоз капитала за рубеж Ухудшение платежного баланса (рост импорта, снижение чистого экспорта) Сокращение налоговых поступлений из-за трансфертного ценообразования и оптимизации налогообложения Перенос «грязных» производств и ухудшение экологической обстановки
Производственная и технологическая	Внедрение современных технологий и передовых методов управления Повышение производительности труда и качества продукции Доступ к глобальным цепочкам создания стоимости (GVC)	Технологическая зависимость от материнской компании Свертывание собственных НИОКР и инновационной активности местных организаций «переманивание» научных кадров из местных компаний
Рыночная (конкурентная)	Расширение ассортимента и улучшение качества товаров на внутреннем рынке Снижение цен на отдельные категории товаров (эффект масштаба, конкуренция) Развитие инфраструктуры (логистические центры, холодильные мощности)	«Вытеснение» и банкротство национальных) производителей Монополизация или олигополизация продовольственных рынков Контроль над ценообразованием и диктат условий поставщикам
Продовольственная безопасность	Повышение физической доступности продовольствия (продукты есть в наличии) Стабилизация цен в периоды дефицита за счет импортных поставок Внедрение международных стандартов качества и безопасности (HACCP, ISO)	Утрата продовольственного суверенитета (зависимость от решений материнских компаний) Снижение продовольственной безопасности в кризисных ситуациях (ограничение поставок, прекращение деятельности) Унификация пищевых привычек, вытеснение национальных кулинарных традиций
Социальная	Опережающий рост заработной платы в дочерних структурах ТНК (по сравнению с местными организациями-аналогами) Реализация корпоративных социальных программ (спорт, образование, благотворительность и др.)	Ухудшение условий труда в случае использования «серых» схем занятости (аутсорсинг, временные контракты) Социальное расслоение (доходы сотрудников ТНК выше уровня занятых в национальном секторе)

Источник: авторская разработка.

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

- влияние транснациональных корпораций на национальные продовольственные системы носит двойственный (дуалистический) характер. С одной стороны, ТНК обеспечивают приток инвестиций, внедрение современных технологий, расширение ассортимента и физическую доступность продовольствия, что способствует развитию инфраструктуры и повышению качества продукции. С другой стороны, их деятельность сопряжена с серьезными рисками: вывозом капитала, технологической зависимостью, монополизацией рынков, вытеснением локальных производителей и утратой продовольственного суверенитета принимающих стран;
- баланс между выгодами и рисками определяется эффективностью государственного регулирования, отраслевой спецификой и способностью национальной экономики адаптироваться к деятельности ТНК. Особую уязвимость демонстрируют страны с переходной экономикой, где слабость институциональной среды усиливает негативные эффекты. В связи с этим необходима выработка сбалансированной политики, направленной на максимизацию позитивных эффектов при одновременном снижении рисков для продовольственной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щитов, С.Е. Транснационализация как результирующий фактор глобализационной парадигмы развития сельского хозяйства / С. Е. Щитов, Н. В. Лихолетова // Учет и статистика. – 2021. – № 2(62). – С. 32–40.

2. Бабаева, А.А. Направления влияния деятельности транснациональных корпораций на экономику принимающих стран / А. А. Бабаева // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2013. – № 5(72). – С. 150–153.

3. Барышников, П.Ю. Роль транснациональных корпораций в глобализационных и интеграционных процессах в современном мире / П. Ю. Барышников // Страховое дело. – 2019. – № 7(316). – С. 9–18.

4. Степанова, К.Е. Обеспечение экономической безопасности как подсистемы национальной безопасности Российской Федерации в условиях глобализации / К. Е. Степанова // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2024. – № 4(92). – С. 241–247.

КАДРОВЫЕ РИСКИ ПРЕДПРИЯТИЯ: СУЩНОСТЬ, ПРИЧИНЫ

Гнатюк С.Н.,

кандидат экономических наук, доцент,
Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, г. Могилев

Любые действия субъектов предполагают целенаправленную деятельность, обусловленную их личными потребностями и интересами. В экономике хозяйствующие субъекты существуют не изолировано, а взаимодействуют друг с другом. Их интересы могут совпадать или находиться в противоречии. В рыночной экономике интересы, противоречивые с интересами предприятия, могут иметь конкуренты, деловые партнеры, сотрудники предприятия, бывшие сотрудники, преступники, общество в целом (например, по вопросам экологии).

Несовпадение интересов может приводить к кадровым рискам, под которыми мы понимаем вероятность возникновения негативных последствий, потери ресурсов предприятия в результате просчетов и ошибок в управлении человеческими ресурсами. Под потерями понимается работа, которая не добавляет ценности продукту или услуге.

Кадровые риски приводят к следующим видам потерь предприятия:

- управленческие потери, которые проявляются в действиях или решениях руководства предприятия в форме ненужных совещаний, отчетов, дублирования информации в различных документах, ненастроенных должным образом операционных процессов, приводящих к затратам времени, денег, не создавая реального результата;
- производственные потери в форме сокращения объема выпуска, сбоев при поставке сырья, материалов, простоев из-за отсутствия деталей от поставщика, избыточных закупок материалов,

избыточных запасов готовой продукции, нестабильности качества продукции, выпуска бракованной продукции и т.д.;

- финансовые потери в форме упущенной выгоды, падения доходов, штрафов контролирующих органов за нарушение трудового законодательства, ошибок в расчетах и сроках выплаты налогов и т.д.
- репутационные потери проявляются в ухудшении общественного мнения о предприятии, его руководстве или продуктах, утрате доверия со стороны клиентов и партнеров.

Данные негативные последствия реализуются, если возникает благоприятная для этого возможность, которая потенциально существует на любом предприятии в силу специфики психологии поведения человека, его ориентации прежде всего на личные интересы, а также при определенных изменениях внешней среды.

К внешним причинам следует отнести экономические, политические, социальные, правовые, экологические, технические, нравственные аспекты, которые формируют среду, в которой действует предприятие, и обуславливают необходимость изменения его поведения, приспособления к этим изменяющимся условиям. Несвоевременная адаптация руководства предприятия к этим изменениям приводит ко всем видам кадровых потерь.

Внутренние причины кадровых рисков можно разделить на три вида в зависимости от субъекта риска:

- риски персонала. Персонал как причина кадрового риска может рассматриваться с точки зрения степени профессионализма, компетентности, степени совпадения личной заинтересованности сотрудников с интересами предприятия. Неадекватное поведение сотрудников проявляется в нарушениях регламентов и процедур, порядка использования технических средств, что создает условия для несанкционированного доступа к конфиденциальной информации; порядке ведения и доступа к финансовой отчетности на предприятии; в действиях по личным мотивам или в интересах третьих лиц и т.д. Они вызывают производственные, финансовые, управленческие и репутационные потери;
- риски процессов и процедур, которые представляют собой совокупность рисков, возникающих при решении предприятием текущих задач, влияющих на обеспечение непрерывности и эффективности производства. Причинами рисков процессов и процедур являются качество управления, ошибки в принятии управленческих решений; риски систем (применение устаревших технологий, низкая эффективность и недостаточная надежность систем, несовместимость систем и т.д.); человеческий фактор (нехватка кадров, некомпетентность сотрудников, мошенничество и т.д.); неэффективные бизнес-процессы, нарушение сроков поставок, недостаточный контроль. Риски процессов и процедур приводят к финансовым убыткам, управленческим и производственным потерям;
- риски условий труда и средств производства. Данная группа причин кадровых рисков вызывается опасными условиями труда, которые приводят к возникновению профессиональных заболеваний, травм или смертельным случаям; несоблюдением правил охраны труда; психофизиологическими факторами (высокая текучесть кадров, неблагоприятный психологический климат); неправильной эксплуатацией оборудования, что может приводить к авариям, его поломке; человеческим фактором, т.е. нанесением сотрудниками умышленного или по неосторожности ущерба материальным активам (хищения, порча оборудования, ошибки при работе). Такие риски приводят к финансовым убыткам, управленческим, производственным и репутационным потерям.

Таким образом, кадровые риски обусловлены системой управления, которая неадекватно учитывает и реагирует на личные интересы сотрудников. Они могут быть результатом противоречий между стратегическим, текущим и оперативным управлением персоналом. Проблема уменьшения потерь от кадровых рисков является чрезвычайно важной, но и очень сложной. Она затрагивает все без исключения аспекты работы с сотрудниками. Упущения в любом из них приводят к негативным последствиям.

РАЗВИТИЕ МАСЛОЖИРОВОЙ ОТРАСЛИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Гончарова А.А.,

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

Продовольственная безопасность является важнейшей составляющей национальной безопасности государства. В соответствии с Доктриной национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 г. одним из ключевых критериев выступает уровень самообеспеченности основными видами продовольствия, в том числе растительным маслом [1]. Отметим, что уровень самообеспеченности продовольствием в Республике Беларусь достигает 96% – это лучший показатель среди стран ЕАЭС. Например, по ряду продуктов в 2024 г. он значительно выше: молоко – 291,9%, мясо – 140,2%, яйца – 130,7% [2]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью снижения импортозависимости и наращивания экспортного потенциала отрасли.

Масложировая отрасль занимает особое место в структуре пищевой промышленности, поскольку ее продукция входит в состав потребительской корзины населения и служит сырьем для смежных производств. Ключевыми государственными предприятиями являются ОАО «Минский маргариновый завод», ОАО «Витебский маслоэкстракционный завод», ОАО «Бобруйский завод растительных масел», ОАО «Гомельский жировой комбинат».

Основная масличная культура в республике – рапс, природно-климатические условия для выращивания которого в Беларуси благоприятны. Так, темп роста посевных площадей в 2025 г. составил 133,4% к уровню 2024 г., валовой сбор семян 127,33%, а урожайность 115,4% [2], что позволяет обеспечивать перерабатывающие мощности отечественным сырьем и формировать экспортные ресурсы. В структурном плане продовольственную безопасность следует интерпретировать с различных категорий спроса. Так, с позиции государства – это достижение и поддержание экономической и социальной стабильности общества, укрепление престижа страны в системе мирохозяйственных связей; с точки зрения агропромышленного комплекса – это создание ряда условий для динамичного развития различных видов экономической деятельности, наращивания производственного потенциала, воспроизводства и накопления, укрепления самофинансирования; с точки зрения товаропроизводителей – расширение возможностей для роста доходов, реализации экономических интересов и целей, а также защита от внешней и внутренней конкуренции; с позиции потребителей – доступность, качество и ассортимент продовольственных товаров, их высокая потребительская ценность; для общества – это прежде всего экологичное производство, которое безопасно для природы и помогает сохранять баланс в экосистеме [3]. Реализация вышеперечисленных императивов обеспечивает в конечном счете эффективное функционирование государства, общества, сельского хозяйства, производства и потребления.

Влияние масложировой отрасли на продовольственную безопасность проявляется по ряду направлений. Во-первых, физическая доступность продовольствия. Отечественное производство рапсового масла полностью покрывает пищевые потребности внутреннего рынка. Вместе с тем сохраняется импортозависимость по подсолнечному, соевому и пальмовому маслам, что обусловлено климатическими ограничениями и структурой потребительского спроса. Во-вторых, экономическая доступность. Развитие внутреннего производства сдерживает рост цен на масложировую продукцию, входящую в перечень социально значимых товаров, что делает ее ориентированной на массового потребителя независимо от его доходов. В-третьих, кормовая база животноводства. Побочные продукты переработки маслосемян являются ценными высокобелковыми компонентами комбикормов, что снижает потребность в импортном соевом шроте и укрепляет устойчивость молочной и мясной отраслей – основы экспортного потенциала АПК страны. В-четвертых, экспортный потенциал. Поставки рапсового масла и продуктов переработки на внешние рынки обеспечивают

приток валютной выручки, которая может направляться на закупку продовольствия, не производимого в республике, поддерживая тем самым сбалансированность продовольственного рынка [4, 5].

В то же время развитие отрасли сдерживается рядом факторов: зависимость урожайности рапса от погодных условий и гибель посевов озимого рапса в отдельные годы; недостаточная загрузка перерабатывающих мощностей; ограниченный ассортимент продукции глубокой переработки; конкуренция со стороны импортного подсолнечного масла на внутреннем рынке [5].

Проведенное исследование позволяет заключить, что масложировая отрасль оказывает существенное влияние на обеспечение продовольственной безопасности Республики Беларусь, обеспечивая физическую и экономическую доступность растительных масел, укрепляя кормовую базу животноводства и формируя экспортные ресурсы. Дальнейшее ее развитие на основе диверсификации сырьевой базы, модернизации производств и углубления переработки позволит повысить уровень самообеспеченности, снизить импортозависимость и укрепить позиции республики на внешних продовольственных рынках.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 15 дек. 2017 г., № 962 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C21700962 (дата обращения: 30.08.2026).

2. Статистический ежегодник Республики Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/9be/bw58kf25iyvf50lhg5ggffbiroi4haqa.pdf (дата обращения: 30.08.2026).

3. Гусаков, В. Г. Продовольственная безопасность / В. Г. Гусаков // Белорусский экономический журнал. – 2000. – № 2. – С. 108–121.

4. Киреенко, Н. В. Новые тренды в мировой пищевой промышленности / Н. В. Киреенко // Белорусский экономический журнал. – 2024. – № 1. – С. 23–34.

5. Гончарова, А. А. Современные мировые тенденции развития масложировой промышленности / А. А. Гончарова // Агропанорама. – 2026. – № 3. – С. 40–44.

—— ◆ ——

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ В МОДЕЛИ BSC PLUS: БАЛАНС МЕЖДУ ДОХОДНОСТЬЮ И УСТОЙЧИВОСТЬЮ

Горбач Н.Ф.,

кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Манцерова Т.Ф.,

кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский национальный технический университет, г. Минск

Для стратегического управления организацией могут применяться различные методики. Классическая модель BSC (Balanced Scorecard / Сбалансированная система показателей) основана на концепции сочетания финансовых и нефинансовых элементов и охватывает четыре ключевые области: финансы, клиенты, внутренние бизнес-процессы и развитие сотрудников.

С учетом риск-ориентированного подхода особого внимания заслуживает модель BSC Plus, которая добавляет к каждой области риски, препятствующие достижению цели.

Авторская позиция основывается на том, что для сохранения деловой репутации организации и/или ее повышения в рыночных условиях следует расширить модель BSC Plus, включив дополнительно контроллинг, комплаенс-контроль, концепцию ESG-принципов и кибербезопасность, интегрировав их в четыре ключевые области (рис.).

Рис. Управление деловой репутацией организации в расширенной модели BSC Plus

Контроллинг – это система управления, которая помогает организации достигать своих бизнес-целей через четкое планирование, анализ ключевых показателей (KPI), бюджетирование и корректировку действий.

В модели BSC Plus контроллинг выполняет четыре ключевые функции:

1) трансформирует классические KPI в риск-скорректированные показатели: в области финансов – это прибыль с поправкой на риск; клиентов – доля рынка с учетом регуляторных ограничений (или клиентская база с поправкой на судебные иски, претензии); внутренних бизнес-процессов – оптимизация бизнес-процессов с поправкой на операционные риски; развитие сотрудников – с поправкой на кадровые и компетентностные риски;

2) разрабатывает предельные значения для каждого риска и организует регулярный сбор данных;

3) закрепляет ответственных лиц за каждую из четырех областей модели BSC;

4) анализирует поступающую информацию и формулирует риск-стратегию организации.

Комплаенс-контроль – это система внутреннего контроля, обеспечивающая соблюдение организацией нормативных правовых актов, внутренних политик и этических норм [1]. Следовательно, он ограничивает действия контроллинга с точки зрения законности совершения финансово-хозяйственных операций. Однако их следует рассматривать совместно для устойчивого развития организации, так как контроллинг отвечает за финансовые и операционные риски, а комплаенс – за правовые и репутационные. Комплаенс-риски не существуют отдельно – они влияют на каждую из четырех областей, как и ESG-принципы.

Включение ESG-принципов (экологических, социальных и управленческих) в модель BSC Plus считаем своевременным шагом с учетом разрабатываемых стандартов отчетности об устойчивом

развитии. В указанной модели появятся новые показатели, такие как «зеленое финансирование» (финансы), доля возобновляемой энергии (клиенты/рынок), углеродный след производства (внутренние бизнес-процессы), инвестиции в обучение (образование и развитие сотрудников).

Кибербезопасность обеспечивает устойчивость бизнеса к современным угрозам, повышает операционную эффективность и создает основу для будущих инноваций на любом жизненном этапе организации.

Таким образом, включение дополнительных элементов не просто расширяет модель BSC Plus, а превращает ее в целостную систему управления устойчивым развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбач, Н.Ф. Эффективность системы комплаенс-контроля как индикатор деловой репутации / Н. Ф. Горбач, Т. Ф. Манцерова // Актуальные вопросы публичного управления, экономики, права в современных геополитических условиях: сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. г. Калининград, 28 марта 2026 г. / Калинингр. ин-т управления. – Киров, 2026. – С. 90–92.

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕДПРИЯТИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ВЗАИМОСВЯЗЬ С ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕСУРСОВ

Гречишкина Е.А.,

кандидат экономических наук, доцент,
Полесский государственный университет, г. Пинск

Результативность деятельности предприятия определяется тем, насколько эффективно оно использует имеющиеся ресурсы. Однако сама по себе обеспеченность ресурсами не гарантирует достижения высоких результатов: существенное значение имеют возможности их сочетания и использования в хозяйственной деятельности [1]. Поэтому ресурсный потенциал требует рассмотрения не только с позиции наличия ресурсов, но и с учетом возможностей их использования [2, 3]. Различия в трактовках потенциала и эффективности обусловливают необходимость их теоретического разграничения. Цель исследования – систематизировать основные теоретические подходы к определению ресурсного потенциала предприятия и уточнить его соотношение с эффективностью использования ресурсов.

В экономической литературе понятие потенциала предприятия формировалось на основе представлений о ресурсах как исходной основе его деятельности. Однако потенциал не сводится к их наличию. Е. М. Карпенко рассматривает потенциал производственной системы во взаимосвязи с его формированием, оценкой и актуализацией [1]. Такой подход позволяет отделить ресурсную обеспеченность, характеризующую располагаемую ресурсную базу, от потенциала как характеристики возможностей ее использования.

В работах [2, 3] ресурсный потенциал также рассматривается как более сложная характеристика, чем совокупность отдельных видов ресурсов. Ж. Г. Шумак обосновывает необходимость его комплексной оценки с учетом взаимосвязанных элементов ресурсной базы предприятия [2]. В. В. Богатырёва, Д. А. Панков и М. П. Самоховец, исследуя финансовый потенциал, рассматривают его во взаимосвязи с ресурсами и результатами деятельности [3]. Таким образом, в рассматриваемых подходах прослеживается переход от характеристики наличия ресурсов к оценке возможностей их использования и получаемых результатов.

Для целей настоящего исследования важно разграничить три взаимосвязанные характеристики. Ресурсная обеспеченность отражает наличие и состав ресурсов предприятия. Ресурсный потенциал характеризует возможности использования ресурсной базы с учетом ее состава и условий хозяйственной деятельности. Эффективность использования ресурсов отражает соотношение достигнутого результата с ресурсами и затратами, связанными с его получением.

Такое разграничение имеет принципиальное значение, поскольку ресурсная обеспеченность и эффективность характеризуют разные стороны деятельности предприятия. Большой объем ресурсов сам по себе не свидетельствует об их высокой отдаче, как и высокий результат не позволяет оценить эффективность без его сопоставления с использованными ресурсами. В ранее проведенном исследовании авторами систематизированы подходы к определению эффективности как экономической категории и показана ее связь с ресурсами, затратами, результатом и эффектом [4]. Это позволяет рассматривать эффективность не как характеристику потенциала, а как характеристику результатов его использования.

Таким образом, ресурсный потенциал и эффективность использования ресурсов взаимосвязаны, но не тождественны. Потенциал характеризует возможности, заложенные в ресурсной базе, эффективность – степень их реализации. Их разграничение позволяет избежать смешения показателей обеспеченности ресурсами с показателями отдачи. В дальнейшем данная логика может быть развита применительно к социально-экономической эффективности, при оценке которой наряду с экономическими результатами учитываются социальные результаты деятельности предприятия.

Проведенная систематизация показывает, что ресурсная обеспеченность, ресурсный потенциал и эффективность использования ресурсов характеризуют последовательные, но самостоятельные стороны деятельности предприятия. Это позволяет рассматривать ресурсный потенциал как объект последующей диагностики, а эффективность – как характеристику результатов его использования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпенко, Е. М. Потенциал производственной системы : сущность, методика оценки, процесс актуализации / Е. М. Карпенко. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2003. – 377 с.

2. Шумак, Ж. Г. Методика комплексной оценки ресурсного потенциала предприятий на основе инновационно ориентированного подхода / Ж. Г. Шумак // Бизнес. Инновации. Экономика : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т, Ин-т бизнеса БГУ; редкол.: Г. А. Хацкевич [и др.]. – Минск, 2022. – Вып. 6. – С. 79–91.

3. Богатырёва, В.В. Финансовый потенциал как новая экономическая категория в финансовой науке / В. В. Богатырёва, Д. А. Панков, М. П. Самоховец // Бухгалтерский учет и анализ. – 2022. – № 2. – С. 10–22.

4. Васильченко, А. О. Анализ научных подходов к определению эффективности как экономической категории / А. О. Васильченко, Е. А. Гречишкина, Ю. О. Тихоновская // Потребительская кооперация. – 2023. – № 2 (81). – С. 38–47.

ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО КАК ДРАЙВЕР РОСТА КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Додонов О.В.,

кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

В Плане XV-й пятилетки национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики на 2026–2030 гг. (далее – План) предусмотрена необходимость развития модернизированной промышленной системы, основой которой является передовое и высокотехнологическое производство[1]. В этой связи следует выделить следующие тенденции: при темпе роста промышленного производства в КНР в первом полугодии 2026 г., который превысил темп роста валового внутреннего продукта (ВВП) (соответственно 5,4% и 4,7%)[2], прирост промышленности на 47,9% был обеспечен высокотехнологичным производством и производством цифровой продук-

[1] План XV-й пятилетки национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики –https:// 中华人民共和国国民经济和社会发展第十五个五年规划纲要 (дата обращения: 18.05.2026).

[2] Предварительные результаты учета ВВП за второй квартал и первую половину 2026 года. – URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202607/t20260717_1964160.htm (дата обращения: 17.07.2026).

ции[3]; за данный период темп роста высокотехнологического производства значительно опередил темп производства в целом (соответственно 13,3% и 5,6%)[4].

При росте добавленной стоимости в промышленности в реальном выражении на 5,3% в первом полугодии 2026 г. в отдельных высокотехнологических отраслях данный показатель был значительно выше: в производстве средств связи, компьютеров и другого электронного оборудования рост составил 14,8%; в производстве железнодорожного, водного, аэрокосмического и другого транспортного оборудования 12,6%; в производстве машин и оборудования специального назначения 8,2%; в производстве машин и оборудования общего назначения 7,6%; в производстве автомобилей 7,0%; в производстве электрических машин и оборудования 6,1%[5].

В разрезе выпуска основных видов промышленной продукции темпы роста отдельных из них существенно превысили темп роста объема промышленного производства за первое полугодие 2026 г., который составил 5,4% (табл.).

Таблица

Выпуск основных видов промышленной продукции Китая с наибольшим ростом объемов производства в первом полугодии 2026 г.

Вид промышленной продукции	Абсолютное значение	Темп роста в годовом исчислении, %
Промышленные роботы, комплектов	537689	28,0
Интегральные схемы, 100 млн штук	2798	23,1
Сервисные роботы, комплект	10319211	11,9
Легковые автомобили (внедорожники), 10 тыс. комплектов	727,5	9,2
Металлорежущие станки, 10 000 ед.	43	6,9
Автомобили на новых источниках энергии, 10 тыс. комплектов	739,9	6,0

Источник: разработано на основе данных Национального бюро статистики Китая[5].

Сравнивая темпы роста по данным видам промышленной продукции в первом полугодии 2026 г. с предыдущим периодом 2025/2024 гг., отмечено их ускорение в производстве интегральных схем (23,1% против 10,9%), в то время как в производстве промышленных роботов они остались неизменными.

На основе проведенных исследований установлено, что развитию высокотехнологического производства в КНР в первом полугодии 2026 г. способствовали такие факторы, как:

- повышение инновационной активности: рост индекса производственной активности в индустриальных парках на 3,9% в годовом исчислении и выданных патентов, связанных с нарождающимися отраслями стратегического значения, на 15,6% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года; увеличение доли патентов в нарождающихся отраслях стратегического характера до 70% от общего числа патентов на изобретения высокой стоимости; увеличение доли действующих патентов на изобретения в таких областях, как искусственный интеллект, облачные вычисления и большие данные до 16,5% от общего числа действующих патентов;
- рост инвестиций в НИОКР и высокотехнологические отрасли: расходы Государственного бюджета КНР на науку и технологии увеличились на 1,3%; рост инвестиций в передовые области

[3] Круглый стол по экономике Китая : быстрый переход к новым драйверам роста стал отличительной чертой китайской экономики. – URL: https://russian.news.cn/20260729/2a5c3debeb094513a4bb70390e7f2ae2/c.html (дата обращения: 17.07.2026).

[4] Ввод в промышленную эксплуатацию в июне 2026 года. – URL: https://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202607/t20260717_1964159.html (дата обращения: 17.07.2026).

[5] Национальный ВВП Китая в первом полугодии вырос на 4,7%. – URL: https://russian.cri.cn/2026/07/15/ARTI1784114993237760 (дата обращения: 15.07.2026).

(искусственный интеллект и человекоподобные роботы) на 118,4% в годовом исчислении; рост прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в высокотехнологичные отрасли Китая на 33,2% в годовом исчислении с увеличением их доли в общем объеме притока ПИИ до рекордных 42,4%; рост инвестиций в продукты интеллектуальной собственности на 9,4%;

- рост квалификации рабочей силы: количество компаний, трудоустраивающих сотрудников в сфере искусственного интеллекта, увеличилось на 24,8% при росте количества вакансий на 10,6% по сравнению с прошлым годом; соотношение спроса и предложения на инженеров в области искусственного интеллекта достигло 2,62, а спрос на специалистов по разработке ИИ-агентов вырос на 244,0% по сравнению с прошлым годом.

Подводя итоги проведенного анализа работы промышленного сектора экономики Китая в первом полугодии 2026 г., можно сделать следующие выводы: при незначительном снижении прироста добавленной стоимости в промышленности в реальном выражении объем промышленного производства превысил темп роста ВВП; одним из главных драйверов роста экономики КНР стало высокотехнологическое производство и производство цифровой продукции; основными факторами, способствующими развитию высокотехнологического производства за данный период, стали повышение инновационной активности, рост инвестиций в НИОКР и высокотехнологические отрасли, рост квалификации рабочей силы.

—— ◆ ——

МЕТОДИКА РАЗРАБОТКИ РЕЙТИНГОВОЙ ОЦЕНКИ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Долматович Н.В.,

Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, г. Гомель

Актуальность исследования обусловлена глобальной трансформацией парадигмы экономического роста, в рамках которой на смену традиционным показателям валового внутреннего продукта (ВВП) приходят комплексные индикаторы устойчивого развития. Республика Беларусь, утвердившая обновленную Национальную стратегию устойчивого развития до 2040 года, демонстрирует последовательное движение к интеграции Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН в национальную систему планирования и отчетности.

Так как промышленный сектор является одной из ведущих отраслей национальной экономики Беларуси, формирующих значительную долю ВВП и экспортного потенциала (согласно данным Белстата, промышленность сохраняет стабильность даже в условиях внешних вызовов, демонстрируя рост производства (в январе-июле 2026 года объем составил 126,65 млрд руб., что на 0,1% выше аналогичного периода 2025 года) [1], для полноценного соответствия современным требованиям, считаем, необходима разработка инструментария, позволяющего оценивать не только экономические, но экологические, и социальные результаты деятельности промышленных организаций.

В связи с этим основной целью данной статьи является разработка методики рейтинговой оценки уровня достижения ЦУР промышленными организациями Республики Беларусь (с использованием официальных статистических данных).

Проводя обзор литературы и теоретико-методологической базы, можно отметить, что концепция ESG (Environmental, Social, Governance) стала доминирующим инструментом оценки нефинансовых рисков и устойчивости бизнеса во всем мире. Как отмечается в аналитических материалах, популярность инструментов оценки организаций с точки зрения их устойчивости неуклонно растет, хотя методологии различных рейтингов могут существенно отличаться [2]. Исследования

показывают, что отсутствие единой прозрачной методологии остается одной из ключевых проблем гармонизации ESG-рейтингов, в том числе в странах ЕАЭС.

Анализ корпоративных ESG-критериев выявляет ряд системных проблем (рис.).

Рис. Анализ корпоративных ESG-критериев

Предлагаемая методика основана на методе многомерного сравнительного анализа, который позволяет свести разнородные показатели к единому интегральному индикатору. Рейтинговая оценка предполагает построение на трех компонентах, соответствующих классической структуре ESG, но адаптированных к национальным приоритетам и доступным статистическим формам.

Так, на первом этапе осуществляется формирование системы показателей, которая включает три группы: группа E (экология / environmental); группа S (социальная ответственность / social); группа G (управление / governance). На втором этапе проводится «нормализация данных». Поскольку показатели имеют разные единицы измерения, применяется процедура стандартизации методом линейного масштабирования (Min-Max нормализация) для перевода значений в диапазон [0; 1]. Третий этап предполагает расчет весовых коэффициентов, предлагается использовать экспертный метод взвешивания (сумма весов внутри каждого блока распределяется поровну между входящими в него показателями, если иное не обосновано спецификой подотрасли), и четвертый этап предусматривает построение интегрального индекса и ранжирование.

По нашему мнению, предлагаемая методика обладает рядом преимуществ перед коммерческими ESG-рейтингами, которые заключаются в следующем: отражает объективность – то есть использование исключительно данных государственной статистики исключает субъективность коммерческих провайдеров; предусматривает доступность – модель методики опирается на открытые публикации Белстата, что делает ее применимой для любого исследователя или регулятора, также это связь с госполитикой – показатели напрямую коррелируют с индикаторами Национальной стратегии устойчивого развития до 2040 года [4].

На основании вышеизложенного можно отметитесь, что предлагаемая методика рейтинговой оценки даст органам государственной власти, концернам и самим организациям инструмент для самоконтроля и бенчмаркинга в контексте достижения ЦУР. Переход от количественных показателей выпуска к качественным метрикам эффективности и устойчивости становится необходимым условием сохранения конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Промышленность Белоруссии впервые с начала года показала рост // EADaily. 18 авг. 2026. – URL: https://eadaily.com/ru/news/2026/08/18/promyshlennost-belorussii-vpervye-s-nachala-goda-pokazala-rost (дата обращения: 22.08.2026).

2. Индикаторы устойчивого развития. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki?curid=4217791 (дата обращения: 22.08.2026).

3. SciUp.org. Анализ корпоративных ESG-критериев по отраслям и странам – URL: https://sciup.org/analiz-korporativnyh-esg-kriteriev-po-otrasljam-i-stranam-142241495 (дата обращения: 23.08.2026).

4. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года // Министерство экономики Республики Беларусь. – URL: https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-razvitija-respubliki-belarus-na-period-do-2040-goda.pdf (дата обращения: 23.08.2026).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ ТАРИФООБРАЗОВАНИЯ НА ОБРАЩЕНИЕ С ТКО

Дрень С.П.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Проблема образования и размещения твердых коммунальных отходов (ТКО) приобретает все более острый характер для Республики Беларусь. Стратегией по обращению с отходами производства и потребления, Национальной стратегией по обращению с ТКО и вторичными материальными ресурсами до 2035 года предусмотрены меры экономического стимулирования сокращения образования отходов, включая пересмотр тарифов на услуги по обращению с ТКО. В этой связи актуален анализ зарубежного опыта тарифообразования, позволяющего через экономические инструменты стимулировать развитие инфраструктуры переработки отходов и их минимизацию.

В Республике Беларусь процесс формирования тарифов на обращение с ТКО представляет собой регулируемую многоступенчатую процедуру (табл.).

Таким образом, белорусская система тарифного регулирования сохраняет децентрализованную модель с множеством исполнителей и локальным утверждением тарифов, что создает гибкость, но усложняет долгосрочное планирование и сдерживает внедрение инвестиционных механизмов.

Учитывая международный опыт, для совершенствования белорусской системы тарифообразования целесообразно внедрение ряда инструментов. Прежде всего, *необходим переход на учет по массе ТКО вместо объема*. С 1 сентября 2026 г. Россия устанавливает тарифы на обработку, обезвреживание, захоронение и энергетическую утилизацию ТКО в расчете на массу, а долгосрочные тарифы, ранее рассчитанные на объем, подлежат корректировке. Аналогичный подход применяется в Латвии, Австрии, Бельгии, Германии, Ирландии и др. Переход на весовой учет позволит точнее отражать реальные потоки отходов.

Вторым направлением является *расширение использования цифровых инструментов* при расчете тарифов. В России в приоритетном порядке используются данные ГЛОНАСС, Федеральной государственной информационной системы учета ТКО и территориальных схем. Внедрение аналогичных подходов в Беларуси повысит прозрачность тарифообразования и позволит объективно определять объемы отходов и параметры логистики.

Таблица

Алгоритм формирования тарифов на обращение с ТКО

Документ	Суть	Результат
Инструкция о порядке планирования и калькулирования затрат на оказание отдельных жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ) (постановление МЖКХ от 17.04.2025 № 4)	Калькулирование затрат по стадиям технологического процесса (сбор, вывоз, сортировка, обезвреживание, захоронение, подготовка к использованию). В затраты включаются расходы на сортировку и подготовку к использованию за вычетом доходов от реализации ВМР	Полная себестоимость оказания услуг по обращению с ТКО за 1 м^3
Положение о порядке формирования и применения планово-расчетных цен (ПРЦ) на ЖКУ (постановление Совмина от 18.01.2006 № 54)	К плановым затратам прибавляются налоги и плановые накопления (не более 10% от плановых затрат)	ПРЦ применяется для планирования бюджета, деятельности ЖКХ и определения предельно допустимых тарифов
Положение о порядке формирования тарифов на ЖКУ (постановление Совмина от 05.12.2019 № 837)	На основе ПРЦ устанавливается: - субсидируемый государством тариф (средние по республике затраты организаций системы МЖКХ + до 2,5%); - тариф с полным возмещением (ПРЦ + прибыль, обеспечивающая рентабельность до 10%)	Тарифы для населения и юридических лиц
Положение о порядке расчетов и внесения платы за ЖКУ (постановление Совмина от 27.08.2025 № 465)	Плата за ЖКУ (произведение субсидируемого тарифа, норматива образования ТКО и количества зарегистрированных граждан)	Сумма в квитанции
Перечень форм ведомственной отчетности МЖКХ (постановление МЖКХ от 01.12.2023 № 19)	Формы «Отчет по формированию себестоимости» и «Финансовый план и финансовый отчет по оказываемым населению ЖКУ» – инструменты контроля	Мониторинг затрат и финансовых результатов

Третьим направлением является *ужесточение контроля за целевым использованием амортизационных отчислений*. В отличие от Беларуси, где амортизация закладывается в себестоимость без привязки к проектам, в России она учитывается только в объеме, направленном на финансирование инвестиционной программы. Целесообразно внести изменения в Инструкцию о порядке планирования и калькулирования затрат (постановление МЖКХ № 4), предусмотрев включение амортизации в тариф только при ее направлении на модернизацию основных фондов, и закрепить это в учетной политике организаций ЖКХ, что создаст стимул для их обновления.

Четвертым направлением является *стимулирование развития раздельного сбора* через механизм тарифообразования. В Латвии доходы от раздельно собранных отходов не исключаются из затрат, формирующих тариф, что создает экономический стимул для операторов развивать раздельный сбор. Целесообразно при корректировке статьи 32 (постановление МЖКХ № 4) предусмотреть аналогичный подход.

Пятым направлением является *переход к долгосрочному тарифному планированию* с использованием методологии средних приростных затрат (AIC) Всемирного банка, что позволит сгладить инвестиционные пики и обеспечить прогнозируемость тарифов на 5–10 лет. Внесение изменений в постановление Совмина № 54 создаст правовую основу для долгосрочного тарифного регулирования.

Шестым направлением является *раздельный учет затрат и доходов*. В Латвии он обязателен по видам услуг, в Грузии предусмотрено распределение затрат между категориями потребителей (население, коммерция, промышленность). Для Беларуси целесообразно внести изменения в постановления Совмина № 837 и МЖКХ № 4, предусмотрев раздельный учет по категориям потребителей, что позволит уйти от перекрестного субсидирования.

Белорусская модель тарифообразования на обращение с ТКО уступает зарубежным аналогам в точности учета (объем вместо массы), стимулировании технологического развития и долгосрочном планировании. Внедрение элементов опыта России, Латвии, Грузии, а также методологии Всемирного банка позволит повысить эффективность, прозрачность и инвестиционную привлекательность системы управления ТКО в Республике Беларусь.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ КОМПОНЕНТОВ СИЛОВОЙ ЭЛЕКТРОНИКИ В ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ЦЕПОЧКИ В УСЛОВИЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Дудников Т.Е.,
Меткин Д.М.,

кандидат экономических наук, доцент,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Технологический суверенитет в высокотехнологичной промышленности определяется не только наличием собственных разработок, но и возможностью устойчиво включать их в производственные связи. В Концепции технологического развития Российской Федерации до 2030 года технологический суверенитет связывается с национальным контролем над критическими и сквозными технологиями и производством продукции на их основе[1]. Российские исследователи отмечают, что курс на технологический суверенитет формируется в условиях геополитической фрагментации и изменения подходов к промышленной политике [1]. Системный взгляд на эту проблему требует учитывать взаимосвязи предприятий, государства, науки и производственной инфраструктуры [2].

В настоящем исследовании рассматривается организационный аспект этой задачи применительно к компонентам силовой электроники. Цель состоит в сопоставлении способов их включения в высокотехнологичные производственные цепочки и определении условий, при которых выбранная форма интеграции способствует технологической независимости, устойчивости и конкурентоспособности. Методологическую основу составили системный и сравнительный подходы, а также положения теории глобальных цепочек создания стоимости и теории границ фирмы.

Для сопоставления использованы четыре аналитические модели: вертикальная, горизонтальная, модульная и сетевая. Такое деление служит рабочим инструментом исследования и не рассматривается как универсальная классификация. Вертикальная интеграция означает усиление контроля над смежными стадиями производства; горизонтальная основана на кооперации организаций сопоставимого уровня; модульная предполагает взаимодействие относительно самостоятельных участников по заранее согласованным правилам; сетевая строится на координации специализированных организаций, обладающих взаимодополняющими компетенциями.

Выбор между этими способами зависит от характеристик самой цепочки и ее участников. В исследованиях глобальных цепочек формы координации связываются со сложностью взаимодействий, возможностью их формализации и уровнем компетенций поставщиков [3]. Теория границ фирмы дополняет эту логику учетом распределения технологических компетенций и транзакционных издержек [4]. При этом собственное производство и внешние поставки могут использоваться одновременно, если такое сочетание снижает зависимость от одного источника и сохраняет доступ к внешним компетенциям [5].

Применительно к высокотехнологичной производственной цепочке существенны критичность и заменяемость компонента, необходимая степень технологического контроля, наличие альтернативных производителей и распределение уникальных компетенций. Не менее важны возможность стандартизации взаимодействия, объем необходимых инвестиций, темпы наращивания производства и способность цепочки сохранять работоспособность при внешних нарушениях. Совокупность этих характеристик позволяет оценивать форму интеграции не изолированно, а в связи с конкретным звеном цепочки.

[1] Концепция технологического развития на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р (ред. от 21 окт. 2024 г.).

Сопоставление моделей показывает, что для разных звеньев одной цепочки могут требоваться разные способы организации. Критические и трудно заменяемые компоненты целесообразно связывать с более высокой степенью контроля, вплоть до вертикальной интеграции. При стандартизированном взаимодействии и наличии нескольких поставщиков преимущества получает модульная модель. Если необходимые компетенции распределены между организациями, возрастает значение горизонтальной и сетевой кооперации. Такое сочетание форм интеграции можно определить как дифференцированную интеграцию производственной цепочки.

Технологический суверенитет в данном случае не требует полной замкнутости производственной цепочки. Более существенным представляется контроль над критическими звеньями при сохранении экономически оправданной кооперации там, где она дает доступ к необходимым ресурсам и компетенциям. Предложенный набор критериев может использоваться при последующей разработке методики выбора моделей интеграции для высокотехнологичных производственных цепочек российской промышленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смородинская, Н.В. Курс на технологический суверенитет: новый глобальный тренд и российская специфика / Н.В. Смородинская, Д.Д. Катуков // Балтийский регион. – 2024. – Т. 16, № 3. – С. 108–135. – DOI: 10.5922/2079-8555-2024-3-6.

2. Никонова, А.А. Технологический суверенитет России: исследование и моделирование с позиций системной трансформации экономики / А.А. Никонова // π-Economy. – 2023. – Т. 16, № 5. – С. 22–37. – DOI: 10.18721/JE.16502.

3. Gereffi, G. The governance of global value chains / G. Gereffi, J. Humphrey, T. Sturgeon // Review of International Political Economy. – 2005. – Vol. 12. – No. 1. – P. 78–104. – DOI: 10.1080/09692290500049805.

4. Jacobides, M. G. The co-evolution of capabilities and transaction costs: explaining the institutional structure of production / M.G. Jacobides, S.G. Winter // Strategic Management Journal. – 2005. – Vol. 26. No. 5. – P. 395–413. – DOI: 10.1002/smj.460.

5. Parmigiani, A. Why do firms both make and buy? An investigation of concurrent sourcing / A. Parmigiani // Strategic Management Journal. – 2007. – Vol. 28. – No. 3. – P. 285–311. – DOI: 10.1002/smj.580.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00690, https://rscf.ru/project/26-18-00690/.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕСУРСОЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Дюров В.В.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Эффективное использование материальных ресурсов в промышленности является одним из ключевых условий обеспечения конкурентоспособности реального сектора экономики Республики Беларусь. Высокая зависимость отечественной промышленности от импортируемых ресурсов делает задачу снижения ресурсоемкости продукции одной из ключевых для обеспечения экономической безопасности и устойчивого развития страны. Система государственного управления в сфере ресурсоэффективности формирует институциональные рамки, в которых действуют предприятия реального сектора, а экономические инструменты призваны создавать долгосрочные стимулы для внедрения ресурсосберегающих технологий. Однако существующая система инструментов регулирования не в полной мере учитывает отраслевые особенности промышленных производств и слабо увязана с целями повышения производительности труда и экспортной ориентированности продукции.

Основой современной системы государственного управления в рассматриваемой сфере являются Закон Республики Беларусь от 8 января 2015 г. № 245-З «Об энергосбережении», а также

Государственная программа «Устойчивая энергетика и энергоэффективность» на 2026–2030 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2025 г. № 819. Данные документы определяют целевые показатели и устанавливают обязательные нормативы для организаций. Вместе с тем доминирующим подходом в регулировании остается нормативно-административное воздействие: установление лимитов потребления топливно-энергетических ресурсов и обязательное проведение энергетических обследований. Экономические инструменты, такие как льготное кредитование энергоэффективных проектов и субсидирование процентных ставок, носят заявительный характер и не создают прямой зависимости между финансовым результатом предприятия и уровнем его ресурсоэффективности.

В отличие от традиционного подхода, ориентированного на применение преимущественно налоговых и надзорных мер, современная концепция предполагает трансформацию экономических инструментов в механизмы «умного» стимулирования, интегрированные в общую стратегию повышения конкурентоспособности. В этой связи предлагается выделить следующие перспективные направления совершенствования:

внедрение дифференцированных ставок экологического налога в зависимости от достигнутых предприятием показателей удельной ресурсоемкости продукции. Такой подход применяется в странах ЕС: в Каталонии система возврата части налогов при переработке отходов позволила повысить уровень раздельного сбора с 25% до 46%; в Стране Басков действует налоговый вычет в размере 30% при приобретении оборудования из перечня чистых технологий. В ЕС действует Директива об энергетическом налогообложении (2003/96/ЕС). Исследование на данных 2 438 предприятий из 27 стран ЕС подтверждает, что экологическое налогообложение стимулирует внедрение возобновляемых источников энергии. Введение аналогичных инструментов в Беларуси позволит создать стимулы для предприятий-лидеров и повысить издержки для неэффективных производителей;

развитие механизма «зеленых» облигаций и проектного финансирования под конкретные целевые показатели по снижению ресурсоемкости. В Республике Беларусь Министерством финансов утверждены требования к раскрытию информации о целях эмиссии. В 2023 г. состоялся дебютный выпуск суверенных «зеленых» облигаций, Беларусь заняла третье место по объему ESG-облигаций среди стран Евразийского банка развития. Прорабатывается принятие национальной «зеленой» таксономии. В 2026 г. Белгазпромбанк предложил предприятиям кредиты на экологические проекты по ставке 8,38% годовых. Международный опыт подтверждает эффективность: Европейский банк реконструкции и развития инвестировал 76 млн фунтов в «зеленые» облигации для развития промышленной инфраструктуры;

введение требований по раскрытию нефинансовой отчетности в части ресурсоэффективности для предприятий, претендующих на государственную поддержку. Это позволит повысить прозрачность использования ресурсов и создать рыночную репутацию ресурсоэффективных производителей, что особенно важно при выходе на внешние рынки.

Система управления ресурсоэффективностью в Беларуси характеризуется ведомственной разобщенностью: энергосбережение курирует Департамент по энергоэффективности, материальные ресурсы – Министерство экономики, экологические аспекты – Министерство природных ресурсов. Отсутствие единого координационного центра снижает совокупный эффект от применения экономических стимулов. Формирование межведомственной платформы по управлению ресурсоэффективностью позволило бы преодолеть указанный недостаток.

Анализ зарубежных подходов показывает, что наиболее высокие темпы снижения ресурсоемкости демонстрируют страны, внедрившие комбинированные модели регулирования, включающие как налоговые меры, так и рыночные механизмы. Важно учитывать отраслевую структуру и уровень технологического развития национальной промышленности. Для Беларуси, где основу промышленности составляют нефтепереработка, химия и машиностроение, наиболее перспектив-

ным представляется поэтапное введение стимулирующих механизмов с постепенным расширением круга охваченных предприятий.

Таким образом, в Республике Беларусь представляется целесообразным переход от административно-нормативной модели к комбинированной модели «умного» регулирования. Предложенные направления – дифференциация налоговых ставок, развитие проектного финансирования, внедрение нефинансовой отчетности и институциональная координация – позволят создать устойчивые стимулы для промышленных предприятий к снижению ресурсоемкости продукции, что обеспечит снижение издержек, рост рентабельности и укрепление позиций белорусской промышленности на внешних рынках.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО УЧЕТА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФИНАНСОВО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Езерская Т.А.,

кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Одним из факторов роста эффективности бизнес-менеджмента организации является повышение информационной емкости системы управления. Основной тенденцией развития национальной системы бухгалтерского учета является расширение границ предоставления информации в экономическом и информационном пространстве. Традиционная система бухгалтерского учета ориентирована, прежде всего, на представление информации о финансово-хозяйственной деятельности внешним пользователям. Однако бизнес-менеджмент организации нуждается в оперативной и достоверной учетно-аналитической информации, позволяющей оптимизировать величину себестоимости продукции (работ, услуг), что дает возможность принимать обоснованные управленческие решения в области управления доходами и расходами. Наиболее полную и детализированную экономическую информацию предоставляет производственный учет.

Рациональная организация системы производственного учета, определение ее элементов, их разработка, внедрение и методическое обеспечение выступают необходимым условием осуществления процесса учета затрат и калькулирования себестоимости продукции (работ, услуг); определения точки безубыточности и порога рентабельности производимой продукции (работ, услуг), Кроме того, инструментарий производственного учета используется в процессе принятия своевременных управленческих решений по оптимизации затрат хозяйствующих субъектов и при разработке мероприятий по устранению непроизводительных затрат.

Методологические, методические и организационные основы производственного учета раскрыты в работах Н.Г. Чумаченко [1], Д.А. Панкова [2], А.П. Шевлюкова [3].

Считаем, что в настоящее время теоретические, методологические и организационные аспекты производственного учета являются дискуссионными. Отсутствует, на наш взгляд, четко сформулированная концепция производственного учета как самостоятельной подсистемы в системе бухгалтерского учета субъекта предпринимательской деятельности.

Проанализировав сущностные характеристики экономической категории «производственный учет», на наш взгляд, следует выделить следующие концептуальные подходы: производственный учет как система учета затрат на производство и реализацию готовой продукции (выполнение работ, оказание услуг); производственный учет как процесс калькулирования себестоимости продукции (работ, услуг); производственный учет как подсистема управленческого учета хозяйствующего субъекта.

Считаем, что указанные подходы не в полной мере учитывают важность производственного учета как системы информационной поддержки менеджмента. Производственный учет является самостоятельной подсистемой бухгалтерского учета, наравне с финансовым и управленческим учетом.

На наш взгляд, экономическую категорию «производственный учет» следует понимать как информационную подсистему бухгалтерского учета организации, включающую процесс идентификации, измерения, накопления, анализа, подготовки, интерпретации и предоставления информации о затратах и расходах в целях оперативного управления производством и разработки производственной политики.

Целью производственного учета является представление экономической информации о величине потребленных материальных, трудовых и финансовых затрат в целях калькулирования себестоимости продукции (работ, услуг) и оценки эффективности финансово-хозяйственной деятельности организации.

При этом на организационные и методические основы производственного учета влияют разнообразные факторы. К основным факторам следует отнести: масштаб, величину и структуру производства; характер и сложность технологического процесса; наличие остатков незавершенного производства; продолжительность производственного цикла; номенклатуру выпускаемой продукции (работ, услуг); применяемый метод учета затрат и калькулирования себестоимости; организационный тип управления; степень цифровизации бизнес-менеджмента и иные факторы.

Систему производственного учета хозяйствующего субъекта следует организовать таким образом, чтобы в процессе организации учетных процедур была реализована возможность ведения учета затрат и калькулирования себестоимости продукции (работ, услуг) в зависимости от мест возникновения затрат и расходов (по центрам ответственности); по видам затрат; по объектам калькулирования. Указанная задача успешно реализуется путем цифровой трансформации производственного учета и отчетности организации.

Трансформация национальной системы бухгалтерского учета и отчетности в целях развития производственного учета будет способствовать формированию информационной базы, обеспечивающей возможность системного обоснования управленческих решений в области финансового менеджмента субъектов предпринимательской деятельности Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чумаченко, Н.Г. Учет затрат и анализ в промышленном производстве США / Н. Г. Чумаченко. – М. : Финансы, 1971. – 240 с.

2. Панков, Д.А. Теория и методика управленческого бухгалтерского учета : учеб. пособие для вузов / Д. А. Панков. – Мн.: Профит, 1995. – 100 с.

3. Шаўлюкоў, А. П. Асновы рахункаводства : вучэб. дапам. / А. П. Шаўлюкоў. – Гомель : БТЭУ, 2011. – 404 с.

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КВАНТОВОГО ВЫЧИСЛЕНИЯ ПРОГНОЗНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ДИНАМИЧЕСКИХ ЦЕН И ОБЪЕМОВ ПРОДАЖ БЕЛОРУССКИХ МОЛОЧНЫХ ПРОДУКТОВ

Жудро В.М.,

кандидат экономических наук,
Институт мясо-молочной промышленности, г. Минск

Рынок молочных продуктов Беларуси сегодня крайне нестабилен. На него давят и внутренние макроэкономические процессы, и внешние геополитические факторы. В таких условиях участники рынка все чаще прибегают к генерации и использованию самых разных данных – от рациональных и симметричных до откровенно сконструированных, иррациональных и ложных.

Эти информационные потоки пронизывают цифровую инфраструктуру бизнеса: системы мониторинга, сетевые платформы, интерфейсы обмена данными. В итоге классические подходы к ценообразованию и прогнозам продаж перестают работать. Традиционная модель, где рост цены линейно увеличивает предложение и снижает спрос, в цифровой экономике не выдерживает проверки реальностью.

Библиометрический анализ публикаций с помощью CiteSpace, VOSviewer и Bibliometrix подтверждает этот вывод. Следует отметить, что в smart-бизнесе повсеместно используются оба типа информации – и объективная, и искусственно созданная. Это заставляет искать новые методы прогнозирования. Они должны учитывать, что рыночные факторы взаимодействуют нелинейно и стохастически. Именно поэтому авторы предложили новый взгляд на закон спроса и предложения. Они назвали его законом «умно сплетенного» агрегативного спроса и предложения. Суть его в том, что реальное и виртуальное воздействие множества игроков – производителей, агрегаторов, конкурентов, потребителей – переплетается в сложный клубок. Причем каждый из них действует исходя из своих институциональных, инвестиционных, технологических или маркетинговых интересов [1].

Аналитические и экспериментальные исследования позволили обосновать квантовую природу smart-экономики. У этого явления есть свои особенности: целесообразность, целостность и внутренняя противоречивость. Стратегии, масштабы и темпы развития у разных участников не совпадают. У них разные компетенции, экономические интересы и мотивы. Ключевая идея квантовой теории – рассматривать доходность отдельной сделки как квант. Это «золотое правило» smart-экономики. Такой квант существует в трех измерениях. Первое – это стоимость технологий, ресурсов и времени производства. Второе – цена и время самой сделки купли-продажи. Третье – эмоционально-функциональная ценность продукта для покупателя с учетом времени и места использования.

Поток доходности сделки как квант порождает сложное переплетённое взаимодействие. Клиент и поставщик в этой системе остаются связанными, даже находясь на расстоянии. Они как бы «чувствуют» изменения состояния друг друга. Такое поведение напоминает квантовую запутанность. Для этого потока характерны дискретность, дуализм и неопределенность. Также выделяются временная и пространственная нелокальная корреляция. И, наконец, запутанность величины дохода в рамках того самого «умно сплетенного» закона [1, 2].

Чтобы исследовать smart-бизнес, нужны особые инструменты. Это институциональные, инвестиционные и технологические преобразования. Важны также маркетинговые и инженерные решения. Ключевой момент – майнинг количественных параметров этих преобразований. Главная цель – не просто рост или эффективность, а оптимальное сочетание производительности, капитализации, доходности и ликвидности. Особенно это важно на высокомаржинальных и нестабильных рынках, так как переменные в таком бизнесе вступают в парадоксальные взаимодействия, которые усиливаются с ростом неопределенности [2, 3].

Предложенный алгоритм квантового вычисления позволяет строить прогнозы цен и объёмов продаж для белорусской молочной продукции. Он даёт возможность принимать обоснованные управленческие решения даже в условиях санкционного давления и геополитической турбулентности. Методология учитывает всех участников рынка и стейкхолдеров, а также сложный, нелинейный характер их взаимодействия. Это делает прогнозы более точными и реалистичными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жудро, В.М. Методика вычисления smart-агрегативного сетевого эффекта предприятия / В.М. Жудро, М.М. Жудро // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы XVI Всероссийской науч. конф. (с междунар. участием) (26–28 апреля 2023 г., г. Сыктывкар). – Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСиУ, 2023. – С. 335–345.

2. Zhudro, M.K. Digitalization of accounting as a driver of effective management of SMART business development / M.K. Zhudro, M.M. Zhudro // 21st International scientific and practical seminar «World Economy and Business Administration» (Minsk, April 24–25, 2025); Int. sci. and tech. conf. «Engineering and Innovations in Industry» (Minsk, May 15, 2025): collection of materials and reports. – Minsk: Four Quarters, 2025. – P. 86–88.

3. Жудро, М.К. Инженерно-экономическое обоснование межфирменного майнинга доходов в промышленном SMART-бизнесе / М.К. Жудро, В.М. Жудро, Н.В. Жудро // Мировая экономика и бизнес-администрирование: 21-й Междунар. науч.-практ. семинар Минск, 24–25 апр. 2025 г.; Инжиниринг и инновации в промышленности: Междунар. науч.-техн. конф. (Минск, 15 мая 2025 г.): сборник материалов и докладов. – Мн.: Четыре четверти, 2025. – С. 270–271.

КОНКУРЕНТНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ МЯСОПРОДУКТОВОЙ ЦЕПОЧКИ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

Иваненко И.С.,

кандидат экономических наук, доцент,
Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение
Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального
исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук»,
г. Саратов, Российская Федерация

Конкурентная устойчивость – это способность мясопродуктовой цепочки поддерживать и усиливать свои позиции на рынке в процессе адаптации к непостоянной конкурентной среде функционирования, несмотря на внешние и внутренние дестабилизирующие факторы. В Стратегии развития мясного животноводства в Российской Федерации (приказ Минсельхоза РФ от 10 августа 2011 г. № 267) и ряде отраслевых программ были заложены основы для устойчивого роста производства отечественной конкурентоспособной продукции отраслей животноводства и задано направление на ускоренное импортозамещение.

Целевая государственная поддержка мясопродуктовой цепочки позволила улучшить структуру баланса ресурсов мяса и мясопродуктов. Сформированная производственная база дала возможность в условиях усиления внутренней и внешней конкуренции нарастить объемы производства основных видов мяса и мясопродуктов и заместить значительную долю импортного продовольствия на внутреннем агропродовольственном рынке. Доля импорта в ресурсах снизилась с 40,9% в 2010 г. до 6,0% в 2024 г. В период 2010–2024 гг. среднегодовые темпы прироста отечественного производства всех видов мяса и мясопродуктов были на уровне 3,7%. Производство основных видов мяса и мясопродуктов в 2024 г. по сравнению с 2010 г. возросло на 67,7% и составило 11720 тыс. т. Производство мяса на душу населения в 2024 г. составило 80,2 кг и по сравнению с 2010 г. увеличилось на 64%. Уровень производства мяса, рассчитанный исходя из рациональных норм потребления, составил 110% на душу населения.

Период 2014–2024 гг. характеризуется значительной трансформацией, обусловленной как внутренними изменениями в агропродовольственном комплексе страны, так и внешними факторами, включая перестройку торговых связей в результате санкционного давления [1].

Рассматривая показатель сбалансированности внешнеторговой деятельности сегментов мясопродуктовой цепочки в исследуемый период, можно отметить, что в абсолютных показателях наблюдается выраженный устойчивый рост импортозамещения, в основном за счет снижения импорта мяса птицы и свинины. Сбалансированность внешней торговли происходит за счет скороспелых отраслей животноводства. Например, в 2010 г. сальдо торгового баланса мяса птицы имело отрицательное значение (-591 тыс. т). С 2020 г. сальдо стало положительным и в 2024 г. достигло уровня 115,2 тыс. т. Внешнеторговое сальдо мяса птицы и мяса свиней имело положительный прирост за

весь исследуемый период, в то время как сальдо говядины имело отрицательные значения по годам исследуемого периода. Визуализация данных расчетного показателя сбалансированности внешней торговли представлена на рис.

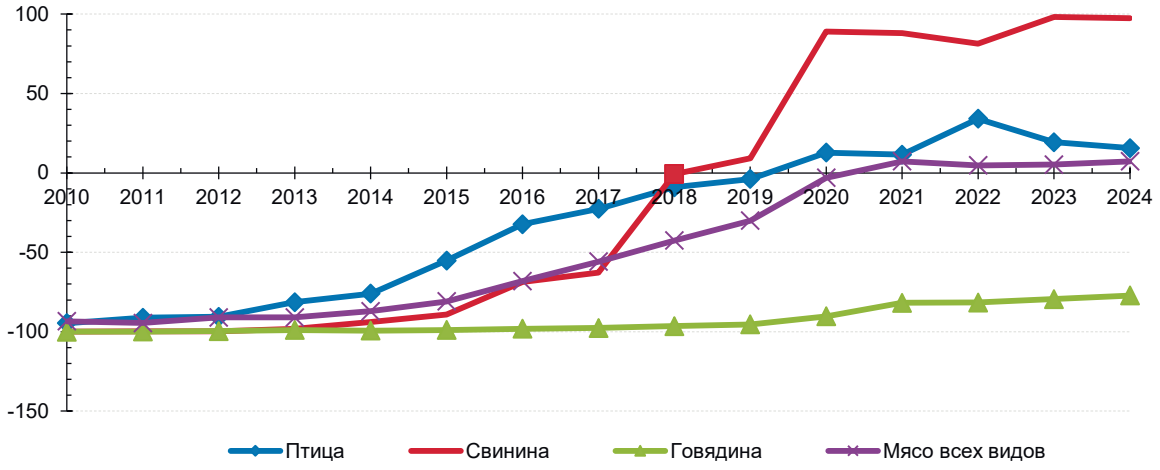

Рис. Динамика коэффициента сбалансированности внешнеторговой деятельности по основным видам мяса, тыс. т

Источник: составлено на основе данных International Trade Center Trade Map (ITC Trade Map). 2026 // Trade map database – URL: https://www.trademap.org/Index.aspx.

За исследуемый период произошли существенные изменения в структуре экспорта группы кода 02 «мясо и пищевые мясные субпродукты». Удельный вес экспорта субпозиции «мясо и пищевые субпродукты домашней птицы» вырос с 17,5% в 2010 г. до 52,1% в 2024 г. Доля экспорта субпозиции «свинина свежая и охлажденная» за тот же период выросла на 39,1 п.п. и составила 39,3%, а доля субпозиции «мясо крупного рогатого скота, замороженное» увеличилась на 5,3 п.п. в натуральном выражении [2].

Тенденции показывают наличие объективных предпосылок развития экспорта в аграрной сфере – высокий внешний спрос, значительный экспортный потенциал, новые траектории государственной аграрной политики и выделениие значительных бюджетных средств на стимулирование развития экспортоориентированных производств. Рост свидетельствует об увеличении производства и укреплении конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей на внешнем рынке.

Реализация конкурентных преимуществ российских производителей на внешних рынках становится одним из приоритетов долгосрочной стратегии развития, а экспортоориентированная политика в агропродовольственном комплексе – инструментом управления его последовательной структурной перестройки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковенко, Н.А. Приоритеты конкурентной устойчивости мясопродуктовой цепочки России / Н. А. Яковенко, И.С. Иваненко // Аграрный вестник Урала. – 2025. – Т. 25, № 12. – С. 2252–2264. – DOI: 10.32417/1997-4868-2025-25-12-2252-2264.

2. Trade map database / International Trade Center (ITC Trade Map). – 2020. – URL: https://www.trademap.org/Index.aspx (date of access: 22.09.2026).

СОВРЕМЕННАЯ КОНТРСТРАТЕГИЯ ДЛЯ МСП

Калинкович В.А.,

кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Малые и средние предприятия (МСП) являются сегодня бесспорной основой любой экономической системы, обеспечивая экономическую стабильность и рост, диверсифицируя и повышая конкурентность экономики, сглаживая колебания экономической конъюнктуры, придавая общественному хозяйству гибкость и мобильность, формируя средний класс, способствуя созданию рабочих мест, пополнению бюджета, внедрению инноваций, сокращению безработицы и т.п.

Однако в долгосрочной перспективе, как свидетельствует мировая статистика, вероятность успеха есть только у 10–20% начинающих МСП. Неудачу в течение первого года терпят 10–20% из них, к пятому году – 50–70%, а большинство компаний – в течение первых десяти лет после основания[1]. Аналогичная картина наблюдается и в белорусской экономике. Так, из созданных в 2014 г. предприятий в течение первого года прекратили свою деятельность 17,7%, через пять лет – более половины, а к десятому году выжило менее 1 компаний (рис.).

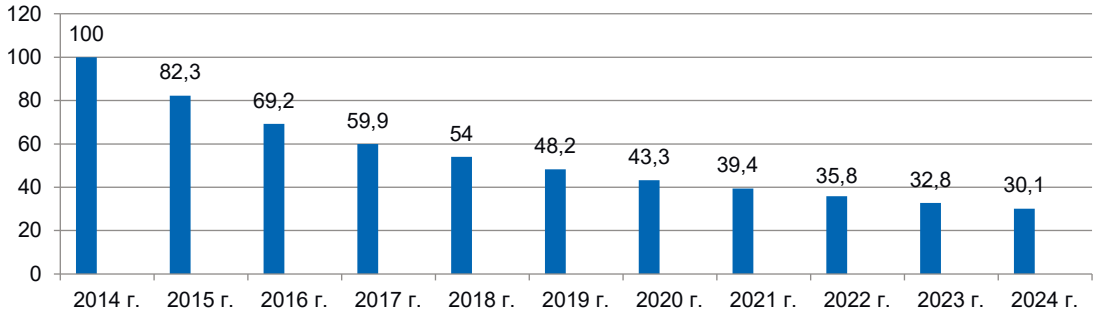

Рис. Уровень выживаемости белорусских предприятий за 10 лет (2014–2024 гг.), %[2]

Все это делает проблему выживания особенно актуальной для субъектов МСП, а учитывая их вклад в национальную экономику – и для страны в целом.

Для того, чтобы вновь созданное малое предприятие закрыло свои стартовые затраты и прошло «точку безубыточности», требуется, по разным оценкам, от 2 до 5 и более лет, а чтобы предприятие стало по-настоящему успешным – от 7 до 10 лет[3]. То есть от четверти до половины белорусских МСП прекращают свою деятельность еще на этапе запуска бизнеса, не успев в полной мере стать рентабельными.

Самая распространенная причина провала бизнеса сегодня заключается в неадекватной оценке спроса, по которой терпят крах 42% компаний[4]. Очевидно, что выжить в современных условиях способны только те МСП, которым удастся найти на рынке прибыльную потребительскую нишу, не привлекательную для крупных компаний и не занятую конкурентами. Это возможно за счет раз-

[1] Startup Statistics 2026 [By Countries & Success Rates]. – URL: https://www.demandsage.com/startup-statistics/; Startup Survival Rate — Success & Failure Statistics. – URL: https://medium.com/nexea/startup-survival-rate-success-failure-statistics-11c46be97556 (date of access: 11.07.2026).

[2] Бизнес-демография в Республике Беларусь: Статистический бюллетень. – Мн., 2025. – 20 с. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_152175/ (дата обращения: 13.08.2026).

[3] How long it takes for a small business to be successful: A year-by-year breakdown. – URL: https://www.freshbooks.com/hub/business-management/how-long-does-it-take-business-to-be-successful; How long until a business is profitable? key factors. – URL: https://business4saleinspain.com/news/65/how-long-until-a-business-is-profitable-key-factors/ (date of access: 14.07.2026).

[4] Small business failure rate statistics: what the data shows for 2026. – URL: https://www.crestmontcapital.com/blog/small-business-failure-rate-statistics-2026 (date of access: 14.08.2026).

вития немасштабируемой ключевой компетенции и поиска ряда возможностей для использования этой компетенции[5]. Именно немасштабируемые ключевые компетенции, которые не могут быть легко скопированы крупными игроками, обладающими более обширными ресурсами, обеспечивают очевидное конкурентное преимущество и являются ключом к устойчивому развитию МСП. И только после этого МСП может обеспечить последующий рост за счет распространения своих конкурентных преимуществ на другие потребительские сегменты, а также за счет дальнейшего масштабирования компетенций.

Особенность современного этапа экономического развития состоит и в том, что шансов сохранить устойчивость и выжить сегодня больше у тех компаний, которые способны обеспечить конкурентные преимущества за счет постоянных преобразований. Перманентное внедрение технологических, маркетинговых, организационных инноваций оценивается сегодня как один из ключевых инструментов, помогающих не только крупным, но и малым, и средним предприятиям удерживаться на рынке, масштабироваться и расти. Причем финансовая устойчивость предприятий напрямую увязывается с их способностью внедрять цифровые технологии, такие как искусственный интеллект, автоматизация. Мнение, что в условиях жесткой конкуренции и меняющихся рынков главным условием выживания и роста бизнеса является способность адаптироваться и внедрять новые технологии, нашло выражение в формуле «выживание через инновации». Более того, по прогнозам, успешными будут в первую очередь те компании, которые внедряют прорывные и, что более предпочтительно, – экспоненциальные инновации.

Для того чтобы выиграть в противостоянии с крупными компаниями, МСП должны максимально использовать свои конкурентные преимущества, такие как организационная гибкость, возможность персонализированного взаимодействия с клиентами, способность доминировать в определенных рыночных нишах. МСП превосходят крупные компании за счет меньшей бюрократической инерции, более высокой гибкости и адаптивности к изменениям рынка, простоты управления.

Еще один из вариантов выжить и развиваться для МСП в таких условиях – это кооперация с крупными предприятиями в виде аутсорсинга, лицензирования технологий, толлинга, субконтрактации, франчайзинга и др.

В рамках предыдущих стратегий показателем успешности предпринимательской деятельности считался рост, и действительно побеждал тот, кто таргетировал эту цель. Сегодня же выигрывают те МСП, у которых в корпоративном приоритете доминируют эффективные механизмы выживания.

[5] How SMEs compete against Global giants through sustainable competitive advantages. – URL: https://jsbs.scholasticahq.com/article/29812-how-smes-compete-against-global-giants-through-sustainable-competitive-advantages (date of access: 10.08.2026).

ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОГО РЫНКА ПРОДУКЦИИ ГЛУБОКОЙ ПЕРЕРАБОТКИ ПЛОДОВ И ОВОЩЕЙ И НАПРАВЛЕНИЯ АДАПТАЦИИ К НИМ СУБЪЕКТОВ АПК БЕЛАРУСИ

Каращук М.Н.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Мировой рынок глубокой переработки овощей и фруктов демонстрирует устойчивый рост среднегодовым темпом в 4,5%. Это обусловлено сменой потребительских предпочтений в пользу здорового питания (в т.ч. ростом спроса на растительные диеты и контроль порций), повышением экологической осознанности и внедрением новых технологий. По данным Global Market Insights,

объем мирового рынка переработанной плодоовощной продукции увеличился с 328 млрд долл. США в 2024 г. до 400 млрд долл. США в 2025 г. [1].

Повышенное внимание к здоровому питанию является драйвером увеличения потребительского спроса на переработанные плоды и овощи. Ритейл и онлайн-платформы по продаже продуктов питания предлагают широкий ассортимент, высокое качество и соблюдение цепочки холодного хранения, что расширяет доступность для потребителей. Одновременно с этим усиление конкуренции и налаживание прямых связей между поставщиками и розничными сетями повышает ценовую конкурентоспособность и стабильность поставок.

Основными тенденциями мирового рынка глубокой переработки овощей и фруктов являются:

1. *Рациональное использование ресурсов*. Этот тренд вызван экологической повесткой, экономической выгодой для производителей и находит проявление в следующем:

- апсайклинг. Например, кожура цитрусовых идет на производство эфирных масел и пектина, а жмых от производства соков – на функциональные добавки;
- комплексный подход, при котором сырье разделяют на компоненты для пищевой, фармацевтической и косметической промышленности, а оставшуюся биомассу используют для получения биоэнергии [2].

2. *Рост спроса на «чистую этикетку».* В настоящее время набирает популярность использование технологии HPP (High Pressure Processing). Обработка под высоким давлением позволяет производить фруктовые соки и овощные пюре длительного хранения без нагрева, что дает возможность плодовой и овощной продукции ведущих брендов соответствовать требованиям Clean Label. Это сохраняет вкус и витамины свежего продукта, увеличивая срок хранения. Также растет спрос на свежесрезанные (fresh-cut), замороженные (IQF) и вакуумированные овощи и фрукты (vacuum-sealed) [3].

3. *Автоматизация и цифровизация процессов*. Из-за волатильности цен на сырье компании инвестируют в технологии, в т.ч. системы компьютерного зрения для сортировки, роботизированную упаковку, автоматизированные системы термообработки и мойки. Использование «цифровых паспортов» продукта на основе блокчейна позволяет создать надежную и прозрачную систему отслеживания всей цепочки поставок от поля до прилавка. Это гарантирует подлинность продукции, защищает от контрафакта, подтверждает экологичность и соблюдение строгих нормативных требований.

4. *«Зеленая» упаковка и борьба с пластиком*. Жесткие регуляторные требования и растущие экозапросы потребителей трансформируют индустрию упаковки. Несколько технологических компаний (Apeel Sciences, Akorn), а также университетские стартапы (шведский стартап Saveggy) успешно внедряют съедобные покрытия на растительной основе (липиды и полисахариды), чтобы заменить пластиковую упаковку и продлить срок годности продуктов, замедляя процессы окисления. Такое покрытие может помочь заменить пластик в отделах свежих продуктов, защищая их и продлевая их естественный срок хранения [4].

Для обеспечения адаптации субъектов плодово-ягодного и овощного подкомплексов АПК Беларуси к выявленным тенденциям необходимы:

1) интенсификация внедрения мембранных технологий и технологии HPP;

2) организация выпуска новых видов продукции глубокой переработки плодов и овощей для косметической, фармацевтической, парфюмерной и химической отраслей промышленности;

3) налаживание изготовления сопутствующих (комплементарных) переработанным плодам и овощам товаров (специализированной тары и упаковки, специй/приправ/заправок).

Реализация предложенных мероприятий позволит получить максимальный эффект наращивания экспортных поставок продуктов глубокой переработки плодов и овощей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Global Market Insights: офиц. сайт. – URL: https://www.gminsights.com/industry-analysis/processed-fruits-and-vegetables-market (date of access: 21.09.2026).

2. Taylor & Francis Online: междунар. акад. онлайн-платформа. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/07388551.2025.2529590 (date of access: 21.09.2026).

3. Research and Markets: онлайн-платформа. – URL: https://www.researchandmarkets.com/reports/5854275/fruits-vegetables-processing-market-share (date of access: 21.09.2026).

4. Plant Based News: медиа-платформа. – URL: https://plantbasednews.org/news/fruit-veg-edible-plant-based-coating/ (date of access: 21.09.2026).

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВНЕДРЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ РАЗРАБОТОК В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Карловская Г.В.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Особенности современного этапа научно технологического развития в части формирования финансовой компоненты технологического суверенитета Республики Беларусь как средства обеспечения ее научно-технологической безопасности и устойчивого инновационного развития предопределяют необходимость ее ориентации на самообеспеченность и результативность. Это предполагает формирование систем и механизмов, влияющих на оптимизацию объемов и распределение финансовых ресурсов, особенно в части обеспечения условий, способствующих трансформации результатов отечественных НИОКР в инновации.

Основными характеристиками НИОКР являются длительные периоды с высокими затратами, неопределенные результаты и высокая степень риска. Они предопределяют следующие особенности финансирования исследований и разработок: долгосрочный характер; неопределенность; высокие риски; кумулятивность и коллективный характер (наличие различных форм финансирования из государственных и частных источников). Указанные выше особенности обусловливают также различия в целях и задачах, стоящих перед академическими и промышленными НИОКР (табл.1).

Таблица 1

Характеристика промышленных и академических исследований

Параметры	Академические исследования	Промышленные исследования
Цель	Получение знаний без обязательного условия их практического применения	Получение знаний, которые будут способствовать достижению целей компании, созданию новых продуктов или услуг и увеличению прибыли
Взаимосвязь.	Сотрудничество с целью получения доступа к передовым исследованиям на ранних стадиях	
Результат.	Доступ к передовым исследованиям	Реализация целей компании, создание новых продуктов или услуг и увеличение прибыли

Источник: авторская разработка на основе данных [1].

Особенности процесса внедрения результатов отечественных экспериментальных разработок в Республике Беларусь предопределяются трансформацией его финансового механизма, обусловленной сменой как источника, так и характера финансирования (табл. 2).

Таблица 2

Трансформация финансового механизма при внедрении результатов экспериментальных разработок

Название этапа	Экспериментальная разработка (НИОКР)	Внедрение результатов (инновационная деятельность или капитальные вложения)
Источники финансирования	Безвозвратные субсидии (бюджет)	Возвратные займы, банковские кредиты, инновационные фонды, собственные средства
Цель	Доказать, работоспособность продукта, технологии	Выпуск серийного продукта и получение прибыли
Объект оценки	Целевое использование средств по статьям затрат	Коммерческий потенциал и конечная рыночная стоимость
Потенциальные риски	Научно-технический риск потенциально допускается	Риски исключены: невыполнение показателей приводит к возврату денежных средств и штрафным санкциям
Временной горизонт планирования	Краткосрочное планирование (в рамках бюджетного года)	Средне- и долгосрочное финансирование в рамках жизненного цикла продукта

В решении задачи обеспечения привлекательности для организаций промышленности, разработки и внедрения инноваций важное значение принадлежит формированию условий, устраняющих действие факторов, препятствующих инновациям организаций промышленности Республики Беларусь. Их изучение позволяет выделить причины демотивации и, как следствие, недостаточно высокий уровень их инновационной восприимчивости. В результате проведенного исследования, согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, на основе ранжирования и структурирования факторов, препятствующих инновациям организаций промышленности, были выделены следующие три группы:

1 группа – факторы, связанные с особенностями исследований и разработок, а также инновационного процесса как объекта финансирования: высокий экономический риск; высокая стоимость нововведений; длительные сроки окупаемости нововведений; неопределенность сроков инновационного процесса;

2 группа – внутренние факторы, действие которых напрямую предопределяется стратегией и финансовыми возможностями организации: недостаток собственных средств; низкий инновационный потенциал организации; недостаток квалифицированного персонала; невосприимчивость организации к инновациям;

3 группа: внешние факторы, определяемые и обусловленные экономической деятельностью государства: низкий платежеспособный спрос на новые продукты; недостаток финансовой поддержки со стороны государства; недостаток информации о рынках сбыта, неразвитость рынка технологий; низкий спрос на инновационную продукцию, невозможность кооперирования с другими организациями; недостаток информации о новых технологиях.

Необходимость учета вышеуказанных факторов с целью активизации процессов внедрения результатов отечественных экспериментальных разработок в Республике Беларусь предопределяет целесообразность формирования гибкой системы финансирования, способной адаптировать научные результаты к промышленному производству за счет диверсификации источников финансирования, развития венчурного капитала и проектного финансирования посредством формирования механизмов разделения риска между государством и частным капиталом и вовлечения частного бизнеса в доработку и масштабирование технологий, созданных в государственных научных организациях и вузах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об изменении Закона Республики Беларусь «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь»: Закон Респ. Беларусь от 6 янв. 2022 г. № 152-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H12200152 (дата обращения: 29.08.2026).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Ковалевская И.М.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Мир стремительно развивается, и применение цифровых технологий в промышленности становится необходимостью. Внедрение современных решений увеличивает эффективность работы предприятий и улучшает их конкурентоспособность за счет цифровизации бизнес-процессов. Сегодня наблюдается цифровая трансформация всех отраслей промышленности.

Цифровизация позволяет достичь множества целей, которые оказывают значительное влияние на эффективность и скорость производственных процессов. Главная цель цифровой трансформации – повысить общую производительность предприятия и уменьшить затраты, что в конечном итоге приводит к повышению конкурентоспособности.

В декабре 2025 г. в анкету конъюнктурного опроса в промышленности были включены вопросы, касающиеся процесса цифровизации. На данные вопросы были получены ответы от 351 белорусского промышленного предприятия.

Почти 40% респондентов используют системы автоматизированного управления производством (ERP), в том числе 11% – активно, 28% – частично. Робототехника и автоматизация производственных линий применяется у 45% опрошенных предприятий: у 7% – активно и у 38% – частично; 58% руководителей видят выгоды от цифровизации производственных и управленческих процессов, в том числе 41% – существенные. При интеграции цифровых инструментов в рабочие процессы 37% респондентов испытали сложности, в том числе 15% – существенные.

Чаще всего респонденты отмечали, что цифровизация способствует повышению производительности труда (48% опрошенных). В 2 раза реже (20%) указывали на повышение качества продукции и в 2,5 раза реже (15%) – на смягчение кадровой проблемы. По 11% опрошенных отметили в связи с цифровизацией снижение затрат на сырье и энергию, а также ускорение реакции на потребности рынка. Среди прочих вариантов влияния на деятельность предприятий респонденты указывали:

- повышение прозрачности деятельности;
- улучшение управления бизнес-процессами;
- сокращение сроков производства;
- появление дополнительного источника получения информации.

Чем крупнее предприятие, тем чаще оно получает выгоды от цифровизации. Если среди организаций до 100 человек лишь 36,7% указали на наличие существенных и незначительных преимуществ, то среди предприятий-гигантов (свыше 5000 человек) это значение составило 77,8%.

Наличие существенных выгод от цифровизации имеет отраслевые особенности – чаще всего об их наличии сообщали производители транспортных средств (72%), производители машин и оборудования (71%) и химических продуктов (69%). Однако существенные выгоды чаще всего получали в текстильном производстве (55%) наряду с упомянутыми машиностроительной и химической отраслями (по 54% соответственно).

В июне 2026 г. в анкету конъюнктурного опроса промышленности был включен вопрос о факторах, препятствующих роботизации и автоматизации предприятий.

Для 61% опрошенных самым значимым фактором, сдерживающим автоматизацию предприятий, выступала высокая стоимость внедрения (рис.). Сложности с дефицитом квалифицированных кадров значимы почти для трети белорусских организаций (32%). В качестве препятствий 30% всех опрашиваемых руководителей отметили длительный срок окупаемости автоматизированных систем. Актуальность данных факторов наиболее высокая в производстве электрооборудования, машин и оборудования, производстве вычислительной, электронной и оптической аппаратуры и в производстве текстильных изделий, одежды и изделий из кожи и меха.

Несмотря на государственную поддержку (всего 3% указали на ее отсутствие), предприятия сталкиваются со следующими сложностями: сложность интеграции нового оборудования с существующими производственными линиями (27%), недостаточная надежность и отказоустойчивость роботизированных систем в сложных или агрессивных средах (3%), высокие риски простоев из-за сбоев в программном обеспечении (10%), более дешевое выполнение задач на имеющемся оборудовании (13%).

Рис. Распределение ответов на вопрос о факторах, препятствующих роботизации и автоматизации, % от числа ответивших

Таким образом, проведенные исследования позволяют сделать вывод, что белорусские производители осознают преимущества роботизации и автоматизации, однако их более широкому внедрению препятствует высокая стоимость этого процесса. Дефицит квалифицированных кадров также сдерживает внедрение, но в значительно меньшей степени.

СИСТЕМНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРИБРЕЖНОГО РЫБОЛОВСТВА В РОССИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Коновалов Ю.В.,

Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии (ГНЦ РФ ФГБНУ «ВНИРО»), г. Москва, Российская Федерация

Прибрежное рыболовство занимает особое место в структуре рыбохозяйственного комплекса России, обеспечивая занятость сотен тысяч людей, формируя бюджеты приморских регионов и являясь основой продовольственной безопасности страны. Вместе с тем в последние годы отрасль сталкивается с нарастающим комплексом взаимосвязанных проблем, которые, накладываясь друг на друга, создают угрозу ее устойчивому развитию. Изменение внешнеполитической конъюнктуры, внутренние институциональные противоречия и объективные природные факторы сформировали ситуацию, требующую системного анализа и выработки адекватных мер реагирования. Многообразие проблем целесообразно сгруппировать по пяти основным блокам, каждый из которых имеет свою специфику и тесно переплетается с другими.

Первая и, возможно, наиболее острая группа проблем носит нормативно-правовой характер. Центральное место здесь занимает правовая неопределенность в отношении экспорта продукции, произ-

веденной из уловов прибрежного рыболовства. Контрольные органы трактуют действующие нормы таким образом, что экспорт готовой продукции фактически блокируется, несмотря на то, что сырье добывается в российской зоне и почти полностью перерабатывается на отечественных береговых заводах. Это противоречие уже привело к многомиллионным штрафам для предприятий Северного бассейна и создает системный барьер для инвестиций. Если ограничения не будут сняты, бизнес вынужден будет отказаться от режима прибрежного рыболовства, что повлечет закрытие производств, потерю рабочих мест и депопуляцию целых поселков. Преодоление данных проблем требует внесения поправок в отраслевое законодательство, четко закрепляющих право экспорта готовой продукции, а также сохранения исторического принципа закрепления квот как стабилизирующего фактора.

Наряду с правовыми трудностями не менее остро стоят экономические и финансовые проблемы. Задолженность предприятий по кредитам и займам превысила 1,1 трлн рублей, причем основную нагрузку несут участники программы инвестиционных квот, которые оказались наиболее уязвимыми в условиях закрытия внешних рынков капитала и высоких внутренних ставок. В 2025 г. несколько компаний были лишены квот через суд за неисполнение обязательств. При этом механизм инвестиционных квот оказался малоэффективным для малого и среднего бизнеса: объемы выделяемой квоты не окупают затраты на строительство небольших судов. Для смягчения ситуации Правительство РФ приняло постановление, увеличивающее коэффициенты производства рыбной продукции и расширяющее перечень видов продукции, на которые распространяются льготы. Предполагается также пересмотреть требования к малотоннажному флоту, чтобы стимулировать заказы на малые и средние суда.

Экономические трудности неизбежно отражаются на социальной сфере. В отрасли наблюдается устойчивая консолидация активов, ведущая к вымыванию малого и среднего бизнеса. Сокращение числа предприятий ведет к потере рабочих мест и угрожает существованию прибрежных поселков, инфраструктура которых уже сейчас находится в критическом состоянии. Восстановление социальной инфраструктуры требует кардинально иных подходов. На Восточном экономическом форуме 2025 г. была озвучена инициатива разработать комплексную программу, закрепляющую прибрежное рыболовство как основу развития приморских регионов. Предлагается направить средства от крабовых аукционов на строительство социальных объектов в рыбацких поселках, что позволит не только улучшить условия жизни, но и повысить привлекательность отрасли для молодых кадров.

Наконец, все перечисленные проблемы усугубляются внешними вызовами. Сокращение сырьевой базы, особенно в Северном бассейне, где вылов за полугодие 2025 г. упал на 32%, накладывается на санкционное давление: закрытие доступа к традиционным районам промысла и портам, потеря привычных рынков сбыта. Реагирование на эти вызовы требует диверсификации экспортных направлений, развития импортозамещения в судостроении и активизации отраслевой дипломатии.

Таким образом, проведенный анализ выявляет пять групп взаимосвязанных проблем, каждая из которых требует целенаправленных решений, но только их комплексное преодоление способно обеспечить устойчивое развитие прибрежного рыболовства. Правовая неопределенность сдерживает инвестиции, что усугубляет финансовое положение предприятий; экономические трудности ведут к социальной деградации; внешнеэкономическое давление накладывается на истощение ресурсной базы, создавая эффект «двойного удара». Выход видится в синхронном совершенствовании законодательства, корректировке механизма инвестиционных квот с учетом интересов малого бизнеса, разработке и принятии долгосрочной программы развития прибрежных территорий, а также в активной внешнеэкономической политике, направленной на диверсификацию рынков и снижение санкционных рисков. Сохранение прибрежного рыболовства – это не только отраслевая, но и общегосударственная задача, от решения которой зависит продовольственная безопасность, занятость населения и целостность прибрежного пространства России.

ПАРАМЕТРЫ ПРИМЕНИМОСТИ ПЛАТЕЛЬЩИКАМИ МЕТОДОВ ОПТИМИЗАЦИИ НАЛОГОВ

Кончук И.А.,

кандидат экономических наук, доцент,
Полесский государственный университет, г. Пинск

Важным элементом налогового стратегирования является исследование и выбор приемлемых методов оптимизации налогов, предусматривающих сокращение налогов относительно роста прибыли в долгосрочной перспективе и установление максимально выгодных для плательщика сроков исполнения налоговых обязательств из представленных законодательством вариантов. Практическая реализация доступных методов налоговой оптимизации (учетная, договорная, инвестиционная и ценовая политика, налоговые льготы, особые режимы налогообложения) требует соблюдения комплекса научно обоснованных условий и факторов их применимости, к которым можно отнести следующие:

- оптимизация налогов предусматривает открытые и документально подтвержденные действия плательщиков. Содержание инструментов оптимизации налогов закрепляется в таких регулятивных документах организации, как учетная политика (фиксирует допустимые законом способы признания доходов и расходов, распределения затрат, момента возникновения налоговых обязательств, особенности расчета налоговых вычетов для определения НДС, способы списания на затраты стоимости товарно-материальных ценностей), налоговая стратегия (декларирует в открытом доступе принципы поведения плательщика, методы оптимизации, очерчивает границы налоговой политики, прогнозные показатели налогового стратегирования), налоговый календарь (фиксирует даты исполнения налогового обязательства), договоры (их гласность обеспечивается не только конрагентам, но контролирующим органам на предмет выявления схемы минимизации налогов), внутренние регламенты (закрепляются стандарты реализуемых налоговых процедур сотрудников организации), что обеспечивает транспарентность применяемых методов и их соответствие принципам добросовестного поведения. Каждый из указанных документов выполняет функцию закрепления выбранных методов и их принятия налоговыми и иными заинтересованными структурами;
- оптимизация налогов основывается на грамотном использовании ресурсов (финансовых, интеллектуальных, технологических, репутационных, информационных), так как, следуя концепции двойственной ценности ресурсов, стоимость ресурса определяется не только его рыночной ценой, но и налоговыми последствиями его использования. Отводя важную роль интеллектуальному ресурсу, использование учетной политики, совершенствование договорной работы, повышение качества внутреннего налогового контроля направлено на оптимизацию налогов в легитимном формате при условии рационализации организационной структуры, бизнес-процессов плательщика, а не как способы сокращения налогового обязательства;
- применение методов оптимизации налогов выступает результатом активных действий плательщика по выявлению возможностей перераспределить уплату налогов во времени (например, манипулирование элементами учетной политики) или на взаимосвязанных с плательщиком субъектов хозяйствования (например, заключение договора на аутсорсинг отдельных операций, перераспределение затрат между головной и дочерними структурами), которые не приводят к негативным последствиям для страны в виде ослабления финансовой основы реализации взятых государством обязательств и нарушения принципа всеобщности и справедливости налогообложения;
- использование налоговых льгот как механизма оптимизации налогов является следствием рационального поведения плательщика при условии, что плательщик действует в соответствии с гласными целями налоговой политики и принципами добросовестности плательщика. Несмотря на то, что в научной литературе налоговые льготы оцениваются двояко – негативно (искажение

конкурентной среды, переложение бремени уплаты налогов на других субъектов) и позитивно (высвобождение средств для стимулирования инвестиционной активности, решения социальных задач, стоящих перед государством), – их применение в рамках налоговой оптимизации не только не противоречат интересам государства, но и реализует его целевые установки, когда плательщик действует экономически обоснованно в рамках регуляторных требований;

- использование методов налоговой оптимизации по-разному формирует профиль налоговых рисков в разрезе степени их проявления и инструментов управления. Это связано с характером применяемых инструментов, которые дифференцированно воздействуют на налоговые последствия и, следовательно, на возможные фискальные эффекты для государства. Методы, направленные на перераспределение налогов во времени, не затрагивая совокупный объем налоговых обязательств, формируют относительно низкий уровень налогового риска. Риски налоговой оптимизации могут возникнуть в части корректности документирования, точности отражения момента совершения операции, своевременности исполнения налогового обязательства. Методы, предполагающие перераспределение налоговой нагрузки на взаимосвязанных плательщиков, в силу сокращения совокупной величины налоговых поступлений в бюджет создают условия для рисков реструктуризации сделок с доначислениями налогов и наложением штрафных санкций. Применение инструментов таких методов требует должного документального подтверждения соответствия юридической формы совершаемых операций их экономическому содержанию. Использование налоговых льгот, при условии достижения их целей, коррелирует с минимальным налоговым риском.

Учет совокупности представленных условий применения методов оптимизации налогов позволяет плательщику действовать в безопасных границах, реализуя предусмотренные законодательством возможности эффективного функционирования.

СТРАТЕГИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Корсак М.М.,

кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный аграрный технический университет, г. Минск,

Сурдо А.П.,

Компания LWO, г. Минск

В условиях современных внешнеэкономических вызовов, усиления конкуренции и трансформации глобальных рынков первостепенное значение для Республики Беларусь приобретает обеспечение устойчивости и конкурентоспособности субъектов реального сектора экономики. Ключевым фактором успешного функционирования организаций выступает повышение эффективности управления на основе современной методологии стратегического планирования [1]. Отечественные предприятия должны ориентироваться на активное формирование и реализацию долгосрочных адаптивных стратегий, способных гарантировать цифровизацию производственных цепочек, импортозамещение и устойчивый рост. Генезис концептуальных подходов к определению сущности категории «стратегия» в трудах зарубежных и отечественных экономистов (И. Ансофф, Й. Шумпетер, Г. Саймон, А.И. Ильин, А.О. Тихонов и др.) отражает эволюцию взглядов от детерминированного целеполагания, жестких долгосрочных планов к гибкому стратегическому реагированию [2].

На основе систематизации теоретических положений стратегию конкурентоспособной организации следует определять как комплексно обоснованную, динамически актуализируемую систему управленческих решений и целевых параметров, направленную на достижение долговременных

конкурентных преимуществ, генерирование стабильного дохода, обеспечение оптимального уровня ликвидности и минимизацию операционных рисков в целевых рыночных сегментах.

В целях обеспечения баланса стабильности и гибкости нами разработана системно-интегрированная архитектура стратегии современного конкурентоспособного белорусского предприятия, включающая два функционально связанных контура:

1) инвариантное (базовое) ядро – формируется миссией, долгосрочным видением и фундаментальными стратегическими приоритетами, сохраняющими стабильность на всем горизонте планирования;

2) динамический (адаптивный) контур – представляет собой совокупность гибких подсистемных стратегий второго порядка (маркетинговой, продуктовой, финансовой, инновационно-технологической, цифровой), трансформирующихся под воздействием факторов внешней среды.

Качественным фактором повышения конкурентоспособности хозяйствующих субъектов в современных условиях выступает внедрение технологии сквозной цифровизации, систем искусственного интеллекта и прогнозной аналитики [2]. Автоматизация бизнес-процессов и использование цифровых платформ обеспечивают оптимизацию ресурсоемкости, повышение качества продукции и укрепление финансово-экономической устойчивости организаций.

Методология стратегического планирования. Практическая реализация предлагаемой стратегии осуществляется посредством стратегического планирования, представляющего собой непрерывный управленческий цикл, включающий 9 последовательных этапов.

1. *Идентификация миссии и видения*. Определение фундаментальной философии бизнеса, его социально-экономической значимости и долгосрочной траектории развития.

2. *Декомпозиция стратегических целей*. Построение сбалансированной системы целей (финансовых, рыночных, технологических), соответствующих критериям SMART.

3. *Комплексный стратегический аудит*. Анализ факторов макроокружения (PESTEL) и внутренней среды (оценка потенциала, SWOT- и SNW-анализ).

4. *Генерация стратегических альтернатив*. Разработка базовых сценариев развития (диверсификация, интеграция, технологическое лидерство или минимизация затрат).

5. *Стратегический выбор.* Селекция оптимальной бизнес-модели, обеспечивающей капитализацию ключевых компетенций организации.

6. *Формирование стратегического плана*. Разработка сводного документа, содержащего целевые индикаторы, инвестиционные программы и финансовое обеспечение.

7. *Среднесрочное программирование*. Детализация выбранного курса в рамках среднесрочных планов и целевых программ по годам.

8. *Оперативно-тактическое планирование*. Разработка годовых бизнес-планов развития, бюджетов и тактических задач для структурных подразделений.

9. *Мониторинг, контроль и адаптация*. Функционирование замкнутого кибернетического контура обратной связи, где на основе непрерывного контроля отклонений фактических показателей осуществляется оперативная корректировка тактических планов и динамического контура стратегии.

Стратегический план функционирует как замкнутый контур с прямой (от разработки стратегии к операционному исполнению) и обратной (от контроля результатов к корректировке целевых параметров) связью.

Внедрение адаптивной модели стратегического управления позволяет белорусским организациям своевременно реагировать на конъюнктурные шоки внешней среды и превращать возникающие вызовы в конкурентные преимущества. Перспективным направлением развития менеджмента отечественных организаций является углубление процессов цифровизации, совершенствование методов прогнозного моделирования и построение гибких механизмов адаптации операционной деятельности к изменениям рыночной среды.

Предложенная модель стратегического планирования позволяет белорусским организациям успешно разрешить диалектическое противоречие между необходимостью поддержания стабильности бизнеса и его адаптивностью к динамичным изменениям внешней среды. Синергетический эффект интеграции инвариантного ядра, адаптивного контура и цифровых предиктивных инструментов формирует надежную основу для роста национальной конкурентоспособности и опережающего инновационного развития Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственная программа инновационного развития на 2026–2030 годы: Указ Президента Респ. Беларусь от 21 дек. 2025 г. № 448 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 25.12.2025. – 3-1/22269.

2. Корсак, М. М. Планирование в организации (предприятии). Методологические основы и стратегическое планирование : учебно-методическое пособие / М. М. Корсак, А. П. Сурдо. – Мн.: БГАТУ, 2024. – 280 с.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГРС: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Кротова Н.Г.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Современный этап развития газовой отрасли характеризуется интенсивным внедрением концепции «Индустрии 4.0». В передовой зарубежной практике газораспределительные станции (ГРС) трансформируются в интеллектуальные узлы единой газотранспортной системы. Данный процесс реализуется благодаря созданию цифровых двойников, функционирующих под управлением искусственного интеллекта (ИИ). Комплексная цифровая трансформация ГРС базируется на применении ИИ в следующих ключевых направлениях.

1. Предиктивное (упреждающее) обслуживание оборудования

Стратегии планово-предупредительного ремонта уступают место интеллектуальному обслуживанию оборудования по фактическому состоянию. Специализированные нейросети анализируют непрерывный поток данных, выявляя скрытые дефекты (зарождение трещин, микроизнос деталей) задолго до остановки станции. Технико-экономический эффект заключается в заблаговременной замене компонентов до наступления критического отказа, что нивелирует риски аварийной остановки технологических комплексов.

2. Мультимодальные системы обнаружения утечек газа

Для обеспечения комплексной безопасности внедряется трехуровневая система контроля:

- *наземный уровень*: лазерные детекторы и тепловизоры с компьютерным зрением автоматически визуализируют утечки метана на основе спектрального анализа, транслируя очертания газового облака в режиме реального времени;
- *воздушный уровень*: автономные БПЛА с лазерными сканерами осуществляют патрульный мониторинг. Бортовой ИИ сопоставляет концентрацию метана с метеоусловиями, вычисляя координаты дефекта трубопровода с высокой точностью;
- *аналитический уровень*: нейросети круглосуточно анализируют баланс газа на входе и выходе ГРС. При отклонении давления и расхода алгоритмы мгновенно локализуют аномалию, фильтруя технологические шумы и исключая ложные срабатывания.

3. Прогностическое моделирование спроса

Энергоэффективность ГРС достигается за счет перехода к проактивному автоматическому управлению. ИИ с почасовой дискретностью прогнозирует объемы потребления газа на кратко-

срочную (1–3 суток) и среднесрочную (до 30 суток) перспективу. Алгоритмы анализируют ретроспективные данные, метеопрогнозы и графики промышленных предприятий. На этой основе ИИ заблаговременно определяет пиковые часы и плавно регулирует выходное давление. Отсутствие резких перепадов существенно снижает износ запорно-регулирующей арматуры и минимизирует технологические потери.

4. Промышленные платформенные решения нового поколения

Передовой мировой опыт (Siemens, Honeywell, ABB) демонстрирует переход к объединению аналитических модулей в единые платформенные экосистемы с интерфейсом «единого окна». Внедрение интегрированных решений позволяет сократить риск внезапных аварий на 30–40%, снизить затраты на техническое обслуживание на 20% и минимизировать влияние человеческого фактора при принятии оперативных управленческих решений.

Экономический эффект от внедрения ИИ на ГРС формируется за счет трех факторов:

- *исключение аварийных остановок*: своевременное выявление скрытых дефектов делает обслуживание полностью прогнозируемым и исключает штрафные санкции;
- *ликвидация потерь газа*: точечное обнаружение утечек системами компьютерного зрения и БПЛА сводит к минимуму потери сырья и снижает экологические платежи;
- *оптимизация операционных затрат*: сквозная консолидация данных и сокращение выездов аварийных бригад снижают себестоимость эксплуатации инфраструктуры.

Таким образом, анализ передового зарубежного опыта наглядно демонстрирует, что цифровая трансформация ГРС на базе ИИ и цифровых двойников – это ключевой тренд «Индустрии 4.0», кардинально меняющий подходы к управлению газотранспортной системой. Изученные международные практики доказывают, что данный подход уже стал базовым стандартом для обеспечения надежности, экологичности и высокой экономической эффективности современной энергетической инфраструктуры. В связи с этим адаптация и декомпозиция лучших зарубежных решений открывает широкие перспективы для создания суверенных интеллектуальных систем управления отечественным газовым сектором.

Для успешной реализации этого потенциала отраслевым разработчикам предстоит преодолеть три главных барьера, с которыми сталкиваются за рубежом: стандартизация протоколов разнородных датчиков, обеспечение абсолютной кибербезопасности и устранение эффекта «галлюцинаций» нейросетей в критических режимах работы. Для минимизации данных рисков на современном этапе ИИ позиционируется как система поддержки принятия решений (интеллектуальный советник), тогда как окончательное управляющее решение остается за человеком-оператором.

ЦИРКУЛЯРНАЯ ЭКОНОМИКА: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Лагун М.А.,

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Циркулярная экономика или экономика замкнутого цикла представляет собой модель перехода от традиционного потребления «создай, используй, выбрось» к бесконечному циклу использования ресурсов, основанному на принципе «трех R» – «уменьшай (reduce), повторно используй (reuse) и перерабатывай (recycle)».

Лидером в этом направлении выступает Европейский союз, где принят масштабный план действий по развитию экономики замкнутого цикла.

Данная модель служит фундаментом для укрепления национальной конкурентоспособности и повышения уровня жизни граждан. Это достигается путем стимулирования высокотехнологичных отраслей, рационального управления ресурсами, внедрения технологий переработки

вторичного сырья и минимизации экологического ущерба. Так как экологическая составляющая является неотъемлемой частью эффективного экономического и социального развития страны в 2006 году, Центром экологической политики и права при Йельском университете (Yale Center for Environmental Law and Policy) совместно с Колумбийским университетом был разработан индекс экологической эффективности (EPI от англ. Environmental Performance Index). Он представляет собой метод количественной оценки и сравнительного анализа показателей экологической политики государств мира. EPI ранжирует страны по результативности в нескольких категориях, которые объединяются в две группы: жизнеспособность экосистемы и экологическое здоровье, рассчитывается раз в два года.

В 2022 и 2024 годах по данному индексу ранжировалось 180 стран мира, в 2026 – 177. Из табл. видно, что в мировом рейтинге по индексу экологической эффективности Эстония и Люксембург в 2024 г. поднялись соответственно с 14 и 6 места до первого и второго и удерживают свои позиции в 2026 г.

Таблица

Мировой рейтинг стран по индексу экологической эффективности (*EPI*) за 2022–2026 годы

Страна	Место страны в рейтинге			Индекс (*EPI*)		
	2022	2024	2026	2022	2024	2026
Эстония	14	1	1	61,40	75,7	74,79
Люксембург	6	2	2	72,30	75,1	74,24
Германия	13	3	6	62.40	74,5	69,93
Республика Беларусь	**55**	**32**	**53**	**48,50**	**58,2**	**46,72**
Соединенные Штаты Америки	43	35	27	51.10	57,2	58,54
Российская Федерация	112	83	80	37,50	46,7	40,72

Источник: данные Центра экологической политики и права при Йельском университете за 2022–2026 гг.

Республика Беларусь в 2022 г. находилась на 55 позиции со значением EPI равным 48,5, в 2024 г. заняла 32 место (58,2) опережая Соединенные Штаты Америки, а в 2026 г. опустилась на 21 позицию до 53 места (46,72). Несмотря на это снижение в рейтинге, Беларусь уделяет повышенное внимание к проведению эффективной экологической политики в стране, о чем свидетельствует разработка проекта Экологического кодекса Республики Беларусь, который разрабатывается как единый базовый акт, объединяющий и заменяющий множество разрозненных законов и указов в сфере охраны природы. Также следует отметить, что Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2040 года включает в себя подраздел «Развитие циркулярной экономики», в котором акцент делается не только на управление отходами, но и на предотвращение их образования через внедрение экологического дизайна, повышение ресурсоэффективности производства, формирование культуры ответственного потребления товаров и другие инструменты.

Для дальнейшего прогресса в области циркулярной экономики целесообразно адаптировать успешный опыт зарубежных стран. Анализ их практик показывает, что успех модели базируется на двух столпах: ответственности бизнеса за ресурсосбережение и осознанном потреблении граждан. Внедрение данной концепции требует комплексной трансформации на трех уровнях: макроуровне (совершенствование законодательства в сфере обращения с отходами), мезоуровне (оптимизация логистических цепочек) и микроуровне (формирование экологической культуры и новых ценностей у населения).

Так, Германия является лидером в переработке отходов и сортировке мусора. Введена жесткая система возврата тары (депозитная система Pfand), благодаря которой почти 99% пластиковых бутылок и банок возвращаются в оборот. Япония реализует концепцию «зеленого общества» и «экогородов». Закон обязывает предприятия перерабатывать строительный мусор, бытовую технику и автомобили с эффективностью до 80–90 %. Китай один из первых в мире принял национальный закон о циркулярной экономике. Фокус сделан на «экопромышленные парки», где отходы одного завода становятся сырьем для соседнего. Одной из ключевых инициатив в сфере циркулярной экономики стала нидерландская национальная стратегия «Экономика замкнутого цикла в Нидерландах к 2050 году», принятая в 2016 г. профильными министерствами. Документ определяет вектор развития страны до 2050 г., ставя амбициозные цели: сократить потребление первичного сырья вдвое к 2030 г. и полностью перейти на циркулярную модель к 2050 г. Для достижения этих показателей планируется внедрение комплекса мер, включая совершенствование законодательства, развитие вторичной переработки, внедрение принципов экодизайна и увеличение жизненного цикла товаров.

Таким образом, подводя итог, отметим, что в Республике Беларусь в соответствии с тенденциями «устойчивого развития» и «зеленого роста» большое внимание уделяется экологической составляющей эффективного экономического роста. В стране разрабатываются новые и совершенствуются имеющиеся нормативно-правовые документы в области охраны окружающей среды.

— ◆ —

ПОЗИЦИИ БЕЛАРУСИ И КИТАЯ В ИНДЕКСЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ (EPI)

Лебедевич М.В.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Переход к низкоуглеродной экономике – ключевой приоритет устойчивого развития. Индекс экологической эффективности (EPI) Йельского университета – комплексный инструмент оценки прогресса стран в достижении экологических целей. На основе данных EPI 2026 проведен сравнительный анализ позиций Беларуси и Китая для выявления структурных сильных и слабых сторон их экологической политики и определения потенциала двустороннего технологического сотрудничества.

Индекс экологической эффективности (Environmental Performance Index – EPI) разрабатывается Центром экологической политики и права при Йельском университете и является одним из наиболее авторитетных инструментов сравнительной оценки природоохранной политики государств. В 2026 г. индекс охватывает 180 стран по 58 показателям, объединенным в 11 категорий и три компонента: экологическое здоровье, жизнеспособность экосистем и изменение климата [1]. В отличие от простого ранжирования, EPI позволяет выявлять структурные диспропорции национальных экологических политик, что делает его удобной базой для определения направлений международного сотрудничества.

Согласно данным EPI 2026, позиции Беларуси и Китая существенно различаются. Беларусь занимает 53-е место с баллом 47,03 – второй результат среди стран постсоветского пространства. Китай находится на 129-й позиции с баллом 33,88. При этом значим не столько разрыв в интегральных баллах, сколько различие в структуре экологических профилей: области, в которых Беларусь демонстрирует высокие результаты, не совпадают с зонами сильных сторон Китая (табл. 1).

Таблица 1

Показатели EPI, по которым Беларусь опережает Китай (ранжированы по месту Беларуси от лучшего к худшему)

Показатель (компонент / категория EPI)	Беларусь (место)	Китай (место)
Индекс Красного списка видов (биоразнообразие / жизнеспособность экосистем)	1	111
Экологически устойчивое управление твердыми отходами (управление отходами)	26	53
Очистка сточных вод (водные ресурсы)	33	52
Использование твердого бытового топлива (качество воздуха)	39	93
Воздействие NO_2 (качество воздуха)	39	86
Качество воздуха (воздействие на человека)	42	129
Санитария и питьевая вода	45	58
Экологическое здоровье (сводный показатель компонента)	51	93
Цель политики в области изменения климата (изменение климата)	52	125

Сильные стороны Беларуси сконцентрированы в компоненте «Экологическое здоровье»: страна занимает 1-е место в группе постсоветских государств по этому компоненту. Особо выделяются два результата: индекс Красного списка видов – 1-е место в мире (100 баллов), что подтверждает высокую эффективность системы охраны биоразнообразия, и экологически устойчивое управление отходами – 26-е место с баллом 99,99, что практически является максимальным значением.

Китай, несмотря на низкий интегральный балл, демонстрирует результаты мирового уровня в сфере изменения климата (табл. 2): 1-е место по потоку углерода из-за изменения землепользования (результат масштабных программ лесовосстановления, включая «Трехсеверную защитную лесополосную программу» [2]) и по тенденции снижения выбросов SO_2 (следствие модернизации промышленности и энергетики). Это именно те области, где Беларусь испытывает системные трудности.

Таблица 2

Показатели EPI, по которым Китай опережает Беларусь (ранжированы по месту Китая от лучшего к худшему)

Показатель (компонент / категория EPI)	Китай (место)	Беларусь (место)
Поток углерода из-за изменения землепользования (изменение климата)	1	75
Тенденция выбросов SO_2, скорректированная (изменение климата)	1	106
Относительная урожайность сельскохозяйственных культур (сельское хозяйство)	1	62
Загрязнение воздуха, воздействие на экосистемы (жизнеспособность экосистем)	18	59
Тенденция выбросов NOx (изменение климата)	31	34
Индекс устойчивого управления азотом (сельское хозяйство)	36	143
Тенденция выбросов черного углерода (изменение климата)	36	62
Индекс местообитаний видов (биоразнообразие)	51	94

Таким образом, сравнительный анализ выявляет устойчивое структурное расхождение экологических профилей двух стран. Беларусь сильна в сферах, связанных с прямым воздействием на здоровье человека и институциональным управлением (отходы, вода, ООПТ), но испытывает системные трудности в управлении природными активами, с устойчивостью экосистем и сельскохозяйственным землепользованием. Китай, напротив, демонстрирует прорывные результаты

в поглощении углерода и снижении промышленных выбросов. Для Беларуси стратегический интерес представляет трансфер китайских технологий лесовосстановления и углеродного поглощения, модернизация сельского хозяйства, снижение выбросов тяжелых металлов и повышение устойчивости экосистем. Реализация таких проектов позволит Беларуси компенсировать слабые позиции без потери достигнутых конкурентных преимуществ и ускорить переход к низкоуглеродной экономике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Yale Center for Environmental Law & Policy. 2026 Environmental Performance Index. – New Haven : Yale University, 2026. – URL: https://epi.yale.edu/ (date of access: 07.09.2026).

2. «“三北”工程总体规划» (Генеральный план проекта «Три Севера»): утв. Госсоветом КНР 06.09.2025 г. № 32. – URL: https://faolex.fao.org/docs/pdf/chn240315.pdf (дата обращения: 07.09.2026).

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ БЕЛАРУСИ: ПРИОРИТЕТЫ ВНЕДРЕНИЯ В УСЛОВИЯХ КАДРОВОГО ДЕФИЦИТА

Маляренко А.В.,

МЭОО «Экобудущее», г. Минск

Дефицит кадров стал одним из ключевых ограничений белорусской экономики. Государственная программа «Сбалансированный рынок труда» на 2026–2030 гг. оценивает замещающую кадровую потребность предстоящей пятилетки более чем в 300 тыс. работников. Спрос на работников вырос с 72 тыс. человек на начало 2021 г. до 193,8 тыс. на 1 сентября 2025 г., при этом около 70% вакансий приходится на рабочие профессии, а строительство отнесено к видам деятельности с наибольшим спросом[1].

Для строительства проблема имеет двойную природу. В отрасли занято 256,2 тыс. человек, или 6,2% занятых в экономике, работает 9497 организаций, средний возраст работника составляет 42,7 года[2]. Технология строительного производства предполагает высокую трудоемкость и широкий набор специальностей, поэтому отрасль конкурирует за рабочие руки одновременно на двух рынках: на внутреннем – с промышленностью, транспортом и торговлей, на внешнем – с региональными строительными рынками, где белорусские специалисты сохраняют высокую котировку. Внутреннюю конкуренцию усиливает центростремительность трудовой миграции, которую государственная программа фиксирует прямо.

Экстенсивный ответ на дефицит ограничен. Привлечение иностранной рабочей силы выделено в отдельную подпрограмму с целевым миграционным приростом не менее 50 тыс. человек за пятилетку, однако профинансировано в объеме 300 тыс. рублей – около 0,1% бюджета программы. Основной резерв, таким образом, смещается в интенсивную плоскость: рост отдачи от наличных трудовых ресурсов. В этой логике цифровизация перестает быть технологической модой и становится инструментом кадровой политики.

Мировая практика применения искусственного интеллекта в строительстве сводится к четырем группам решений. Первая – предиктивная аналитика: модели машинного обучения прогнозируют отклонения от бюджета и риски травматизма по данным строительной площадки. Вторая – динамическое календарное планирование и автоматизированная оценка стоимости, заменяющие ста-

[1] О Государственной программе «Сбалансированный рынок труда» на 2026–2030 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 2 дек. 2025 г. № 699 // Национальный правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500699 (дата обращения: 17.08.2026).

[2] Сколько зарабатывают строители? В Белстате поделились актуальными цифрами развития отрасли // Белорусское телеграфное агентство. – 2026. – 9 авг. – URL: https://belta.by/special/society/view/skolko-zarabatyvajut-stroiteli-v-belstate-podelilis-aktualnymi-tsiframi-razvitija-otrasli-795246-2026/ (дата обращения: 17.08.2026).

тический график непрерывно пересчитываемым с учетом наличия ресурсов и погодных условий. Третья – генеративное проектирование поверх информационных моделей зданий с автоматическим обнаружением коллизий до начала работ. Четвертая – робототехника, беспилотные аппараты и контроль хода работ средствами компьютерного зрения.

Критерием приоритетности для белорусской экономики выступает не технологическая зрелость решения, а наличие базиса, на который оно ложится. Первые три группы представляют собой программные надстройки над уже существующими цифровыми контурами. Внедрение технологий информационного моделирования ведется в стране планово [1], а значит, массив модельных данных накапливается и пригоден для алгоритмической обработки. Четвертая группа требует парка техники и капитальных вложений, то есть импорта оборудования, а не услуг, с существенно более длинным циклом окупаемости.

Отсюда следует очередь внедрения. Первыми дают эффект предиктивная аналитика и динамическое планирование: минимальный порог входа, отдача в виде сокращения простоев и авральных переработок. Далее – генеративное проектирование и контроль коллизий на базе информационных моделей, где эффект возникает за счет устранения переделок, то есть прямой экономии рабочего времени. В качестве третьего его шага целесообразна цифровизация нормативно-технической базы как среды, пригодной для алгоритмического поиска: это снимает рутинную нагрузку с инженерного персонала. Робототехника и автоматизация площадки вторичны – не потому, что менее эффективны, а потому, что дают отдачу позже.

Институциональная рамка для такого сдвига сформирована. Государственная программа «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы предусматривает внедрение прикладных цифровых решений для государства, граждан и бизнеса, в том числе с применением технологий искусственного интеллекта, и располагает бюджетом свыше 1,08 млрд рублей[3] – почти вчетверо больше, чем программа рынка труда. Открытым остается вопрос отраслевых приоритетов: строительство отдельной строкой в перечне мероприятий не выделено.

Искусственный интеллект в строительстве Беларуси разумно рассматривать не как модернизационный проект, а как способ компенсации сокращающегося трудового ресурса. При таком взгляде мерой успеха становится не число внедренных систем, а выработка на одного занятого – показатель, от которого в условиях убыли рабочей силы зависит, сохранит ли отрасль достигнутые объемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коньков, В. В. Практика применения BIM-технологий в строительном комплексе Беларуси / В. В. Коньков, Е. Ю. Зорина // Инженерный бизнес : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. в рамках XIX Междунар. науч.-техн. конф. БНТУ «Наука – образованию, производству и экономике», Минск, 1–3 дек. 2021 г. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск : БНТУ, 2021. – С. 160–165.

[3] О Государственной программе «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 дек. 2025 г. № 793 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22500793 (дата обращения: 21.09.2026).

НОВЫЕ СТРАТЕГИИ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКОГО ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Медведев С.О.,

кандидат экономических наук,
филиал Сибирского государственного университета науки и технологий
имени академика М.В. Решетнева, г. Лесосибирск, Российская Федерация

Лесопромышленный комплекс (ЛПК) является одним из важнейших элементов реального сектора экономики России. Различными экспертами признается его потенциал, при этом текущий вклад в ВВП составляет лишь около 1%. Наличие в стране крупнейших мировых запасов древесины позволяет рассчитывать на значительно более высокие экономические показатели, особенно в сравнении с эффективностью отдельных европейских государств [1].

За три с половиной года (2022–2026 гг.) отрасль столкнулась с беспрецедентными вызовами, заключающимися, прежде всего, в потере европейских рынков, комплексе санкционных ограничений, разрыве устоявшихся логистических цепочек, уходе иностранного оборудования и технологий. Это обусловило систему новых геополитических и экономических вызовов, стоящих перед российской экономикой и ЛПК, в частности. Стоящий перед отраслью и научным сообществом ключевой вопрос, по авторскому мнению, можно сформулировать следующим образом: какие стратегии могут обеспечить долгосрочную конкурентоспособность российского ЛПК в условиях геополитической нестабильности и экономической турбулентности? Первым, важнейшим этапом на пути поиска ответа на поставленный вопрос (с его последующим внедрением на практике) является систематизация ключевых вызовов и разработка направлений стратегической адаптации отрасли с опорой на государственную политику и рыночные механизмы. Именно в данном направлении проводится представленное авторское исследование.

В ходе проведенного исследования выявлены системные вызовы конкурентоспособности ЛПК страны. Были проведены статистический анализ, опрос экспертов, а также ряд эконометрических расчетов, что позволило выявить несколько ключевых аспектов существующего положения:

1. Сжатие лесозаготовительной и производственной деятельности. После 2022 г. происходит сокращение лесозаготовительной деятельности и (в том числе из-за недостатка сырья) падение ряда производственных показателей по выпуску различной продукции отрасли [2]. Исключение составляют бумага и картон, а также ряд производств в отдельные временные интервалы (например, топливные гранулы).

2. Финансово-экономические затруднения. По отдельным полученным оценкам до 50% предприятий отрасли в данный временной интервал убыточны. Сложности возникают с финансированием деятельности, а также во взаимных расчетах с зарубежными контрагентами.

3. Внешнеэкономические и логистические барьеры. Переориентация на азиатский рынок (прежде всего Китай) сталкивается со множеством сложностей, в том числе вследствие перегруженности логистических маршрутов. Традиционные рынки сбыта (Европа) недоступны либо определяются существенно возросшими транспортно-логистическими расходами.

4. Неблагоприятные макроэкономические и институциональные факторы. На ЛПК, как и другие отрасли страны действует ряд негативных факторов: высокая ключевая ставка, инфляция, фискальная нагрузка, возрастающий износ техники (замена оборудования на китайских поставщиков с комплексом сопутствующих сложностей).

По авторскому мнению, наиболее оптимальный выход из сложившейся ситуации – это использование системного подхода к повышению конкурентоспособности ЛПК, сочетающего целенаправленную государственную политику, разработанные отраслевые инициативы и новые рыночные

возможности. Исходя из проведенного исследования выделены следующие ключевые направления стратегических изменений, необходимых для отрасли:

1. Пересмотр государственной стратегии развития ЛПК, направленной на действенное стимулирование развития отрасли.

2. Качественная и структурная переориентация экспорта и диверсификация рынков. Ключевая задача – восстановление объемов экспорта несырьевых неэнергетических товаров.

3. Развитие внутреннего рынка и глубокой переработки.

4. Внедрение механизмов углеродного регулирования, способствующих не только решению экологических вопросов, но и присутствию на экологически чувствительных рынках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев, А. А. Состояние и перспективы развития лесного хозяйства и лесопромышленного комплекса России / А. А. Григорьев, К. С. Мартынов, В. А. Плотников // Экономика и управление. – 2026. – Т. 32, № 1. – С. 30–40.

2. Бадьянов, А. О. Ключевые факторы воздействия на развитие лесопромышленного комплекса в современных условиях / А. О. Бадьянов // Региональная экономика. Юг России. – 2024. – Т. 12, № 3. – С. 108–117.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-20024, https://rscf.ru/project/26-18-20024/, за счет целевого финансирования (гранта) Красноярского краевого фонда науки.

—— ◆ ——

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ПЛАТЫ ЗА АРЕНДНОЕ ЖИЛЬЕ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В БЕЛАРУСИ

Мисуно И.Н.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

В мировой практике управления государственным арендным жильем сложились различные подходы к формированию платежей для нанимателей и расчету арендной ставки. Изучение зарубежного опыта представляет интерес для возможной адаптации эффективных механизмов в Республике Беларусь, где с 2020 года началось формирование системы арендного жилья. Для настоящего обзора выбраны пять стран: Россия, Казахстан, Польша, Китай и Германия, которые или имеют общее с нашей республикой советское жилищное наследие, или представляют интерес с точки зрения накопленного опыта в сфере арендных отношений.

Во всех рассмотренных странах ежемесячные платежи включают арендную плату и коммунальные услуги. Капитальный ремонт повсеместно относится к обязанностям собственника, что является общим принципом для государственного арендного жилья. Текущий ремонт возлагается на арендатора в России, Казахстане, Германии и Польше; в Китае арендатор вправе провести его только с разрешения собственника. Административные расходы не включаются в плату в Германии, где они относятся на счет арендодателя. В Беларуси текущий ремонт может выполняться как за счет нанимателя, так и за счет средств от арендной платы.

Методики расчета арендной платы в рассмотренных странах существенно различаются. В России размер платы привязан к средней цене 1 м^2 на вторичном рынке с применением коэффициентов качества, благоустройства и месторасположения жилья. В Казахстане применяется затратный метод, основанный на стоимости строительства, расчетном сроке службы здания и годовой смете затрат на содержание жилого дома.

В Германии затратный подход используется для жилья, построенного до 2002 г., где арендная плата строго равна текущим расходам на содержание и финансирование здания без права арендодателя на получение прибыли. Расчет включает капитальные затраты, такие как проценты на собственный и заемный капитал, а также управленческие расходы: амортизацию, административные расходы, затраты на техническое обслуживание и риск невыплаты арендной платы. Для жилья, построенного после 2002 г., действует упрощенная система – установление максимально допустимой арендной платы непосредственно в решении о предоставлении субсидии.

В Польше применяется административное установление ставок с использованием повышающих и понижающих коэффициентов, отражающих потребительскую ценность жилья: расположение, оборудование, техническое состояние. Сумма понижающих коэффициентов не может превышать 60%. К факторам снижения относятся отсутствие водоснабжения, канализации, центрального отопления, расположение на окраине или выше 4-го этажа без лифта.

Наиболее гибкая система применяется в Китае, где размер платы зависит от дохода семьи, обеспеченности жильем и состава семьи. Коэффициент дохода варьируется от 0,1 для семей с доходом ниже стандарта малообеспеченных до 1,0. Коэффициент площади на человека учитывает обеспеченность жильем: от 0,2 при площади до 12 м² до 1,0 при площади более 30 м². Коэффициент структуры семьи поощряет совместное проживание трех и более поколений. Предусмотрено полное освобождение от арендной платы для малоимущих семей, сирот, инвалидов, ветеранов и пожилых людей, а также 50 % снижение для семей с серьезными заболеваниями, пострадавших от аварий, пенсионеров и неполных семей.

Анализ поступления и расходования средств показывает, что в России, Казахстане, Китае и Польше доходы от аренды зачисляются в соответствующие бюджеты. Целевое расходование средств предусмотрено в Китае на погашение кредитов, содержание, управление и ремонт арендного жилья и в Польше на содержание, ремонты и модернизацию. В Германии арендная плата поступает непосредственно собственнику жилья. В Беларуси средства зачисляются на специальные счета и используются на строительство и приобретение арендного жилья, текущий ремонт и администрирование.

Меры воздействия при задолженности также различаются. Основанием для расторжения договора во всех странах является задолженность от 2 до 6 месяцев. В России применяется дифференцированная система пеней в зависимости от срока просрочки, при выселении гражданам предоставляется другое жилое помещение. В Китае запрещено отключение коммунальных услуг для взимания платы. В Германии начисляются проценты за просрочку, при долге за ЖКУ свыше 100 евро возможно предупредительное отключение. В Польше активно используется досудебная работа с должниками, включая рассрочку, отсрочку и списание задолженности.

Проведенный анализ позволяет сформулировать рекомендации по совершенствованию белорусской системы платы за арендное жилье. Действующая модель с единой базовой ставкой и региональными коэффициентами не учитывает доход нанимателей, что ограничивает доступность жилья для малообеспеченных граждан. Понижающие коэффициенты применяются дифференцированно, что создает неравенство. Предлагается внедрение коэффициента дохода семьи по примеру Китая для обеспечения доступности арендного жилья малообеспеченным. Целесообразно установление максимальной доли расходов на аренду в доходе семьи с предоставлением адресных субсидий по аналогии с Россией. Совершенствование досудебной работы с должниками снизит социальную напряженность. Адаптация элементов зарубежных моделей позволит создать более гибкую и справедливую систему платы за арендное жилье в Беларуси. Важно сохранить баланс между социальной защитой и экономической эффективностью.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ КОРПОРАТИВНЫХ ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ РЫНКА ОВОЩНОЙ ПРОДУКЦИИ

Молохович М.В.,

кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный университет, г. Минск

Рынок овощной продукции представляет собой сложную непрерывно развивающуюся систему, объединяющую в своем составе представителей различных сфер деятельности, относящихся к разнообразным отраслям народного хозяйства. Результативность функционирования данной системы зависит от множества факторов, среди которых ключевая роль принадлежит эффективности деятельности и конкурентоспособности входящих в ее состав субъектов, которые во многом зависят от эффективности взаимодействия данных субъектов друг с другом и иными контрагентами рынка, определяющейся уровнем развития и реализации их корпоративных интересов.

Формирование корпоративных интересов, их развитие и последующая реализация являются неотъемлемой частью и важнейшей задачей функционирования каждого хозяйствующего субъекта. Ведь данные интересы выступают не только основой его деятельности, но и той движущей силой, которая заставляет предприятие или компанию ставить грандиозные цели и искать оптимальные варианты их достижения, зачастую проявляющиеся в объединении усилий ранее обособленных товаропроизводителей, учреждений и организаций и совместном выполнении ими тех или иных действий. Исключением не являются и субъекты рынка овощной продукции. Специфика производимой и реализуемой ими продукции, обострение конкуренции со стороны зарубежных товаропроизводителей, повышение цен на энергоносители и другие ресурсы заставляют субъектов хозяйствования искать все новые и новые формы сотрудничества, выстраивать взаимоотношения с представителями различных сфер деятельности, согласовывать с ними свои собственные интересы и учитывать интересы каждого из них, формируя в конечном итоге разделяемые всеми корпоративные интересы. При этом особенности деятельности организаций, принявших решение о вступлении в состав объединения, и их принадлежность к определенному сектору экономики накладывают существенный отпечаток на процесс формирования корпоративных интересов взаимодействующих субъектов, определяют характер и специфику их дальнейшего развития и реализации, а следовательно, и конечные результаты совместной деятельности, что и обусловило потребность более детальной проработки данного вопроса.

На сегодняшний день основными субъектами рынка овощной продукции, определяющими эффективность его функционирования и характер всех происходящих на нем процессов, выступают: производители овощей (сельскохозяйственные организации, К(Ф)Х, ЛПХ), овощеперерабатывающие организации (консервные и овощесушильные заводы, овощеводческие хозяйства, имеющие консервные цеха, пищевые комбинаты), торгово-закупочные организации (организации потребительской кооперации, оптовые базы, торговые посредники, торговые сети), организации инфраструктуры (консалтинговые фирмы, логистические центры, маркетинговые центры), а также потребители овощей и овощной продукции (население, организации общественного питания). Огромное многообразие представленных на данном рынке субъектов, кардинально отличающихся друг от друга и выступающих носителями большого количества разнообразных, зачастую не совпадающих и даже противоречивых интересов, способно породить множество сложностей в обеспечении эффективного функционирования рынка как целостной системы. С целью недопущения подобных трудностей возникает потребность выработки действенных механизмов гармонизации экономических и иных интересов различных представителей рынка овощной продукции, и в первую очередь посредством поиска областей пересечения интересов этих разнородных субъектов хозяйствования, способных впоследствии стать базисом для формирования их корпоративных интересов. Специфика дальнейшего развития данных интересов будет напрямую зависеть от того, какие именно субъекты приняли решение об организации совместной деятельности,

так как каждой из перечисленных выше категорий участников рынка присущи свои ключевые особенности их формирования, развития и реализации. В частности, центральным элементом рынка овощной продукции выступают овощеводческие организации, осуществляющие возделывание овощных культур, и овощеперерабатывающие организации. На первый взгляд их интересы являются главенствующими, ведь именно они задают вектор развития всей хозяйственной системы, определяют характер поведения, влияют на эффективность функционирования и формирование интересов других субъектов рынка. Но в то же время скоропортящийся характер многих видов овощей требует четко налаженной системы сбыта, а большие объемы их производства в хозяйствах населения и фермерских хозяйствах – не менее четко налаженной системы закупок данного вида продукции, ставя торгово-закупочные организации в данной системе взаимодействия и их интересы на не менее высокий уровень. То же самое касается и организаций инфраструктуры, которые, по сути, выступают лишь косвенными участниками рынка овощной продукции, создающими благоприятные условия для функционирования других его субъектов посредством реализации своих собственных интересов. Что касается потребителей овощей и продуктов их переработки, то только организации общественного питания могут становиться носителями определенных корпоративных интересов, хотя именно население в конечном итоге и оказывает колоссальное влияние на все происходящие на рынке процессы.

Таким образом, каждому субъекту рынка овощной продукции присущи свои собственные интересы, достижение которых является его важнейшей задачей. Но когда личные интересы различных участников рынка пересекутся, будет сформирован единый корпоративный интерес, реализация которого в итоге и обеспечит удовлетворение потребностей каждого из них и приведет к усилению их взаимного действия.

—— ◆ ——

АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ СИСТЕМА КАК КАТЕГОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Морозова К.Д.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

В современной экономической науке исследование аграрной сферы все чаще опирается на категорию «агропродовольственная система» (АПС). Данное понятие, получившее широкое распространение в трудах международных организаций (прежде всего Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН – ФАО) и в работах зарубежных и отечественных ученых, не является простым синонимом традиционного «агропромышленного комплекса» (АПК). Выявление сущностных различий между этими категориями имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку определяет методологические подходы к анализу, прогнозированию и регулированию аграрного сектора.

Понятие агропромышленного комплекса сформировалось в советской экономической науке в 1960-е годы в ходе индустриализации сельского хозяйства. Под АПК понимается совокупность сельского хозяйства и органически связанных с ним других отраслей экономики, функционирующих как единое целое. В белорусской энциклопедической традиции национальный агропромышленный комплекс определяется как современная производственная система, включающая сельское хозяйство, промышленность по переработке сельскохозяйственного сырья, обслуживающую инфраструктуру, научное обеспечение и подготовку кадров [1]. Таким образом, АПК – это прежде всего производственно-отраслевая конструкция, акцентирующая внимание на технологической цепочке: производство сырья, его переработка и доведение до потребителя.

В свою очередь, агропродовольственная система представляет собой более широкое и емкое понятие. Согласно определению, сформулированному Всемирной продовольственной организацией,

АПС включает совокупность всех видов деятельности, а также всех элементов, которые связаны с процессом производства продуктов питания.

Различия между АПК и АПС носят концептуальный характер. Во-первых, АПС включает не только производственные процессы, но и весь спектр социально-экономических и экологических взаимодействий, связанных с продовольствием. Если АПК – это совокупность отраслей, то АПС – это форма взаимодействий, реализующая функции интеграции разнородных хозяйствующих субъектов и организации внутрисистемных механизмов. Во-вторых, АПС охватывает не только сельскохозяйственное сырье и продовольствие, но и непищевую продукцию (биотопливо, волокно и т.д.). В-третьих, АПС характеризует не только отраслевые, но и новые социально-экономические и эколого-экономические связи. Агропродовольственные системы включают весь спектр участников рынка и их взаимосвязанную деятельность по созданию добавленной стоимости на этапах производства, сбора, переработки и распределения [2].

Стоит отметить, что АПС рассматривается как открытая система, обладающая специфическими свойствами: открытостью и условностью границ, организационным и функциональным единством, устойчивостью внутренних взаимодействий, непрерывностью функционирования, иерархичностью, адаптивностью и управляемостью. В отличие от АПК, который чаще анализируется как замкнутая производственная цепочка, АПС включает в себя также результаты своего функционирования – состояние продовольственной безопасности, экологическую устойчивость, социальное благополучие [3]. Именно поэтому в современной науке говорят об устойчивом развитии именно агропродовольственных систем, а не просто агропромышленных комплексов.

Для Республики Беларусь разграничение этих понятий имеет особое значение. Белорусский АПК, охватывающий 40% территории страны и обеспечивающий занятость порядка 8% работников реального сектора экономики, является мощной производственной системой. Однако в условиях глобальных вызовов – изменения климата, утраты биоразнообразия, неполноценного питания, нищеты – анализ аграрной сферы требует выхода за рамки отраслевого подхода. Именно категория АПС позволяет рассматривать продовольственный сектор во взаимосвязи с демографическими, экологическими, технологическими и институциональными процессами, что создает основу для формирования эффективной стратегии устойчивого развития аграрного сектора Беларуси [4].

Таким образом, агропродовольственная система представляет собой более широкую, интегративную категорию по сравнению с агропромышленным комплексом. Если АПК фокусируется на производственно-технологической цепочке создания продовольствия, то АПС охватывает весь спектр социально-экономических, экологических и институциональных взаимодействий, связанных с продовольствием на всех этапах – от производства до потребления и утилизации. Переход от анализа АПК к исследованию АПС знаменует собой сдвиг в экономической методологии: от изучения отраслей – к изучению сложных адаптивных систем, интегрирующих экономические, социальные и экологические аспекты в единое целое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сайганов, А. С. Сельское хозяйство и продовольственный сектор / А. С. Сайганов // Белорусская энциклопедия. – URL: https://belarusenc.by/belarus/detail-article.php?ID=3572 (дата обращения: 07.08.2026).

2. Балич, Н. Л. Методологические подходы к исследованию модернизации агропромышленного комплекса Беларуси / Н. Л. Балич // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. 1, Філасофія, Паліталогія, Сацыялогія. – 2020. – № 2. – С. 127–134.

3. Доктрина национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 15 дек. 2017 г., № 962: в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 24 янв. 2025 г. № 40 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21700962 (дата обращения: 21.09.2026).

4. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года / М-во экономики Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – URL: http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR/NSUR-2035.pdf (дата обращения 21.09.2026).

ИТОГИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МСП В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Осипов С.А.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Предпринимательский сектор в Республике Беларусь выступает одним из ключевых драйверов экономического роста и социальной стабильности. Малое и среднее предпринимательство (далее – МСП) формирует около третьей части ВВП и налоговых поступлений, обеспечивает рабочими местами более 35 % занятого населения. В этой связи поддержка МСП является одним из приоритетов государственной экономической политики.

Меры материальной и финансовой поддержки в рамках госпрограммы «Малое и среднее предпринимательство» на 2021–2025 годы составили 64,9 млрд рублей при плане 39,4 млрд рублей. Основную поддержку бизнесу оказывали ОАО «Банк развития Республики Беларусь» (далее – Банк развития) и 3 коммерческих банка: ОАО «АСБ Беларусбанк», ОАО «Белинвестбанк», ОАО «Белагропромбанк». Совместные программы коммерческих банков с Банком развития предоставляют субъектам МСП доступ к финансированию по ставкам, которые были значительно ниже рыночных (от 6 до 10% годовых). Коммерческие банки предоставляют кредитные ресурсы субъектам МСП по специальным предложениям («Поддержка регионального бизнеса», «Сваё.Роднае», «Дело молодых» (до 31 года) и др., ставки на уровне 10–12%) или рыночным ставкам.

Банк развития за 5 лет на поддержку субъектов МСП направил 1,62 млрд рублей при плане 1,18 млрд рублей. Коммерческие банки в совокупности по всем продуктам направили 63,2 млрд рублей кредитных ресурсов, что составило 166% к плану.

Белорусский фонд финансовой поддержки предпринимателей (далее – БФФПП) за за 5 лет профинансировал 210 проектов субъектов малого предпринимательства на сумму более 45 млн рублей. Также БФФПП обеспечивал выдачу поручительств по обязательствам субъектов МСП для обеспечения их кредитов в банках, выдачу имущества на условиях договора финансовой аренды (лизинга) и др. Общая сумма поддержки БФФПП за пять лет составила 64,6 млн рублей.

Адресную государственную финансовую поддержку из местных бюджетов получили более 700 проектов субъектов малого предпринимательства на общую сумму 40,2 млн рублей.

Центры поддержки предпринимательства и инкубаторы малого предпринимательства оказывают различные услуги, содействуют в получении финансовых и материально-технических ресурсов, проводят маркетинговые исследования, разрабатывают бизнес-планы, организуют обучающие курсы, семинары, тренинги, стартап-мероприятия и круглые столы, предоставляют в аренду помещения.

За период реализации госпрограммы услугами субъектов инфраструктуры поддержки МСП воспользовались 587,7 тыс. человек (центров – 529,8 тыс. человек, инкубаторов – 57,9 тыс. человек); проведено 14550 обучающих курсов и семинаров (центрами – 12282 курса и семинара, инкубаторами – 2268 курсов и семинаров).

Новой госпрограммой «Устойчивое предпринимательство» на 2026–2030 годы предусматривается расширение государственной поддержки МСП, внедрение новых инструментов поддержки. Всего на реализацию программы запланировано направить 64,2 млрд рублей (на 72% больше, чем планировалось привлечь в предыдущей пятилетке), в т.ч. средств БФФПП – 116,9 млн рублей (в 3 раза), средств местных бюджетов – 91,7 млн (в 1,5 раза), средств Банка развития – 1,88 млрд рублей (в 1,6 раза), коммерческих банков – 62,1 млрд рублей (на 63% больше, чем планировалось в предыдущей программе).

Основной целью госпрограммы «Устойчивое предпринимательство» на 2026–2030 годы является переход от поддержки МСП к стимулированию активного роста. Для этого предусматривается стимулирование развития субъектов МСП и создание комфортного бизнес-климата.

Новые механизмы и направления, заложенные в программе, предусматривают:

- увеличение финансовой поддержки. БФФПП внедряет новые финансовые и нефинансовые механизмы, включая массовые поручительства по займам, цифровые платформы кооперации с крупными производствами, гранты и возмещение капитальных затрат, наращивание объемов льготного финансирования. За I полугодие 2026 года БФФПП поддержал новые проекты на 23 млн рублей – это примерно в полтора раза больше, чем за весь 2025 год. Поддержка БФФПП расширена и на средний бизнес;
- создание Центра развития предпринимательства. Вместо прежней разрозненной сети создается новая управляющая структура. На базе БФФПП создан Центр развития предпринимательства. Он призван стать «головным» регулятором и ключевым звеном всей инфраструктуры поддержки МСП, координируя работу центров и инкубаторов в регионах;
- одновременно с созданием центрального органа управления происходит трансформация и ужесточение требований к субъектам инфраструктуры поддержки МСП. Их деятельность будет оцениваться по четким показателям эффективности. Это уже привело к сокращению их количества примерно на 30% за счет упразднения неэффективных субъектов;
- цифровизация и новые форматы поддержки. Поддержка МСП будет предоставляться дистанционно через специализированную цифровую платформу для субъектов МСП. Планируется ее интеграция с банковскими сервисами. Планируется внедрение «регуляторной песочницы». Будет расширена практика применения правовых экспериментов для апробации новых механизмов регулирования;
- новые инструменты финансовой и нефинансовой поддержки. Помимо традиционных кредитов, внедряются небанковские финансовые инструменты, такие как краудфандинг и краудинвестинг. Предусмотрено расширение инструментов нефинансовой поддержки для отдельных категорий граждан, например, поддержка женского, молодежного (включая стартапы) и «серебряного» предпринимательства;
- создание комфортного бизнес-климата. Планируется продолжить работу по сокращению административной и контрольной нагрузки на бизнес, а также развивать институт оценки регулирующего воздействия.

Таким образом, эволюция государственной поддержки МСП в Беларуси демонстрирует переход от количественных мер к качественным: акцент смещается на стимулирование роста, цифровизацию, повышение эффективности инфраструктуры и создание комфортного бизнес-климата, что позволит усилить роль МСП в экономике.

КЛЮЧЕВЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ ПО ДОСТИЖЕНИЮ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ БЕЛАРУСИ

Павловская Ю.В.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Беларусь сегодня располагает внушительным арсеналом нормативных документов, призванных обеспечить технологический суверенитет страны. Разработаны и утверждены стратегии и программы развития видов экономической деятельности, технологические карты по приоритетным направлениям, а локомотивом прогресса призвана стать Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 21.12.2025 г. № 448. Несмотря на это, процесс создания новых производств в стране идет крайне медленно, что свидетельствует о наличии неблагоприятных факторов, сдерживающих технологическое развитие нашей страны.

Главным барьером на пути технологического прорыва отечественной индустрии стал жесткий финансовый голод. Предприятиям банально не хватает денег на развитие, но что еще опаснее – у них иссякают оборотные средства, необходимые для ежедневной работы. По данным опроса системообразующих организаций, в 2025 г. в этой ловушке оказался фактически каждый второй флагман: 45,8% крупных заводов и фабрик заявили об остром дефиците «живых» денег. Причина кризиса очевидна – неподъемная кредитная петля. Промышленность накопила астрономические долги перед банками. На 1 января 2026 г. общая задолженность обрабатывающего сектора достигла 33 583 млн рублей (более 11,3 млрд долларов США). Это на 7,1% превышает показатели прошлого года, и долговой ком продолжает расти[1].

Действующая система господдержки промышленности в Беларуси критически проигрывает российской. На первый взгляд белорусские условия выглядят заманчиво – низкие процентные ставки по кредитам в первые шесть лет, что обеспечивает минимальную нагрузку на бюджет организации. Однако с седьмого года пользования кредитом условия коренным образом меняются, что влечет за собой риски невозврата кредита. Предприятия сталкиваются с жестким дефицитом денег, рисками невозврата и вынуждены искать рефинансирование, переплачивая за кредит в разы больше, чем российские коллеги, несмотря на то, что у последних условия кредитования изначально более жесткие. Чтобы остановить технологическое отставание и расширить охват реального сектора, Беларуси жизненно необходимо пересмотреть подходы к льготному кредитованию, снизив скрытую финансовую нагрузку на заводы.

Мощным ударом по амбициям технологического суверенитета стала технологическая блокада. Белорусские предприятия оказались в ситуации, когда старые каналы поставок разрушены, а новые требуют колоссальных переплат. В условиях жесткого санкционного давления заводы столкнулись с глухой стеной: закупка критически важного оборудования и комплектующих в западных странах стала невозможной. Попытка развернуться на Восток и найти спасение на азиатских рынках принесла новые вызовы. Частично переориентация спасает ситуацию, но за это приходится платить сверхцену: восточные технологии обходятся значительно дороже, а их адаптация под белорусские стандарты требует времени и дополнительных вложений. Однако главная беда кроется внутри самой системы – это критический разрыв между отечественной наукой и реальным сектором. Белорусские ученые создают инновации, но они годами пылятся на полках.

Усугубляет ситуацию обострение нехватки кадров. Цифровизация требует принципиально новых компетенций, но система образования и рынок труда к этому не готовы. Наблюдается глубокий дисбаланс – колледжи и вузы готовят специалистов по устаревшим лекалам, не успевая за реальными потребностями автоматизированных производств: Высококлассные инженеры и рабочие уходят в IT-сектор или уезжают за рубеж в погоне за высокими зарплатами. Заводы проигрывают конкуренцию за человека. Система повышения квалификации не поспевает за скоростью смены технологий. Без жесткой, комплексной кадровой политики любые инвестиции в станки окажутся бессмысленными. Модернизировать производство будет просто некому.

Интеграционные барьеры внутри ЕАЭС и острый кадровый голод стали финальными элементами в цепочке проблем, тормозящих технологическое развитие промышленности. Несмотря на громкие заявления о союзной интеграции, белорусские заводы продолжают сталкиваться с искусственными препятствиями. Наднациональный уровень интеграции пока не дает промышленникам ожидаемой свободы. Вместо синергии предприятия ЕАЭС наталкиваются на невидимые стены: различия в стандартах, закрытый госзаказ, проблемы с логистикой и блокировка финансовых платежей. Выход из этого тупика возможен только через жесткую гармонизацию законов и реальную, а не бумажную кооперацию в рамках ЕАЭС и Союзного государства.

[1] Кредиты по видам экономической деятельности: стат. бюллетень. –2026.– N1(60). – URL: https://www.nbrb.by/publications/monthlybook/stat_bulletin_credits_2026_01.pdf (дата обращения: 21.08.2026).

Таким образом, перед Беларусью сегодня стоит не просто отраслевой вызов, а экзистенциальный вопрос промышленного выживания. Страна обладает мощной нормативной базой и амбициозными программами развития, однако между декларациями и реальностью – пропасть. Технологический суверенитет, о котором так много говорят, рискует остаться красивым лозунгом, если не будут решены проблемы, препятствующие индустриальному развитию. Выход существует, но он требует не косметических правок, а системной промышленной политики. Нужен комплекс взаимосвязанных решений: перезагрузка кредитных механизмов, создание мостов между наукой и реальным сектором, гармонизация законодательства с партнерами по Союзному государству и ЕАЭС, и главное – тотальная модернизация системы подготовки кадров. Без этого любые инвестиции в технологии останутся лишь дорогостоящим жестом, а не шагом в будущее.

—— ◆ ——

СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ В ЭКОНОМИКЕ КИТАЯ И БЕЛАРУСИ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Пашкевич И.В.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Китай и Беларусь – две довольно далекие друг от друга страны, имеющие тем не менее много общего как в социокультурной сфере, так и в особенностях функционирования экономик. Несмотря на существенно отличающиеся размеры, экономики обеих стран функционируют по схожей модели, в основе которой лежит сохранившееся и адаптированное под современные реалии социалистическое наследие: сильная роль государства, развитая система социально-экономического планирования и прогнозирования, контроль государства над ключевыми секторами экономики. Обе страны отдают приоритет развитию производств, выпускающих экспортоориентированную продукцию средней и высокой наукоемкости, важное значение придают цели достижения технологического суверенитета. Вместе с тем итоги развития двух стран далеко не одинаковы.

Темпы и продолжительность динамики китайской экономики уже «набили оскомину» не одному поколению мирового экономического сообщества, чего совсем нельзя сказать о белорусской экономике: за 2010–2025 гг. Китай увеличил размеры своей экономики более чем в 2,5 раза (мировой ВВП увеличился в 1,5 раза), а белорусский ВВП увеличился за это время только на 18,4%.

Структура ВВП обеих стран также претерпела изменения. При этом часть изменений носит схожий характер, часть – прямо противоположный. Так, за 2011–2025 гг.[1] и в Беларуси, и в Китае значительно уменьшилась доля промышленности и сельского хозяйства в ВВП. Однако доля торговли, которая существенно приросла в Китае, в Беларуси сократилась, а операции с недвижимостью, доля которых в ВВП Беларуси возросла почти в 2 раза, в Китае за последние пять лет уменьшилась на 2,3% и почти на 1% относительно 2011 г. Обращает на себя внимание также рост в структуре китайского ВВП финансовых услуг, тогда как в белорусском ВВП доля финансовой и страховой деятельности за последние 15 лет сократилась (рис. 1, 2).

В экономических кругах часто ведется дискус об источниках роста китайской экономики в контексте определяющей значимости внешних либо внутренних факторов [1]. Отмечается, что Правительство страны даже официально провозглашает смену стратегий «внешняя циркуляция»-«внутренняя циркуляция»-«двойная циркуляция» [2].

[1] Временной период выбран с учетом доступности данных, необходимых для расчета структуры ВВП Китая в базе данных Национального бюро статистики Китая.

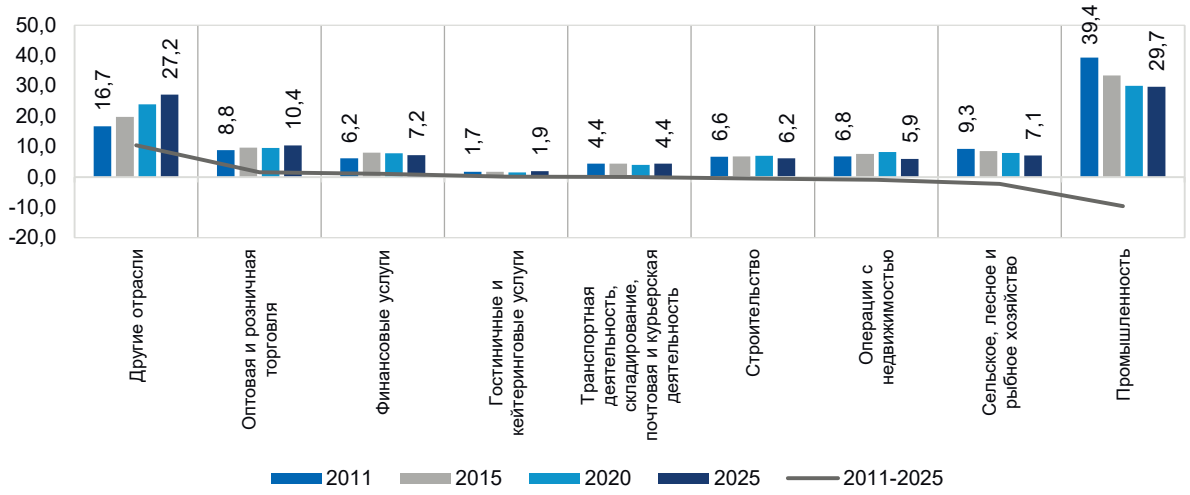

Рис. 1. Изменение структуры ВВП Китая в разрезе основных видов деятельности, % от ВВП

Источник: URL: https://www.stats.gov.cn/sj/.

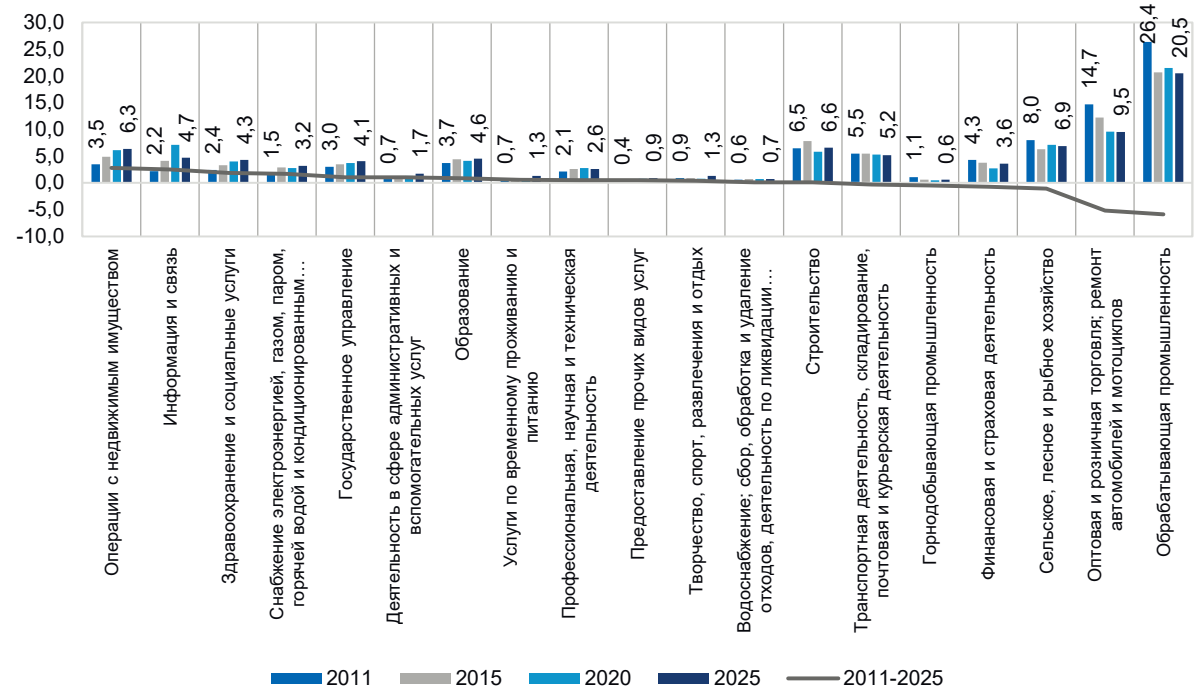

Рис. 2. Изменение структуры ВВП Беларуси в разрезе основных видов деятельности, в % от ВВП

Источник: URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/home-page.

Анализ структурных сдвигов даже в укрупненном формате на уровне основных видов деятельности свидетельствует о высокой и продолжающей увеличиваться роли торговли в экономике «Поднебесной», оптовый сегмент которой тесно связан с экспортом произведенных товаров. На втором месте по росту доли в структуре ВВП находится финансовая деятельность, в первую очередь за счет высоких объемов как государственных, так и частных инвестиций, и во вторую – за счет активного внедрения финансовых технологий (финтеха), цифрового банкинга, цифрового юаня, широкого распространения мобильных платежных систем и цифровых платежей, что также способствует расширению экспортной экспансии. При этом ставка на строительство и операции

с недвижимостью, несмотря на всю осторожность и учет японского опыта, себя не оправдала. За последние 4–5 лет эти отрасли из важнейших драйверов роста китайской экономики превратились в аутсайдеров, которые, помимо прямого отрицательного воздействия, заметно замедлили динамику остальных отраслей, занимая высокую долю в цепочках их добавленной стоимости и в сопутствующей инфраструктуре [3].

Таким образом, внешний фактор продолжает играть важнейшую роль в экономике Китая. Однако экспортная активность этой страны встречает сопротивление со стороны остальных государств, прежде всего США, из-за растущих дисбалансов во внешней торговле с КНР. В то же время объемы производства высокотехнологичной промышленной продукции Китая существенно превышают потребности внутреннего рынка, поэтому от того, насколько ему удастся сохранить традиционные рынки сбыта или освоить альтернативные направления, будут зависеть не только темпы его роста, но и сбалансированность этого роста. Для Беларуси это повод задуматься о предельных возможностях роста своей экономики за счет внутренних источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Готовский, А. В. Продуктивизм как новая парадигма обеспечения экономического роста Республики Беларусь / А. В. Готовский. – Мн.: Бел. навука. – 2026. – 420, [2] с. : ил.

2. Кулинцев, Ю. В. Стратегия «двойной циркуляции» и ее влияние на российско-китайские отношения / Ю. В. Кулинцев // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2021. – Т. 26, № 26. – С. 242–255.

3. Rogoff, K. S. A Tale of Two Countries – The Real Estate Crises in 1990s Japan and Contemporary China / K. S. Rogoff, Y. Yang // NBER Working Paper No. w35054. – Cambridge, MA : National Bureau of Economic Research, 2026. – URL: https://www.nber.org/papers/w35054 (date of access: 16.07.2026).

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ КАК МЕРА СТАБИЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Поздняев А.С.,

кандидат экономических наук,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, Российская Федерация

Ключевым элементом обеспечения трансформации экономической политики является радикальное изменение налоговой политики, которая становится основным инструментом не только для стабилизации экономической ситуации, но и для перераспределения инвестиционных потоков в приоритетные отрасли, в первую очередь связанные с импортозамещением и обеспечением технологического суверенитета.

В контексте реализации новой экономической политики предполагается осуществить реформирование налоговой системы, отказавшись от либеральной модели, базирующейся на принципе «низких налогов для всех». Вместо этого предлагается внедрение системы целенаправленного налогового регулирования, обеспечивающего достижение структурных изменений. Основная задача этих изменений заключается в перераспределении финансовых потоков из сырьевого и потребительского секторов экономики в пользу государственного заказа, ОПК и научно-технологического развития. Эффективность налоговой стратегии оценивается по способности государства обеспечивать оптимальное соотношение между налоговой нагрузкой и стимулированием экономического роста, одновременно поддерживая предпринимательскую деятельность.

Анализ законодательных инициатив, принятых в 2024–2025 годах, позволяет выделить несколько ключевых векторов трансформации фискальной системы, которые в совокупности формируют новую модель бюджетно-налогового регулирования.

Увеличение налоговой нагрузки. Правительство осуществило переход к политике существенного увеличения фискального бремени, что знаменует отход от либерального подхода предшествующего периода. Центральным элементом реформы стало повышение ставки НПО с 20% до 25%. Ожидаемый ежегодный прирост бюджетных доходов от данной меры оценивается в 1,6 трлн рублей, при этом основная нагрузка приходится на капитал, а не на трудовые доходы за счет прогрессивной шкалы налогообложения [1]. Фиксация пороговых значений в номинальном выражении обусловливает расширение круга плательщиков по повышенным ставкам по мере инфляционного роста номинальных доходов.

Вторым значимым изменением является повышение с 2026 г. стандартной ставки НДС до 22%, что является максимальным уровнем с 1992 г. Предполагается, что дополнительный доход от увеличения составит 1,2 трлн рублей, при сохранении льготной ставки 10% на социально значимые товары.

Стимулирование стратегически значимых отраслей (видов деятельности) и сокращение теневой экономики. Фискальные меры направлены на структурную трансформацию экономики и легализацию теневого сектора. Для приоритетных отраслей повышенная нагрузка компенсируется целевыми льготами. Таким образом, формируются преференциальные условия для обрабатывающей промышленности и ОПК, тогда как сектора торговли, услуг и строительства функционируют в более жестком налоговом режиме. Одновременно ужесточаются условия для малого предпринимательства: с 2026 года порог применения УСН снижается с 60 млн до 10 млн рублей годового дохода. Хозяйствующие субъекты, превышающие установленный лимит, становятся плательщиками НДС, что направлено на противодействие практике «дробления» бизнеса и выравнивание конкурентных условий. Дополнительной мерой выступает усиление контроля за наличным денежным обращением, призванное предотвратить уход бизнеса в теневой сектор в ответ на повышение ставки НДС.

Структурная трансформация и деофшоризация экономики представляют собой комплекс взаимосвязанных процессов, направленных на модернизацию экономической системы, оптимизацию налоговой базы и повышение прозрачности финансовых потоков. Эти меры направлены на укрепление экономической устойчивости, стимулирование внутренних инвестиций и повышение конкурентоспособности национальной экономики на международной арене.

Социальная справедливость и повышение жизненного уровня населения. Налоговая реформа предусматривает ряд механизмов, направленных на обеспечение социальной справедливости и повышение жизненного уровня незащищенных граждан. Дополнительные бюджетные доходы (около 2,6 трлн рублей в 2025 г.) были перенаправлены на социальные нужды, включая применение налоговых инструментов (льгот и вычетов) с целью повышения доходов населения.

Таким образом, современная трансформация налоговой политики должна обеспечивать увеличение доходов государства с целью стабилизации национальной экономики и достижения ключевых целей: обеспечение финансирования приоритетных секторов, структурную перестройку экономики в направлении технологического суверенитета и повышение налоговых поступлений за счет сокращения теневого оборота и активизации предпринимательской деятельности [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Министр финансов РФ Антон Силуанов представил на парламентских слушаниях в Совете Федерации проект федерального бюджета на 2026–2028 гг. // Министерство финансов Российской Федерации. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39963-ministr_finansov_rf_anton_siluanov_predstavil_na_parlamentskikh_slushaniyakh_v_sovete_federatsii_proekt_federalnogo_byudzheta_na_2026-2028_gg (дата обращения: 21.09.2026).

2. Киреева, Е. Ф. Налоговое стимулирование инвестиционной деятельности в странах ОЭСР / Е. Ф. Киреева, С. П. Солянникова, А. С. Поздняев // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2026. – № 2. – С. 333–341. – DOI 10.33983/2075-1826-2026-2-333-341. – EDN JUILIY.

РЕФОРМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧУДА КИТАЯ

Попкова А.С.,

кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Более чем сорокалетний период стремительного экономического роста Китая именуется в академической среде «китайским экономическим чудом». В период с 1978 по 2025 гг. среднегодовые темпы макроэкономической динамики КНР составили 8,8%, что практически втрое превысило среднемировой показатель. Страна прошла путь от экономики с низким уровнем дохода к экономике с уровнем дохода выше среднего и сейчас приближается к порогу государств с высоким уровнем дохода. Никогда в истории мира сотни миллионов людей не поднимались из крайней нищеты в средний класс за столь короткое время[1].

Этот феномен роста не имеет аналогов в истории ни по своим масштабам, ни по используемым инструментам и механизмам, которые далеко не всегда согласуются с положениями известных теорий экономического роста. Эту загадку пыталось прояснить множество различных теоретико-методологических подходов, расхождение между которыми в конечном счете сводилось к фундаментальному вопросу: что же именно следует считать стратегическими детерминантами экономического роста Китая?

Абсолютное большинство ученых считает, что таких успехов страна достигла благодаря реформам, начатым в 1978 г. и проводимых под руководством Дэн Сяопина. Данные трансформации были нацелены на изменение плановой экономики Китая и формирование новой модели, которую характеризуют как социалистическая рыночная экономика. При становлении такой модели можно выделить несколько блоков ключевых реформ.

Первый блок – реформы в сельском хозяйстве. В 1978 г. страна перешла от управления под руководством существовавших народных коммун к системе «договорного ответственного распределения земель между домохозяйствами»[2]. Крестьянам была предоставлена возможность индивидуальной обработки отдельных участков земли, и на смену коллективному труду производственных бригад пришел механизм семейного подряда. Были повышены закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию. Фермеры могли продавать излишки своей продукции на рынке, что улучшило уровень жизни и решало проблему дефицита продовольствия. В результате повышалась производительность труда в сельской местности и развивались регионы.

Второй блок – *реформы в промышленности*. До реформ в Китае существовала так называемая система «железной рисовой чаши», при которой государство предоставляло работникам гарантированные рабочие места, жилье, образование, медицинское обслуживание, пенсию и др. С одной стороны, такая система пожизненного найма обеспечивала стабильность и социальное обеспечение для людей, с другой стороны, она порождала низкую мотивацию к трудовым достижениям. Процесс управления предприятиями был централизованным без учета особенностей рыночной конъюнктуры. Реформы, проведенные после 1978 г., предоставили автономию руководителям предприятий. Они получили больше свободы при установлении производственных целей и направлении прибыли на финансирование инвестиционных проектов, реализации товаров на рынке по конкурентоспособным ценам, выплате премий хорошим работникам. Активно развивались частные предприятия, которые создавали новые рабочие места, разрабатывали востребованные потребительские товары,

[1] Цительман, Р. Объяснение китайского экономического чуда / Р. Цительман // Институт экономических дел (IEA). – URL: https://iea.org.uk/explaining-chinas-economic-miracle (дата обращения: 21.09.2026).

[2] Лю, Чжаохуэй. Подворный подряд: реформа началась с деревни / Лю Чжаохуэй // Синьминь чжоукань. – 2018. – 9 сент. – URL: https://m.xinminweekly.com.cn/content/10940.html (дата обращения: 21.09.2026).

получали валюту за счет внешней торговли, платили налоги и обеспечивали национальной экономике гибкость и устойчивость[3].

Третий блок – реформы в финансовой сфере. Данные реформы также проходили несколько последовательных этапов. После 1978 г. стала постепенно формироваться двухуровневая банковская система, Народный банк Китая получил большую самостоятельность при проведении денежно-кредитной политики. Впоследствии стали появляться биржи, что способствовало развитию рынка ценных бумаг, а также инвестиционные фонды. Было создано множество регулирующих органов для повышения эффективности банков и рынков.

В последние годы Китай для стимулирования экономического роста делает ставку на развитие инновационного предпринимательства. С этой целью принимаются государственные программы по взращиванию инновационных чемпионов, внедряются новые инструменты и механизмы стимулирования деловой активности и развития предпринимательской инициативы [1, 2]. И в этой сфере КНР добилась значительных успехов. ВВП Китая в первой половине 2026 г. вырос на 4,7%[4], что с учетом санкционного давления и геополитической напряженности является значимым показателем. Одним из основных драйверов макроэкономической динамики в Китае стал экспорт высокотехнологичной продукции. Принятие такого рода программ по стимулированию инновационного предпринимательства и развитию высокотехнологичных предприятий перспективно и в Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попкова, А. С. План стимулирования инновационной деятельности малых и средних предприятий Китая / А. С. Попкова // Банковский вестник. – 2025. – № 8 (745). – С. 55–64.

2. Попкова, А. С. Система кредитования инновационной деятельности малых и средних предприятий Китая / А. С. Попкова // Банковский вестник. – 2026. – № 5 (754). – С. 40–53.

[3] Hu, Z. Why Is China Growing So Fast? / Z. Hu, M. S. Khan // IMF Staff Papers. – 1997. – Vol. 44, Article A005. – URL: https://doi.org/10.5089/9781451957112.024.A005 (date of access: 21.09.2026).

[4] ВВП Китая в первой половине 2026 г. вырос на 4,7% в годовом исчислении // Синьхуа. – 2026. – 15 июля. – URL: http://www.russian.xinhuanet.com/20260715/f6b88022fb1a4ff59c1150253265603f/c.html (дата обращения: 21.09.2026).

ЭВОЛЮЦИЯ БИЗНЕС-МОДЕЛЕЙ IT-КОМПАНИЙ В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Пшебельская Л.Ю.,

кандидат экономических наук, доцент,

Ледницкий А.В.,

кандидат экономических наук, доцент,

Белорусский государственный технологический университет, г. Минск

Современный мир вступает в новую эпоху технологического развития, называемую четвертой промышленной революцией или эпохой «Индустрии 4.0». Основу составляют технологии искусственного интеллекта (ИИ), машинного обучения и автоматизации процессов. IT-компании находятся в центре этих процессов, поскольку они создают, внедряют и обслуживают технологии искусственного интеллекта, а также используют их во внутренних процессах: разработке и тестировании программного обеспечения, взаимодействии с клиентами и управлении персоналом. Искусственный интеллект влияет на все уровни функционирования IT-бизнеса, а инновации становятся драйвером трансформации в таких секторах, как медицина, образование, транспорт и промышленность. При этом важно учитывать социальные и этические последствия внедрения технологий, что имеет стратегическое значение для рынка и общества.

Искусственный интеллект перестал быть исключительно научным инструментом и стал реальным ресурсом для бизнеса. Он используется для предсказания спроса, автоматического перевода, распознавания изображений и прогнозирования рисков. В цифровой экономике искусственный интеллект рассматривается как новый фактор производства наряду с данными, которые становятся «новой нефтью», и алгоритмами, превращающими данные в полезные решения. Для IT-компаний искусственный интеллект выполняет двойную функцию: с одной стороны, он является продуктом, предоставляемым клиентам, с другой – интегрируется во внутренние процессы, повышая эффективность разработки, тестирования и эксплуатации систем. Взаимодействие искусственного интеллекта с облачными вычислениями, интернетом вещей, большими данными и блокчейном создает цифровую экосистему, усиливающую эффективность решений и открывающую новые возможности для IT-компаний.

Влияние искусственного интеллекта проявляется в трансформации бизнес-моделей. Традиционная продажа программного продукта уступает место подписочным моделям, обеспечивающим стабильный поток доходов и долгосрочное планирование бюджета. Особенно это заметно в облачных сервисах, таких как Microsoft Azure, Amazon Web Services и Google Cloud, предлагающих доступ к инструментам искусственного интеллекта по подписке. Другим источником дохода становится монетизация данных: IT-компании анализируют пользовательские данные, создают персонализированные продукты, продают аналитические отчеты и предоставляют данные как отдельный ресурс. Бизнес-модели становятся более экосистемными: платформы позволяют сторонним разработчикам размещать приложения и получать доход за использование чужих продуктов.

Структура затрат в IT-компаниях также трансформируется. Автоматизация снижает расходы на рутинные операции, например тестирование и техническую поддержку. Исследование показывает, что к 2030 г. центрам обработки данных по всему миру потребуется 6,7 трлн долл. США, чтобы удовлетворить спрос на вычислительные мощности [1. Эффект масштаба выгоден крупным компаниям: больше данных повышает точность алгоритмов и снижает стоимость обработки транзакций. Автоматизация ускоряет вывод продукта на рынок, повышает стабильность работы систем и сокращает операционные расходы на персонал, тогда как доля расходов на энергопотребление и инфраструктуру увеличивается.

Искусственный интеллект меняет рынок труда. Снижается потребность в однообразной работе, но возникают новые профессии: инженеры по данным, разработчики алгоритмов машинного обучения, специалисты по кибербезопасности. Между тем все больше исследований подтверждают, что ИИ повышает производительность и в большинстве случаев помогает сократить разрыв в навыках между сотрудниками. Стоит заметить, что внедрение ИИ больше всего негативно скажется на низкоквалифицированных работниках, в то время как работники со средней и высокой квалификацией могут извлечь выгоду из сотрудничества с ИИ.

Концентрация капитала в IT-сфере усиливается. Крупные компании, имея доступ к большим данным и инфраструктуре, получают конкурентные преимущества, создавая барьеры для стартапов. Это повышает риск монополизации рынка и увеличивает зависимость от законодательства. Рост капитала стимулирует глобальную экспансию и формирование двух уровней конкуренции: локального и глобального. Внедрение искусственного интеллекта создает технологические риски: ошибки алгоритмов и некорректные данные могут вызвать финансовые и репутационные потери. Эффективное управление рисками требует интеграции инженерных и управленческих подходов.

Социальные и этические аспекты играют ключевую роль в трансформации экономики. Автоматизация сокращает расходы и повышает качество продуктов, но вызывает опасения по поводу сокращения рабочих мест. Компании внедряют программы переквалификации, следят за прозрачностью алгоритмов, защищают персональные данные, обеспечивают инклюзивность и доступность технологий. Ответственность за автоматизированные решения требует разработки этических кодексов и обратной связи.

Таким образом, искусственный интеллект и автоматизация радикально меняют экономику IT-компаний, трансформируя бизнес-модели, источники дохода, структуру затрат и рынок труда. Крупные компании получают преимущества за счет данных и инфраструктуры, но сталкиваются с вызовами соблюдения законодательства, социальных и этических норм. Для устойчивого развития необходимо сочетание технологических инноваций с социальной ответственностью, обучение сотрудников и прозрачность алгоритмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. The cost of compute: A $7 trillion race to scale data centers / J. Noffsinger, M. Goodhfster, M. Patel [et al.] // McKinsey Quarterly. – URL: https://www.mckinsey.com/industries/technology-media-and-telecommunications/our-insights/the-cost-of-compute-a-7-trillion-dollar-race-to-scale-data-centers. (date of access: 21.09.2026).

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Рогова В.В.,

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Повышение конкурентоспособности предприятий реального сектора экономики – приоритетное направление экономической политики. Оптимизация производственной программы – один из инструментов управления, являющийся многофакторной задачей, требующей комплексного подхода.

Объект исследования – кожгалантерейное предприятие ОАО «ГАЛАНТЭЯ». В данной отрасли для оптимизации производства необходимо учитывать обеспечение широкого ассортимента, ограниченность запаса материальных ресурсов (натуральной кожи), трудовых ресурсов и производственных мощностей. На основании анализа ассортиментных групп разработана модель максимизации прибыли, сделаны выводы о наиболее перспективных моделях для производства, а также сформированы практические следствия полученного решения для менеджмента предприятия [1]. Исходное решение показало, что при заданном ограничении материальные ресурсы используются полностью, в то время как трудовые ресурсы и производственные мощности имеют резерв.

Настоящее исследование направлено на анализ альтернативных сценариев ресурсного обеспечения для ОАО «ГАЛАНТЭЯ». Целевая функция имеет вид:

$$\sum_i^n p_i \cdot x_i \to \max Z, \quad (1)$$

где x_i– переменная количества единиц продукции i-й модели;

p_i – переменная прибыли на единицу продукции i-й модели;

Z – общая прибыль [2].

Для оценки влияния материального обеспечения на общую прибыль проведен сценарный анализ увеличения лимита натуральной кожи относительно базовых 1 600 м² (табл. 1).

Таблица 1

Результаты сценарного анализа

Объем кожи, м²	Шаг изменения к базе, %	Общая прибыль, руб.	Прирост прибыли к базе, %
1 600	0	107 361,37	0,00
1 680	+5	111 927,76	4,25
1 760	+10	116 483,38	8,50
1 840	+15	121 029,63	12,73
1 920	+20	125 239,84	16,64
2 000	+25	129 238,06	20,38

Источник: собственная разработка.

Анализ полученных данных показал, что объем прибыли имеет положительную зависимость от увеличения лимита материальных ресурсов: при увеличении объема кожи на 5% прирост прибыли составил 4 566,39 руб., при увеличении на 10% – 9 122,01 руб. При дальнейшем увеличении объемов кожи абсолютный прирост прибыли сохраняется, однако темп прироста сокращается: при увеличении на 25% прирост составил 3 998,22 руб. Это связано с изменением структуры основных ограничений: если изначально лимит материальных ресурсов сдерживал объем выпуска, то по мере увеличения его верхней границы сдерживающим фактором становятся трудовые ресурсы.

Итак, наращивание объемов материальных ресурсов целесообразно осуществлять одновременно с оценкой обеспеченности трудовыми ресурсами. В противном случае такое увеличение приведет к снижению предельной отдачи дополнительных материальных ресурсов.

Проанализирована взаимосвязь материальных и трудовых ресурсов и производственных мощностей при изменении лимита первых (табл. 2). Анализ показал, что увеличение объема материальных ресурсов сопровождается последовательным ростом потребности в трудовых ресурсах. При запасах материальных ресурсов в 1 600 м² трудовые ресурсы используются на 82,78 %. При увеличении лимита до 2 000 м² трудовые ресурсы практически полностью исчерпываются – загрузка составляет 99,55 %.

Таблица 2

Ресурсная загрузка по сценариям

Объем кожи, м²	Общая прибыль, руб.	Трудозатраты, чел.-ч.	Использование трудовых ресурсов, %	Пришив подкладки, %	Пошив деталей верха, %	Составление изделия, %	Машины JACK, %
1 600	107 361,37	3 443,74	82,78	27,97	58,96	72,99	28,69
1 680	111 927,76	3 610,31	86,79	28,90	62,20	77,11	29,51
1 760	116 483,38	3 773,50	90,71	30,43	64,87	81,24	30,45
1 840	121 029,63	3 933,76	94,56	32,46	67,03	85,36	31,49
1 920	125 239,84	4 037,47	97,06	33,73	68,52	87,44	32,68
2 000	129 238,06	4 141,45	99,55	35,08	70,14	90,45	33,66

Источник: авторская разработка.

Итак, расширение материальных ресурсов должно сопровождаться оценкой возможности увеличения трудовых ресурсов предприятия.

Выявление последовательности смены лимитирующих факторов позволяет определить приоритетные направления: обеспечение необходимого объема материальных ресурсов, а при приближении запасов к 2 000 м² – расширение трудовых ресурсов. Последнее может быть выражено в увеличении фонда рабочего времени, совершенствовании организации труда и повышении производительности рабочей силы. Модель позволяет определить, в какой момент реализация дополнительных мер будет экономически обоснованной.

Определено, что инвестиции в производственные мощности не являются первоочередным направлением. В рассмотренных сценариях загрузка оборудования остается в пределах лимитов, даже при увеличении запаса материальных ресурсов до 2 000 м² (табл. 2).

Таким образом, увеличение объема материальных ресурсов способствует росту прибыли ОАО «ГАЛАНТЭЯ», но увеличивает нагрузку на трудовые ресурсы и снижает эффект от их дальнейшего наращивания. Дальнейшее повышение эффективности производства будет связано с увеличением трудовых ресурсов, тогда как расширение производственных мощностей остается неприоритетным. Полученные результаты подтверждают применимость экономико-математических моделей для обоснования ресурсных решений по повышению конкурентоспособности предприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рогова, В. В. Модель оценки валютно-финансовой устойчивости: микроэкономический аспект / В. В. Рогова // Управление инновационными и инвестиционными процессами и изменениями в современных условиях : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 23–24 окт. 2025 г. : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. Г. Л. Багиева, А. Г. Бездудной, М. Г. Трейман. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2025. – С. 171–178.

2. Hillier, F. S. Introduction to Operations Research / F. S. Hillier, G. J. Lieberman. – New York : McGraw-Hill, 2014. – 1088 p.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА БИЗНЕС-ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

Романова О.С.,

кандидат экономических наук, доцент,

Гутникова Е.В.,

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Повышение конкурентоспособности реального сектора экономики определяется не только объемом инвестиций, уровнем технологического оснащения и доступом к финансовым ресурсам, но и качеством управленческого капитала. В настоящее время все большее значение приобретают компетенции, опыт и способность руководителей принимать эффективные решения в условиях неопределенности. Структурная трансформация экономики, нестабильность рынков, разрыв логистических цепочек и ускорение цифровизации повышают потребность предприятий в управленческих компетенциях, способных обеспечить устойчивость и эффективность в быстро меняющейся среде, а также значимость и актуальность развития бизнес-образования как инструмента адаптации предприятий к новым условиям.

Национальную систему бизнес-образования целесообразно рассматривать не только как систему подготовки специалистов и выдачи квалификационных документов, но и как механизм воспроизводства управленческих компетенций, формирования профессиональных стандартов и координации взаимодействия государства, образовательных учреждений и предприятий.

Особое значение для реального сектора имеют механизмы согласования содержания бизнес-образования с приоритетами технологического развития и практическими потребностями предприятий. При наличии такого согласования система подготовки управленческих кадров перестает быть изолированной сферой и становится элементом производственной и инновационной инфраструктуры.

В рамках неоинституционального подхода национальную систему бизнес-образования целесообразно трактовать как многоуровневую институциональную матрицу, включающую правовые, регуляторные, финансовые и социальные элементы. Правовые и договорные механизмы закрепляют ответственность участников за подготовку кадров; регуляторные инструменты обеспечивают актуальность квалификаций и образовательных программ; финансовые стимулы способствуют инвестициям предприятий в человеческий капитал; социальные институты формируют профессиональную этику, доверие и репутацию руководителей.

Роль бизнес-образования в обеспечении конкурентоспособности реального сектора раскрывается через следующие функции, формирующие комплексный механизм укрепления производственного потенциала:

- *адаптационная функция* обеспечивает гибкость и устойчивость предприятий к внешним дестабилизирующим факторам через подготовку руководителей в области планирования, риск-менеджмента, антикризисного управления и реинжиниринга бизнес-процессов. В реальном секторе это

повышает способность предприятий оперативно корректировать производственные, логистические и маркетинговые решения, выходить на новые рынки и использовать внешние ограничения как источник конкурентного роста;

- *защитная функция* связана с предотвращением управленческих ошибок и институциональных ловушек посредством формирования профессиональных фильтров, обеспечивающих соответствие управленческих решений стратегическим и экономическим интересам организации. На практике это способствует снижению рисков неэффективного инвестирования, ошибочного выбора технологий, нарушения договорных обязательств;
- *инновационно-трансформационная функция* ориентирована на повышение технологической и инновационной результативности предприятий за счет развития компетенций в области коммерциализации научных разработок, управления цифровыми платформами, внедрения сквозных технологий и формирования новых бизнес-моделей. Это обеспечивает превращение научных результатов и цифровых решений в реальные продукты, производственные эффекты и источники роста.

В условиях цифровой трансформации экономики традиционные формы обучения уже не позволяют полностью сформировать у управленческих кадров необходимые компетенции. Сегодня бизнес-образование должно дать руководителям навыки работы с цифровыми технологиями, анализа данных и управления изменениями в сетевых экосистемах. Важной задачей становится развитие цифровой культуры управления, включая понимание рисков использования искусственного интеллекта и больших данных.

Таким образом, для повышения конкурентоспособности реального сектора национальная система бизнес-образования должна развиваться по следующим направлениям: формирование устойчивого взаимодействия между образовательными учреждениями, предприятиями и государственными заказчиками кадров; интеграция образовательных программ с приоритетами технологического развития и практическими потребностями предприятий; внедрение цифровых методов и технологий обучения с использованием деловых симуляторов и виртуальных сред для подготовки к управлению в условиях неопределенности; развитие механизмов целевого финансирования подготовки управленческих кадров и стимулирование предприятий к инвестициям в человеческий капитал. Реализация этих направлений позволит воспроизводить управленческий капитал, обеспечивающий устойчивость и развитие реального сектора экономики.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рутко Д.Ф.,

кандидат экономических наук, доцент,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

Научно-технический потенциал государства выступает фундаментом его экономической безопасности, напрямую определяя динамику долгосрочного экономического роста и производственную способность реального сектора. В условиях беспрецедентного санкционного давления Республика Беларусь успешно реализовала этап оперативного импортозамещения, защитив национальный суверенитет. Однако стратегия простого копирования зарубежных аналогов имеет предел эффективности. Долгосрочное повышение конкурентоспособности экономики невозможно без создания продуктов, обладающих радикально новой «инновационной ценностью». В связи с этим необходим форсированный переход от догоняющей модели к опережающей − стратегии технологического лидерства, что является ключевым условием защищенности национальной экономики от внешних деструктивных шоков.

Для выстраивания эффективной государственной политики необходимо четко разграничивать понятия «угроза» и «вызов», так как они требуют принципиально разных стратегий реагирования [2]. Угроза носит деструктивный характер и направлена на нанесение прямого ущерба системе (санкции, кибершпионаж, прямая «утечка мозгов»), требуя создания защитного «щита» (систем кибербезопасности, контрразведки и правовых барьеров). Вызов представляет собой объективное изменение внешних условий (технологический сдвиг, новые глобальные тренды), требующее адаптации и мобилизации ресурсов. Примерами вызовов являются необходимость самого импортозамещения, преодоление деградации научной базы или ликвидация разрыва между наукой и производством. Вызовы требуют активных реформ, инвестиций и генерации инноваций.

Данные вызовы и угрозы проявляются на двух взаимосвязанных уровнях:

1) *макроуровень*: риски технологической зависимости, обусловленные санкциями, перераспределением цепочек поставок по принципу «френдшоринга», монополизацией рынков ТНК, кибершпионажем и «утечкой умов» (включая удаленную работу специалистов на зарубежные компании) [2];

2) *микроуровень*: прикладные угрозы для предприятий − кража ноу-хау, патентный троллинг, слабая патентная защита на внешних рынках, атаки программ-вымогателей и острый дефицит узкопрофильных кадров.

Проявление указанных макро- и микроугроз во многом предопределяется характером включенности государства в глобальные экономические процессы. В этой связи ключевым каналом, способным как нивелировать данные риски, так и усилить их, выступает МНТС. В современных реалиях оно превращается в стратегический инструмент управления научно-технологической безопасностью, что обусловливает его двойственную роль. С одной стороны, МНТС стимулирует инновации, снижает затраты за счет внедрения лучших мировых практик и расширяет рынки сбыта. С другой стороны, чрезмерная ориентация на чужие разработки порождает долгосрочную технологическую зависимость, несет опасность утечки отечественных идей, потери контроля над предприятиями и риски автоматизации, вытесняющей рабочую силу. Для Беларуси критически важно соблюдать баланс между открытостью к сотрудничеству и сохранением собственного научно-производственного потенциала.

Машиностроение является локомотивом реального сектора Беларуси, и именно здесь вызовы безопасности пересекаются наиболее остро. Переход отрасли к технологическому лидерству сдерживается следующими барьерами: инвестиционный дефицит (высокая стоимость «длинных» денег для рискованных НИОКР); кадровый разрыв (нехватка разработчиков на стыке механики и IT); слабая эффективность трансфера технологий (разрыв между академической наукой и реальным сектором, замедляющий коммерциализацию разработок).

Стратегические драйверы достижения лидерства. Для нейтрализации угроз и трансформации вызовов в точки экономического роста предлагается запуск трех ключевых драйверов.

Селективное лидерство в высокотехнологичных нишах. Концентрация ресурсов на опережающих направлениях, где у Республики Беларусь есть исторический задел и компетенции: беспилотный и электрический транспорт, точное цифровое земледелие, интеллектуальные системы управления.

Интеграционные научно-производственные кластеры. Создание сквозных консорциумов «вуз – академический институт – промышленный гигант» для интеграции операционных бюджетов и ликвидации разрывов в трансфере технологий.

Синхронизация в рамках Союзного государства. Реализация совместных программ с РФ для исключения дублирования параллельных производств, защиты от внешнего навязывания стандартов и формирования емкого единого рынка сбыта.

Таким образом, переход от догоняющего импортозамещения к стратегии технологического лидерства в машиностроении − жесткое требование обеспечения экономической безопасности

Республики Беларусь. Реализация предложенных мер позволит трансформировать реальный сектор страны из адаптера чужих технологий в экспортера уникальных интеллектуальных решений, гарантируя устойчивость национальной экономики перед любыми геополитическими вызовами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : решение Всебел. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.08.2026).

2. Байнев, В. Ф. Оценка уровня технологической безопасности государства в условиях цифровой индустриализации / В. Ф. Байнев, Т. Ю. Гораева // Журнал Белорусского государственного университета. Экономика. – 2023. – № 1. – С. 24–27.

ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

Самоховец М.П.,

кандидат экономических наук, доцент,
Полесский государственный университет, г. Пинск

Стратегическая задача развития агропромышленного сектора в XXI веке – развитие «современного высокопроизводительного сельскохозяйственного производства и промышленной переработки, достаточных для поддержания продовольственной безопасности, обеспечения населения высококачественными, доступными продуктами питания и расширения экспортного потенциала» [1].

В настоящее время происходит практическое внедрение концепции «от поля до потребителя», активно поддерживаемой по всему миру, где на первый план выходит прослеживаемость продуктов питания, их соответствие персонифицированным ожиданиям и потребностям покупателей. В этих условиях необходимо ускоренное развитие сырьевых зон, адекватных увеличивающимся новым и модернизируемым производственным мощностям организаций, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье. Опорой выступают крупные сельскохозяйственные организации, обеспечивающие основную долю валового выпуска сельскохозяйственной продукции, с вовлечением мелких производителей в аграрный бизнес в развитие неохваченных ниш и построение удобных логистических цепочек.

Новой реальностью современности становятся агропродовольственные экосистемы, в которых объединяются различные экономические субъекты вдоль единой технологической цепи «производство – переработка – реализация»: производители сырья, переработчики, организации торговли, сервисы доставки, сами потребители и многие другие, участвующие в формировании не отдельной цепочки ценности, а сетей взаимосвязанных цепочек.

Развитие кооперативно-интегрированных структур АПК на принципах сетевого взаимодействия экономических субъектов соответствует общеэкономическим тенденциям. По мере развития экономических отношений трансформируется характер взаимодействия субъектов: происходит постепенный переход от строгой вертикальной интеграции или разрозненных горизонтальных связей в пользу сетевых. Сетевая форма взаимодействия позволяет по-новому структурировать экономику, не исключая традиционные экономические отношения, а совершенствуя их. Подкрепленная современными информационно-коммуникационными технологиями, она обеспечивает дополнительные возможности для согласования интересов экономических субъектов [2].

Принимая во внимание перспективное развитие АПК как мегакластерного образования, все большую актуальность приобретает изучение финансового потенциала кооперативно-интегрированных структур АПК. В условиях развития информационно-коммуникационных технологий, цифровых платформ и сервисов аграрный бизнес Республики Беларусь способен успешно конкурировать на мировом агропродовольственном рынке с уже устоявшимися зарубежными агрокомплексами, заняв

достойную часть мирового экспорта продовольствия, эффективно реализуя уже ранее созданный привлекательный имидж страны с качественным продовольствием.

Важным практическим вопросом становится обеспечение финансовой целесообразности кооперационного взаимодействия, формирование прибыли кооперативно-интегрированных структур АПК и справедливое распределение ее между участниками. Особую значимость данная задача приобретает, когда несколько участников из разных секторов экономики совместными усилиями получают общий финансовый результат, подлежащий последующему распределению. Справедливое распределение прибыли, полученной в единой технологической цепи «производство – переработка – реализация», позволит преодолеть конфликт интересов ее участников в ситуации, когда основная масса денежного потока формируется на последних звеньях цепи. От успешного решения этой задачи зависит судьба кооперационно-интеграционного движения в АПК и в целом вектор развития аграрной экономики на перспективу.

Таким образом, происходит развитие кооперативно-интегрированных структур АПК как формы сетевого взаимодействия экономических субъектов по единой технологической цепи «производство – переработка – реализация». Повышение конкурентоспособности аграрного сектора будет зависеть от создания условий для формирования эффективного финансового механизма кооперативно-интегрированных структур АПК.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Государственной программе «АПК будущего» на 2026–2030 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 31 дек. 2025 г., № 814 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: http://pravo.by/ (дата обращения: 22.08.2026).

2. Самоховец, М. П. Финансовые взаимоотношения участников в современных кооперативно-интегрированных структурах АПК : монография / М. П. Самоховец. – Минск: Колорград, 2025. – 231 с.

КЛЮЧЕВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ – ОСНОВА УСТОЙЧИВЫХ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ

Сапёлкина Е.И.,

кандидат экономических наук, доцент,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

Тема создания и поддержания конкурентных преимуществ организации постоянно находится в фокусе научных исследований и управленческих практик. Вместе с тем следует отметить эволюцию взглядов в определении источников формирования конкурентных преимуществ организации. Как отмечают Кузнецова Е.Ю. и Чоповда Е.А., начиная с конца 20 века конкурентные преимущества организации рассматриваются не с позиций конкуренции товаров и услуг, а с точки зрения бизнес-модели организации и ее уникальности [1]. В этом контексте основой устойчивых конкурентных преимуществ признаются ключевые компетенции организации, в отношении которых следует отметить определенную сложность как в раскрытии их сущности, так и отсутствие системного применения данного инструмента в управлении организациями.

Систематизация предлагаемых исследователями трактовок понятия «ключевые компетенции организации» позволяет выделить два основных подхода: как совокупность уникальных компонентов организации, координация которых позволяет получить синергетический эффект; как особая, отличительная модель бизнеса.

С нашей точки зрения, представленные подходы, развивая и дополняя друг друга, позволяют исследовать ключные компетенции организации как с позиций структурного анализа, так и ключевых факторов успеха организаций в современных условиях.

Отметим значимые аспекты, определяющие содержание и сущность ключевых компетенций организации:

- уникальность. Ключевые компетенции имеют отношение к конкретной организации и являются для конкурентов сложно имитируемыми;
- интегрированность. Они являются совокупностью элементов, скоординированных в единое целое качество;
- существенный характер. Ключевые компетенции позволяют создать большую (дополнительную) ценность для потребителей и обеспечить на этой основе значимый коммерческий успех для организации;
- основа устойчивых конкурентных преимуществ. В силу своей уникальности ключевые компетенции позволяют обеспечить рыночную дифференциацию организации;
- потенциальность и динамичность. Конкурентные преимущества проявляются и сохраняются в процессе формирования, использования и развития ключевых компетенций организации.

Учитывая вышесказанное, ключевые компетенции организации мы можем определить как уникальный ресурс (актив) в виде интегрированного сочетания навыков, знаний, процессов, культуры и технологий, имеющий потенциал создания дополнительной ценности (потребительской стоимости) и устойчивого конкурентного преимущества.

Следует отметить определенную сложность в определении ключевых компетенций конкретной организации, что определяется существованием их различных форм (специфические знания, нововведения, технологии, бизнес-процессы, системы управления, IT-навыки, квалификация персонала, партнерские связи, компетенции взаимодействия с потребителями и т.д.), динамичным характером и недостаточностью методической базы. С нашей точки зрения, алгоритм выявления ключевых компетенций организации следует разделить на две основные задачи: идентификация и оценка ключевых компетенций. Что касается первой задачи, то ее решение лежит в плоскости качественного анализа миссии, целей и задач, сильных сторон организации и тех компонентов внутренней среды, которые позволяют (могут позволять) организации успешно дифференцировать свой продукт на рынке. Инструментарий оценки ключевых компетенций более формализован и включает ряд методов (табл.).

Таблица

Методы выявления ключевых компетенций организации

Методы выявления ключевых компетенций	Идентификация	Оценка (критерии)
Дерево основных компетенций	Графическое представление основных компетенций	
Тест Хэмела–Прахалада	Признаки: ценность для потребителей, уникальность универсальность	
SWOT-анализ	Анализ сильных сторон организации	
Сравнительный анализ	Сравнение с компетенциями конкурентов	
VRIO-анализ		Ценность, редкость, имитация. организованность
Методика QFD		Совместимость с ключевыми факторами успеха
Построение портфеля компетенций.	Определение потенциальных компетенций по критериям статуса и проблемности	Создание дополнительной ценности для потребителя, конкурентоспособность, потенциал, долговечность, устойчивость

Ключевые компетенции организации – основа устойчивых конкурентных преимуществ, они позволяют выявить стратегические факторы долговременного успеха, конкурентоспособности организации и обосновать вектор и перспективы ее развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецова, Е. Ю. Концептуальные основы использования ключевых компетенций в обеспечении конкурентоспособности предприятий / Е. Ю. Кузнецова, Е. А. Чоповда // Вестник УГТУ-УПИ. – 2010. – № 5. – С. 22–33. – URL: file:///C:/Users/Admin/Desktop/ключевые%20компетенции/vestnik_2010_5_003.pdf (дата обращения: 28.07.2026).

—— ◆ ——

РОБОТИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА КАК ФАКТОР ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Селиванова М.В.,

ИМЭИ Института международной экономики и финансов ВАВТ Минэкономразвития России, г. Москва, Российская Федерация

В современных условиях геополитической напряженности обеспечение положительного экономического роста для России невозможно без повышения производительности труда на производстве. Одним из основных направлений новой цифровой промышленной революции стала роботизация производства. По данным International Federation of Robotics (IFR), в 2024 г. по всему миру было введено в эксплуатацию 542 076 промышленных роботов, при этом 80% от этого числа пришлось на пять стран: Китай, Япония, США, Республика Корея и Германия[1].

Одной из стратегических задач, поставленных Правительством России в «Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.»[2], является вхождение в топ-25 стран мира по показателю роботизации производства. Прогресс цифровых технологий позволил успешно роботизировать производственные процессы на многих российских промышленных предприятиях. По данным Росстата, в 2025 г. общее количество промышленных роботов, применяемых на обрабатывающих производствах, составило 21857 шт. Информация об использовании роботов по видам экономической деятельности на обрабатывающем производстве содержится в форме федерального статистического наблюдения № 1-робототехника «Сведения о применении промышленной робототехники на обрабатывающем производстве»[3]. Для анализа уровня роботизации производства в соответствии с методикой был рассчитан показатель плотности роботизации:

$$D = (S_r / S_w) \cdot 10000,$$

где S_r – общее количество промышленных роботов, установленных на предприятиях обрабатывающей промышленности РФ, S_W – количество замещенных рабочих мест в организациях обрабатывающей промышленности за отчетный период, человек. Результаты расчета плотности роботизации за 2025 год по обрабатывающим производствам представлены в табл.

[1] World Robotics 2025 – Industrial Robots / International Federation of Robotics. – Frankfurt am Main : IFR, 2025. – URL: Executive_Summary_WR_2025_Industrial_Robots.pdf (date of access: 21.09.2026).

[2] Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года: утв. Правительством Рос. Федерации 09.01.2025. – М., 2025. – URL: ZsnFICpxWknEXeTfQdmcFHNei2FhcR0A.pdf (дата обращения: 21.09.2026).

[3] Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. – Раздел: Наука, инновации и технологии. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 21.09.2026).

Таблица

Применение робототехники и плотность роботизации по видам экономической деятельности в России в 2025 г.

Код по ОКВЭД2	Виды экономической деятельности	Кол-во пром. роботов, шт.	Доля роботов в общем объеме раздела С	Среднесп. численность работников организаций	Кол-во занятых на производстве работников, чел.	Плотность робо-тизации
С	Обрабатывающие производства	21857	100	7 325 649	4 210 543	29,8
10-12	Пищевые продукты	2258	10,3	1 116 898	634 128	20,2
13-15	Текстиль и кожа	346	1,6	284 678	167 287	12,2
16	Древесина	266	1,2	172 770	110 989	15,4
17-18	Бумага и полиграфия	311	1,4	208 568	127 633	14,9
19	Кокс и нефтепродукты	19	0,1	132 170	70 155	1,4
20	Химия	380	1,7	429 966	221 744	8,8
21	Фармацевтика	137	0,6	112 835	48 915	12,1
22	Резина	2930	13,4	285 754	169 258	102,5
23	Минеральная продукция	1104	5,1	405 244	233 147	27,2
24	Металлургия	409	1,9	463 230	361 115	8,8
25	Металл. изделия	2742	12,5	905 038	509 152	30,3
26	Компьютеры	1612	7,4	515 109	263 869	31,3
27	Электрооборудование	1681	7,7	285 863	160 268	58,8
28	Машины и оборудование	1108	5,1	464 277	248 503	23,9
29	Автомобили	4966	22,7	269 931	187 487	184,0
30	Прочие трансп. ср-ва	637	2,9	627 971	334 045	10,1
31	Мебель	417	1,9	128 244	78 205	32,5
32	Прочие изделия	434	2,0	98 048	55 130	44,3
33	Ремонт оборудования	100	0,5	419 053	229 513	2,4

Источник: авторская разработка на основе данных: Официальный сайт Росстата (https://rosstat.gov.ru/): Главная страница / Статистика / Официальная статистика / Наука, инновации и технологии / Производственные технологии, а также на основе статистической формы № П-4 — «Сведения о численности и заработной плате работников» за декабрь 2025 г.

В приведенном расчете количество замещенных рабочих мест принимается как среднесписочная численность работников организаций по данным на декабрь 2025 г. (форма П4). В форме № 1-робототехника публикуется количество производственного персонала, в который не включается административно-хозяйственный, обслуживающий и управленческий персонал. Если рассчитать плотность роботизации с учетом только производственного персонала, показатели будут характеризовать замещение роботами именно производственных работников и окажутся существенно выше, чем при расчете по утвержденной методике.

Предприятия, относящиеся к машиностроительному комплексу (С26-С30), наиболее интенсивно роботизируют производство: суммарная доля используемых роботов составляет 45,8% от общего объема роботов, используемых в обрабатывающей промышленности. Наиболее высокие показатели плотности роботизации в автомобилестроении – 184 робота на 10000 сотрудников, производстве электрооборудования – 58,8 и в производстве резиновых изделий – 102,5 роботов на 10000 сотрудников соответственно. В таких видах экономической деятельности, как производство минеральной продукции, металлических изделий, компьютеров и мебели, показатели плотности роботизации близки к среднему значению данного показателя по обрабатывающим производствам, составляющему 29,8 робота на 10000 сотрудников по данным за 2025 г. Многие

виды обрабатывающей промышленности пока являются недооцененными с точки зрения возможности применения промышленных роботов, к ним относятся, например, химия, фармацевтика и текстильная промышленность.

Уровень охвата производства передовыми технологиями, в особенности плотности роботизации производства существенно различается как по видам экономической деятельности, так и по регионам. Специфика определенного вида экономической деятельности стимулирует развитие и адаптацию роботизированных устройств для выполнения необходимых производственных процессов и операций. Перед Россией и Республикой Беларусь стоят задачи повышения цифровизации и роботизации не только машиностроительного производства, но и сельского хозяйства, обрабатывающей, добывающей промышленности, энергетики, а также сферы услуг.

—— ◆ ——

ИСТОЧНИКИ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Сидунова Г.В.,

кандидат экономических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Конкурентное преимущество позволяет хозяйствующему субъекту производить продукцию с более низкими издержками или предлагать товар с большей потребительской ценностью, чем у конкурентов. В отличие от промышленности, где преимущества часто строятся на технологиях и патентах, аграрный сектор характеризуется высокой зависимостью от неконтролируемых факторов, к которым относятся природно-климатические условия.

Длинный вегетационный период, оптимальное количество солнечных дней, умеренное распределение осадков – все это снижает риски и издержки сельскохозяйственного производства. Плодородие почвы, ее химический состав, структура и влагоемкость во многом определяют урожайность культур и себестоимость продукции.

Количественные, качественные и стоимостные характеристики ресурсов являются потенциальными конкурентными преимуществами, от которых зависит осуществление производственного процесса. К важнейшим ресурсам в сельском хозяйстве, наряду с природными (в т.ч. земельными), относят трудовые, материальные и финансовые ресурсы.

Обеспеченность предприятий необходимым количеством трудовых ресурсов с учетом повышенного спроса на рабочую силу в наиболее напряженные периоды сельскохозяйственных работ является критически важной для сельского хозяйства. Однако большинство экономистов ключевым фактором производства считают не количественные, а качественные характеристики трудовых ресурсов. Инвестиции в обучение, повышение квалификации, создание современной системы мотивации напрямую влияют на эффективность и внедрение инноваций.

Современные технологии трансформируют сельское хозяйство в высокотехнологичную отрасль. Роботы для прополки, сбора фруктов, доения коров, сортировки продукции не только снижают зависимость от дефицита рабочей силы, но и повышают производительность.

Инвестиции в научные исследования и внедрение инноваций – самый мощный и устойчивый источник конкурентного преимущества. Приоритетные направления инноваций в сельском хозяйстве: точное земледелие и цифровизация, биотехнологии и селекция, ресурсосбережение и экологичность производства, автоматизация и робототехника.

Эффективное управление ресурсами и затратами, направленное на оптимизацию цепочек поставок, также является источником конкурентных преимуществ. Сюда можно отнести работу с надежными поставщиками семян, удобрений, техники на выгодных условиях; управление финансовыми потоками, грамотное планирование, привлечение кредитных ресурсов под низкий про-

цент, хеджирование рисков; грамотное распределение ресурсов, уменьшение простоев техники, своевременную ее подготовку к проведению посевной и уборочной компаний; энергосбережение.

Близость к рынкам сбыта значительно сокращает транспортные расходы и время доставки сельхозпродукции. Современные логистические комплексы, холодильные камеры с регулируемой газовой средой, системы шоковой заморозки позволяют значительно сократить потери сельскохозяйственной продукции (которые в мире достигают 30%) и продлить сроки хранения, давая возможность производителю гибко выбирать время для выхода на рынок и получать более высокую цену.

Крупные агрохолдинги за счет эффекта масштаба могут добиваться снижения издержек на единицу продукции за счет оптовых закупок, централизации управления, оптимизации логистики. Для малых и средних хозяйств альтернативой становится кооперация. Объединяясь в кооперативы, фермеры совместно закупают ресурсы, используют технику, перерабатывают и реализуют продукцию, создавая конкурентные преимущества, недоступные отдельным хозяйствам.

Диверсификация каналов сбыта и уход от зависимости от одного канала продаж предполагает: заключение прямых контрактов с ресторанами, школами, больницами; участие в фермерских ярмарках; развитие агротуризма и продаж непосредственно на ферме; продажи через интернет-магазин с доставкой и др. Выход на внешние рынки позволяет диверсифицировать риски и получать более высокие доходы. Однако это требует соответствия строгим фитосанитарным стандартам, логистической готовности и проведения маркетинговых исследований.

Внедрение международных систем стандартов (таких как ISO, HACCP, «Органик», GlobalG.A.P.) открывает доступ к более требовательным и высокомаржинальным рынкам, включая экспортные и сети премиум-ритейла.

Государственная аграрная политика является значимым внешним фактором, направленным на предоставление дополнительных возможностей сельхозпроизводителям и способствующим нивелированию рисков. Прямая финансовая поддержка на приобретение горюче-смазочных материалов, элитных семян, техники, страхование урожая, компенсация части процентной ставки по кредитам повышает конкурентоспособность аграрного сектора.

Таким образом, источники конкурентных преимуществ в сельском хозяйстве носят комплексный и многоуровневый характер. Будущее агробизнеса принадлежит тем, кто сможет интегрировать все компоненты в единую, адаптивную стратегию, ориентированную на устойчивость производства и экономический рост.

— ◆ —

МИРОВОЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИИ В НЕФТЕГАЗОДОБЫЧЕ

Сипач О.Н.,

НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Долгое время консерватизм нефтегазовой отрасли был экономически обоснован: при миллиардной маржинальности отлаженных процессов любые изменения ИТ-инфраструктуры воспринимались как операционный риск. Однако в условиях волатильности рынков, декарбонизации и исчерпания легкоизвлекаемых запасов интеграция искусственного интеллекта (ИИ) стала критическим фактором выживания и обеспечения эффективности. Объем мирового рынка ИИ в нефтегазовом секторе в 2024 г. оценивался в 6,69 млрд долл. США, а к 2034 г., по прогнозам Precedence Research, он достигнет 25,24 млрд долл. США при среднегодовом темпе роста в 14,2%.

Мировой рынок ИИ в нефтегазодобыче фрагментирован по географическому признаку, где каждый регион преследует свои стратегические цели.

США к 2026 г. удерживают 59% мирового рынка ИИ в отрасли нефтегазодобычи и фокусируются на оптимизации сланцевой добычи и лидерстве в сфере программного обеспечения, практикуя синергию с Big Tech-гигантами (Microsoft, Google, NVIDIA). Эффект использования ИИ выражается в снижении себестоимости сланцевой добычи на 5–13 долл. США за баррель и сокращении стоимости бурения на 25–30%.

Китай является приверженцем масштабной автоматизации, создания «умных» безлюдных месторождений и достижения технологического суверенитета на базе собственных мега-моделей (Kunlun от CNPC с 330 млрд параметров и Pangu R&D от Huawei/CNOOC). Такой подход позволяет добиться повышения операционной эффективности более чем на 25% и ускорения цикла сейсморазведки в 10 раз.

Ближний Восток концентрируется на максимизации коэффициента извлечения нефти на сверхгигантских активах, создает национальные экосистемы (ENERGYai от ADNOC, Metabrain от Saudi Aramco) и проводит интеграцию квантовых вычислений. Вследствие этого в 2024 г. Saudi Aramco сэкономила 4 млрд долл. США благодаря ИИ и удерживает операционные затраты ниже 10–12 долл. за баррель.

Европа основывается на постулатах энергоперехода (ESG-комплаенс), роботизации стареющих офшорных платформ Северного моря и жестком соответствии EU AI Act. Такие действия позволяют экономить на углеродных налогах (50–80 млн евро в год) за счет ИИ-мониторинга утечек метана (точность до 98% в проекте AUSEA от TotalEnergies).

Российская Федерация делает ставку на импортозамещение, арктическую логистику и разработку трудноизвлекаемых запасов силами собственных ИТ-дочерних компаний в условиях санкций. По данным Минэнерго РФ, накопленный эффект от ИИ может достигать 700 млрд рублей в год. Так, ПАО «НК «Роснефть» увеличила свободный денежный поток на 23%, а «Газпром нефть» сократила операционные затраты на 18% и ежегодно экономит более 1 млрд рублей благодаря системе «Капитан» (ИИ-логистика в Арктике).

Современный технологический ландшафт ИИ в нефтегазодобыче строится вокруг шести ключевых направлений:

- геологоразведочные работы – нейросетевой анализ сейсмики, керна и автоматическое построение 3D-моделей недр (проекты «Когнитивный геолог», «РН-СЕЙСМ»);
- строительство и эксплуатация скважин – умное роботизированное бурение, автоматическая корректировка траектории долота и подбор режимов работы скважин («РН-АвтоБаланс», RT-Ops от EOG Resources);
- интеллектуальное управление активами – создание сквозных цифровых двойников месторождений и предиктивная аналитика оборудования (платформа Echo у Equinor, центр Panorama у ADNOC);
- роботизация и промышленная безопасность – замена человека в опасных зонах с помощью ИИ-дронов, четвероногих роботов-инспекторов (AnyMal) и систем компьютерного зрения для контроля СИЗ;
- логистика, переработка и инжиниринг – ИИ-проектирование заводов и оптимизация сложных транспортных потоков (система ледовой проводки газовозов и танкеров «Капитан» в Арктике);
- экология и устойчивое развитие – управление улавливанием и хранением углерода и оперативный лазерно-оптический мониторинг выбросов.

Несмотря на колоссальные выгоды, тотальное внедрение ИИ сталкивается со специфическими вызовами:

- проблема «грязных данных». Ошибки и пропуски в исторических данных могут привести к неверным рекомендациям ИИ и, как следствие, к разрывам пластов или авариям;
- кадровый дефицит. Острая нехватка гибридных специалистов (геологов-программистов, геофизиков-дата-инженеров);

- кибербезопасность. Подключение критической инфраструктуры (насосов, задвижек) к сетям данных увеличивает риск удаленного перехвата управления;
- галлюцинации моделей. Риск выдачи нейросетью решений, противоречащих законам термодинамики и физики пласта, из-за непрозрачности алгоритмов.

Таким образом, мировой опыт использования ИИ технологий в нефтегазодобыче доказывает, что совершен переход из разряда экспериментальных технологий в категорию обязательных инструментов. Наибольшую устойчивость на рынке демонстрируют компании, которые трансформируют свою операционную культуру и переходят от точечных пилотных проектов к созданию единых платформенных экосистем управления данными.

—— ◆ ——

МЕСТНЫЕ ВИДЫ ТОПЛИВА В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Стром К.А.,

Министерство экономики Республики Беларусь, г. Минск

В последние годы энергетическая система Республики Беларусь функционирует в условиях существенных структурных изменений, связанных с вводом в эксплуатацию Белорусской АЭС. Развитие атомной энергетики стало одним из ключевых элементов энергетической инфраструктуры, обеспечив не только диверсификацию источников генерации, но и соответствующее изменение структуры топливно-энергетического баланса страны (далее – ТЭБ). Ввод атомной станции позволил существенно сократить потребление импортируемого природного газа и создал предпосылки для развития новых направлений использования электрической энергии, в том числе энергоемких производств.

В настоящее время Белорусская АЭС является неотъемлемым элементом ТЭБ, обеспечивая стабильную генерацию и покрытие порядка 40% от общего потребления электроэнергии в Беларуси. Вместе с тем, несмотря на достигнутые результаты, дальнейшее наращивание энергопотребления в республике в среднесрочной перспективе во многом будет обеспечиваться за счет увеличения использования природного газа в электро- и теплогенерации.

В этих условиях особую актуальность приобретает вопрос повышения эффективности использования местных видов топлива (далее – МВТ), которые способны частично заместить импортируемый газ.

Мировой опыт подтверждает, что масштабное замещение газа биомассой возможно при наличии конкретных стимулирующих факторов. Некоторые европейские страны сделали ставку не на деловую древесину, а на отходы лесного сектора.

В скандинавских странах акцент сделан на крупной теплоэнергетике. Доля биомассы здесь достигает 30–40%. Основным инструментом является высокий углеродный налог на ископаемое топливо и целевые субсидии (льготные кредиты).

В странах Центральной Европы и Балтии фокус сделан на мини-котельных. До 30% домохозяйств в сельской местности используют пеллетные котлы. Драйвером являются прямые гранты (до 40–50% стоимости) и развитая сеть поставок.

В странах ЕС также действует централизованная электронная платформа, где производители биотоплива регистрируют свои мощности, объемы и параметры качества. Потребители могут найти поставщиков в своем регионе, сравнить цены и спецификации.

В Эстонии и Латвии в последние 15 лет проделана работа по переводу большинства районных котельных на щепу, что позволило снизить затраты на топливо до 40%.

Европейский опыт показывает, что срок окупаемости мини-котельной (при средней цене за 1 м^3 газа порядка 400 долл. США) без государственной поддержки составляет порядка 8–10 лет, тогда как с субсидиями и государственной поддержкой он сокращается до 4 лет.

Вместе с тем Республика Беларусь обладает значительным возобновляемым потенциалом древесного топлива. Однако его текущее использование для замещения импортируемого газа недостаточно. Постоянные нереализуемые излишки древесного топлива не вовлекаются в хозяйственный оборот ввиду наличия ряда причин (отсутствие соответствующей инфраструктуры, невостребованность у потребителя, экономическая нецелесообразность), а существующие планы по переводу энергоисточников на МВТ носят больше точечный характер.

Также необходимо отметить, что прямой перенос зарубежного опыта невозможен без учета национальных особенностей, таких как структура лесного фонда, плотность населения, состояние транспортной и складской инфраструктуры. Однако в текущих условиях значительная часть древесных отходов является невостребованной не из-за отсутствия ресурсов, а из-за отсутствия экономических стимулов и эффективной логистики.

Таким образом, для реализации цели по замещению природного газа необходим переход от разрозненных проектов к формированию целостной государственной системы управления топливными ресурсами, которая устранит существующий разрыв между наличием сырья и его конечным использованием в энергетике. С учетом изложенного целесообразно разработать государственную программу по вовлечению МВТ в ТЭБ на следующую пятилетку. Данный подход должен включать нормативные, инфраструктурные и финансовые меры. В частности, для раскрытия потенциала отрасли важно нарастить субсидирование предприятий, использующих МВТ, и предоставить льготные кредиты на модернизацию котельных. Это позволит существенно снизить сроки окупаемости инвестиционных проектов.

—— ◆ ——

РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ

Угарина Т.А.,

кандидат экономических наук, доцент,
НИИ труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь,
г. Минск

Реструктуризация отношений собственности – это не всегда только антикризисная мера для неплатежеспособных организаций по урегулированию споров между должниками и кредиторами за счет имущества должника, но это также наиболее действенный инструмент стратегического развития для организаций, позволяющий мобилизовать внутренние ресурсы на модернизацию, **повысить инвестиционную привлекательность**, снизить будущие риски неплатежей и предупредить возможные последствия конъюнктурных колебаний, позволяя оставаться экономически эффективными за счет изменения масштабов контролируемых активов.

Стратегию развития можно рассматривать как связующее звено между организацией и внешней средой. Поэтому формирование стратегии предполагает интерпретацию внешних условий и выработку соответствующей линии организационных решений («стратегии») [1, с. 36].

Как доказал в своих работах И. Ансофф, выработка и регулярное изменение стратегий, или форм поведения, адекватных внешней среде и требующих доведения до соответствующего уровня внутреннего потенциала его организации, есть одна из главных задач каждого предприятия [2].

Применительно к процессу реструктуризации отношений собственности содержание стратегии адаптации автор определяет как способ действий, охватывающий вопросы подготовки, планирова-

ния и реализации преобразований организационной структуры предприятия в процессе изменения принадлежности функций владения и распоряжения посредством различных способов отчуждения и доверительного управления имуществом (акциями). При этом если для предприятий с неустойчивым финансовым положением решение вопроса адаптации сопряжено с необходимостью восстановления экономических параметров функционирования по факту выполнения финансовых обязательств, то для платежеспособных предприятий актуальным является вопрос сохранения (или укрепления) рыночных позиций, повышения экономической эффективности за счет организационного обновления, реализуемого по направлениям дифференциации или интеграции бизнес-структур.

Дифференциация и интеграция представляют собой два взаимодополняющих стратегических направления реструктуризации. Дифференциация децентрализует управление и направлена на деление организации на специализированные и самостоятельные структуры (выделение бизнес-единиц), превращение внутренних подразделений, филиалов или непрофильных активов в самостоятельные юридические лица. Кроме того, возможно создание в организациях новых независимых подразделений под разные продуктовые линейки или целевые рынки. Все это усиливает позиционирование компании на рынке сбыта, а в случае конъюнктурных изменений позволяет маневрировать активами, отчуждая неэффективные или передавая их в аренду, финансовый лизинг, доверительное управление, ипотечный залог.

Интеграция направлена на централизацию, расширение масштабов, укрепление позиций организации путем укрупнения в процессе объединения юридически самостоятельных компаний под единым финансовым и стратегическим управлением в рамках вертикальной интеграции (включение в структуру компании поставщиков сырья и комплектующих, дистрибьюторских сетей, ритейла), горизонтальной интеграции (поглощение или слияние с компаниями, работающими в той же отрасли) для устранения конкуренции и/или расширения доли рынка.

Другой инструмент стратегического управления – стратегический альянс –выступает гибкой альтернативой реструктуризации отношений собственности, позволяя компаниям проводить структурные изменения организаций, оптимизировать активы, получать доступ и осваивать новые рынки без слияния капиталов и передачи функций владения и/или распоряжения внеоборотными активами. По сути, он представляет собой долгосрочное соглашение международного характера о кооперационном сотрудничестве между предприятиями по совместному созданию инноваций, оптимизации цепочек поставок и разделению инвестиционных рисков. В настоящее время создание стратегических альянсов для отечественных предприятий и организаций затруднено по множественным причинам геополитического характера, и, соответственно, реструктуризация отношений собственности остается единственно возможным и действенным инструментом стратегического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минцберг, Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации / Г. Минцберг ; пер. с англ. под ред. Ю. Н. Каптуревского. – СПб. : Питер, 2001. – 512 с. : ил. – (Серия «Деловой бестселлер»).

2. Ансофф, И. Стратегическое управление / И. Ансофф. – М. : Экономика, 1989. – 358 с.

НАПРАВЛЕНИЯ И ПРИОРИТЕТЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ДО 2030–2040 ГГ.

Цвирков В.В.,

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент,
НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Инновационное развитие перерабатывающего сектора агропромышленного комплекса (АПК) выступает важнейшим условием укрепления национальной безопасности и экономической устойчивости Республики Беларусь.

Согласно положениям НСУР-2040, пищевая индустрия задекларирована как локомотив модернизации традиционной экономики, обеспечивающий технологический суверенитет и форсированное наращивание экспортного потенциала страны. Стратегическим ориентиром определено поддержание 100%-й внутренней продовольственной безопасности при одновременном масштабировании присутствия национального бренда «Сделано в Беларуси» на высокодоходных мировых рынках.

Для достижения указанного ориентира в долгосрочном периоде предусмотрено решение следующих системных задач.

1. Высокотехнологичный переход: тотальная автоматизация и роботизация производственных линий, интеграция элементов искусственного интеллекта в управление технологическими процессами.

2. Глубокое импортозамещение: преодоление критической зависимости от зарубежных поставщиков в сегментах пищевых концентратов, заквасочных культур, ферментов и специализированных добавок за счет развертывания наукоемких отечественных производств.

3. Экологизация производства («зеленый» переход): практическое внедрение принципов циркулярной (комплиментарной) экономики, предусматривающих создание замкнутых циклов и стопроцентную безотходную переработку вторичных сырьевых ресурсов.

4. Диверсификация экспортных потоков: сохраняя глубокую интеграцию в рамках ЕАЭС и Союзного государства, планируется осуществить переориентацию торговых векторов на рынки стран «дальней дуги» (Азия, Африка, Ближний Восток, Латинская Америка) с доведением их доли в общем объеме экспорта продовольствия до 35%.

Продуктовые тренды до 2040 года смещаются в сторону выпуска товаров с высокой добавленной стоимостью. Приоритетными признаны сегменты функционального, специализированного, детского, диетического и геронтологического (для пожилых людей) питания. Прогнозируется активное использование пищевых биотехнологий на стыке с фармакологией (пробиотики, обогащенные белком продукты), а также внедрение биоразлагаемой смарт-упаковки, пролонгирующей сроки хранения товаров при длительной транспортировке.

Региональный аспект развития предполагает закрепление за Минской областью статуса лидера переработки за счет функционирования биотехнологического кластера и выпуска сложных кормовых добавок. В Могилевской и иных областях акцент сделан на точечном обновлении мощностей на базе глубокой переработки локального сельскохозяйственного сырья.

Доктрина продовольственной безопасности до 2040 г. закрепляет целевую установку на последовательный переход от поставок сырьевых компонентов к экспорту высокотехнологичных продуктов питания конечного потребления. К магистральным направлениям индустрии отнесены:

1) максимальное извлечение полезных компонентов из отечественного аграрного сырья;

2) разработка и внедрение отечественных аналогов импортных ферментов и упаковочных материалов;

3) развертывание сквозных цифровых систем контроля качества продукции на всех этапах производственной цепи.

В разрезе отраслей определены четкие векторы развития. В молочном секторе ключевое внимание уделяется изготовлению элитных твердых сыров, сывороточных концентратов и сухих очищенных молочных продуктов для детского питания. В мясном секторе предусмотрено наращивание доли высокомаржинальных полуфабрикатов и готовых изделий премиум-класса. В кондитерском и хлебопекарном сегментах предусматривается рецептурная оптимизация, направленная на минимизацию использования сахара и трансизомеров жирных кислот с максимальным вовлечением локальных растительных ингредиентов.

На среднесрочном этапе (2026–2030 гг.) пищевая промышленность выступает базовым элементом реализации общенациональных приоритетов «Рост конкурентоспособности» и «Сильные регионы».

Для контроля эффективности инновационных преобразований утверждены жесткие количественные параметры и механизмы их достижения (табл.)

Таблица

Целевые индикаторы развития пищевой промышленности

Название целевого индикатора	Целевое значение / Содержание параметра
Объем валютной выручки от экспорта АПК	Рост с 9,5 млрд долл. США (план на 2026 г.) до 12 млрд долл. США к 2030 г.
Финансовая рентабельность продаж	Увеличение в 1,5 раза в перерабатывающем секторе
Финансирование госпрограммы «АПК будущего»	Утверждено в размере 119,039 млрд рублей
Обновление сырьевой базы переработки	Строительство 200 новых молочно-товарных и 5 крупных свиноводческих комплексов
Цифровая трансформация отрасли	Интеграция предприятий в сквозную государственную систему «Цифровой АПК»

Реализация указанных индикаторов обеспечивается за счет выделения специализированной подпрограммы «Развитие перерабатывающей промышленности», направленной на ускоренное перевооружение цехов, автоматизацию технологических линий и внедрение ресурсосберегающих технологий. Внедрение платформы «Цифровой АПК» позволит обеспечить полную прослеживаемость товарных партий по цепочке «от поля и фермы до прилавка магазина», гарантируя соответствие белорусской продукции жестким международным стандартам качества.

Таким образом, инновационное развитие организаций пищевой промышленности Республики Беларусь в период до 2030–2040 гг. носит системный, программно-целевой характер. Переход отрасли на рельсы глубокой цифровизации, импортозамещения критически важных компонентов (заквасок, ферментов) и экологизации производства позволит не только укрепить внутреннюю продовольственную безопасность, но и трансформировать отечественный перерабатывающий сектор в высокотехнологичный, экспортоориентированный комплекс, способный гибко реагировать на глобальные вызовы мирового рынка.

НАУЧНЫЙ ОБЗОР ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТРУМЕНТА ДЕКАПЛИНГА В ЦЕЛЯХ ПЕРЕХОДА К СБАЛАНСИРОВАННОМУ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Цедрик А.В.,

Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Несмотря на попытки перехода к принципам сбалансированного экономико-эколого-ресурсного развития, уменьшения негативного воздействия на природную среду и различные экосистемы, экологическая обстановка во многих странах все еще остается объективно напряженной. Экологические проблемы и наращивание темпов добычи ископаемого топлива во многих странах формируют напряженную обстановку и сложности в формировании повестки по сбалансированному экономико-эколого-ресурсному развитию. Этим возможно объяснить и многовекторность в решении задач и тех вызовов, перед которыми столкнулось общество. Следует отметить необходимость перехода к сбалансированному развитию для Республики Беларусь, определить ряд вопросов по оптимизации экологической обстановки и снижению энергоемкости ВВП на 4% до 2030 г. согласно Госпрограмме «Устойчивая энергетика и энергоэффективность» на 2026–2030 гг. путем снижения антропогенного воздействия.

Оптимальные модели, которые предполагают экономический рост при одновременным снижении негативного влияния на окружающую среду и эффективном потреблении ТЭР, существуют и представлены в обширном количестве. Одной из них может по праву считаться концепция декаплинга. Данная концепция впервые была задекларирована на заседании Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР). В отчете «Показатели для измерения декаплинга давления на окружающую среду от экономического роста» (2002 г.) [1] декаплинг (с англ. «разграничение», «разъединение», «разрыв») как процесс представлен одной из главных целей. В разработанной накануне «Стратегии окружающей среды ОЭСР» (2001 г.) четко зафиксирована проблематичность достижения эффекта декаплинга. Концепция не потеряла своей актуальности и в настоящее время.

Понятие «декаплинг» применяется в ситуациях, когда ряд процессов или показателей, которые должны иметь определенную зависимость, на практике двигаются в разных направлениях. Декаплинг следует обозначить стратегическим шагом на пути движения к экологически устойчивой экономике. Это позволяет, с одной стороны, согласовать темпы роста благосостояния людей, а с другой – регулировать потребление ресурсов и экологическое влияние в условиях индустриального развития экономики.

Сам факт сложности достижения эффекта декаплинга в глобальной экономике ранее подтвердил теоретик в области экономики устойчивого развития Герман Дейли. Он приводит в пример ранее оцененные значения: «… в 1969 г. валовой национальный продукт (далее – ВНП) США был произведен с половиной ресурсов, используемых для создания 1 долл. ВНП США в 1900 г. (относительный декаплинг)». В абсолютном же значении «… за этот же период общий объем потребления ресурсов увеличился в 4 раза» [2]. Абсолютный декаплинг не подтвердился, а наоборот, произошел каплинг. Это и подтверждает тот факт, что для оценки данного эффекта важны как абсолютные значения в рамках ВНП, так и удельные значения развития экономики (например, удельные значения на душу населения, на единицу ВВП, на 1 т у.т. и пр.).

Коэффициент декаплинга, характеризующий взаимосвязь между экономическим ростом, загрязнением окружающей среды и ресурсопотреблением, рассчитывается следующим образом:

$$D = 1 - \frac{E_T / Y_T}{E_0 / Y_0}, \quad (1)$$

где E_0 и E_T – показатели, характеризующие антропогенную нагрузку на окружающую среду в базовом и текущем периодах (годах); Y_0 и Y_T – показатели, характеризующие экономический результат в базовом и текущем периодах соответственно (расчет ведется в сопоставимых ценах базового года).

Коэффициент эластичности декаплинга (KD_T) рассчитывается по формуле:

$$KD_T = \frac{\Delta E}{E_0} / \frac{\Delta Y}{Y_0} = \frac{E_t - E_0}{E_0} / \frac{Y_t - Y_0}{Y_0}, \quad (2)$$

где ΔE – темп экологической нагрузки на окружающую среду; ΔY – прирост деловой активности «год к году». KD_T демонстрирует, на сколько процентов изменится экологическая нагрузка при изменении экономического результата на 1%.

Следуя логике созданной модели в [3], оценивающей взаимосвязь экономического роста от эколого-энергетических факторов, «наилучшее состояние сильного декаплинга достигается в ситуации, когда экономика растет, а негативное воздействие на окружающую среду снижается» [3]. Финский ученый-экономист П. Тапио доработал эту модель и назвал ее «The Decoupling Diamond». В дальнейшем в предлагаемой интерпретации для Республики Беларусь модель включает в себя девять состояний, выделяемых в зависимости от изменения эколого-экономических показателей и коэффициента эластичности декаплинга. Предполагаемые автором расчеты для Республики Беларусь позволят в дальнейшем обнаружить взаимосвязь экономического роста от уровня экологической нагрузки и эффективного потребления ТЭР, измерить и внести научно обоснованные рекомендации. Важное значение следует отвести рекомендациям на административно-территориальном уровне (по областям страны), что также позволит оптимизировать экологическую и энергетическую политику не в ущерб экономическому росту (ВВП региона).

ЛИТЕРАТУРА

1. Indicators to Measure Decoupling of Environmental Pressure from Economic Growth / Organisation for Economic Co-operation and Development. – Paris : OECD, 2002. – URL: http://search.oecd.org/officialdocuments/displaydocumentpdf/?doclanguage=en&cote=sg/sd(2002)1/final (date of access: 21.09.2026).

2. Herman, D. Steady State Economics / D. Herman. – 2nd ed. – Washington, D. C. : Island Press, 1991.

3. Tapio, P. Towards a theory of decoupling: degrees of decoupling in the EU and the case of road traffic in Finland between 1970 and 2001 / P. Tapio // Transport Policy. – 2005. – Vol. 12, No. 2. – P. 137–151. – DOI: 10.1016/j.tranpol.2005.01.001.

ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО МОЛОЧНО-ПРОДУКТОВОГО ПОДКОМПЛЕКСА ПЕРМСКОГО КРАЯ

Черданцев П.В.,

Уральский НИИ экономической безопасности и развития сельских территорий, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Молочно-продуктовый подкомплекс является одним из системообразующих секторов агропромышленного комплекса Пермского края. Регион традиционно известен как молочный: почти 70% всех сельхозтоваропроизводителей занимаются молочным производством, а их продукция входит в число ключевых экспортных товаров Прикамья. В связи с этим повышение конкурентоспособности регионального молочно-продуктового подкомплекса приобретает особую актуальность как фактор обеспечения продовольственной безопасности и устойчивого развития сельских территорий.

Конкурентоспособность молочно-продуктового подкомплекса Пермского края формируется под влиянием комплекса факторов, среди которых ключевое значение имеют технологические инно-

вации, качество продукции, эффективность управления и государственная поддержка. В 2025 г. в АПК региона реализовано 34 инвестиционных проекта на общую сумму 1,8 млрд рублей, что позволило увеличить производство молока на 50 тыс. т [1]. На 2026 год запланировано привлечение около 2 млрд рублей инвестиций [2].

Молочное животноводство остается безусловным приоритетом Пермского края. Половина всей государственной поддержки АПК направляется на производство и переработку молока [3]. Общий объем бюджетной поддержки предприятий агропромышленного комплекса Пермского края в 2025 г. составил 3 117,7 млн рублей, в 2026 году финансирование сохранится практически на том же уровне – 3,117 млрд рублей, из которых средства федерального бюджета запланированы в размере 1,131 млрд рублей, краевого – 1,985 млрд рублей. На поддержку производств по перерабатке молока в 2026–2028 годах планируется выделить 98,2 млн рублей [4]. Кроме того, в регионе действует система субсидий на возмещение части затрат на производство молока для сельхозтоваропроизводителей, осуществивших прирост объема реализации. С 2026 года на поддержку производителей молока власти Прикамья могут направить более 2,5 млрд рублей [5].

Начиная с 2026 г. всем инвестиционным проектам в сельхозсекторе присваивается статус приоритетных. В Пермском крае этот статус получают проекты в молочном животноводстве, которые позволяют обеспечить строительство молочно-товарных комплексов на более чем 1200 голов. Затраты на строительство таких комплексов возмещаются из бюджета на 55%. Введено субсидирование лизинга сельхозтехники (25%) и приобретения племенного молодняка (50 тыс. рублей за голову) [4].

Вместе с тем сохраняются системные проблемы: кадровый дефицит, высокая закредитованность предприятий, ценовая волатильность и институциональные ограничения для малых и средних форм хозяйствования. Преодоление этих барьеров требует комплексного подхода, включающего кластеризацию отрасли, интенсификацию производства, диверсификацию продуктового портфеля, цифровизацию и развитие кадрового потенциала.

Для устойчивого повышения конкурентоспособности молочно-продуктового подкомплекса Пермского края необходимы:

- развитие кластерных структур, объединяющих сырьевые и перерабатывающие предприятия для снижения издержек и повышения качества продукции;
- масштабирование инвестиционных проектов с использованием механизма приоритетных инвестиционных проектов и субсидирования до 55% затрат на строительство молочно-товарных комплексов;
- расширение практики внедрения технологий бережливого производства в рамках национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика»;
- совершенствование системы профессиональной подготовки кадров для молочной отрасли с усилением практической составляющей;
- диверсификация экспортных поставок молочной продукции на внешние рынки.

Реализация указанных мер позволит Пермскому краю не только сохранить лидирующие позиции в молочной отрасли, но и создать устойчивую модель повышения конкурентоспособности регионального молочно-продуктового подкомплекса, способную обеспечить продовольственную безопасность и социально-экономическое развитие сельских территорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. АПК Прикамья реализовал 34 инвестпроекта на 1,8 млрд рублей за 2025 год // Коммерсантъ-Прикамье. – 2026. – 4 февр. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8400377 (дата обращения: 03.08.2026).

2. Пермский край в 2026 года намерен нарастить производство молока на 20%, увеличивает инвестиции в отрасль // Интерфакс. – 2026. – URL: https://www.interfax-russia.ru/index.php/volga/news/permskiy-kray-v-2026g-nameren-narastit-proizvodstvo-moloka-na-20-uvelichivaet-investicii-v-otrasl (дата обращения: 03.08.2026).

3. Молочное направление останется приоритетным для аграриев Прикамья // Аргументы и факты – Прикамье. – 2026. – URL: https://perm.aif.ru/gorod/infrastructure/molochnoe-napravlenie-ostanetsya-prioritetnym-dlya-agrariev-prikamya (дата обращения: 03.08.2026).

4. В Прикамье направят на поддержку АПК в 2026 году более 3,1 млрд рублей // ФедералПресс. – 2026. – URL: https://fedpress.ru/news/59/economy/3424762 (дата обращения: 03.08.2026).

5. Власти Прикамья могут направить на поддержку производителей молока более 2,5 млрд рублей // Коммерсантъ-Прикамье. – 2025. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8674477 (дата обращения: 03.08.2026).

—— ◆ ——

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ГЛОБАЛЬНЫХ МАКРОТРЕНДОВ

Чубукова Л.В.,

кандидат экономических наук, доцент,
Витебский филиал Международного университета «МИТСО», г. Витебск

Современная модель потребительского поведения трансформируется под воздействием глобальных макротрендов, связанных с цифровизацией, развитием искусственного интеллекта, демографическими изменениями, распространением принципов устойчивого развития и сохраняющейся экономической неопределенностью. Цель исследования – выявить и концептуально интерпретировать систему взаимосвязанных макротрендов, определяющих трансформацию модели потребительского поведения. Эмпирическую базу составили аналитические отчеты компаний McKinsey, Deloitte, PricewaterhouseCoopers, NielsenIQ и Euromonitor International за 2025–2026 гг., посвященные анализу современных тенденций потребительского поведения[1]. Исследование выполнено с использованием методологии обоснованной теории (открытое и осевое кодирование). Научная новизна заключается в концептуальном осмыслении глобальных макротрендов как взаимосвязанных элементов единой модели трансформации потребительского поведения. В результате открытого кодирования выделены повторяющиеся категории изменений потребительского поведения, которые на этапе осевого кодирования были объединены в шесть взаимосвязанных макротрендов.

Рационализация потребления проявляется в более тщательной оценке соотношения цены и ценности, контроле расходов и перераспределении бюджета в пользу значимых категорий. В отличие от традиционного понимания экономии как реакции на снижение доходов, современная рационализация потребления представляет собой более сложную модель поведения. Потребители продолжают приобретать качественные товары и услуги, однако предъявляют более высокие требования к обоснованности своих расходов и ожидаемой полезности каждой покупки.

Цифровизация потребительского опыта означает, что цифровые технологии становятся неотъемлемой частью всей потребительской траектории от поиска информации до взаимодействия с брендом после покупки. Особое значение приобретают технологии искусственного интеллекта, обеспечивающие персонализированные рекомендации, цифровое сопровождение потребителя и повышение эффективности принятия решений. Цифровизация повышает прозрачность рынка и снижает информационную асимметрию, делая принятие решений более информационно насыщенным и технологически опосредованным.

[1] Buying into Better: The Future of the Consumer Industry / Deloitte. – 2025. – URL: https://www.deloitte.com/nl/en/Industries/consumer/about/the-future-of-the-consumer-industry.html; Top Global Consumer Trends 2026 / Euromonitor International. – 2026. – URL: https://go.euromonitor.com/report-2026-global-consumer-trends.html; The Consumer Sector in 2030: Trends and Questions to Consider / McKinsey & Company. – 2025. – URL: https://www.mckinsey.com/industries/consumer-packaged-goods/our-insights/the-consumer-sector-in-2030-trends-and-questions-to-consider; Consumer Outlook: Guide to 2026 / NielsenIQ. – 2025. – URL: https://nielseniq.com/global/en/insights/report/2025/consumer-outlook-guide-to-2026/; Voice of the Consumer 2025: Middle East Findings / PricewaterhouseCoopers (PwC). – 2025. – URL: https://www.pwc.com/m1/en/publications/2025/docs/voice-of-the-consumer-2025.pdf.

Индивидуализация потребления отражает переход от массовых рыночных предложений к персонализированным решениям, учитывающим особенности конкретного потребителя. Персонализация становится не дополнительным преимуществом, а базовым ожиданием покупателей.

Здоровье как потребительская ценность выходит за пределы медицинских услуг и становится одним из ключевых критериев выбора. Ориентация на физическое и психологическое благополучие влияет на спрос в различных категориях товаров и услуг, превращая здоровье в универсальный фактор потребления и повседневных практик.

Ценностно-ориентированное потребление характеризуется усилением влияния экологических, социальных и этических факторов на потребительский выбор. Помимо функциональных характеристик товара потребители учитывают репутацию производителя, прозрачность цепочек поставок, экологическую ответственность и социальную позицию компаний. В результате потребление все в большей степени становится способом выражения индивидуальных ценностей и жизненных установок.

Смещение потребления от владения к потребительскому опыту проявляется в переходе от владения материальными благами к получению эмоционально значимого опыта. Потребители все чаще инвестируют в впечатления, путешествия, досуг и образование и иные виды деятельности, способствующие повышению качества жизни и эмоционального благополучия.

Полученные результаты свидетельствуют о формировании новой модели потребительского поведения. В отличие от традиционной модели, основанной преимущественно на функциональных характеристиках товара и бюджетных ограничениях, современная модель характеризуется многокритериальным выбором, активным использованием цифровых технологий, ориентацией на персонализацию, ценности и качество потребительского опыта. Проведенный анализ позволяет рассматривать выявленные макротренды как взаимосвязанные элементы единой системы трансформации потребительского поведения. Рационализация потребления усиливает спрос на цифровые инструменты поиска и сравнения предложений; цифровизация создает технологические возможности для персонализации; персонализация повышает значимость ценностных критериев выбора. Интегрирующим элементом данной системы выступает ориентация на потребительский опыт, определяющая качество взаимодействия потребителя с рынком.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования предложенной модели взаимосвязи макротрендов при разработке долгосрочных маркетинговых стратегий, проектировании клиентского опыта и адаптации бизнес-моделей компаний к изменяющимся условиям потребительского рынка.

—— ◆ ——

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

Шанчук А.С.,

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

Развитие предприятий реального сектора экономики происходит в условиях технологического обновления, цифровизации производства и усиления конкуренции. В связи с этим важным источником повышения эффективности становятся не только материальные ресурсы, но и знания, компетенции и опыт, накопленные внутри предприятия. Способность создавать новые знания, использовать имеющийся опыт и внедрять современные технологические и управленческие решения становится одним из факторов устойчивого развития. В связи с этим возрастает роль интеллектуального капитала как ресурса инновационной активности и формирования конкурентных преимуществ.

Интеллектуальный капитал предприятия представляет собой совокупность нематериальных ресурсов, связанных с профессиональными знаниями и компетенциями работников, технологиями, организационными возможностями и отношениями с внешними партнерами. В его структуре обычно выделяют человеческий, организационный и клиентский капиталы.

Основой интеллектуального капитала является человеческий капитал, включающий знания, квалификацию, опыт и способность работников находить новые решения. Для предприятий реального сектора особенно важны инженерные, научно-технические и управленческие компетенции, необходимые для разработки и совершенствования технологий.

Организационный капитал обеспечивает сохранение и использование знаний внутри предприятия. К нему относятся технологии, информационные системы, базы знаний, внутренние стандарты, результаты исследований и разработок, объекты интеллектуальной собственности и другие элементы организационной инфраструктуры.

Клиентский капитал формируется во взаимодействии предприятия с потребителями, поставщиками, научными и образовательными организациями, технологическими и деловыми партнерами. Такие связи расширяют доступ к внешним знаниям и создают возможности для обмена компетенциями и совместной разработки новых решений.

Взаимодействие этих компонентов формирует инновационную способность предприятия. Человеческий капитал обеспечивает создание знаний и идей, организационный – их сохранение и использование, а клиентский – доступ к внешним знаниям и компетенциям. Поэтому результативность инновационной деятельности определяется не только наличием интеллектуальных ресурсов, но и способностью предприятия объединять их для решения производственных и рыночных задач.

Инновационное развитие предприятия не ограничивается созданием новых продуктов и технологий. Оно также включает совершенствование производства, автоматизацию операций, внедрение новых методов управления, повышение качества продукции, сокращение затрат и более эффективное использование ресурсов. Все эти изменения требуют соответствующих знаний и компетенций.

Ключевое значение имеет способность предприятия преобразовывать интеллектуальные ресурсы в конкретные инновационные результаты. Наличие квалифицированных специалистов, технологий или объектов интеллектуальной собственности само по себе не гарантирует повышения конкурентоспособности. Экономический эффект возникает тогда, когда эти ресурсы используются для создания и внедрения решений, улучшающих результаты деятельности предприятия.

Взаимосвязь можно представить следующим образом: интеллектуальный капитал → инновационная способность → инновационная деятельность → инновационные результаты → повышение эффективности и конкурентоспособности.

Результатом такой трансформации могут быть рост производительности труда, снижение издержек, повышение качества продукции, сокращение производственных циклов, расширение рынков и укрепление рыночных позиций предприятия.

Для предприятий реального сектора эта зависимость имеет особое значение, поскольку технологическое обновление требует не только финансовых вложений и оборудования, но и специалистов, способных эффективно использовать новые решения. Поэтому развитие технологий и человеческих компетенций следует рассматривать как взаимосвязанные направления развития предприятия.

Особое место занимает интеллектуальная собственность. Патенты, программные продукты, техническая документация и ноу-хау позволяют закреплять созданные знания и использовать их в дальнейшей деятельности. При эффективном управлении такие активы могут становиться источником дополнительных доходов и устойчивых конкурентных преимуществ.

Таким образом, интеллектуальный капитал является важным ресурсом инновационного развития предприятий реального сектора. Его составляющие обеспечивают создание, сохранение и использование знаний, необходимых для технологического и организационного развития. При этом определяющим является не объем накопленных интеллектуальных ресурсов, а способность предприятия превращать их в инновационные решения и получать от их внедрения конкретный экономический результат.

—— ◆ ——

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНО-ЭКСПЕДИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Шатило С.С.,

ГО «Белорусская железная дорога», г. Гомель

От качества и стоимости транспортно-экспедиционных услуг зависят предпочтения грузовладельцев по выбору перевозчика. Для повышения качества и снижения стоимости данных услуг необходимо совершенствовать технологию перевозочного процесса и сопутствующих операций, разрабатывать эффективные логистические схемы.

Среди перспективных направлений организации перевозочного процесса можно отметить контрейлерные и контейнерные мультимодальные перевозки. Контрейлерные перевозки (пиггибэк) – форма автомобильно-железнодорожной перевозки, когда автопоезда, полуприцепы устанавливают на специальную железнодорожную платформу. Данные перевозки позволяют одновременно использовать преимущества автомобильного и железнодорожного видов транспорта. Они привлекают простотой, сравнительно небольшими затратами времени и средств при перегрузке и доставке контрейлеров в интермодальных автомобильно-железнодорожных сообщениях. Контрейлерные перевозки характеризуются высокой производительностью, надежностью, стабильными сроками доставки по графикам перевозок железных дорог. Вместе с тем они имеют и такие недостатки, как высокие тарифные ставки. Для их реализации требуются инвестиции в специализированные железнодорожные платформы, средства механизации, реконструкцию высоких рамп и др. Стоимость контрейлеров превышает стоимость контейнеров той же грузоподъемности, дороже обходятся их техническое обслуживание и ремонт. Контрейлеры хуже используют грузоподъемность железнодорожных платформ, требуют оснащения последних крепежным реквизитом. Основная проблема при организации данных перевозок – увеличение времени доставки груза и оборота автотранспортных средств за счет накопления автопоездов (полуприцепов) на состав поезда в пункте отправления. В качестве решения этой проблемы предлагается:

- вводить «твердые нитки» графика отправления маршрутного поезда с автопоездами, и тогда водители будут прибывать в пункт отправления к определенному моменту времени, сокращая тем самым время ожидания до отправления поезда;
- добавлять в состав маршрутного контрейлерного поезда платформы с контейнерами, крытые вагоны с ценными грузами и другие вагоны, следующие в данном направлении до станции назначения. На начальном этапе в качестве «ядра» в составе могут быть платформы с контейнерами и крытые вагоны с ценными грузами.

Контейнерные перевозки имеют множество преимуществ. Использование контейнеров позволяет существенно сократить время и затраты на погрузку и выгрузку груза, обеспечить надежную защиту груза от повреждений и утраты во время транспортировки. Кроме того, контейнерные перевозки обеспечивают возможность использования различных видов транспорта: морского, железнодорожного, автомобильного. Это позволяет доставить груз в нужное место максимально быстро и эффективно, выбирая оптимальный маршрут и транспортные средства. Активный рост контейнер-

ных перевозок в последние годы делает все более актуальной задачу создания инфраструктурных условий для перевозки контейнеров в два яруса. По сравнению с традиционными перевозками контейнеров перевозки их в два яруса существенно дешевле, а, следовательно, конкурентоспособнее. Проблемными местами при организации таких перевозок являются габариты тоннелей, контактная сеть. Нужно пересмотреть и технологию работы контейнерных терминалов. Этот процесс должен быть максимально автоматизирован, что приведет к сокращению потребности в сортировочной работе на традиционных сортировочных станциях. Требуются решения по инновациям в области технологической системы «поезд-логистический терминал». Необходимо минимизировать простои в процессе погрузки-выгрузки контейнеров и пакетированного груза, доведя этот процесс до непрерывного конвейероподобного. Наибольший эффект в работе с контейнерными перевозками на стыке «железная дорога – «последняя миля»» даст роботизация.

Развитие цифровых электронных площадок по оформлению грузовладельцами в «личном кабинете клиента» заказа перевозки «от двери до двери» в формате «одного окна» и информационно-управляющих систем по планированию перевозок даст возможность оптимизировать процесс организации перевозок грузов, совершенствовать транспортный сервис, повысить качество услуг. Расширение объемов цифровых безбумажных перевозок на основе юридически значимых электронных перевозочных документов, подписанных электронной цифровой подписью, во всех сообщениях и на различных видах транспорта позволит сократить время на обработку документов и ускорить процесс передачи информации (о грузе и подвижном составе) между различными участниками перевозочного процесса. Разработка и внедрение новой платежной системы, основанной на использовании цифровой валюты как инструмента расчетов, направлены на совершенствование проведения безналичных расчетов в транспортном секторе. Онлайн-страхование грузов дает возможность быстро и просто не только оформить полис, но и получить страховое возмещение. Применение навигационных пломб решает задачи получения актуальной информации о текущем месторасположении вагона (груза) и совершаемыми с ним операциями, контроля отсутствия доступа к грузу, упрощения таможенных и других процедур. Создание цифровой платформы по управлению терминально-складской инфраструктурой позволит повысить эффективность и клиентоориентированность логистической деятельности за счет обеспечения рациональной загрузки мощностей и предоставления возможности клиентам управлять своим заказом в онлайн-режиме в формате «одного окна». Использование логистических роботов, обслуживающих стеллажи, транспортирующих и упаковывающих грузы, является необходимым элементом в складской сфере.

— ◆ —

ПЕРМАНЕНТНЫЕ И СОБЫТИЙНЫЕ БАРЬЕРЫ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ: ТИПОЛОГИЯ ОГРАНИЧЕНИЙ И МЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Штоль Е.Ю.,

кандидат экономических наук, доцент,
НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

В современных условиях, характеризующихся высокой неопределенностью, перед органами государственного управления стоит задача не просто фиксировать наличие ограничений деятельности субъектов хозяйствования, но и разрабатывать меры по их уменьшению. Эффективная разработка таких мер требует понимания природы ограничений: системные проблемы решаются с помощью структурных реформ, а событийные воздействия требуют временных послаблений.

Теоретической основой исследования выступает институциональная экономическая теория [1 , 2], дополненная отраслевыми подходами к анализу финансовых, рыночных, технологических

и кадровых ограничений. Эмпирической базой служат данные лонгитюдных бизнес-опросов промышленных предприятий Беларуси, проведенных НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь в 2009–2025 гг. В основу анализа положено разделение барьеров по динамическому профилю.

Перманентные барьеры присутствуют с начала наблюдений и характеризуются устойчивыми трендами, слабо коррелирующими с макроэкономическими или институциональными шоками. Событийные барьеры порождаются дискретными внешними воздействиями: до события они отсутствуют либо малозначимы, в момент события происходит резкий скачок, после которого возможна постепенная адаптация. Для выявления долгосрочных трендов перманентных барьеров применялся коэффициент корреляции Пирсона [3]; событийные барьеры, по которым отсутствуют данные «до события», анализировались дескриптивно.

Результаты корреляционного анализа показали разнонаправленную динамику перманентных барьеров за анализируемый период. Финансовые барьеры утратили былую остроту: «Недостаток оборотных средств» (r = -0,90), «Высокий процент по кредитам» (r = -0,85), «Неплатежи потребителей» (r = -0,71), «Трудности в получении кредита» (r = -0,66). Их значимость устойчиво снижается, что отражает улучшение макроэкономических условий. Фактор «Налоговая политика», являющийся единственным институциональным барьером среди перманентных, также демонстрирует умеренное снижение (r = -0,57). В то же время факторы «Высокие цены на сырье и материалы» (r = -0,35) и «Недостаток необходимого оборудования» (r = -0,23) снижаются слабо в силу зависимости от внешней конъюнктуры. Единственным барьером с положительным трендом является «Нехватка квалифицированных кадров» (r = +0,41). Рост доли ответов «Ничего не сдерживает» (r = +0,65) подтверждает общее улучшение делового климата.

Событийные барьеры делятся на три типа в зависимости от источника возникновения и механизма воздействия. Институциональные событийные барьеры порождаются действиями государства или международными ограничениями – это изменение налогового или валютного регулирования, введение санкций, ценовое администрирование. Их особенность в том, что они не снимаются адаптацией бизнеса, а требуют изменения самих «правил игры» на уровне государственных решений. Рыночные событийные барьеры, прежде всего связанные с динамикой конкуренции, возникают вследствие изменения структуры спроса и предложения: в момент шока они могут резко ослабевать (уход конкурентов с рынка), но затем столь же стремительно нарастать, когда освободившиеся ниши занимают новые игроки, нередко с более выгодными ценовыми и технологическими условиями. Форс-мажорные событийные барьеры имеют внешнюю немаркетинговую природу – пандемии, стихийные бедствия; они действуют как прямой внешний ограничитель производственной деятельности, и их влияние ослабевает по мере прекращения самого события и снятия связанных с ним ограничений.

Для ослабления перманентных барьеров требуются структурные реформы и поддержание макроэкономической стабильности (для финансовых – контроль инфляции и предсказуемая монетарная политика; кадровых – модернизация образования и миграционная политика; налоговых – упрощение администрирования; сырьевых и технологических – диверсификация поставщиков и импортозамещение); для событийных институциональных – изменение «правил игры» и дипломатические меры (либерализация валютного рынка, альтернативная логистика); рыночных – конкурентная политика и поддержка адаптации предприятий (технологическая модернизация, субсидирование логистики); форс-мажорных – временные послабления (налоговые и кредитные каникулы).

Таким образом, разделение барьеров на перманентные и событийные имеет практическое значение для выбора инструментов экономической политики. Главным долгосрочным вызовом для белорусской промышленности в настоящее время остается кадровый барьер, требующий системных решений, тогда как финансовые ограничения постепенно теряют остроту.

ЛИТЕРАТУРА

1. North, D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance / D. C. North. – Cambridge : Cambridge University Press, 1990. – 152 p.

2. Williamson, O. E. The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting / O. E. Williamson. – New York : Free Press, 1985. – 450 p.

3. Pearson, K. VII. Mathematical contributions to the theory of evolution. – III. Regression, heredity, and panmixia / K. Pearson // Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series A. – 1896. – Vol. 187. – P. 253–318.

ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ТОВАРОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: АДАПТАЦИЯ КИТАЙСКОГО ОПЫТА

Шулейко О.Л.,

кандидат экономических наук, доцент,
Институт экономики НАН Беларуси, г. Минск

Проблема повышения конкурентоспособности отечественных потребительских товаров для Республики Беларусь приобретает особую актуальность в условиях внешних ограничений, усиления конкуренции на внутреннем рынке и необходимости расширения экспортных возможностей. Рост доходов населения и расширение потребительского спроса создают дополнительные возможности для увеличения производства отечественных товаров. Вместе с тем значительная доля импортной продукции в розничном товарообороте ограничивает мультипликативный эффект роста внутреннего потребления для национальной экономики. Поэтому важным направлением экономической политики является обеспечение условий, при которых увеличение потребительского спроса сопровождается расширением производства конкурентоспособных отечественных товаров, повышением их качества, технологического уровня и экспортного потенциала.

Отрасли, связанные с производством потребительских товаров в Беларуси, обладают потенциалом развития, однако сталкиваются с рядом ограничений. К ним относятся необходимость модернизации производственного оборудования, относительно высокая материало- и энергоемкость отдельных производств, недостаточное использование цифровых технологий, ограниченная глубина локализации отдельных компонентов, а также необходимость повышения качества продукции, дизайна, маркетинга.

В отдельных отраслях, прежде всего в пищевой промышленности, сформированы значительные производственные компетенции и экспортный потенциал. Вместе с тем в ряде сегментов производства продукции длительного пользования сохраняется необходимость повышения технологического уровня, качества, дизайна и инновационности продукции для более успешной конкуренции с зарубежными производителями.

Повышение конкурентоспособности отечественных потребительских товаров требует сочетания мер, направленных на совершенствование институциональной и конкурентной среды, модернизацию производства, развитие человеческого и технологического потенциала, а также повышение эффективности государственной поддержки. Особое значение имеет согласование мер стимулирования спроса с мерами, направленными на развитие предложения.

Представляет интерес опыт Китая, где в 2024 г. была запущена политика масштабного обновления оборудования и увеличения спроса на потребительские товары, получившая официальное название «два новых» и включающая два взаимосвязанных направления: масштабное обновление оборудования и обмен старых потребительских товаров на новые. В рамках политики обновления оборудования государственная поддержка направлена на ускорение модернизации производственных мощностей. Для этого используются инвестиционные субсидии, специальные государственные облигации, кредитная поддержка и субсидирование процентных ставок по кредитам на обновление

оборудования [1]. Второе направление связано со стимулированием потребительского спроса посредством программы обмена старых товаров на новые. Меры охватывают автомобили, бытовую технику, отдельные виды цифровой продукции, электровелосипеды и др. Для ряда товаров размер субсидии устанавливается как доля стоимости новой продукции, причем более высокая поддержка предоставляется энергоэффективным товарам.

Таким образом, китайский подход сочетает финансовые стимулы для обновления производственных мощностей и потребления, кредитную поддержку, повышение технических и экологических стандартов, развитие инфраструктуры сбора и переработки старых товаров, а также цифровизацию механизмов предоставления и контроля субсидий. Китайский опыт может представлять интерес для Беларуси, однако его прямое копирование нецелесообразно. Китай располагает значительно более емким внутренним рынком, масштабной производственной базой и существенно большими финансовыми ресурсами государства. Беларусь является малой открытой экономикой с ограниченным внутренним спросом и высокой зависимостью от внешней торговли. Поэтому белорусская модель должна одновременно решать две задачи: стимулировать внутренний спрос на отечественную продукцию и повышать способность белорусских производителей конкурировать на внешних рынках, прежде всего на рынке ЕАЭС.

Перспективным направлением может стать разработка комплексной программы стимулирования обновления потребительских товаров и производственного оборудования. Ее принципиальное отличие от простого субсидирования спроса должно заключаться в увязке мер поддержки потребителей с требованиями к качеству, энергоэффективности, технологическому уровню и конкурентоспособности продукции. Одним из возможных элементов такой программы может стать расширение практики «трейд-ин» для отдельных категорий товаров длительного пользования, прежде всего бытовой техники, автомобилей и отдельных видов оборудования. При этом государственная поддержка должна предоставляться не только за факт приобретения нового товара, но и с учетом его потребительских и технологических характеристик. В частности, более высокий уровень поддержки может устанавливаться для продукции, соответствующей повышенным требованиям по энергоэффективности, экологическим характеристикам, безопасности и сроку службы. Важным элементом программы должно стать развитие системы сбора, повторного использования и переработки старой техники и других потребительских товаров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Report on the execution of the central and local budgets for 2025 and on the draft central and local budgets for 2026 // The State Council of the People's Republic of China. – 2026. – 15 March. – URL: https://english.www.gov.cn/news/202603/15/content_WS69b6055bc6d00ca5f9a09e44.html (дата обращения: 22.09.2026).

КЛЮЧЕВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ОТХОДАМИ НА ОТРАСЛЕВОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Шушкевич А.М.,

кандидат экономических наук, доцент,
НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, г. Минск

Экономическая деятельность субъектов хозяйствования неизбежно приводит к образованию отходов. Обращение с ними рассматривается предприятиями, главным образом, сквозь призму соблюдения природоохранного законодательства. Вместе с тем вовлечение отходов в хозяйственный оборот и минимизация их образования способны не только повысить деловую репутацию предприятия, как экологически ответственного бизнеса, но и оказать положительное влияние на его конкурентоспособность.

Актуальными задачами государственной политики Республики Беларусь в сфере обращения с отходами в соответствии со Стратегией по обращению с отходами производства и потребления в Республике Беларусь, Государственной программой «Экология» на 2026–2030 годы, другими стратегическими и программными документами являются сокращение объемов образования отходов за счет перехода к рациональным моделям потребления и производства, максимальное вовлечение отходов в гражданский оборот в качестве вторичных материальных ресурсов (ВМР), а также снижение негативного воздействия отходов на окружающую среду (рис.).

В кратко- и среднесрочной перспективе на первый план выходят вопросы повышения уровня использования отходов и обеспечения экологической безопасности. Вопросы предотвращения образования отходов носят более стратегический характер и не получили широкого раскрытия в пятилетнем периоде планирования 2026–2030 гг., несмотря на то, что это является главным приоритетом согласно Закону Республики Беларусь «Об обращении с отходами». Вместе с тем в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 гг. отмечена необходимость увеличения количества переделов и глубины переработки отечественного сырья и материалов на предприятиях.

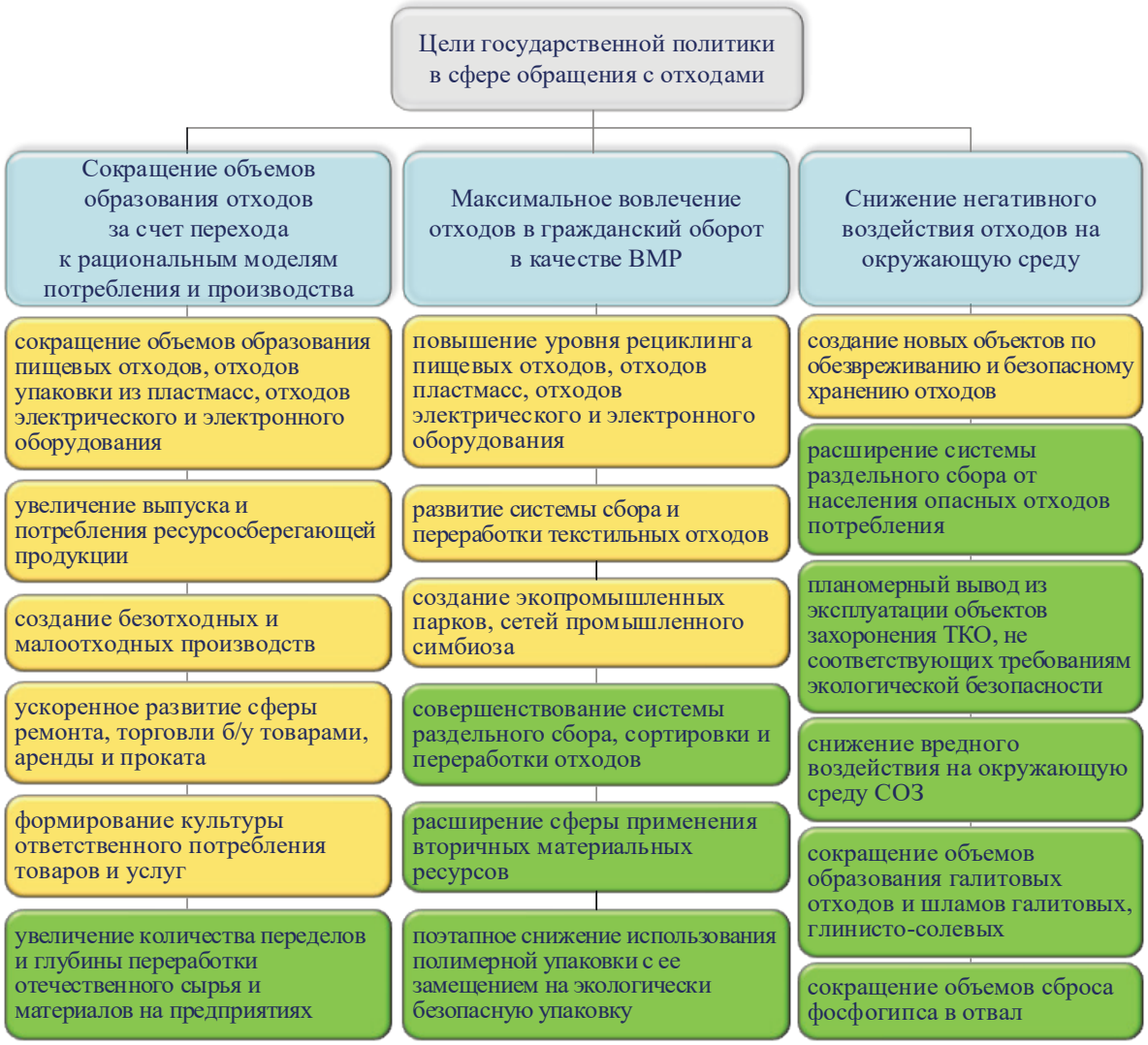

Рис. Актуальные задачи государственной политики в сфере обращения с отходами

Примечание. Оранжевая заливка – задачи стратегического планирования, зеленая – задачи тактического планирования.

Главным индикатором государственной политики в настоящее время выступает уровень использования отходов, который сформирован как в целом для отходов производства и твердых коммунальных отходов (ТКО), так и для отдельных видов отходов − галитовых, фосфогипса, строительных отходов, отходов животного происхождения, осадков очистки сточных вод, нефтесодержащих отходов и др. Вместе с тем действующая система целевых показателей не в полной мере отражает приоритеты государственной политики в данной области. В частности, отсутствуют (либо носят ограниченный характер) плановые показатели по сокращению образования отходов, снижению негативного воздействия отходов на окружающую среду.

С учетом международной практики в перечень целевых показателей эффективности управления отходами (табл.) предлагается дополнительно включить: интенсивность образования отходов производства на ВДС, образование ТКО на душу населения, удельный вес раздельно собранных ТКО и отходов, поступивших на объекты сортировки, и др. Ряд показателей (например, доля перерабатываемой упаковки, уровень использования вторичного сырья в производстве) потребуют дополнительного формирования системы статистического учета и методического обеспечения, поскольку не используются в настоящее время в практике планирования социально-экономического развития.

Таблица

Перечень ключевых показателей эффективности управления отходами

Задача государственной политики	Ключевые показатели эффективности	
	Отраслевой уровень	Региональный уровень
Сокращение объемов образования отходов	Интенсивность образования отходов производства на ВДС Пригодность отходов товаров (упаковки) к переработке	Образование ТКО на душу населения
Максимальное вовлечение отходов в гражданский оборот в качестве ВМР	Уровень использования отходов Уровень использования вторичного сырья в производстве	Уровень использования ТКО Доля раздельно собранных ТКО Доля ТКО, поступивших на объекты сортировки Использование техногрунта и RDF-топлива, полученных из ТКО
Снижение негативного воздействия отходов на окружающую среду	Доля отходов производства, направленных на хранение и захоронение Доля опасных отходов производства (1–3 класса опасности)	Доля полигонов ТКО, соответствующих требованиям экологической безопасности

Расширение перечня ключевых показателей эффективности управления отходами позволит повысить качество управления отдельными секторами экономики и региональным развитием и будет способствовать: на отраслевом уровне – углублению переработки и повышению эффективности использования сырьевых ресурсов, сокращению затрат на производство продукции и повышению добавленной стоимости; на региональном – повышению экономической эффективности деятельности по обращению с ТКО, обеспечению экологического благополучия, повышению социальных стандартов и качества жизни населения в целом.

НАЛОГОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ЗНАЧЕНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Янголь Е.С.,

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск

В условиях глобализации технологического прогресса и растущей конкуренции на мировых рынках человеческий капитал становится ключевым фактором экономического развития. Высокий уровень образования, рассматриваемый как фундаментальная составляющая человеческого капитала, способствует формированию когнитивных и профессиональных компетенций, необходимых для адаптации к динамичным изменениям в мировой экономике.

Образование является фундаментом для устойчивого экономического роста и повышения конкурентоспособности страны. Оно формирует высококвалифицированные кадры, которые могут эффективно работать в различных отраслях экономики, внедрять инновации и создавать новые технологии. Уровень образовательной подготовки населения является одним из показателей, характеризующих конкурентоспособность страны, а также играет ключевую роль в обеспечении улучшения качества жизни людей.

В этих условиях налоговое регулирование в сфере образования приобретает особую значимость, поскольку оно способствует созданию благоприятных условий для устойчивого развития образовательного сектора и его интеграции в национальную экономическую систему. Налоговое регулирование представляет собой комплексную систему мер, направленных на оптимизацию налоговых отношений в обществе: процессы установления, введения, модификации и отмены налоговых обязательств, а также мониторинг и контроль за их исполнением. В контексте образования налоговое регулирование выполняет важную функцию, способствуя созданию благоприятных условий для институционального развития образовательных учреждений, повышения качества образовательных услуг и стимулирования инновационной деятельности. Основные цели налогового регулирования в сфере образования включают:

- обеспечение финансовой устойчивости образовательных учреждений;
- стимулирование инвестиций в образовательные программы;
- поддержку научных исследований и разработок;
- повышение качества образовательных услуг;
- интеграцию образования в национальную экономическую стратегию.

Налоговое регулирование образования включает в себя различные инструменты, которые позволяют стимулировать развитие образовательного сектора и обеспечивать его финансовую устойчивость. Одним из основных инструментов налогового регулирования являются налоговые льготы и преференции для образовательных организаций. Они позволяют снизить налоговую нагрузку на образовательные учреждения, что дает им возможность направлять дополнительные средства на развитие инфраструктуры, повышение квалификации персонала, внедрение инновационных образовательных технологий и проведение научных исследований [1].

Эффективное налоговое регулирование требует баланса интересов государства и образовательных учреждений. С одной стороны, государство должно получать налоговые поступления, которые могут быть направлены на финансирование социальных программ, развитие инфраструктуры и обеспечение экономической безопасности. С другой стороны, образовательные учреждения нуждаются в стабильных и предсказуемых условиях для реализации своих образовательных и исследовательских проектов. Достижение баланса интересов возможно через разработку и внедрение эффективных механизмов налогового регулирования, которые учитывают как потребности государства, так и потребности образовательных учреждений. Это может включать в себя разработку гибких налоговых схем, предоставление консультационной поддержки образовательным учреждениям и создание прозрачных процедур для получения налоговых льгот и субсидий.

Следует отметить, что, эффективное налоговое регулирование способствует привлечению инвестиций в сферу образования. Инвестиции в образование являются важным фактором его устойчивого развития, поскольку они позволяют повысить качество образовательных услуг, развивать научные исследования и инновации, а также формировать конкурентоспособный человеческий капитал. Налоговые льготы и стимулы для инвесторов создают благоприятные условия для частных инвестиций в образовательные учреждения. Это может включать в себя предоставление налоговых кредитов, снижение ставок налога на прибыль для компаний, инвестирующих в образование, и предоставление грантов на проведение научных исследований и разработок [2].

Таким образом, развитие системы образования, а также эффективное использование налоговых инструментов регулирования образования является стратегическим приоритетом большинства государств, поскольку именно образовательный потенциал формирует основу экономического роста, инновационного развития и социальной стабильности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киреева, Е. Ф. Налоговая поддержка образования в целях устойчивого развития в странах ЕАЭС / Е. Ф. Киреева // Экономика. Налоги. Право. – 2023. – № 4. – С. 136–145.

2. Киреева, Е. Ф. Налогообложение образования: мировые и отечественные тенденции / Е. Ф. Киреева, Е. С. Янголь // Инновационное развитие экономики. – 2023. – № 3. – С. 166–174.

—— ◆ ——

INTERNET CONSTRUCTION AND CONSUMPTION STRUCTURE UPGRADING: EVIDENCE FROM CHINA

Gao J.,

Belarusian State Economic University, Minsk

To examine whether Internet construction can effectively promote consumption structure upgrading and whether consumption structure upgrading will have a reciprocal effect on Internet construction, and to fully assess its dynamic effects, this study establishes a vector autoregression (VAR) model based on macroeconomic data from China from 2006 to 2024 to conduct impulse response analysis on the dependency between Internet construction and consumption structure upgrading, and performs variance decomposition analysis on the results to explore the contribution of each to the changes in the other.

Regarding variable setting, referring to the research of Yao et al. [1], this study selects total telecommunications business volume, Internet penetration rate, number of domain names, number of web pages, number of IPv4 addresses, and Internet broadband access ports as proxy indicators for Internet construction, and uses the entropy weight method to measure the level of Internet construction in China during the study period. For consumption structure upgrading, referring to the research of Wang et al. [2], the ratio of the total per capita expenditure on household goods and services, per capita expenditure on education, culture and entertainment, per capita expenditure on medical care, and per capita expenditure on other goods and services to per capita consumption expenditure is used as the measure.

Regarding variable setting, referring to the research of Yao et al. [1], this study selects total telecommunications business volume, Internet penetration rate, number of domain names, number of web pages, number of IPv4 addresses, and Internet broadband access ports as proxy indicators for Internet construction, and uses the entropy weight method to measure the level of Internet construction in China during the study period. For consumption structure upgrading, referring to the research of Wang et al. [2], the ratio of the total per capita expenditure on household goods and services, per capita expenditure on education, culture and entertainment, per capita expenditure on medical care, and per capita expenditure on other goods and services to per capita consumption expenditure is used as the measure.

$$IC_t = \alpha_1 + A_j IC_{t-1} + B_j CSU_{t-1} + \mu_t , \quad (1)$$

$$CSU_t = \alpha_2 + C_j IC_{t-1} + D_j CSU_{t-1} + \varepsilon_t . \quad (2)$$

In equations (1) and (2), IC_t and CSU_t represent the level of Internet construction and consumption structure upgrading in China in year *t*, respectively. A_j, B_j, C_j, and D_j represent the coefficients to be estimated before Internet construction and consumption structure upgrading, respectively. α_1, α_2, μ_t and ε_t represent the constant term and the random perturbation term, respectively.

The impulse response results are shown in Figure. The results show that after a one-standard-deviation innovation shock from Internet construction, consumption structure upgrading does not produce an immediate response in period 0. Instead, it exhibits a slightly increasing positive response in period 1, peaking in period 2. Subsequently, the response of consumption structure upgrading to the Internet construction shock gradually weakens, slowly converging towards 0 from high to low. Similarly, Internet construction, after a one-standard-deviation innovation shock from consumption structure upgrading, also does not produce an immediate response in period 0. However, the difference lies in the fact that the response of Internet construction to the consumption structure upgrading shock exhibits a significantly increasing positive response in period 1, peaking in period 2, and then gradually weakening, slowly converging towards 0 from high to low.

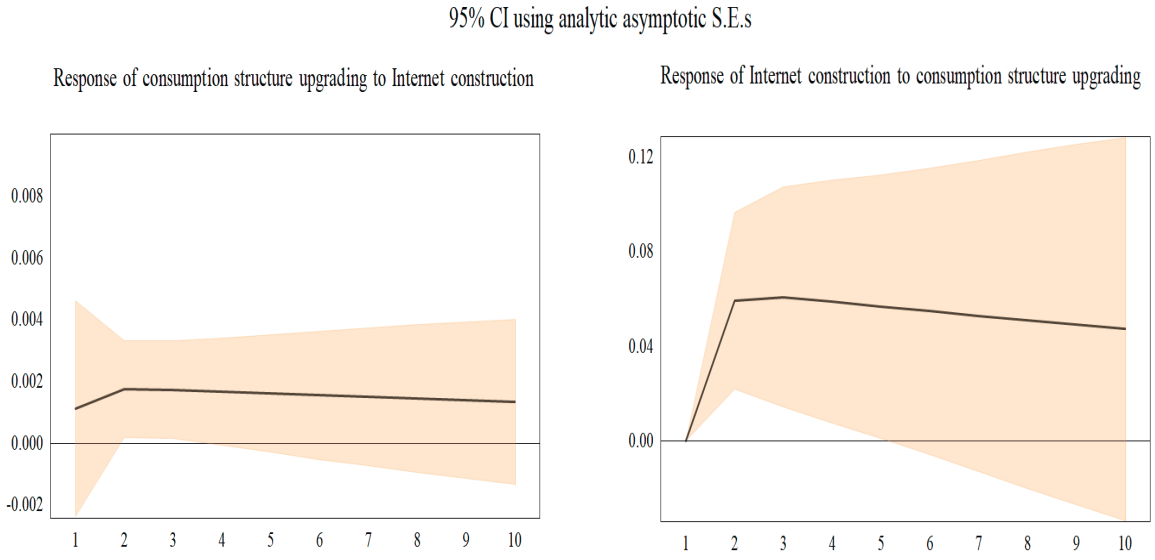

Figure. Impulse Response Analysis

REFERENCES

1. Yao, L. Research on digital infrastructure construction empowering new quality productivity / L. Yao, A. Li, E. Yan // Scientific Reports. – 2025. – № 1. – P. 6645–6659.

2. Wang, L. Mechanisms and effects of the upgrading of consumption structure on household carbon emissions–evidence from the Yangtze River Economic Belt / L. Wang, R. Zhang, W. Geng // Journal of Environmental Management. – 2025. – № 1. – P. 124050–124065.

THE DYNAMIC EVOLUTION OF COMPETITIVENESS IN BELARUS'S REAL ECONOMY SECTOR: AN EMPIRICAL ANALYSIS BASED ON NATIONAL ANNUAL DATA FROM 2016–2025

Jin Ya.

Belarusian State University, Minsk

Research Questions and Methods

Competitiveness relates not only to output and market performance but also depends on capital formation, investment in innovation, and the quality of business operations. This paper will utilize the official statistical information system of the National Statistical Committee of Belarus [1–4]. These indicators–which cover industrial production, agricultural production, fixed capital investment, R&D expenditure as a percentage of GDP, the proportion of industrial enterprises with innovation expenditures, merchandise exports, profit margins on sales, and the proportion of loss-making enterprises–will be used to analyze annual changes in the overall performance of Belarus's real economy and the composition of its indicators.

Methodologically, the entropy-weighted method used in multi-attribute decision-making was adopted to determine the weights [5]. The annual score was calculated using the formula $CI_t = 100\sum w_j z_{jt}$, which was ultimately used to determine which indicators influenced the annual changes in the composite index.

Table

Table 1: Comprehensive Competitiveness Index of Belarus's Real Economy, 2016–2025

YEAR	Entropy Weighted Index (8 indicators)	Changes Over the Year	Equal Weight Index (8 indicators)	Entropy Weighted Index (9 indicators)	Rank(8 indicators)
2016	25.55	—	25.84	25.87	10
2017	61.43	+35.88	62.37	64.18	3
2018	54.68	−6.76	54.80	57.83	6
2019	58.24	+3.56	58.62	59.52	4
2020	53.09	−5.15	52.10	50.85	8
2021	54.72	+1.63	55.81	55.48	5
2022	53.64	−1.08	54.38	47.83	7
2023	77.30	+23.66	78.19	81.27	1
2024	75.68	−1.62	76.47	78.50	2
2025	48.64	−27.04	51.00	—	9

Analysis of Empirical Results

The overall trend in the data follows a pattern of «an initial surge–mid-period fluctuations–and a late-period spike followed by a decline». The analysis indicates that the net improvement from 2016 to 2025 was primarily driven by investment in fixed assets, commodity exports, a decline in the proportion of loss-making enterprises, and R&D investment; robustness tests support this phase-based analysis. Using the same eight indicators, the Pearson correlation coefficient between the equally weighted index and the entropy-weighted index was 0.9983, while the Spearman rank correlation coefficient was 1; the annual rankings were completely consistent.

Summary

Between 2016 and 2025, the competitiveness of Belarus's real economy showed an overall upward trend, but has not yet established a sustained and stable upward trajectory. Policy efforts should focus simultaneously on improving investment efficiency, promoting the diffusion of innovation, enhancing profitability, and optimizing the export structure.

REFERENCES

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь: [сайт]. – URL: belstat.gov.by.

2. Производительность труда, рассчитанная по ВВП/ВРП, в сопоставимых ценах, в процентах к предыдущему году // Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – URL: belstat.gov.by.

3. Удельный вес организаций промышленности, осуществлявших затраты на инновации, в общем числе обследованных организаций промышленности // Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – URL: belstat.gov.by.

4. Рентабельность продаж // Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – URL: belstat.gov.by.

5. Hwang, C. L. Multiple Attribute Decision Making: Methods and Applications // C. L. Hwang, K. Yoon. – Berlin: Springer, 1981.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. Институциональное регулирование и внешнеэкономическая политика 3

Абрамчук Н.А. Методические подходы к оценке интеграционных внешнеторговых положительных эффектов для Беларуси от участия в ЕАЭС в современных геополитических условиях 4

Аксючиц А.В. Ключевые направления углубления экономического сотрудничества с Кыргызской Республикой 5

Ашарчук Я.В. Некоторые аспекты обеспечения ядерной и радиационной безопасности на пространстве Содружества Независимых Государств 7

Байдалов П.А. Влияние структурных дисбалансов на рынке труда на динамику валового накопления основного капитала в Республике Беларусь 8

Белоусов А.В. Сопряжение показателей госпрограмм Беларуси 2026–2030 годов с индикаторами Целей устойчивого развития 10

Бирюкова О.В. Развитие единого рынка услуг в ЕАЭС в условиях внешнеэкономического давления 12

Бондаренко В.М. О влиянии ряда факторов на торгово-экономические отношения и онлайн-торговлю 14

Босько О.В. Цифровизация внешнеэкономических связей: единые тренды и глобальные векторы 16

Булавицкая М.Г. Опыт развития электронного правительства в странах мира 17

Василега В.Г. Регулирование инфляционных процессов: методологический аспект 19

Венгер А.О. Финансовые механизмы электронной торговли во внешнеэкономической деятельности: преодоление разрывов ликвидности и адаптация китайского опыта 20

Верига А.В. Влияние аудита на развитие Донецкой Народной Республики как исторического российского региона 22

Власкин А.В. О наличии взаимосвязи между объемами официальной помощи в целях развития и применением односторонних принудительных мер 24

Воробьёв А.Е. Перспективы торгового сотрудничества Беларуси и Индонезии 26

Годес Н.В. Теория экономической сложности: от измерения знаний к стратегии развития ... 28

Голубеў С.Р., Пуплікаў С.І. Пытанні прагназавання і планавання сацыяльна-эканамічнага развіцця ў Кітайскай Народнай Рэспубліцы 30

Гончар Е.А. Отраслевая декомпозиция экономического роста Беларуси в 2016–2025 гг.: от вкладов к управленческой диагностике 31

Гурская Е.С. Цифровая трансформация таможенного администрирования в Республике Беларусь: эффекты для участников внешнеэкономической деятельности 33

Девликамова Г.В. Международные стратегические альянсы Беларуси 34

Деревяго М.А. Институциональные инструменты оплаты труда в системе инновационного развития фармацевтической отрасли 36

Драгун К.Н. Институциональные барьеры реализации мультипликативного эффекта государственных инвестиций в условиях технологической трансформации экономики Беларуси 38

Дюрова Д.А. Информационно-методическая поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь 39

Жук И.Н. Особенности развития цифровой экономики Республики Беларусь на современном этапе 41

Заливако С.Г. О стратегических документах развития Либерии 43

Зенькович В.Д. К вопросу о консенсуальности договора займа 44

Каско Л.И. Единый портал электронных услуг «Е-Паслуга» как элемент платформенной экономики в сфере госуправления: становление и современное состояние ... 46

Кашинская Н.С. Ключевые факторы экономического роста Китая на современном этапе развития 47

Кисель С.Л. Механизм защиты прав и интересов физических лиц в системе гарантированного возмещения вкладов Республики Беларусь 49

Козловская В.Н. Государственная политика в области поддержки и развития креативного предпринимательства 50

Корнов Д.В. Теоретические аспекты причин и проявлений глобальных дисбалансов в современной экономике 52

Кукса О.А. Развитие инструментов макроэкономического регулирования для поддержания финансовой стабильности 53

Лагодич А.А. Учет поведенческих барьеров в прогнозировании развития топливно-энергетического комплекса Республики Беларусь 55

Левкович А.П. Криптовалюта в трансграничных расчетах в мировой экономике и Республике Беларусь 56

Леонова Н.Е. Параметры оценки нормативных правовых актов мобилизационной подготовки Союзного государства Беларуси и России 58

Литвинюк А.И. Трансграничное взаимодействие стран Евразийского экономического союза ради ускорения: резерв развития Республики Беларусь – связи приграничных регионов 59

Лободенко В.Ю. Альтернативные пути осуществления внешнеторговых расчетов для МСП посредством криптовалюты в Республике Беларусь 61

Луговская И.С. Большое Евразийское партнерство как долгосрочный тренд глобального развития 63

Лукашевич Л.А. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь 64

Мартинкевич М.Ю. Институциональное регулирование платформенной экономики в ЕАЭС 65

Масель Е.Г. Взаимосвязь инфляционных процессов Беларуси и России 67

Матюш И.В. Ценовое регулирование в государствах-членах ЕАЭС 68

Мицкевич И.В. Беларусь и Шанхайская организация сотрудничества 70

Мойсеенок О.В. ЕРИП как элемент платформенной экономики Республики Беларусь 72

Мочкодан О.В. Экономический фактор военной мощи государства 73

Мурашко Д.А., Ряснянский Н.А., Лупоносов А.Д. Цифровые платформы в системе государственного управления: перспективы регулирования и интеграции 75

Назарова Н.В. Обезличенные металлические счета в банковской системе Республики Беларусь ... 76

Недведцкий В.М. Регулирование блокчейн-технологий: вызовы и перспективы ... 78

Николаевский В.В. Когнитивно-деятельностный подход в институциональной экономике: формирование и корректировка государственного бюджета ... 80

Обыдённов А.Н. Имплементация цифровых валют центральных банков и банковский мультипликатор ... 82

Осмоловец С.С. Поведенческий надзор и его развитие в Республике Беларусь ... 83

Рожковская Е.А. Направления и проблемы макрофинансового регулирования структурных преобразований в экономике ... 85

Романюк А.И. Прогнозирование методических узких мест внедрения цифрового рубля в экономику Республики Беларусь ... 87

Русинская Г.Г. Основные направления военно-технического сотрудничества Республики Беларусь на современном этапе ... 89

Сайковская Д.А. Роль маркетплейсов в импорте Республики Беларусь ... 90

Скрябина Т.А. Трансформация механизмов реализации внешнеторговой политики стран в условиях изменения архитектуры мирохозяйственных связей ... 92

Соколинская Т.В. Цифровая зрелость государственного управления: проблема оценки эффективности ... 94

Старовойтова А.Д. Направления совершенствования инструментария оценки влияния структурных изменений на экономический рост ... 95

Сулейков А.А. Специфика использования КНР партийной дипломатии как инструмента обеспечения внешнеэкономической безопасности в регионе Латинской Америки ... 96

Тавгень Е.О. Внешнеторговый потенциал Боливии: возможности для Беларуси ... 98

Телеш И.Л., Чичина А.С. Инвестиции как фактор долгосрочного экономического роста ... 99

Титок И.В. Особенности развития глобального цифрового рынка ... 102

Тихонов А.О. Цифровизация прогнозно-аналитической деятельности: необходимость, этапы и задачи ... 103

Тихонова А.М., Медведева Е.А. Платформенная экономика на финансовом рынке ... 105

Тихонович С.В. Развитие платформенной торговли в Республике Беларусь: текущее состояние, вызовы, решения ... 107

Ткачук Е.В. Цифровая трансформация Сингапура: от электронного правительства к экосистеме умного государства ... 108

Тулейко Е.В. Современные тенденции трансформации мировой торговли ... 110

Турбан Г.В. Цифровые платформы как инструмент развития внешнеэкономических связей ... 111

Филиппова А.В. Преимущества интеграции Республики Беларусь в глобальные цепочки КНР в новой геополитической реальности ... 113

Чжан И. Эволюция модели продовольственной самообеспеченности КНР: от политики «красных линий» к импортозамещающей кооперации ... 114

Чжао Ю. «Зеленые» финансовые инструменты в составе «зеленой» экономики ... 116

Шведко П.В. Структурные приоритеты и инвестиционные возможности экономики Кыргызстана 118

Шеверенко Е.О. Классификация основных продуктов как инструмент гармонизации обязательств в сфере услуг и ее роль во внешнеэкономической политике Республики Беларусь 119

Шульгина О.С. Современные тенденции и перспективы развития электронного правительства в Республике Беларусь 121

Щепов В.А. Институциональные подходы к цифровизации управления экономикой в Республике Беларусь 122

Яковенко Н.А. Стратегии развития агропродовольственного экспорта России в условиях глобальных вызовов 124

Якубук Ю.П. Опыт ЕС по ведению реестров субъектов транспортно-логистической деятельности 126

Chen H. Diversification of Supply Sources in Belarusian National Value Chains as a Tool of External Economic Policy 128

Ning J. A Three-Dimensional Conceptual Model of China's Economic Security: Vulnerability, Resilience, and Strategic Sovereignty 129

Zhang Q. State Regulation of Corporate Social Responsibility for Sustainable Development in China and its Value For Developing Countries 131

СЕКЦИЯ 2. Человеческий потенциал и сфера услуг 133

Алексеева Е.А. Эволюция подходов к оценке производительной занятости 134

Алексеенко Л.Ф. Национальная система квалификаций Республики Беларусь: перспективы развития 136

Андилевко Т.В. Предиктивная аналитика в политике занятости 137

Андреев А.М. Информационные кампании и пропаганда культуры безопасного труда в Республике Беларусь 139

Бабоян Э.Г. Резильентность человеческого капитала сельских территорий 140

Бажина А.А. Платформенная занятость как новая парадигма рынка труда 142

Берёзко Д.В. Юридические клиники вузов как институт развития предпринимательского потенциала студентов: теоретико-методологические основы модернизации бизнес-образования 143

Богданович Е.А. «Серебряная экономика» в Республике Беларусь: стимулирование занятости и адаптация сферы услуг под нужды старшего поколения 144

Бондарь А.В., Мицкевич Ю.А. Услуги «зеленого» общественного транспорта в контексте устойчивого развития 146

Боровик Л.С. Снижение оттока трудовых ресурсов из страны: реальность и меры предотвращения 147

Веремейчик Т.В. Пути повышения туристического потенциала Беларуси 149

Волонцевич Е.Ф. Оценка влияния экономики Российской Федерации на сферу услуг Беларуси 150

Воронецкая Л.Г. Направления цифровой трансформации системы социальной защиты Республики Беларусь 152

Ворошень О.Г. Динамика численности обучающихся в республиканской аспирантуре и докторантуре в 2015–2024 гг. 153

Ганчерёнок И.И., Горбачёв Н.Н., Сахибов А.Р. Человеческий потенциал и искусственный интеллект: учебник для педагогики гибридного интеллекта 155

Герасимчик М.Ю. Инновационная трансформация страховых услуг в Республике Беларусь: современные тенденции и перспективы 157

Гузовская Д.С. Обеспечение кадровой устойчивости дошкольного образования в Республике Беларусь: зарубежные практики и национальные механизмы адаптации 158

Дергай В.Н. Особенности проведения анализа состояния нормирования труда 160

Долинина Т.Н. Оплата труда в Беларуси в контексте обеспечения национальной безопасности 161

Дрейман Е.С. Мировые тенденции в сфере молодежной безработицы 163

Дубовик А.К. Роль институтов и механизмов социального партнерства в защите интересов работников и сохранении стабильности в трудовой сфере Беларуси 165

Дудина О.Ю. Влияние человеческого потенциала на реализацию стратегических ориентиров развития АПК и РХК России до 2030 года 166

Евсеенко В.А. Концептуальный подход к инновационному развитию человеческого потенциала в контексте построения HR-экосистемы 168

Еремян О.С. Совершенствование методики оценки демографического старения населения на основе модифицированного индекса А. Сови 170

Журавлёва О.В. Старение населения в странах Европейского союза 172

Жэнь М. Старение населения в Китае и развитие трудового потенциала пожилых людей .. 173

Зайцева О.В. Эволюция подходов к анализу рынка труда и формирование информационно-аналитической системы: от статистического учета к предиктивной аналитике 174

Казак А.С. Анализ социально-экономической компоненты в белорусской политике по развитию искусственного интеллекта 176

Ковалёв Е.А. Цифровые сертификаты (NFT) как инструмент монетизации культурного наследия Беларуси 177

Кожух Л.П., Бессмертная Е.А. Стратегические факторы и тенденции развития спортивных услуг в Беларуси 178

Корж Г.Г. Структурные изменения в потребительских расходах домашних хозяйств Беларуси в 2015–2025 гг. 180

Корнеевец И.В. Искусственный интеллект как катализатор человеческого развития 181

Костюкова С.Н., Станкевич М.П. Система показателей оценки эффективности реализации государственной программы «Семейный капитал» 183

Крицкая Н.В. Диагностика смены фаз экономических циклов и трансформации рынка труда Беларуси на основе анализа кривой Бевериджа 185

Круглик Д.А. Развитие регионального туризма Беларуси 186

Кулак А.Г. Гендерные различия смертности населения Республики Беларусь и их актуарное значение 188

Кулик Н.Л. Структурные сдвиги в сфере занятости под влиянием когнитивных технологий 190

Лазовская А.Э. Туристические платформы в Беларуси: состояние, проблемы, направления развития ... 191

Лай Ю. Принципы эффективного функционирования системы социального обеспечения в Китае ... 193

Лапуцкая Т.В. Развитие «серебряного» предпринимательства в Республике Беларусь: потенциал, барьеры и перспективы ... 194

Лобанов А.А. Инвестиции в человеческий капитал как фактор развития рыбохозяйственного комплекса России ... 196

Луцевич А.Д. Методические подходы к измерению человеческого капитала на макроуровне ... 198

Мальгина И.В. Развитие социального предпринимательства в сфере здравоохранения и социальных услуг в регионах Республики Беларусь ... 199

Маркидонова А.В. Совершенствование государственного регулирования региональных рынков труда с учетом их специфики ... 201

Маркусенко Л.Н. Трудовой потенциал в ракурсе Целей устойчивого развития ... 203

Масленкова Е.В. Концептуальные основы привлечения иностранной рабочей силы в Республику Беларусь ... 204

Милашевич Е.А. Совершенствование механизма цифровой трансформации системы здравоохранения Республики Беларусь ... 206

Морозова Н.Н. Проблемы кадрового дефицита в туристической индустрии Беларуси и пути их преодоления ... 207

Морозова О.С. Социальное государство и человеческий потенциал в системе государственного регулирования социально-экономического развития ... 209

Мочкодан С.О. Проблемы продвижения белорусской моды как части креативных индустрий ... 210

Мурашко О.Ю. Цифровизация здравоохранения и ее влияние на демографическое развитие ... 212

Носова А.С. Роль социального предпринимательства в инклюзивной экономике Республики Беларусь ... 213

Парфенова Т.А. Человеческий капитал как фактор экономического развития: роль системы непрерывного образования ... 215

Пашкевич О.А. Предложения по привлечению населения в сельскую местность: актуальность и условия реализации ... 216

Пинязик В.Н. Потребительское поведение одиночных домохозяйств ... 218

Пономаренко Е.В., Сапрыгина Д.А. Сетевое взаимодействие вузов как фактор снижения структурной энтропии в системе «образование – рынок услуг» ... 219

Приборович Т.М. От объективных показателей к субъективному благополучию: методология построения интегрального индекса счастья ... 221

Привалова Н.Н. Неформальная занятость: тенденции и социально-экономические последствия ... 222

Пригодич И.А. Концептуальная роль человеческого капитала в экосистеме банка ... 224

Прусенкова Д.И. Стимулирование ИТ-отрасли в Казахстане ... 225

Рачкевич В.А. Влияние нестандартных форм занятости на репродуктивные планы населения 227

Савлук Т.К. Роль бэк-офиса в обеспечении качества туристического сервиса 229

Садовская Т.В. Эволюция роли управленческих кадров в системе факторов экономического развития 230

Сенько А.Н. Совершенствование методов измерения человеческого капитала в сфере государственного управления экономикой 232

Сечко Л.К., Жук Ю.А. Модернизация правоотношений при обеспечении здоровых и безопасных условий труда 233

Сидоров В.П. Человеческий капитал как компонент человеческого потенциала и его оценка 235

Стрижевич А.С. Эффект первого в списке как фактор искажения потребительского выбора в финансовой сфере 236

Томкович М.П. Направления развития правового регулирования платформенной экономики в Республике Беларусь 237

Уставицкий С.А. Аналитический обзор методических подходов к определению человеческого капитала в контексте реализации государственной кадровой политики 239

Фурсевич И.Н. Регулирование академической контрактации в университете 240

Ходас А.К. Трудовые ресурсы СЭЗ Республики Беларусь и трудовая миграция 242

Цыганков Д.Г. Административно-правовой аспект подмены трудовых отношений гражданско-правовыми 244

Чемердовская М.Б. Планирование экономической политики в Японии: от Стратегии роста до плана действий Правительства 245

Черданцев В.П. Важность профессиональной подготовки рыбоводов при развитии сферы услуг аграрного туризма 247

Шаграй М.Г. Методологические подходы к оценке конкурентоспособности предприятий розничной торговли 248

Шаграй П.С. Предложения по совершенствованию организационно-экономического механизма развития сферы деловых услуг в Беларуси 250

Шатило С.Н. Совершенствование оценки условий труда при внедрении инновационных технологий в современном производстве 251

Щипакова Н.Н. Динамика гендерных различий в оценке факторов, значимых при принятии решения о продолжении трудовой деятельности в организации за 2024–2025 годы 253

Юодешко В.И., Борушко А.Г. Приоритеты государственной социальной поддержки пожилых граждан Республики Беларусь в условиях демографического старения 254

Юрова Н.В. Современные социально-экономические формы человеческого потенциала 256

Feng L. Gendered Time Constraints and Labour-Market Outcomes in Belarus: Implications for Human Potential Development 257

СЕКЦИЯ 3. Повышение конкурентоспособности реального сектора экономики 259

Аксеневич А.М. Механизмы цифровой трансформации товаропроводящих сетей белорусских субъектов хозяйствования 260

Алексеева Н.С., Калинина О.В. Проблематика интеграции компонентов силовой электроники в высокотехнологичные производственные цепочки Российской Федерации 261

Амелин М.Ю. Механизм развития прудовых хозяйств в Московской области 263

Артемьев П.П. Совершенствование института антикризисных управляющих как важнейший инструмент промышленной политики 265

Безруких Ю.А. Лесоклиматический проект как инструмент повышения конкурентоспособности предприятий реального сектора экономики: методический подход 266

Белявская С.Л. Потенциал развития малых форм хозяйствования в аграрном секторе Республики Беларусь 268

Беляев В.А. Эффективность биоэкономической системы регулирования промышленного рыболовства 269

Бирюкова В.Ф. Государственная поддержка развития промышленной робототехники в России: состояние, перспективы 271

Бойко Е.В. Совершенствование управления финансовыми потоками мясоперерабатывающей организации: отраслевые особенности и инструменты повышения эффективности 272

Бойко М.В. Влияние высших учебных заведений на повышение конкурентоспособности реального сектора экономики 274

Брель С.А. Влияние диверсификации энергетического баланса на конкурентоспособность экономики Республики Беларусь: количественный анализ 275

Британова А.А. Структурные изменения в ЕАЭС и их влияние на конкурентоспособность 277

Бурачевский А.А. Приоритетные направления технологического развития Food-tech-индустрии Беларуси 278

Ващило А.А. Цифровые коридоры: новые возможности экспорта транспортно-логистических услуг Республики Беларусь 280

Венгер С.О. Императив добавленной стоимости в экономике замкнутого цикла 281

Виногоров Г.Г. Внедрение цифровой трансформации и ее оценка на субъекте хозяйствования как ключевой аспект повышения его конкурентоспособности 283

Витушко Е.А. Комплексная оценка экономического потенциала добывающей промышленности: методические подходы и направления их применения 285

Гануш Г.И. Актуальные в мировом масштабе тенденции развития отраслей пищевой промышленности 286

Герасенко А.В. Систематизация выгод и рисков влияния ТНК на национальные продовольственные системы 288

Гнатюк С.Н. Кадровые риски предприятия: сущность, причины 289

Гончарова А.А. Развитие масложировой отрасли в контексте обеспечения продовольственной безопасности Республики Беларусь 291

Горбач Н.Ф., Манцерова Т.Ф. Управление деловой репутацией организации в модели BSC Plus: баланс между доходностью и устойчивостью 292

Гречишкина Е.А. Ресурсный потенциал предприятия: теоретические подходы и взаимосвязь с эффективностью использования ресурсов 294

Додонов О.В. Высокотехнологическое производство как драйвер роста китайской экономики на современном этапе..... 295

Долматович Н.В. Методика разработки рейтинговой оценки достижения Целей устойчивого развития промышленными организациями Республики Беларусь 297

Дрень С.П. Совершенствование методологии тарифообразования на обращение с ТКО..... 299

Дудников Т.Е., Меткин Д.М. Стратегические модели интеграции компонентов силовой электроники в высокотехнологичные производственные цепочки в условиях обеспечения технологического суверенитета 301

Дюров В.В. Совершенствование экономических инструментов регулирования ресурсоэффективности промышленности Республики Беларусь 302

Езерская Т.А. Развитие системы производственного учета как фактор повышения эффективности финансово-хозяйственной деятельности организации 304

Жудро В.М. Методические аспекты квантового вычисления прогнозных значений динамических цен и объемов продаж белорусских молочных продуктов 305

Иваненко И.С. Конкурентная устойчивость мясопродуктовой цепочки агропродовольственного комплекса России 307

Калинкович В.А. Современная контрстратегия для МСП 309

Каращук М.Н. Тенденции мирового рынка продукции глубокой переработки плодов и овощей и направления адаптации к ним субъектов АПК Беларуси..... 310

Карловская Г.В. Особенности финансового обеспечения внедрения результатов отечественных экспериментальных разработок в Республике Беларусь..... 312

Ковалевская И.М. Цифровизация промышленных предприятий..... 314

Коновалов Ю.В. Системные проблемы развития прибрежного рыболовства в России и пути их преодоления 315

Конончук И.А. Параметры применимости плательщиками методов оптимизации налогов 317

Корсак М.М., Сурдо А.П. Стратегия конкурентоспособной организации Республики Беларусь..... 318

Кротова Н.Г. Цифровая трансформация ГРС: зарубежный опыт внедрения искусственного интеллекта..... 320

Лагун М.А. Циркулярная экономика: зарубежный опыт 321

Лебедевич М.В. Позиции Беларуси и Китая в Индексе экологической эффективности (EPI)..... 323

Маляренко А.В. Искусственный интеллект в строительстве Беларуси: приоритеты внедрения в условиях кадрового дефицита 325

Медведев С.О. Новые стратегии повышения конкурентоспособности российского лесопромышленного комплекса в условиях геополитических и экономических вызовов..... 327

Мисуно И.Н. Зарубежный опыт формирования платы за арендное жилье и возможности его применения в Беларуси 328

Молохович М.В. Особенности развития и реализации корпоративных интересов субъектов рынка овощной продукции 330

Морозова К.Д. Агропродовольственная система как категория современной экономической науки 331

Осипов С.А. Итоги и направления развития государственной поддержки МСП в Республике Беларусь 333

Павловская Ю.В. Ключевые препятствия по достижению технологического суверенитета в промышленности Беларуси 334

Пашкевич И.В. Структурные сдвиги в экономике Китая и Беларуси: компаративный анализ 336

Поздняев А.С. Налоговая политика России как мера стабилизации национальной экономики 338

Попкова А.С. Реформы обеспечения экономического чуда Китая 340

Пшебельская Л.Ю., Ледницкий А.В. Эволюция бизнес-моделей IT-компаний в условиях инновационной экономики 341

Рогова В.В. Оптимизация производственной программы как инструмент повышения конкурентоспособности предприятия 343

Романова О.С., Гутникова Е.В. Национальная система бизнес-образования как фактор повышения конкурентоспособности реального сектора экономики 345

Рутко Д.Ф. Технологическое лидерство как фактор повышения конкурентоспособности и экономической безопасности реального сектора Республики Беларусь 346

Самоховец М.П. Повышение конкурентоспособности аграрного сектора экономики 348

Сапёлкина Е.И. Ключевые компетенции организации – основа устойчивых конкурентных преимуществ 349

Селиванова М. В. Роботизация производства как фактор технологического развития 351

Сидунова Г.В. Источники конкурентных преимуществ в сельском хозяйстве 353

Сипач О.Н. Мировой опыт использования ИИ в нефтегазодобыче 354

Стром К.А. Местные виды топлива в системе обеспечения энергетической самостоятельности Республики Беларусь 356

Угарина Т.А. Реструктуризация отношений собственности как инструмент стратегического развития организаций 357

Цвирков В.В. Направления и приоритеты инновационного развития организаций пищевой промышленности Республики Беларусь до 2030–2040 гг. 359

Цедрик А.В. Научный обзор применения инструмента декаплинга в целях перехода к сбалансированному социально-экономическому развитию в Республике Беларусь 361

Черданцев П.В. Повышение конкурентоспособности регионального молочно-продуктового подкомплекса Пермского края 362

Чубукова Л.В. Трансформация модели потребительского поведения под влиянием глобальных макротрендов 364

Шанчук А.С. Интеллектуальный капитал как фактор инновационного развития и повышения конкурентоспособности предприятий реального сектора экономики 365

Шатило С.С. Перспективные направления развития транспортно-экспедиционной деятельности 367

Штоль Е.Ю. Перманентные и событийные барьеры в промышленности: типология ограничений и меры экономической политики 368

Шулейко О.Л. Повышение конкурентоспособности потребительских товаров в Республике Беларусь: адаптация китайского опыта 370

Шушкевич А.М. Ключевые показатели эффективности управления отходами на отраслевом и региональном уровне 371

Янголь Е.С. Налоговое регулирование образования: значение и направления развития 374

Gao J. Internet Construction and Consumption Structure Upgrading: Evidence from China 375

Jin Ya. The Dynamic Evolution of Competitiveness in Belarus's Real Economy Sector: an Empirical Analysis Based on National Annual Data from 2016–2025 377

Научное издание

Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического разития

Материалы XXVII Международной научной конференции
(Минск, 22–23 октября 2026 г.)

В трех томах

Том 2

Секция 1. **Институциональное регулирование и внешнеэкономическая политика**

Секция 2. **Человеческий потенциал и сфера услуг**

Секция 3. **Повышение конкурентоспособности реального сектора экономики**

Редактор, корректор – Е.А. Сергеева
Верстка – Е.Э. Дробышевская

Подписано в печать 12. 10. 2026 г. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл.печ.л. 45,33. Уч.-изд.л. 41,18. Тираж 99 экз. Заказ № 351.

Издатель и полиграфическое исполнение
ГНУ «Научно-исследовательский экономический институт
Министерства экономики Республики Беларусь»:
ЛП № 38200000015421, действующая с 30.04.2004 г.

220086, г. Минск, ул. Славинского, 1, корп. 1.
тел./факс (017) 271-02-78